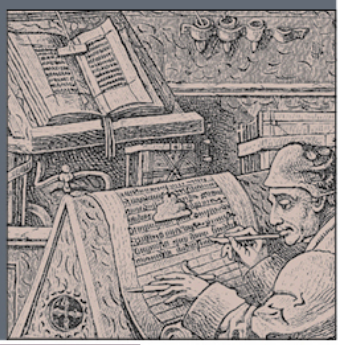


ТРУДЫ
ИСТОРИЧЕСКОГО ФАКУЛЬТЕТА
МГУ

209

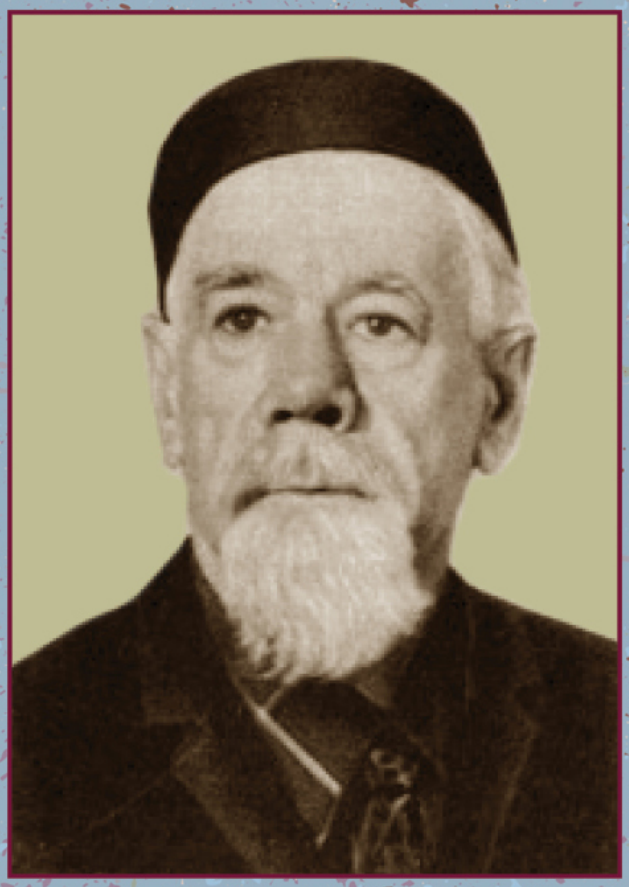
ИСТОРИЧЕСКИЕ
ИСТОЧНИКИ

13

СЕРГЕЙ СЕРГЕЕВИЧ ДМИТРИЕВ

ТОМ III

ПИСЬМА



НЕЗАВИСИМЫЙ
АЛЬЯНС

АЛЕТЕЙЯ

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
имени М. В. Ломоносова
ИСТОРИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ

[209]
ТРУДЫ ИСТОРИЧЕСКОГО ФАКУЛЬТЕТА МГУ

СЕРИЯ I
ИСТОРИЧЕСКИЕ ИСТОЧНИКИ
(13)

Редакционный совет:

академик РАО, д.и.н., проф. Л.С. Белоусов (сопредседатель);
академик РАН, д.и.н., проф. С.П. Карпов (сопредседатель);
д.и.н., проф. Н.С. Борисов;
член-корреспондент РАН, д.и.н., проф. Л.И. Бородкин;
д.и.н., проф. А.Г. Голиков; д.и.н., проф. С.В. Девятов;
д.и.н. О.Е. Казьмина; д.и.н. А.Р. Канторович;
гл.н.с., д.и.н. Л.В. Кошман; Н.В. Литвина; д.и.н., проф. Г.Ф. Матвеев;
член-корреспондент РАН, д.и.н., проф. С.В. Мироненко; к.э.н. С.В. Орлов;
академик РАН, д.и.н., проф. Е.И. Пивовар;
д.и.н. А.В. Подосинов; д.филол.н., проф. О.В. Раевская;
к.и.н. Ю.Н. Рогулев; д.и.н. С.Ю. Сапрыкин;
член-корреспондент РАН, д.иск., проф. В.В. Седов;
д.э.н., проф. В.В. Симонов; к.и.н. О.В. Солопова;
к.и.н. А.А. Талызина

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
имени М.В. Ломоносова
ИСТОРИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ

Сергей Сергеевич Дмитриев

ДНЕВНИКИ

В 4 томах

Том 3
Письма

Санкт-Петербург
АЛЕТЕЙЯ
2023

УДК 82-94+00
ББК 63.3(2)6-8г(2)
Д 534

Печатается по решению Ученого совета исторического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова от 22 декабря 2021 г. (протокол № 7)

Рецензенты:
член-корреспондент РАН *С. В. Мироненко*
доктор исторических наук *Ф. А. Петров*

Дмитриев С. С.
Д534 Дневники: в 4 т. – СПб.: Алетейя, 2023. – (Труды исторического факультета МГУ. Вып. 209. Сер. I: Исторические источники, 13).
Т. 3. Письма / подг. текста, вступ. ст. Е. Н. Мухиной. –574 с.

ISBN 978-5-00165-613-5

Настоящий том включает в себя переписку семьи и коллег профессора исторического факультета МГУ С. С. Дмитриева в 1941—1942 гг., когда он, находясь в эвакуации, преподавал в вузах сначала г. Сталинска, затем – г. Малмыжа. Она существенно дополняет картину повседневной жизни тыла, отраженную в его кратких дневниковых записях того же периода.

Здесь же помещён рассказ С. С. Дмитриева о семье его тестя – священника А. А. Юматова, а также о родословии его самого. Эти сведения позволяют читателям лучше разобраться в родственных отношениях разветвлённых семей Дмитриевых – Юматовых – Голованoвых – Чакалёвых – Журавлёвых и пр.

Издание снабжено подробными комментариями и «Аннотированным именным указателем», помещённым в отдельном – четвёртом томе.
Публикуется в авторской редакции.

УДК 82-94+00
ББК 63.3(2)6-8г(2)

@biblioclub: Издание зарегистрировано ИД «Директ-Медиа» в российских и международных сервисах книгоиздательской продукции: РИНЦ, DataCite (DOI), Книжной палате РФ

ISBN 978-5-00165-613-5
9 785001 656135

© Е. Н. Мухина, подготовка текста, 2023
© Е. Н. Мухина, вступительная статья, 2023
© Исторический факультет МГУ, 2023
© Издательство «Алетейя» (СПб.), 2023

ОГЛАВЛЕНИЕ

Е.Н. МУХИНА. Переписка семьи Дмитриевых 5

ПЕРЕПИСКА СЕМЬИ ДМИТРИЕВЫХ В 1941–1942 гг

Письма С.С. Дмитриева к родным. 1941–1942.

I. [Из Москвы] 12

II. [Эвакуация] 46

III. [В Сталинске] 59

Открытки С.С. Дмитриева к родным с пути от Сталинска до Малмыжа 298

Письма и открытки С.С. Дмитриева к родным из Малмыжа . 299

Письма родных к С.С. Дмитриеву 311

ПИСЬМА К О.А. ДМИТРИЕВОЙ В 1941–1942 гг.

Письма Н.Л. Рубинштейна к О.А. Дмитриевой 538

Письма П.А. Зайончковского О.А. Дмитриевой 558

Письмо Б.И. Рыськина О.А. Дмитриевой 560

Письмо Л.О. Новицкой О.А. Дмитриевой 561

ПРИЛОЖЕНИЯ

Родословие Дмитриевых 563

Родословие Юматовых 566

С.С. Дмитриев. Юматовы 568

Е.Н. Мухина

Переписка семьи Дмитриевых

22 июля 1941 г. в первый раз совершила массированный налёт на Москву немецкая авиация. Через пять дней, стремясь обезопасить себя от бомбёжек, город покинула семья С.С. Дмитриева — его мать Анна Николаевна (бабаня), жена Ольга Алексеевна (Лёля) и сын Игорь (Гога). В конечном итоге семья обосновалась в селе Ильинском Ярославской области — в доме, который в середине 1930-х годов приобрели Ольга Алексеевна Дмитриева, её братья и сёстры для своих родителей — священника Алексея Александровича[A] и его жены Серафимы Галактионовны Юматовых.

Вечером 16 октября 1941 г., накануне введения в Москве осадного положения, вместе с Истфаком МГУ покинул Москву и сам Сергей Сергеевич. Причём они даже не уезжали, а уходили из города пешком по Владимирскому шоссе под грохот бомбёжки и на фоне окрашенного заревом от пожаров ночного неба. В начале ноября Сергей Сергеевич получил назначение на должность доцента и заведующего кафедрой истории Сталинского[B] учительского института и в конце месяца обосновался в этом городе.

В начале следующего — 1942/43 — учебного года, он получил назначение в Малмыж, где в то время находился в эвакуации Московский областной педагогический институт, в котором Сергей Сергеевич работал до начала войны. Сюда к нему в октябре 1942 г. приехали жена и сын.

Всё время, пока семья была разъединена, т. е. с июля 1941 г. по конец сентября 1942 г., она вела интенсивную переписку; старались писать, если не ежедневно, то хотя бы через день; более длительные перерывы между письмами были редки. Таким образом, за год с небольшим накопилось около 300 писем, которые публикуются в качестве приложений к Дневнику.

В начале 1960 г., разбирая семейный архив, Сергей Сергеевич писал: «Писем сохранилось много; моих 207 и ко мне около 100 (не менее 84). Содержание их вполне семейное, бытовое; о делах общих, военных, политических, общественных в то время в письмах писать затруднялись. Как материал для домашне-бытовой истории переписка может быть интересна».

Действительно, про то, что происходило на фронте, в письмах не упоминается. Во многом это объясняется наличием военной цензуры. То, что она была, общеизвестно. Наглядно её присутствие проявляется в штампах «Просмотрено военной цензурой», стоящих на почтовых открытках. На письмах таких штам-

[A] Умер в 1940 г.

[B] Сталинском в 1932–1961 гг. назывался Новокузнецк.

пов нет, поскольку конверты не сохранились. Единственным исключением из этого правила является письмо О.А. Дмитриевой от 15 апреля 1942 г., в котором она объясняет, что купить билет на поезда в Ярославль и из Ярославля невозможно из-за объявленного карантина. Слова «объявлен карантин» густо закрашены чернилами, которые не употреблялись Дмитриевыми, и могут быть с трудом прочитаны при помощи лампы и лупы. Поэтому и на самом этом письме стоит упомянутый штамп.

Но, если читать внимательно, отголоски военных действий можно всё-таки заметить. Прежде всего в ноябре — начале декабря 1941 г. в письмах неоднократно обсуждается возможность «настоятельной», «крайней», «независящей» от семьи необходимости срочно уезжать из Ильинского дальше на восток. В конце декабря — начале января уже упоминается о том, что такая необходимость отпала. Совершенно очевидно, что эти рассуждения связаны с военными действиями под Москвой: до начала контрнаступления Красной Армии очень сильны были опасения, что немцы могут далеко продвинуться на восток и тогда семья окажется в зоне военных действий. Успешное развитие контрнаступления существенно поменяло настроение: «В связи с нашими победами нет, пожалуй, смысла нам забиваться так далеко»[A]. И в начале 1942 г. в переписке стала обсуждаться возможность возвращения в Москву и то, какие действия для этого нужно предпринять.

Но, несмотря на то, что результаты советского контрнаступления под Москвой обнадёживали, всё-таки сохранялась неуверенность в том, как будут в дальнейшем развиваться события. Кроме того, некоторые друзья семьи (и в первую очередь Н.Л. Рубинштейн) настойчиво советовали отложить принятие решения до лета. Совершенно ясно, что это предполагало необходимость согласовывать свои личные планы с тем, как будет складываться ситуация на фронте.

В переписке также неоднократно встречаются упоминания о «гостях»: «Хорошо, что посещение гостями папы и Лены сошло благополучно»[B], «За эти дни нас не забывали гости, были два раза, ну, конечно, и не надоели, да ладно расходу от них немного было, пошумели и ладно»[C], «Жизнь у них за последнее время стала покойней, гости их не посещали»[D] и т. д. Речь шла о налётах немецкой авиации. И ещё примерно о том же: «Пришла открытка от Петра Андреевича из Пензы. Едет далее на юго-запад, ждёт, что завтра-послезавтра (а писал 9/VI) начнутся кусковские прошлогодние развлечения»[E].

[A] Письмо А.Н. Дмитриевой от 24 декабря 1941

[B] Письмо С.С. Дмитриева от 4 января 1942 г. Речь идёт об отце и семье сестры Дмитриева — Е.С. Барановой, проживавших в Ярославле.

[C] Письмо А. Н. Дмитриевой от 15 февраля 1942 г.

[D] Письмо А.Н. Дмитриевой от 25 февраля 1942 г.

[E] Письмо С.С. Дмитриева от 21 июня 1942 г.

Но, конечно, более ценна переписка Дмитриевых информацией о том, что думали, как жили, работали и просто выживали люди в тылу. То, что письма писались почти ежедневно, позволяет не просто получить эту информацию, а буквально прожить вместе с авторами писем и их близкими первый год войны.

Важно отметить, что переписка отражает жизнь не только Сергея Сергеевича в Сталинске и его семьи (матери, жены, сына и тёщи) в с. Ильинском, но и многих других. Все они, например, переписывались с Н.Л. Рубинштейном, П.А. Зайончковским, С.Л. Марголиным, многочисленными родственниками Ольги Алексеевны Дмитриевой в Москве, Ярославской области, в Горьком, получали информацию о своих ленинградских родственниках и т. п. Все получаемые новости Сергей Сергеевич, Ольга Алексеевна и Анна Николаевна пересказывали друг другу в своих письмах. Другими словами, круг людей, о которых мы получаем подробную информацию, достаточно широк.

В отличие от работников предприятий, эвакуированных на восток, коллеги Дмитриева, эвакуировавшиеся одновременно с ним, оказались разбросанными в разные стороны: например, значительная часть преподавателей Истфака МГУ оказалась в Средней Азии, Дмитриев — в Сталинске, Марголин — в Бирске, Рубинштейн[A] — в Саратове, Зайончковский — сначала в Барнауле, затем в Новосибирске и затем добровольцем ушёл на фронт[B]. Конечно, жизнь во время

[A] Письма Н.Л. Рубинштейна, в частности, отразили, насколько резко, непредсказуемо постоянно менялась судьба людей. Первоначально большое беспокойство у него вызывала неизвестность о судьбе его двоих родных братьев, оказавшихся в начале войны в блокадном Ленинграде. Весной 1942 г., казалось, судьба им улыбнулась: им удалось эвакуироваться, и они были направлены для лечения в Кисловодск. «Я рад за братьев, — писал Николай Леонидович в апреле, — там много масла, мёда, зелени, яйца и молоко — и всё намного дешевле, чем в Саратове». И вдруг снова связь обрывается — 14 августа немецкие войска вошли в Кисловодск, причём далеко не всех раненых и людей, находившихся на лечении, удалось вывезти. «Надо же было, чтобы они из Ленинграда попали в Кисловодск — и сейчас переживали всё сначала». (К счастью, братья Рубинштейна успели вовремя уехать и спаслись).

[B] К слову сказать, настроения многих современников Сергея Сергеевича, уходивших добровольцами на фронт, не были свойственны ему самому. В отличие от них, ему — 35-летнему мужчине — даже дежурство на чердаке во время налётов немецкой авиации было в тягость (он сразу же подал заявление о невозможности для него нести дежурство по состоянию здоровья. — См. запись в дневнике от 7 августа 1941 г.). В отличие от Дмитриева считавшийся в то время его другом Пётр Андреевич Зайончковский буквально рвался на фронт. Дмитриев пишет, что Зайончковский сначала добился того, чтобы его призвали в армию, затем категорически отказался от должности преподавателя в одном из военных училищ, заявив, что шёл в армию именно для того, чтобы оказаться на фронте, и в случае отказа готов был продолжать бороться для достижения этой цели.

войны была сложной у всех, но всё же условия жизни в разных местах были далеко не одинаковы. Жизнь Сергея Сергеевича в Сталинске оказалась достаточно комфортной во всех отношениях — жилищном, материальном, в отношении питания (недаром Марголин, характеризовал обеды Дмитриева как «лукулловские») и возможности часто посещать театры и кино.

Куда сложнее была жизнь в Ильинском. Прежде всего, очень остро стоял вопрос о питании, дровах — требовались значительные усилия, чтобы достать и то, и другое. Кроме того, жена и мать Дмитриева наравне с местными колхозниками должны были принимать участие в разнообразных (в том числе и очень тяжёлых) работах: как сельскохозяйственных, так и на лесозаготовках, что (в отличие от самого Сергея Сергеевича) не вызывало у них недовольства. От подобных работ была освобождена только тёща Дмитриева — Серафима Галактионовна, которой в то время было 75 лет. Но именно она стала главным добытчиком продовольствия для семьи: чаще других она совершала постоянные многокилометровые походы по окрестным деревням, стараясь купить какие-либо продукты или обменять их на что-нибудь. А весной и летом именно она взяла на себя труд по работе на приусадебном участке, обрабатывая огород, разводя пчёл, кур и изобретая разнообразные способы решения хозяйственных проблем. Так, например, весной, когда галки свили гнездо над их окном, она вынашивала планы подложить им куриное яйцо, чтобы те его высидели[A]. (Надо полагать, этот план остался нереализованным, так как для этой цели им удалось достать обычную курицу — «клуху»).

Тема питания, пожалуй, центральная в переписке очень остро стояла везде: об этом пишут не только «ильинцы» (как называл в письмах Дмитриев членов своей семьи), но и их корреспонденты в Ярославле, Москве, Бирске. Обсуждение её очень ярко иллюстрирует инфляцию, рост дороговизны (если при приезде семьи в Ильинское литр молока стоил 3 рубля, потом 5, то к концу пребывания семьи в Ильинском — уже 10, 15 рублей). А, главное, деньги практически обесценились: местные жители отказывались продавать продукты за деньги, предпочитая обменивать их на промтовары — скатерть, туфли, платья, бельё, чулки, отрез ткани. Скатерть, которую до войны Дмитриевы стелили на стол, когда приходили гости, удалось, например, обменять на «½ пуда картофели, 2 десятка яиц, 3 фунта сухих чёрных грибов, 1 кило солёных грибов и 400 гр.

[A] Свою лепту в решение продовольственной проблемы внёс и Игорь — летом практически ежедневно ходивший в лес за грибами, ягодами (земляникой и малиной), собиравший щавель и пытавшийся «наладить» рыбную ловлю. Кроме того, вычитав в каком-то журнале рецепт добывания сахара из корней лопуха, попытался смолоть эти корни вместе с рожью.

сливочного масла»[A]. Но со временем вещи, которые можно было использовать для обмена, тоже стали подходить к концу.

Деньги также не особо ценились даже в лавке: здесь соль и спички можно было приобрести за грибы: за 1 кг сушёных грибов — 1 кг соли[B].

Выше уже упоминалось про введение в Ярославле в начале 1942 г. карантина (причём он распространялся не только на город, но и на сельскую местность, где, в частности, были отменены занятия в школах и проводились прививки от тифа). Представляется, что во многом это было обусловлено не просто условиями военного времени, но и тем, что в это время через эту территорию осуществлялась эвакуация населения из блокадного Ленинграда — насколько это было возможно в то время. Эшелоны с ленинградцами направлялись в Ярославль, а там уже прибывшие распределялись по другим городам. Само собой разумеется, что ленинградцы страдали не только от голода, там было много больных людей, некоторые умирали, даже не добравшись до места назначения, их тела нередко сбрасывались с поездов[C]. Всё это не могло не повлечь за собой угрозу возникновения эпидемии.

Транзит эвакуированных ленинградцев в Ярославль сказался также на продовольственном вопросе местного (преимущественно эвакуированного, добывавшего прибавку к своему продовольственному обеспечению путём обмена на промтовары) населения. Естественно, изголодавшиеся ленинградцы пытались обменять на еду всё, что у них было. Были случаи, когда за литр молока для грудного ребёнка мать, не торгуясь, могла отдать золотое обручальное кольцо[D]. И поэтому в прилегающей к железной дороге местности, по словам Ольги Алексеевны Дмитриевой, «началась, буквально, вакханалия мены в связи с проезжающими эшелонами ленинградцев. Нам приходится туго. Теперь и болезни отошли на второй план, прежде всего стоит вопрос питания. Тут уж ничего не поделаешь»[E].

В нашу задачу не входит подробный рассказ о всех затронутых в переписке сюжетах, хотелось только указать на важнейшие из них, чтобы обосновать целесообразность публикации переписки.

* * *

[A] Письмо А.Н. Дмитриевой от 13 мая 1942 г.

[B] Письмо Игоря Дмитриева от 23 августа 1942 г.

[C] Подробнее см.: Фролов М.И. Эшелоны шли в Ярославль. (К 70-летию прорыва блокады Ленинграда) // Военно-исторический журнал, 2012, № 12. С. 36–37.

[D] Про это рассказал мой коллега по кафедре С.Л. Чернов. — Так поступила Ольга Яковлевна Соколовская (его будущая тёща), старавшаяся спасти свою грудную дочку Марину.

[E] Письмо О.А. Дмитриевой от 19 апреля 1942 г.

Переписка С.С. Дмитриева и его семьи включает в себя как письма, так и почтовые открытки. Для того, чтобы понимать, вся ли корреспонденция доходит до адресата (а особенно в первые месяцы войны вероятность утраты писем в дороге была очень высока), С.С. Дмитриев стал нумеровать свои письма и почтовые открытки и предложил так же поступать своим родным. Но этому совету последовала только его мать — Анна Николаевна — и тоже стала нумеровать свои письма, начиная с 1 февраля 1942 г. Письма Ольги Алексеевны и Игоря не пронумерованы.

Сергей Сергеевич начинал нумерацию с № 1 трижды: письма из Москвы — №№ 1–55; из Сталинска — №№ 1–138; из Малмыжа — №№ 1–6[A]. Кроме того, были непронумерованные письма и открытки, отправленные с дороги от Москвы до Сталинска (16 штук[B]) и с дороги от Сталинска до Малмыжа (3).

Порядковые номера писем, отправленных А.Н. Дмитриевой сыну — 1–56.

Благодаря нумерации можно установить, что не сохранились (или не дошли) письма С.С. Дмитриева под №№ 1–3, 6–15, 23–24, 28–29, 45, 50 (из Москвы); 78, 106 (из Сталинска).

Характерной особенностью писем и открыток является то, что у них практически нет полей. Даже в тех случаях, когда небольшие поля первоначально оставлялись, к концу письма они всё равно оказывались заполненными. Письма Анны Николаевны Дмитриевой, к тому же, практически не разделены на абзацы и не имеют красных строк.

Скорее всего это объясняется дефицитом бумаги, о чём нередко упоминается в переписке. Случалось, что Сергей Сергеевич, посылая письмо родным на двойном листе, оставлял третью и четвёртую страницу чистыми, чтобы его родные могли использовать их для ответа. Та же проблема была с конвертами — Дмитриев советовал выворачивать их наизнанку и так же использовать по назначению во второй раз.

Особо хотелось бы обратить внимание на письма Анны Николаевны — в них часто не проставляются знаки препинания — не только запятые, но и точки, поэтому иногда возникают сложности с разделением текста на предложения. При публикации этот дефект, по возможности, устраняется.

Иногда предложения не согласованы, используются такие слова, как: «свешаться» (взвеситься), «спятиться» (отказаться от прежней договорённости), «картофель» (в женском роде — «кило картофели»), «целая галяма» (множе-

---

[A] Иногда некоторые номера повторяются, например, № 19 и 19а, два номера 41 из Москвы и др.

[B] С.С. Дмитриевым было написано 16 писем (по нумерации), их осталось 15. Очевидно, одно письмо было утрачено.

ство). В её же письмах в обращении к сыну чередуются две формы его уменьшительного имени: общеупотребительное «Серёженька» и характерное только для нее «Серёжинька». При публикации особенности авторского текста сохраняются, в случае необходимости оговариваются.

Все отточия и многоточия в текстах всех писем, все знаки вопроса, а также все подчёркивания (обычные, двойные, волнообразные) принадлежат подлиннику.

Употребляющиеся в тексте инициалы без фамилий для удобства восприятия текста читателями без оговорок раскрываются:

Н.Л. — Николай Леонидович (Рубинштейн)

П.А. — Пётр Андреевич (Зайончковский)

А.Н. — Анна Николаевна (Дмитриева)

С.Г. — Серафима Галактионовна (Юматова)

А.А. — Александр Александрович (Эгерт)

П.Н. — Пётр Николаевич (Филинков) и т. п.

Надо заметить, что многие письма из Ильинского писались несколькими авторами: и Ольга Алексеевна, и Анна Николаевна нередко оставляли последнюю страницу для письма Игоря, изредка встречаются краткие приписки тёщи Дмитриева — Серафимы Галактионовны. Поэтому для того, чтобы читатель наглядно представлял, где кончается одно письмо и где начинается следующее, было решено разделять письма прямой чертой во всю строчку.

Переписка семьи Дмитриевых в 1941–1942 гг.

Письма С.С. Дмитриева к родным. 1941–1942.

I. [Из Москвы][A]

4.

30/VII-41 г. 12 ч. утра

Ночь провели совершенно спокойно. До 8 утра спал. Сейчас выкупался. Позавтракал, разобрал свои вещи. Скоро поеду на службу. Пока ещё никто у меня не был. Клавдя[B] с Музой и Настя с ребятами (кроме служащей Зины) временно поехали погостить в деревню по нашей же дороге, километров за 15 от нас. Так что в доме осталось народу совсем мало. Домна хочет поехать к брату в деревню, но пока ещё не купила билета. Вчера первый раз ходил за молоком в оранжерею. Познакомился и принёс две кружки. Вечером сочинил себе кашу сегодня на обед. До свидания. С. Дмитриев.

5.

31/VII-1941 г. 4½ ч. дня

Дорогие москвичи и ярославцы!

Что-то до сих пор не получил ни одного письма от вас, кроме Лениного, но оно ещё от 23/VII. Я живу помаленьку. Вчера вечером приехал меня наведать Борис Владимирович Златоустовский. Он у меня ночевал, сегодня в 2 часа дня вместе поехали в Москву. Перед этим я ходил за молоком. Ночь на сегодня была дождливая, прошла спокойно. Здесь в городе поехал к Николя, у них обедал. Сейчас собираюсь домой, пишу на почте на Кузнецком. От Николая звонил к Сергею Владимировичу[C]. Он в городе. Возможно, что с первых чисел августа начнутся занятия в институте, расписание составлено. Кате скажите, что Николаю Фёдоровичу я много раз звонил, телефон всегда свободен, но никто трубки не снимает. Пишите почаще открытками. До свидания. С. Дмитриев.

[A] Публикуемые ниже открытки и письма хранились в папке, на которой рукой С.С. Дмитриева сделана надпись: «Письма С.С. Дмитриева к родным и письма родных к С.С. Дмитриеву. 1941–1942 гг.».

Не сохранились письма и открытки №№ 1–3, 6–15, 23–24, 28–29, 45, 50, 62, 78, 80, 81, 106.

[B] Так в подлиннике.

[C] Имеется в виду С.В. Бахрушин.

16.

10/VIII-41 г. 2 ч. дня

Вчера получил открытку Лёли от 5/VIII от 5/VIII из Тутаева[A]. Думаю, что в Кирехоти[B] будет неплохо в отношении тишины. Ночь на сегодня прошла относительно спокойно, я лёг спать в 1 час ночи. Сейчас съезжу в город сдать посуду (банки из-под варенья и пр.). Заодно узнаю, как бы послать Вале книги бандеролью и можно ли переслать Игорю корсет, хотя бы в Ярославль. Получил на днях письмо от Лёни, отправленное с каким-то знакомым, ехавшим к нам. Если здесь бывают машины, то всего лучше бы послать корсет с ними; я об этом вчера папе писал. Отправляю это письмо по новому адресу, наверное, долго пройдёт. До свидания. Всем привет. С. Дмитриев.

17.

Дорогая Лёля, 9/VIII получил твою открытку из Тутаева, писанную на пути в Кирехоть. Вчера писал вам по новому адресу. Сегодня пишу ещё и Лене в ответ на вчера полученную от неё открытку. Дома у меня пока всё благополучно. Вчера с Петром Николаевичем дежурили, легли спать в 3 часа ночи. Утром ходил за молоком, купался. Сейчас поеду в город — узнать о возможности пересылки корсета Игорю, а также купить крупы, пряников или баранок (можно взять вместо хлеба), а потом в Историческую библиотеку и к Николаю Леонидовичу обедать. Бабаня, почему это папа ничего мне не пишет, так после вашего отъезда ни одного письма и не было. Тебе прислала одно письмо тётя Катя (я писал, но повторю). Там всё благополучно, Миша и Лёша[C] в городе. Напиши ей, я не знаю её точного адреса. Лёля, дня через 3–4 я зайду в твою школу и узнаю, насколько продлён твой отпуск. Тогда напишу. Гога пусть пишет о деревенских впечатлениях. До свидания. Серафиме Галактионовне привет, хорошо, если бы она с вами осталась. С. Дмитриев.

18.

12/VIII-41. 10 ч. утра

Вчера узнал на почтамте, что корсет Игорю можно будет переслать посылкой. Боюсь только, как бы его при пересылке не поломали. Лучше послать его с машиной к папе, если машины здесь бывают. Спишитесь с папой, я бы мог куда

[A] Тутаев (до 1918 г. Романов-Борисоглебск) — административный центр Тутаевского района Ярославской области.

[B] Деревня (ранее село) Кирехоть Даниловского района Ярославской области.

[C] Имеются в виду двоюродные братья С.С. Дмитриева, проживающие в Ленинграде, — Михаил и Алексей Георгиевичи Ивановы, сыновья Екатерины Евдокимовны Ивановой (родной сестры матери С.С. Дмитриева — А.Н. Дмитриевой).

нужно корсет занести. Если же посылкой, то куда адресовать? к вам, на Рыжиково, или на папу или Лену? Ответьте, что думаете. Сегодня буду звонить — готов ли ещё корсет. Ещё раз сообщаю, что в школе твоей, Лёля, я был 28/VII и подал заявление об отсрочке отпуска; Кремнёва обещала отсрочить. Числа 17–20/VIII схожу ещё раз в школу, чтобы окончательно уточнить всё. Дома всё в порядке, ночь прошла сегодня тихо, довольно спокойно, легли спать в 2 часа. Узнайте, где у вас ближайшее почтовое отделение (Рыжиково, наверное, рыжиков вокруг много), если слать корсет посылкой, то придёт, ведь, на него. Кошка ужасно растолстела, что с ней буду делать, не знаю. Каждый день купаюсь. Один раз была Наташа. Борис Владимирович уехал под Горький. До свидания. С. Дмитриев.

P.S. Сейчас дозвонился — корсет готов, теперь буду его выкупать и как-нибудь пересылать.

19.

13/VIII-41. 12 ч. дня

Вчера получил письмо от бабани от 7/VIII из Кирехоти и открытку Лёли от 6/7 августа из Тутаева и Кирехоти. Очень рад, что вы все, наконец, устроились и все вместе. Правда, езда туда довольно сложная, но что же делать, зато пока будет довольно тихо, а это для здоровья Игоря и вас всех очень важно. Сегодня вместе с этой открыткой посылаю вам и первое своё письмо (19а), в котором более подробно напишу о своём житье. Ночь на сегодня прошла весьма спокойно и тихо. Дома всё пока в порядке. Сейчас жду — принесут молоко от Зариновых, скипячу его и поеду в город, в библиотеку, занятия у меня ещё не начались. Корсет Игоря готов, через несколько дней его получу и постараюсь к вам переслать или посылкой по почте — я уже говорил — обещали на почтамте принять, или оказией — сослуживец Дмитрия Леонидовича Рубинштейна едет дней через 7–10 в Ярославль, может быть он возьмёт. Привет вам всем. С. Дмитриев.

19а.

13/VIII. 12½ ч. дня. 1941 г.

Дорогие москвичи, сегодня посылаю вам это письмо и открытку[A], для опыта — что быстрее придёт. Вчера получил письмо от бабани от 7/VIII из Кирехоти и открытку Лёли 6/7 августа из Тутаева и Кирехоти. Так что от вас письмо и открытка, посланные одновременно, в один день и пришли.

Я очень рад, что вы добрались до места благополучно и поселились все вместе. Думаю, что у вас в деревне будет тише и спокойнее, чем в городе. Я

[A] Открытка не сохранилась.

считаю, что по крайней мере ребятишек Лениных тоже бы нужно не задерживать, переправить в деревню. Бабаня писала, что в Жумнове[A] можно устроиться, да и Лена мне об этом же писала, но из её открытки я понял, что в ближайшее время они не собираются их везти, а я бы это им советовал сделать. Будете им писать — передайте моё мнение. Сам я об этом Лене и папе писал. Но из ваших открыток и писем вижу, что не всё доходит и потому повторяю.

Очень хорошо, что и Серафима Галактионовна с вами, она человек большого опыта и с условиями жизни в деревне хорошо знакома.

Текущие дела таковы:

У Лёли в школе я был 28/VII. Видел Кремнёву, подал заявление о продлении отпуска, обещала продлить. На той неделе зайду ещё раз и, если будет нужно, то подам заявление об уходе. Впрочем, кажется, в старших классах начала занятий ещё не видно.

Корсет Игорю готов, вчера я звонил — можно получить. Теперь вопрос — как вам его переслать? Думаю о трёх возможностях. Во-1-х на почтамте обещают принять посылкой на ваш адрес, но, боюсь, не повредили бы его в пути при доставке. Во-2-х, сослуживец Дмитрия Леонидовича Рубинштейна дней через 7–10 поедет в Ярославль, куда эвакуирована его семья. Дмитрий Леонидович с ним будет говорить — возможно, он возьмёт корсет с собой и оставит в Ярославле у своей семьи, а вам уже через папу или Лену придётся его раздобыть по указанному адресу. В 3-х, писал я папе и Лёне — не ходят ли машины сюда к нам; тогда я бы мог свезти его к шофёру, где будет машина стоять, а он бы доставил в Ярославль. Вы тоже у отца об этом узнайте и напишите мне. Если уж корсет без этого переплавлю, то может можно будет кое-какое барахлишко ещё в Ярославль переслать — немного книг для Игоря, возможно, Лёле её учебные, кое-что из оставшихся вещей.

Мои дела обстоят так:

Живу помаленьку. Народу в доме осталось немного: я, Пётр Николаевич, Шалимова, иногда ночует её мать старушка, Домна, Зина. Настя с другими ребятами и Клавдя с Музой переехали по нашей дороге за Обираловку 2-я остановка, станция Купавна. Здесь бывают изредка днём. Пётр Николаевич устроился работать на кирпичный завод в Лосиноостровской по Северной железной дороге. Дома ночует не каждую ночь.

Мне пока в своём институте пришлось дежурить только один раз, остальные ночи провожу дома. Два-три раза ночевал у меня Борис Владимирович, но числа 8–9, кажется, он был мобилизован и уехал под город Горький, а семью

[A] Первая буква написана неясно.

свою (жену и маленького сына Владимира) ещё раньше отправил он в Иваново. Один раз ночевал у меня Пётр Андреевич, приглашал гостить к себе на дачу в Гучково, но я ещё не собрался. Один раз, день на третий после вашего отъезда, была Наташа и ночевала. Я к ним заезжал раза два. Теперь собираются ко мне приехать Дмитрий Леонидович с Бернардой.

В институте, в ИФЛИ и МГУ, говорят, работа для меня будет, занятия начнутся с 1 сентября как обычно.

Сейчас прервал письмо — пришла учительница русского языка Мария Григорьевна, спрашивала, будет ли Игорь к началу учебного года. Тебе, Гога, она шлёт привет и лучшие пожелания. У них, т. е. в Кусковской школе, предполагают начать учебный год с 1 сентября, но в Москве как будет она не знает.

Продолжаю далее. С ополчением пока ещё ничего не слышно, но думаю, что придёт срок, и могут вызвать. До настоящего времени, впрочем, из наших никто не вызван.

С питанием у меня обстоит так: через день езжу обедать и пить чай к Николаю Леонидовичу, обычно после работы в Исторической библиотеке, часам к 5–6, домой от него возвращаюсь часам к 8–9. В другие дни обедаю или в рабочей столовой напротив нашего института, где отпускают хлеб и мясные блюда по талонам карточек, а прочее так. Обед обходится в 3–4½. Или же дома — на первое сочиняю бульон из кубиков, на второе овсяную кашу, на третье чашку молока с печеньем и пряником. Молоко беру у Зариновых по 1-50 р. кружку, через день 2–3 кружки. Яйца, сыры, сметана продаются так в городских магазинах. Появились на мясные карточки разнообразные колбасы — покупаю грудинку и копчёную колбасу. Вместо хлеба можно брать пряники (за кило хлеба дают 750 гр. пряников), баранки или печенье (за кило хлеба 500 грамм того или другого). Борис Владимирович, уезжая, оставил мне кое-что, так что у меня хлеба, баранок, пряников, колбасы, масла и крупы на август обеспечено.

Николай Леонидович думал было поехать от Наркомпроса в какой-нибудь провинциальный ВУЗ сроком на год, но оказалось, что на год не отправляют, а бессрочно и брони на московскую квартиру не дают. Поэтому он передумал и хочет устроить Полину Петровну где-нибудь под Москвой на даче, лучше всего по Северной дороге, там спокойнее. 5 часов дня. Письмо прервал и уехал в Москву, чтобы не пропускать поезда. Дописываю в Исторической библиотеке. Купил колбасы 300 гр., 900 гр. галетов и 600 чёрного хлеба, 200 масла, так что взял всё, что полагалось до 15/VIII. Сидели сейчас с Николаем Леонидовичем. Он шлёт вам привет и подумывает не отправить ли мать в Ярославль к Анне Алексеевне. Как вы думаете, комната ещё свободна? Впрочем, наверное, он ещё сто раз передумает.

Ночи проводим сравнительно спокойно, в городе похуже было до сих пор, но, в общем, ничего.

Библиотеку закрывают через 5 минут и просят выходить, так что письмо кончаю. Ну, главное, кажется, всё написал. 15/VIII поеду к Трояновскому в библиотечно-библиографическое издательство — не удастся ли получить недостающие 300 рублей, а 16/VIII, думаю, если всё будет в порядке, съездить за корсетом Игоря.

Ну, до свидания, целую вас всех и желаю всего лучшего.

Говорят, что из Москвы письма и вообще корреспонденция движется медленнее, чем к нам.

Привет всем. С. Дмитриев.

20.

14/VIII-41 г. 11 ч. утра

Вчера отправил письмо и открытку и получил открытку Лёли от 9/VIII, посланную Серафимой Галактионовной из Данилова. Очень огорчился известием о 250 граммах. Лёля, не есть ли это творчество местных людей? Стоило бы добраться до секретаря Даниловского райкома партии или райисполкома и поговорить о больном сыне и жене профессора Дмитриева, эвакуированных оттуда-то и о 250 граммах. Думаю, что может помочь. Ночь на сегодня прошла без всяких тревог. Сейчас прерву письмо и поеду получать корсет для Игоря; допишу в городе.

2 часа дня. Продолжаю писать с протезного завода. Корсет готов, они берутся его сами запаковать и переслать прямо на ваш адрес в Кирехоть. Хотя и не обещают это сделать сразу, но всё же в ближайшие дни 10–15 думают, что отошлют. Так что решил корсета не брать, подал им заявление о пересылке его вам, и буду или звонить, или заходить к ним. Всё-таки я считаю, что через них с доставкой будет вернее, чем частным порядком. За корсет нужно уплатить было ещё 55 рублей, я не платил, не платил и за пересылку. Вся сумма будет взыскана на почте с вас, т. е. в Рыжикове. Теперь поеду в библиотеку и к Николаю Леонидовичу обедать. Привет бабане и Гоге. С. Дмитриев.

21.

15/VIII-41 г. 11 ч. утра.

Вчера от вас не получил писем. Дома всё в порядке, ночь на сегодня прошла совершенно тихо. Был вчера в протезном институте, они взялись сами выслать упакованным по вашему адресу корсет Игорю. Доплата за корсет (55 рублей) и стоимость пересылки будет получена с вас на месте, я не платил. 13/VIII получил открытку от Лёли с известием о 250 гр. хлеба, был огорчён. Не

стоит ли обратиться в райисполком к секретарю по этому вопросу. Больной сын и жена профессора, быть может, могли бы получать иное. Стоило бы, Лёля, поговорить. Папа что-то совсем ничего не пишет, или я не получаю. От Лены была одна открытка. Писанная на другой день после вашего отъезда из Ярославля. Зачем поехала бабушка в Ильинское, узнать о возможности там поселиться или только к дедушке на могилу? Держите связь с папой, и если они куда поедут подальше, то и вам от них отставать не нужно. Я жив и здоров, бабаня, не грусти, что уехала, в семье ты нужней, чем здесь, и тебе лучше. Целую вас всех. С. Дмитриев.

22.

16/VIII-41 г. 12 ч. дня

Вчера получил открытку от Лёли от 8/VIII, а позавчера от 9/VIII. Наверное, и мои к вам идут также. Жаль, что вблизи нет школы, а то хорошо бы тебе, Лёля, устроиться преподавать. В школу твою пойду на той неделе (завтра воскресенье). Игорю корсет готов и протезный завод сам взялся его вам переслать. При получении на почте вам нужно будет уплатить 55 рублей доплаты за работу и стоимость пересылки. Всё-таки от завода придёт вернее. Ночь на сегодня прошла сравнительно тихо, дежурили мы с Петром Николаевичем. От 2½ до 4 ч., а потом отправились спать. Сейчас поеду в город, зайду проведать Наташу и там вам допишу эту открытку.

2 часа 40 минут. Пишу от Наташи. Застал её дома, она неделю бюллетенила по своим делам, но, в общем, всё обошлось благополучно, завтра пойдёт на работу. Александра Александровича дома нет, он скоро придёт, он устроился на работу в комитете. Наташа выглядит ничего, сидит, читает ваши письма и стряпает обед. Чакалёвы прислали письмо из Куйбышевской области, они там все. К Наташе заходит иногда Четверухин. Вам всем кланяется Николай Леонидович. Он теперь думает поехать в Томск. Сегодня к нему не пойду, буду обедать у Наташи. Жива, здорова, целую всех крепко. Наташа.

25.

Вторник[A] 19/VIII-41 г. 3½ ч. дня

Дорогие москвичи. Вчера получил второе ваше заказное письмо и сам решил вам попробовать послать тоже заказное. Ваши письма ко мне идут, очевидно, быстрее, чем мои к вам. Вчера, т. е. 17/VIII, пришли открытка Лёли от 12/VIII и заказное письмо от бабани от13/VIII, т. е. на 5–6 день.

[A] Слово «вторник» надписано над зачёркнутым словом «среда».

Дорогая бабаня, напрасно ты там огорчаешься. Я здесь живу совсем неплохо. Каждое утро купаюсь. А иногда ещё и днём. Беру у Зариновых через день по 2–3 кружки молока. Через день обедаю у Николая Леонидовича, когда занимаюсь в Исторической библиотеке. В субботу обедал у Наташи, где провёл почти весь день. Александр Александрович устроился на временную работу, как раз в субботу, т. е. 16/VIII он первый раз пошёл на службу. Наташа выглядит ничего. У них, когда я сидел, побывали Толя и Михаил Афанасьевич Журавлёв. Последний усиленно приглашал меня к себе в гости, на день-два, а то и на неделю. Быть может, я и съезжу. Когда не бываю у Николая Леонидовича, то обедаю в столовой, обед из 2-х блюд (2-е мясное или яичница) стоит рубля 3–4, после обеда беру, если есть, бутылку пива. Работы у меня ещё пока нет и домой обычно возвращаюсь часов в 6–7. Дома кормлю Муську, которая ужасно растолстела, грею чай. Гостили у меня, как я и писал вам, но повторю, так как письма могли не дойти, Борис Владимирович, Пётр Андреевич, Наташа. Ночь дома дежурим во время тревоги (а если тревоги нет, то без всякого дежурства спим) с Петром Николаевичем. Настя с ребятами собирается уехать на родину в деревню. А Клава с Музой, возможно, что скоро из Купавны вернутся обратно к нам. Тревоги теперь гораздо более тихие, нежели были при вас. Дома и вообще в Кускове пока всё обстоит сравнительно благополучно. В нашем доме всё в порядке.

Получаю почти ежедневно открытки от вас и папы. Из Ленинграда, кроме одного письма от тёти Кати, ничего не было. Чакалёва Таня прислала Наташе письмо из Куйбышевской области. Они все там. Вам я пишу ежедневно. Это моё 25-е послание, но, очевидно, не всё до вас доходит.

Из текущих дел расскажу два:

1. Корсет Игорю готов. 14/VIII я ездил в протезный институт. Они взялись сами его по вашему адресу выслать упакованным как быть следует. Доплатить за изготовление его нужно было 55 рублей. Я не доплатил. Эти деньги будут взысканы с вас, так же, как и стоимость пересылки корсета. Числа 22–25 буду и звонить или заеду, чтобы узнать выслали ли.

2. В школе Лёли был ещё 28/VII и подал Кремнёвой заявление о продлении отпуска. Она сказала, что продлит. Сегодня я звонил ей, но секретарь школы сказал мне, что она уехала к школьным детям в Милославск и будет только 21-22 августа. Тогда зайду ещё раз в школу.[A]

Борис Владимирович шлёт вам привет. Он ожидает скорой отправки в действующую армию.

В городе в магазинах появилось много разной снеди: свежие огурцы по 3=3½ р. кило, арбузы по 3 руб. кило, иногда бывают яблоки, кабачки. В булоч-

[A] Далее зачёркнуто «3)».

ных можно покупать хлеб с большим выбором. Можно вместо хлеба брать печенье (500 грамм вместо кило хлеба), баранки и пряники (750 грамм вместо кило хлеба). Молоко у Зариновых в старой цене, по 1-50 кружка.

Почему, на каких условиях вы дёргаете лён? Чтобы не ходить вам ежедневно за хлебом — пусть бы ваша хозяйка, как женщина местная, сговорилась с какой-нибудь жительницей того места, где вы берёте хлеб, о том, чтобы она получала на вас ежедневно, а вы бы брали раза два в неделю. Бабаню и всех вас ещё раз прошу настоятельно обо мне не беспокоиться и всяких ужасов себе не воображать. Нет никаких для этого оснований. Побольше заботьтесь об устройстве своей жизни; скорее нужно бы кончать с расстройством животов.

Цветы Гоги растут вовсю, помидор очень большой, настурции яро цветут. Переписываетесь ли вы с папой? Я послал ему в воскресенье бандеролью несколько книг. Хотите и вам вышлю. Напишите, какие нужны.

До свидания. Целую вас. С. Дмитриев.

26.

20/VIII-41 г. 5 ч. дня

Дорогие Лёля, Игорь и бабаня, теперь ещё можно, наверное, и к Серафиме Галактионовне обращаться; она, поди, приехала. Вчера получил открытку Лёли от 13/VIII о возможности читать местную газету ежедневно. Это хорошо. Но вот напрасно Лёля ничего не сообщает о том, стали ли вы, наконец, получать мои письма и открытки, я ведь их даже нумерую, а знаю лишь, что открытка от 31/VII до вас дошла, а о дальнейших ничего не знаю. Пишите. Вчера звонил к Лёле в школу, но Кремнёва уехала до 21–22 августа к детям (школьным) в деревню, так что нового ничего не узнал. Сейчас поеду в город: сначала к Николаю Леонидовичу обедать, потом в библиотеку. Там допишу и отправлю эту открытку. Дома всё в порядке. Ночь прошла совсем спокойно.

7 часов вечера. Дописываю письмо после обеда. В библиотеке встретил Петра Андреевича, с ним вместе сейчас поедем ко мне ночевать. Кошка, видно, собралась котиться, пищит и залезла в таз с тряпками. Настя с ребятами собирается уехать в деревню. Пётр Андреевич шлёт привет. С. Д.

27.

21/VIII-41 г. 2 часа дня

Вчера получил открытку Лёли от 10/VIII. Хорошо, что ваши дела понемногу устраиваются. Сейчас звонил Кремнёвой, но она ещё не вернулась в город. Ночь на сегодня прошла совершенно спокойно. У меня гостили и ночевали Пётр Андреевич и Соломон Лазаревич. Утром поехали все в город, заходили к Николаю Леонидовичу, его не застали. Они собираются уехать, вероятно, в

Томск. Вчера, когда мы приехали ко мне домой, то нашли приращение семейства: Муська принесла 5 котят. Что с ними теперь буду делать — ума не приложу. Домна не берётся их убрать, придётся ещё кого-нибудь искать.

Дозвонился сейчас в протезный институт. Корсет Игорю сегодня выслали почтой, посылкой, наложенным платежом. Интересно, когда он прибудет к вам. За него нужно будет доплатить 55 рублей + за упаковку + за пересылку. Ну, я очень рад, что хотя его выслали. Уж, наверное, как-нибудь дойдёт до вас. До сих пор не знаю, село или деревня Кирехоть?

С. Дмитриев.

30.

Воскресенье 24/VIII-41 г. 3 ч. дня

Дорогие москвичи! Что-то и от вас стали приходить письма медленнее, чем сначала. Вчера, вернувшись домой, нашёл открытку Лёли от 14/VIII, где она сообщает о возврате бабушки из Ильинского. Из открытки мне неясно, почему же всё-таки, может быть, вы и отправитесь в Ильинское? Будет ли там лучше? Или ваши хозяйки хотели бы остаться на зиму одни? Удивляюсь, почему вы от меня не получаете открыток, я их регулярно каждый день посылаю. Папа мне писал, что вам он отправляет открытки и свои, и мои. Утешаю себя тем, что уж теперь-то, наверное, мои послания стали до вас доходить; просто, поди, в пути задерживались. На днях получили по открытке с твоими, Лёля, вопросами обо мне Николай Леонидович и Соломон Лазаревич. Второй тотчас же тебе ответил.

О твоей школе могу пока сообщить только, что на другой же день после вашего отъезда я был у Кремнёвой и лично ей передал заявление об отсрочке отпуска, на что она выразила согласие. На этой же неделе, начиная со среды или вторника, всё ей звоню, но она в отъезде. Буду ещё завтра звонить.

14/VIII был в протезном институте. Корсет для Игоря готов. Подал заявление о пересылке его вам в деревню. А 21/VIII звонил о результатах узнать и получил ответ, что корсет 21/VIII выслан посылкой на ваш адрес. За него нужно было доплатить 55 рублей, да стоимость упаковки и пересылки. Я ничего не платил; выслали они наложенным платежом, и вы будете сами расплачиваться.

У нас в институте занятия должны начаться, как всегда, т. е. с 1 сентября. Сейчас в институте бываю очень редко. На этой неделе гостили у меня с ночёвкой Пётр Андреевич и Соломон Лазаревич. В ночь с 20 на 21. А 22-го я поехал к Соломону Лазаревичу на дачу в Кратово. Там обедал, ночевал, утром 23-го ходили с ним в лес за грибами. Набрали сыроежек, несколько белых и подберёзовиков. После обеда (он, хотя, как я, совершенно один, но пока старушка-соседка варит ему обеды) поехали ко мне вместе. Он ночь на сегодня у меня

ночевал, а с утра поехал в институт дежурить сутки до завтрашнего утра. Подумывали с ним о том, что, если перемен в нашем положении не будет, то нужно наладить жизнь вдвоём у меня. Веселее, к работе ближе и не в городе, да и практичнее.

Дома всё в порядке, благополучно. Вчера без меня Настя со всеми ребятами уехала на родину. Домаша без конца собирается тоже уехать, но, думаю, что не уедет. Клава с Музой вернулись домой и пока уезжать не собираются. Отдал Клаве стирать бельё.

Я уже писал вам, что кошка окотилась, принесла 5 котят. А в пятницу их Клава всех утопла. Цветы твои, Гога, растут очень хорошо. Какой-то вроде астры зацвёл белыми цветами — сразу 3 цветка. Настурции тоже цветут. Приходила твоя учительница русского языка и спрашивала, будешь ли ты учиться.

Папа пишет мне довольно часто открытки, я тоже. В то воскресенье послал ему заказной бандеролью несколько книг. Могу и вам также выслать, напишите только, какие книги нужны.

Как, бабаня, твои дела? Здоровье поправилось? Почему и на каких условиях вы дёргаете лён? Недавно получил открытку от Лёши Иванова от 14/VIII. Он пишет, что они все вместе. Он много работает на воздухе, делает большие переходы, но ночует дома. Возможно, что теперь уж и другая картина. Ну, до свидания. Поеду сейчас к Николаю Леонидовичу обедать и отправлю это письмо. Николай Леонидович собирается поехать в Саратов.

Пишите почаще. Привет неутомимой путешественнице Серафиме Галактионовне. С. Дмитриев.

31.

Вторник 26/VIII-41 г. 1 ч. дня

Вчера получил открытки Лёли от 17 и 19 августа и папы 21/VIII и Лены от 19/VIII.

Уж очень круто — и без всяких предупреждений меня вы решили поехать в Ильинское. В результате произошла неувязка: я узнал о том, что вы думаете выехать в Ильинское только 20/VIII вечером. Утром 21/VIII стал тотчас же звонить в протезный институт, хотя сроков переезда в открытке Лёли и не было назначено, чтобы задержать отправку корсета, но узнал, что в этот день, т. е. 21/VIII, корсет уже отправлен вам в Кирехоть (на п/о Рыжиково для Георгиевской). Отправительная квитанция № 236. Так что, если вы уже в Ильинском, то придётся тебе, Лёля, за корсетом выбираться в Кирехоть. Я и понятия не имел, что так круто вы выберетесь. Заявление о пересылке корсета я подал на завод ещё 14/VIII. А задерживаться и ждать мне здесь не приходится. Лёля, имей в

виду, что корсет нужно в п/о Рыжиково выкупать (55 рублей + пересылка), так что ты не задерживайся, а то оставите Игоря без корсета. Сейчас послал вам две телеграммы — одну в Кирехоть, другое в Ильинское. До свидания. Николай Леонидович кланяется, он едет в субботу в Саратов. С. Дмитриев.

31[A].

27/VIII-41 г.

Сегодня месяц, как вы уехали. Вчера отправил вам две телеграммы — Кирехоть и Ильинское: Корсет Игорю был выслан заводом 21-го вам в Кирехоть. Я впервые получил открытку с известием о переезде в Ильинское только 20-го и сделать уже ничего не мог. Придётся, если вы уже в Ильинском, тебе, Лёля, ехать в Рыжиково за корсетом. Не упустите его, заочно его не сделают. За корсет доплатите 55 рублей и стоимость пересылки. От ярославцев письма получаю регулярно. С Кремнёвой сегодня говорил: занятий для тебя, пожалуй, сейчас можно бы найти, но с 1 сентября, так что она меня просила подать заявление о временном отчислении тебя с работы в связи с поездкой для сопровождения больного сына. На днях это сделаю. Дома всё в порядке, всё благополучно, у всех у нас теперь хороший сон. Николай Леонидович в субботу уезжает в Саратов на работу. Я начинаю занятия с 1 сентября. Котят утопила Клава. Пётр Николаевич ищет себе работу. Настя с детьми поехала в деревню. Последняя ваша открытка была одна 19.VIII. С.Д.

32.

28/VIII-41 г. 11 ч. утра

Вчера получил открытку Лёли от 20/VIII, открытку Лены от 21/VIII и ваше общее письмо от 22/III. Успокоился с корсетом. 26/VIII я послал вам насчёт его 2 телеграммы. Хотя на почте в Рыжикове и обещали переслать его в Ильинское, но можно ли вполне полагаться? Я очень боюсь, чтобы корсет не пропал, в отсутствии Игоря его не сделаешь, а без корсета ему тоже гулять нельзя. Вчера разговаривал с Кремнёвой — она говорит, что если бы ты была в городе, то работу для она бы нашла в нескольких (8-ми) школах, которые она теперь возглавляет, но так как тебя нет, а занятия предположено начать 1 сентября, то она просила меня подать заявление об освобождении тебя из школы на время впредь до возвращения больного сына, которого ты сопровождая, выехала из города. На днях такое заявление подам. Ты себя пока обязательством какого-нибудь срока на месте не связывай. Лена пишет, что у ярославцев всё благополучно; Лёню вызывали, но вернули домой до особого распоряжения; папа

[A] Так в подлиннике.

ходит к ним каждый день и почти всё время проводит у них. От вас они из Кирехоти получили только 1 письмо. Николай Леонидович тебе ответил на Кирехоть, он уезжает в Саратов дня через 2–3. Соломон Лазаревич тоже ответил тебе на Кирехоть. Сегодня он ночевал у меня и теперь возможно на время ко мне переселится. Он один, как и я; вдвоём веселее. Ночью сегодня просыпались на 1½ часа. Дома всё в порядке. С.Д.

Завтра напишу вам заказное письмо. С.Д.[A]

33.

Пятница 29/VIII-41 г. 11 ч. утра

Начинаю писать это письмо дома, но заканчивать буду в Москве. Сидим с Соломоном Лазаревичем, который, по-видимому, пока обоснуется у меня, и занимаемся. Так как, очевидно, на днях начнутся в институте занятия. Вчера была у меня первая лекция, а у него сегодня, правда, не перед студентами, а в порядке общественном перед рабочей аудиторией. Вдвоём стало гораздо веселее, налаживаем хозяйство и даже думаем, стряпать себе настоящие обеды, хотя можно вполне прилично за 4–5 рублей обедать в столовой в городе. Проблема обедов у меня в частности возникает потому, что до сих пор я через день обедал у Николая Леонидовича, а через день в столовой, но завтра Николай Леонидович уезжает с Полиной Петровной и прислугой в Саратов. Он получил оттуда из Пединститута приглашение. Сегодня буду у него и, наверное, останусь на ночь, так как их поезд отправляется в 11 часов утра завтра, и чтобы вовремя добраться, свезти и сдать вещи и пр., нужно будет из дома выбраться часов в 5 утра. Я и Новицкий будем его провожать. Так как обеды у Николая Леонидовича прекращаются, и мы с Соломоном Лазаревичем думаем готовить сами. Из моих хозяйственных успехов похвастаю тем, что научился приготовлять селёдки. Их дают на карточки довольно много, есть хорошие сахалинские по 9 рублей 50 копеек кило. Соломон Лазаревич покупает огурцы, свежий картофель, капусту, калачи. Молоко беру по-прежнему у Зариновых. По ночам теперь спим всем городом спокойно. Погода стоит дождливая, но тёплая. По утрам я с Петром Николаевичем купаюсь. Теперь прерву письмо до города.

6 часов вечера. Дописываю письмо на центральном почтамте. Сейчас пойду к Николаю Леонидовичу. Сегодня Марголин дежурит по дому в городе, а я буду ночевать у Николая Леонидовича с тем, чтобы рано утром помочь ему выехать. День провёл сегодня в нашем институте. Ему предоставили новое помещение в Подколокольном переулке у самой остановки 31-го трамвая, от Курского вокзала это 3-я остановка. Для меня это гораздо удобнее, чем в том месте,

[A] Последняя фраза написана на левом поле открытки.

где он временно был и куда мы с Лёлей ездили. Переехал он только что (позавчера) и в связи с этим, вероятно, занятия начнутся с некоторым запозданием. Работа в нашем институте у меня пока будет, но в других местах педагогической нагрузки, пожалуй, не будет нынче.

Корсетные дела теперь уж вы, поди, знаете не хуже меня. Но так как не все письма доходят, то кратко ещё раз изложу. 14/VIII был в протезном и подал заявление о пересылке корсета вам в Кирехоть. 20/VIII получил от вас открытку, где впервые говорилось о возможности переезда в Ильинское. На следующий день, т. е. 21/VIII, стал звонить в протезный, но там ответили, что именно сегодня, т. е. 21/VIII, корсет уже отправлен в Кирехоть. Так как неясно было мне, уехали ли вы уже из Кирехоти, или насколько быстро последует ваш отъезд, то, подождав несколько дней, я 26/VIII послал вам 2 телеграммы в Кирехоть и в Ильинское, но из последующих открыток узнал, что Лёля договорилась в Рыжикове о пересылке корсета в Ильинское. Только бы он в этих странствиях не исчез. Заочно нового не сделают.

В школу к Кремнёвой звонил 3-го дня, говорил с ней. Под её руководством теперь 8 школ и тебе, говорит, возможно, что и нашла бы работу, но поскольку тебя нет, то она просила меня подать от твоего имени заявление с просьбой о временном освобождении от работы впредь до возврата в город. Документы твои, если получу у неё на руки, то вышлю письмом. Только куда? Напишите. На месте тебе устраиваться с тем, чтобы связать себя годовым обязательством, не нужно.

В моём положении (также и Петра Андреевича, Соломона Лазаревича, Дмитрия Григорьевича[A] и других нам подобных) никаких новых перемен с вашего отъезда нет. Что дальше будет, сказать, конечно, трудно. Ярославцы мне регулярно пишут. Все вместе и здоровы.

Гога, твои цветы процветают хорошо, особенно астры. Напишите, какие книги нужны и куда их вам выслать? Кошка принесла 5 котят, их Клава утопила. Приходила твоя учительница и спрашивала, будешь ли учиться. Что-то, бабаня, ты мне стала мало писать. Взяла бы да сочинила подробное послание.

Сам я пока ехать никуда не собираюсь. Отсюда назначений не дают, а с мест меня никто не приглашает. Ну, поживём — увидим.

До свидания. Пишите. С. Дмитриев.

34. [на почтовой открытке штамп: «Просмотрено военной цензурой»]

30/VIII-41 г. 7½ ч. утра

Сейчас пишу с Павелецкого вокзала, где нахожусь вместе с Петром Андреевичем, провожая Николая Леонидовича. Вещи уже все привезли на грузовике,

[A] Имеется в виду Дмитрий Григорьевич Редер.

но билеты ещё не взяты, за ними стоят. Я и Дмитрий Леонидович ночевали у Николая Леонидовича и спокойно проспали ночь. Их поезд на Саратов уйдёт в 11 часов. Затем поеду в институт, он вернулся в город, там в 2 часа собрание. Вчера заходил проститься к Николаю Леонидовичу Сергей Владимирович, он шлёт вам привет и лучшие пожелания. Он остаётся здесь. Завтра приедет ко мне домой Соломон Лазаревич. Делаю перерыв, допишу позже.

3 часа дня. Проводили Николая Леонидовича, позавтракали с Петром Андреевичем. Сейчас пишу на заседании в деканате института. Затем пойдём обедать. На ночь ко мне приедет Пётр Андреевич, а завтра с утра приедет Соломон Лазаревич. Так что пока буду жить сам-два, сам-три. Усиленно приглашали поддерживать с ними связь и бывать Дмитрий Леонидович и Нина Бернардовна. Завтра думаю провести день дома, благо воскресенье. А может быть ещё и выберемся в город, тогда отправлю вам письмо. Вчера послал заказное (33). Николай Леонидович узнает на месте, куда поехал, и напишет мне и, может быть, вам, как обстоят там дела. А там будет видно. Когда сегодня вернусь домой, то, поди, найду ваши письма. До свидания. С. Дмитриев.

35. [на почтовой открытке штамп: «Просмотрено военной цензурой»]

1/IX-41 г. 4 ч. дня

Что-то уже три дня от вас нет писем. Вероятно, потому что с переездом доставка писем замедлилась. Вчера получил свою же открытку к вам от 18/VIII. На ней Кирехотский адрес перечеркнут, написан новый, Ильинский, но почта спутала и послала по адресу отправителя, мне обратно. В субботу 30/VIII проводил Николая Леонидовича. Он и Полина Петровна поехали в Саратов, он имеет назначение на работу. У нас тоже сегодня начались занятия. У меня завтра первая лекция. Заняты будут вторники, среды и пятницы по 2 часа в день, с 11 часов до 1 дня. Время удобное. Ко мне переселился Соломон Лазаревич. Живём вдвоём. Дома всё в порядке, теперь уже дней 10–12 спим спокойно. От папы и Лены получаю письма регулярно. Они все вместе. Папа получает пенсию 150 рублей, сейчас не работает. Я буду ему кое-что переводить. Пишите С. Дмитриев.

35[A]. [на почтовой открытке штамп: «Просмотрено военной цензурой»]

2/IX-41 г. 3 ч. дня

Что-то уже дня 4 как не получаю от вас писем. Думаю, что это объясняется переездом. Одну мою открытку вернули назад с перечёркнутым Кирехотским адресом. Я живу по-прежнему. Сегодня начались у меня занятия, была первая

[A] Так в подлиннике.

лекция. Сейчас пишу из столовой, где обедал. Лекции будут 3 раза в неделю. Институт наш возвращается в город, неподалёку от Курского вокзала. В субботу 30/VIII проводили Николая Леонидовича в Саратов. Всем вам он и Полина шлют привет. Дома всё благополучно. Ярославцы пишут часто. Я живу с Соломоном Лазаревичем. Он перебрался ко мне. С. Дмитриев.

4/IX-41 г.[A]

Дорогие москвичи. Позавчера получил сразу после 3–4-дневного перерыва 3 открытки от Лёли от 23. 25 и 26 августа. Из них увидел, что 25/VIII вы уже были в Ильинском. Так как мне только 26/VIII стало известно намерение ваше переехать в Ильинское, то именно 26/VIII я и послал 2 телеграммы в Кирехоть и в Ильинское с извещением вас о том, что корсет Игорю выслан протезным заводом 21/VIII в Кирехоть. Позже приходили открытки Лёли, писавшей, что она договорилась на почте в Рыжикове о пересылке корсета в Ильинское. Беспокоюсь. Как бы он в пути где не застрял, нового без Игоря не сделать. За него вам нужно будет доплатить 55 рублей + стоимость пересылки.

С твоей работой, Лёля, обстоит так. В последних числах августа я разговаривал с Кремнёвой по телефону. Она сказала, что при твоём присутствии здесь она могла бы тебе найти работу, но так как тебя нет по уважительной причине, то она просила меня подать заявление о временном освобождении тебя от работы впредь до возврата в Москву эвакуированного сына. Я такое заявление написал, но ещё не отдал. Впрочем, сказала она, это дело не к спеху. Подавляющее большинство твоих коллег в таком же положении.

О своём житье напишу следующее: теперь пока у нас всё спокойно, примерно с начала 20-х чисел августа. Спим нормально, днём также тревог не бывает. Ко мне переселился Соломон Лазаревич. Вдвоём гораздо веселее и лучше. Утром и вечером организуем чай. Я по утрам пью молоко. На карточки покупаем селёдки, мочим их и готовим. Затем в наше меню входит печенье, пряники, масло, колбаса, сыры, огурцы. Соломон Лазаревич собирается даже изловчиться и устроить бобы с тушёным мясом. С обедами дело обстоит так: до 30/VIII, когда уехал Николай Леонидович с Полиной Петровной, через день я обедал у них, а в прочие дни в столовой. Теперь мы перешли на столовую. Бельевые дела устроились в связи с возвратом Клавы. Она выстирала мне первую партию в 17 штук, где были простыни, 4 наволоки. 3 полотенца, вышитая рубашка, носовые платки и носки, взяв оптом 8 рублей за всё. Одну пару носок она вернула, любезно заштопав дырки. Керосина пока ещё не покупаем, та как на кипячение молока и два чая в день его шло немного. В лавке его дают по 4 литра без очереди.

[A] Письмо без номера.

Со 2/IX я в своём институте начал работать. Соломон Лазаревич — с сегодняшнего дня. Он сейчас едет и отправит письмо. Ярославцы пишут регулярно.

До свидания. С. Дмитриев.

36. [на почтовой открытке штамп: «Просмотрено военной цензурой»]

5/IX-41 г.

Вчера отправил вам с Марголиным (сам я думал с утра, что в город не поеду) заказное письмо. Вчера же вечером ездил в гости обедать к Дмитрию Леонидовичу и Нине Бернардовне. От Николя ещё ничего нет. Дома нашёл открытку от папы от 30/VIII. Сообщает, что он всем пишет довольно часто. Лёня дома, он признан пригодным только к нестроевой службе. Занятия у меня начались в институте, а в других местах для меня их, очевидно, не будет. Дома всё благополучно. Завтра приедет опять Соломон Лазаревич. В понедельник собираемся с ним посетить деревенское жилище Петра Андреевича, который давно зовёт. Какие же книги вам выслать бандеролью? С. Дмитриев.

37. [на почтовой открытке штамп: «Просмотрено военной цензурой»]

7/IX -41 г.

Вчера получил в здешней школе для Игоря справку о переводе его в 7 класс. Завтра буду в городе и пошлю её вам открытым письмом.

От папы и Лены приходят регулярно открытки и письма. У них всё в порядке, Лёня дома.

У меня дома всё благополучно и спокойно. Живём с Соломоном Лазаревичем. Вчера состряпали неплохой обед. Сегодня он (Соломон Лазаревич, а не обед, разумеется) едет в институт на дежурство и захватит вам открытку[A]. Теперь наш институт опять вернулся в город неподалёку от Курского вокзала. До свидания. С. Дмитриев.

Пётр Андреевич шлёт привет.

38.

7 сентября. Воскресенье. 1941 г.

Дорогие москвичи. Сейчас вечер, зашёл ко мне Пётр Николаевич, и от него я узнал, что сегодня у Наташ праздник, а значит и у нашей Наташи и у вас. Поздравляю. Утром сегодня черкнул вам открытку и отправил её в город с Соломоном Лазаревичем, который у меня ночевал, а с утра поехал в институт на суточное дежурство. Только что принесли газету и открытку вашу от 31/VIII. Из неё я увидел, что 2 телеграммы мои, одна на Кирехоть, другая на Ильинское,

[A] Фраза «и захватит вам открытку» вписана над строкой и частично на правом поле открытки.

посланные 26/VIII срочными и 31/VIII вам ещё не были доставлены. Телеграфировал я о том, что корсет Игоря выслан в Кирехоть протезным[A] заводом 21/VIII. Теперь уж не знаю, как вы его будете получать. Лёля, хотя и писала, что договорилась о пересылке его из Рыжикова в Ильинское, но, не знаю, можно ли на это полагаться? Меня тревожит, как бы корсет не утратился в пути; ведь нового без Игоря не сделаешь. В пятницу вечером получил открытку Лёли о справке для Игоря. В субботу зашёл в школу и получил эту справку. С настоящим письмом посылаю её вам. Почему-то вы не написали мне, какие книги (в частности, Игоревы учебные) нужны вам. Бандеролью до 2 килограмм можно пересылать только книги. Тетради и вообще бумагу я уже хотел вам послать, но на почте не взяли; вероятно, не возьмут и конверты или открытки.

В твою школу на днях подам заявление о временном освобождении тебя от работы в связи с выездом для сопровождения эвакуированного больного сына. С Кремнёвой об этом я уже договорился, она согласна. Тебе на месте лучше не связывать себя со школой: продолжай работать в колхозе. Правда, это с непривычки трудно. Что эта работа для Анны Николаевны и тебя обязательна? В отношении посещения Гогой занятий в школе — я полагаю, что чем меньше он будет ходить, тем лучше, конечно, без ущерба для успехов. Гога, очки, братец мой, тебе нужно всё же носить, чтобы предохранить глаза от дальнейшей порчи. Не читай лёжа.

8/IX-41 г. 9 ч. утра[B]

У меня занятия в нашем институте начались со 2/IX, в других местах, вероятно, работы не будет. Занятия у меня 3 раза в неделю (вторник, среда и пятница) с 11 до 1 дня, так что вставать можно не так рано. Слушателей не так много, но всё же есть. Институт наш перекочевал обратно в город, почти на то же место, где был прежде, так что от Курского вокзала мне ходить недалеко (обычно, правда, еду на 31-м трамвае до 3-й остановки). Пётр Андреевич, Соломон Лазаревич, Редер, Нарочницкий продолжают также работать. Соломон Лазаревич очень часто ночует у меня. Так как Николай Леонидович и Полина Петровна уехали в Саратов (откуда он получил приглашение на работу) 30/VIII, то теперь обеды у них для меня прекратились. Обедаем обычно в столовых. В субботу готовили обед дома: на 1-е молочный овсяный суп, на 2-е бобы тушёные с сардельками, на 3-е молоко с печеньем. Покупаем огурцы (по 2½–3½ р. кило), свежую картошку (по 1-50 р. кило). Я по утрам пью молоко, Соломон Лазаревич чай. За керосином придётся на днях в первый раз пойти или обра-

[A] Это слово вписано над строкой.

[B] Продолжение письма 38, начатого 7 сентября 1941 г.

титься к Клаве. Она брала мою стирку (17 вещей), уплатил 8 рублей. В библиотечно-библиографическом издательстве получил 300 рублей, которые мне причитались, зарплату я в институте получаю (в получку один раз 270 р., другой 330 р.). Николая Леонидовича я, между прочим, просил узнать о Саратове, нет ли там работы для тебя, Лёля, и, может быть, для меня. Возможно, что в городе вам было бы зимою лучше, чем в деревне. Что до Ярославля, то он слишком близок к вам.…

От ярославцев я получаю известия регулярно и им пишу через день. Из Ленинграда от Лёши было одно письмо от 14/VIII, тогда все они были вместе. Позже Лена писала о намерении тёти Кати приехать в Ярославль. Пишу на станции в Кускове, так как опоздал на поезд. Сейчас еду в город в Книжную палату, где у меня[A] есть небольшие дела вместе с Георгием Андреевичем Новицким. Знакомые здесь: Бернарды[B] Рубинштейны, хожу к ним теперь; Милица Васильевна, Сергей Владимирович (шлёт вам привет), Николай Михайлович Дружинин. Ну, до свидания. С. Дмитриев.

38[C]. [на почтовой открытке штамп: «Просмотрено военной цензурой»]

9/IX-41 г.

Вчера получил твои, Лёля, открытки от 30/VIII и 1/IX. Сообщаю, что дома всё в порядке. Сегодня ночевал у меня Соломон Лазаревич, а вечером думаем поехать в гости к Петру Андреевичу. Сегодня погуляли я, Соломон Лазаревич и Пётр Николаевич с 12 до 3 ч., потом легли спать. Пишу из института, с работы. Твою открытку Николай Леонидович, наверное, не получил, так как он 30/VIII уехал в Саратов. Думаю, что ваша поездка имеет и теперь свой большой смысл. Только бы наладилось с питанием и работой, а то со льном с непривычки, наверное, трудно. Во избежание всяких осложнений баней пользуйтесь почаще. А Игоря в школу нужно пускать пореже. Бабане по годам и здоровью нужно освободиться от трудов праведных. До свидания. С. Дмитриев.

12/IX-41 г. 9 ч. утра[D]**.**

Я тоже в течение двух дней получил от вас много писем: открытки от 29/VIII и 4/IX и заказные письма 3/IX и 5/IX. Действительно, заказные идут, пожалуй что, быстрее. Посылаю и это заказным.

[A] Фраза от слов «где у меня» до «привет. С. Дмитриев» написана на полях.

[B] Так в подлиннике. Возможно, такое написание связано с тем, что у одного из братьев Николая Леонидовича Рубинштейна была жена с отчеством «Бернардовна».

[C] Эта открытка, как и предыдущее письмо от 7–8 сентября, имеет номер 38.

[D] Письмо не было пронумеровано.

Очень рад, что корсет получен и в полной исправности. Что до его широты, то здесь уж ничего не поделаешь.

Относительно ваших дел: 1) об освобождении Анны Николаевны от тяжёлой работы стоило бы написать заявление секретарю райкома (Пречистенского), где сказать, что престарелая мать профессора такого-то, с пороком сердца, имеет право получать хлеб и без выполнения непосильной физической работы. Я считаю, что разговоры на тему — хлеба не дадим — пустая угроза местных людей.

2) Старайтесь почаще мыться, устраивать себе бани и пр. Гигиена всемерная в наше время, да ещё в деревне необходима совершенно. Не знаю, как у вас с мылом? Здесь его дают, но переслать я не могу.

3) Конверты и бумаги полагаю, что не вышлю. Бумагу (тетради) я носил на почту, чтобы послать заказной бандеролью, — не берут.

4) Игорь пишет о покупке учебников по литературе и русскому языку, но каких? Может быть ты знаешь.

Мои дела по-прежнему. На вопросы отвечаю:

Приход у меня есть. Работаю и получаю жалованье в своём институте. Других работ и другого жалованья нет. Получки у меня такие: один раз в месяц 270 р., другой раз 330 руб., итого 600 р. С библиотечно-библиографического издательства получил 300 (точнее 291) рублей их долга мне. Уезжая, Николай Леонидович подкинул мне две литературные работы: за одну я должен получить 500 р., я её сделал, но деньги ещё впереди; за другую несколько более, но её (работаю вместе с Георгием Андреевичем Новицким) ещё не закончил.

Бельё мне скопившееся стирала один раз Клава. Набралось всего 17 вещей (две простыни, 4 наволочки, вышитая рубашка[A], 3 полотенца, далее мелочь — платки, носки).

Мыла не брала, держала неделю. Взяла за всё 8 рублей.

Носок две пары купил новых да две пары стираных худых Клава вернула, заштопав.

Сплю я в нашей комнате, на старой нашей постели. На игоревской постели спит Соломон Лазаревич или же (если ночует он) Пётр Андреевич. Полы метём, мыть их не мыли. Хозяйство поддерживаем; выкупаем, что полагается по карточкам. В город я езжу обязательно три раза в неделю: вторник, среда и пятница. Занятия мои с 11 до 1 и с 1 до 3, так что вставать не очень рано. За всё время я дежурил в институте только один раз.

Сейчас в город едет Пётр Андреевич, он у меня ночевал, он отправит письмо. Две последние ночи провели относительно спокойно. До свидания С.Д.

[A] Слова «вышитая рубашка» вписаны над строкой.

39.

16/IX-41 г. 5 ч. дня

Пишу несколько слов с почты. Заходил к Наташе, но никого не застал дома. Сейчас поеду домой обедать. Получил ваши открытки и письма от 2–3–5–6–7 и 8 сентября. До какого же времени будете вы заняты? Игорю для школы послал ценным письмом. Сам живу, как и прежде. Соломон Лазаревич у меня. Вчера ночевал ещё и Пётр Андреевич. Он привёз мяса, помидор и грибов, сочинили обед. Дома всё благополучно. Я с Георгием Андреевичем составляю одну библиографическую работу для издания. Завтра буду работать и обедать у него. В институте лекции идут.

До свидания. Стоя писать неловко. С.Д.

40. [В левом верхнем углу первой страницы штамп: «Просмотрено военной цензурой»]

18/IX-41 г.

Вчера получил заказное от 9/IX, писанное Гогой и бабаней; позавчера заказное, писанное Лёлей 11/IX. Сегодня пришла открытка от папы от 11/IX.

Папа пишет, что все они вместе, Лёня с ними, все здоровы. 10/IX он получил мой перевод (я перевёл ему 150 рублей). Тётя Катя к ним не приехала, хотя собиралась; очевидно выбраться ей трудно[A]. Папа предполагает, что ко мне сюда поедет машина от них и что я смогу кое-что переслать к ним. Стоит ли к ним, т. е. в Ярославль, послать твои зимние шапки, валенки и может ещё что для вас? Быть может, ты могла бы съездить за этими вещами в Ярославль? Напишите, что об этом думаете. Уже писал вам, что почтой я не могу выслать ни конвертов, ни открыток, ни бумаги — бандеролью всё это нельзя посылать. Книги учебные Игорю вышлю бандеролью. Завтра или послезавтра. Очень хорошо, что ты, Гога, держишь связь с сельсоветом, глядишь, и службу себе позже найдёшь! Вот я куда загадываю! А может всё это и не понадобится.

Очень жаль мне вас всех, мытарств и трудов много, мне одному тоже удобства жизненные сомнительные, но что же можно было сделать в конце июня, когда вы поехали? Вот бабаня бедная сетует в своём письме — зачем уехала, а кто же знал, что у вас такие условия будут? Что до здешней тихой жизни, то ведь нет уверенности в её продолжительности. Всё-таки, как человека с признанным пороком сердца, её должны бы (да и по годам!) освободить от работ. Нужно вам об этом похлопотать немедля. Обратитесь к секретарю райкома Пречистенского, а не к председателю сельсовета[B]. Я, бабаня, думаю и думал устроить для вас всех лучше, но всего нельзя предвидеть.

[A] Тётя Катя (Е.Е. Иванова) с семьёй проживала в Ленинграде, который оказался в блокаде с 8 сентября 1941 г.

[B] Слова «а не к председателю сельсовета» вписаны над строкой.

Дома всё благополучно. На той неделе я немного прихварывал, болела правая нога. Нашли лимфаденит, сейчас уже прошла t^o не было, а только в колене кололо, было трудно ходить. Соломон Лазаревич и Пётр Андреевич жили у меня и готовили обеды из мяса, бобов, грибов (их у нас очень много в продаже). На той неделе в среду Домаша родила девочку, нет-нет, да и попискивает за стеной. Кроме Хохловых все в доме. Сам Игнат услан давно на фронт. Третьего дня прислал с фронта (Северо-Западного) открытку Борис Владимирович. Он стоит где-то в лесу, пишет, что доволен, только читать нечего и табаку нет. Шота Чивадзе был уже в бою, получил ранение, был эвакуирован. Залечил свою рану и вторично уехал на фронт. Он и Борис Владимирович шлют вам привет. Пётр Николаевич поступил работать в сапожную артель массовиком. На правах сапожника стал крепко выпивать, чем Клава недовольна. Николай Леонидович шлёт вам привет из Саратова, там очень много народа.

У меня сейчас временно довольно много работы. Лекции, правда, только 3 раза в неделю (вторник, среда и пятница), но мы с Георгием Андреевичем Новицким взялись по договорам сделать две литературно-библиографические работы. Срок их представления в издательство 10/X, приходится гнать. Одну работу по редактированию некоей книги я сдал, как вам писал, а вчера получил за неё и гонорар в сумме в 500 рублей (на руки 484 р. 50 к.). в библиотечно-библиографическом издательстве мне свой долг в 300 рублей давно выплатили. Так что кое-какие поступления у меня есть. Жалованье же идёт только по нашему институту, в других местах не работаю. Вчера сидел у Георгия Андреевича, у него и обедал. По литературно-библиографической работе бываю часто на Зубовской площади, раза 3–4 заходил к Наташе оттуда, но всё неудачно, никого нет дома. Александр Александрович поступил на работу.

С 1 октября, наверное, буду ещё более занят, так как начнётся Всеобуч. Буду, поди, и я проходить. Читал тут как-то публичную лекцию, 24.X буду вторично читать.

19/IX дописываю. Наступили холода, второй день заморозки. Читал лекцию, получил жалованье (302 руб.) в институте. Сейчас буду обедать в столовую, а потом поеду домой. Завтра придёт ко мне Соломон Лазаревич. Книги Игорю пошлю завтра часть. Ну, до свидания. Бабане мой особый привет. С. Дмитриев.

41. [На почтовой открытке штамп: «Просмотрено военной цензурой»]

20/IX-41 г. 2 ч. дня

Пишу вам от Наташи: её ещё нет, она на работе, с завтрашнего дня уходит в свой отпуск. Александр Александрович дома, у него перерыв в работе, с 22/IX он будет заменять Наташу по её делу, на службе.

Я с утра был вместе с Георгием Андреевичем на Зубовском бульваре по своим литературно-библиографическим трудам. А затем зашёл сюда. Скоро поеду домой, сегодня приедет Соломон Лазаревич. Ночью на сегодня беседовали с Петром Николаевичем до 2-х часов. От папы получил открытку, извещает о приходе моего перевода на его имя. Я перевёл им в начале сентября 150 рублей. Папа пишет, что у них всё в порядке. У нас уже несколько дней стоят холода, ночью заморозки. Нога моя почти совсем прошла. Шлют вам привет Борис Владимирович и Шота. Оба на фронте. Шота был ранен, но быстро оправился. Завтра поеду к Георгию Андреевичу обедать. Привет. С. Дмитриев.

41[A]**.** [В конце письма поставлен штамп: «Просмотрено военной цензурой. 58»]

21/IX. Воскресенье. 1941 г.

Дорогой Гога, сегодня посылаю тебе двумя бандеролями следующие книги:

В 1-й бандероли: Сборник алгебраических задач, Сборник задач по геометрии, Зоология, Химия, История средних веков и немецкий[B] (всего 6 книг).

Во 2-й бандероли: Физическая география СССР (выпуски 1-й и 2-й), Физика (части 1 и 2), Алгебра и Геометрия (всего 6 книг). Итого отправляю 12 учебников.

Думаю, что к 1 октября они до вас дойдут. Будешь ходить в школу, не больно трись с мальчишками, а вернувшись домой, возьми щётку и тщательно очисти всю одежду, потом с мылом умывайся. Теперь, брат, нужно гигиену уважать.

Кошка Машка твоя живёт ничего. Несмотря на холода и дожди[C], целые ночи гуляет, домой является только утром, голодная и мокрая. Когда я иду за водой, она носится вокруг и шастает по всем деревьям.

Утром сегодня наблюдал я странную картину. Вышли мы с Петром Андреевичем на балкон, глядим — весь пол на балконе густо усеян осами. Они какие-то полусонные, вялые, еле-еле двигаются. Ну, мы их смели всех в кучу, да и в воду, а потом за балкон всех утопленниц. Наверное, это они от холода, хотя сегодня на улице 6 градусов тепла.

Цветы лучше я взял домой в связи с холодами. Помидорный куст вырос очень большой, стал толстый и распустил штук 5–6 жёлтых цветов. Просо выросло двумя большими кустами. Астра белая распустилась, на ней сейчас 7 цветов. Горшок с лимонами тоже ничего, тянется. Пальма какая была. Настурции осталась на балконе, они цветут.

[A] Так в подлиннике.

[B] Слова «и немецкий» вписаны над строкой.

[C] Слова «и дожди» вписаны над строкой.

Была тут как-то Верушка, она шлёт тебе привет. Живут они с матерью по-прежнему. Вот тебе подробный отчёт о кошке и цветах. Очень жалею, что не могу с тобой походить за грибами. У нас их тоже много. Один раз я ходил с Соломоном Лазаревичем в Кратове по грибы. У нас на станции каждый день их продают.

Сейчас получил две открытки. Одна от тёти Кати из Ленинграда. Без числа, по штемпелю отправлена 16/IX. Спрашивает, как я и все мы живём. Пишет, что они переживают то же, что и мы здесь в конце июля, начале августа, только в увеличенном количестве. Сожалеет, что у них нет метро. Просит писать скорее. Я напишу на Лёшин адрес, так как не помню точно её адреса. А ты, бабаня, ей немедля, напиши от себя, мне же будете писать, черкните её адрес.

Вторая открытка от Лены от 15/IX. Сообщает, что все дома, живы и здоровы. От вас получили два письма. Витюшка учится, но ходить теперь в школу далеко, к Спасскому монастырю. В начале месяца я перевёл им 150 рублей. Папа писал, что перевод получили.

Так как по литературно-библиографической работе мне приходится довольно часто бывать на Зубовской площади, то раза 3–4 заходил к Наташе, но всё их не заставал. Наконец, вчера застал Александра Александровича. Наташи не было. У него перерыв, 2–3-дневный в работе. С завтрашнего дня Наташа идёт в декретный отпуск, а Александр Александрович говорит, что он будет её заменять по её службе. С 1 октября, вероятно, буду заниматься по Всеобучу. Нога моя почти прошла, был лимфатит на правой ноге, t^o не было, а кололо в колене.

Ну, пока всё. До свидания. Привет. Как, бабаня|, твоё настроение? Здесь опять что-то стали мы с Петром Николаевичем поздно засиживаться и беседовать до 1–2–3-х часов ночи. Эту ночь был Пётр Андреевич, спали спокойно.

С. Дмитриев.

P.S. Конвертов, открыток и бумаги в бандероли посылать нельзя.

42.

23/IX-41 г. 9 ч. вечера.

Пишу вам с дежурства в Институте. Дежурю сегодня с 5 часов вечера до завтрашнего утра, до 8 часов. Я дежурю вместе с Редером, Поршневым. Сейчас только что прозвучали сигналы тревоги. Пожарные мои отправились на чердак, а я сижу внизу, на 1-м этаже, в канцелярии у телефона. Из дома я уехал ещё утром, так как в 11 часов у меня была здесь в Институте лекция. Дома всё было в порядке. Сейчас там, поди, Пётр Николаевич орудует, ключи от квартиры я оставил у Шалимовой, соседки.

Вчера получил письмо от Николая Леонидовича. Он понемногу устраивается в Саратове. Дали им две комнаты, но только без всякой мебели и на 5 эта-

же. Вам шлют привет. Позавчера пришло письмо от Шоты, Вам посылает привет. Ну, сейчас отправлюсь на 3-й этаж смотреть, не скипел ли электрочайник. Позже буду дописывать.

24/IX-41 г. 8 часов утра

Дописываю на другой день. Вчера в 12 часов 5 минут отправились спать. Здесь есть у нас комната для отдыха, с постелями, подушками и одеялами. Спокойно спали до утра. Сейчас звонил домой, т. е. в музей, — сказали, что там всё в порядке. Теперь пойду куплю хлеб и печенье, сыр куплен ещё вчера, и зайдя в библиотеку историческую за книгами, поеду домой. К вечеру сегодня придётся снова приезжать в город, так как в 8 часов вечера у меня лекция (в порядке общественной нагрузки). Ночевать может быть придётся остаться в городе у Соломона Лазаревича, так как боюсь, что, окончив лишь в 10-м часу, домой будет возвращаться поздно. Что-то от вас не было дня 3 писем. Впрочем, возможно, что когда приеду домой, то найду от вас корреспонденцию. Девка-почтарка складывает теперь письма и газету в кладовку, просовывая через щель. Я писал уже, но повторю, что была открытка от тёти Кати 16/IX, жалеет, что у них нет метро. В отдельности ни о ком не пишет.

Ну, кажется, всё главное написал. Привет всем. До свидания.

С. Дмитриев.

P.S. В воскресенье двумя бандеролями выслал вам учебники Игоря, всего 12 книг.

43.

25/IX-41 г. 6 ч. вечера

Вчера перед отъездом в город получил два ваших заказных письма от 12 и 14[A]. Они меня обрадовали общей бодростью тона. Хотел сегодня писать вам в ответ большое заказное письмо, да времени не хватало: эти два дня уж очень много дел, да и спать мало две ночи пришлось. Вчера в 8 часов вечера читал публичную лекцию, но не успел её докончить, пришлось прервать и до 3 часов ночи беседовать с некоторыми из слушателей. В 4 часа утра добрался до Соломона Лазаревича и уснул. Утром сегодня побывал дома, где всё в порядке. А сейчас эту открытку пишу из Театрального проезда, куда мы с Лёлей обычно вместе ездили. До свидания. Завтра напишу подробное письмо. Сейчас[B] нужно ехать домой. С.Д.[C]

[A] Далее одно слово неразборчиво.

[B] Далее одно слово неразборчиво.

[C] Слова: «До свидания … С.Д.» написаны на полях.

44.

26/IX-41. 12½ ч. дня

Вчера успел черкнуть вам только открытку. Вернулся после бани домой в 6½ часов вечера, стал пить чай, а в 8½ часов уже начали мы с Петром Николаевичем разговаривать, правда, довольно тихо. Говорили до 11½ часов, когда и улеглись спать. Сегодня, наконец, отоспался за две предыдущие ночи. Дело в том, что с 23 на 24 я дежурил у себя в институте у телефона в нижнем этаже, была тревога и спать почти не пришлось. А с 24 на 25 опять застрял в городе, на 8 часов вечера назначена была моя лекция в помещении кино «Арктика» (бывшая кирха), рядом с Исторической библиотекой. Начал я говорить в 8 часов 20 минут. Народу было очень много, более 500 человек. Посредине пришлось перервать и опуститься вниз. В убежище. Там просидел до 9 часов вечера до 3 часов ночи. После отбоя отправился в темноте досыпать остатки ночи к Соломону Лазаревичу на Сретенку. Спал от 4 до 9 часов. Потом поехал домой, где всё нашёл в порядке. Клава принесла мне 10 литров керосина, да я взял дважды по 10, так что теперь с керосином надолго. Впрочем, пока его в кусковской нефтелавке дают по сколько угодно и почти никого за ним нет, стоят по 2–3 человека. Затем, пообедав. Отправился в Театральный проезд в баню. К сожалению, пара не было. Сейчас пишу из Института, где с 1 дня буду читать лекцию, потом пойду обедать, затем в книжную палату и домой. Вот моё житьё-бытьё.

24/IX получил ваши заказные письма от 12 и 14 октября. Они меня обрадовали общей бодростью тона. Хорошо, что о вас, как эвакуированных, решили проявить заботу и выдали вам кое-какие продукты. Интересно, будут такие выдачи и впредь или это имело разовый характер?

У Журавлёвых я ещё не был, у Наташи был, кажется, в конце[A] той недели. Они оба живы и здоровы. С понедельника этой недели Наташа уходит в отпуск, Александр Александрович будет заменять по её службе. К Соломону Лазаревичу вернулась жена из Казани, где она была 1 месяц в отпуске. Её служба вызвала обратно, а теперь выяснилось, что делать ей нечего и дали за свой счёт ещё месяц отпуска. В связи с её возвратом, очевидно, Соломон Лазаревич будет бывать у меня гораздо реже.

Послать вам открыток, конвертов и бумаги не могу, так как в бандероли не принимают. Книги (12 штук) учебные двумя бандеролями я для Игоря послал. Скоро получите. Ярославцы пишут регулярно, у них всё в порядке. Получил позавчера письмо от Лены; сегодня переведу им 100 рублей на октябрь, так что в первых числах октября они их получат. От тёти Кати была одна открытка от 16/IX; жалеет, что у них нет метро.

[A] Слово «конце» написано над зачёркнутым словом «начале».

Ну вот и все новости. До свидания. Пойду на лекцию. Сейчас много работы библиографической для Книжной палаты, делаем вместе с Георгием Андреевичем Новицким. Пишите. Привет бабане и всем.

P.S. Дописываю у Наташи, куда зашёл на минуту. Сейчас отправлюсь обедать, куплю селёдок и домой.

Наташа сама делает вам приписку. Александр Александрович сидит дома, сегодня разбирал сарай на слом и перенёс свои дрова в квартиру. С. Дмитриев[A].

44.

27/IX суббота 1941 г.

Сегодня два месяца, как вы уехали; иногда мне кажется, что это было вчера, а другой раз, что прошло уже несколько лет. Сегодня ночь спали все хорошо, я отоспался тоже. Сейчас поеду в город в Институт, потом в Книжную палату и ленинскую библиотеку. В последней должен получить небольшой остаток гонорара за статью о журнале «Сельское благоустройство» (1858–59 гг.). Вся сумма, кажется, 230 рублей. Отправил перевод папе (второй, на октябрь). Допишу в городе позже. Дописываю в 5 часов вечера в столовой на Арбате под названием «Домашние обеды». Заказал себя обед: борщ украинский со сметаной, свинина жареная с капустой и 20 гр. чёрного хлеба. После обеда зайду в гастроном на углу Смоленской площади и в метро — домой. Нужно ещё взять хлеб на завтра, чтобы завтра не ездить в город. Погода уж очень сегодня скверная — дождь и снег (впервые) вперемешку. В библиотеке деньги получил 224 рубля с копейками. Вот краткий отчёт о дне. От вас что-то нет два дня писем, от ярославцев тоже. До свидания. С. Дмитриев.

46.

29/IX-41 г. 9 ч. вечера

Получил вчера письмо заказное от 18/IX. Очень рад, что у вас в порядке. У меня тоже. Соломон Лазаревич теперь не живёт у меня; к нему вернулась из отпуска жена из Казани; так что он теперь опять семьянин. Бывает у меня Пётр Андреевич. Вот и сейчас сидит напротив меня и вам шлёт привет. Он привёз помидор, купили масла и сосисок. Будем ужинать. На улице снег и дождь. Обогреваюсь керосинками. За библиографические труды получил часть гонорара. Сейчас гоним с Георгием Андреевичем указатель о южных и западных славянах. На днях напишу вам заказное письмо более подробное, а то всё мало времени остаётся. Дела много, темнеет рано, лекции идут. Привет. Игорю книги послал. С.Д.

[A] Последний абзац написан на верхнем поле страницы.

47.

Четверг. 2/X-1941 г. 3 ч. дня

Получил вчера сразу два ваших заказных письма от 16 и 21 октября[A]. Не знаю, почему письма от меня стали идти хуже — пишу я регулярно по-прежнему, а что путаюсь в нумерации писем, так это неизбежно при занятости. Очень рад был, что в сочинении писем вы все, кроме Серафимы Галактионовны, участвовали.

Постараюсь ответить на ваши вопросы: книги Игорю послал двумя бандеролями, они, наверное, уже к вам пришли. Бумаги, конвертов, открыток послать вам не могу, так как их в бандероль не берут.

Ярославцы, в частности папа, пишут сравнительно исправно. Я уже дважды переводил им деньги. Там я написал, что пока я работаю, буду переводить по 100–150–200 рублей в месяц. У них всё в порядке, все вместе. Мои денежные дела таковы: жалованье идёт в одном месте, нашем институте. На днях получил крупный гонорар: 224 рубля из Ленинской библиотеки за статью, написанную ещё в прошлом году (она сейчас выходит из печати), да из Книжной палаты за библиографию, составленную вместе с Николаем Леонидовичем и Георгием Андреевичем и другую библиографию по славянам, которую составляем мы вдвоём с Георгием Андреевичем — 1108 рублей, так что получилась крупная сумма в 1300 рублей в общем. Да ещё прежде (я вам писал об этом) с Книжной палаты получил за редактирование одной книги около 500 рублей. Таким образом деньги у меня есть. Впрочем, довольно много приходится их тратить, так как не избежишь прикупать продукты по коммерческим ценам.

У Наташи был во вторник. Она в ожидании родов. От неё узнал, что в тот день, т. е. во вторник 30/IX, приехала сюда Катя. Варя решила оставаться с Наташей. Александр Александрович не работает.

Дома я теперь живу один, так как к Соломону Лазаревичу вернулась жена из отпуска. Впрочем, довольно часто бывают у меня и ночуют то Соломон Лазаревич, то Пётр Андреевич. Последний вам шлёт привет. С понедельника он, кажется, переберётся ко мне на целую неделю. Сегодня ночью ночевали у меня Соломон Лазаревич с женою. С вечера было довольно шумно, но ночь спали хорошо. Я живу в общей комнате. Сплю на нашей кровати. Соломон Лазаревич или Пётр Андреевич, кто бывает, спят на Игоревой кровати. В кухне на месте бабаниной постели стоят два сундука, в которые я сложил всё наиболее ценное и нужное (зимнее пальто, костюм, бельё, лекции, мыло, часы стоячие и пр.). Дома пока ещё тепло (14–16°, а вечерами и 17–18°). Понятно — горят керосин-

[A] Так ошибочно в подлиннике.

ки. Керосин есть в Кусковской нефтелавке вдоволь и без очереди. Один раз бельё стирала мне Клава. Вчера вторую партию сдал стирать Домне. Домна родила недели 1½ дочь. Назвала Александрой. За стеной пищит. В воскресенье она с дочкой собирается уезжать в деревню. Муж ей давно не писал[A]. Филенки здесь: он — сапожник, она плетёт сети на дому для приработка. Игорю кланяется Вера. Она взяла его адрес и хочет сама написать.

Пишу в Исторической библиотеке, работать кончаю. Пойду сейчас обедать и домой. Машка гуляет напропалую, целые ночи, несмотря на дождь, а то и снег. Наверное, опять будут котята. До свидания. С. Дмитриев.

От Хохла письма приходят, а Хохловы все уехали давно уже в деревню. Я вам об этом писал: видимо, письмо не дошло[B].

48. [На почтовой открытке штамп: «Просмотрено военной цензурой»]

3/X-41 г. 5 ч. дня

Вчера отправил вам заказное письмо. Сегодня придётся заночевать в городе или у Соломона Лазаревича, или у Дмитрия Леонидовича Рубинштейна. Дело в том, что к 6 часа пойду на Всеобуч, а там уж и темно будет. Во вчерашнем письме, кажется, всё вам подробно описал. Эту ночь провели с Петром Николаевичем в разговорах до половины второго, потом разошлись спать. Дома всё в порядке. Опять наступило некоторое потепление. Сейчас сижу в Исторической библиотеке над библиографией по славянам, которую составляю вместе с Георгием Андреевичем. Завтра у меня в институте два часа занятий. А на ночь приедет ко мне Пётр Андреевич. Ну, пока, до свидания. С. Дмитриев.

49. [На почтовой открытке штамп: «Просмотрено военной цензурой»]

4/X-41 г. 9 ч. утра

Пишу вам от Соломона Лазаревича, где провёл эту ночь. Вчера впервые должен был пойти на Всеобуч к 6 часам вечера, освободился только к 8, домой было поздно, и я приехал к ним. Ночь прошла спокойно, без каких-либо тревог и забот. Сегодня у меня два часа занятий в институте и поездка в Книжную палату и Историческую библиотеку. На ночь ко мне приедет Пётр Андреевич. Завтра, по случаю воскресенья, думаем с Соломоном Лазаревичем сходить в консерваторию на концерт Оборина, который будет исполнять Шопена. Концерт начнётся в 4 часа дня[C]. Жена Соломона Лазаревича серьёзной музыки не

[A] Последнее предложение вписано над строкой.

[B] Приписка (последний абзац) сделана внизу перевёрнутой сверху вниз 4-й страницы письма.

[C] Последнее предложение вписано над строкой.

любит и на концерт идти не хочет. Сейчас она занята варкой каши для нас. Шлют вам привет Соломон Лазаревич и Дмитрий Григорьевич Редер. Пишите. С. Дмитриев.

51. [На почтовой открытке штамп: «Просмотрено военной цензурой»]

6/X-1941 г. 5 ч. вечера

Вчера что-то от вас не было писем. Я вчера случайно сумел послать папе маленькую посылочку, главным образом со сладостями. Сегодня целый день работаю в Исторической библиотеке по славянам. Сейчас пойду на Всеобуч, а потом к Дмитрию Леонидовичу Рубинштейну посидеть, да и домой.

Последнее ваше письмо заказное с бабаниной страницей меня за неё порадовало. Из домашних новостей сообщу об отъезде Домны с дочерью в деревню, что произошло вчера. Филенки живы и здоровы и на месте. Я знаю, что сюда приехала Катя, но я её не видел. Пётр Андреевич вам кланяется. Завтра нам с ним придётся дежурить в институте: он — начальник пожарной команды, а я — ответственный дежурный. Погода — сквернющая, дождь и снег вперемешку. До свидания, пишите. С. Дмитриев.

52.

6/X-1941 г. 10½ ч. вечера

Вернулся домой и нашёл письмо бабани от 25/X, где сказано о получении моего заказного письма. Сейчас отпил чай и решил начать ответ, чтобы завтра кончить и отослать. Сегодня послал вам открытку за № 51. Дома нашёл в порядке, вот только Мурка куда-то запропастилась, звал-звал — нет. А я и приехал-то больше из-за неё. Уговаривала Нина Бернардовна у них оставаться ночевать. Я должен был сегодня вечером быть на Всеобуче. Пришёл туда к 6 часам, но узнал тут, что от Всеобуча я освобождён, как непригодный к строевому обучению. Так что теперь не придётся ходить 3 раза в неделю (понедельник, среда и пятница) от 6 до 8 вечера. И можно будет засветло возвращаться домой. Из знакомых вам лиц проходит Всеобуч только Дмитрий Григорьевич Редер, который как-то раз у нас был.

И вот вместо обучения пошёл я к Бернардам и пил там чай, а потом написал цидульку Николаю Леонидовичу: завтра едет в их края один человек — он передаст её.

Письмо твоё, бабаня, меня обрадовало бодростью тона. Хорошо, что местность тебе в Ильинском нравится и к работе попривыкла. Нужно ещё и сон наладить. Особенно обо мне не задумывайся — как-нибудь проживу. Отвечаю на твои деловые запросы:

Полы мне один раз мыла Домаша, так что в пыли не купаюсь. Теперь поломытье будет, когда я вставлю балконную дверь. Возможно, попрошу Клаву. А то есть у нас в институте швейцариха — она, может быть, приедет на день (воскресный) и обстирает. И вымоет полы. Она за это дело берётся.

О тёплом белье в Мосторге подумаю. На днях суну туда нос, но, по разговорам судя, из этой вылазки ничего не получится. Пока сделал одно тёплое приобретение: жена Соломона Лазаревича купила ему и мне по паре тёплых рукавиц вигоневых, двупалых, по 7 рублей за пару. В трусах я уже давно не хожу, а среди оставшегося белья у меня есть 2 пары новых совсем кальсон, их и ношу.

Посылку вам постараюсь послать, хотя сделать это, кажется, не так уж легко. Да и главное, очень мало у меня времени: литературно-библиографическая работа, преподавание 3 раза в неделю, общественные поручения по чтению лекций, бытовые и продовольственные заботы, да переписка — вам ежедневно, папе или Лене через день. А тут нет-нет, да ещё тревога время возьмёт. Но, в общем, ничего. Как-нибудь постараюсь послать. Вчера по чистой случайности (Пётр Андреевич свёл с одним человеком) удалось мне послать папе с одним едущим к ним немного сахару, конфет, чая, банку консервов «печень трескова»я, сыра, коробку вафель мандариновых и конвертов. Сейчас, когда это пишу, думаю, что они уже всё получили. Завтра мне с 5 часов вечера быть ответственным дежурным по институту, т. е. сидеть у телефона в 1-м этаже до 8 часов утра следующего дня. А Пётр Андреевич и Соломон Лазаревич тоже в эту среду будут дежурить, но в качестве пожарных. Ну, пока, до свидания. Допишу завтра утром. Да, всё забывал Гоге написать, что его копеечный фонд я почти весь пустил в оборот и потратил, чтобы зря не лежали. Ключ от сарайки у меня цел, но в ней я ещё ни разу не был. Керосина в кусковской лавке — сколько хочешь. Мой телефон работает, но звонить можно только от меня, а ко мне нельзя.

7/X. 10 ч. утра[A]

Дописываю на почте Курского вокзала. Ночь проспал преспокойно. Машка-паршивка так на ночь и не явилась. Изволила прибыть только утром, поела и улеглась спать. Пришлось запереть её на кухне и просить Шалимову днём выпустить. Так как я на ночь сегодня не вернусь домой — буду дежурить в институте, — то ключи от библиотеки и комнаты оставил Шалимовой. Сейчас еду в институт на лекцию. Потом с 1 по 5 пойду в библиотеку и обедать, а там с 5-ти дежурить. Привет всем. Что-то от Лёли письма нет? С. Дмитриев.

[A] Продолжение письма № 52 написано другими (фиолетовыми) чернилами и перьевой ручкой.

52[A].

8/X-1941 г. 7 ч. утра

Кончил сейчас своё дежурство. Оно прошло спокойно. В институте со мною дежурили Пётр Андреевич, Соломон Лазаревич и Манфред. Сейчас поеду домой, предварительно купив хлеба. Каких-либо новостей после вчерашнего моего заказного письма вам не произошло. Сегодня думаю провести день дома. Славян своих заканчиваю, в субботу дам их перепечатывать на машинке. Завтра, наверное, поеду к Георгию Андреевичу всё по этим литературно-библиографическим делам. Дома, возможно, найду письма от вас. Папе послал маленькую посылку в воскресенье. До свидания. С. Дмитриев.

53.

9/X-1941 г. 4½ ч. дня

Теперь и я могу написать вам — что-то от вас третий день писем нет. Возможно, сегодня домой вернусь — найду. Последнее было заказное от бабани[B]. Вчера, в среду, рано утром, окончив своё дежурство в институте, которое прошло совершенно спокойно, поехал домой. Там все наши в порядке. Занимался до 3 часов хозяйственными делами — дважды сходил за керосином, взял 15 литров раз, да вторично 9 литров, так что теперь мне надолго хватит. Керосин мне заменяет пока дрова. Балконную дверь ещё не вставил. Потом ходил к Зариновым за молоком. Берут они теперь по 1 рублю 70 копеек за кружку, а на базаре — я приценился — просят по 2 рубля. После молока пошёл к Клаве и отдал ей 4 пары выстиранных Домашею носок для штопки, так как завтра собираюсь идти в баню. Сегодня утром одну пару, заштопанную, она вернула. После всех этих дел лёг спать (на дежурстве накануне не спал, все разговаривали) и проспал до 7 часов. Восстав[C], изготовил обед: на 1-е щи из мясных кубиков со сдобой и сухарями, на 2-е пельмени (как-то купил их два пакета), на 3-е кружка молока. В 10 часов гонял чаи. Так и день прошёл.

Сегодня утром отдал Петру Николаевичу свои старые чёрные туфли — поставить новые подошвы и перетянуть верха: он ведь теперь массовик-сапожник. Понятно, сам сапоги не чинит, но от него сапожники зависят. За полный ремонт взял с меня 41 рубль. Позавтракав, сходил на почту в Кускове и узнал об условиях приёма посылок для эвакуированных. Новая забота — достать где-нибудь лёгкий ящик. Вся посылка должна быть не более 8 кг, так что вес ящика — дело очень важное. Затем поехал в Историческую библиотеку, где и сейчас сижу и

[A] Так в подлиннике.
[B] «От бабани» вписано внизу, между строк.
[C] Так в подлиннике.

пишу вам. Допишу и поеду к Георгию Андреевичу на дом, на Арбат, отделывать братьев-славян и обедать. А затем и домой. Вот сегодняшний день.

Настроение среднее. От ярославцев жду писем с извещением о получении посылки, которую в это воскресенье я им отправил с одним попутчиком. Собираюсь вам бандеролью послать ещё книги и карту СССР для Игоря. До сих пор не знаю, пришли ли те две бандероли с его учебниками. Кларе не звонил. А Кремнихе звонил, занятий в твоей, Лёля, школе ещё нет. Возможно, начнутся во второй половине октября.

У Наташи не был неделю: времени мало. В субботу отдам печатать славян, будет посвободнее. Пишите почаще. Всем привет. Бабаня в своём последнем письме говорит, что Лёля собиралась писать мне особо, но такого письма я ещё не получал.

Вчера уехала сестра Соломона Лазаревича в Уфу, вскоре уедет жена в Казань. Николай Леонидович пишет. На днях был у Дмитрия Леонидовича.

До свидания. С. Дмитриев.

54.

10/X-1941 г. 12 ч. дня

Вчера получил Ваше письмо от 27/IX, т. е. юбилейно-2-х месячное. Я вам в этот день тоже писал. Письма стали идти медленнее, чем раньше. Вчера вернулся домой затемно, просидел над славянами у Георгия Андреевича. У него же и обедал с большим удовольствием в домашней обстановке: суп, котлеты, кашу, огурцы и кофе. Ночь спали спокойно. Сегодня пойду в баню после лекции, которую буду читать с 1 до 3 часов дня. Ваши соображения о Домне отпали. Она уехала в это воскресенье. Боюсь, что бедняга попала в пути в перепалку. Николай Леонидович пишет, что понемногу устраивается. Приехавшая было к Соломону Лазаревичу жена в последние дни стала срочно собираться назад в Казань. Возможно, что тогда, т. е. когда она уедет, наше сожительство с ним может возобновиться. Сегодня у нас первый морозный день: утром –5°, сейчас -1°. нужно вставлять балкон. Хорошо, что бабаня написала, где лежит тряпье. Что до полётов небесных созданий, то нас этим теперь не только ночью, но и днём не удивишь. От ярославцев что-то несколько дней нет письма. Я уже писал вам, что в воскресенье переслал папе маленькую посылку. Сейчас в институте попробую получить справку для пересылки вам посылки. На днях постараюсь выслать. Бандеролью пошлю «Атлас СССР» и другие книги.

В бане наспех дописываю, тороплюсь домой, там ждёт Пётр Андреевич с новостями.

До свидания, всех целую. С. Дмитриев.

55.

11/X-41 г. 10½ ч. утра

Начинаю писать из Книжной палаты, где сидим с Георгием Андреевичем, занятые сдачей в печать своих славян[A] (как видите по чернилам — продолжаю писать уже в другом месте, в Исторической библиотеке, в 2½ ч. дня). Из Книжной зашёл я к Наташе. Её не было дома, ушла в баню. Александр Александрович один, пока ещё не служит. Вернувшаяся Катя с пропиской устроилась, теперь живёт и трясётся. Я её не видел. От Александра Александровича узнал, что сюда прибыл Коля Чакалёв, один, в длительную командировку, кажется.

Вчера вечером был у меня Пётр Андреевич. Сегодня на ночь возможно приедет Соломон Лазаревич с женой. Он считает, что у меня всё же может быть лучше, чем на его и подобных ему по расположению квартирах. Завтра-послезавтра его жена срочно выезжает обратно в Казань. Вчера, вернувшись домой после бани, я не нашёл писем ни от вас, ни от папы. От вас что-то уже два дня нет. Правда, срок не такой уж большой, но теперь, при насыщенности событиями всякого часа, и два дня кажутся длительным временем.

Просил бы вас в свою очередь не волноваться и не беспокоиться, если будут задерживаться приходом мои письма. Но будем надеяться, что будут идти в порядке. От папы и Лены не было писем дней 5–6. Не знаю, получили ли они мою посылку.

С отправлением вам валенок и шапок пока ещё ничего не получается. Не достал требуемой справки, потом её нужно будет заверять в горсовете. При сдаче посылок дело, кажется, не обходится без очередей. Но всё же постараюсь сегодня-завтра сделать что можно.

На завтра у меня вообще грандиозные планы — разыскать всё что нужно для посылки, если будет справка, то отправить посылку; разыскать что нужно для вставки балконной двери и, может быть, даже её вставить. Ну что из этих планов удастся выполнить, сказать трудно. До завтра воды много утечёт. Во всяком случае, я теперь доволен, что вы на известное время всё же в стороне и на месте, более или менее знакомом. Из новостей могу ещё сообщить одну, невесёлую, которую узнал сам вчера: умер Евгений Андреевич Мороховец[B]. Уехал он давно уже в Боровое, в Казахстане, и вот мы здесь живём, а он там умер от рака пищевода. Жаль мне было старика. Так наша Хрестоматия света и не увидела. Милица Васильевна, Сергей Владимирович Бахрушин, Николай Михайлович Дружинин, Базилевич здесь. Со всеми ими мне теперь не прихо-

[A] От слов «своих славян» и до конца письма текст написан другими чернилами.
[B] Е.А. Мороховец умер 3 октября 1941 г. на курорте Боровое Казахской ССР.

дится иметь дела. Вот только с Георгием Андреевичем вместе работали над указателями.

Ну, пока всё. Кончаю писать. Пойду на Покровку в столовую обедать, потом в магазин за хлебом и колбасой — на вечер (дома ещё целая большая миска свежих и спелых помидор — снабжает ими меня, также и чесноком, Пётр Андреевич со своего огорода). А оттуда домой — хочется добраться засветло, а темнеет теперь в 6–7 часов.

Если посылку завтра не отправлю, то для Гоги пошлю книг, в частности Атласы с географическими картами.

Пишите чаще. Всех вас целую.

До свидания. С. Дмитриев.

55[A].

13/X-41 г. 4½ ч. дня

Что-то от вас нет три-четыре дня писем. Беспокоюсь. Вчера послал вам две бандероли с книгами. С посылкой немного задерживаюсь. Есть предположение о переводе института в другое место. Если поедем, то Пётр Андреевич и Соломон Лазаревич вместе со мною. Буду писать, когда выяснится. Тогда подумаю насчёт вас. Все живы и здоровы, дома всё в порядке. До свидания. Целую вас. С. Дмитриев.

II. [Эвакуация][B]

17/X-1941 г.

Дорогие мои, пишу со станции г. Владимира, куда добрались на машинах сегодня утром. Скоро отправимся далее, в Горький. Едем я, Соломон Лазаревич Марголин, Георгий Андреевич Новицкий, профессор Рейснер и ещё несколько человек. Из дому я вышел в четверг 15/X рано утром. Добираться предполагаю вместе с Новицким в Ташкент, куда поехал университет. Как только устроюсь — буду писать и телеграфировать о выезде вас ко мне. В Горьком зайду к Мощанским. Их адрес: Горький. Оперная ул. Дом 2, кв. 6. Анастасия Галактионовна Мощанская. Если бы вам пришлось выезжать ранее, чем получите мой вызов, то временно вы могли бы остановиться или в Горьком у Мощанских, или в Саратове у Николая Леонидовича (Саратов, Советская ул., д. 29, кв. 11). Я

[A] Открытка, как и письмо от 11/X-41 г., пронумерована числом 55.

[B] Далее публикуется пачка корреспонденции, на обёртке которой рукой С.С. Дмитриева сделана карандашная надпись: «Письма и открытки С.С. Дмитриева к родным с пути от 17/X-1941 г. до 2/XII-1941 г. Всего числом 16-ть (Из Владимира 1, из Кирова 6, из Молотова (Перми) 1, из Свердловска 3, из Новосибирска 1, из Сталинска 4)». Одно письмо (из Кирова) утрачено.

жив и здоров. Катя, Наташа и Александр Александрович остались дома. Обо мне не беспокойтесь. Буду писать с дороги. Без крайней нужды не срывайтесь с места. Билеты вам при необходимости достанет Шура[A] в Данилове. Пишите Мощанским и в Казань: улица Карла Маркса, дом 49, кв. 10[B]. Эсфирь Мироновне Лурьевой. Это жена Соломона Лазаревича. У ней остановился после Горького. Деньги у меня есть[C].

28/X-1941 г. г. Киров

На всякий случай пишу и по этому адресу. Я ещё живу с Марголиным и Зайончковским в Кирове (Вятке) и ожидаю назначения на работу. Я вам телеграфировал, чтобы вы ехали в Ярославль, так как, получив назначение, я хочу заехать за вами и вместе как-нибудь пробираться на место моего нового назначения. Если же вы ещё в Макарове, то очень было бы хорошо, если бы Лёля добралась до Шуры и разузнала не легче ли было бы с его помощью нам всем выбраться из Данилова? Поезда идут сильно загруженные, сесть и ехать будет очень трудно, но, думаю, что это всё же лучше, чем вам остаться в одном месте, а мне уехать в другое. Во всяком случае, ждите от меня известий или визита. На крайний случай оставайтесь на месте или в Макарове (Ильинском то есть) или у папы в Ярославле. Из дома мы выбрались 16/X. Целую. С. Дмитриев.

29/X-1941 г. Киров

Дорогие мои, сижу в Кирове и жду назначения. Вчера узнал, что из моих планов о заезде моём за вами после получения назначения, вероятно, ничего не получится, так как нет возможности к вам отсюда проехать. Сделаю ещё попытки в этом направлении, но, если этого не добьюсь, то буду вас вызывать на место своего назначения, когда сам туда прибуду и узнаю о квартире. Конечно, проезд для вас будет очень труден. Подумайте, может решите все вместе оставаться там, где живете: у папы ли в Ярославле, или в Ильинском. При этом весьма вероятно, что мы будем оторваны на известное время друг от друга. О назначении моём говорят, называя Молотов (Пермь), Чкалов (Оренбург), Бугуруслан. Впрочем, всё это ещё неопределённо. Обо мне не беспокойтесь: нас трое здесь, сыты, квартиры есть. Целую вас всех. С. Дмитриев.

30/X-1941 г. г. Киров

Дорогие мои, ходил сейчас на вокзал и убедился, что проезд, куда бы то ни было, крайне затруднён. Вчера послали обо мне запрос в отношении места в Свердловском (Екатеринбургском) университете. Если получу туда назначение

[A] Имеется в виду брат жены С.С. Дмитриева — Александр Алексеевич Юматов.

[B] Последняя фраза от слов «Пишите Мощанским» написана на левом поле открытки.

[C] Конец текста от слов: «Эсфирь Мироновне» написан внизу перевёрнутой открытки.

и доберусь до Свердловска, а также получу там площадь, то буду стараться вас к себе выписать. Если же назначение в Свердловск не состоится и придётся брать место где-нибудь в стороне от Сибирской железной дороги, на линии которой вы находитесь, то может быть лучше вам оставаться на месте дома и никуда не трогаться. Боюсь, что вы сорвётесь с места и не доберётесь до меня. Уж лучше жить в своём доме. В случае невозможности до меня добраться, считаю для вас более выгодным оставаться в Ильинском. Думаю, что как-нибудь просуществуете. Обо мне не тревожьтесь, я как-нибудь просуществую. Серафима Галактионовна, обращаюсь к Вам, если мои поехали в Ярославль, то прошу немедленно как-нибудь довести до их сведения содержание этой открытки. Обо мне запросы шлите в крайнем случае по адресам: 1) Барнаул Алтайского края. Малая Олонская ул., д. 14, кв. 2. Зайончковской Зинаиде Алексеевне. 2) Саратов. Советская ул., д. 29, кв. 11. Николай Леонидович Рубинштейн. 3) Уфа, Аксаковская ул., дом 8, кв. 1 или гостиница «Башкирия», Р.С. Марголиной[A]. Целую вас всех. С. Дмитриев[B].

Воскресенье 2/XI-1941 г. г. Киров

Дорогие мои! От вас и папы нет до сих пор телеграмм. Я к вам проехать отсюда не могу, а проживать здесь без работы и жилплощади тоже нельзя. Завтра получу назначение или в Свердловск, в университет, доцентом или Сталинск Новосибирской области в Сталинский учительский институт, доцентом. Ехать же я намерен с Зайончковским в Барнаул, так как несмотря на назначение, мало надежд на работу и площадь в Свердловске и в Сталинске. В Барнауле же я думаю найти работу и жилье. Существенно и то, что в Барнауле я буду всё же не один. Если там я упрочусь, то думаю выписать вас к себе. Ты, Лёля, может быть, тоже найдёшь работу там, на тот конец, если меня призовут служить. Проезд будет, конечно, очень-очень труден. Может быть лучше, несмотря на все трудности разлуки, вам всё же оставаться на месте в Ярославле или Ильинском. В последнем, может быть, вам будет даже лучше. Очень трудно заочно решать теперь что-либо. Обо мне не беспокойтесь, как-нибудь до места вместе с Зайончковским доберусь, а там тоже не один буду. Деньги у меня есть. Главная же моя забота — это вы. Ничего о вас не знаю, беспокоюсь, горюю, что не вместе. Но, может быть, как-нибудь всё устроится. Я буду вам писать возможно чаще, но если будет молчание, то справляйтесь обо мне по адресам: 1) Барнаул Алтайского края, Малая Олонская ул. Д. 14, кв. 2. Зинаида Алексеевна Зайонч-

[A] Фраза от слова «Уфа» до слова «Марголиной» написана внизу снизу-вверх перевёрнутой открытки.

[B] «Целую… Дмитриев» приписано на левом поле открытки.

ковская. 2) Уфа. Аксаковская ул. Д. 8, кв. 1. Р.С. Марголина. 3) Саратов, Советская ул., д. 29. Кв. 11. Н.Л. Рубинштейн. До Свердловска едем втроём: я, Зайончковский и Марголин. Далее — я и Зайончковский. Марголин повернёт на Челябинск и в Уфу. Очень хотел бы вас всех повидать и поговорить. Целую всех крепко. До свидания. С. Дмитриев.

Воскресенье. 2/XI-1941 г. г. Киров

Дорогие мои, пишу ещё из Кирова, который, думаю, покину завтра-послезавтра. Правда, поезда идут не очень точно и сесть будет трудно. Но нас едет трое близких — Зайончковский, Марголин и я, да кроме нас ещё из нашего института 5 человек, так что все вместе выберемся. К вам отсюда проехать нельзя. Здесь жить без работы и квартиры нельзя. Дадут мне завтра назначение на работу или в Свердловск, в университет, доцентом на Исторический факультет или Сталинск, Новосибирской области, в Сталинский учительский институт, доцентом. Оба эти назначения, впрочем, вряд ли реальны. Теперь почти все места заняты. Вот почему я решил ехать вместе с Петром Андреевичем Зайончковским в Барнаул, где в учительском институте работает его жена. Думаю, что там удастся найти работу и жилплощадь: если крайняя необходимость не вынудит вас уезжать из Ильинского, то сидите на месте и ждите моего вызова. Лёля, тебе бы стоило съездить в Данилов к Шуре и узнать, может ли он вам помочь при выезде. Если надумаете или будете вынуждены ехать, то, полагаю, что отправитесь только по Северной железной дороге на восток через Буй на Киров (Вятку), Молотов (Пермь), Свердловск (Екатеринбург). В случае необходимости ехать направляйтесь в Барнаул. Там будет Пётр Андреевич, его жена и, по всей вероятности, и я. Во всяком случае, там вы найдёте приют расположенных людей, и они помогут вам там устроиться. Лёля должна будет начать работу. На проезд у вас денег хватит. Правда, езда на такое громадное расстояние в зимних условиях будет и медленной, и очень трудной. Перенести такой переезд дело очень сложное. Может быть, если решите не ехать, то лучше всего переселиться к Шуре в Данилов. На него и его железнодорожные связи нужно ориентироваться. Я считаю, что если бы сейчас по получению моего письма Шура мог бы вас устроить в пассажирский прямой поезд Москва — Владивосток, идущий через Новосибирск, то стоило бы тотчас же поехать в Барнаул. Такой прямой пассажирский поезд довёз бы вас от Данилова до Новосибирска без пересадок. А от Новосибирска до Барнаула по железной дороге 230 км, там-то добраться будет нетрудно. Ехать же в теплушках, как вы выбирались в Ярославль, или в поезде, идущем до Кирова или Свердловска и там пересаживаться, я считаю, исключительно трудным в зимних условиях, прямо-

таки опасным. Уж лучше оставаться на месте. Считаю, что «на месте» это у Шуры, если, конечно, он с семьёй сам куда не поедет. Тогда уж держитесь за него.

3/XI. Известий от вас я не имел уже целый месяц, где вы — не знаю. Эта неизвестность гнетёт меня. Если это письмо, которое я, скопировав, отправляю в адреса ваш, папы и Лены, до кого-нибудь дойдёт, то немедленно телеграфьте[A] мне по адресу: Новосибирск. Центральный почтамт. До востребования. С.С. Дмитриеву. Сообщите в телеграмме, где вы все и что думаете делать. Дописываю это в Наркомпросе. Мои спутники пошли на вокзал добиваться билетов на поезд, хотя бы до Свердловска идущий.

Больше всего я боюсь, уезжая так далеко, как бы не разорвалась связь с вами. Буду вам писать возможно чаще, если же вы сдвинетесь с места или мои письма не будут доходить до вас, то узнавайте обо мне по адресам: 1) г. Барнаул Алтайского края, Малая Олонская ул., д. № 14, кв. 2. Зинаида Алексеевна Зайончковская, это жена Зайончковского, работающая в Барнаульском учительском институте, к ним сейчас и еду, так что уже сейчас вы пишите на этот адрес для меня; 2) г. Уфа. Аксаковская ул., д. № 8, кв. 1. Ревекка Соломоновна Марголина; это — сестра Марголина. Он сам едет в город, расположенный недалеко от Уфы, в Бирск. На адрес Уфы я буду также сообщать о себе. 3) г. Саратов. Советская ул., д. 29, кв. 11. Николай Леонидович Рубинштейн. Ему буду тоже сообщать о своём местопребывании. 4) г. Горький. Оперная ул., д. № 23, кв. 6. Анастасия Галактионовна Мощанская; это сестра Серафимы Галактионовны Юматовой; им я тоже сообщу о себе. 5) г. Киров. Улица Большевиков, д. 43. Наркомпрос РСР. Планово-финансовое управление. Клавдии Александровне Коноваловой. Это — бывший директор Московского областного музея. И ей я буду тоже сообщать о своём местопребывании. Наконец, вы можете запрашивать о моём местопребывании по этому же (5-му) адресу, но адресуясь в Управление университетов и научно-исследовательских учреждений. Понятно, они вам ответят, если я буду работать в их сети. Полагаю, что по этим 5-ти адресам вы, даже уехав с места и оставшись на месте, но не получая моих писем, сможете что-нибудь обо мне разузнать.

Коротко ещё раз скажу о времени после выхода из дома. Из дома я вышел 16 октября утром. Днём был у Наташи и Александра Александровича. Обоих застал и простился с ними. У них оставил некоторые вещи: драповое пальто, серый старый и зелёный костюмы, бельё, которое не мог взять с собой (кроме взятого), диссертацию, лекции и ключ от нашей квартиры. Вечером мы выбрались на Владимир: я, Марголин, Георгий Андреевич Новицкий и др. Зайончковский от-

[A] Так в подлиннике.

правился один, с ним мы встретились в Горьком. Из Горького прибыли все в Киров в Наркомпрос за назначениями. Здесь в Кирове жили мы ничего в общежитии бывшего института, имели постели, бельё, обедали в столовой Наркомпроса, а также покупали на рынке мясо и овощи и одна женщина готовила нам ужины.

Всячески это время старался установить с вами связь, проехать к вам, но все попытки успехом не увенчались. Предлагали мне назначения в г. Чкалов (Оренбург), в Нижний Тагил. Но ехать в совершенно неизвестный город, где нет ни одного ни родного, ни знакомого и не будешь уверен в том, что получишь работу и угол, я считаю невозможным. Да и вам до Чкалова было бы, пожалуй, в случае чего даже труднее добраться, чем до Барнаула, расположенного хотя и далее, но на прямой линии железной дороги, на которой и вы проживаете. Бог даст, и соединимся все как-нибудь. В Барнауле же я буду у близких мне людей, и Пётр Андреевич и его жена постараются мне помочь найти работу. Да и вас они в случае чего примут.

Сейчас (11 часов дня) получил командировку с назначением на должность зав. кафедрой истории СССР в Сталинский учительский институт. Школьная улица, дом № 7). Командировка вполне солидная, но нет уверенности в том, что место не занято кем-нибудь другим, прибывшим туда не через Наркомпрос, а самостоятельно. Так как от Барнаула до Сталинска по сибирским пространствам недалеко, то я думаю, что может быть проеду прямо в Барнаул, а оттуда (или ещё в пути из Новосибирска) свяжусь со Сталинском и узнаю о возможности там работать. И в пути многое ещё может выяснится; возможно, что сначала в Сталинск коли там есть работа и дадут комнату, то обоснуюсь там[A]. Впрочем, если вы теперь же найдёте возможность двигаться, то отправляйтесь всё же в Барнаул. Оттуда я вас всегда смогу выручить, заехав за вами.

6 часов вечера. Срочно дописываю. Кажется, сегодня уедем. Обещают билеты и места в эшелоне.

До свидания. Целую вас всех, мои дорогие. Держитесь все вместе. Думаю, что увидимся.

Привет. С. Дмитриев.

Лена и папа, это письмо для всех вас, но прямо касается моих (Лёли, Игоря, бабани). Им его постарайтесь сообщить, если они не у вас. С. Дмитриев.

4/XI.[B] 9½ часов утра. Киров. Вокзал[C]. Через час садимся в эшелон, идущий до Барнаула. Едем все трое: я, Зайончковский и Марголин. Последний только

[A] Далее зачёркнуто «и вас».
[B] Письмо дописано другими чернилами.
[C] «Киров. Вокзал» вписано над строкой.

до Свердловска. Так как я, вероятно, не остановлюсь в Новосибирске, то давайте мне телеграмму на Барнаул. До свидания. С. Дмитриев.

9/XI-1941 г. Молотов (г. Пермь)

Пишу вам с вокзала г. Молотова (Перми). Имею назначение на работу в г. Сталинск Новосибирской области в учительский институт. Еду в хороших условиях вместе с Зайончковским в тёплом вагоне. Со вчерашнего вечера едем вместе с Бороком Борисом, случайно встретив его по дороге. Думаю, прежде Сталинска проехать прямо в Барнаул и поискать работы и квартиры там. Если вы с помощью Шуры (из Данилова) можете попасть в прямой пассажирский поезд, идущий от вас в Новосибирск, то выезжайте в Барнаул Алтайского края, Малая Олонская ул., д. 14 кв. 2. Зинаида Алексеевна Зайончковская. Туда же мне пишите и телеграфируйте. Сообщайте о себе также в адрес Н.Л. Рубинштейна: Саратов, Советский ул., д. 29, кв. 11. До свидания. Целую вас всех. С. Дмитриев.

11/XI-1941 г. Свердловск

Дорогая Лена, Лёня, ребята[A]. Пишу с вокзала Свердловска (б. Екатеринбург). Еду вместе с Зайончковским, а до Свердловска ехал также с Борисом Бороком. Я назначен в г. Сталинск, Новосибирской области, в учительский институт, зав. кафедрой истории. Так как Барнаул несколько ближе Сталинска, то я прежде поездки в Сталинск заеду в Барнаул, куда едет Зайончковский и где находится его семья. Если найду работу и квартиру в Барнауле, то там и останусь. Я думаю, что если бы мои могли попасть в прямой пассажирский поезд, идущий от вас до Новосибирска, то стоило бы в нём тронуться до Новосибирска по адресу: г. Барнаул, Алтайского края, Малая Олонская ул. Д 14, кв. 2. Зинаида Алексеевна Зайончковская. Если они в Макарове, то из Данилова им мог бы помочь брат Лёли Шура. Билеты можно и не доставать, нужно поговорить с проводником. На дорогу следует взять побольше хлеба, соли, чесноку, луку. Не знаю, как для мамы будет такая поездка. Этот путь будет, конечно, очень труден и медленен. Если ехать прямым поездом. То будет только одна пересадка в Новосибирске в поезд, идущий к югу на Барнаул (там всего 230 км). У Зайончковских их примут, да я и сам, возможно, буду там. Папе при его здоровье, годах и зиме, считаю, лучше не трогаться. Ты и ребята, наверное, будете обязаны поехать вместе с Лёней. Но путь сейчас так труден, что может быть лучше оставаться на месте[B]. Целую вас всех. Обо мне не беспокойтесь.

[A] Открытка адресована сестре С.С. Дмитриева — Елене Сергеевне Барановой и членам её семьи: мужу Леониду Алексеевичу, сыновьям — Виктору и Сергею.

[B] Конец текста, начиная со слова «месте», написан в нижнем правом углу сверху вниз перевёрнутой открытки.

11/XI-1941 г. г. Свердловск

Глубокоуважаемые Александр Алексеевич и Анастасия Галактионовна![A] Обстоятельства мои так сложились, что я должен был срочно уехать из вашего города в Киров, Наркомпрос. Там получил назначение в г. Сталинск, Новосибирской области, в учительский институт, зав. кафедрой истории. Прежде чем ехать в Сталинск, я заеду в Барнаул, куда направляется мой спутник, с которым я к вам заходил. Если найду в Барнауле работу и квартиру, то останусь там жить. Из Кирова вам телеграфировал, запрашивая, нет ли известий от моих. Ответа не получил, вероятно, он пришёл уже после моего отъезда из Кирова. Очень прошу вас, и особенно Вадима, которого знаю более, известить наших о содержании этого моего письма. Если они ещё в Ярославле или Ильинском, то я считаю, что Лёля и Игорь могли бы поехать в Барнаул, если бы устроились на прямой пассажирский поезд, идущий от них до Новосибирска. Обращаюсь к вам с просьбой переслать письма для меня по адресу: г. Барнаул Алтайского края. Малая Олонская ул., д.№ 14, кв. 2. Зинаиде Алексеевне Зайончковской для Сергея Сергеевича Дмитриева. Ильинский адрес: станция Макарово Северной железной дороги Пречистенского района Ярославской области, село Ильинское на Соти. С.Г. Юматовой.

Уважающий вас С. Дмитриев.

11/XI-1941. г. Свердловск (г. Екатеринослав)[B]

Пишу с вокзала[C]. Едем вместе с Зайончковским. До Свердловска ехал с нами Борис Борок. Я получил назначение в г. Сталинск, Новосибирской области, в учительский институт, зав. кафедрой истории. Так как Барнаул немного ближе Сталинска, то я прежде Сталинска, заеду в Барнаул, куда едет Зайончковский и где живёт его семья. Если найду работу и квартиру в Барнауле, то там и останусь. Я думаю, что если бы вы могли попасть в прямой пассажирский поезд, идущий от вас до Новосибирска, то стоило бы в нём тронуться до Новосибирска, где сделать одну пересадку в поезд, идущий на Барнаул (всего 230 км). Ехать нужно (так же, как и писать мне) по адресу: г. Барнаул, Алтайского края, Малая Олонская ул., д. 14, кв. 2. Зинаида Алексеевна Зайончковского — жена Петра Андреевича. Там вас примут, да, возможно, что я и сам там буду. Если поедете из Данилова, то просите Шуру устроить вас на этот поезд (кажется, поезд № 4). Я думаю, что он поговорит с проводником, а вы можете за билетами особо не гнаться. Купите себе все валенки (поедете или нет). В до-

[A] Открытка адресована в г. Горький А.А. и А.Г. Мощанским.

[B] Так ошибочно в подлиннике. Должно быть: Екатеринбург.

[C] Открытка адресована семье в с. Ильинское.

рогу — больше хлеба, соли, чеснока, лука, чайник. Путь будет медленный и трудный. Не знаю, что сказать маме, ей будет тяжела поездка, а вместе с тем очень хотелось бы, чтобы она была с нами. Для папы я считаю такую поездку сейчас зимою невозможной. Подумайте, может быть, решите и вы оставаться на месте в Ильинском. Обо мне не беспокойтесь, даже, если письма не будут приходить. Целую вас. С. Дмитриев.

15/XI-1941 г. г. Новосибирск

Дорогие, мои, сегодня я и Зайончковский приехали в Новосибирск. Сегодня же постараемся уехать в Барнаул (отсюда ещё 230 км). Адрес в Барнауле (туда пишите и телеграфируйте): г. Барнаул Алтайского края, Малая Олонская улица, д. 14, кв. 2. Зинаида Алексеевна Зайончковская, для меня. Если в Барнауле устроюсь, то там и останусь. Если же нет, то поеду в Сталинск, Новосибирской области, в учительский институт. Коли вы думаете ехать ко мне или будете вынуждены уезжать, то я считал бы возможным для вас, (в крайнем случае, для Лёли и Игоря) поехать в Барнаул. Ехать, по-моему, можно только прямым пассажирским поездом (кажется, № 4) (он ходит один раз в 5-днёвку) от Ярославля или Данилова до Новосибирска, а там до Барнаула рукой подать. Эшелоном ехать зимой нельзя. В крайнем случае, оставайтесь уж лучше на месте. Обо мне не беспокойтесь: чёрный костюм, часть белья, зимнее пальто, шапка, носки, рукавицы со мною. Сегодня купил за 300 рублей прекрасные валенки. Если не будете получать моих писем, то пишите запросы к Н.Л. Рубинштейну в Саратов и Барнаул. С.Д.

23/XI. Воскресенье. 1941 г. Сталинск.

Дорогие мои, совсем с вами порвалась связь, что меня страшно[A] огорчает. Вот уже 1½ месяца как ничего о вас не знаю. Скорее телеграфируйте и пишите, если вы ещё на месте, по следующему адресу: 1) для писем: г. Сталинск. Новосибирской области, почтовое отделение Старый Кузнецк, Мариинская ул., дом № 26. С.С. Дмитриеву. 2) Для телеграмм: Сталинск. Новосибирской области. Сталинский учительский институт, доценту Дмитриеву. Я сюда приехал в пятницу 21/XI из Барнаула. Там мы с Зайончковским не застали ни института, где он должен был работать, ни его семьи. Они переехал в район, далеко от города. Пётр Андреевич полетел на аэроплане к ним, а я поехал сюда в Сталинск, куда и имел назначение. Встретили меня здесь ничего. Пока я нашёл комнату тёплую и светлую, но небольшую и проходную, думаю найти постепенно что-нибудь более подходящее. Работа доцентом и зав. кафедрой истории в учи-

[A] Далее густо зачёркнуто слово «мучает».

тельском институте для меня не трудная. Зарплата 1.040 рублей в месяц. Для одного этого здесь достаточно, для 2–3 человек мало. Думаю, что стоило бы подумать о приезде сюда (если они ещё не тронулись с места и где-нибудь уже не устроились) Лёли и Игоря. Маме будет такой путь уж очень труден. Здесь очень холодно и жить нужно в тёплом помещении и одежде. Как-нибудь, думаю, проживём. Ехать нужно на прямом пассажирском поезде № 4 от вас до Новосибирска, там пересадка на поезд № 41 до Сталинска. Если же вам на месте кажется, что прожить можно, то сидите[A]. Я здесь, как-нибудь, и один проживу это время, а там — живы будем, так соединимся. Обо мне не грустите, вот только скорее о себе меня известите. Как ты, Лёля, себя чувствуешь, как Гога, мама, бабушка, папа? Ни о ком ничего не знаю. Целую вас всех, родные. С. Дмитриев.

23/XI. Воскресенье. 1941 г. г. Сталинск

Дорогие мои[B], связь с вами уже 1½ месяца, как прервалась. Скорее телеграфируйте и пишите по адресу: 1) для писем: г. Сталинск. Новосибирской области, почтовое отделение Старый Кузнецк, Мариинская ул., дом № 26. С.С. Дмитриеву. 2) Для телеграмм: Сталинск. Новосибирской области. Сталинский учительский институт. Доценту Дмитриеву. Я переехал сюда из Барнаула 21/XI. В Барнауле я свой здешний адрес оставил на тот конец, если бы мои туда прибыли. Здесь я устраиваюсь по назначению в Сталинском учительском институте доцентом и зав. кафедрой истории. Оклад мой 1.040 рублей в месяц. Для одного этого достаточно. Нашёл пока комнату тёплую и светлую, но проходную и небольшую. Постепенно думаю найти что-нибудь более подходящее. Конечно, очень бы хотелось бы соединиться со своими, но боюсь, как их решительно сдвигать с места в такой дальний путь. Сейчас зима, здесь весьма холодная. Может быть, можно это время им и на месте пережить, хотя всё же я считал бы спокойнее и им и вам уехать куда-нибудь. Может быть, Игорь и мама могли бы поехать с вами, если вы куда тронетесь не так далеко, как Сибирь, а Лёля со своими и моими вещами приехала бы ко мне. Или Лёля с Игорем поехали бы ко мне, а мама осталась с вами или в Ильинском. Ей, бедной, боюсь, путь ко мне уж очень будет тяжёл. Ехать нужно прямым пассажирским поездом № 4 от вас до Новосибирска, в Новосибирске пересадка на местный поезд № 41 до Сталинска (одна ночь езды). Тряпья и одежд здесь весьма нужно. Лёле скажите, чтобы себе, Игорю, маме купила валенки, даже независимо от поездки ко мне. Я себе купил за 300 рублей. Пишите. С. Дмитриев.

[A] Текст от слова «то сидите» и до конца письма написан на левом поле лицевой стороны открытки.

[B] Открытка адресована Е.С. Барановой в Ярославль.

25/XI-1941 г. Вторник. Сталинск.

Дорогие мои, давно уже не писал вам подробных писем — всё в дороге, да на притыке. Наконец, кое-как начинаю устраиваться в своём новом положении. Здесь я принят на работу в местный (Сталинский) учительский институт в качестве доцента по истории СССР и зав. кафедрой истории. Оклад мой будет, кажется, 1.040 рублей в месяц. Прожить здесь на него одному можно. Двоим же, пожалуй, будет трудно. Самая главная трудность — это добывание хлеба насущного. Я получаю по 500 гр. хлеба в день чёрного, но прикупить к нему что-нибудь почти нельзя. Вот только надежда, что через институт будут покупать мясо; сейчас ожидаем прибытие свинины, за которой поехали уже, цена по 35 рублей за кило. Я записался взять 10 кило. Конечно, будет трудно с приготовлением их. Придётся обратиться к хозяйке дома[A], в котором снимаю комнату — понятно, не обойдётся без того, чтобы кое-что к её рукам не прилипло. К сожалению, в моём положении это, по-видимому, неизбежно: нравы суровые. Впрочем, возможно, что передам эту свинину в другие, тоже, впрочем, чужие руки, но к владелице которых я чувствую несколько больше доверия. Это старушка простая крестьянка, мать одного нашего преподавателя[B]. У них я сейчас устраиваюсь с обедами, т. е. хожу обедать (обычно, тарелка щей, тарелка мяса, картофель без мундира, иногда ещё чай). Утром и вечером пью чай дома, т. е. там, где пока квартирую. К чаю у меня сухари, чаще всего ржаные, немного сахарного песка, два дня последние пил чай с ягодой калиной, которая здесь в тушёном виде (довольно сладкая) продаётся на базаре в большом количестве (вместе с ещё одним товаром — семечками). В буфете института ещё покупаю по коммерческим ценам то хлеб, то ржаные пироги с рыбой, то (редко) белые пироги тоже с рыбной начинкой. Других сладостей или солений и жиров не предвидится. Так что положение довольно сложное, и, хотя мне и весьма трудно, но вызывать тебя, хотя бы, Лёля, сюда право уж не решаюсь. Может быть, как-нибудь один уж промучаюсь и просуществую это время. Правда, вдвоём может быть было бы веселее и легче, но, как подумаю о пути сюда, о жизни здесь, так и решаю, что пусть уж лучше один здесь буду, чем ещё на вас смотреть. Впрочем, может быть, независимо от моих домыслов и сомнений, вам придётся всё же сдвинуться с места по крайней необходимости, общей для всех. Тогда уж сомнений нет — держите путь ко мне, хотя бы ты, Лёля, с Игорем. Уж как-нибудь будем тянуться, жить, хотя и будет очень трудно.

[A] Имеется в виду Княжевникова — хозяйка комнаты, которую С.С. Дмитриев снимал с 21 по 29 ноября 1941 г.

[B] Имеется в виду А.А. Глебова — мать преподавателя Сталинского института К.С. Глебова.

Для мамы, боюсь, такое путешествие будет при её годах и здоровье невозможно. Если же Лёля одна или Лёля с Игорем надумаете сюда ехать, то больше берите тёплых вещей — здесь холодно. Нужны обязательно валенки — я перед Новосибирском купил себе случайно за 300 рублей новые и хорошие. Здесь просят 600–700 рублей за пару. Если там у вас[A] дешевле, то покупайте понятно. Точно также шапки меховые с ушками, всякие шерстяные вещи. Лучше бы вам прожить это время где-нибудь ближе к родным местам, но всё же достаточно далеко от крайней необходимости срочно уезжать куда попало[B], к сожалению, у нас такого места нет. У Мощанских в Горьком, куда было я думал на время вас направить до выяснения своего назначения, конечно, проживаться не имеет смысла, тоже, пожалуй, и у Николая Леонидовича. Уже если надумаете сдвинуться или будет необходимо сдвигаться, то — ко мне. Идеально было бы ехать на поезде № 4 (Москва — Владивосток): от вас (Я/1, Данилова)[C] до Новосибирска без пересадки. А от Новосибирска до Сталинска ходят местные поезда (№№ 41 и 36), езды одна ночь. Может быть, из Данилова мог бы Шура с его связями помочь[D]. Вторая здесь моя забота после еды — это приискание комнаты. О квартире думать нечего. Сейчас пока я остановился в маленьком деревенского типа домике в Старом Кузнецке, районе г. Сталинска. Есть электричество[E]. В доме чисто и опрятно, стены оштукатурены и побелены[F]. Я помещаюсь в проходной комнатке с двумя окнами. В комнате моя постель (подушка, одеяло — хозяйки, своих я не мог захватить), пианино, комод, несколько стульев. В рюкзаке — бельё, толстые ботинки, всякая ерунда — полотенцы, несколько пар носок. Словом — моё имение. В доме тепло, это по здешнему краю очень важно. Топят углём. Дом расположен под горой (здесь вообще кругом горы, правда невысокие — 1½–2 км), на горе старая каменная крепость. От центра города это место довольно далеко (5–6 км), но связано с ним трамваем. Стараюсь выхлопотать себе комнату в центре города, в Социалистическом городе. Там уже настоящие современные 3–4-этажные дома с водопроводом, канализацией, а кое-где и ваннами. Удастся ли получить в этих домах, если не комнату, то хотя бы угол, ещё не знаю. Стараюсь, но, что получится, сказать трудно. Своей же

[A] Слова «у вас» вписаны над строкой.

[B] В письмах С.С. Дмитриева практически отсутствуют какие-либо упоминания о сведениях, поступающих с фронта. Однако данная фраза становится понятной, если вспомнить, что именно в это время продолжалось второе наступление немцев под Москвой и исход его для многих современников (в том числе и для С.С. Дмитриева) был неясен.

[C] Слова в скобках вписаны над строкой.

[D] Текст от слов «мог бы» до конца предложения вписан над строкой.

[E] Слова «Есть электричество» вписаны над строкой.

[F] Слова «стены оштукатурены и побелены» вписаны над строкой.

хозяйке[A] платить должен по 100 рублей в месяц (её отопление, свет и вода, которую здесь развозит водовоз).

О настроении своём скажу: тоскую по вас, и вместе боюсь сюда настоятельно вас[B] вызывать, учитывая существующие условия и трудность пути. Впрочем, не знаю, лучше ли там, где вы находитесь? Работа в институте несложная, народ малоподготовленный, занятия по вечерам с 6 часов 10 минут до 10–11 часов 15 минут вечера. Сейчас расписание составили так, что у меня занятия есть только по четвергам, пятницам и субботам. Остальные дни свободны. Заниматься здесь чем-нибудь, кроме педагогической работы, пожалуй, невозможно. Спать ложусь рано часов в 9–10–11, встаю в 8–8½ утра. Сплю хорошо, почти каждую ночь кого-нибудь из вас во сне вижу. Да, время, видно, такое. Мой Пётр Андреевич остался в Алтайском крае, полетел к своим на аэроплане из Барнаула в город Камень за 208 км от железной дороги. Марголин простился с нами ещё перед Пермью (г. Молотовым) и поехал на Уфу, в Бирск, куда получил назначение. Ни о папе, ни о Лене ничего не знаю. Пишите скорее, что думаете: адреса: 1) г. Сталинск, Новосибирской области, почтовое отделение Старый Кузнецк, Мариинская ул., дом 26. Сергею Сергеевичу Дмитриеву или 2) г. Сталинск, Новосибирской области, Сталинский учительский институт. Доценту Дмитриеву. Целую вас. С. Дмитриев.

Если Лёля, поедешь или поедете, нельзя ли прихватить для меня мужских верхних рубашек (лучше тёмных), хотя поношенных. У меня всего 3 штуки[C].

2/XII-1941 г.

Дорогие мои, вот уже 1½ месяца, как порвалась с вами связь. Это меня страшно мучает и беспокоит. Как можно скорее известите меня о себе. С 21/XI живу и работаю в г. Сталинске, в Сталинском учительском институте, зав. кафедрой истории. Получил небольшую комнату в центре с удобствами. Очень бы хотел соединиться с вами. Хотя бы более молодые — Лёля с Игорем, или даже одна Лёля, если долее оставаться у вас на месте вы считаете возможным, то приехали сюда ко мне. Ехать будет трудно, да и здесь проживать, но всё же будем вместе. Лучший поезд от вас пассажирский № 4 без пересадок до Новосибирска, а от Новосибирска до Сталинска ежедневно идут два местных поезда, одна ночь езды. Если для получения билетов нужен вызов — предъявите мои письма из Сталинска, наверное, вы их получаете — я каждый день пишу. Мой адрес: г. Сталинск, Новосибирской области, Нижняя Колония, Сталинский Учительский институт, доцент С.С. Дмитриеву. Сейчас узнал, что сюда приезжает Иван Григорьевич Голанов. Его Лёля знает. Пишите скорее. С. Дмитриев.

[A] Далее зачёркнуто: «плачу».

[B] Слово «вас» вписано над строкой.

[C] Последний абзац написан на левом поле страницы.

III. [В Сталинске]

1-е[A]

Суббота 6/XII-1941 г.

Дорогие мои, вчера была у меня большая радость, сразу получил 3 ваших письма от 3, 5 и 9 ноября. Письма были адресованы на Киров, Клобуновскому и сюда уже пересланы. Итак, в общем вы знаете о моих странствиях. Коротко дополню ваши знания и отвечу на вопросы ваших писем, а потом коснусь вопроса о вашем приезде сюда, о чём, впрочем, я уже несколько раз вам отсюда писал.

Я вышел из дома 16/X. До Горького путешествовали Новицкий, Марголин и я (из известных вам лиц). В Горьком к нам присоединился Зайончковский. В Горьком же я расстался с Новицким, так как решил, что забираться в Ташкент уж слишком от вас всех далеко и путь для вас туда был бы теперь прямо невозможен. Да и в университете ведь я числился лишь на полставки и по заочному сектору; поэтому прочно надеяться на работу я не мог. А остаться без работы, без семьи и так далеко мне казалось опасным. Главное же я считал, что вам до Ташкента не добраться (много пересадок, и на совсем другой, отличной от вашей линии железной дороги). Представитель Наркомпроса, встреченный нами в Горьком, предложил ехать в Киров, чтобы там на месте получить прочное назначение на работу. Так и сделали: я, Марголин и Зайончковский 21/X выехали, а 22/X приехали в Киров. Там прожили в хороших условиях до 4/XI. Отдохнули и получили назначения: я в Сталинск, Марголин в Бирск (недалеко от Уфы, не на железной дороге), Зайончковский в Барнаул, где должна была быть его семья (жена его — доцент новой истории в Барнаульском институте). Из проектов назначения меня в Свердловск ничего не вышло, так как не было уверенности в том, что свердловский университет временно не прекратит работу. В Чкалов же (Оренбург) я решил не ехать, потому же, почему и в Ташкент: до него вам было бы также трудно добираться, как и до Ташкента. Я остановился на Сталинске, как на городе, расположенном на линии железной дороги, причём линии от вас до Новосибирска прямой. А от Новосибирска до Сталинска 15 часов езды, тут ходят ежедневно два местных поезда, попасть на которые более или менее легко. Так что мне казалось, что до Сталинска-то вам будет добраться сравнительно легче. Тоже и до Барнаула: от него до Новосибирска всего 8 часов езды поездом. Я думал поехать вместе с Зайончковским в Барнаул, чтобы там попытаться вместе с его семей и им самим устроиться. Поэтому-

[A] Номер письма поставлен и отчерчен простым карандашом в правом верхнем углу. В левом углу чернилами рукой С.С. Дмитриева: «Адрес мой: г. Сталинск, Новосибирской области. Нижняя Колония. Сталинский учительский институт. С.С. Дмитриеву».

то я и вам всё время писал о направлении в Барнаул. Я писал об этом так настойчиво, потому что во время моего[A] пути мне казалось, что перед вами уже стоит независимая от вас крайняя необходимость отъезда. Я очень боялся, что связь с вами может порваться и потому и писал всё время о переезде вашем в Барнаул. На дальнейшем пути из Кирова до Новосибирска и Барнаула я воочию убедился во всех трудностях передвижения (правда, мы ехали эшелонами, а не в пассажирском поезде. Но в то же время до станции Верещагино — перед Молотовым — нас ехало трое дружных мужчин, а до Барнаула двое, да и вещей у нас почти не было). До Свердловска мы ехали очень медленно, но после по Сибири ехали почти нормально и 15/XI были в Новосибирске, а 16/XI в Барнауле. Там нас ждало полное разочарование. Институт был переведён в город Камень в 208 км от Барнаула, железнодорожной связи нет — зимой сношения на аэропланах, летающих нерегулярно. Работу мне предлагали в институте повышения квалификации учителей, научным сотрудником, зарплата всего 600 рублей номинальная. Комнату, хотя и с трудом, но, может быть, нашёл бы. Зайончковский, конечно, стремился в Камень. Оставаться одному в Барнауле, при жаловании в 600 рублей в маленьком учреждении (всего 8 сотрудников), которое всегда могут свернуть, я не решился и поехал 19/XI в Сталинск (через Новосибирск), а Пётр Андреевич полетел в Камень. День пробыл в Новосибирске, а 21/XI утром был уже в Сталинске. Здесь встретили меня хорошо. Работа нашлась в том месте, куда я и был командирован. Теперь уже служу доцентом и зав. кафедрой истории в Сталинском учительском институте (2-х годичное учебное заведение, готовящее учителей для неполной средней школы). Оклад мой 1.040 рублей, на руки получается около 800 рублей в месяц. Сначала поместился в частном доме на окраине города в Старом Кузнецке, там прожил до 29/XI. А затем перебрался в центр города, где получил ордер на комнату в коммунальном доме. Комната небольшая — 9 кв. метров, с большим окном, на 3-м этаже (дом 5-этажный, отопление паровое — тепло, водопровод, общая на квартиру кухня, канализация. Хозяйка квартиры военврач; в соседней комнате, через которую я прохожу в свою, живут тоже эвакуированные, муж-инженер, жена и почти взрослая дочь-пионерка вроде Игоря. Дом выходит на площадь, где расположен единственный в городе магазин «Гастроном» и баня (почти рядом с нашим домом). Как командированный я легко прописался и встал на военный учёт. Вообще же с пропиской здесь очень трудно. Из знакомых в городе никого не было, но позавчера сюда в наш институт прибыл на работу Иван Григорьевич Голанов. Ты, Лёля, его знаешь по годам учения в Ярославском пе-

[A] Слово «моего» вписано над строкой.

дагогическом институте. Он вышел из Калуги[A] и добрался через Киров сюда, а семья его застряла в Москве. В «Гастрономе» я покупал сливочное масло (по 100 гр.), рыбу-усач и балык, колбасу (дорогую. 42 рубля кило), сыр (по 200 гр.), бывает мука, селёдки, подсолнечное масло, но за всем этим стоят громаднейшие очереди. Хлеба я получаю 500 гр. в день, да и в институте в буфете покупаю по 800 гр., так что мне его вполне достаточно, даже сухари сушу[B]. На карточки получил 300 гр. сахарного песку, 800 гр. пшена и 800 гр. овсянки. Недалеко от нашего дома базар, там бывает мясо, но нужно долго стоять. С обедами пока я устроился так: хожу обедать к одному преподавателю — обеды очень простые (щи, картошка без мундира, кусочек мяса, капуста или огурцы, хлеб приношу свой). Плачу по 5 рублей за обед. Однако этого преподавателя переводят на другую работу, в деревню, наверное, и семья его с ним поедет и тогда эти обеды прекратятся. Ну, что-нибудь другое придумаю.

Так как из дома я вышел, то вещей у меня немного было (рюкзак, портфель, сетка с едой, да палка). Пальто взял зимнее, шапку тоже, ещё и фуражку. Драповое пальто взять не мог. Из костюмов взял чёрный один, да новые коричневые брюки. Остальное завёз к Наташе. В дороге случайно купил очень дёшево валенки новые за 300 рублей. Обувь, кроме их, толстые ботинки, калоши[C] и туфли. Несколько смен белья. Плохо с верхними рубашками — всего 3, и изношенные (две вышитые). Купить невозможно. С носками тоже неважно.

Деньги у меня есть, об этом не беспокойтесь, я получил перед отъездом за литературные работы. Новицкий выбирался без семьи: его мать осталась на месте, а с Любовью Оскаровной он разошёлся, и она с дочерью ещё летом от них уехали. С ним была уже его новая молодая (относительно) жена[D]. Пишу об этом в ответ на твой, Лёля, вопрос. У Зайончковского что-то тоже с женой неблагополучно. Недавно он мне звонил из Барнаула по телефону и сообщил, что вернулся из Камня опять в Барнаул, так как рассорился с женой, и устраивается на то место, которое мне в Барнауле предлагали. Так что теперь семьи разваливаются очень быстро[E].

Теперь по поводу возможности вашего приезда сюда. Как сами понимаете, заочно вам категорически что-нибудь определённо советовать нельзя. Я ведь не знаю, как у вас там на месте, да и знать не могу. Здесь, конечно, хотя и сложно, но прожить возможно. Лёля, может быть, могла бы получить работу в школе,

[A] Калуга была взята немецкими войсками 15 октября 1941 года.
[B] Слова «даже сухари сушу» вписаны над строкой.
[C] Слово «калоши» вписано над строкой.
[D] Имеется в виду Е.Н. Ошанина.
[E] Далее письмо продолжено другими чернилами.

хотя вакансий сейчас и нет. Учиться Игорь, конечно, здесь будет. С пропиской Лёли и Игоря, думаю, как-нибудь уладится. В комнате в 9 кв. метров тоже при желании разместимся[A]. Теперь, зная трудности такого большого пути, я считаю, что маме и Серафиме Галактионовне будет очень рискованно в него трогаться. Ещё прямым пассажирским поездом (№ 4), если бы вы устроились, то куда ни шло, а с другими поездами, особенно с эшелонами ехать зимою прямо опасно. Уж как ни тяжело это писать, а тем более сделать, но, может быть, лучше и безопаснее им оставаться на месте. Ведь выехать целой толпой, как Лёля, Игорь, мама, Серафима Галактионовна, с вещами без мужчин, да ещё на такое расстояние и зимой, разве возможно? Вот почему я и думаю, что уж если вы считаете нужным и возможным выбраться ко мне, то стоит подумать только о Лёле и Игоре. Очень мне это горько писать, но не хочу скрывать своих мыслей от вас. А уж там сами смотрите на месте. Я думаю, что Шура данилов[B] вам мог бы помочь попасть на поезд, но эта надежда отпала с вашим письмом им. Считаю, что если бы вы поехали, то правдами и неправдами (поговорить нужно с проводниками — они могут при желании всегда к себе пустить, конечно, поблагодарите их) нужно попадать в прямой пассажирский поезд, идущий до Новосибирска, так как ехать с пересадками в Кирове, Свердловске и Новосибирске было бы уж слишком трудно, чтоб не сказать непосильно. Если бы папа, Лена и ребята уже перебрались к вам, то может быть вы все вместе и просуществовали бы как-нибудь это время (хотя бы зиму). С другой стороны, опять-таки и маме и Серафиме Галактионовне было бы веселее оставаться с папой, если бы ты, Лёля, с Игорем решили поехать ко мне сюда. Бедному папе, при его здоровье и зимою нечего и думать о дальних переездах. Мне, конечно, хотелось бы со всеми вами быть вместе, но настаивать на вашем (общем или частичном) приезде сюда не решаюсь. Ведь не исключена возможность и призыва меня на военную службу; останетесь вы здесь в Сибири одни, хотя уж, конечно, здесь будете живы и спокойны и среди своих русских людей. С другой стороны, думаю и о том, что если бы скоро появилась возможность вернуться в Россию, в родные места, то одному бы это, конечно, было легче сделать. Но это

[A] Примечание С.С. Дмитриева: «Помянув о комнате, решил ещё сообщить вам о своём инвентаре: в институте мне дали железную кровать с сеткой, два матраца, два новых одеяла (байковое и шерстяное), две простыни, 2 стула, стол и этажерку. Бельё стирать отдал хозяйке, у которой обедаю. Мыло моё (несколько кусок у меня есть). Подштанники вконец изорвались, она берётся починить, но нечем. Придётся изрезать одно полотенце. Подушки ещё нет».

[B] Так в подлиннике. Имеется в виду брат жены С.С. Дмитриева А.А. Юматов, работавший в то время на железной дороге в г. Данилов.

понятно в будущем, а теперь загадывать и на завтрашний день трудно. Вот написал вам всё, что думал, смотрите и решайте на месте. Одному мне, конечно, невесело. Но и вас, бедных, сорвать зимой с места страшно. На всякий случай пошлю вам завтра телеграфный вызов, на тот конец, если надумаете ехать. В путь берите больше тёплых вещей, сухарей, чеснока, лука, мяса. Морозы здесь большие, но переносятся легко — воздух сухой. С собою непременно берите эвакуационную справку, мой вызов, мои письма из Сталинска. Обо мне не тревожьтесь, я здесь проживу как-нибудь. О вас всех мои заботы. Теперь всё-таки мне легче — связь с вами восстанавливается. Конечно, если все останетесь на месте, то, возможно, что на время эта связь и прервётся по независящим от нас причинам. Ну, бог даст, живы будем, встретимся и соединимся. Из Кирова к вам меня не пустили, как ни старался. До свидания, мои милые, пишите пока есть возможность побольше, решайте вопрос о переезде. Ты, Лёля, бумаги не экономишь — размашисто пишешь — видно, у вас её много. Я, так вот видите, как убористо строчу. Целую вас всех тебя, Лёля, Игоря, маму, Серафиму Галактионовну, папу и всех-всех. С. Дмитриев.

2-е

Вторник 9/XII-1941

Дорогие мои, на днях имел большую радость: 5/XII получил пересланные из Кирова 3 ваших заказных письма от 3, 5 и 9 ноября. Теперь с нетерпением жду восстановления прямой с вами связи. 6/XII отправил вам заказное письмо. Теперь шлю второе с так сказать официальным вызовом для вас на тот конец, если вы решаете ехать ко мне, и нужно будет хлопотать о разрешении пропуска для вас на выезд. Это письмо с вызовом и конвертом предъявите для получения пропуска. Берите пропуск на проезд в город Сталинск, Новосибирской области, куда командирован я на работу и где уже работаю и имею жилплощадь. Вызов я написал на следующем листке.

Повторю коротко, что я писал о себе в том письме, так как возможно, что оно не дошло. Я прибыл сюда из Барнаула, где не удалось устроиться (Институт переведён в другое место, куда очень трудно зимою добраться, а с Институтом выехала[A] по незамерзшей ещё тогда р. Оби семья Зайончковского), 21/XI. Сюда я имел назначение Наркомпроса РСФСР из Кирова. В Молотове (Перми), Свердловске (Екатеринбурге), Омске и Новосибирске устроиться не удалось. Тогда я решил взять Сталинск, как крупный новый сибирский город, а главное город, находящийся на линии железной дороги, по которой и вы все живете и, следовательно, возможности нашего соединения более или менее облегчаются.

[A] Далее зачёркнуто слово «ещё».

Здесь я работаю сразу же со дня приезда в Сталинском учительском институте (2-х годичное учебное заведение, готовящее учителей для неполной средней школы). Я — заведующий кафедрой истории и доцент истории СССР. Впрочем, здесь числюсь не доцентом уже, а и. о. профессора. Оклад 1.040 рублей в месяц, на руки около 800 рублей. Горком партии оказался внимательным, и мне предоставили здесь вскоре после приезда хорошую комнату. Ордер выписали на комнату в 12 кв. метров[A] на моё имя, а также на право проживать в ней 3-м человекам со мною. Комната в большом благоустроенном доме на 3-м этаже в квартире врача-рентгенолога, работающего в военном госпитале. Врач — женщина, её муж мобилизован[B] и находится на фронте. В соседней со мной комнате (всего в квартире 3 комнаты) живёт 4 человека (1 мужчина и 3 женщины) — семья эвакуированного из Харькова инженера. Квартира имеет общую кухню с плитой. Отопление паровое, в квартире очень тепло, а в моей комнате прямо жарко — день и ночь не закрываю форточки, после нашей московской квартиры прямо блаженство! Водопровод, тёплая уборная, электричество. Дом в центре города, напротив магазин «Гастроном» и баня, недалеко базар. С питанием довольно сложно. С пропиской в городе очень трудно. Сюда приехал в наш институт на работу Иван Григорьевич Голанов — его никак не хотят прописывать, так как у него не было путёвки на работу в Сталинск; возможно, ему придётся уехать отсюда. Я договорился предварительно здесь о прописке жены и сына. О большем говорить было трудно, хотя я думаю, что если бы мама или кто сюда прибыл, то возможно, что как-нибудь удалось бы прописаться. Получить здесь площадь очень трудно, всё переполнено. Я, хотя и получил ордер на комнату в 12 метров, но живу в комнате в 9 кв. метров, а комната в 12 метров (выписана в ордере на 3-х) пока занята хозяйкой с дочерью и домработницей. Заочно распоряжаться трудно, слишком мало знаешь, но я бы сказал так: ехать сюда всем вместе вряд ли возможно — слишком далёк и труден будет путь, да и здесь всем устроиться уж очень будет сложно. Для папы такое путешествие зимою вообще, по-видимому, исключено. Я бы считал, что или нужно (конечно, с большим риском на время мне и вам всем очутиться в разных краях и не знать ничего друг о друге) вам всем вместе оставаться в Ильинском, где тепло, сытно и свой угол есть (папе с Леной и ребятами следует перебраться без промедлений к вам), или же Лёле с Игорем вдвоём ехать сюда ко мне, а остальным оставаться на месте. Как ни тяжело мне это писать. Но считаю долгом сказать всё, что думаю. Семья наша большая, но малоподвижная и для таких странствий мало пригодная. Маме, Серафиме Галактионовне, не го-

[A] Слова «12 кв.» вписаны над строкой.
[B] Имеются в виду Б.З. Белодубровская и И.Д. Камышенко.

воря уже о папе, да и Лене с ребятами, в такой путь выбираться, я думаю, более опасно, чем оставаться на месте. Бог даст, и просидят зиму, а там видно будет. Так я, Лёля, считаю, а там вы смотрите на месте. Конечно, разлучаться в наше время не хочется и страшно, но что же придумать. В случае крайней необходимости выбираться, понятно, ориентируйтесь на меня. Если Лёля с Игорем или кто поедете, то возьмите чайник, кастрюлю для обедов, бидончик (без посуды здесь пропадёшь), из носильных вещей больше тёплого. Если можно купить валенки, то покупайте, здесь они стоят 600–700 рублей пара. Зимнее пальто, шапка, валенки у меня есть, также один на всё чёрный костюм и только 3 поношенные верхние рубашки. Ехать лучше всего пассажирским прямым поездом № 4, от вас до Новосибирска без пересадки. От Новосибирска до Сталинска два местных поезда в день — одна ночь езды. В путь берите хлеба, чеснока, лука, масла, варёного масла. Хлеб на крупных станциях, а иногда и суп, кашу дают по эвакуационным справкам, но, конечно, очередь, а поезд не всегда ждёт. Ну, завтра буду опять писать, а сейчас на оставшейся бумаге черкну вызов вам. Целую вас всех. Пишите скорее.

9/XII-1941 г. Сталинск

Дорогие мои, Лёля, Игорь, мама и пр. Что же вы не едете? Я здесь работаю, командированный Наркомпросом РСФСР, в Сталинском учительском институте и. о. профессора и зав. кафедрой истории. Получил в центре города комнату для себя и вас. Договорился о прописке вас с начальством в Горсовете. Приезжайте побыстрее, одному здесь жить сложно, да и тоскую по вам. Ты, Лёля, наверное, получишь здесь работу по специальности, т. е. преподавательскую. Игорь будет учиться, а мама хозяйствовать. Берите, если нужно разрешение на выезд и выезжайте. Мой адрес: город Сталинск Новосибирской области. Нижняя Колония. Сталинский учительский институт. Заведующему кафедрой истории и. о. профессору С.С. Дмитриеву или домашний адрес: Сталинск, новосибирской области, улица Кирова. Дом № 5, кв. 14. Мне.

Целую и жду вас с нетерпением. С. Дмитриев.

P.S. Добавлю несколько слов о своём столе. Обедаю у одного преподавателя[A]. Обеды очень простые (щи, картошка без мундира, капуста, кусочек мяса — не всегда, хлеб свой), стоят по 5 рублей обед. Кроме того, в институте беру в буфете когда щи, когда галушки, когда лапшу. Там же иногда покупаю сладкую полубелую коврижку и пирожки ржаные — с рыбою или картошкой. Дома у меня есть чай, утром и вечером, а если желаю, то и днём. Молока, яиц, масла — нет. В «Гастрономе» сливочное и растительное масло, дорогая рыба,

[A] Имеется в виду Константин Семёнович Глебов.

колбаса, сыр бывают, но очереди очень большие. Бывает мука. Я купил себе сыра, колбасы и рыбы-усач. Хлеба получаю 50 гр., да прикупаю в буфете, так что его вполне хватает, сушу сухари, уже целый мешочек собрал. С ними пью чай. На базаре бывает мясо, капуста, свёкла, лук, пареная ягода кисло-сладкая, калина. Понятно, очереди. Два раза покупал по целой четверти[A] пиво, оно здесь очень вкусное; пытаюсь им заменить молоко, к которому в Москве привык. Домработница хозяйки — женщина пожилая (уже бабушка сама) взялась мне стирать бельё и прибирать комнату.

Письма мои теперь странные — я в них часто и намеренно повторяюсь, так как не знаю, как они до вас доходят. Ваши ко мне тоже нерегулярно. От ярославцев совсем ничего нет: думаю, что не у вас ли папа с Леной и её ребятами. Очень бы хотелось хоть на вечерок один попасть к вам и посмотреть и поговорить. Как-то вы, бедные, там живете. Да, писал уже, но ещё повторю — мама спрашивала в письмах: у меня деньги есть, я перед выходом из дома получил за литературные работы, а здесь уже стал получать зарплату. Папе пока ничего не перевожу (я ему обещал по 100–150 рублей в месяц), так как не знаю, где он и насколько просто получать для него переводы (он ведь сам, поди, затрудняется зимой ходить на почту).

Ну, до свидания, милые. Целую вас всех крепко. Сейчас буду готовить к вечеру лекции. Занятия у меня вечерние, день свободен. Потом пойду обедать и на почту — сдать это послание. Когда-то оно до вас доберётся? Послал вам и телеграфный вызов. Интересно, получили ли вы его?

С. Дмитриев.

Начну нумеровать свои письма. Это будет 2-е после получения первых ваших.

3-е[B].

11/XII-1941

Дорогие мои, что написать вам о себе и своей жизни? 5/XII получил впервые после выхода из дома письма от вас. Сразу 3 письма от 3, 5 и 9 ноября, пересланные мне из Кирова. Конечно, очень им обрадовался. Всё-таки связь с вами, на время прервавшаяся, стала восстанавливаться. Теперь с нетерпением жду прямых вестей от вас сюда ко мне. В Барнауле мне не пришлось устроиться: институт оттуда переведён в другой город, далеко от железной дороги, се-

[A] В данном случае, это стеклянная бутыль с узким горлом для хранения алкогольных напитков, вмещавшая 3,075 литра (1/4 от ведра в 12,3 литра).

[B] Число «3-е» проставлено другими чернилами и, видимо, значительно позже написания самого письма. См. 4-е письмо от 14–18 декабря 1941 г.

мья Зайончковского уехала вместе с институтом. Он сам полетел к ней на аэроплане, но, как теперь выясняется из его письма ко мне сюда, он на новом месте не ужился, разорвались связи с семьёй, с женой, и он, бедняга, один вернулся назад в Барнаул, где теперь и обретается. Я в Сталинск имел назначение Наркомпроса. Приехал сюда 21/XI. Встретили меня хорошо. С 20/XI, согласно командировке, зачислен на работу — заведующим кафедрой истории и и. о. профессора истории СССР в Сталинском государственном учительском институте. Жалованье 1.040 рублей в месяц, ну, на руки около 800 рублей. Работа по вечерам. Пока расписание такое, что у меня заняты только 3 вечера в неделю. Дни и остальные вечера свободны. Институт 2-х годичный, готовит учителей для неполной средней школы. Работа для меня не новая и не трудная, но малоинтересная. Ну, да теперь на это смотреть не приходится. Получил в центре города[A] комнату в квартире женщины–военврача. Дама симпатичная. У неё дочь, вроде нашего Игоря пионерка. Муж — военврач тоже, на фронте. Комната в 9 кв. м. с большим окном, на 3 этаже, в доме с паровым отоплением, водопроводом, тёплой уборной и канализацией. Очень тепло, даже жарко: днём и ночью с открытой форточкой. Белье стирать взялась мне домработница хозяйки. Утром и вечером чай. Увидев мою бедность в верхних рубашках, хозяйка на время дала мне совершенно новую вышитую рубаху. Она же снабдила подушкой. В Институте получил кровать, 2 стула, 2 одеяла, 2 матраца, 2 простыни (да одна у меня своя). С питанием не ахти как важно здесь вообще, у меня в частности. Конечно, одному довольно трудно. Обедаю у одного преподавателя (по 5 рублей за обед): щи, обычно пустые, картофель, капуста (хлеб мой). Хлеба мне вполне хватает, даже сушу сухари. Скопил целый мешок. Базар рядом, бывает мясо 35–40 рублей кило; очереди. Картофель 20 рублей ведро. Есть капуста, лук. Напротив нашего дома «Гастроном» — очереди безумные.

С пропиской здесь трудно, найти педагогу работу тоже нелегко. Я при своей прописке уславливался о прописке со мною жены и сына. И ордер на мою комнату выписан на троих. Теперь по поводу вашего сюда приезда я думаю так. Сейчас зимою вам всем срываться и ехать на такое дальнее расстояние вряд ли возможно. Потому или уж вам всем рисковать и оставаться на месте (всё-таки сыты, в тепле и на месте) (причём возможно, что я и вы и окажемся на время в разных краях и ничего и знать друг о друге не будем) или же ехать теперь сюда Лёле с Игорем. Маме, Серафиме Галактионовне, не говоря уже о папе, Лене и ребятах, в такой пусть пускаться прямо-таки опасно. Я уже вам эти мысли отсюда 3-й раз пишу, нарочно повторяюсь, чтобы хоть одно письмо да дошло до

[A] Слово «города» вписано над строкой.

вас. Ехать лучше всего пассажирским прямым поездом, от вас до Новосибирска без пересадки. От Новосибирска до Сталинска ходят два местных поезда ежедневно, здесь недалеко. Для меня понятно приезд ваш много бы облегчил жизнь, но категорически вызывать вас не решаюсь. Вам на месте виднее нужно ли уезжать. Я, разумеется, здесь и один как-нибудь проживу это время. Боюсь только одного, как бы со всеми вами в разных краях не очутиться. Вот почему и думаю о приезде сюда, хотя бы Лёли с Игорем. Понятно, горько мне это писать, но я считаю, для мамы, папы и Серафимы Галактионовны такой дальний путь, куда более опасным, нежели даже продолжение жизни на месте. Хорошо, если бы папа с Леной уже были у вас. Ниже шлю формальный вызов для предъявления при[A] получении разрешения на выезд. Скорее пишите, а если нужно по-вашему выезжать, то и выбирайтесь. У меня деньги для себя есть. Обо мне не беспокойтесь. Целую вас всех. С. Дмитриев.

10/XII-1941 г.[B]

Дорогие мои, Лёля, Игорь, мама и пр. С нетерпением вас жду к себе. Всё уже подготовил. Согласно командировке Наркомпроса я работаю и. о. профессора в Сталинском государственном учительском институте. Заведую кафедрой истории. В центре города получил квартиру для себя и вас — хорошая, тёплая. Большая комната. Ты, Лёля, вероятно, найдёшь работу по специальности здесь, а Игорь будет учиться. Берите с собой больше тёплых вещей, кое-что из посуды (чайник, кастрюлю для обеда, бидон): если можно, то купите валенки себе. Здесь они стоят по 600–700 рублей за пару. Ну, скорее приезжай те, а то мне одному с хозяйством и бытом трудно. Адрес мой: г. Сталинск Новосибирской области. Нижняя Колония. Сталинский учительский институт. Профессору С.С. Дмитриеву.

4-е

14–18 декабря 1941 г.

Дорогие мои, на прошлом письме забыл поставить №, оно было от 11/XII и 3-м после получения мною ваших писем, присланных мне из Кирова. Теперь опять жду-жду от вас прямого, сюда адресованного известия — а его всё нет. Меж тем беспокойство моё возрастает: уж доходят ли до вас мои письма, не сорвались ли вы с места прежде, чем они (письма) до вас могли добраться? Хотелось бы уж скорее от вас узнать, как и что у вас, думаете ли уезжать, кто ко мне думает быть и пр., и пр. Из последних новостей сообщу две: Иван Григорьевич

[A] Слово «при» написано над зачёркнутым «для».

[B] Так в подлиннике. Отступив на несколько строк от своей подписи. С.С. Дмитриев продолжил письмо, датировав продолжение 10/ XII.1941.

Голанов уже уехал отсюда, так как, не имея возможности с 1934 г. проживать в Москве, он и здесь не смог удержаться. Вторая новость: в ночь с субботы на воскресенье, т. е. с 13 на 14 декабря звонил мне по междугородному телефону Пётр Андреевич Зайончковский из Барнаула и сказал, что его (после его же настояний) призвали в армию, и он сейчас едет в Новосибирск, а оттуда куда отправят, конечно, ещё не знает. В неполучении от вас писем немного утешает меня то, что я не получаю писем ни от Мощанских (Горький), ни от Рубинштейна (Саратов), ни от Марголина (Уфа, Бирск). А ведь они все ближе обретают ко мне теперь, чем вы. Так что, вероятно, просто медленно идут письма.

Продолжаю это письмо, начатое 14-го декабря. Сегодня 17 декабря. Был сейчас в институте и получил телеграмму от папы от 14/XII с таким текстом: «Ярославле Ильинском все здоровы. Сообщали письмами Барнаул». Итак, связь с вами, хотя и медленно, но восстанавливается. Не помню, посылал ли я из Сталинска телеграмму только в адрес папы или и к вам также.

Известия с фронта, сообщаемые Информбюро, идут за последнее время все утешительные и бодрящие: проклятых немцев отогнали от Москвы, от Ростова, наши войска взяли Калинин. Бог даст, до ваших краёв дело не дойдёт, и вы, натерпевшись страху, всё же там, на месте просидите. И без дела общеполезного не будете, поскольку работаете в колхозе, и сытые и в тепле проведёте зиму. А там видно, что будет к весне. Правда, при этом нам придётся пожить в разлуке. Вы все, в общем, вместе, да и от папы и Лены недалеко. Возможно, что, как Лёля писала, они к вам переберутся. Мне здесь одному, конечно, труднее и нравственно и в бытовом отношении, но зато я утешаю себя несколькими соображениями. Вот важнейшие из них: 1) двигаться вам всем сюда теперь зимою прямо невозможно, а ехать не всем (например, Лёле с Игорем, как я, было, думал) тоже будет разлука; оставить в деревне одних маму с Серафимой Галактионовной будет трудно. 2) Бытовые условия здесь (особенно с питанием) очень трудные; там вы при работе в колхозе сыты, а здесь я, на вас глядя зубами щёлкающих, только мучиться буду. Один же я, хотя и весьма трудно, но уж как-нибудь протяну зиму. 3) Весьма возможно, что меня зимою или к весне призовут служить, и тогда те, кто переехал бы сюда ко мне, очутились бы здесь одни в чужом городе вдалеке от всех своих, от родных мест. 4) Если бы возникла возможность для меня (и был бы смысл) вернуться в город, где мы жили, или вообще к вам, в родные палестины, то мне одному было бы, конечно, легче и быстрее это сделать.

Что до моей жизни здесь, то я уже её вам описывал. Кратко повторю. Служба, на которую я зачислен с 20/XI, для меня не новая и не трудная: заведую кафедрой истории в Сталинском учительском институте. 2х годичное

учебное заведение, готовящее учителей для неполной средней школы. Из 4-х историков со степенью и званием только я один. Научной работы мне здесь вести нельзя, так как в городе почти нет книг по истории СССР в XIX в., отсутствуют самые основные издания. Уже, разумеется, не говорю о нужных для меня архивах, их и в помине нет. Бытовые заботы берут времени много, не до учёных трудов. Мне ещё, в общем-то, повезло. Сравнительно быстро после приезда я получил вполне приличную комнату в большом коммунальном доме в самом центре города, напротив «Гастронома» и бани и в 10–15 минутах ходьбы от места работы. Комната в 9 кв. м., с паровым отоплением (очень тепло), водопроводом, тёплой уборной. Комната — одна из трёх в квартире. Моя комната отдельная, но сам я прохожу в неё через 2-ю комнату, где ютится семья эвакуированного из Харькова инженера (3 человека). В 3-й комнате живёт бывшая владелица всей квартиры — женщина-врач рентгенолог с дочерью. Её муж — врач на фронте. Общая кухня с плитой соседит[A] с малюсенькой комнатушкой, где живёт домработница «бабушка», как её называют. Эта бабушка берётся мыть у меня в комнате еженедельно пол, подтирать за меня общий коридор и уборную, стирать и чинить мне бельё (с моим мылом, достать которое сложная задача)[B] и «выкупать» продукты, приходящиеся по карточке на меня (хлеб, впрочем, я покупаю сам, так как в этом труда нет). За эти труды она не берет менее, как 60 рублей в месяц. Конечно, дорого, но, видно, придётся согласиться. Утром и вечером имею кипяток. За комнату приходится (включая и электросвет, и пр.) по 20 рублей в месяц. Эту сумму оплачивает за меня служба. Жалованье моё 1.040 рублей, но получать приходится на руки около 800 рублей. Обедаю пока в семье у одного преподавателя. Обеды весьма скромные: щи пустые, картофель без мундира, капуста, стакан чаю; сначала бывал ещё и кусок мяса, теперь он не появляется. Плата по 5 рублей за обед (хлеб мой), в месяц 150 рублей. Сейчас этого преподавателя переводят на работу в деревню. С ним, вероятно, уедет и его семья. Тогда придётся что-нибудь другое придумывать. Кроме этого обеда (обычно в 4–5 часов дня), я в 11–12 часов дня хожу в институт, где в буфете беру первое блюдо (мясных не бывает) — рассольник, щи или галушки, иногда кусок рыбы (горбуши, обычно), солёные огурцы, хлеб. Хлеба мне пока вполне хватает. Есть сухари. Раза два доставал молоко — оно здесь очень хорошее, как сливки, но по 9–10 рублей за литр. Недостаток молока стараюсь восполнять пивом. Его здесь можно доставать. Не хватает мяса, масла, их, можно сказать, не вижу.

[A] Так в подлиннике.

[B] Далее зачёркнуто: «За эти труды».

Нравственные тяготы: отрыв от вас всех и всех друзей и знакомых. Сближаюсь я с людьми трудно и медленно, да и не с кем здесь. Письма идут теперь очень медленно и ими тоже поддерживать связь трудно. Хорошо, что комната тёплая, по крайней мере. Не зябнешь, и нет забот ни о топке, ни о топливе. До сих пор здесь довольно тепло, говорят, что ещё морозы впереди. Ну, зимнее пальто, валенки и шапка у меня есть. Иногда теперь мне кажется, что я зря сорвался из дома и всё там покинул. Куда, как и к чему вернёмся? А, может, все эти вопросы излишни.

Во всяком случае, ты, Лёля, будете ли сюда или нет, всё равно, сейчас же напиши Наташе, Кате и Петру Николаевичу Филинкову письма с просьбами посмотреть за нашей квартирой. На имя кого-нибудь из них пошли от себя заверенную доверенность на охрану и использование наших вещей (особенно книг, пианино, 2-х шкафов, 2-х кроватей, 12 стульев, 2-х кресел). Ключ от квартиры я оставил у Наташи. Думаю, что Александр Александрович с работ вернулся[A]. Самой-то Наташе теперь, поди, не до этого. Кто у неё родился, так и не знаю. Писал им, но ответа нет. Обо мне в письмах напишешь, что я срочно 16/X был эвакуирован по линии нашего института (МОПИ) в Сталинск, где сейчас и работаю. Свяжись также с директором и комендантом Музея (комендант был т. Шкунов)[B]. Извести их о желании взносить[C] квартплату за 6 месяцев и проси сохранить квартиру за нами, а главное, обеспечить сохранность имущества, особенно книг. Если ответят (на конверте обязательно свой адрес укажи), то переведи им квартплату за 2–3 месяца (по 59 рублей 60 копеек в месяц). Пиши официальное заявление, как жена эвакуированного профессора и сама эвакуированная по болезни сына. Добейся ответа и требуй присыла квитанций или перевода Александра Александровича и проси уплатить за нас.

Далее, Лёля, напиши Кремнёвой (адресуй, по-моему, на Таганское РОНО сначала, узнай адрес 455-й школы и Кремнёвой, или другого директора, если её нет), сообщи о срочной эвакуации меня с институтом и запроси о возможности далее продлить твой отпуск в связи с эвакуацией с больным ребёнком. Наташе напиши — нельзя ли к нам в квартиру кого-нибудь своих или какую-нибудь надёжную бабушку поселить? Дрова в колокольне у нас были. Мне отсюда с нашим городом обо всём этом переписываться гораздо труднее, нежели тебе (всё-таки обмен письмами у вас быстрее пойдёт). Я, разумеется, тоже об этом пишу.

[A] Примечание С.С. Дмитриева: «Может быть, на его имя и доверенность послать?».

[B] Далее зачёркнуто: «Запроси о».

[C] Так в подлиннике.

Мне пишите по адресу: г. Сталинск, Новосибирской области. Нижняя Колония. Сталинский учительский институт. Заведующему кафедрой истории С.С. Дмитриеву.

Как-то папа и Лена с ребятами живут? От вас хоть 3 письма, на Киров посланные, пришли, а от них ничего не имею вот уже 2 месяца. Ну, из телеграммы ясно, что все живы и это хорошо уж.

Если, Лёля, поедете сюда, то обязательно эвакуационные справки берите, далее все документы, больше тёплых вещей и вообще тряпья всякого. Из посуды (миску, кастрюлю для обедов, бидон — здесь ничего не достанешь). С пропиской здесь трудно, но о приезде жены и сына я говорил. Да и ордер на комнату мне выдан на 3 человек (со мною считая). Ехать лучше всего в прямом пассажирском поезде № 4 (Москва — Владивосток), от вас до Новосибирска без пересадки. От Новосибирская до Сталинска ходит два местных поезда в день. Здесь езды одна ночь. Смотрите и решайте на месте в отношении приезда сюда. Мне вам отсюда давать распоряжения нелепо. Как и что у вас там делается, вам виднее. Обо мне особо не тревожьтесь. Я как-нибудь здесь проживу это время.

Очень бы хотелось с вами повидаться и поговорить. Прошу писать по возможности чаще, хотя бы и ежедневно, а то, ведь, письма идут медленно, да и в пути могут застревать. Я пишу почти через день. Ну, до свидания. Целую вас. Как, Гога, твои дела? Ты у нас надёжа растущая.

С. Дмитриев.

5-е[A]

Вторник 23/XII-1941

Дорогие мои, что-то туго с вами связь восстанавливается. Объясняю это тем, что вы, наверное, пишите на Барнаул, как я вам прежде и давал адрес, но так как там семьи Зайончковского нет (они уехали в Камень, а Петра Андреевича мобилизовали недавно), то, поди, и письма ваши просто пропадают. А это очень жаль — я вот уже более двух месяцев от вас прямых вестей не имею. Только вот 5/XII прислали мне из Кирова 3 ваших письма от 3, 5 и 9[B] ноября. Правда, обрадовала меня телеграмма от папы от 14/XII, пришедшая 17 или 18 декабря: «Ярославле Ильинском все здоровы. Сообщали письмами Барнаул».

Я здесь вот уже в воскресенье, 21/XII, отметил месяц своего пребывания в Сталинске. Квартирный вопрос, очень здесь сложный, разрешился для меня весьма благоприятно. Получил вскоре после приезда хорошую комнату в 9 кв. метров в большом коммунальном доме, на 3-м этаже. Комната очень-очень

[A] Вверху страницы обведённая рамкой надпись: «Нумеруйте ваши письма».
[B] Далее зачёркнуто: «октября».

тёплая, даже излишне — всё время держу форточку открытой[A]. Отапливается паровым отоплением. Моя комната изолированная, но в неё я прохожу через комнату, занятую соседями. У меня в кармане 2 ключа: от входной двери в квартиру и от моей комнаты. В квартире водопровод, тёплая уборная, общая кухня с плитой, отапливаемой углём (здесь дров совсем не употребляют, всюду уголь каменный). Ордер на комнату дали мне на троих, так как я заявлял, что жду приезда жены и сына. Здесь трудно с пропиской, но о двоих я говорил в милиции и, думаю, что вас пропишут. Это я сделал на случай вашего приезда. Дом мой в центре города. (Улица Кирова, дом № 5, кв. 14), напротив баня и магазин «Гастроном». От службы близко, я хожу 10–15 минут тихим шагом. Очень близко и от жилья того преподавателя, у которого я пока обедаю. Так что большой плюс моей квартиры в том, что не нужно пользоваться услугами трамвая. Более сложно обстоит дело с питанием. Обедаю очень скромно (пустые щи, картофель без мундира, капуста, стакан чая, хлеб свой), обед стоит 5 рублей. Хлеба мне вполне хватает (500 гр. по карточке в день, да в буфете в институте), даже запас мешок сухарей. В 11–12 часов дня хожу в институт в буфет, где съедаю какую-нибудь похлёбку, беру хлеба, иногда кусок рыбы, огурцы, иногда — весьма редко — ржаные пирожки с рыбой. Несколько раз приобретал молоко. Здесь оно очень хорошее, как сливки, но и дорогое, по 8–10 рублей за литр. Покупаю также довольно часто пиво. В «Гастроном» попасть очень трудно, очереди громадные. Несколько раз покупал там колбасу (29 рублей, 42 рубля за кило), рыбу (угорь, балык), сыр. Недалеко от нашего дома базар, но там покупать что-нибудь невозможно. Одному как-нибудь тянуться можно. Я очень рад, узнав из ваших писем, что вы, благодаря работе в колхозе, сыты и находитесь в тепле, все вместе.

О работе своей скажу: она для меня не трудная и не новая. После московских вузов преподавать в 2-х годичном учительском институте можно. Научной работы здесь мне, конечно, никакой вести не приходится: ни библиотек, ни архивов, для меня необходимых, нет. Занятия у нас вечерние. Начало в 5½ часов вечера. Я занят был 3, теперь 4 вечера в неделю. Помимо службы взялся за два дела: 1) в местном театре ставят «Фельдмаршала Кутузова», пригласили меня прочесть им несколько лекций, одну читал в субботу, другу буду читать завтра; 2) в здешней Газете «Большевистская Сталь» поместил в это воскресенье статью о Кутузове. Думаю ещё написать несколько статей. Так что помимо службы небольшая литературно-лекционная работа, возможно, и будет. А это нема-

[A] Примечание С.С. Дмитриева: «а сижу дома в носках, одной майке (как летом у нас на балконе); сплю под тонким одинарным одеялом, а то жарко».

ловажное подспорье к моему жалованью; вы это и сами знаете по прежней мирной нашей жизни. Жалованье в моём институте 1.040 рублей номинально, получаю около 800 рублей на руки. Мама спрашивала, не нуждаюсь ли я в деньгах; нет, я при отъезде из дома получил за литературные работы, да и здесь, как видите, есть заработок и приработки. Расходы мои таковы: 150 рублей в месяц обеды; 60 рублей в месяц — домработнице за чаи (утром, вечером, а если желаю, то и днём), покупку того, что выдаётся на карточки, мытье полов (2 раза в неделю) в моей комнате, общем коридоре и уборной, стирку (с моим мылом) и починку моего белья и верхнего платья; 25 рублей за комнату (впрочем, это оплачивает служба), остальное идёт на базар, «Гастроном», буфет, молоко, пиво.

О вашем переезде сюда я думаю так. Очень бы мне хотелось с вами свидеться (ведь уж ½ года, как живём врозь) и жить вместе, но не решаюсь категорическим требованием вас с устроенного, насиженного места сдёргивать. Ехать на такое дальнее расстояние сейчас зимою будет очень-очень трудно и тяжело. Маме, папе, бабушке Серафиме Галактионовне прямо такой путь я считаю невозможным. Значит, практически Лёля с Игорем, может быть, могли бы поехать. Но жизнь врозь всё же и в этом случае продолжалась. Далее подумываю о том, что если меня призовут, то кто сюда приедет, очутится здесь вдали от родных людей и мест. Наконец, если бы возникла возможность возврата домой, то мне одному легче было бы выбраться. И, наконец, не знаю, как у вас — необходимо ли вам, помимо всех этих соображений, уезжать? Может быть, и отсидитесь на месте, хотя и претерпев страхов всяких, но избавившись от мытарств пути и жизни вдалеке от родных мест. Вот мои мысли. Смотрите и решайте на месте. Думайте больше о себе; я как-нибудь здесь и один это время протяну. Зато буду знать, что вы все вместе, друг у друга на глазах, друг за друга постоите, сыты, работаете, да и от нашего дома не так далеко, как я — глядишь, возможность будет и вернётесь: справка эвакуационная у вас есть, паспорта московские. Если нашего дома не добьётесь, то у Кати и Наташи, у Нины — у кого-нибудь да устроитесь. Лёля, тебе поручения будут такие: 1) Напиши Наташе, Александру Александровичу и Петру Николаевичу Филинкову или Клавдии Васильевне Жуковой (лучше в адрес обоих помяни)[A] и в вежливо-дружеской форме запроси их о доме, о книгах. Попроси Петра Николаевича, Александра Александровича в Музее сказать, что я был неожиданно срочно эвакуирован вместе со своим институтом и проси от себя и меня, чтобы за нами сохранили квартиру, обстановку, а главное книги. Пусть они узнают о взносе квартплаты, когда ответят, переведи им денег (по 59 рублей с копейками

[A] Так в подлиннике.

в месяц) для уплаты и проси переслать квитанции в ценном письме тебе. На имя Александра Александровича и Наташи вышли доверенность на распоряжение нашим имуществом. Ключи от квартиры я 16/X оставил у Наташи. 2) Напиши в Таганский РОНО, узнай о Кремнёвой, с ней или с другим директором школы 455-й спишись; проси продлить твой отпуск, пиши о намерении вернуться позже к работе. 3) Если поедете ко мне, то старайтесь устроиться на поезд № 4 прямой пассажирский до Новосибирска без пересадок. От Новосибирска до Сталинска ходят в день 2 местных поезда. В дорогу больше берите хлеба, чесноку, луку, мяса. Для жизни здесь нужно больше брать тёплых вещей и вообще всякого тряпья одёжного. Если есть возможность купить валенки, то приобретайте; здесь за пару 600–700 рублей. Нужно взять с собою из посуды кое-что (чайник, бидон, кастрюлю для обедов — эти три предмета обязательно).

Ну вот, кажется, всё написал. Многое повторил, что и в других письмах писал. Это делаю сознательно. Прошу тебя, Лёля, а также маму и Игоря писать мне чаще и подробнее. Ты, Лёля, напиши, что чувствуешь и думаешь. Только все письма в один конверт не запечатывайте, а то теперь ведь нельзя слишком толстые письма посылать. С бумагой, правда, у вас, наверное, трудней, чем у меня, но уж для писем-то как-нибудь раздобывайтесь, в крайнем случае, пишите на печатных листах, поперёк печатного текста, чтобы было разборчивее. Всех вас целую, Лёлю и Гогу отдельно. Очень жалею, что не смог вам выслать валенок. Но, во-первых, уж не до того было, а во-вторых, если начать жалеть, то и времени не хватит обо всем вспомнить да пожалеть. До свидания. С. Дмитриев.

Адрес мой: Сталинск, Новосибирской области. Нижняя Колония. Сталинский учительский институт. Заведующему кафедрой истории С.С. Дмитриеву. Домашний (улица Кирова. Дом 15, кв. 140).

6-е

Воскресенье 28 декабря 1941. Г. Сталинск

Дорогие мои, хотя и с опозданием, но поздравляю вас с Новым 1942-м годом. Желаю вам всем и себе в нём всего самого хорошего, а на первых порах хотя бы всего того, что мы лишились во второй половине истекающего года, т. е. жизни вместе, на своём месте и при занятиях, каждому из нас нужных и интересных, да и окружающим полезных. Немец проклятый, видимо, стал сдавать, будем надеяться, что в наступающем году его и добьют.

У меня к Новому году большая радость. Вчера я получил телеграмму-молнию от вас за подписью Лёли, от 25/XII: «Здоровы Ильинском напишем Лёля». Ещё ранее, 17/XII, получил я телеграмму от папы от 14/XII с известием, что в Ярославле и Ильинском все здоровы, а письма шлют на Барнаул. Теперь остаётся ждать прихода от вас писем. Жаль только, что всё адресованное на

Барнаул пропадёт. Потому прошу вас, тебя, Лёля, особенно, не поленитесь и подробно мне опишите вашу жизнь и за то время, когда вы писали ещё в Барнаул. Это моё отсюда уже 6-е письмо; 6-е с тех пор, как я стал нумеровать письма, да ещё до нумерации ещё сколько отправил. Первое письмо отсюда я отправил ещё из Старого Кузнецка (окраинная часть Сталинска), где я прожил несколько дней до получения настоящей комнаты. Ну, теперь в новом году, думаю, что связь с вами восстановится. Да и не только с вами: прервалась она и с Николаем Леонидовичем, и с Марголиным, и с москвичами, и с кусковцами, и с теми, с кем вместе я оставил дом. Пётр Андреевич звонил мне из Барнаула по телефону две недели назад — его по его же просьбе призвали в армию служить, он отправился в Новосибирск за дальнейшим направлением, обещал писать, но пока ещё ничего нет. Новицкий с молодой женой расстался с нами ещё в Горьком, в начале 20-х чисел октября. Он направился в Ташкент. Где он теперь, не знаю. Думаю, через Наркомпрос навести справки о нём.

Здесь моя жизнь понемногу налаживается. О комнате я вам уже несколько раз подробно писал. Не буду ещё раз сообщать, так как уже какое-нибудь письмо да дойдёт до вас. С едой тоже стало немного получше. Теперь достаю раза 2–3 в неделю по литру молока. Оно здесь очень вкусное. Я в России ещё такого молока не пил: густое, жирное, жёлтое. В «Гастрономе» купил свиного филе, подкопчённого. Квартирная домработница, Настасья Семёновна, которая за 60 рублей в месяц подрядилась мне мыть 2 раза в неделю полы, стирать (моим мылом) и чинить бельё и платье, кипятить чай и покупать, что причитается по карточкам, приобрела мне 300 гр. сливочного масла (на декабрь), 300 гр. песку, крупы. В «Гастрономе» купил я муки ржаной 1 кг. Сегодня она будет печь на молоке оладьи для меня и варить кашу. Обедать по-прежнему хожу к преподавателю, о котором уже неоднократно писал вам. В то воскресенье в здешней газете «Большевистская Сталь» помещена была моя статья о Кутузове. Вчера сдал в ту же газету другую статью — о Суворове. Она пойдёт уже в начале января. Думаю ещё написать несколько статей: время есть у меня, потребность есть у газеты и читателя, а деньги (гонорар) на улице не валяются. Впрочем, о гонораре ещё речи не было и, полагаю, что он будет невелик. Когда получу — напишу.

Вчера же познакомился и провёл почти целый день в обществе Мюрата, Даву, Нея, Наполеона, Кутузова, Багратиона, Александра I. Беседовать с ними было любопытно, в нашей обстановке они разбираются неплохо, несмотря на свои треуголки, сюртуки, фраки, плюмажи, шпаги, маршальские жезлы. Всё это избранное общество собралось в здешнем театре для генеральной репетиции спектакля «Фельдмаршал Кутузов»[A]. Играет здесь труппа Новосибирского об-

[A] Имеется в виду спектакль по пьесе В.А. Соловьёва «Фельдмаршал Кутузов» (1939).

ластного театра. Режиссёр Вера Павловна Редлик[A] и художественный руководитель театра Багратион — артист Иловайский[B] пригласили меня как историка XIX в. прочитать для участников спектакля две лекции: «Кутузов и его окружение в 1812 г.» и «Наполеон и его окружение в 1812 г.». Я эти лекции прочитал им (потратил 6 часов и вчера же получил за работу по 50 рублей за час, всего 300 рублей, на руки — 283 рубля). На репетицию же меня пригласили в качестве стороннего судьи-знатока. Нужно сказать, что впечатление было довольно странное вчера, когда я жал руки и беседовал с Наполеоном, Кутузовым и Барклаем. Все они весьма похожи на портретных своих исторических прототипов. Перед уходом из дома я получил гонорар за литературные работы, таким образом деньги у меня есть и вы, в частности мама, об этом не беспокойтесь. У вас, я полагаю, на текущие расходы деньги тоже ещё есть.

Вот, что здесь плохо, так это почти полная невозможность вести научную работу. Уж об архивах не говорю, но и библиотеки страшно бедны по моей части, т. е. по истории СССР. Работу над докторской диссертацией, разумеется, пришлось перервать[C]. А это очень обидно: я намеревался её кончить к началу 1943 года. Но без московских архивов и библиотек она стоит. И будет стоять — живи я здесь хоть 10 лет. Ну, бог даст, наступят лучшие времена. Вот только тянет писать, привык я к постоянной литературной работе, но сейчас она никому не нужна, да и выполнять её здесь уж очень сложно без библиотек и людей — ни поговорить, ни посоветоваться не с кем. Думаю всё-таки продолжать писать историю русской культуры в XIX — начале XX вв. Может быть, когда-нибудь она и увидит свет.

О вашем приезде сюда несколько раз писал. Кратко повторю. Был бы рад этому приезду очень. Но вот какие соображения есть против. Ехать вам всем, конечно, не удастся. В лучшем случае, Лёля с Игорем могли бы рискнуть таким путешествием в зимних условиях. А мама и Серафима Галактионовна как же? Зимою вообще будет ехать очень-очень трудно. Меня могут призвать на службу, тогда кто сюда заедет. Останется здесь в одиночестве, далеко от своих и родных мест. Далее, если бы возникла возможность и смысл поехать домой, то мне одному к вам подъехать было бы, конечно, гораздо легче, да и вам взглянуть на кусковские палестины было бы легче. Наконец, думаю, что прямой необходимости для вас сейчас уезжать нет. А к весне будет видно, во-первых, впереди будет тепло, во-вторых, бог даст, и не возникнет эта прямая необходи-

[A] Так в подлиннике. Должно быть: Редлих.
[B] Имеется в виду Серафим Дмитриевич Иловайский.
[C] Так в подлиннике.

мость для вас. И отделаетесь вы только пережитым страхом, проведя время всё же все вместе, в тепле и при деле, хотя и тяжёлом и непривычном. Если придётся ехать ко мне, то в апреле — мае всё-таки будет потеплее и посветлее. Вот мои соображения. Впрочем, заочно очень трудно судить. Смотрите и решайте сами. Лёля, по возможности быстрее установи письменную связь (тебе это ближе и скорее можно сделать) с Натальей, Александром Александровичем, Петром Николаевичем Филинковым, а через них и с Кусковским Музеем на тему об охране имущества и сохранении нашей квартиры. На имя Александра Александровича или Наташи пошли доверенность (заверенную в сельсовете) на право распоряжаться нашим имуществом и переведи денег для уплаты за квартиру вперёд. Филинкова и Клаву, а, может, и Лидию Ивановну Березину, проси посмотреть за квартирой, особенно книги. Обо мне напишешь, что срочно эвакуирован со службой, адрес дашь. Свяжись с Кремнихой, не теряй служебных связей. Эвакуирован сын, больной. Ты его сопровождаешь только. Адрес мой: 1) Сталинск, Новосибирской области. Нижняя Колония. Сталинский учительский[A] институт. Заведующему кафедрой истории. 2) (домашний) Сталинск, Новосибирской области, улица Кирова, дом № 5, кн. 14. Мне.

7-е

Среда 31 декабря 1941. г. Сталинск

Итак, сегодня последний день 1941 г., тяжёлого года испытаний. Новый 1942-й год будем встречать врозь, только мысленно помянем друг друга. Давно уже такой встречи врозь Нового года у нас не было; ну, что же делать, сказано: «всё испытывайте, хорошего держитесь». По крайней мере, вы будете встречать почти все вместе и в одном месте. Как и где буду встречать, я ещё не знаю — пишу это письмо утром 31-го. Позавчера в понедельник вечером по просьбе хозяйки квартиры и её дочери вместе с ними устраивал и украшал ёлку. Ёлку купили пышную, игрушек у них много, вышло очень нарядно. Разумеется, я вспомнил наши кусковские новогодние ёлки, Культяпыча и Верушку. Сочинили ли вы нынче какую-нибудь ёлку? Ёлку-дерево достать вам не трудно, а вот обрядить её, поди, нечем.

Несколько слов скажу о хозяйке, чтобы вы на всякий случай имели о ней представление. Бетти Зиновьевна Белодубровская, врач-рентгенолог, специалист по туберкулёзу. Из себя — женщина лет 30–35, еврейка с крашеными чёрными бровями и яркими кислородно-блондинистыми волосами. Курит махорку и вообще dame émancipée[B]. Говорит в нос, с претензиями, но вообще-то человек

[A] Текст от слова «учительский» до конца письма написан на полях.

[B] Эмансипированная женщина (франц.). Слово «dame» вписано над строкой.

добродушный. Дочь её — Ирина — бледненькая, зеленолицая стриженая девочка, учится в 7 классе. Капризна, своенравна, матерью помыкает. Пионерка.

Вчера прочитал последнюю свою лекцию в институте в этом полугодии. Теперь начнётся экзаменационная сессия. У меня экзаменов нет, так что только к другим преподавателям буду заходить на экзамены, чтобы студентам жару поддать, да и преподавателей посмотреть. Впрочем, скажу заранее — зрелище невесёлое. Знают немного, а преподают и того меньше. После лекции вчера отправился в театр на генеральную последнюю репетицию «Фельдмаршала Кутузова». Репетиция прошла очень хорошо. Старик-артист Кириков (Кутузов) был в ударе и играл с подъёмом. После репетиции выступали. Пришлось и мне, тем более что во вчерашнем № местной газеты в статье о постановке было указано, что, мол, историк Дмитриев очень много помог труппе и режиссёру в подготовке этого трудного спектакля. А положение, как знаете, обязывает… Были на репетиции и обсуждении разные именитые люди, и один из них просил меня дать для здешней газеты небольшие статьи о Багратионе и Отечественной войне 1812 года. Я уже писал вам, что 21/XII напечатана была моя статья о Кутузове, а вскоре после этого я сдал в эту же местную газету статью о Суворове, которая ещё ждёт печати. Таким образом, как видите, налаживается некоторая, хотя и весьма скромная, литературная работа, на популярно-научные исторические темы. Работа эта даёт мне некоторый приработок к жалованью. Тогда постараюсь наладить для папы переводы денег. Вот только интересно, как он их сможет получать? После обсуждения спектакля актёры и художественный руководитель театра приглашали меня на завтра (т. е. уже на сегодня 31/XII на премьеру спектакля, а также и на встречу Нового года с ними. Ещё не решил, пойду ли. Если вечером дома ничего не будет, а настроение будет, то, может быть, пойду — поглядеть местную публику, да и с людьми встретить Новый год.

Завтра же в день Нового года мне нужно будет пройти военный переучёт. Его все должны пройти. По службе я позавчера получил, между прочим, отсрочку от призыва до 1 марта 1942 г. А там будет поставлен вопрос о продолжении этого срока. На днях получил две открытки от родственников Марголина, которые находятся в Уфе. Я запрашивал их о Марголине, а также о вас (не получали ли они от вас писем, так как я вам их адрес в своих письмах на всякий случай давал). Они ответили, что от вас писем не было, а вам они на днях (в 10-х числах декабря) написали о моём местопребывании. Сообщу вам на всякий случай адрес Соломона Лазаревича Марголина, ими присланный. Вот он: город Бирск, Башкирская АССР. Уфимская ул., дом № 8. Бирский педагогический институт. Доценту Марголину Соломону Лазаревичу.

От папы и от вас до сих пор получил только по телеграмме, от 14/XII папина и от 25/XII ваша. В обеих извещения о здоровье. Теперь жду с нетерпением письменных сообщений. Барнаульские письма, т. е. ваши адресованные на Барнаул, полагаю, все пропали, так как в квартире у Зайончковского чужие люди. Написал я одной знакомой в Барнаул, чтоб она похлопотала на почте о пересылке мне писем, но, думаю, что, вряд ли, что удастся сделать ей. Потому вы не ленитесь, и опишите мне подробно всё происшедшее и за время ваших писем ещё на барнаульский адрес. Правда, наверное, у вас туго с бумагою и конвертами. Но уж как-нибудь изворачивайтесь. Получили ли вы мои открытки и конверты, посланные мною из дома ещё в начале октября? От Николая Леонидовича я ничего не имею. Писал по авиапочте на днях Наташе и Александру Александровичу с запросом о их жизни и с просьбой о наблюдении за нашей квартирой, а то здесь некоторые, по-моему, легкомысленные люди стали уже поговаривать об обратном странствии в родные палестины. Лёля, я тебе уже писал, ещё раз повторю: быстрее свяжись с Наташей, Александром Александровичем, Катей, Петром Николаевичем Филинковым и кем найдёшь нужным. Проси установить контакт с Кусковским Музеем или вообще тамошним хозяином на предмет сохранения за нами (тобою и мною) нашей квартиры и охраны имущества, особенно книг личной научной библиотеки профессора историка Дмитриева. Переведи им, кому следует, деньги для взноса квартплаты. Квитанции пусть ценным письмом тебе переправят. Свяжись с Кремнёвой или вообще директором 455-й школы. Помни, что ты в долгосрочном отпуске, но на работе и в отъезде лишь для сопровождения больного эвакуированного сына. Не теряй связи со школой, старайся её непременно восстановить. Тебе это будет очень важно впоследствии — они ведь в случае чего и формально тебя смогут вызвать обратно на работу[A]. О приезде вас сюда я уже вам несколько раз излагал свои мысли. В этом письме не буду, в следующем опять повторю. Мой адрес: г. Сталинск, Новосибирской области. Нижняя Колония. Сталинский учительский институт. Заведующему кафедрой истории С.С. Дмитриеву или домашний: улица Кирова, дом № 5, кв. 14. Мне. Лучше пишите на службу. Сообщите, какие письма мои получили[B], как доходят заказные, знаете ли, и что о папе, Лене, Наташе (кто же у неё родился и как вообще дела), Кате, Варе. С. Дмитриев.

[A] Слово «работу» вписано под строкой.

[B] Текст от слова «мои получили» и до конца письма написано на полях.

8-е

2 января 1942 г. Сталинск

Дорогие мои, только что к большой своей радости получил первое письмо от вас, адресованное сюда на Сталинск. Это письмо твоё, Лёля, от 16/XII. Ты в нём пишешь: «вчера тебе послали телеграмму и письмо, писанное Анной Николаевной». Телеграмму с текстом: «Здоровы Ильинском Напишем Лёля» я получил 27/XII. Это была телеграмма-молния, мне показалось, что она от 25/XII. Очевидно, ты в своём письме поминаешь о другой телеграмме, которую я, наверное, не получил. А, может быть, что я неверно разобрал и мною полученная телеграмма твоя и есть посланная 15/XII, а не 25/XII. Тем более, что второе число в обеих цифрах совпадает. Если это так, то выходит, что телеграмма-молния шла от вас почти столько же, сколько и заказное письмо. Письма от мамы (очевидно, тоже от 15/XII) я не получал, наверное, ещё придёт.

Итак, связь с вами восстанавливается, это меня очень радует. Так как, когда я уезжал, я больше всего боялся, как бы вы тоже не оказались вынужденными сорваться с места и в связи с этим как бы нам не оказаться и в разных местах, и в полной неизвестности друг о друге. Ну, теперь эта забота с плеч спала. А раз связь наладилось, и мы знаем о пребывании друг друга, то, будем надеяться, понемногу станем направлять усилия и к объединению. Вот жаль только, Лёля, что ты ничего в своём письме не помянула о том, получили ли вы от меня письма из Сталинска и какие, или только телеграмму с адресом. В конце письма ты, правда, спрашиваешь, на какой же адрес мне лучше писать, из чего я заключаю, что вы получили моё письмо, так как в телеграмме был дан только один служебный адрес. В одном из первых своих писем я указывал вам домашний старый адрес (Старый Кузнецк, Мариинская ул., д. № 26). На него, конечно, писать не нужно теперь, так как я прожил по этому адресу всего несколько дней до получения своей комнаты. Теперь мой домашний адрес: Сталинск, Новосибирской области. Улица Кирова, дом № 5, кв. 14. Мне. Но писать следует лучше по служебному адресу. Ещё раз даю его: Сталинск, Новосибирской области. Нижняя Колония. Сталинский учительский институт. Заведующему кафедрой истории С.С. Дмитриеву. На всякий случай сообщаю вам имена директора и секретаря института, чтобы вы могли при необходимости запросить. Директор Макаренков Макар Ефимович, секретарь — Затера Тамара Георгиевна.

Ваши письма не все пропали. Три письма, посланные на Киров (Клобуновскому) от 3, 5 и 9 ноября мне были пересланы, и я их получил ещё 5/XII. Вот посланные на Барнаул те, поди, пропали, хотя я на днях и писал общей знакомой (по Институту истории Академии Наук) в Барнаул, чтобы она похлопотала о них. Но надежды мало. Ну, ладно, не стоит об этом досадовать. Теперь такая

жизнь пошла, что если на всё досадовать да расстраиваться, то и жить будет некогда, времени для прочего не хватит. Сетовать, что вот, мол, зря тогда вы уехали из Кускова и искать «виновников» этого отъезда — занятие бесплодное. Тогда казалось, что нужно уезжать, теперь думается, что ненужно. Но ведь решение-то тогда было принято. Конечно, если бы все мы проявили в своё время более упорства, то, возможно, что даже и сейчас бы могли продолжать на своём старом месте (хотя, думаю уверенно, что не все вместе, так как меня-то, вероятно, всё же не оставили бы с вами дома) жить и ничего бы с вами не было и даже теперь бы, казалось, что мы поступили все очень умно. Но будет ли это же казаться нам умным через 3–5 месяцев — сказать трудно, очень трудно. Весьма возможно, что и не будет. Понимаю, как сложно и трудно вам было бы сейчас поехать сюда ко мне. Да и думаю, что прямой острой необходимости сейчас вам уезжать из Ильинского и нет. Возникнуть такая необходимость может, я думаю, лишь к началу лета, но, весьма возможно, что и совсем не возникнет. Если она возникнет, то всё же летом или весною вы сможете как-нибудь ко мне выбраться. Если же не возникнет, то я приложу все усилия, чтобы вернуться или домой к нам (коли дом цел будет) или к вам в Ильинское, или в Ярославль. Во всяком случае, тогда уж как-нибудь да соединимся. Обо мне вы особо не тревожьтесь, хотя одному, конечно, трудновато, но как-нибудь протяну это время. Здесь всем вместе жить было бы с питанием тоже очень трудно. Минимум белья у меня всё же есть. Со стиркой его дело наладилось. Квартирная домработница стирает, мыло моё. На днях мне посчастливилось, и я раздобыл несколько кусков мыла. С валенками мне действительно, повезло, мне здесь все завидуют. Хуже обстоит у меня дело с верхними рубашками: их всего три — две вышитые, причём одна, весьма поношенная, и здесь её уже чинили. И одна серая (у этой проносился воротничок). Костюм верхний у меня один — чёрный, переделанный Карл Карловича, да коричневые брюки, которые папа мне купил. Из обуви — толстые ботинки, туфли, калоши и валенки. Весьма плохо ещё с носками — рвутся они у меня быстро, а заштопать нечем, нет штопальных ниток. Правда, хранятся у меня в запасе ещё 2 пары белых носок и 2 пары длинных до колен, но их я берегу на всякий случай, а в носке у меня 3 пары.

Теперь по поводу дома и квартиры я писал уже вам, но ещё повторю. Я ушёл из дома очень быстро и даже для себя неожиданно. Я в этом не виноват ни сном, ни духом, хотя, как позже это выяснилось, можно бы этого и не делать ещё некоторое время. Потому я в Музей не заявил о своём отъезде, за квартиру у меня было заплачено, кажется, по сентябрь включительно. Ключ от квартиры я оставил Александру Александровичу и Наташе. Их просил установить кон-

такт с Музеем. Недавно я по авиапочте послал Наташе заявление на имя директора Музея о сохранении квартиры и имущества. Ты, Лёля, напиши ещё об этом Александру Александровичу и Наташе, а также приложи своё заявление в Музей на ту же тему. Переведи им денег для уплаты за квартиру, квитанции пусть они или держат у себя или перешлют тебе ценным письмом. О том же напиши письмо Петру Николаевичу Филинкову, а так как его может и не быть, то ещё и Клаве (Клавдии Васильевне Жуковой); проси их присмотреть за квартирой. В заявлении особо подчеркни мысль об охране личной научной библиотеки (5000 томов) профессора Дмитриева, эвакуированного из Москвы, и его жены — педагога, эвакуированной с больным сыном. Если бы представилась тебе возможность самой проехать в наши палестины, то, конечно, используй её. Обязательно установи связи с 455-й школой, Кремнёвой и кем найдёшь нужным. Узнай об адресе 455-й школы в Таганском РОНО. Помни, что ты в долгосрочном отпуске, но находишься в штате 455-й школы. Там ведь и твоя трудовая книжка. Пиши, что подумываешь о возвращении на работу. Кремниха тебя в случае чего сможет официально вызвать, без чего (вызова) поехать, поди, нельзя. Занять квартиру эвакуированного профессора (с библиотекой и имуществом) не должны. Если это попытается сделать Музей, то пиши в Перловский горсовет и к Ухтомскому прокурору. Тебе вести переписку легче, чем мне, ты ближе.

Не знаю, стоит ли мне сейчас предпринять шаги к переводу меня обратно или в город, где все мы жили, или пока хотя бы в Ярославль? Возможно, что это и рано ещё делать. Может быть, придётся ещё и вам сюда ко мне перебираться.

Не горюйте и духом не падайте, «минует тяжёлое время…» Как Наташа, родился ли и кто у неё? От папы известий, кроме телеграммы от 14/XII, пока нет. Целую вас всех. Почему, Лёля, ты об Игоре ни слова не помянула? Учится ли он? Ещё раз поздравляю вас с новым годом. Я вас всех вспоминал в 12 часов ночи. Ну, до свидания. Пишите чаще. Я письма свои нумерую, это 8-е. С. Дмитриев.

P.S.[A] Забыл вам написать ещё, что по службе получил броню (отсрочку) в отношении призыва пока до 1 марта 1942 г. и там, возможно, далее продлят.

С. Дмитриев.

P.S.[B] Сейчас получил письмо от Н.Л. Рубинштейна от 7/XII. Оно переслано мне из Барнаула, потому так долго и шло. Пишет он, что в Свердловске можно бы было место найти мне в конце ноября в университете. Но теперь уж, конечно, поздно, а, впрочем, напишу в Свердловск на всякий случай. Между прочим,

[A] Этот абзац и подпись написан внизу перевёрнутой снизу-вверх страницы.

[B] Этот абзац написан на обрывке, видимо, обложки какого-то журнала.

он сообщает, что его брат Дмитрий Леонидович Рубинштейн находится в Томске. Приписываю это за обедом, скоро пойду на почту и потом в театр лекцию читать. До свидания. С. Дмитриев[A].

9-е

Воскресенье 4 января 1942 г. Сталинск

Дорогие мои. Вчера получил письмо от мамы от 14/XII, а позавчера (2-го января) письмо от Лёли 16/XII. Был очень обрадован восстановлением связи. Теперь будем надеяться, что письменное общение наладится.

Вчера вообще был у меня удачный день. Утром попал в «Гастроном», купил сливочного масла, сыра швейцарского, свиного копчёного филе, баранины и рыбы «омуль» (сибирская рыба из Байкала, та самая о бочке из-под которой поётся в известной песне «Славное море священный Байкал, Славный корабль — омулёвая[B] бочка…»), очень вкусной и жирной. Пива у меня ещё ⅓ целой четверти на окне стоит (одна женщина из нашего дома дала мне на время свою четверть), а молоко тоже было. Сегодня надеюсь приобрести ещё литр молока. Сегодня же из баранины, картофеля (предоставила соседка инженерша «в обмен» на стакан пива для её дочери), моркови и лука (у меня его в мешочке запас, как-то я на базаре сразу на 18 рублей купил) моя Личарда (домработница Анастасия Семёновна) сочинит мне суп. В то воскресенье она же мне состряпала оладьи из ржаной муки на молоке; пекли их на сливочном масле.

После «гастронома», хождение и стояние в котором заняло около 3 часов (причём хождение требует от нашей квартиры до магазина 3–5 минут, перейти только через дорогу на другу сторону улицы), отдыхал, затем сходил к нам в институт, взял хлеба в буфете (на карточки ещё прежде купил) и снова вернулся домой. Прочитал «Известия» и «Правду» за 20–25 декабря, которые беру для чтения в институте. В 5 часов отправился обедать, а так как обед рядом с институтом, то зашёл узнать, нет ли ещё писем, с вечерней почтой доставленных. И, верно, нашёл мамино письмо от 14/XII. После обеда сел на трамвай и покатил в Старый Кузнецк, куда у меня было приглашение от одного знакомого. (Между прочим, подробное письмо моё от 25/XI, которое вы получили и было писано с временной квартиры из Старого Кузнецка, где я провёл всего время с 21/XII — день приезда в Сталинск — до 29/XII, когда получил гораздо более приличную комнату, в которой теперь и живу, уже не в Старом Кузнецке, а в самом центре Сталинска, и которую я вам уже в нескольких письмах описывал). Приехав к знакомому, приобрёл три куска мыла, таким образом этим де-

[A] Далее зачёркнуто «или пожалуй».

[B] Слово «омулёвая» подчеркнуто волнистой линией

лом теперь обеспечен. Затем, так как бельё у меня было захвачено с собою, то в Старом Кузнецке пошёл в баню, которая там (т. е. в Старом Кузнецке) напоминает и устройством, и нравами старинные сибирские бани: деревянная, много пара и пр. Помылся хорошо, вот только полотенце забыл дома и пришлось сидеть и сохнуть. Поехал назад, любуясь пейзажем: из-за гор и развалин крепости вылезла полная красная луна и отчётливо освещала старинный Кузнецк, полуразрушенный собор XVIII в. (единственная негражданская архитектура в городе). В 9½ был дома и «гонял чаи». Так и прошёл день. Сейчас сочиню вам письмо и отправлюсь в институт на почту, чтоб письмо сдать, затем в магазин Военторг, чтоб узнать, не будет ли пива сегодня, затем хлеб купить.

По поводу письма вашего скажу так. В переводах от вас я не нуждаюсь, я имею в 1½ раза более того, что вы мне оставили при отъезде. И в пути сюда нужды не было. До Верещагино (перед Молотовым) ехали втроём (я, Марголин и Зайончковский), от Молотова до Барнаула — вдвоём с Зайончковским. О голоде и речи не было, хлеба было вдосталь, покупали мясо, варили обеды; сахар, чеснок, лук были, на станциях получали кашу, супы; в деревнях покупали студень и молоко. Вот холодновато часть пути, верно, было, так как до Верещагино от Кирова ехали мы в вагонах метро, а они не приспособлены для тепла. Правда, печка была, а уголь и дрова сами запасали на стоянках. Так что представлять себе моё путешествие, как путь на Голгофу, неверно. Здесь теперь мой быт понемногу устроился. Плохо то, что никого из старых друзей или знакомых здесь нет. Мы, когда выбирались, все мечтали вместе устроиться, но все оказались врозь (Марголин в Бирске, Зайончковского в армию взяли, а я в Сталинске). Ну, как-нибудь это время переживём, а там я думаю к началу лета или вам придётся ко мне переезжать, или мне будет смысл к вам, или в Кусково вернуться. Сейчас же я думаю, сидите на месте, благо тихо, более или менее сытно и относительно тепло. (Вот у меня так прямо жара).

Очень-очень рад за Наташу, настоящий молодец, пошлите от меня ей лучшие пожелания. Молодец Наташа! Хорошо, что посещение гостями папы и Лены сошло благополучно. Будете писать тёте Кате — мой привет всем. Очень меня утешило известие о письме от П.Н. Филинкова к папе (жаль только, что вы не написали, от какого оно числа).

Лёля, тебе ещё раз пишу следующее. Я ушёл так неожиданно и срочно, что в Музее ничего не сообщил. За квартиру у меня уплачено по сентябрь, кажется, включительно. Свяжись через Александра Александровича, Наташу, Филинкова с Музейным управлением. Напиши официальное заявление на имя Музея с просьбой сохранить квартиру и имущество семьи эвакуированного профессора Дмитриева, и особенно его личную научную библиотеку (около 5000 томов

книг). Заявление это перешли Александру Александровичу. Переведи ему же денег для уплаты за квартиру, квитанции проси переслать тебе ценным письмом или сохранять у себя. Напиши Филинкову дружеское и любезное письмо, проси ответить непременно, запрашивай о жизни, доме, квартире. Передай от меня извинение, что не успел с ним проститься — электрички в тот день не ходили. Пиши, что собираешься приехать, да и меня, мол, вероятно, скоро вызовут обратно.

Далее, Лёля, на всякий конец[A], пошли Наташе и Александру Александровичу доверенность (заверенную) на распоряжение нашим имуществом. Наконец, обязательно и быстро установи связь с 455-й школой. Возможно, Кремниха и там. Адрес школы узнай через Таганское РОНО или проси Александра Александровича справиться в МосГОРОНО. Помни, что ты в долгосрочном отпуске, но на работе числишься там, там и трудовая книжка. Установишься связь — запроси о возвращении на работу (ты ведь поехала для сопровождения эвакуированного больного сына, а он может нуждаться в московском лечении). Тебя школа может официально вызвать, без этого же, вероятно, не вернуться будет. Если обстановка будет благоприятная, то проси такого вызова и, может быть, поезжай. А я к вам один как-нибудь выберусь. С. Дмитриев[B]

10-е

Вторник 6 января 1942 г. Сталинск

Дорогие, ильинцы, поздравляю вас с новогодними праздниками. Вчера получил третье письмо от вас, а именно письмо мамы от 19/XII 1941 г. До него пришли письма от Лёли от 16/XII и от мамы от 14/XII. Вам я отправляю теперь через день. Таким образом с вами связь восстановилась. С ярославцами ещё нет, от них ни одного письма не получил, хотя им пишу. Теперь по существу вашего письма отвечу, согласно просьбы на все вопросы по пунктам. 1) Переводить мне ничего не нужно, у меня три с половиной пачки, т. е. в 1½ раза больше, чем у меня осталось при вашем отъезде. Так что об этом вы не думайте и не беспокойтесь. Кроме жалованья, я получил за лекции в театре 300 рублей (за 6 часов лекций по 50 рублей), вчера получил за статью о Кутузове в здешней газете 97 рублей, на днях будет напечатана вторая статья о Суворове и рецензия на спектакль «Фельдмаршал Кутузов», таким образом и во второй половине января у меня будут ещё приработки. Так что ни почтой, н телеграфом не переводите. 2) Свинину, о которой я вам писал, я получил по 37 рублей килограмм, но не 10 кг, а только 3 кг. Разумеется, употребил её в дело. 3) Молоко я достаю по 1–2 литра в неделю. Оно здесь очень хорошее, лучше, чем в России.

[A] Так в подлиннике.

[B] Текст от слов «будет благоприятная» и до конца письма написан на полях.

Носят его мне на дом иногда не деньги, иногда остаётся кусок хлеба, то на хлеб[A]. 4) Пиво разливное доставать вполне можно. Одна из соседок по дому дала мне в пользование целую четверть стеклянную, и я её использую под пиво, так что оно у меня не переводится, можно сказать. Как четверть кончается, иду по магазинам и ларькам, узнаю, где и когда будет и отправляюсь за пивом, установив четверть в синюю сетку, которая у меня сохранилась от дома. Так вот вчера приобрёл четверть (3½ литра входит, по 2 рубля 10 копеек литр, итого 7 рублей 35 копеек), сейчас она стоит у меня в окне между летней и зимней рамами (для холода). Пиво мешаю с молоком и пью, уподобляясь кормилицам, хотя они это делали для молока, а от козла, то бишь меня, какое же молоко? 5) Магазины в городе есть разные, но из белья в них ничего не приобретёшь. Мои запасы белья нельзя назвать уж очень скудными: 3 верхних рубашки, не считая 4-й, совершенно новой, предоставленной мне в пользование хозяйкой квартиры; 2 нижних рубашки; 3 майки, из них одна с рукавами; белых кальсон 2 пары, да синие трикотажные; третья пара белых кальсон вся расползлась, её придётся пустить на заплаты для починки; 2 пары трусиков[B]; носок 6 пар тёмных и 2 пары белых, тёмные изрядно поношены, когда уже нельзя будет чинить, отдам их в трикотажную мастерскую, где берутся подвязывать; 2 наволочки, 1 простыня моя (да две казённые дали в пользование); 7 полотенец, из них 2 мохнатые. Кажется, всё, а, может быть, что и упустил. О верхней одежде и обуви я вам писал, но повторю: пальто зимнее синее, шапка зимняя моя старая, костюм чёрный (Карл Карлыча) с жилетом от сюртука папы; брюки коричневые, туфли, ботинки толстые, валенки, зелёная кепка, купленная нынче летом ещё при вас, и чаплашка[C]. Да, три пары перчаток. 6) Главный мой продуктовый источник — это находящийся против нашего дома единственный в городе магазин «Гастроном». Позавчера в нём сделал такие покупки: масло сливочное, сыр, свиное филе, ½ кило баранины, рыбу «омуль» из Байкала, колбасу. Домработница вчера мне сделала очень хороший суп из баранины, картофеля, моркови, лука (у меня его целый мешочек, как-то на базаре купил на 18-20 рублей сразу) и[D] перловой крупы; да из мякоти ещё две прекрасных котлеты вышло. Конечно, этот обед был дополнением к обычному обеду у преподавателя, к которому я хожу. 7) Особенно тосковать и убиваться по поводу моего отъезда не

[A] Именно так предложение написано в подлиннике.

[B] Слова «2 пары трусиков» вписаны над строкой.

[C] Плоский головной убор в виде шапочки или повязки, который надевали под платок, шапку и т. п.

[D] Далее зачёркнуто «овсяной кр.».

нужно. Уехал я не в Америку и не на век. Я думаю так: или к началу лета вам придётся ко мне ехать, или, что вернее, я вернусь к этому времени сам или к вам, или в Кусково, если там всё будет цело. Настоятельной необходимости вам сейчас сюда ехать не вижу, тем более, что если бы возникла возможность вернуться в родные места, то целым домом отсюда тронуться было бы гораздо труднее, чем одному. У нас здесь многие люди из наших с вами сограждан начинают задумываться о возврате. Я тоже подумываю кое-что предварительное в этом направлении предпринять. Лёле нужно тоже о себе подумать. Обязательно, Лёля, установи побыстрее связь с 455-й школой, я слышал, что нам в нашем городе[A] начались кое-где занятия и в старших классах. Ты, ведь, находишься в долгосрочном отпуске за свой счёт, в связи с необходимостью сопровождать больного эвакуированного сына. Но ты числишься в школе в штате и твоя трудовая книжка там. Свяжись с Кремнёвой или кто там теперь директор и, если сочтёшь нужным (мне отсюда трудно разобраться), то проси вызвать тебя, прислать формальный вызов, а без него, вероятно, не выедешь. Адрес школы можешь узнать через Таганский РОНО или через Наташу. Далее спишись через Александра Александровича, Наташу и П.Н. Филенкова с Музеем — спроси сохранить квартиру и имущество, особенно личную[B] библиотеку научную и архив[C] профессора Дмитриева. Напиши официальное заявление в Музей от имени жены эвакуированной, педагог Таганского РОНО. Переведи Александру Александровичу денег для уплаты за квартиру. Мне почему-то кажется, конечно, может, я и ошибусь, что к весне или лету можно будет вернуться к родным кусковским местам. Если же не в Кусково, то, я думаю, у тебя столько родни (Катя, Наташа, Нина, Варя, Чакалёвы), что у кого-нибудь да разместитесь. А я тоже как-нибудь[D]пристроюсь. Установи письменную связь с Филинковым, постарайся именно прочную связь, чтобы он регулярно вам сообщал о кусковских делах. С Николаем Леонидовичем спишись — не думает ли он о возврате? Он, если бы вернулся, тоже мог бы вам быть полезным.

Я ещё раз прошу вас всех, и тебя, мама, зря не убиваться и не тосковать, в частности обо мне. Теперь миллионы людей в разлуке, явление это временное, проклятых немцев разобьём и заживём все вместе опять. Второй лист посылаю вам чистым для ответа[E]. Целую вас всех. С. Дмитриев.

[A] Слова «нашем городе» вписаны над строкой.

[B] Слово «личную» вписано над строкой.

[C] Слова «и архив» вписаны над строкой.

[D] Далее зачёркнуто: «вернусь».

[E] С правой стороны листа сохранились следы аккуратного разрыва листов.

P.S.[A] По случаю завтрашнего дня домработница у меня сейчас пол вымыла. Уж очень часто она это делает 2–3 раза в неделю.

P.S.[B]

Приписываю 1 дня из института: только что получил письма от Лены от 13/XII и открытку от папы от 11/XII. Все живы и здоровы, письма очень бодрые. К весне думают, что все поедем в Москву. С.Д.

11-е

7 января 1942. Сталинск.

Милый друг Гога! Вчера пришло твоё письмо от 17/XII. Прежде ещё пришли письма от мамы от 16/XII и бабани от 14 и 19 декабря. А вчера получил целую груду писем: твоё, дедушки из Ярославля от 11/XII и тёти Лены от 13/XII, да от Николая Леонидовича Рубинштейна от 20/XII из Саратова и от Липкиной (была у нас в МОПИ такая преподавательница, мама её, наверное, помнит) из Томска от 2/I-1942 г.[C], где она находится. Она, между прочим (она — это Липкина), сообщила, что наш Антон Иванович Козаченко был в тяжёлом положении без работы в Омске, и она ему послала назначение на заведование кафедрой в городе Улан-Удэ (это за Байкалом, более чем в 1½ тыс. км к востоку по прямой от моего Сталинска, а бабаня ещё говорит, что я далеко заехал). Она же Липкина, сообщила, что Нечкина, Бахрушин и Новицкий осели, кажется, в Ашхабаде, а от Кускова до Ашхабада в общем не ближе, чем до Новосибирска. Потому, как географ, ты утешь маму, бабаню, дедушку и бабушку Симу: уж не так-то я далеко от вас при своём деле, а главное, на прямой линии железной дороги, по которой и вы живете. После получения всех этих писем вдруг вызвали меня на 7 часов вечера на междугородную переговорную станцию. Пошёл и к своей радости говорил с Петром Андреевичем Зайончковским. Его после призыва в армию (призван он был по его же просьбе) назначили пока работать в политуправлении в Новосибирске. Работой он доволен, собирается приехать на время в Сталинск и презентовать мне свой синий костюм из бостона, так как ему он не нужен, ему выдали обмундирование. На обратном пути из телефонной станции зашёл в «Гастроном» и купил 200 гр. сливочного масла. Вот, брат, таковы текущие дела.

Очень я рад и одобряю, что ты принимаешь такое деятельное участие в общей хозяйственной деятельности ильинцев: ходишь с бабушкой за капустой и морковью по деревням, ездишь за дровами, лазаешь в печку мыться: чистота — залог здоровья. Теперь такое время, когда не работать — преступление.

[A] Этот абзац написан на левом поле первой страницы.
[B] Этот абзац написан на левом поле оборота первой страницы.
[C] Дата вписана над строкой.

Что в школу не ходишь — это не беда, но только не отставай от программ школьных.

Учебники я тебе, кажется, все важные успел послать. Уж, как быть следует, всё, что полагается и маме отвечай. Вернёмся, бог даст, домой и поступишь прямо в следующий класс. (А получили ли вы конверты и открытки с книгами?)

Что тебе сказать о городе, где я живу? Это — большой промышленный центр, столица сибирской металлургии. Расположен он в котловине Кузнецкого Алатау, северной части Алтайских гор, между Томским кряжем и Бийским массивом на верховьях реки Томи, при впадении в неё речки Абы. Томь и Аба протекают через самый город. Томь река очень широкая здесь, немногим уже Волги в Ярославле. Река Томь делит город на две большие части: на правом берегу у подножья большой горы с развалинами каменной крепости, построенной против шорцев и монголов, и церкви расположен Старый Кузнецк. Он построен казаками в 1618 году на месте старого поселения шорцев (это — тюркское племя). На левом берегу Томи расположен новый город (построен в 192_–30 гг.[A]), собственно Сталинск. Через него протекает маленькая и вонючая речонка Аба: она никогда не замерзает, в неё спускают горячую воду с заводов, вся окутана паром и ужасно воняет. Со всех сторон Сталинск окружают небольшие горы, очень пологие и сплошь засыпанные снегом (разумеется, зимой). По городу бегают трамваи, всего 5 маршрутов (5 №№). Много автомобилей, но лошади явление нередкое. А иногда сани, глядишь, запряжены мулом или верблюдом. Это, значит, в город приехали шорцы или казахи. Лошади здесь в Сибири очень маленькие, сильно мохнатые, большей частью коричневые. Коровы тоже очень маленького роста и страшно лохматые. Очевидно, у них шерсть такая теперь: ночью –40–45°, утром –30°, а днём обыкновенно —18–25°. Морозы переносятся здесь очень легко, гораздо легче, чем у нас в России. При –25° я, да и другие приезжие, разгуливаем хоть бы что и чувствуем, что в воздухе очень тепло. Климат очень сухой — целые дни, недели и месяцы светит яркое солнце; сереньких, туманных наших зимних дней почти здесь я и не видел. Небо обычно ясное, голубое. Говорят, что бывают бураны, когда выпадает снега сразу 3-4 метра в вышину, но при мне ещё ни разу не было. Ну, пиши мне, до свидания. Вторую страницу оставляю для вас. Целую крепко. В следующем письме ещё тебе расскажу про здешние края. С. Дмитриев.

P.S. Конверт мой можете вывернуть и мне обратно в нём отчитаться[B].

[A] Последняя цифра написана нечётко: то ли «4», то ли «9». В письме от 19 февраля 1942 г. С.С. Дмитриев уточняет, что Сталинск основан в 1929 году. Слова «(построен в 192_–30 гг.)» вписаны над строкой.

[B] Этот абзац написан на левом поле первой страницы письма.

12-е

8 января 1942. Сталинск

Милая Лёля, вчера, по-старому в день Рождества, получил твоё письмо от 20/XII. Вчера же с ним вместе пришло письмо и от Лены из Ярославля от 26/XII, из чего явствует, что от них письма идут быстрее, нежели от вас. Теперь уже можно сказать, что письменная связь наладилась. Я вам пишу ежедневно, письма нумерую и одну половину оставляю чистой для вашего ответа. Конверты, которые можно, вывёртывайте наизнанку, чтобы отправлять обратно. Теперь экономия более чем когда-либо оправдана. Вчера же получил телеграмму из Барнаула от преподавателя Рафикова, у которого мы с Петром Андреевичем останавливались 16–19 ноября, когда пребывали в Барнауле, а семьи Петра Андреевича не застали. Рафиков телеграфирует следующее: «Привет. Пересылаю письмо вашей жены. Рафиков». Таким образом какое-то твоё письмо (а, может, и письма), адресованное на Барнаул, ко мне переадресовано и, будем надеяться, доберётся до меня. Ты спрашиваешь о ваших письмах в Киров к Клобуновскому. Я уже вам сообщал, что довольно давно, а именно 5/XII я получил здесь в Сталинске сразу 3 письма ваших, направленных Клобуновскому и мне из Кирова пересланных. Это были письма от 3, 5 и 9 ноября. Таковы были первые известия от вас.

Вчера адресовал я письмо Игорю в ответ на его послание от 17/XII, полученное мною 6 января. Таким образом выходит, что от вас письма идут сюда 17–20 дней, а из Ярославля 12–17 дней. От меня как идут не знаю. В Москву и Саратов (Николаю Леонидовичу) я пишу по авиапочте, она, говорят, доставляет быстрее.

По существу твоего письма я бы сказал следующее: понятно, приятней было бы встречать Новый год вместе. Но, добавил бы я тотчас, особенно нам роптать и печаловаться не приходится. Все живы, в относительно безопасных местах и имеем известные виды на соединение. Сейчас миллионы людей сорваны со своих насиженных мест. Многие навсегда потеряли близких, и ничто уже их не вернёт. Мы этого не испытали. А что врозь живём, так это дело временное. Придёт пора, и будем надеяться скорая, и объединимся. Если на старом пепелище не удастся, то новое заведём. Были бы живы, здравы, а значит и могли бы работать. И ты, и я можем работать на полном ходу, специальность имеем. Ты продолжаешь числиться формально в штате 455-й школы, там и твоя[A] трудовая книжка. Сейчас ты в долговременном отпуске в связи с необходимостью эвакуировать больного сына. Я уже тебе писал неоднократно о срочной необходимости установить связь с Кремнёвой или вообще дирекцией 455-й школы. Ведь

[A] Далее зачёркнуто «раб».

они тебя по твоей просьбе вызвать могут, а без этого вернуться трудно. Если бы, паче чаяния, Швейцарский дом перестал существовать или, что вернее, мог бы быть занят, то ты (и вы все вообще, а ты в первую очередь) могла бы поехать в родные края и поместиться на первых порах у Кати, у Нины и т.д. Слава богу, ты в нашем городе родню имеешь.

Обо мне тоже особо беспокоиться не следует. С квартирой, работой и питанием у меня обстоит дело ничего. Очень многие мои товарищи устроены не только не лучше, но даже и хуже значительно. Все нужные вещи у меня есть, а уж моя ли собственность стулья, на которых я сижу, постель, на которой я сплю, одеяло, которым я покрываюсь, — это для меня не вопрос. Прежде всего потому, что не век я здесь жить собираюсь, а перевозить с собой стулья, кровать и пр. из Сталинска в Кусково или куда ещё, ей-богу, не намерен и смысла не вижу. Живы будем — заработаем и снова всё будет, если не сохранится то, что было. Я об этом не горюю. Что за вздор о вещах думать, когда нужно о людях ежечасно трепетать.

Маленький провокационный вопрос: ты пишешь — живём сыты, в тепле, керосин есть, работаем много, но вечера свободны. А Лена пишет, что пришло от вас письмо, полное паники и отчаяния: и есть нечего, и топить нечем, и я далеко и т. д., и т. п. Чему же верить, если у вас действительно очень плохо и туго, то нужно мне прямо об этом и написать. Или это крокодиловы слёзы? Ну, ладно, пишите. До свидания.

Целую тебя и вас всех. Скоро уж и весна, а там или я к вам или вам придётся ко мне ехать. Привет. С.Д.[A]

P.S. Второй лист оставляю пустым для ответа. Культяпыч пусть пишет.[B]

13-е

Пятница 9 января 1942. Сталинск

Дорогие ильинцы, вчера от вас, да и вообще ни от кого, писем не было. Я всё же, как решил впредь до окончательного восстановления прочной и регулярной письменной связи, писать вам ежедневно, так и делаю. Я уже сообщал вам, что стали приходить письма и от ярославцев, и от Николая Леонидовича. На днях звонил по телефону из Новосибирска Пётр Андреевич Зайончковский — он там пока работает на службе в Красной Армии. Вот от Марголина, правда, ещё писем не получал; только его мать и сестра прислали по открытке на мои запросы. Получил письмо от Липкиной (была у нас в МОПИ такая, ты, Лёля, наверное, помнишь, хотя бы по моим рассказам). Она в Томске.

[A] Этот абзац написан на левом поле оборота первой страницы.

[B] Этот абзац написан на левом поле первой страницы.

Между прочим, сообщила, что Нечкина, Бахрушин, Титов и Новицкий в Ашхабаде в Средней Азии. А наш Антон Иванович Козаченко писал ей — Липкиной — очень жалостное письмо из Омска и просил куда-нибудь дать назначение, так как сидел без работы. Она ему послала назначение на заведывание кафедрой истории в педагогическом институте в г. Улан-Удэ, этот город за Байкалом, километрах в 600 к востоку от Иркутска. Вот бедняга, ежели туда поедет.

Здесь в моей жизни особых новостей нет. Сейчас в институте каникулы и с 27/XII-41 г. у меня лекций нет. Так что хожу в институт только часов в 12 дня в буфет, да в 5½ часов вечера за почтой — по дороге захожу обедать. Экзаменов своих у меня нет, а к другим преподавателям на экзамены только зайду посидеть в качестве зав. кафедрой. Сегодня буду читать в здешнем театре публичную лекцию о Кутузове перед спектаклем «Фельдмаршал Кутузов». Читать буду в порядке общественной нагрузки.

Вчера занимался хозяйственными делами. Вот они: утром в 8½ ч. встал, из кухни в окно увидел, что на площади рядом с «Гастроном» у ларька, где торгуют пивом, стояла кучка людей — значит пиво привезли. Пошёл — занял очередь, оказался 5-м, но так как пиво ещё не продавали, то вернулся домой, позавтракал, взял четверть и в 9 ¾ был дома с четвертью пива (3½ литра по 2 рубля 10 копеек за литр). Затем купил хлеба: сливочное масло, балык, сыр и колбаса у меня дома были. А к вечеру, когда сидел дома и читал Сибирскую энциклопедию и Чехова, принесли молоко. Купил литр молока за 10 рублей. Таким образом и пиво, и молоко есть. Молоко здесь, как правило, разносят по домам, а не выносят на базар. На базаре, правда, торгуют тоже молоком, но обычно только замороженным в виде как бы масла. Я сначала было считал, что мороженое молоко — дрянь, но как-то попробовав, убедился, что избавился ещё от одного предрассудка — молоко было очень вкусное.

Вот таковы хозяйственные дела. Завтра собираюсь в баню. Думаю, съездить в неё в Старый Кузнецк, чтоб заодно перед баней посетить там в Кузнецке так называемый «домик Достоевского». Здесь тоже, как видите, не без мемоpативных[A] памятников. В 1857 г. Ф.М. Достоевский приезжал в Кузнецк из Семипалатинска, где он служил в солдатах, прожив в Кузнецке[B] некоторое время и здесь (трепещи, Лёля, как литератор и женщина!) женился на Марии Дмитриевне Исаевой, вдове чиновника Исаева, прежде служившего в Омске, где Достоевский отбывал в 1850–54 гг. каторгу, а затем переведённого в Кузнецк. Погляжу, что это за домик Достоевского. Ну, до свидания. Так как пишу вам еже-

[A] Так в подлиннике.

[B] Далее зачёркнуто «изве».

дневно, то содержательности особой от писем не требуйте. Целую вас всех. С. Дмитриев.

Второй лист для вас, конверт тоже используйте. С.Д.

14-е

Суббота 10 января 1942. Сталинск

Дорогие ильинцы, вот уже три дня нет от вас писем. Вчера получил старое письмо от Николая Леонидовича Рубинштейна, писанное ещё 7 декабря 41 г. Оно было адресовано на Барнаул, а оттуда уже переадресовано мне сюда. Он о своих знакомых и товарищах по работе сообщает следующее: Дмитрий Леонидович Рубинштейн, оказывается, в Томске, живёт в общежитии Мединститута; Дружинин Николай Михайлович и Базилевич, по-видимому, в Ашхабаде; Г.А. Новицкий, Бахрушин, Готье и Пичета в Ташкенте, но Новицкий, наверное, поедет тоже в Ашхабад; Анна Михайловна Панкратова, к которой когда-то бабаня ездила на Зубовский бульвар, в Алма-Ате; в Среднюю же Азию проехал и Б.Д. Греков. Нечкина тоже там где-то. Так что, как видите, в Средней Азии историками хоть пруд пруди, и то, что я туда не двинулся, может быть, и хорошо. А то сидеть без дела или идти в среднюю школу историю преподавать уж не так-то интересно. А в смысле дальности Средняя Азия от вас не ближе, чем Сталинск. В отношении же средств передвижения туда от вас попасть куда труднее, чем сюда в Сталинск[A]. Между прочим, Николай Леонидович пишет, что в конце ноября в Свердловском университете потребность в историке СССР XIX в. всё же была и университет продолжал работать. Я вам писал, что в Кирове мне назначение в Свердловский университет давали, но тогда же в Наркомпросе говорили о предполагаемом временном свёртывании этого университета. При таких условиях я туда назначения не взял. Руководился я при этом такими соображениями: сидеть без работы в наше время нельзя; жилищные условия в Свердловске крайне напряжённые, город перенабит, поди, в лучшем случае, кроме общежития ничего бы я там не получил (если бы ещё работа была), в очень большом и чужом городе я был бы совсем один. А в Барнауле, куда я, как вы знаете, направлялся, я и Пётр Андреевич твёрдо рассчитывали жить и работать вместе. Всё произошло совсем не так, как рассчитывали. Но всё же я знаю, что в Свердловске, хотя это и значительно к вам ближе и крупный университетский центр, но жить там гораздо сейчас труднее и сложнее, чем в Сталинске (в особенности кушать, а без этого и жить нельзя). Так что я особо не горюю, думаю, что не о чем. На всякий случай, может быть, напишу в Свердловск, но, полагаю, что уж если переезжать, то в один приём и или к

[A] Слова «сюда в Сталинск» вписаны над строкой над зачёркнутым словом «отсюда».

вам, или в Швейцарский дом. Или же, и это возможно, вам придётся к лету сюда ко мне выбраться. Но сие от нас не зависит. Бедняга Николай Леонидович не ахти как устроен — пишет, что в городе нечем топить, и они замерзают буквально, все втроём ютятся на кухне больше всего, где и отогреваются. У меня в этом отношении, слава богу, благодать — жара, всё время форточка открыта, сижу дома всегда в одних носках без всякой обуви и в одной майке безрукавке, точно в нашей Швейцарии в июле после купания. Лимон (большой, стоит на полу и выше меня ростом) и финиковая пальма — это мои комнатные растения — в такой атмосфере тропической благодушествуют. Да и я не жалуюсь.

Вчера вечером читал в городском театре публичную лекцию о Кутузове и Отечественной войне 1812 г. Публики было очень много, около 1500 человек. Читал в порядке общественной работы. Сейчас пойду в институт нанести визит буфету, потом на почту — сдать письма вам, папе и Николаю Леонидовичу — потом домой за бельём и поеду в Старый Кузнецк на трамвае — в баню, пред нею осматривать домик Ф.М. Достоевского. До свидания. Пишите. С. Дмитриев.

P.S. Лёля, как дела с установлением связи по жилищным и служебным делам с Москвой? Я уже много раз тебе об этом писал.

15-е

Воскресенье 11 января 1942. Сталинск.

Дорогие ильинцы! Что-то вот уже несколько дней нет от вас писем. А до того приходили ежедневно и даже по 2–3 письма в день (считаю вместе с письмами ярославцев). Сегодня воскресенье, сижу сейчас (1 дня) дома. Утром приходила молочница, приобрёл на хлеба кусок у неё литр молока, пиво и снедь у меня есть (снедь — сливочное масло, свиное филе, сыр, рыба «омуль», о которой как-то, помнится, я вам писал). Таким образом можно праздновать. После молочницы пришла почтальонша и принесла газеты. В здешней газете «Большевистская сталь» нашёл помещённую новую мою статью «Генералиссимус Александр Суворов». На днях будет напечатана в той же газете моя рецензия на спектакль «Фельдмаршал Кутузов». Это газетное сотрудничество, как я писал вам, составит мне некоторый дополнительный заработок. А лишние деньги не только не пахнут, как говорил ещё Веспасиан, но могут быть и весьма полезны, в частности для возврата на родину.

С нетерпением жду, когда наша переписка примет не только характер информации друг друга о происшедшем, но и обсуждения, обмена мнений по вопросам о будущем. Очень интересует меня — удалось ли вам установить связи с Москвой — служебные (по линии твоей, Лёля, службы) и домашние — по во-

просу о сохранении и охране квартиры и имущества в Швейцарском доме. Я писал Филинкову, писал Наташе, приложил официальное заявление в Музей на эту тему, писал вам, тебе, Лёля. Но, к сожалению, до сих пор ниоткуда ещё не пришло ответа.

Удалось установить письменную связь с Николаем Леонидовичем, Петром Андреевичем (он служит в армии в Новосибирске, с madame Липкиной (она служит в Комитете по делам высшей школы в Томске). От Николая Леонидовича узнал, что его брат, Дмитрий Леонидович, находится тоже в Томске, живёт в общежитии Медицинского института. С ним ли жена, Нина Бернардовна, не знаю. Наверное, с ним. Обо всем этом я вам уже писал, но так как пишу ежедневно, то неизбежно и повторюсь отчасти. Сейчас прерву письмо и пойду в институт посмотреть, нет ли писем от вас, потом обедать, а потому уже на почту. За обедом допишу[A].

Дописываю в 3 часа дня в институте. Получил, как и ждал, сразу три известия. 1) Телеграмма от П.Н. Филинкова из Перово: «Имущество библиотека целы письмом Филинков». 2) Письмо твоё, Лёля, от 24/XII, 3) Письмо бабани от 25/XII. Очень рад, что мои письма до вас стали доходить быстрее. Твои опасения, Лёля, о квартире я понимаю, но не вполне разделяю. С юристом посоветуюсь, но, думаю, что нового он мне ничего не скажет. Вы эвакуированы. Ты, в частности, для сопровождения больного ребёнка, ты находишься в Москве на службе, сейчас только в долгосрочном отпуске. Школа тебя (в частности, по твоей просьбе к Кремнёвой или другому директору) может вызвать[B]. Домоуправлением вам троим (из Музея) выданы были справки (я их переслал вам, и ты писала, что получила их), что вы имеете жилплощадь[C] в Швейцарском доме при Музее. Кто же вас и меня может её лишить. Но обязательно скорее нужно тебе переводить деньги для уплаты квартиры, хотя бы Филинкову. Я уплатил, кажется, по сентябрь включительно. Деньгами на это дело не стесняйся. Взнеси[D] не только за прошлое, но и вперёд. Что квартиру опечатали это хорошо, что Наташу туда не пускают, это вполне понятно. Пошли ценным письмом на её имя доверенность на распоряжение имуществом — тогда её будут обязаны пустить. Филинкову я тоже о квартире напишу, но ты деньги скорее переведи. Ну, до свидания. С. Дмитриев.

[A] Далее до конца письмо написано другими (чёрными) чернилами.

[B] Примечание С.С. Дмитриева, написанное на левом поле оборота первой страницы письма: «Хотя бы работы и не было, но по твоей просьбе могут послать вызов».

[C] Слово «жил» вписано над строкой.

[D] Так в подлиннике.

16-е

Понедельник 12 января 1942. Сталинск

Дорогие мои ильинцы! Вчера получил два ваших письма (Лёли от 24/XII и бабани от 25/XII) и телеграмму от Филинкова от 8/I- 42 г. с таким текстом: «Имущество библиотека целы Филинков». Сегодня получил письмо от Николая Леонидовича от 16/XII, от Петра Андреевича из Новосибирска от 6/I и, наконец, от одной знакомой из Барнаула от 7/I. В последнее письмо был вложена твоя, Лёля, открытка от 10/XII, адресованная на Барнаул Зайончковской. Так что целая прорва писем, это, конечно, очень приятно.

Ваши письма общей бодростью тона весьма меня порадовали. Здесь многие тоже подумывают и мечтают о возвращении. Сейчас, т. е. в зимние месяцы, конечно, можно бы жить и в Швейцарском доме, но я уверен вполне в том, что там же можно будет жить и в мае-июне. Полагаю, что и вы в этом уверены. Вот почему, не менее вас мечтая о доме, я всё же считал бы более основательным несколько обождать, хотя бы до весны. Там будет видно. Как дела пойдут и у вас, и у меня. И у нас всех вообще. А то сейчас срываться назад, а через 3–5 месяцев катить обратно, это, пожалуй, было бы не по силам и вам и мне.

Отсюда мне вот сейчас уже срываться, не знаю тоже, следует ли? У вас мне делать нечего, своей работы я не найду, а без работы (места определённого) я долго с вами не пробуду по независящим от нас обстоятельствам. МОПИ более, по-видимому, не существует и вообще найти дома работу будет очень трудно, не говоря уже о том, что кто-то должен вызвать меня оттуда для того, чтобы я мог приехать. По этим соображениям я и считаю, что мне пока ещё нужно оставаться на месте, здесь. По крайней мере, до весны. Тоже, полагаю, следует делать и вам, т. е. быть пока в Ильинском. А там по весне или я к вам или в Кусково, и мы все в Кусково, или придётся вам на время ко мне перебираться, как бы это не было трудно.

Что до квартиры нашей, то я так полагаю. Беседовал сегодня утром с юристом из коллегии адвокатов в порядке официальной консультации. Ничего членораздельного он сказать не мог, как я и предполагал. Если, говорит, вашу квартиру кому-нибудь отдают, то напишите официальное заявление районному прокурору об охране жилищных прав и сохранении имущества. За квартиру платить нужно. Телеграмма Филинкова показывает, что пока что всё цело. А что квартиру запечатали и имущество переписали — это хорошо. Наташе ты пошли заверенную доверенность на распоряжение нашим имуществом. Пусть у неё на всякий случай такая доверенность будет на руках. Ей же или Филинкову (с ним обязательно и быстрее спишись в самых дружеских тонах) переведи деньги для взноса квартплаты. Я уплатил, по-моему, за сентябрь, таким образом

нужно взнести за октябрь, ноябрь, декабрь 1941. Официальное заявление о сохранении квартиры и имущества (на имя Музея)[A] я послал в письме Наташе. Ты тоже такое заявление напиши и пошли хотя бы Филинкову для передачи в Музей. В заявлении помяни, что ты находишься в долгосрочном отпуске и сопровождаешь больного эвакуированного сына, но продолжаешь служить в 455-й школе Таганского РОНО.

Затеям я уже писал тебе, чтобы ты быстренько всеми способами старалась восстановить связь с 455-й школой, с Кремнёвой или другим директором, наконец, с Таганским РОНО. Запрашивай о работе (я знаю, что в старших классах многих школ работа возобновилась). Кремнихе напиши о необходимости для Игоря показа лечащим его врачам, заказа нового корсета и пр. Проси, чтобы она тебя вызвала при возможности. Вообще нужно тебе с Кремнихой, школой упрочивать связь, помни, что ты на работе рядом с нашим Швейцарским домом и, что именно это позволит тебе ранее других вернуться домой. Вот мои мысли по поводу переселения.

Жаль мне вас бедных: пишите, что все сильно похудели. Но хорошо, что прямо пишите, так и нужно, что же тут между собой скрывать. У меня дела по-прежнему. Вчера не успел вам послать это письмо, дописываю его уже сегодня, т. е. 13 января. Полдня сегодня просидел на педагогическом совете по поводу хода экзаменов. И любят же здесь разговоры разговаривать, часами из пустого в порожнее переливают. Ну, ничего, всё это нужно претерпеть. Целую вас, до свидания. Пишите. С. Дмитриев.

Получаете ли вы мои вторые листки для ваших ответов?[B]

17-е

Среда, 14 января 1942. Сталинск.

Дорогие друзья ильинцы! Теперь можно вас поздравить и со старым Новым годом. От вас нового ещё ничего не получал на этих днях. Вчера, правда, пришло письмо Лёлино от 22/XII. Но ещё несколько дней назад получил ваши же письма от 24 и 25 декабря. Вместе с ними принесли телеграмму от П.Н. Филинкова, данную 8/I. Он сообщает: «Имущество библиотека целы письмом Филинков». Теперь жду с нетерпением от него письмо с подробностями. С юристом вчера я насчёт квартиры нашей говорил, но ничего членораздельного он сказать не мог. Да и я не знаю, что собственно квартире грозит. Что квартира запечатана, а вещи переписаны и Наташу туда без доверенности твоей, Лёля, или моей не пустили, — так это всё понятно и хорошо: значит, за квартирой следят и её

[A] Слова «(на имя Музея)» вписаны над строкой.

[B] Последняя фраза написана на левом поле страницы.

охраняют. А что какая-то сторожиха сказала, что квартира улыбнулась, так какое эти слова сторожихи значение имеют? Вы и я эвакуированы. Ты, Лёля, продолжаешь находиться в штате 455-й школы Таганского РОНО и находишься лишь в долгосрочном отпуске. Вам всем троим Музейным домоуправлением была выдана специальная справка о том, что вы имеете жилплощадь в Швейцарском доме при Музее Керамик в Кускове. Подписал её комендант Шкунов. Справку эту я вам сам посылал в ценном письме и ты, Лёля, мне писала, что вы её получили. Значит она у вас. Если вы её куда дели, то нужно её отыскать и снять с неё копию. Далее, у вас на руках есть справка Красногвардейского района Москвы о том, что вы эвакуированы из Москвы и с указанием вашего московского адреса. Никто нас квартиры лишить не может. Уплачена квартплата у меня, кажется, по сентябрь. Ты напиши Филинкову или Наташе, проси их уплатить от нашего имени за квартиру и переведи им для этого денег, по 60 рублей за месяц. Пошли также от себя в письме к ним официальное заявление (я уже от себя, как профессора, послал, а ты, как московский педагог, жена профессора) на имя Музея об охране и сохранении квартиры, имущества и личной научной Библиотеки (около 5000 томов книг) таких-то. Пиши «от временно эвакуированной». Укажи, что квартплату взносишь[A]. Проси известить официально директора или коменданта на ваш адрес об охране квартиры. Тебе всё это легче можно сделать, так как ты ближе. Для меня письменные сношения затруднены в виду дальности расстояния и медленности работы почты.

Известия с фронтов идут все хорошие, бодрящие. Возможно, что скоро и соединимся все вместе. Хотя, очевидно, что это не ранее весны, лета может произойти. Пишите, чтобы я не очень закреплялся здесь. Ведь работать нужно, без дела долго не насидишь. А значит так или иначе и закрепляешься. Но понятно, что я здесь особенно, когда я один, а вся семья моя там у вас застряла, долго не наживу[B] и приложу все усилия к скорейшему возврату. Одному-то это удастся, я думаю, полегче, чем целой семьёй подниматься. Но, возможно, что летом вам придётся ехать ко мне. И об этом стоит задуматься. А то слова чеховских трёх сестёр вы уж больно рано, по-моему, затвердили. А, может, вы и правы, вы — ближе, вам виднее. Целую вас всех. До свидания. С. Дмитриев.

P.S. От Лены последнее письмо было от 26/XII.

Второй лист для вас оставляю. Получили ли вы в октябре от меня книги, конверты и открытки?[C]

[A] Так в подлиннике.

[B] Так в подлиннике.

[C] Последний абзац текста написан на левом поле оборота страницы.

18-е

Пятница 16 января 1942. Сталинск.

Дорогие ильинцы, что-то шли, шли от вас письма, да и споткнулись. Вот уже дня 3–4 нет. Вероятно, от вас из Ильинского тоже не каждый день отправляется почта, да и из Макарова, поди, её грузят на прямой поезд Москва — Владивосток через Новосибирск, а он ходит раз в 5 дней. Я пишу вам с конца декабря ежедневно. Только за последние два дня писал через день — дела одолели. Спросите какие? Позавчера вечером зашла домоуправша и сказала, что ко мне в порядке уплотнения решено вселить ещё одного гражданина. Вчера утром она пришла с этим гражданином. Это — некий врач, горловик, уховик и носовик — одинокий. Так как заниматься литературно-научной работой на дому при проживании в тесной комнате вдвоём с посторонним человеком было бы прямо невозможно, то я, понятно, протестовал, ссылаясь на своё профессорское положение. Вчера пришлось немножко походить и похлопотать и в итоге решено было его ко мне не вселять. Вчера же пришлось посидеть на экзаменах по древнему миру. Вот эти дела и не позволили мне написать вам вчера письмо. Потом с большим нетерпением жду письмо от Филинкова, о котором он сообщал в своей телеграмме от 8/I-42 г., где извещал, что имущество наше и библиотека целы.

Из текущих своих бытовых дел ещё помяну о том, что теперь хлопочу о прикреплении меня к одной из закрытых столовых. Обеды в семье нашего бывшего преподавателя мало меня устраивают — мяса теперь уж никогда не бывает, а каждый день хлебать одни и те же пустые щи, кушать картофель без мундира и капусту — это уж мне надоело. Есть здесь одна закрытого типа столовая. В ней питаются, между прочим, артисты Новосибирского театра. Я с театром связан, читал им лекции, писал рецензию[A] на спектакль о Кутузове — и теперь получил в эту столовую пропуск. Сегодня пойду первый раз в неё обедать. Попробую — напишу вам. Вероятно, переду от обедов на дому к этой столовой. Молоко и пиво достаю по-прежнему. Завтра предполагаю совершить поход в «Гастроном» для очередной закупки провианта. Вот таков быт.

Что сказать вам ещё? Когда каждый день пишешь, а ответа на свои письма ждёшь месяц, то очень трудно писать. Или повторяешься, или отстаёшь от жизни. Я писал уже тебе, Лёля, чтобы ты предприняла некоторые шаги в отношении нашей квартиры. А именно: написала бы Филинкову и Наташе, переслала бы им от себя официальное заявление в Музей на тему о сохранении квартиры и охране имущества и личной научной библиотеки (около 5000 томов) профессора Дмитриева и преподавателя 455-й школы Таганского РОНО О.А. Дмитри-

[A] Далее зачёркнуто слово «статью».

евой. Переведи деньги за квартплату, я не платил. Кажется, с октября. Сама скорее установи связь с Кремнихой и по-дружески проси её в случае возможности и целесообразности организовать вызов тебя на работу. Во всяком случае, помни, что ты в 455-й школе в штате, там твоя трудовая книжка, и ты только находишься в долгосрочном отпуске за свой счёт для сопровождения больного эвакуированного сына. Здесь я слышал, что с 20 чисел декабря занятия в московских школах возобновились. Наш МОПИ распался, и не знаю, кто сможет меня теперь вызвать. Впрочем, сейчас я полагаю ещё рановато над этим задумываться, всему своё время. До весны, начала лета нужно, мне кажется, ждать. Ещё возможно, что и вам придётся уезжать не на юго-запад, а на восток, ко мне ли, или вообще куда-нибудь на восток. Ну, пока прерву письмо и схожу в институт проведать, нет ли от вас писем[A].

Дописываю в 6-м часу в институте. Сейчас пообедал в новой столовой, о которой выше писал: приличные щи с мясом, рагу с макаронами, два стакана крепкого и очень сладкого чая и 200 гр. хлеба. За всё 8 рублей 20 копеек. Вполне прилично, чисто. Публика «чистая». Пожалуй, в эту столовую и перейду. В институте нашёл письмо от вас от 29/XII. Известия о Нине и их относительно спокойной жизни порадовали меня. Насчёт ожидания общего разрешения на возвратный въезд в Москву я думаю, что его долго можно не дождаться. Вернее, уж если думать сейчас о возврате, то хлопотать о вызове и пропуске для тебя, например, через твою службу. Но полагаю, что не рано ли всё это сейчас уже делать? Фире вы написали зря, ответа не получите — перед моим отъездом она незадолго очень тяжело захворала и была увезена в лечебницу надолго. А Филинкову пишите почаще, с ним связь нужно держать прочную. До свидания. Не горюйте, в этом году соединимся. Вторую страницу оставляю для вас. С. Дмитриев[B].

19-е

Суббота 17 января 1942. Сталинск.

Дорогие ильинцы, вчера получил письмо от Лёли от 29/XII. По поводу его хочу написать вам свои соображения. Лёля пишет, что она уж очень тревожится и беспокоится обо мне, думает ночью и днём «всё лишь о нём» и даже спать стала хуже. Тема для волнений одна — «как-то ты там один живёшь и ничего не имеешь». Мама, вероятно, заботится и волнуется не менее. Оправданы ли все эти треволнения? Думаю, что нет. Я здесь живу совсем уж не так плохо. Я

[A] Далее письмо написано другими (чёрными) чернилами.

[B] Текст от слов «держать прочную» и до конца письма написан на левом поле оборота первой страницы письма.

имею работу по специальности, жалованье, деньги; имею тёплую квартиру, в которой мне не нужно заботиться ни о дровах, ни о керосине, ни о воде — у меня всегда тепло, даже излишне, светло, вода под рукой; я отнюдь не голодаю — ежедневно обедаю, хлеба мне не только хватает, а даже у меня остаётся, я его нередко на молоко меняю; масло сливочное, рыба разная и колбаса, а иногда и сыр, у меня почти не переводятся; молоко и пиво постоянно. Мало сладкого, но и то по карточкам в декабре я получил 300 гр. сахарного песка, в январе уже взял 200 гр., ещё 100 остаётся за лавкой. Говорите — «ничего не имеешь». Изобилием и роскошью обстановки и гардероба похвастать не могу. Но кровать, большой стол, стулья, тумбочку с ящиками для еды, матрацы, одела, подушку, простыни, самое необходимое бельё, костюм, обувь (туфли, ботинки, калоши, даже валенки новые), бритву, мыло — всё это я имею. Как видите, не «ничего», а всё необходимое. Обзаводиться здесь мебелью и постелями — не вижу смысла: ведь я здесь временно и, как только смысл и возможность будет, сейчас же возвращаюсь в родные палестины. Далее, вы обо мне знаете, я о вас знаю, мы ведём переписку. Таким образом нет мучительной неизвестности друг о друге, в которой сейчас миллионы людей находятся. Ведь сколько же людей разлучены друг с другом, многие и навсегда! Наш родной город цел, имущество тоже. Надежды на возврат в свой дом мы имеем. Наконец, если бы вопреки этим надеждам вам пришлось выбираться куда-нибудь далее, то, зная мой адрес, вы ко мне же бы и прибыли. Наконец, вы же понимаете, что я здесь в большей безопасности, чем вы. Итак: считаю все ваши страхи и томления крайне преувеличенными. Нужно быть крепче, устойчивее. Я требую, чтобы вы более о себе думали. Как бы вам зиму прозимовать, да вконец не отощать. Не скупердяйничайте, покупайте всё, что только можно, я буду вам переводить дополнительно по 150–200 рублей в месяц, если нужно. Ведь если правильно рассудить, то гораздо более у меня может быть тревог о вас, чем наоборот. Более потому, что оснований для такой тревоги более. Заботьтесь больше о себе, как бы свою жизнь лучше устроить, а обо мне нет серьёзных оснований особенно волноваться. Да и мне было бы лучше себя одному чувствовать, если бы я знал, что вы не голодаете, не плачете и не томитесь. Не поймите меня так, что мне нужно писать всё одно только хорошее — сообщать мне нужно всё, что есть, но существующую обстановку-то следует всячески улучшать, а не на судьбу жаловаться да нервничать. Сейчас время суровое, военное. Вытянет тот, кто крепче. Нужно подтянуться, а не хныкать и трусить. Вы, что думаете, что в Скатертном и в Лёвшинском уж больно хорошо? Или Лёше с Шурой и тётей Катей сладко? Если вам в деревне совсем уж туго приходится, то в Ярославль к Лене переберитесь. Препятствия формальные обойти можно. Нужно похлопотать только — Игорю, мол, лечиться нужно и пр., и пр.

О возврате в Швейцарский дом и пр. и пр. я уже несколько раз вам писал. Из своего быта сообщу ещё следующее. Позавчера отдал в трикотажную мастерскую 3 пары носок надвязывать — это большое достижение, будут 3 пары новых носок. Послезавтра, в понедельник, уже изготовят. А вы ещё говорите! До свидания. С. Дмитриев.

Второй листок оставляю для вас. Как часто вы пишите? С.Д.[A]

20-е

Воскресенье 18 января 1942. Сталинск.

Милые ильинцы, что-то плохо стали поступать ко мне письма. Правда, утешает, что это ухудшение с доставкой касается не только ваших писем: нет и от Николая Леонидовича, и от Марголина, и от Липкиной, и от Петра Андреевича. Вообще-то это, конечно, весьма печально. Отправил на днях вам бодрое письмо, но по справедливости к нему нужно добавить, что всё-таки проживание в одиночестве очень меня гнетёт. И вот почему так ждёшь и жаждешь прямо-таки писем. В особенности от вас. Я по два-три раза нарочно захожу в институт, всё справляюсь — не пришли ли письма. Сам хожу на главный почтамт и отправляю лично свои письма, так всё вернее. С начала января всё время почти отправляю вам заказные письма. Вот уже 20-е шлю с той поры, как начал нумеровать. Приход писем, чтение их для меня теперь единственные радости наряду, пожалуй, со чтением газет. Вот почему я очень прошу и вас и всех (напишите папе и Лене об этом) писать мне хотя бы понемногу, но по возможности чаще, если можно ежедневно. Вам ведь письма сдавать рядом в здание сельсовета. Пишите по очереди. Вы знаете, что я в последние 10 лет нашей совместной жизни почти не оставлял дом, стал совсем домашним человеком, оседлым. Теперь привычка к постоянному общению и к жизни в тесном семейном кругу сказывается. А между тем здесь местный народ грубый, диковатый, малообщительный. Люди, мне подобные, как-то нравственно сжались в комочки, обуреваемы своими заботами. Преподаватели в нашем институте — люди совершенно неинтересные, серенькие. Живёшь и чувствуешь себя очень одиноко. Порою в пору хотя бы и с лошадью заговорить подобно чеховскому Ионычу (так, кажется, звали извозчика в «Тоске»[B]). Отправляясь сюда, я думал очутиться в семье Зайончковского. Но всё произошло совсем по-иному. Я здесь один. Да и Пётр Андреевич один очутился в Новосибирске. Правда, он служит, а это позволяет быть всегда на людях и освобождает от обязанности думать о своей

[A] Последний абзац написан на левом поле первой страницы письма.

[B] Главного героя рассказа А.П. Чехова «Тоска» звали Иона Потапов. Ионыч — персонаж другого чеховского рассказа — «Ионыч».

особе и планировать свою жизнь. Вот, пожалуй, на что могу я вам посетовать: тяжело, скучаю и непривычно одному. Да ещё когда я знаю, что вам, бедным, так плохо в материально-бытовом отношении. Одно только утешает — письма да надежда на скорое соединение с вами. Я полагаю, что оно должно произойти не позже, как весною, в начале лета. Или я к вам поеду и все в Швейцарский дом вернёмся, или вы ко мне. Гораздо более вероятным считаю первое. Но, так или иначе, а соединимся. Нужно только крепиться, зиму перезимовать как-нибудь. Особенно меня вы заботите: в деревне. Пожалуйста, не стесняясь, тратьте, приобретайте всё, что можно. Поддерживайте свои силы. Я вам буду переводить по 150–200 рублей в месяц дополнительно, если нужно. Игорю в особенности нужно кушать как следует. Как у вас с мытьём, с банею? Почаще мойтесь, поменьше тритесь среди людских скопищ. Очень рекомендую примерно раз в неделю смазывать волосы на голове и все волосистые части тела керосином. Хотя и будете попахивать слегка, но зато (так знающие врачи утверждают) будете несъедобны для разных нежелательных тварей.

Пойду сейчас в столовую обедать, оттуда на почту доеду на трамвае № 1 и № 3 — в институт — опустить это письмо. Потом загляну ещё в институт не принесут ли к вечеру какого посланьица. Ну, целую вас всех, мои дорогие. Держитесь крепче друг за друга, дружнее, ещё нужно немного потерпеть. С. Дмитриев.

P.S. Обязательно мне напишите, как часто вы пишите. Хорошо бы вам нумеровать письма: я бы знал, как они доходят. Что же Гога не пишет более?[A]

21-е

Понедельник 19 января 1942. Сталинск.

Дорогие друзья, вечером вчера, отправив вам на почте письмо, зашёл в Агитпункт почитать новые газеты. Там случайно встретил одного знакомого по ИФЛИ, где он кончал аспирантуру[B]. Он прибыл сюда с семьёй тоже в ноябре. Хотя знакомство у нас было шапочное, но тут «на чужбине» я, понятно, за него ухвачусь и постараюсь сблизиться — всё-таки знакомый, да и историк. Затем заглянул к нам в институт, но получил только газеты, писем опять никаких не было. Вернулся домой и, почитав немного, пораньше завалился спать.

Начинаю писать это письмо утром, в 1 дня пойду обедать и в институт за хлебом в буфет и за письмами, потом за хлебом в лавку, потом в трикотажную мастерскую за носками, которые отдал туда навязывать. Пока прерву это письмо.

[A] Последний абзац написан на левом поле оборота перавой страницы письма.

[B] Имеется в виду Николай Иванович Резвый.

Продолжаю писать вечером. Недавно вторично сходил в институт — благо он очень близко — и получил две открытки, да встретил ещё одного нашего преподавателя, рядом с которым проживал первые дни своего пребывания в Сталинске на Мариинской улице в Старом Кузнецке. Он сказал мне, что на тот адрес пришло для меня письмо и обещал его завтра принести в институт. Таковы почтовые новости. Две полученные открытки: одна от 2/I-42 г. от Николая Леонидовича, вторая твоя, Лёля, от 6/I. Бедный Николай Леонидович сообщает о постигшем его во второй день Нового года горе: утром 2 января умерла неожиданно и скоропостижно его мать Полина Петровна. Хворала, пишет он, всего 12 часов. Тяжело ему, бедняге, теперь будет одному в чужом городе, вся семья у них рассыпалась: два брата в Ленинграде застряли, племянник в госпитале лежит там же раненный, Дмитрий Леонидович с женой в Томске, одесские родные застряли в Одессе и теперь совершенно не известно, что с ними. Сейчас нужно будет ему (Николаю Леонидовичу) написать письмо.

О вашей открытке скажу так. Хорошо, что перевели деньги для уплаты за квартиру. Не знаю, правда, как Катя с этим делом справится, уж очень она нервозный человек. Но, может, и ничего. Не вполне понимаю тон вашей открытки. Насчёт квартиры, в частности выражение «спасти квартиру». Или вы располагаете какими реальными данными, что пишите о спасении, или этот тон создало письмо Наташи, о котором вы мне писали и в котором переданы были слова какой-то сторожихи о том, что квартира «улыбнулась»? Считаю, что позиции ваши и мои в отношении квартиры не так уж плохи: вы и я эвакуированы; Лёля продолжает находиться на службе в Таганском РОНО; все вы имеете московские паспорта и особую справку Музея (которую я вам пересылал и вы её получили) о том, что вы имеете жилплощадь в Кускове, Шереметевском парке в Швейцарском доме. Кстати, если бы этой справки у вас не было, то вспомните, куда вы её дели, отыщите, в крайнем случае, снимите заверенную копию для себя. Эвакуационная справка у вас на руках. Ты, Лёля, эвакуирована для сопровождения больного ребёнка. Не вижу оснований особо тревожиться о квартире. Что я был вынужден эвакуироваться так поспешно, так в этом я не виноват. Остаётся только об уплате квартиры. Полагаю, что его уладить можно. Я сообщал вам, что 11/I получил телеграмму от Филинкова от 8/I такого содержания: «Имущество библиотека целы письмом Филинков». Но его письма ещё не получал.

Теперь насчёт переезда вас домой я бы сказал — не рано ли вы спешите? Не знаю, конечно, точно можно ли вам дольше жить в деревне, быть может, уж очень трудно. Сейчас, понятно, погода такая, что и Нина, и Катя, и Наташа и пр. живут себе преспокойно и в ус не дуют. Но ведь погода переменится к

весне и, пожалуй, будет то же самое от чего Лёля, Катя, Варя и пр. уехали прошлым летом. Твой план, Лёля, добраться до Сергея Васильевича, одобряю. В городе, быть может, и купить что удастся. Что Кремнёвой написала, это тоже хорошо. Если бы от неё долго не было ответа, припомни, кому из школьных людей ты могла бы ещё написать: завучу, секретарю. А то напиши прямо в Таганский РОНО такого-то города для директора 455-й. Целую вас всех. С. Дмитриев.

22-е

Среда. 21 января 1942 Сталинск.

Дорогие ильинские друзья, ещё одна шутка почты: уже дня 2–3 назад получил открытку от Лёли от 6/I, а вчера только пришло письмо мамы от 31/XII. Вчера же пришло письмо подробнейшее и первое от Марголина из Бирска. Повествует о своих похождениях. Между прочим, сообщает (из фактов для вас, любопытных), что будто бы Большой театр собирается назад на Театральную площадь «И вообще заметны признаки некоторого движения в этом направлении». Живёт он тоже один, жена в Казани с родителями, но без работы, рвётся к нему, но он побаивается её решительно звать, так как попал в такую глушь, до которой 140 км нужно только на лошадях проехать, да сколько[A] по железной дороге. Далее пишет, что за московские квартиры рекомендуется платить независимо от того, заселены они или нет. Советует нам взносить[B] квартплату хотя бы через Филинкова. Из вашей открытки от 6/I я знаю, что вы переводите Кате 250 рублей — это очень хорошо. Если бы Музей по глупости заартачился принимать, то просите Катю узнать у юриста, в какой банк или на чей депозит следует делать взносы квартплаты. Обязательно с Филинковым или Клавой устанавливайте прочную связь по квартирным вопросам. Вашего уж очень большого (так мне кажется) беспокойства по поводу нашей квартиры не вполне понимаю и разделяю. В таком положении, как мы, сотни тысяч, если не миллионы людей. И вопрос этот будет решён как-нибудь общим порядком. О правах наших на эту площадь я писал вам несколько раз: вы и я эвакуированы; Лёля продолжает работать в 455-й школе таганского РОНО и выехала в долгосрочный отпуск для сопровождения больного эвакуированного сына; все вы имеете справки Музейного домоуправления о том, что вы имеете жилплощадь в Швейцарском доме в Шереметевском парке в Кускове; паспорта ваши с пропиской Музея (Перово-Кусково) и выданные в Москве; все документы о квар-

[A] Так в подлиннике.
[B] Так в подлиннике.

тире, судах и его решениях, удостоверение на дополнительную площадь у вас. Часть документов осталась у Наташи в моих вещах. Полагаю, что особенных оснований тревожиться нет. Но, конечно, заботиться нужно. Если бы музейцы сдуру стали чинить какие препятствия в отношении квартиры, то нужно прямо написать заявление в прокуратуру о незаконных действиях и просить распоряжение об их пресечении. Помните, что право и революционная законность полностью на нашей стороне и меньше трусите, а больше требуйте. Не чувствуйте себя робкими божьими коровками. Чего вы смущаетесь и боитесь? Напрасно всё это.

Лёле теперь, т. е. в течение февраля — марта, съездить в Москву было бы, полагаю, можно. Быть может, был бы смысл вообще туда вернуться, но это «быть может», т. е. «быть может» сейчас. Ведь весна не за горами. Что-то покажут ближайшие 2 месяца. Повторю ещё (это я уже писал), не скупитесь, старайтесь приобретать всё, что можно покушать. Быть может, будет потеплее и Лёля доберётся до Данилова и Ярославля, чтобы там что-нибудь купить.

Я живу по-прежнему. Работы сейчас почти нет — каникулы, скоро педпрактика. Вчера был в театре, смотрел «Гамлета». Прилично вполне. Сегодня на 2 часа вызываю из Новосибирска по телефону Петра Андреевича, хочу с ним поговорить, не знаю, удастся ли это. Позже вам допишу. Да, уже писал вам, но так как письма доходят не все, то повторю: на днях пришло печальное известие от Николая Леонидовича: 2 января утром неожиданно умерла его мать Полина Петровна. Теперь, бедняга, остался один в чужом городе.

Был сейчас в институте, там народ, мне подобный, подумывает о переезде «к домам». Все настроены бодро. Полагают, что уже сейчас можно семьи отправлять назад, а самим к весне тоже. Так-то, братцы, может вы и правы, сбираясь в Швейцарский дом. Хорошо, что Лёля написала Кремнихе. Долго ответа не будет — шли телеграмму, проси вызова для себя и, может быть, сына и матери. Серафиму Галактионовну, полагаю, Наташа и Катя могли бы тоже вызвать — у Наташи она будет ухаживать за внуком — предлог вполне уважительный. Мои занятия кончатся здесь в апреле, но если будет смысл и возможность выехать ранее, то, понятно, ими воспользуюсь. Милый Гога, тебе напишу завтра, спасибо за твоё письмо от 1/I, приписанное к бабаниному. С Петром Андреевичем договориться не удалось. Его не было на службе. Просил сыну передать, чтобы он мне позвонил сюда[A].

[A] Текст от слов «к бабаниному» и до конца письма написан на левом поле оборота первой страницы письма.

23-е

Пятница 23/I-42. Сталинск.

Дорогие ильинцы, что-то редко-редко доходят до меня ваши письма. А ярославцы так и совсем молчат. От папы за всё время здешней жизни пришла одна открытка от 11/XII. Не знаю, чем это объяснить: редко ли пишите, плохо ли доставляют письма. Вот интересно, как вы мои получаете. Я весь январь пишу вам почти ежедневно, письма нумерую и шлю их обычно заказными. Доходят ли они до вас? И в каком порядке? Последние от вас полученные письма были открытка Лёли от 6/I и письмо бабани и Игоря 31/XII – 1/I. С нетерпением жду письма Филинкова. Я уже сообщил вам, что 11/I получил его телеграмму от 8/I, в которой он писал: «Имущество библиотека целы письмом Филинков». Но вот этого письма всё ещё нет. К сожалению, нет писем и от Наташи и Александра Александровича. Я им давно уже написал и послал официальное заявление от себя Музею о сохранении квартиры и имущества, но ответа нет. Хорошо, что Лёля написала Кремнёвой о вызове и перевела Кате 250 рублей взноса квартплаты. Настроение здесь вокруг бодрое, особенно последние дни после освобождения Можайска[A]. Возможно, что вы и правы, сейчас уже стремясь вернуться в Швейцарский дом. Я, пожалуй, тоже склонен думать, что самое страшное уже позади и что в Кускове нынче летом будет не страшнее, чем прошлым летом. Для себя я всё более склоняюсь к такому решению: начинать подготовку к возвращению. Не знаю, как это удастся сделать. Наш МОПИ распался и больше не существует, истфаки МГУ и ИФЛИ отсутствуют на месте. Таким образом кто же меня может вызвать? Ну, как-нибудь нужно будет устраиваться. Кажется, в городе остался Николай Михайлович Дружинин. К сожалению, я не помню его точный адрес. Знаю только, что на улице Станкевича (а дом и квартиру забыл). Напиши, Лёля, Александру Александровичу, может он узнает адрес профессора исторического факультета МГУ Н.М. Дружинина и, если он в городе, то заедет к нему и от моего имени передаст мою глубокую просьбу — организовать как-нибудь мой вызов, приглашение на работу преподавательскую на Истфак какого-нибудь московского вуза. Разумеется, пусть передаст мой адрес домашний (Сталинск, Новосибирской области, улица Кирова, дом № 5, кв. 14 С.С. Дмитриеву), а о службе моей отзовётся незнанием. Здесь меня, думаю, отпустят при наличии вызова.

Я живу по-прежнему. Особых новостей нет. Прислали письма Марголин и Николай Леонидович. У последнего горе: 2 января неожиданно умерла Полина Петровна. Послал ему утешающее письмо.

[A] Можайск был освобождён от фашистских войск 20 января 1942 года.

Вчера получил 166 рублей за статьи в здешней газете о Суворове и рецензию на театральный спектакль о Кутузове. Вчера же попал в «Гастроном» купил сливочного масла (100 гр.), колбасы 400 гр. Потом по карточке получил 100 гр. сахарного песка (3-и 100 гр. за январь) и 1.200 грамм колбасы. Затем выкупил свой хлеб и зарядил снова пивом свою четверть. Так что был день заготовок. Вот молоко сегодня почему-то молочница не принесла, хотя и должна была прийти. Вероятно, из-за холода: –33°. Но всё удивительный климат, легко эти морозы переносятся. Я вот ходил сейчас в институт и хоть бы что, даже и не подумал, что столько градусов, пока на градусник не взглянул. В институте узнал, что на 9 часов вечера сегодня вызывает к телефону Новосибирск — это, значит, Пётр Андреевич, что-то он мне скажет хорошего? Потолкую с ним о возвращении.

Дорогому Гоге всё собираюсь написать второе письмо с описанием сибирских нравов и мест. Да никак не соберусь. Сейчас дописываю это на почте. Шлю авиапочтой письмо Филинкову с вложением заявления от меня, профессора Дмитриева, на имя Музея о сохранении квартиры и охраны имущества. В заявлении упоминаю, что ты, Лёля, перевела деньги за квартиру. Ну, до свидания, друзья. Целую вас. Пишите почаще, действуйте насчёт Кускова, может, и переберётесь. Второй лист для Вас. С. Дмитриев[A].

24-е

Понедельник 26 января 1942. Сталинск.

Дорогие ильинцы, редко и плохо приходят от вас письма. Видно, мало пишите, житейские заботы одолевают. А, может быть, хлопочете о возвращении в Швейцарский дом. Здесь народ нам подобный всё более настраивается в пользу возвращения. Впрочем, сделать это, кажется, нелегко: нужен вызов из Москвы. Для вас это, пожалуй, легче, чем для меня. Думаю, что Кремнёва могла бы Лёлю вызвать, если ей прямо и откровенно написать о вашем тяжёлом положении. Впрочем, все говорят, что покушать очень трудно и очень дорого и в наших палестинах, в которые все мы мечтаем вернуться обратно. Впрочем, полагаю, что всё же не труднее и не дороже, чем у вас в деревне. Что до моего возврата, то я тоже предпринимаю кое-какие шаги: пишу, чтобы меня вызвали, но больших надежд на этот вызов не возлагаю, так как МОПИ свернут, МГУ и ИФЛИ в Ашхабаде. Таким образом учреждения, с которыми я был связан, на месте отсутствуют и по специальности сейчас мне работы не получить, а без работы дома не проболтаешься. С другой стороны, и год учебный нужно закончить:

[A] Последнее предложение и подпись написаны на левом поле оборота первой страницы письма.

мой II курс кончит занятия к концу апреля. Если студенты сдадут вскоре же и экзамены по моему курсу, то к середине мая я освобожусь от педагогической работы. И тогда, если обстановка общая будет благоприятной, поеду к вам, туда, где вы будете. Если Лёля будет вызвана до весны ещё, и с нею выберетесь все вы обратно, может быть и Лёля на месте нащупает какие-нибудь концы и наладит направление для меня вызова.

В отношении квартиры вчера узнал такие новости. Пришло письмо от Филинкова, весьма любезное, без числа, но по штампу от 12/I-42 г. Он пишет, что во второй половине декабря мой кабинет-библиотека был открыт комиссией Музея из трёх лиц, все книги и вещи были перенесены в нашу жилую комнату и по уверению коменданта Музея аккуратно и в порядке сложены. Далее Филинков пишет следующее: «Вывод таков: моя задача убедить директора восстановить прежнее положение, доказать его ошибку и добиться, чтобы библиотека вновь была через комиссию (по акту) перенесена на место. Мне кажется, что для этого надо Ваше поручение мне принять участие как Вашему представителю. Вам, если разрешите посоветовать это: 1. в адрес Музея выслать квартплату (даже телеграфом), 2. броню на квартиру, так как эти чудаки без бумаги не могут понять, что они безобразничают и нарушают закон. Ведь Вы же обязаны были подчиниться приказу Вашего начальства о выезде, а в том, что у Вас не хватило времени, это не вина, а случайность. Одно можно уверенно сказать, что имущество и библиотека целы, добьёмся и очищения захваченной комнаты». Таковы известия о квартире. Они меня не удивляют и особенно не тревожат. Действия музейцев, конечно, незаконны. Военная прокуратура за подобными действиями следит и их пресекает. Только что прочитал в газетах сообщение «В Прокуратуре Союза ССР» (напечатано в центральных газетах 22–24 января)[A] о привлечении к судебной ответственности лиц, виновных в расхищении имущества граждан, эвакуированных из г. Москвы, и в самовольном заселении квартир эвакуированных. Я сейчас отдал напечатать моё заявление в военную прокуратуру Москвы от профессора Дмитриева о пресечении незаконных действий музейной администрации, о возврате мне комнаты и переносе обратно в неё вещей и книг, и моего научного архива. Вместе с тем посылаю доверенность на имя Филинкова быть представителем моих интересов в этом деле, а также отношение Сталинского института в Музей о сохранении нашей квартиры и охране имущества. Пошлю всё это в письме к Филинкову и прямо в прокуратуру. Форсируйте дело с уплатой квартплаты. Если бы музейцы отказались принимать плату за 42 кв. м. (27 кв. м. наша общая комната + 15 кв. м. мой ка-

[A] Слова в скобках вписаны над строкой.

бинет), то пусть Катя или Филинков взносят в депозит суда или куда следует, предварительно узнав. Ты от своего и моего имени можешь также обратиться в военную прокуратуру Ухтомского района Московской области на ту же тему. Посылаю для сведения тебе копию с моего заявления. Все эти бумаги уже отпечатал[A] и завтра, заверив в нотариальной конторе свою подпись и ещё посоветовавшись с юристом, отправлю всё это Филинкову и в прокуратуру[B].

Ждал от вас письма сегодня, но его опять не было. Что-то плохо приходят от вас письма. Хоть бы Гога что ли писал. До свидания, не горюйте, думаю, что к весне – лету все соединимся вместе. Другую страницу оставляю для вас. С. Дмитриев.

25-е

Среда 28 января 1942. Сталинск.

Дорогие ильинцы, вчера получил целых три письма, но среди них ваших не было. Письма пришли 1) от папы от 12/I, заказное и очень толстое и подробное; 2) от А.Г. Мощанской из Горького со вложением письма Лёли от 22/XII к ней и 3) от П.А. Зайончковского из Новосибирска от 25/I. Но вот от вас что-то плохо-плохо приходят письма. Последние были мамы и Гоги от 31/XII – 1/I и открытка от 6/I. Папа подробно описывает жизнь ярославцев и излагает свои мысли и сомнения в отношении сложившегося с нашей семьёй положения. По его мнению, все мы зря и поспешно уехали с насиженного места. Ну здесь он отчасти прав, но в большой степени неправ, так как не знает всей обстановки. Но так или иначе, а дело сделанное. Он пишет, между прочим, что Лёля, по его мнению, могла бы выхлопотать через НКВД себе разрешение на поездку в Кусково для того, чтобы взять кое-какие вещи и на месте уточнить квартирный вопрос. Мне кажется, что Лёля через свою школу могла бы выхлопотать себе вообще разрешение на возврат для работы. При настойчивости можно бы вернуться с больным сыном и бабаней, которая за этим сыном ухаживает. Если же последнее не удалось, то мама и Гога могли бы на время пожить у ярославцев. Полагаю, что Серафиму Галактионовну могли бы вызвать к Наташе, ухаживать, например, за внуком Алексеем; ведь Наташе-то нужно служить. Что до своевременности такого всеобщего переезда, то я всё более прихожу к выводу, что уже сейчас, пожалуй, можно считать его своевременным[C]. Правда, не следует

[A] См. приложения к письму № 27.

[B] Вышеперечисленные документы были отправлены в Москву 27 января 1942 г. См. письмо 27-е от 31 января – 1 февраля 1942 г.

[C] Примечание С.С. Дмитриева, написанное на левом поле первой страницы письма: «Тем более, что с началом лета как бы вас ещё не вздумали в Ильинском задерживать под предлогом посевных работ».

забывать, что летом в Швейцарском доме может возникнуть примерно то же, от чего вы в июле уехали, но лично меня это не страшит, а то от чего я и все прочие в октябре — ноябре уезжали, считаю, что уже более не возникнет. Так что прихожу всё более к мысли, что вам весною ко мне незачем будет ехать. Мой курс кончается в конце апреля и в мае постараюсь возвратиться в родные палестины. Конечно, если бы какое учреждение вызвало меня обратно до мая, то постарался бы ранее выбраться. Но на это трудно рассчитывать. Вот если бы Лёля оказалась вскоре дома, то, может быть, заглянув кой-куда, она и смогла бы как-нибудь организовать для меня вызов. В вызове для вас всех не может ли помочь Коля Чакалёв? Во всяком случае, напоминаю вам старую поговорку: если трое людей твёрдо решают достичь чего-то, то они и достигнут желаемого. Так и мы. Побольше твёрдости.

В воскресенье 25/I пришло письмо от Филинкова от 12/I. Он извещал меня, что во второй половине декабря комиссия музея открыла (в его отсутствии) мою комнату-кабинет и перенесла из неё все книги и вещи в нашу жилую комнату, где в порядке и сложила, а комнату-кабинет заняли, подо что он не пишет. Он протестовал и говорит, что будет далее хлопотать для восстановления моих прав. На днях (числа 22–24 января) я прочитал в центральных газетах особое сообщение «В прокуратуре СССР». В нём говорилось о строгом разбирательстве всех дел о незаконных действиях домовой администрации в отношении квартир и имущества эвакуированных граждан. Я написал, перепечатал и послал вчера, предварительно заверив в нотариальной конторе г. Сталинска, следующие документы: 1) В Военную прокуратуру г. Москвы заявление профессора Дмитриева о пресечении незаконных действий администрации кусковских музеев в отношении моего кабинета и о возврате мне этой комнаты и перенесении обратно библиотеки, архива и вещей. 2) В Управление Кусковских музеев отношение Сталинского учительского института о бронировании за мною и моей семьёй квартиры. 3) В адрес Филинкова я послал 2-й экземпляр своего заявления в военную[A] прокуратуру, 2-й экземпляр отношения — в Музей и, наконец, доверенность на имя Филинкова от меня быть представителем моих интересов в деле возврата кабинета и переноса в него вещей и книг. Особо меня это дело не тревожит. Музейных головотяпов я давно знаю. Право на нашей стороне. Квартира за нами, раз в неё перенесли вещи и книги. Бог даст, вернём и кабинет. Во вчерашнем письме я послал вам черновики всех этих документов. Ты, Лёля, пожалуй, тоже напиши в прокуратуру на эту же тему, за образец взяв мою бумажку, но от себя, как учительницы г. Москвы и жены профессора

[A] Слово «военную» вписано над строкой.

Дмитриева. Сообщаю адрес Филинкова, на который он просил меня писать: г. Перово Ухтомского района, Московской области, Плехановская ул., дом № 6. Артель «Перовский обувщик». П.Н. Филинкову. Письмо Филинкова очень любезное и отзывчивое[A].

О себе Филинков пишет, что живёт один. Клава и Муза во Фрунзе (в Киргизской ССР), где очень бедствуют в отношении квартиры. Муза больна и лежит в больнице. Для Гоги перепишу следующее место из письма Филинкова: «Ваша Марья нахально въехала в мою квартиру и с горем пополам мы жили целый месяц, когда же я стал реже бывать дома — я передал её на хранение в хороший дом, где её кормят, а Василий ушёл сам, видя, что дело плохо». Вот, брат, таковы дела на кошачьем фронте Швейцарского дома. Вам всем Филинков посылает привет. Напишите ему. Анастасия Галактионовна сообщила мне печальную новость: 20 декабря 1941 г. умер её муж Александр Алексеевич Мощанский и 24 декабря его похоронили. Ну вот, кажется, всё. Бодрствуйте и действуйте. Пишите почаще. От вас хоть письма и редко, но я всё пишу ежедневно, или через день. Только вот не знаю, доходят ли мои письма до вас. Сколько №№ дошло? До свидания. С. Дмитриев.

Да, чуть не забыл. Будете хлопотать о возврате, то напирайте на то, что вы прописаны, имеете площадь и возвращаетесь не в самый город Москву, а в Ухтомский район Московской области. Это — важно.

26-е

Четверг 29 января 1942. Сталинск.

Вчера получил сразу 3 письма от вас: от бабани от 7/I, от неё же от 10/I и от Лёли и Гоги тоже от 10/I. Позавчера пришло большое заказное письмо от папы от 12/I. Таким образом я опять в курсе всех домашних дел. В общем-то от вас ко мне письма идут дольше, чем от меня к вам. Так, по крайней мере, мне кажется.

Теперь отвечу на некоторые вопросы ваших писем и сам задам кое-какие вопросы. Хорошо, что с нового года почти не работаете. Пора этот непосильный труд оставлять! Телеграмму-молнию вашу от 10/XII я получил 27/XII, так сказать замедленного действия молния.

С обедами дома ничего не получится. Во-первых: не такие люди мои соседи; во 2) здесь слишком трудно доставать продукты, чтобы кто-нибудь взялся[B] готовить обеды; в 3) хозяйка моя с 8 часов утра до 9–11 часов вечера на службе

[A] Текст письма от слов «Ухтомского района» и до конца письма написан на левом поле оборота первой страницы письма.

[B] Далее зачёркнуто: «добывать».

и дома не бывает, а её домработница оказалась женщиной с очень тяжёлым характером, каши с нею не сваришь в данном случае в буквальном смысле слова и, наконец, в 4) в столовой обеды хоть и дорогие (в среднем выходит рублей по 8–11 за обед), но зато я ем досыта и мясо, и рис, и каши, и пирожки беру с капустой (их обычно за обедом не съедаю, а беру домой к ужину или на завтрак).

С приобретением чего-нибудь из одежды — из рук вон плохо. Пустота совершенная. Но я скажу так: я не раздет и не оборван. Того, что у меня есть, мне на полгода смело хватит, а там видно будет. Надеюсь, к тому времени соединимся или что-нибудь изобретём. В феврале думает ко мне приехать Пётр Андреевич Зайончковский из Новосибирска. Он привезёт мне пару белья и тёплые фланелевые портянки. Напишу ему, чтобы он постарался раздобыть ещё и верхнюю рубашку. Думаю, что он это сумеет. Свои рваные носки я отдавал в надвязку и (уже писал об этом) получил обратно надвязанными из мастерской. Папе, действительно, от вас переводить ближе, только думаю, что лучше это делать из Макарова. Лёля, переводи папе по 100–150 рублей (месяц — 100, другой — 150). Не дрожите над копейкой, старайтесь всё, что можно, приобретать (имею в виду насчёт покушать). Что четвертую почали — неважно: нужно это время протянуть и вконец не отощать. А то пишите, что «все очень исхудали». Как-нибудь этого бы нужно избегнуть. Пейте больше молока. Пишите, что ни бумаги, ни конвертов от меня не получили, а посланные мною в начале октября из Кусково 2 бандероли с книгами (главным образом учебники Гоги) к вам пришли?

От Филинкова вам ответа нет, думаю, потому что он ваших писем не получает. Ему нужно писать не на Швейцарский дом, а по такому адресу (он дома очень редко бывает): г. Перово, Ухтомского района, Московской области. Плехановская ул., дом № 6. Артель «Перовский обувщик». П.Н. Филинкову. Клавы и Музы с ним нет, они во Фрунзе в Киргизской ССР. Вам пишу нарочно на новых конвертах, чтобы вы, их вывернув, могли использовать для отписки, 2-ю страницу писем, как вы просили, оставляю для ответа чистой. Что стали убористо писать — хорошо, бумагу экономить нужно.

Посланные вами письма Наташе, Кате, Филинкову и Фире в отношении забот о квартире одобряю. Перевод денег для взноса квартплаты — тоже хорошо. В воскресенье 25/I я получил письмо от Филинкова от 12/I. В нём он сообщал, что во второй половине декабря музейцы (без него) открыли мой кабинет и перенесли оттуда все книги и вещи в нашу комнату, где закрыли и запечатали. Таким образом они, воспользовавшись нашим отсутствием, нарушая законы, захватили часть моей площади и самовольно распорядились имуществом. Подобные действия строго преследуются законами, а особенно в военное время. Прокуратура СССР опубликовала специальное сообщение об этом 22–24 янва-

ря 1942. В «Правде» от 17 января 1942 г. под заголовком «В Исполкоме Моссовета» писано было об «обязательном постоянном контроле за сохранением квартир и имущества эвакуированных и о запрещении райсоветам, учреждениям, предприятиям и организациям г. Москвы всяких, в том числе и временных, заселений квартир эвакуированных из Москвы». Я предпринял следующие меры: 27/I послал, напечатав, от своего имени заявление Военному прокурору Москвы с просьбой охранить мои права гражданина, эвакуированного из Москвы, заставить Музей вернуть комнату и по акту перенести книги и вещи на место. Такое же заявление я послал и в адрес Филинкова, ему же я дал нотариально заверенную доверенность быть представителем моих интересов в этом деле. Кроме того, в адрес Музея и Филинкову я направил отношение здешнего института о сохранении за мною с семьёй нашей квартиры и имущества. Сегодня направляю свои новые[A] заявления в адрес 1) Исполкома Московского Совета и 2) Председателя Перовского Совета. Прошу охранить права эвакуированного профессора и его семьи. Посылаю вам копию этого заявления. Вы от себя тоже напишите заявления в Совет, как семья профессора и как люди, работающие на трудовом фронте в колхозе. Заявление, Лёля, напиши покрепче, приложите справку от колхоза, что вы в нём работаете. Вчера я послал вам черновики заявлений в прокуратуру. Письмо к Кремнёвой одобряю. Думаю, что она лично или вообще школа вас вызвать могут и, если такой вызов получите, то тотчас им воспользуйтесь. На крайний конец ведь и ко мне ехать из Москвы будет легче, чем из Ильинского. Но, бог даст, этого и не понадобится, сам вернусь.

С квартирой особо не паникуйте, право и советский закон на нашей стороне. Смелее держитесь. Конечно, брать наши вещи Наталье из квартиры не нужно[B].

P.S. Если Кремниха ответит, что в 455-й школе работы нет, то дай ей понять, что сейчас гонишься не столько за работой, сколько за переездом[C].

27-е

Суббота — воскресенье 31/I – 1/II-1942. Сталинск.

Дорогие ильинцы, получил сегодня четыре письма (у нас в институте все удивляются, как много мне пишут). Лёлино от 2/I с вложением отрывка из письма Кати, Лёлино от 13/I, от Симы[D] из Ярославля от 15/I и от Николая Лео-

[A] Слово «новые» вписано над строкой.

[B] Этот абзац написан на левом поле первой страницы письма.

[C] Этот абзац вписан убористым почерком и обведён рамкой на оставшейся свободной строчке третьего абзаца в начале письма.

[D] Очевидно имеется в виду Серафима Сергеевна Новожилова.

нидовича от 14/I. Улов богатый! Что же сказать вам по существу ваших писем. Сказал бы так: побольше бодрости, веры в себя, побольше надежд и деятельности для их воплощения в жизнь. Наконец, вам можно посоветовать побольше самостоятельности. Время военное. Нужно решать и действовать быстро и точно, исходя из данной обстановки. Ведь вы правы, говоря, что обращаться за решением всякого вопроса ко мне, когда обмен письмами между нами берёт по крайней мере месяц, нечего и думать. Да и цена советам человека, так отдалённого от вас и вашей обстановки, невелика, не говоря уж о том, советы эти будут постоянно запаздывать и отставать от жизни. Потому, Лёля и все, проявляйте поменьше боязни, «как бы не попортить дела» и «чувства беспомощности» (ваши выражения). Проявлять самостоятельность вам трудно, но нужно. Ошибок бояться не нужно. Они вполне возможны и будут, будете их исправлять, но… действуйте. Морализировать по поводу чужих ошибок дело не хитрое, бить себя в перси и каяться в своих ошибках тоже не мудрено. Но трудно и мудрено брать на себя ответственность за решения и действия и проводить эти решения жизнь. Однако это нужно, а в вашем положении необходимо. Наконец, поменьше страхов и разных жупелов, побольше бодрости и веры в свою правоту, в право, в советские законы. Ну, что _____ [A] задаваться вопросом вроде такого (письмо от 2/I): «За квартиру бы заплатить нужно, но примет ли Музей, например, у Наташи или у Кати деньги, или нужно им доверенность на это». Ну, во 1) по закону Музей обязан принимать квартплату, кто бы не являлся её взносить; 2) Если бы музейные умники заартачились — деньги можно перевести в Музей почтой, взнести в банк, взнести в депозит суда. Всё равно эти квитанции и расписки имели бы юридическую силу. 3) Наконец, почему на всякий случай вместе с переводом денег не послать Кате или Наташе доверенность на взнос квартплаты, заверив твою, Лёля, подпись в колхозе или сельсовете? Что это труд велик или риск большой? Не понадобится такая доверенность — не будут они с нею соваться и выбросят её просто, понадобится — сразу же предъявят.

А вы склонны целый мировой вопрос из этого выеденного яйца делать. Написать доверенность, наверное, умеете: я, имя, отчество, фамилия, временно эвакуированная туда-то и постоянно проживающая, доверяю взнести[B] причитающуюся с нас квартплату моей сестре такой-то (имя, отчество, фамилия), предъявительнице настоящей доверенности. А внизу: подпись руки Дмитриевой О.А. заверяю председатель сельсовета такого-то. И всё. Вы боитесь за квартиру — похвально — но не гипнотизируйте себя этой боязнью. Право, совет-

[A] Одно слово неразборчиво.
[B] Далее зачёркнуто «за меня».

ский закон на вашей стороне. Чего же бояться? Музейных глупостей? Если бы их всерьёз принимать, то уже в 1937 г. нужно бы из Кускова уехать. Пишите, например, «но ведь площадь-то числится за тобой». Но ведь вы-то все на этой площади прописаны, музейные же справки официальные у вас на руках[A], гласящие, что за вами числится жилплощадь в Швейцарском доме Шереметевского парка. Причём же я здесь? Ну а если бы со мной что-нибудь произошло, что же, по вашему мнению, вас сейчас же за хвост и палкой из квартиры? Это жену и сына-то? Квартира, как вы пишите, числилась за мною просто потому, что квартплату взносил я со своего заработка. А почему? Потому, что из проживающих в этой квартире я получал самую высокую ставку, а квартплата с неё и вычисляется. Если бы ставка Лёли была выше моей, то квитанции выписываться могли бы на неё, а не на меня. Что в 1931 г. квартиру получил я — это так, но что с января 1938 г., когда я был освобождён от работы в Музее в связи с сокращением объёма работ, это потеряло всякое значение — это тоже так. Есть Советы депутатов трудящихся, есть прокуратура, есть юристы, к которым можно обратиться за советом. На всякий случай сообщаю телефон и местонахождение нашего юриста Эфрема Моисеевича Могилёвкина (Перовский суд 1-го участка. Телефон Ж 4–19–66). Сомневаюсь, правда, в городе ли он. Но свет не клином сошёлся, можно и другого найти. Нужно только действовать. Так, я уже писал вам, что 25/I пришло письмо Филинкова. Он извещал, что во второй половине декабря музейные люди перенесли книги и вещи из моего кабинета в нашу квартиру, там их заперли и запечатали. Что я сделал? 27/I послал, напечатав, 1) заявление от профессора Дмитриева в военную прокуратуру г. Москвы (второй экземпляр этого заявления послал в адрес Филинкова), 2) обращение Сталинского института в Управление Кусковских музеев о сохранении за мною и семьёю площади в Швейцарском доме Шереметевского парка из 3-х комнат (27 кв. м., библиотеки — 15 кв. м. и личная кухня 7 кв. м., итого жилой площади (без кухни) 42 кв. м.) и вещей, 3) доверенность от меня Филинкову. Нотариально заверенную, которой я поручаю и доверяю Филинкову быть представителем моих интересов в деле возврата комнаты-библиотеки и переноса в неё книг и вещей. 29/I я послал свои заявления о незаконных действиях Музея в Секретариат Московского Совета и председателю Перовского Совета. Лишний экземпляр этого второго заявления и черновики первых трёх документов послал вам для осведомления[B]. Уверен, что будут приняты меры. Если бы кто-нибудь из нас был на месте, то меры эти были бы очень быстрыми. Но и так считаю,

[A] Далее зачёркнуто слово «что».

[B] Эти документы приводятся в конце данного письма.

что свои права отстоим, а музейных безобразников привлекут к ответственности по законам военного времени. Сейчас с заселением квартир эвакуированных и охраной их имущества очень строго борются. Вы, в свою очередь, от своего (учительница г. Москвы) и моего имени можете написать заявления в Ухтомскую прокуратуру. Только не чувствуйте себя божьими коровками, а сильными, правыми и правомочными людьми.

Следующий вопрос: давно уже пишите о предполагаемой поездке Лёли в Ярославль. Одобряю эту поездку. Но, видимо, очень трудно от вас до Ярославля добраться, что такие долгие сборы. А из Ярославля ты, Лёля, могла бы заказать себе по междугородному телефону разговоры с Музеем, с Катей, с Колей[A] Чакалёвым и, наконец, с 455-й школой, то есть, с Кремнёвой (или с секретарём школы). Вызов стоит рубля два, минута разговора копеек 30, за 10 минут можно многое сказать, а всего 3 рубля. Дешевле всякой телеграммы. Не смущайся, если будут назначать для разговора ночные часы; требуй только от главной телефонистки, чтобы абоненты, которых ты будешь вызывать, были бы накануне предупреждены о предстоящем разговоре (телефон Музея Ж 4–15–80, доб. 1–13; школу вызывай через Таганский РОНО, там узнаешь телефон сначала, Кати телефон был К 2–57–81, Чакалёвых Г 1–47–30). Хорошо бы также попробовать позвонить на квартиру Георгия Андреевича Новицкого (Г 1–15–87) и узнать, не вернулся ли он. А если он в городе, то непременно с ним связаться и просить от моего имени организовать для меня вызов (здесь меня отпустят), а уж работу я нам на месте какую-нибудь найду. Спросишь также почтовый адрес Новицкого. О том же стоит попробовать позвонить Нечкиной (Г 6–53–87), Бахрушину (В 1–33–74). Хотя сомневаюсь, чтоб они уже вернулись. Но сделать попытку не мешает. Не дрожите над каждой копейкой. Траты неизбежны.

Теперь о вашем возвращении скажу так. Я тоже считаю, что раз в деревне вам стало очень плохо, вы худеете все, то нужно стараться выбраться. Куда? Ко мне? Сейчас смысла нет. Что будет весной, сказать трудно, но, думаю, что смысла тоже не будет. Выбираться вам из деревни будет, пожалуй, труднее, чем из города из Москвы или Ярославля (имею в виду выбираться ко мне, если бы весною или летом возникла такая необходимость). Далее в отношении питания, что в Москве не будет хуже, чем в вашей деревне. Я приложу все усилия, чтобы к весне, к апрелю — маю, вернуться или в Кусково, или хотя бы к ярославцам. А уже если бы снова пришлось куда двигаться, то поехали бы все вместе. Итог: полагаю, что вам нужно добиваться возврата. С Кремнихой толкуй, что для тебя речь идёт не столько о работе, сколько о приезде (нужно, мол, де-

[A] Далее зачёркнуто: «Четверухиным и на».

лать Игорю корсет и пр., и пр.). Работу какую-нибудь найдёшь, без работы нельзя, сейчас долг каждого помогать стране; в крайнем случае, тебя Пётр Николаевич в какую-нибудь сапожную артель пристроит. Ничего. Вот как мне отсюда кажется. Теперь ещё насчёт багажа. Я считаю, что его нужно доставить до Ярославля пока, так как вы пишите, что на Макарово идти садиться нет смысла, нужно на буйскую линию. А там на рабочий поезд, но он идёт только до Ярославля. Таким образом поедете вы из Ярославля. Папа писал мне в письме от 12/I, что Лёня ездил на машине к нам и дважды заходил к Наташе, но оба раза не застал. Следовательно, машины к нам из Ярославля ходят, и вещи Лёня и папа вам позже смогут, я думаю, переправить. А вы из Ярославля возьмёте минимум, чтоб не слишком обременяться. Наконец, ведь можно сдать их и в багаж. Далее, если бы в Кусково вам сейчас добиться возврата не удалось, то может быть был бы смысл перебраться хотя бы в Ярославль. Всё-таки там с питанием теперь не хуже, чем у вас, а подвижности и связи со всем миром у вас было бы больше там, чем в деревне. Понятно, пришлось бы пожить в тесноте, одним у папы, другим у Лены, третьи у Кати. Что же сделаешь? Война. Вот сетуете на нашу судьбу. А в нашем институте работает доцент Емельянов из Смоленска: добрались они с женою сюда в летних костюмчиках с мешками за плечами, дом их в Смоленске немцы разбомбили, а двух детей при этом убило у них на глазах. Вот судьба. А вы ещё плачетесь.

Николай Леонидович всё тоскует по матери, я писал вам, что она умерла неожиданно 2/I-42.

Повторю адрес Филинкова: г. Перово, Ухтомского района Московской области. Плехановская ул., дом № 6, артель «Перовский обувщик». П.Н. Филинкову.

Баня у меня рядом, хожу еженедельно по субботам. Баня хорошая, но порядки плохие. До свидания. С. Дмитриев.

Желаю успеха в начинаниях. Помните — настойчивее, толците и отверзется вам[A]. С.Д.[B]

[**Приложенные к письму документы**]

1.

Управлению[C] Кусковских музеев

Дирекция Сталинского Государственного Учительского Института просит сохранить квартиру, личную научную библиотеку и архив, а также имущество

[A] Часть фразы из Евангелий от Матфея (гл. 7, ст. 7) и от Луки (гл. 11, ст. 9) «Ищите, и обрящете, толцыте, и отверзется вам» — «Ищите, и найдёте; стучите, и отворят вам».
[B] Текст последнего абзаца написан на левом поле четвертой страницы письма.
[C] Слово «Управлению» написано над зачёркнутым «Директору».

заведующего кафедрой истории Сталинского института профессора Дмитриева Сергея Сергеевича, временно эвакуированного из Москвы по решению Наркомпроса.

Квартира профессора и его семьи[A] в Швейцарском доме Шереметевского парка в Кускове состоит из 3-х комнат: 1) одной[B] размером в 27 кв. м.[C], 2) второй отдельной комнаты-кабинета с библиотекой и архивом размером в 15 кв. м. и 3) особой личного пользования кухни размером в 7 кв. м.

Директор Сталинского Института
Секретарь

2.

Доверенность

Настоящим я[D], Сергей Сергеевич Дмитриев, заведующий кафедрой истории в Сталинском Государственном Учительском Институте, доверяю и поручаю подателю сего Петру Николаевичу Филинкову быть представителем моих интересов при возвращении моего кабинета, незаконного занятого администрацией Кусковских музеев, и переносе в него моей научной библиотеки, архива и бытового имущества.

П.Н. Филинков — жилец того дома, где находится и моя квартира (Швейцарский дом Шереметевского парка г.[E] Перово-Кусково.

Подпись руки С.С. Дмитриева заверяю

Секретарь Сталинского Государственного Учительского института

3.

Копия.

В военную прокуратуру г. Москвы[F]

От профессора Дмитриева Сергея Сергеевича,
Заведующего кафедрой истории в Сталинском
Государственном учительском Институте

Заявление

Настоящим прошу прокуратуру пресечь незаконные и самоуправные действия администрации[G] Музеев Керамики и быта XVIII в. в Кускове (Москва)[H] в

[A] Слова «и его семьи» вписаны над строкой.
[B] Далее зачёркнуто «жилой общим».
[C] Далее зачёркнуто «одной отдельной личного пользования».
[D] Далее зачёркнуто «нижеподписавшийся».
[E] Далее зачёркнуто «Кусково».
[F] Слова «В военную прокуратуру г. Москвы» написаны другими (чёрными) чернилами под зачёркнутым.
[G] Далее зачёркнуто «Кусковских».
[H] Слово «(Москва)» вписано чёрными чернилами над строкой.

отношении моей квартиры, научного и бытового имущества. Я с семьёй из 3-х лиц (жена, сын и тётя)[A] проживаю в Швейцарском доме Шереметевского парка в Кускове с 1931 г., т. е. уже 11 лет. В июле члены моей семьи были эвакуированы в Ярославскую область. В середине октября 1941 г. я вместе с другими научными работниками[B] Московского Областного Педагогического Института по указанию Наркомпроса РСФСР был временно эвакуирован и[C] сейчас нахожусь в г. Сталинске Новосибирской области.

Воспользовавшись отсутствием меня и семьи, администрация Музея во второй половине декабря 1941 г. вскрыла мой кабинет, в котором помимо бытового имущества (диван, письменный стол, шкаф орехового дерева, кресла и стулья и пр.) находились разложенная на специальных стеллажах[D] моя личная научная библиотека (около 5.000 томов)[E] по моей специальности — истории СССР и научный архив (рукописи и машинописные тексты диссертаций, опубликованных и подготовленных к печати моих работ – учебники истории СССР в XIX в. для ВУЗов, II и III томов «Хрестоматии по истории СССР в XVIII-XIX вв.» и пр.).

Книги[F], рукописи и вещи из кабинета были перенесены в другую[G] комнату и сложены там, по-видимому, просто на пол. Помещение[H] моего[I] кабинета занято.

Прошу прокуратуру вмешаться в это дело, указать администрации Музея на незаконность её действий и охранить мои гражданские права[J] временно эвакуированного из Москвы[K] научного работника. Прошу прокуратуру дать распоряжение о возвращении мне комнаты кабинета и в ней библиотеки, архива и бытового имущества[L].

Прошу о решении сообщить мне по адресу: г. Сталинск Новосибирской обл. Сталинский Государственный Учительский Институт.

Зав. кафедрой истории С.С. Дмитриев.

[A] Так в подлиннике.
[B] Слова «с другими научными работниками» вписаны над строкой чёрными чернилами над зачёркнутым «со всеми».
[C] Далее зачёркнуто: «и в наст.».
[D] Слова «размещённая на специальных стеллажах» вписаны над строкой.
[E] Слова «(около 5.000 томов)» вписаны над строкой.
[F] Перед словом «книги» зачёркнуто: «Как известил меня один из».
[G] Далее зачёркнуто: «нашу».
[H] Перед словом «помещение» зачёркнуто слово «комната».
[I] Слово «моего» вписано чёрными чернилами над строкой.
[J] Далее зачёркнуто: «эваку».
[K] Слова «Из Москвы» вписаны над строкой.
[L] Далее зачёркнуто: «в кабинет, где для книг мною были построены специальные библиотечные стеллажи».

4.

1. Секретарю Исполкома Московского Совета
Депутатов трудящихся
2. Председателю Перовского Совета
Депутатов трудящихся

От профессора ДМИТРИЕВА Сергея Сергеевича,
Заведующего кафедрой истории в Сталинском
Государственном учительском институте

ЗАЯВЛЕНИЕ

Настоящим прошу дать необходимые указанию управлению Кусковских Музеев, допускающему незаконные действия в отношении моей квартиры и нарушившему мои права эвакуированного гражданина и научного работника. Квартира моя и моей семьи находится в Швейцарском доме Шереметевского парка в Кускове (дом в ведении Кусковских Музеев). Проживали мы в этой квартире 11 лет. Квартира состоит из 3-х комнат: 1) общей жилой 27 кв. м., 2) библиотеки-кабинета в 15 кв. м. и 3) кухни в 7 кв. м.

Члены моей семьи были эвакуированы в июле 1941 года в Ярославскую область, где и работают в колхозе. Я был эвакуирован для временной работы в тылу вместе с другими научными работниками истфака МГУ и МОПИ в октябре 1941 г. Сейчас я временно нахожусь в гор. Сталинске Новосибирской области.

Во второй половине декабря 1941 г., как известили меня жильцы нашего дома, администрация Кусковских музеев вскрыла помещение моего кабинета-библиотеки и перебросила мою личную научную библиотеку по специальности (всего около 5.000 томов), научный архив и бытовые вещи (письменный стол, кресла, стулья, шкаф, диван и пр.) в другие комнаты. Комнату библиотеки-кабинета заняли. А книги, среди которых много ценных и редких изданий по истории СССР в XIX веке; рукописи и машинописные тексты (оригиналы моих изданных и подготовленных к печати работ, диссертаций, рукописей кандидатских диссертаций моих аспирантов, папки с архивными выписками и материалами) свалили, по-видимому, просто на пол. Считаю такие действия не только недопустимым нарушением моих гражданских прав эвакуированного научного работника, но и проявлением поразительной некультурности со стороны администрации культурно-образовательного учреждения, каким является музей.

Четыре-пять лет назад, в 1937–1938 гг., музейная администрация пыталась через суд выселить меня, отторгнуть комнату библиотеки. Нарсуд II-го участка Ухтомского района Московской области в Перове и Московский областной суд 5 раз выносили решение мою пользу. Проиграв дело по суду на [основании] советских законов, администрация успокоилась, начиная с 1938 года. Теперь она,

воспользовавшись временным отсутствием меня и моей семьи, решила в нарушение законов и прав всё-таки захватить мою квартиру.

Прошу в соответствии с решением Исполкома Московского Совета (опубликованном в газете «Правда» от 17 января 1942 г.) об охране имущества и незаселении квартир эвакуированных граждан, принять соответствующие меры в отношении администрации Кусковских музеев.

Надеюсь, что Совет распорядится вернуть помещении кабинета-библиотеки и заставит музей (по акту) перенести обратно и расположить на стеллажах, мною построенных, библиотеку и архив и хотя бы во внешнем порядке.

Прошу известить о принятых мерах меня и мою семью по адресу:

1. г. Сталинск, Новосибирской обл., Сталинский Государственный учительский институт. Заведующий кафедрой С.С. Дмитриев.

2. Станция Макарово, Северной железной дороги, Пречистенского района, Ярославской обл., село Ильинское на Соти. О.А. Дмитриевой.

Проф. (Дмитриев)

5.

УПРАВЛЕНИЮ КУСКОВСКИХ МУЗЕЕВ

Дирекция Сталинского Государственного учительского института просит сохранить квартиру, личную научную библиотеку и архив, а также имущество зав. кафедрой Сталинского учительского института профессора ДМИТРИЕВА С.С., временно эвакуированного из Москвы, по решению Наркомпроса РСФСР.

Квартира профессора ДМИТРИЕВА и его семьи находится в Швейцарском доме Шереметевского парка и состоит из 3-х комнат: 1) одной размером в 27 кв. м. 2) Отдельной комнаты-кабинета с библиотекой и архивом размером в 15 кв. м. и 3) Особая личного пользования кухня размером в 7 кв. м.

Директор Сталинского
Учительского института (Макаренков)

28-е

Понедельник 2 февраля 1942. Сталинск.

Вчера послал вам большое письмо с наставлениями о большей самостоятельности и смелости. Вчера от вас писем не было. Всё-таки хочу сегодня вам для порядка отправить письмишко, хоть каждый день писать и берёт много времени, да и невольно повторяешься. Завтра напишу вам открытку (№ 29-й)[A]. Открыток у меня много есть, а конвертов новых осталось не так уж много. Их я

[A] Число «(№ 29)» вписано над строкой.

берегу только для писем к вам, чтобы вы могли их вывёртывать наизнанку и отправлять снова. Да и интересно будет понаблюдать, не пойдут ли открытки быстрее писем.

Это письмо будет состоять из вечных бытовых мелочей. В субботу ходил я по просьбе нашего институтского бухгалтера в Райфинотдел. Там с помощью копии вашей эвакосправки, писем Игоря и пр. доказал, что на моём иждивении находится сын Игорь, а посему Райфо освобождает меня от уплаты налога с холостяков, одиноких и бездетных. Сегодня представляю её в институт, чтобы с меня лишнего не высчитывали.

В субботу же ходил в баню, утром мыли у меня пол. Хождение в баню и мытье полов происходит ежесубботно. Баня у меня почти рядом, минуты 3-5 ходьбы, её видно с кухни из окон. Баня хорошая, но порядки в ней плохие: то нет горячей воды, то, для разнообразия, холодной. Пар бывает редко. В женской вечные очереди, у нас нет. В общем с лазанием в русскую печку несравнимо, но баня в Театральном проезде — это лучшее отделение рая для правоверных (только гурий нет) по сравнению с здешним чистилищем. Но, в общем, ничего. Цена 1 рубль, пива нет, банщицы (sic!) — ведьмы.

Наташе и Александру Александровичу я писал несколько раз и с дороги, и отсюда. В одном из писем посылал им моё официальное заявление для Музея о сохранении квартиры и имущества. Ответа ни разу не получал. Филинков ответил, а Наташа нет. Поздравлял их с рождением сына Алексея. Ответа нет.

В субботу получил вместе с вашими письмами от 2 и 13 января (в один день подали) письмо от Симы от 15/I. Письмо короткое, да ещё половина в нём вымарана, так что прочитал только, что живут на старом месте, кланяются мне Шура, Дуня да Вячеслав Гаврилыч, Катя устаёт в очередях, «Лена живёт пока ничего, но тоже хлеба не хватает».

Было подробное большое письмо от папы от 12/I. Зовёт меня побыстрей обратно. В то же время сообщает, что в их пединституте занятий нет. А что же тогда в институтах, где наш Швейцарский дом? А ведь без дела я много не нагуляю, а буду призван к делу и всё равно от вас уеду. Да не помню, сообщал ли вам, что здесь у меня броня до 1 марта. Свой курс здесь я, очевидно, закончу в апреле. И если всё вообще будет идти хорошо, то немедля поеду обратно, стараясь попасть в Швейцарский дом, а коли туда нельзя будет, то хотя бы в Ярославль. Так папе и написал. Вам я писал, чтобы Лёля переводила папе по 100-150 рублей (месяц — 100, другой — 150). А то отсюда, боюсь, что деньги будут идти очень долго.

Если, как Лёля пишет, из Москвы не отвечают долго, снова бомбардируйте письмами, телеграммами и т. д. Из Ярославля всегда было можно говорить с

Москвой по междугородному телефону. Это дешевле телеграмм обходится и всё же живой разговор. Если разговор не состоится, то деньги возвращают. Будешь, Лёля, в Ярославле, непременно телефоном воспользуйся (к Кремнёвой, в Музей), я вчера вам об этом подробно писал. Телефона твоей школы ты не знаешь — неважно, вызывай Таганский РОНО и проси на другой день к такому-то часу быть у телефона директора 455-й школы Кремнёву, а если её нет, то секретаря, и заказывай второй разговор на этот час на завтра. Вот и всё.

У меня завтра заказан разговор с Томском, с Комитетом по делам высшей Школы, с Липкиной. Хочу узнать, где (как напечатано было на днях в газетах) возобновляет занятия исторический факультет Московского университета. Если в Москве, то это для меня интересно.

Ну, целую вас всех. Как, Культяпыч, получил ли ты в октябре свои учебники и ещё кое-какие книги, которые я бандеролью послал (История СССР, т. II, «Историк-марксист», «Атлас СССР»)? Пиши. С. Дмитриев.

29-е

2–3 февраля 1942. Сталинск.

Дорогие ильинцы, днём сегодня (2/I[A]) отправил вам письмо (28-е). Вечером пришли 2 открытки Лёли из Ярославля от 19 и 20 января. А я в письмах сетовал, что она долго туда сбирается. Жаль, что она не подумала прибегнуть к услугам междугородного телефона и не попыталась лично поговорить с Кремнёвой о вызове. Из Ярославля это было бы вполне возможно. Не понял, почему из хлопот о возвращении домой ничего не получается: Кремнёва отказала в вызове или на эвакопункте сказали, что рано ещё. Если второе, то какого же иного ответа вы могли оттуда ожидать? Ведь уж когда все и всех через эти пункты назад будут приглашать, то для вас, пожалуй, будет и поздно; по крайне мере, покажется уж очень долго ждать. Нужно вызова добиться, а не ждать радужно открытых настежь дверей. Так мне кажется. Пришло письмо от Марголина, вам всем шлёт привет. Его адрес: г. Бирск. Башкирской АССР. Уфимская ул., дом № 8. Педагогический институт. Соломон Лазаревич Марголин. Допишу завтра на междугородном телефоне, куда в 8 часов утра пойду говорить с Томском. Дописываю 3 февраля. Утром: разговор с Томском не состоялся, перенесли его на завтра. Пойду сейчас домой завтракать. До свидания. С. Дмитриев.

30-е

Среда 4 февраля 1942. Сталинск.

Дорогие ильинцы, вчера отправил вам открытку (29-ю), сегодня пишу письмо, завтра его отправлю, а послезавтра опять опущу открытку (31-ю). Ин-

[A] Так ошибочно дата поставлена в письме.

тересно, пойдут ли открытки до вас быстрее писем. Позавчера получил две открытки Лёли от 19 и 20 января из Ярославля. Жаль, что Лёля не воспользовалась услугами международного телефона. С Кремнёвой и с Музеем она могла бы поговорить по телефону. Я об этом написал, но недавно — Лёля уже была в Ярославле, когда мои письма ещё только шли.

Я говорил сегодня утром по телефону с Томском. Там Комитет по делам Высшей Школы. Узнал, что истфак МГУ возобновил со 2 февраля свои занятия. Они возобновились в двух местах: и в Москве частично, и в одном из городов Средней Азии, кажется, в Ашхабаде. Где Нечкина, Бахрушин, Новицкий, Дружинин, мне выяснить не удалось пока. Отсюда, т. е. из Томска, из Комитета нашего брата обратно в Швейцарский дом не посылают. Должно учреждение само оттуда вызвать. Причём сейчас вызывают с большим разбором и только одиночек без семьи. Ну, последнему требованию я по сложившимся обстоятельствам удовлетворяю. Кое-что для получения вызова предпринимаю. Здесь в институте курс мой кончается в апреле. Если общее течение событий за это время, т. е. до апреля, будет развиваться благоприятно, то приложу все усилия, чтобы тотчас же поехать в Швейцарский дом или хотя бы в Ярославль, или к вам. Хотя возможно, что позже такое решение и не оправдается. Но зато, по крайней мере, уж если придётся куда двигаться, то двинемся все вместе. Так думаю. Здесь меня, думаю, что отпустят. Во всяком случае, здесь знают о болезни Игоря, о необходимости ему весною делать если не операцию, то корсет, и пр., и пр. А без меня вам, мол, с таким делом не справиться.

Потому условимся о следующем. Как получите от меня телеграмму со словами «Шлите вызов» или указание в письме, то тотчас шлите молнию: (примерно такую): «срочно немедленно приезжай нужно отправлять[A] операцию», в таком роде. Понятно?

Теперь, я уже писал вам о переводах папе по 100–150 рублей в месяц. Из твоих открыток, Лёля, я вижу, что его быт очень неважен. Нельзя ли как ему помочь? Хотя бы деньгами? Я ему пишу настойчиво в отношении перемены его холодной комнаты на другую. О том же и Лене пишу. Пусть мама ещё напишет. С питанием нельзя ли как ему чего подкинуть? Может быть, как-нибудь изловчитесь. Ты, Лёля, в особенности. Нужно его и материально, и морально поддержать. Нужно как-нибудь до весны, до тепла тянуть. Там ему с его астмой легче будет. Прошу вас всех об этом подумать и что-нибудь предпринять. Писал я вам, между прочим, что нет ли для вас смысла перебраться пока в Ярославль, уже если в деревне так плохо стало. Что вы об этом думаете?

[A] Так в подлиннике.

Мои дела идут по-прежнему. Обо мне не беспокойтесь. Думайте больше о себе, папе и тех, кто к вам поближе. Занятий у меня с конца декабря до сих пор не было: каникулы. С 7 февраля по 10 марта будет идти педпрактика. Ко мне прикреплено 5 студентов. Буду посещать с ними уроки в школе. Потом они дадут опытные уроки сами под моим смотрением.

С питанием у меня ничего. Обедаю в столовой. Пока кормят сытно, в обед беру 3–4 блюда, кое-что беру с собой домой (пирожки, студень, котлеты). Сегодня был в «Гастрономе», купил 400 гр. копчёной баранины и 300 гр. сливочного масла (50 рублей кг). Купил сегодня же четверть пива. Завтра принесут мне литр молока. Марголин пишет, что я питаюсь в сравнении с ним как Лукулл[A] в сравнении с Иоанном Предтечей. Ну, до свидания. Пишите почаще, не забывайте своих. Всем привет. С. Дмитриев[B].

31-е

Пятница 6 февраля 1942. Сталинск.

Дорогие ильинцы! Вчера отправил вам заказное письмо (30-е). Вчера же пришла позже открытка от Лёли от 23/I из Ярославля и письмо Филинкова от 15/I. Жаль, что морозы не позволили Лёле порыскать по городу и, может быть, что-нибудь купить. Опять Лёля писала, что у папы очень холодно. Напишите ему и Кате, чтобы он пока к ней хотя бы, если у Лены для него шумно, перебрался. Хотя бы до апреля, до тепла. Нельзя ли узнать адрес Копорского, я бы ему написал. Хорошо бы узнать и адрес Новопруцкого. Об этом я напишу Симе. Копорский сбирается поступить в Ярославский пединститут, следовательно, институт работает. Мне это интересно на тот конец, если бы не удалось пока ещё вернуться в Швейцарский дом, то, может быть, временно придётся поработать в Ярославле. Плохо только то, что когда я здесь освобожусь, то и в Ярославском институте занятия, наверное, на лето прекратятся. Ну, там видно[C] будет.

Филинков пишет, что он говорил с директором Музея по поводу охраны нашего имущества и библиотеки. Тот велел передать нам следующее: «Я здесь новый человек и никаких обид причинять не собираюсь, напишите тов. Дмитриеву, что всё его имущество и библиотека будут, безусловно, в полной сохранности, и я, учитывая её значимость (т. е. библиотеки), хотел было запаковать, переписать и убрать в надёжное помещение, но помешали холода». В от-

[A] Лукулл — римский полководец и политик, прославившийся своим богатством и грандиозными пирами.

[B] Слова «с ним как Лукулл… Всем привет. С. Дмитриев» написано на левом поле оборота первой страницы письма.

[C] Далее зачёркнуто слово «пишет».

ношении же занятия помещения моей библиотеки сказал, что действовал по указанию Комитета по делам имуществ. Филинков советует обратиться в Нарсуд. Я это уже сделал, и теперь Филинков уже получил, наверное, моё заявление[A].

До свидания, пишите. С.Д.[B]

32-е

Воскресенье 8 февраля 1942. Сталинск.

Дорогая мама, Лёля, Игорь и Серафима Галактионовна. Позавчера и вчера получил 4 письма от вас, все писанные мамой во время поездки Лёли в Ярославль. Позавчера пришло письмо от 17/I бабани и Гоги, вчера письма от 19, 21 и 24 января. Последнее со вложением письма Симы. Открытки Лёли из Ярославля от 19, 20 и 23 прибыли ещё ранее. Позавчера же пришла телеграмма от Кати, с текстом, который я не вполне понял. Вот он: «выписаны нужна броня Четверухина». Причём тут «выписаны» (очевидно, мы выписаны из домовой книги), ведь ясно, раз мы уехали по эвакуации, так мы и выписаны. Что до так называемой брони, то соответствующую бумагу от здешнего института о сохранении нашей[C] площади и имущества я направил 1) экземпляр в адрес Музея, 2) в адрес Филинкова. Оба послал 27/I. Теперь они уже, наверное, пришли, так как я посылал авиапочтой; она идёт быстрее. Вчера я отправил заказными авиапочтой два одинаковых письма в адреса Наташи и Кати. Причём в одно из них вложил ещё один экземпляр отношения Сталинского института, тождественный прежде помянутым. Опасаюсь только, чтобы Катя с её робостью и нервностью чего-нибудь не напортила. А, может, и ничего. Я им, между прочим, послал адрес Филинкова и, на всякий случай, нашего юриста Э.М. Могилёвкина, хотя, думаю, что последнего в городе нет. Филинков же малый добрый и в тяжбах толк понимающий. Вы ему непременно ещё напишите. Отсутствие от него ответа на ваши письма я объясняю исключительно тем, что вы их адресовали на Швейцарский дом. Между тем, он там, поди, и вовсе теперь не бывает: топить ему нечем и некому — Клава с Музой давно уже уехали во Фрунзе в Киргизской ССР, как он мне об этом писал. Он сам просил меня писать ему на такой адрес (я вам его сообщал, но масло каши не портит): г. Перово, Ухтомского района Московской области. Плехановская ул., дом № 6. Артель «Перовский обувщик». П.Н. Филинкову. На этот адрес я ему писал, и он мои письма полу-

[A] Текст от слова «Филинков» до слов «моё заявление» написан на левом поле открытки.

[B] Последняя фраза и подпись написаны в верху открытки на свободном месте между её номером и датой.

[C] Слово «нашей» вписано над зачёркнутым «моей».

чает. Фире писать нечего, ещё когда я был, она захворала тяжёлым нервным расстройством и отправлена была на длительное лечение в больницу. От Филинкова последнее письмо было от 15/I, оно получено мною в среду. Ничего особо нового он не сообщает. Моих бумаг насчёт возврата комнаты-библиотеки он ещё, конечно, не мог получить к 15/I. Но сообщает, что заходил к новому[A] директору Музея, который произвёл на него очень выгодное впечатление, человека высококультурного и внимательно. Между ними состоялся такой разговор (привожу его в изложении Филинкова): «Я ему сказал: 1. Мы с Вами всю осень охраняли дом и несли караул. 2. Вас неожиданно с Институтом отправили и от Вас я через месяц получил извещение с адресом, куда Вы эвакуированы, и что самоуправство Музея вызывает возражения, прошу вас восстановить прежнее положение, положив книги на место». Его ответ: «Я здесь новый человек и никаких обид причинять не собираюсь; напишите т. Дмитриеву, что всё его имущество и библиотека будут, безусловно, в полной сохранности, и я, учитывая её значимость, хотел было запаковать, переписать и убрать в надёжное помещение, но помешали холода». А о главном, т. е. захвате комнаты он сказал, что действует по указанию комитета по делам искусств, а не по личной инициативе, в силу особых обстоятельств. Таков рассказ Филинкова. Я вам уже писал, что, получив в своё время письмо Филинкова, в котором он извещал меня, что во второй половине декабря музейцы перенесли мои книги и вещи в нашу комнату, а помещение моего кабинета заняли, я направил заявление от себя военному прокурору Москвы, доверенность Филинкову быть представителем моих интересов в деле возврата комнаты библиотеки и отношение здешнего института в Музей о сохранении нашей площади. Послал всё это 27/I. А через день, 29/I, послал заявления на ту же тему о возврате комнаты в Моссовет и в Перовский Совет. Думаю, что что-нибудь подействует. Особенно об этом вы не беспокойтесь; всё постепенно утрясётся.

В письме к Кате, вчера посланном (Наташе тоже такое же), я, между прочим, прошу её зайти на Истфак МГУ и узнать, не вернулись ли в город Новицкий, Лебедев, Дружинин, Бахрушин, Нечкина. И, если они в городе, то встретиться с ними и поговорить от моего имени о вызове меня. Не знаю, получится ли что из этого. Не вполне уверен и в том, что уже сейчас есть полный, совершенно бесспорный смысл ехать мне в ближайшее время в Швейцарский дом (если бы, понятно, был получен мною вызов). Но всё же буду стараться поехать туда, как только здесь кончу занятия. А кончу я их к середине апреля. Что получится из моих усилий — не знаю. Вызов, поди, не удастся получить, а без

[A] Слово «новому» вписано над строкой.

вызова не приедешь. Но я всё-таки думаю, что если из Москвы не получу вызова, то вызывайте меня вы и ярославцы. Я вам писал, что когда от меня получите просьбу: «шлите вызов», то дайте мне телеграмму о болезни Игоря, необходимости везти его для операции и потому необходимости немедленного моего приезда. Ярославцам я писал нечто подобное. Если бы не удалось уехать в Швейцарский дом, то я на время постарался бы пристроиться в Ярославле или, может быть, у вас в Ильинском. Правда, сильно сомневаюсь, что там найдётся для меня подходящая работа, но, по крайней мере, будем все вместе и, если всё же придётся куда уезжать, то сдвинемся вместе или вместе же останемся.

Насчёт вашего возврата в Швейцарский дом уже много вам писал. Не знаю, что собственно Лёля узнала в Ярославле, когда писала мне, что с возвратом ещё придётся подождать. Разумеется, сейчас через эвакопункт вам всем получить разрешение на возврат не удастся. Но для Лёли получить вызов на работу от школы, по-моему, возможно. Особенно важно, что для вас и меня нужен въезд не в самый город, а в Ухтомский район. Если бы Лёля такой вызов получила, то я бы на её месте поехал. Ведь уехать обратно в Ильинское всегда можно. А, очутившись в Швейцарском доме, можно бы укрепить квартиру, похлопотать о вызове для меня. Хотя одной и было бы трудно, но вместе с Наташей и Катей как-нибудь бы протянула. А интересно, к Нине в Щёлковский район разве нельзя приехать? А оттуда всегда до Швейцарского дома даже пешком дойдёшь. Жаль, что Лёля в Ярославле не воспользовалась междугородним телефоном, чтобы поговорить с Кремнихой и пр. Ну да ладно, всего не перепишешь. И то нужно сказать, письма у меня тьму времени берут. Пишу-пишу, целые часы уходят.

Дорогой Гога, хорошо, что тебе дали разрешение заниматься на дому. Хоть год не пропадёт. Я уверен, что ты весною все экзамены сдашь на отлично и хорошо и, бог даст, если к осени вернёмся все домой, то поступишь прямо в следующий класс. Все ли у тебя есть учебники, я тебе в октябре, кажется, всё послал бандеролью. Как-то в январе я тебе написал большое письмо с описанием города, городских жителей и их нравов. Наверное, ты его теперь уже получил. А что ты читаешь в деревне?

На вопросы бабани отвечу: 1) Мануфактуры и белья купить негде. Может быть, только с рук на базаре случайно. Так как я надеюсь весною вернуться, то особенно здесь закупаться и некогда. Необходимое у меня есть. А собирать приданое мне не к чему.

2) З.Д. Виноград (а не Виноградова), действительно, женщина хорошая. Она мне прислала открытку Лёли, о которой вам сообщала.

3) Рубашку мужа Бетти Зиновьевны я ношу, назад она не берет. О ремонте серой рубашки подумаю.

А что же Всеволод, пока ещё во Владимире?

Ну, до свидания. Сейчас пойду на почту отправлю это письмо, потом зайду в институт за газетами и письмами. Потом пойду к одному знакомому на званый обед. С. Дмитриев.

33-е

Вторник 10 февраля 1942. Сталинск.

Дорогие ильинцы, поджидаю от вас новых писем с изложением итогов Лёлиной поездки в Ярославль. Что-то вот уже три дня, как нет ни откуда писем. Правда, в воскресенье (или в субботу) пришло сразу три ваших письма. Ожидаю ещё на днях приезда сюда Петра Андреевича Зайончковского из Новосибирска. Он писал мне, что будет числа 10–11 февраля. Я живу по-прежнему; никаких особых новостей нет. От ярославцев за это время писем не было. Эти дни пишу статью о Минине и Пожарском. Жду ваших писем с нетерпением. До свидания, целую вас всех. С. Дмитриев.

34-е

Четверг 12 февраля 1942. Сталинск.

Дорогие ильинцы, заждался вашего письма, а его всё нет и нет. Правда, что никаких писем вообще не приходит с субботы, когда сразу получил три письма, писанные совместно бабаней и Гогой.

Ничего нового за эти дни у меня не произошло. Послал письма Филинкову, Кате и Наташе (одинакового содержания, для верности направив на два адреса, так как до сих пор все мои письма на адрес Наташи оставались без ответа), Военному прокурору Москвы, Моссовету и председателю Перовского Совета депутатов трудящихся. Все письма об одном — о возврате музеем моей комнаты-библиотеки. Конечно, трудно быть правым в отсутствии. Но всё же нельзя было оставить дело втуне, куда следует, написал и теперь поджидаю ответов. Удручает, понятно, что будут эти ответы ещё очень и очень нескоро. Ну, что же делать? Придётся ждать.

С 9 февраля началась у нас в институте работа после каникул. Приехали студенты. Первому курсу читают лекции. Но у меня на 1 курсе занятий нет. А на втором курсе лекционные занятия начнутся только с середины марта. Сейчас же идёт педпрактика. Прикрепили ко мне пятерых студентов. Ходим с ними в школу № 8, в 6-е классы. Школа недалеко от моего дома и столовой, рядом со зданием цирка. Всё это время стоят здесь большие морозы, по утрам –40–45°. Поэтому по утрам трижды гудят гудки — значит ребята могут по случаю мороза не идти в школы. Многие ребята этим и пользуются. Классы полупустуют. Учительница, пожилая грымза, с оловянными глазами без ресниц и бровей,

толчётся на месте, повторяет. А мы сидим на уроках, зеваем. С той недели наблюдательная практика кончится. Студенты будут сами давать пробные уроки. А я слушать.

Сегодня дописал статью в здешнюю газету о Минине и Пожарском. Утром её доделывал. Постучали. Пришла заведующая лекционным бюро. В это воскресенье просила во Дворце металлургов прочитать лекцию о Кутузове. «Лекцию так лекцию… мне всё равно…» Выписала мне ордер на эту лекцию. Придётся вечером в воскресенье[A] разглагольствовать. Всё бы ничего, да платят мало — 40 рублей за лекцию. Прямо, курам на смех. Ну, впрочем, на смех-то смех, да ведь курочка-то по зёрнышку клюёт, как какой-то народный Брэм заметил.

После этого визита пошёл обедать. А так как столовая в одном дворе с редакцией газеты, то, отобедав, снёс в редакцию своё патриотическое рукоделье. Обед мой состоял из 1) селёдки с гарниром, 2) щей со сметаной, 3) 2-х порций шницеля с картофелем и тушёной капустой и 4) 2-х стаканов киселя. Стоит 11 рублей 35 копеек. Думал в качестве 5-го сладкого блюда услышать от редактора точный срок предполагаемого напечатания моей статьи. Но пришлось удовольствоваться 4-мя вышеописанными блюдами. Бумаги у газеты мало и когда появится статья, неизвестно пока.

Поджидаю на этих днях сюда Пера Андреевича Зайончковского. Он обещал заехать потолковать. Ну, пишите, всех целую. До свидания. С. Дмитриев.

Ведь вас без Серафимы Галактионовны трое, а я — один. Так я от вас должен в три раза писем больше получать, чем вам отправляю. С.Д.[B]

35-е

Пятница 13 февраля 1942. Сталинск.

Дорогие ильинцы, после долгого перерыва сегодня пришло 4 письма: Лёлино от 26/I с отчётом о поездке в Ярославль. Папино от 31/I, Лёлино от 31/I и от К.А. Коноваловой из Кирова от 3/II.

Вчера я послал вам заказное письмо (34-е), завтра тоже пошлю письмо. Очень рад, что Лёля благополучно вернулась из своей поездки. Что она не добилась прямого разрешения на проезд в Швейцарский дом — это понятно вполне. Женщине, да ещё с сыном, да ещё не одной, конечно, сейчас такого разрешения дать не могут. Вот от Кремнёвой получить приглашение — это дело другое. Правда, и это мне кажется сомнительным, да если бы и осуществилось, то ведь приглашение будет на одну только Лёлю. Но я бы полагал, что и в этом случае им нужно бы воспользоваться. Впрочем, вам на месте виднее. До-

[A] Слово «новому» вписано над строкой.

[B] Текст последнего абзаца написан на левом поле оборота первой страницы письма.

веренность Кате на всякий случай можно бы послать, но написать ей, чтобы зря она с нею не совалась. Может быть, и лучше не посылать ей доверенность. А то ведь Кате и действительно ещё свалят на руки вещи, а она по неразумию и возьмёт их. Завтра напишу подробнее. Особенно не беспокойтесь о всех этих делах: живы будем — разберёмся.

Привет маме и Серафиме Галактионовне. Что же Гога собирался написать? С.Д.

36-е

Суббота 14 февраля 1942. Сталинск.

Дорогая мама, поздравляю тебя с днём 16 февраля. Жалею, что не буду с вами вместе в этот день. Ну, будем надеяться на скорую встречу. Открытка эта придёт, конечно, значительно позднее 16 февраля. Тут уж я сам виноват. За всякими делами да мыслями, чуть было, и не упустил из головы. Да стал пересматривать свои прошлогодние заметки в записной книжке и вспомнил об этом дне. Поздравляю также и всех, кто с тобой, с этим днём и желаю встретить его и провести хорошо. Сегодня же напишу вам письмо. Эту же открытку посылаю потому, что рассчитываю на более быстрое её движение к вам, нежели письма. Отправлю же открытку и письмо в один час. До свидания. С. Дмитриев.

37-е

Суббота 14 февраля 1942. Сталинск.

Дорогие ильинцы, с опозданием, правда, но всё же поздравляю дорогую маму, виновницу торжества, и вас всех, её окружающих, со днём 16 февраля. Написал вам сейчас открытку с поздравлением же (думаю, что она дойдёт быстрее письма). Вчера получил 4 письма: Лёли от 26/I, папы и Лены от 31/I и из Кирова от Коноваловой из Наркомпроса от 3/II.

Папа и Лена пишут о своей жизни, не вижу смысла передавать их известия, так как Лёля сама эту жизнь видела только что. Коновалова пишет, что Наркомпрос в Кирове понемногу тает — переезжают в Москву. Ей тоже можно бы ехать, да осложнение в том, что пока можно ехать только одной, без семьи, с членами же семьи не допускают ещё. А так как у неё вся родня собралась в Кирове, то одной возвращаться не хочется. Сообщаю это для общей ориентировки.

По содержанию письма Лёли скажу следующее, частью повторяясь.

Не понимаю, о какой полученной от меня справке могла писать тебе Катя? Или она неточно выражается? Официальную печатную от института справку о сохранении площади и имущества эвакуированного профессора Дмитриева и его семьи я послал им, по-моему, не так давно, и вряд ли она уже могла у них быть, когда Катя тебе писала. У тебя, Лёля, дурная привычка не ставить даты

писем, о которых ты пишешь. Правда, я послал справку авиапочтой. Возможно, что она и дошла быстро. А, может, Катя имеет в виду ещё раньше посланное мною в письме к Наташе моё официальное заявление в Музей о сохранении площади. Возможно, что она заявление назвала справкой.

Доверенность Кате, может быть, и не стоит посылать. Правда, никто не может её при наличии у неё доверенности обязать забрать все наши вещи и освободить квартиру. Но так как Катя юридически человек неграмотный, то, может быть, ей и не след такую доверенность давать.

О ключах. Ключ от нашей квартиры я оставил Наташе, так как в день исхода попасть домой и в Музей не мог (ни метро, ни электрички не ходили). Ключ от моего кабинета остался дома на пианино; от кладовки дома на окне в кухне. Музейцы, понятно, квартиру вскрывали, вещи переписали, а потом, наверное, как-нибудь заперли и запечатали. В шкафах и сундуках, в сущности, ничего ценного не оставалось. Все свои костюмы, бельё, драповое пальто, скатерть и ещё кое-что я отправил Наташе, там всё и осталось. Сервиз фарфоровый и что получше из посуды я сложил в корзину и Александру Александровичу и Наташе наказывал заехать и взять, то же и машину швейную. Кажется, вы писали мне, что они это и сделали ещё в октябре.

Хорошо, что папе оставили 100 рублей. Я вам писал, чтобы вы ему переводили по 100–150 рублей в месяц.

Киселёв, думаю, что ничего не узнает, а, впрочем, нужно всё использовать. Вероятно, от своей школы ты ещё просто ответа не добилась ещё.

Особо обо мне скучать не нужно. А тем паче не нужно на этой почве худеть. Для похуденья у вас всех и так, наверное, много серьёзных оснований. До свидания, пишите. С. Дмитриев.

Как Гога живёт? Поди скучает, так как читать, наверное, нечего[A].

38-е

Воскресенье 15 февраля 1942. Сталинск.

Милый Гога, ты, говорят, всё ждёшь моё письмо (11-е), в котором я тебе описывал город, природу и людей. Но что-то оно к вам подозрительно долго не приходит. Будет ли доставлено вообще? Чтобы тебе его не ждать особенно, направляю ещё одно письмо для тебя и всех ильинцев.

Вчера отправил вам открытку (36-ю) и письмо заказное (37-е) с поздравлениями бабане и вам всем по случаю высокоторжественного дня 16 февраля. Прибудут. Правда, они к вам с опозданием, но… лучше поздно, чем никогда.

[A] Текст последнего абзаца написан на левом поле оборота первой страницы письма.

Во всяком случае, хотя и с опозданием, но вы будете знать, что в этот день, 16 февраля, я мысленно был с вами. После того, как отправил вчерашнюю почту, зашёл в институт и получил два новых письма от вас: одно от 28/I, писанное тобой, Гога, и двумя бабанями; другое, писанное мамой, от 30/I. Получением этих писем был весьма доволен и, придя домой, обстоятельно их читал.

Сейчас воскресное утро. Позавтракал (немного сливочного масла, колбаса, ½ селёдки, 2 стакана кипятку с гвоздикой, которую опускаю вместо чая для аромата, стакан пива), побрился, вывернул наизнанку один ваш конверт. Чтобы убедиться, как ты его ловко перевернул из моего. И сел писать тебе письмо. За окно (оно у меня в комнате очень большое — в три раствора и высокое) идёт мягкий снег. Уже второй день сыплет и сыплет. Февраль сказывается. Правда, до сих пор здесь ещё почти снегопадов не было. Бритьё сегодня совершено было ради двух обстоятельств: воскресенье и вечером буду читать публичную лекцию во Дворце металлургов о Кутузове и войне 1812 года. А вообще в связи с кризисом лезвий для бритвы бреюсь не часто и зарастаю, своей физией восполняя отсутствие в местной фауне сибирского дикобраза. Так как Дворец металлургов напротив центральной почты, то, когда пойду читать лекцию[A], отправлю это письмо и попытаюсь послать вам здешние газеты с моими статьями о Кутузове и Суворове. Ты, как библиотекарь, предай их публичному прочтению и затем хранению. Приписываю на почте: сейчас заказной бандеролью послал вам две газеты.

Снег за окном идёт, потому что стало у нас после крепких морозов тепло, –8–10° только. Бывшие морозы по ночам достигали –40–50°, но к утру обычно t° поднималась до –35–40°, а днём до –27–30°. Ночью и по утрам от морозов стоит в воздухе изморозь, вроде тумана, но часам к 11 утра рассеивается, показывается солнце. Оно здесь очень яркое — это ведь Южная Сибирь — и светит часто, гораздо чаще, чем у нас в Москве зимою.

Кроме снега, мелькающего в воздухе, вот что ещё видно в моё окно (выходит оно на северо-запад): налево примыкает под прямым углом к нашему дому строящийся красный кирпичный 4-этажный дом. За ним подальше стоит жёлтый 5-этажный дом со скучными прямыми балкончиками. За ним шоссе-улица. По ней изредка пробежит зелёный трамвай с двумя прицепными вагончиками. Это — трамвай 5-й №. Довольно часто мелькают по шоссе автомобили, всё больше грузовые. Нередко тянутся и сани с лошадьми. Иногда сани встречаются какого-то необычного для нашего глаза вида. Лошадки, в них запряжённые, очень маленькие, обычно рыжие, и страшно лохматые, как какие-то сказочные

[A] Далее зачёркнуто слово «то».

морские коньки, увешанные водорослями-шерстью. В таких санях сидит пёстро укутанная женщина, а рядом с ними идёт низенького роста коротконогий мужчина в малахае и дохе или тулупе. Это — шорцы, местный небольшой народец, приехали в город. Живёт этот тюркский народ к югу от здешнего города в Горной Шории, вёрстах в 30–50 от нас на юг, где уже проходит большой хребет Кузнецкого Алатау. Иногда в сани впряжён мул, и очень редко (я всего 1 или 2 раза только и видел) встречается тащащий сани верблюд. На мулах и верблюдах приезжают казахи. Казахов в городе много, они работают на всяких новостройках: одеты очень тепло, пестро, по-русски почти не говорят и удручающе грязны, даже при поверхностном осмотре.

Далее, за шоссе, виден базар. А за ним еле-еле сквозь снег заметны очертания пологих гор, покрытых снегом и кое-где редко разбросанными по склонам небольшими домиками. Это — Северные отроги Кузнецкого Алатау. Они со всех сторон окружают город, стоящий в долине при реке Томи, притоке Оби. Так обстоит дело с видом из окна налево и прямо. Если же взглянуть направо, то видишь ряд одинаковых красных кирпичных 4-этажных домов. Это — проспект Энтузиастов, упирающийся в то же шоссе, за которым базар.

Пейзаж в Старом Кузнецке, где я прожил первые 7–10 дней до приискания этой квартиры, гораздо красивее и веет старой Сибирью. Там деревянные маленькие дома, улицы, засыпанные сплошь снегом. Движения там очень мало. Улички растянулись на пологом берегу Томи у подножья высокой горы, на которой сохранились развалины каменной крепости, построенной против шорцев и могущественных чжунгарских соседей алтын-ханов. Кузнецк был основан в 1618 г., а крепость просуществовала как крепость до 1850 г., когда её упразднили. В Старый Кузнецк отсюда ходит трамвай № 2. Ехать на нём довольно долго по низким пустынным берегам Томи, которые она по вёснам заливает. В общем расположение напоминает Ярославль и Закоторосльную сторону.

Письмо, Гогочка, получилось не больно складное. Пока писал, дважды прерывали. Первый раз постучала домработница и принесла от себя и хозяйки угощение — 3 небольших ржаных пирожка с ливером. При передаче даров было объявлено, что сегодня прощёное воскресенье, и Сретенье, и последний день масляной недели. Попробовал один пирог. Опять принялся писать. Опять стучат — пришла молочница; купил ½ литра молока за 6 рублей. У вас, как видите, дешёвка: 5 рублей кринка, зато здесь 12 рублей литр. Уж, как-нибудь для Гоги расстарались ещё бы вторую кринку доставать. Мне очень не понравилось, Гога, что, как мама пишет, ты сильно похудел и стал уставать.

Лёля, среди доводов в пользу вашего возврата — состояние Игоря, необходимость специального лечения, корсета и пр. со ссылкой на то, что его лечили и

лечат, мол, специально в МОТИ, весьма важен. Недавно я, между прочим, читал в газетах, что в МОТИ состоялась какая-то научная конференция. Так что Московский Областной Туберкулёзный Институт существует и функционирует[A]. Попробуй добиваться вызова, используй этот мотив также. Уж если решили ехать, то нужно добиваться настойчиво. Впрочем, смотрите на месте. А пока бы ты, Гога, зря не напрягался, а больше отдыхал.

Папе денежно нужно пока систематически помогать. Я вам об этом писал. Что Кате написали просьбу сходить к Кремнёвой — хорошо. Филинкова адрес я вам писал, повторю: г. Перово, Ухтомского района Московской области, Плехановская улица, дом № 6. Артель «Перовский обувщик». Дорогой Серафиме Галактионовне привет. На мои письма и заявления о квартире, в частности комнаты-библиотеки, ещё ответа не получал. Правда, ещё рано. Зайончковский написал, что его комнату в Москве заняли. А вещи и книги перенесли в какой-то амбар. Квартиру Марголиных заселили. Кате я написал, между прочим[B], чтобы она зашла на Истфак и узнала, нет ли там кого из моих товарищей по работе и нельзя ли мне прислать вызов. Вам я тоже писал об условном вызове для меня. В Свердловск я не поеду, а вот[C] так ли просто к вам приехать, не знаю. В октябре я это пытался сделать. Не пускали. Не было по железной дороге проезда. Возможно, теперь другое. Поспрашивайте. С.Д.[D]

39-е [На почтовой открытке штамп: «Просмотрено военной цензурой»]

Понедельник 16 февраля 1942 г. Сталинск

Дорогие ильинцы, как-то вы проводите сегодняшний день? Хотелось бы перенестись к вам и заглянуть, что поделываете. Впрочем, сейчас, когда это пишу, наверное, ещё спите: здесь у нас половина 10-го утра, а так как у нас время по сравнению с вами на 4 часа вперёд (ведь мы гораздо восточнее вас, ближе к восходу), то у вас, следовательно, сейчас ещё только половина 6-го утра и разве что только кто-то из вас собирается вставать.

[A] Примечание С.С. Дмитриева, написанное на левом поле 4-й страницы письма: «Об этом можно, мне кажется, говорить не только с начальником в Пречистом, но и написать начальнику НКВД Ухтомского района Московской области, а может быть и города Москвы. Указать, что больной сын профессора такого-то, нужно, мол, в МОТИ, где он 3 года был и пр. Укажи, что на месте нет врачей и аппаратуры».

[B] Текст от слов «написал, что его комнату» до слов «между прочим» написан на левом поле 3-й страницы письма.

[C] Текст от слов «чтобы она зашла» до «я не поеду, а вот» написан на левом поле второй страницы письма.

[D] Текст от слов «так ли просто» и до конца письма написан на левом поле первой страницы письма.

Вчера послал вам заказное письмо (38-е) и заказную бандероль с двумя газетами, в которых помещены мои статьи о Кутузове и Суворове. Вечером вчера читал во Дворце металлургов в читальном зале библиотеки лекцию о Кутузове и войне 1812 г. Прошла хорошо. Было человек 100 слушателей. Завтра вечером читаю лекцию о Суворове в госпитале неподалёку от моего дома. Пока прерву письмо до похода в институт: быть может там получу от вас письма, тогда и допишу.

Днём заходил в институт. Но почты ещё не было. Пойду теперь вечером, но по дороге в институт зайду на почту и брошу эту открытку. Днём сидел дома и правил статью о Минине и Пожарском. Возможно, что она пойдёт в печать в эту пятницу. Раздобуду лишний экземпляр газеты — тогда пошлю вам для коллекции. Ну, до свидания пока. Как Гога себя чувствует? С. Дмитриев.

40-е

Среда 18 февраля 1942 г. Сталинск

Дорогие ильинцы, как живы-здоровы? Как себя Гога чувствует? В одном из последних ваших писем Лёля писала, что он стал часто уставать и сильно исхудал. Что-то нужно бы для него предпринять.

Позавчера получил три письма. 1) от Наташи и Александра Александровича от 25/I. Пишут о своём житье-бытье. Наташа больше всего, как и полагается матери, да ещё молодой матери, о сыне. Пишут, что получили мою справку и переведённые вами деньги. Как только будет немного теплее, Катя поедет в Кусково и урегулирует вопрос о квартплате. Квартира в Кускове, как пишет Александр Александрович, «запечатана специальной комиссией, организованной комендантом Музея. Вещи описаны и за их целость отвечает комендатура. Сейчас имеется приказ Моссовета о запрещении заселения квартир эвакуированных из Москвы». Они же подтверждают, что ещё давно Александр Александрович ездил в Кусково и взял оттуда к себе швейную машинку, фарфоровый сервиз, рюмки, ножи, вилки и пр., что всё мною было упаковано в корзину, а также валенки, вино и консервы. Не так давно я послал в адрес Кати и Наташи одинаковые письма со своими соображениями и просьбами. Просил, в частности, Катю зайти на Истфак МГУ и, если там кто из товарищей-историков найдётся, то поговорить о моём вызове. Но из второго полученного мною позавчера письма вижу, что, если даже и зайдёт, то толку всё же не будет. 2) Это второе письмо Николая Леонидовича от 26/I. Он пишет о своих тяжёлых настроениях, о беспокойстве за ленинградских родных[A]. В отношении нас он

[A] В начале войны в Ленинграде находились два брата Н.Л. Рубинштейна — Григорий Леонидович и Сергей Леонидович.

высказывается так: «сейчас, по-моему, надо всем сидеть на месте, как-то приспосабливаться и беречь силы… Весной подумаете и решите, как делать дальше. Нельзя, конечно, сейчас и думать Ольге Алексеевне о Кускове. Впрочем, они (мысли эти) и нереальны — так как никто её туда не пустит, не дадут даже билетов — теперь строго в этом отношении». Даже Николай Леонидович подтверждает, что Бахрушин и Готье в Ташкенте, там и Пичета. Новицкий в Ашхабаде. Дружинин в Алма-Ате. Панкратова и Нечкина в Ташкенте. Базилевич, Лебедев, Михаил Николаевич Тихомиров в Ашхабаде. Мораль: никого из товарищей-историков Катя на улице Герцена на Истфаке не найдёт, а, следовательно, и вызов для меня сейчас направить будет некому. Всё же я думаю податься к вам поближе. Правда, бытовые и пищевые условия в ваших краях хуже, чем здесь. Правда и то, что в Ильинском мне делать будет нечего, а без дела не долго нагуляешь. В Ярославле в Педагогическом институте, возможно, дело и найдётся, но, очевидно, что лишь с осени, т. е. с начала учебного года. А проживать в городе без дела нельзя. Прямо какой-то заколдованный круг, не знаешь, что и придумать. Ну, ладно, поживём — увидим. Только бы все были здоровы. Беспокоит меня папа, да и о Гогочке задумываюсь.

Каким-то нюхом, подсознанием мне кажется, впрочем, что всё же летом мы объединимся и, будем надеяться, что в Кускове. А теперь что ж приходится, пожалуй, как Николай Леонидович сказать — сиди и терпи. Ну, зато теперь, я думаю, вы полностью уразумели правоту моего старого завета: переделать всех колбасников-немцев на сосиски. А сосиски скормить морским тварям. Но отнюдь не наземным. А то ещё грехом взбесятся и людей покусают. Когда-то вы надо мной смеялись при этих словах, а ныне, сидя и терпя подобно древним иудеям на реках вавилонских, поди, постигли вполне всю глубину моего прозрения. Ведь всё от треклятых колбасников: и вы холодаете в Ильинском, и я небо копчу в Сибири, и Полина Петровна[A] приказала всем долго жить. А сама предпочла этого приказа не выполнить, и Ленины ребятишки худеют, и у Зайончковского семья развалилась, и Марголин лапу сосёт, как башкирский медведь, в Бирске, а его жена зубами щёлкает в Казани и…, и…, и…[B] Можно до бесконечности. Так что уж лучше уняться. А ведь то же и в Англии, и во Франции, и в Польше, и в Африке, и в Азии, и в Америке теперь началось. А всё — немцы проклятые.

Да рацея вышла в духе папиных писем.

3) Третье коротенькое письмо от Зайончковского. Сообщает, что поездка ко мне немного откладывается. Приедет числа 18–20. Пробудет у меня дня 2–3.

[A] Имеется в виду мать Н.Л. Рубинштейна.
[B] Так в подлиннике.

Привезёт пару белья, тёплые фланелевые портянки, 2 куска мыла. (Да у меня ещё есть 7 кусочков, так что мылом обеспечен. Вот беда, что вам никак нельзя помочь ничем, хотя бы тем же мылом).

Вот таковые текущие новости моей переписки. А, впрочем, ещё не всё. Чуть было и не забыл. Вчера пришла телеграмма от любезного Филинкова: «Жду ответ письма два домом присматриваю Филинков». Отправлена она 14/II. Таким образом шла всего 3 дня. Очевидно, он хотел сказать, что ждёт ответ на своё второе письмо ко мне. Я этот ответ с бумагами в Музей, в прокуратуру и в Горсовет (Перовский и Моссовет) ему отправил в конце января. Очевидно, он ещё 14/II их не получил. Но, думаю, что сейчас уже эти мои письма и бумаги до него дошли. Во всяком случае, как видно, он малый добрый и исполнительный. Адрес его Перовский я вам уже не раз писал.

Мои дела идут понемногу. В воскресенье вечером читал лекцию публичную во Дворце металлургов о Кутузове и войне 1812 г. вчера вечером читал лекцию в госпитале раненым о Суворове. Вчера же сдал ещё раз просмотренную статью о Минине и Пожарском для здешней газеты. Быть может, она пойдёт в печать в эту пятницу. В воскресенье послал вам заказной бандеролью две газеты с моими статьями о Кутузове и Суворове. Сейчас письмо прерву, пойду обедать, потом в институт. Может там от вас будут письма. Тогда и допишу.

В институте никаких писем не пришло. Слышал только разговор о передаче вчера по радио какого-то нового указа, касающегося квартир и имущества эвакуированных. В чем дело точно ещё не знаю. Узнаю из газет — напишу. Но, во всяком случае, прошу вас больше думать о настоящем, чем о будущем или прошлом. Будем все живы-здоровы, соединимся и где-нибудь да устроимся. Не удастся в Швейцарский дом, приедем в другой, родни у нас в Москве немало, где-нибудь приткнёмся на первых порах. А там будем устраиваться и получше. Пишите мне почаще все. В воскресенье я послал вам письмо, больше всего обращённое к Гоге. Пусть он мне ответит. Как праздновали 16 февраля? Ну, до свидания. Всех вас целую. С. Дмитриев.

41-е

Четверг 19 февраля 1942. Сталинск

Дорогие ильинцы, вчера получил 5 писем: три от вас — мамы от 1 февраля, Лёли и Гоги от 2/II и мамы от 4/II; другие два от Зайончковского и от Липкиной (из Томска). Пётр Андреевич пишет, что его поездка ко мне откладывается до 24–25 февраля, так как перед днём Красной Армии у него уж очень много работы. Липкина прислала по моей просьбе справку — бронь на нашу квартиру. Да, забыл, что не 5, а 6 писем вчера пришло. Ещё открытка от Кати от 3/I (судя по всему, эта дата просто её описка и действительно открытка от 3/II). Катя сооб-

щает, что ездила вчера (она пишет, т. е., очевидно, 2/II) в Кусково в Музей и говорила с комендантом. Директора музея не застала. Квартплату брать не хотят, так как, мол, мы выписаны с ноября месяца. Заплатила только Катя какую-то старую задолженность за квартиру в сумме 178 рублей; сделала это по тактическим соображениям, чтобы показать, как она пишет, что с квартирой никто не намерен расставаться. Пишет ещё, что нужна броня. А когда она передала присланную мною бумагу от здешнего института о сохранении площади, то ей сказали, будто бы бумага эта никакого значения не имеет. Почему? Катя, понятно, повернулась и ушла восвояси. Далее пишет: «Нужно узнать у юриста — имеют ли они право не брать деньги — при таких обстоятельствах как у тебя». Но пошла ли она к юристу — не знаю. Вообще нужно действовать смелее, Катя, боюсь, робка. Напишу ей. Ну, ничего как-нибудь уладится. Пошлю завтра в музей броню-справку от Комитета по делам высшей школы (присланную вчера Липкиной). Сниму только завтра с неё в нотариальной конторе заверенную[A] копию. Вы, в свою очередь, напишите Кате, что то, что мы выписаны, не служит препятствием ко взносу квартплаты. Ведь мы все эвакуированы. Сделайте копии своих эвакуационных справок, заверьте их в сельсовете и пошлите Кате. Пусть их предъявит юристу. Филинкову можете написать просьбу, чтобы он вразумил директора Музея насчёт квартплаты. Квартплату всё равно, даже если бы музей её и не брал нужно платить в банк, или в депозит суда, или прямо перевести на текущий счёт Музея. Куда платить — узнать нужно у юриста. Только квитанции нужно хранить, что деньги взносились.

Вчера весь день и утро находился в ужасной меланхолии. Так как слышал народ передачу по радио какого-то нового решения о жилищных и имущественных правах, и передавали это решение в повышенных тонах и произвольно толкуя. Наконец, сегодня прочитал сам это решение и убедился, что нашей семьи оно не касается. Это сообщение от 17/II «В Совнаркоме СССР. Об освобождении жилой площади местных Советов и предприятий, занимавшейся ранее рабочими и служащими, эвакуированными на Восток»[B]. В этом сообщении

[A] Далее зачёркнуто слово «справ.».

[B] Имеется в виду постановление №208 СНК СССР от 16 февраля 1942 г. «Об освобождении жилой площади местных советов и предприятий, занимавшейся ранее рабочими и служащими, эвакуированными на Восток» («Известия Советов депутатов трудящихся СССР» № 39 от 17 февраля 1942 г.):

«Совнарком СССР признал неправильным проводимое в ряде городов закрепление за рабочими и служащими, переехавшими вслед за эвакуированными в восточные районы предприятиями, занимавшихся ими до эвакуации квартир в домах местных Советов и предприятий, так как эти рабочие и служащие получили жилую площадь на новом месте постоянного жительства.

См. продолжение сноски на следующей странице.

речь идёт о незакреплении жилплощади за рабочими и служащими эвакуированных предприятий. Ни вы, ни я не является служащими или рабочими эвакуированного предприятия и, следовательно, наши жилищные права сохраняются. Нужно только косность музейной бюрократии преодолеть. Когда я прочитал это сообщение, то был очень-очень обрадован за вас, бедных.

Теперь, Лёля, форсируй всё же вопрос насчёт вашего возврата, напирая на положение Игоря. Быть может, что из этого и выйдет. О занятиях в школах Кремнёвой и других я слышал, что не во всех, по-видимому, занятия возобновились. Но всё же, если бы ты одна или с Игорем, или все как-нибудь обратно попали, то, я думаю, что в кучке (Нина, Катя, Наташа[A], вы) как-нибудь бы протянули. Разумеется, что с питанием и там очень сложно, но, поди, не сложнее, чем у вас.

Такая практика мешает делу закрепления рабочих и служащих на новом месте работы и не даёт возможности использовать пустующие квартиры в домах, принадлежащих предприятиям и местным Советам, для предоставления необходимой жилой площади рабочим и служащим, оставшимся в данном городе (рабочем посёлке).

Совнарком СССР постановил:

1. Установить, что квартиры в домах предприятий и местных Советов, в которых проживали рабочие и служащие эвакуированных предприятий до их переезда на новое место жительства, поступают в распоряжение исполкомов местных Советов депутатов трудящихся и предоставляются в первую очередь рабочим и служащим оборонных предприятий, оставшимся в данном городе (рабочем посёлке).

2. Установить, что по желанию рабочего и служащего эвакуированного предприятия личное имущество, оставшееся в освобождённой им квартире, может быть передано его родственникам или другим лицам, проживающим в городе (рабочем посёлке), из которого данное предприятие эвакуировано, или может быть продано по его поручению через комиссионные магазины, или же может быть доставлено ему за счёт государства по месту его жительства, — в зависимости от усмотрения владельца имущества.

3. Обязать исполкомы краевых, областных, районных, городских и поселковых Советов депутатов трудящихся оказывать рабочим и служащим эвакуированных предприятий всемерную помощь в индивидуальном жилищном строительстве путём отвода необходимых земельных участков, выделения местных строительных материалов, предоставления транспортных средств и т. д. на новом месте жительства.

4. Обязать Наркомфин СССР выделить в первом полугодии 1942 года 100 миллионов рублей на кредитование индивидуального жилищного строительства рабочих и служащих эвакуированных предприятий.

5. Настоящее постановление не распространяется на жилые дома, являющиеся личной собственностью рабочих и служащих эвакуированных предприятий».

[A] Имеются в виду сестры О.А. Дмитриевой — Нина Алексеевна Журавлёва, Екатерина Алексеева Четверухина и Наталья Алексеевна Эгерт.

Очень рад, Гогочка, что ты с удовольствием прочитал моё письмо с описанием здешнего города. В воскресенье я тебе послал ещё письмо с разными описаниями видов и жизни здесь. Сталинск, мой милый, основан в 1929 г., а Кузнецк в 1618 г. Пишу, брат, не всегда разборчиво, то спешишь, то волнуешься. Вот о вас всё думаю. Да и ярославцы, бедные, из ума нейдут. Очень хотелось бы посидеть с вами и поговорить. С нетерпением жду Петра Андреевича. С ним ещё посоветуемся, как и что. Хотя нужно сказать, что я теперь уж во всех советах разуверился. Так внутренно верится, что весною-летом соединимся где-нибудь у вас поближе. Уж тяните как-нибудь. Вот только Гогу берегите. Карточки ваши у меня с собой. Погляжу на них порой и вспомню нашу жизнь.

Ну, ничего, «Минует тяжёлое время… мы снова обнимем друг друга»[A]. Держитесь дружнее, главное. Да настойчивости побольше, твёрдости. Тороплюсь это письмо закончить, чтобы сегодня успеть отправить. А то почта закрывается в 8 часов вечера. А кидать в обычный почтовый ящик не хочу, ношу на почту. Сегодня у нас буран, ветер. Снег слепит глаза, тепло, всего –8°.

Гогинка, пиши. Всех целую. С. Дмитриев.

42-е

Пятница 20 февраля 1942. Сталинск.

Суббота 21 февраля 1942 г.

Дорогие ильинцы, третий день у нас страшный буран. Ветер с ног валит, снег летит как мелкое стекло острый, ни зги не видно, трамваи не ходят. Сегодня потому, наверное, и почты никакой не принесли. День прошёл в трудах и заботах. В 9 утра пошёл на Верхнюю Колонию (через длинный туннель в горы) в нотариальную контору. Насилу туда дошёл и у нотариуса снял со справки-брони, присланной Липкиной из комитета по делам высшей школы, 4 (четыре) нотариально заверенных[B] копии. Оригинал пошлю в Музей, чтобы прекратили свою проволочку с приёмом квартплаты, одну копию — Кате, другую — Филинкову, третью — вам вышлю ценным письмом, чтобы на всякий конец и у вас был этот ценный документ. Четвертую — оставлю себе. Справка эта титулует меня доцентом, каковым я и был в МОПИ и МГУ в прошлом году при эвакуации (это для вас объясняю на всякий случай). Справка выдана прямым Всесоюзным правительственным начальством над нами, т. е. над ВУЗами. Заплатил за копии 4 рубля (по рублю за штуку) и побрёл обедать. Обед: лапша,

[A] Неточная цитата из романса М.И. Глинки на слова Н.В. Кукольника «Уймитесь, волнения страсти!» (1838). Правильно: «Минует печальное время, Мы снова обнимем друг друга…».

[B] Далее зачёркнуто слово: «справки».

2 порции котлет, 2 стакана полусладкого чая, цена за всё 10 рублей. После обеда пошёл в школу, где мои студенты давали вподряд друг за дружкой 4 пробных урока. Слушали, потом обсуждали. В заключение в школьном буфете удалось приобрести совершенно неожиданно две белых булки по 50 копеек штука. С удовольствием поел свежий белый хлеб. Давным-давно уж не пробовал. После школы зашёл домой, отдохнул и, несмотря на бурана, решил сходить в институт — проведать нет ли писем и газет.

Труды мои были вознаграждены по заслугам. Газет я, правда, новых не нашёл. Не получил я и писем. В чем же награда трудов, спросите? В телеграмме любезного Петра Николаевича Филинкова. Послана она из Перово 18 февраля, т. е. шла двое суток. Очень быстро теперь стали телеграммы доставлять. Вот её текст, который, несомненно, порадует и вас: «Кабинет [со] всем возвращён [.] книги [в] квартире [.] диван [,] шкаф [в] кабинете [.] всё осмотрел [,] цело [.] ждите письмо прокурора [.] присматриваю [.] Филинков[.]»[A]

Я вам уже писал, что 25/I получил письмо от Филинкова с известием, что во второй половине декабря музейцы вскрыли мой кабинет и перенесли все книги в нашу общую квартиру (т. е. комнату), где и сложили, а кабинет заняли. Позже в другом письме Филинков сообщил, что кабинет заняли под мастерскую (по-видимому, реставрационную), или, вернее, это Катя написала. Через день после прихода письма Филинкова, т. е. 27/I я уже отправил заявление от себя военному прокурору Москвы, прося охранить мои жилищные права и библиотеку. Одновременно послал 2-й экземпляр такого же заявления Филинкову, чтобы он был в курсе дел и Филинкову же выслал нотариально заверенную доверенность на его имя быть представителем моих интересов в деле возвращения мне комнаты-библиотеки и переноса в неё библиотеки, т. е. книг.

Как видите, результаты принятых мер уже налицо. Комната кабинета-библиотеки возвращена нам. Филинков, судя по тексту телеграммы, присутствовал при возвращении и утверждает, что в основном всё цело. Буду ждать теперь письма с подробностями от Филинкова и официального письма прокурора. (Черновик своего заявления прокурору я вам, сколько помню, послал в одном из писем).

Сами понимаете, как я был обрадован этой телеграммой. Во 1) музейцы почувствовали, что произвольно самодурить в нашей стране, а тем более в военное время и в отношении государства и прав временно отсутствующих граждан, им никто не позволит. Во 2) полагаю, что в связи с указанием прокурора в отношении охраны наших жилищных прав музейцы поймут, что их нелепое

[A] Квадратные скобки со знаками препинания и предлогами поставлены в письме.

упрямство с непринятием квартплаты может кончиться для них также печально, как и захват комнаты-библиотеки, и начнут принимать квартплату. Вот только бы скорее нужно известить Катю об этом. В 3) утраченная было комната-библиотека возвращена нам. Повторяю, я был очень рад и за вас, и за себя. Пётр Николаевич действительно оказывается деятельный и дружественно настроенный человек. Я ему очень благодарен. За последние 6 дней я получил от него с промежутками в два дня 3 телеграммы. 1) от 14/II «Жду ответ письма два. Домом присматриваю. Привет, Филинков».

2) от 16/II «Передаю текст: срочно зайдите Палату Пайкин». Телеграмму получил Кусково. «Высылайте Музею бронь. Филинков»[A].

3) 18/II. Её текст я вам выше привёл.

Как видите, он быстро отзывается. Видите и другое: Пётр Николаевич щедро (по его бюджету) тратится на связь, каждая телеграмма рублей по 7–10 обходится. Мораль: немедленно пошлите ему телеграфом 250–300 рублей для взноса квартплаты. Уверен, что он это дело наладит быстро[B]. Особенно теперь после вмешательства прокурора, вступившего за наши жилищные права. Катя писала мне, что из 250 рублей, вами переведённых, она 178 рублей уплатила[C] для погашения какой-то числившейся за нами задолженности. (Понять не могу, что это за долг? Просто, по-моему, Кате тут очки втёрли. Ну, ладно). Во всяком случае, реальных денег на руках у неё для взноса осталось только 72 рубля, а за месяц мы платим по 59 рублей с копейками. За Филинковым деньги не пропадут. 2) Риск дело благородное. Адрес Филинкова вам ещё раз сообщаю: г. Перово, Ухтомского района Московской области. Плехановская ул., дом № 6. Артель «Перовский обувщик», П.Н. Филинкову. Я Филинкову напишу, что вы ему переведёте деньги. (P.S. Теперь сам перевести решил[D]). Вам дам сегодня же об этом телеграмму. Вы сами ему напишите. Напишите ещё и Кате его адрес, пусть она черкнёт ему открытку и назначит ему у себя рандеву. Я думаю, что он к ней заглянет, он человек обязательный. Конечно, Катя в открытке пусть свой адрес укажет и точное время назначит.

[A] Примечание С.С. Дмитриева: «Во 2-й телеграмме Филинков передал мне текст телеграммы т. Пайкина из Книжной Палаты. В ней (палате) печатается книга моя, Рубинштейна и Новицкого. По этому вопросу Пайкин и просил зайти». Примечание написано на левом поле третьей страницы письма.

[B] Примечание С.С. Дмитриева: «Решил для быстроты сам отсюда перевести телеграфом деньги Филинкову. Вместе с отправкой этого письма переведу ему телеграфом 250 рублей. А вы не посылайте пока, но спишитесь с ним». Текст примечания написан на левом поле четвёртой страницы письма.

[C] Далее зачёркнуто слово «за».

[D] Предложение в скобках вписано над строкой.

Вот дела какие. Вам пошлю сегодня ещё ценным письмом копию справки-брони Комитета по делам высшей школы на квартиру.

Выяснил окончательно, что А.И. Козаченко попал не в Улан-Удэ, а в Тобольск, в Омский педагогический институт. Который туда из Омска переведён. Тобольск в 250 км от железной дороги! Бедный Антон!

Как Гога себя чувствует? Пишите. Целую вас всех. До свидания. С. Дмитриев.

43-е

Понедельник 23 февраля 1942. Сталинск.

Дорогие ильинцы, вчера не писал вам, и от вас ничего не было. Сегодня зато сразу 5 писем. Правда, новое среди них — одно, мамы от 10/II № 4 (как видите, оно проскочило очень быстро в 12 дней). Остальные четыре письма ваши старые ноябрьские-декабрьские, возвращённые вам из Барнаула. Так как мама пишет, что послала их вместе с письмом от 12/II № 4, то выходит, что и они сюда двигались тоже быстро. Вероятно, вы послали их из Макарова. Прочитать эти старые письма было приятно, спасибо за их пересылку.

Ещё ранее на той неделе пришли ваши письма: Лёли и Гоги от 2/II, мамы от 4/II № 2, её же № 1 от 1/II. Так что теперь нужно ожидать письма № 3.

Так как мама сетует, что все письма заполняются квартирным вопросом, то отложу его на конец письма, а начало отведу своей нескромной особе. Отвечу на вопросы ваших писем.

Живу по-прежнему, как уже вам описывал. Обедаю в столовой, очень близко, за 4 дома от меня (т. е. от моего дома). Кормят прилично, для пущей сытости беру обычно по два вторых блюда. Обходится обед в 8–10–12 рублей. Иногда одно второе блюдо беру с собой домой, переложив его в блюдце, для этого нарочно захватываемое. Хлеб к обеду дают. В столовой чисто, она закрытого типа, для служащих. Ждать приходится недолго, минут 15–25. С готовкой дома (отвечаю маме) ничего не выйдет. Бетти Зиновьевна совершенно почти дома не бывает. А её домработница — человек с очень тяжёлым характером. Да дело-то, понятно, не в характере, а в том, что добывать продукты для готовки обеда кто же возьмётся? Ведь это же целая Илиада с Одиссеей плюс ещё Ад с Чистилищем. Это так трудно, что наивно даже думать, будто кто-то возьмётся изготовлять на дому обеды. Другие же мои соседи — сами эвакуированные, без посуды, без всего. Да и лучше поменьше от людей зависеть. Эта столовая меня удовлетворяет. Собираются какую-то сверх-закрытую столовую «для немногих» открыть (для профессорско-преподавательского состава ВУЗов). Если там лучше будет — туда перейду.

В театре я теперь пока не бываю. Мои лекции о Кутузове и Наполеоне нужны были в связи с подготовкой спектакля. Теперь спектакль давно уже поставлен и делать мне в театре нечего. Сама по себе труппа не представляет чего-то особо интересного, чтобы посещать все их постановки. Идут у них «Ежени Гранде»[A] почтенная скука, «Кутузов»[B] и «Гамлет»[C] — эти две вещи я у них смотрел. Теперь поставили «Обрыв»[D]. На него не пойду; ставили наспех, а вещь трудная. Да и так кругом, в жизни «обрывов» разных хоть отбавляй.

В газете после статей о Кутузове и Суворове и рецензии о спектакле «Фельдмаршал Кутузов» ещё ничего не появилось. В эту (прошедшую) пятницу должна была появиться статья «Минин и Пожарский», но места не хватило для неё, а теперь уж она будет напечатана, наверное, в конце этой недели. На днях буду писать ещё статьи о Дмитрии Донском и Александре Невском. В прошлое воскресенье (не вчера) послал вам, как просили, бандеролью[E] газеты с моими статьями о Кутузове и Суворове.

На прошлой неделе читал две лекции: в воскресенье во Дворце металлургов о Кутузове и войне 1812 г., во вторник в госпитале для раненых о Суворове. В институте сейчас у меня лекций нет. После каникул с 7 февраля у II курса, где я читаю, началась педпрактика. Лекций им не читается. Прикрепили ко мне 5 студентов. Бываю с ними в 8-й школе в 6 классах на практике. Они дают пробные уроки, а я с учительницей слушаю, потом обсуждаем. Школа неподалёку, рядом с цирком.

Новых знакомств у меня нет. Местный народ неинтересен. Приезжие держатся по углам. Туземцы малообщительны, как все провинциалы, мнительны и пресны. Кто поинтеллигентнее, тот с претензиями. Бываю иногда в 2-х местах: 1) в семье преподавателя, где я сначала по приезде сюда обедал. Эта семья очень простая, русская, из Воронежской губернии. Сам преподаватель теперь послан в район на сельскохозяйственные работы в МТС. Его в городе нет. На днях за ним уедет и его жена, учительница начальных классов. Остаются его мать, 2 сестры, брат. 2) в семье одного аспиранта ИФЛИ, историка, которого как-то здесь случайно встретил[F]. Он здесь на ответственной работе. Не преподавательской и не исторической. Но всё же поговорить с ним бывает приятно.

[A] Спектакль по роману О. де Бальзака «Евгения Гранде» (1834).

[B] Пьеса В.А. Соловьёва «Фельдмаршал Кутузов» (1939).

[C] Трагедия У. Шекспира «Гамлет» (1600–1601).

[D] Спектакль по роману И.А. Гончарова «Обрыв» (1869).

[E] Далее зачёркнуто слово «статьи».

[F] Имеется в виду Николай Иванович Резвый.

А больше дома сижу. Письма пишу, книги читаю. За всю жизнь так много писем не писал, как здесь; сами посудите: вам, почитай, ежедневно, папе, Лене, Николаю Леонидовичу Рубинштейну, Марголину, Филинкову, Зайончковскому, почти всего Чехова, Сологуба, теперь читаю Короленко. Решил, что нужно использовать досуг и стал читать Маяковского том за томом. И вот всегда я на него брюзжал, а теперь скажу — любопытный поэт, хваткий, слово чувствует крепко. Наметил почитать ещё Мамина-Сибиряка и Елпатьевского. Чтобы одолеть свою неграмотность, прочитал 3 том «Советской Сибирской энциклопедии». Сейчас набрал книг по Золотой Орде и монголам, так как собираюсь приступить к статье о Д. Донском. На днях жду к себе в гости Петра Андреевича Зайончковского из Новосибирска. Да, вот ещё из области моих умственных занятий — читаю по кускам главы из перерабатываемой под моим руководством диссертации одной нашей преподавательницы. Автор — девица немолодая, некрасивая, нервная, честная и пресная. Понятно, скучная. Стиль — это человек. И диссертация такова. Даже от темы в скулах зудеть начинает, зевнуть хочется — «Женский вопрос в России в 60-х годах XIX в.»[A]. Так, ну всё.

Теперь всё же нужно и о квартире немного. В пятницу 20/II получил телеграмму Филинкова от 18/II. Он сообщает: «Кабинет всем возвращён. Книги квартире. Диван, шкаф кабинете. Всё осмотрел цело. Ждите письмо прокурора. Присматриваю». Таким образом, как видите, моё заявление прокурору подействовало очень быстро: я его послал 27/I, а 20/II уже получил известие, что кабинет возвращён нам. В субботу я послал Филинкову ответную телеграмму и телеграфом перевёл ему 250 рублей, прося взнести квартплату за нас. Хотел, было, вам написать, чтобы вы[B] ему перевели, но потом перерешил и для ускорения сам перевёл. Я полагаю, что после вмешательства прокурора музейцы более упрямиться с приёмом квартплаты не будут. А будут, так через прокурора заставим их принимать. Из сегодняшнего письма мамы № 4 от 10 февраля узнал, что вы также написали в Люберцы прокурору. Но сейчас, по-видимому, это уже не нужно. Впрочем, масло каши не портит. Прочитал я и о том, что вы перевели в Музей 360 рублей за 6 месяцев. Это — хорошо. Или ваши деньги

[A] Очевидно, речь идёт о М.В. Васильевой, преподававшей в Сталинском учительском институте с момента его учреждения в 1939 г. и в 1945–1946 гг. являвшейся заведующей единой кафедрой истории историко-филологического факультета Сталинского учительского института и исторического факультета Сталинского педагогического института. М.В. Васильева в 1942 г. защитила кандидатскую диссертацию на тему «Женское движение в России в 60-х гг. XIX в.» (Историческая энциклопедия Кузбасса. Т. 1 (А – К). Кемерово, 1996. С. 269).

[B] Далее зачёркнуто слово «ещё».

примут, или Филинков мои уплатит. Два раза не возьмут. А деньги тоже не пропадут. Что Лёля послала директору Музея заявление с копиями справок — это хорошо. Хорошо, что и запросила о природе какого-то долга в 178 рублей 74 копеек. Это, считаю, просто недоразумение. Филинков вам, по-моему, не пишет просто потому, что от вас писем не получал. Его адрес: г. Перово, Ухтомского района Московской области, Плехановская ул., дом № 6. Артель «Перовский обувщик». П.Н. Филинкову. Мне он аккуратно пишет, а на той неделе целых три телеграммы одна за другой прислал. Возврату комнаты я был очень рад. Это очень важно, как признание законом наших прав на квартиру. Получу письмо прокурора, вышлю вам копию. Тогда же пошлю и копию справки-брони, полученную от Липкиной. С. Дмитриев.

P.S. Гогочка, милый, не хворай. Вам шлёт привет Марголин, получил от него в субботу письмо от 6–7 февраля. Целую вас всех. С.Д.[A]

44-е

Вторник 24 февраля 1942

Дорогие ильинцы, вчера отправил вам письмо (43-е). Вчера же получил сразу 5 ваших писем: одно новое от 10 февраля и четыре старых, предназначенных ещё для Барнаула. Сегодня целый день просидел на уроках студентов в школе. Но чтобы поддержать хорошую традицию — писать вам ежедневно — набрасываю вам эту открытку. Сейчас схожу на почту, кину письмо Марголину и эту открытку и пойду в институт за газетами и письмами. Авось, что-нибудь и прибыло. Вчера после того, как написал вам письмо, получил по спискам эвакуированных овощи в магазине: 6 кило картошки. 1 кило капусты, 2 кило огурцов и 1 кило лука. Картошку вечером отварили. Она очень хорошая, с удовольствием поел.

Как здоровье Гоги, как вообще ваши дела? Мои настроения в связи возвратом нам комнаты-библиотеки повысились.

Целую вас всех. С. Дмитриев.

45-е

Вторник – среда 24–25 февраля 1942 г.

Дорогие ильинцы, начинаю писать это письмо вечером 24-го, вернувшись с похода на почту и в институт. На почте послал письмо Марголину и открытку (44-ю) вам. А в институте получил, как и надеялся, два письма от вас: Лёли и бабани от 6/II (бабани № 3, а вчера пришло № 4 вместе с 4-мя барнаульскими письмами) и Лёли и Гоги от 8/II. Письма проделывают свой путь прихотливо и.

[A] Последний абзац написан на левом поле четвёртой страницы письма.

полагаю, что письма №№ 18, 19, 22, 23 уже пришли или ещё придут к вам. Вот, ведь, сколько времени ждали № 11, а всё же он пришёл. Бабаня думает, что простые идут хуже заказных. Мне кажется — нет.

Сначала кратко отвечу на вопросы ваших писем.

Гогочка, я очень рад, что твоя t° улеглась; береги своё здоровье, не студись. Хорошо, что атлас тебе полезен. У меня здесь есть под руками такого же издания «Атлас мира» и я в него частенько посматриваю. Сегодня, например, узнав о взятии нашими войсками г. Дорогобужа, отыскал его на карте. Собираешь ли ты марки? Правда, наверное, много в деревне не соберёшь, но всё-таки. Задаёт ли тебе мама уроки, хотя бы понемножку. Бабаня пишет, что ты сидишь и решаешь какие-то задачи. Что это за задачи, заданные мамой по учебнику или просто так? Пришлось ли тебе что за зиму прочитать интересное из книг?

Обедаю я в столовой и несколько раз описывал вам меню, бывающие в ней. Поди вы эти письма теперь уже получили.

Особенно «гвоздиться», как Лёля пишет, вопросом о квартплате не нужно. Не из-за чего. Тем более теперь, когда комнату библиотеки-кабинета нам вернули по указанию прокурора. Я считаю, что это указание должно отбить у музейцев желание продолжать препятствовать в невзимании квартплаты. Ты, как я узнал из вчера полученного письма от 10/II, перевела в Музей 360 рулей, а я в субботу 21/II перевёл Филинкову 250 рублей для взноса квартплаты. Думаю, что-нибудь да подействует. В переписке со мною Филинков очень аккуратен. Он и пишет, и телеграфирует пока довольно часто. Адрес его я вам посылал. Повторю ещё раз: г. Перово, Ухтомского района Московской области, Плехановская ул., до № 6. Артель «Перовский обувщик». П.Н. Филинкову. Клава с Музой давно уже уехали в г. Фрунзе в Киргизскую ССР. Он один, дров нет и проводит время больше на службе, где хоть тепло в отличие от дома. Попробуйте ему написать на перовский адрес. Думаю, что ответит, доходило до сих пор.

Твои впечатления от Катиного письма, Лёля, в общем, совпадают с моими от её открытки. Я уж вам писал об этом и не хочется повторяться.

Кремнёвой, понятно, может, давно уж нет в городе, но ТОНО[A] есть. Нужно, мне кажется, всё же пытаться установить связь с ним. Если и не для получения вызова сейчас, то хотя бы для напоминания о себе в предвидении будущего. Стоило бы для себя оставить копию заявления в ТОНО. Стоило бы, может быть, написать и в Ухтомский районо с вопросом, а не нужны ли русаки-педагоги в Кусковскую школу, или дирекции этой школы прямо написать. Вообще, помните, что права на въезд вам нужно не в Москву, а в Ухтомский

[A] Здесь и далее: ТОНО — Таганский отдел народного образования.

район Москвы. Это существенно, мне кажется. Впрочем, пороть особую горячку с возвращением не советую. Сейчас зимою езда по железным дорогам, вокзалы и пр. — явления и места, от которых лучше подальше быть. Николай Леонидович в своих письмах одно твердит — всем сейчас нужно сидеть на местах покрепче. А о переездах пока до тепла и мысль пока оставить.

Твоё, мама, письмо с вложенным письмом Симы[A] я давно получил, и вам об этом писал.

Ну, кажется, на всё ответил и сам вопросы задал. Теперь улягусь спать, время к 12-ти ползёт. А завтра утром опишу вам сибирский буран, который и сейчас страшно воет, и бьёт в стёкла окна.

Продолжаю 25 февраля утром. Прежде, чем приступить к бурану, забыл ещё сказать, что вчера же пришло уведомление о вручении вам (Лёля расписалась) моего письма, посланного 26/I и вручённого вам 6/II; следовательно, оно было получено на 11-й день, так как обычно идут дольше. Быть может, это с уведомлением идут быстрее. Пошлю вам несколько с уведомлениями, а вы посмотрите, как они придут.

Итак, знаете ли вы, что такое сибирский буран? Нет, вы не знаете этого, вы не знаете, что такое сибирский буран. Я тоже не знал этого до приезда в Сибирь, и даже до понедельника 23/II-1942 г. Вот что это такое.

Погода здесь вообще очень изменчивая. На дню 2–3 раза меняется и меняется очень быстро. С утра в понедельник было пасмурно и холодно, днём небо было бледно-голубым и пустым, светило и грело по-весеннему солнце, с крыш капало, ребятня заполняла улицы и дворы. Но вот часа в 4 вдруг всё быстро потемнело, надвинулась серая грузная туча, исчезло солнце, подул ветер. И в несколько минут вдруг достиг страшной силы, завыл, заметался как безумный и начал бесчинствовать на все лады. Я шёл в это время из овощного магазина с сеткой, набитой картофелем, огурцами, луком, капустой; всего более 10 кг, шёл в зимнем пальто, шапке и валенках. И мгновенно потерял весь свой вес. Ветер чуть не поднимал с земли. Пешеходы, кто полетел, кто заблаговременно стал обнимать столбы, забегать в подворотни, в магазины. Я переходил площадь. И вот, кто подобно мне был на площади, все уцепились крепко друг за друга и гуртом, чтобы кого в одиночку не повалило и не унесло. Согнувшись в три погибели, борясь с ветром, стали добираться до зданий. Со всех сторон полетел колючий снег. Это был не снег, а какое-то битое стекло или мелкие гвозди. Смотреть открытыми глазам было совсем нельзя. Лицо саднило и горело. Шум дикого ветра был невообразим, ничего не было слышно, кроме его порывов.

[A] Последний абзац написан на левом поле червёртой страницы письма.

Казалось, что в голове проделали два отверстия, протянул через них какой-то жгут и таскают, и таскают взад-вперёд. Ветер явно стремился сорвать с места и повалить всё, что можно. Полетели вывески, собаки, кувыркались люди. Другие, кому было идти по ветру, стремительно бежали, не разбирая куда и налетая на людей, заборы, дома. Пошла настоящая свистопляска. Почти моментально опустели улицы, встали трамваи, во многих домах потух свет. Оборванные провода перевивались по улицам. С трудом добрался я до дома, а перейти-то было нужно всего одну площадь расстоянием как бы от Швейцарского[A] дома до Горбатого моста. Весь вечер и всю ночь свирепствовал такой дикий ветер. Снега много выпало. Только на другой день, когда ветер стал тише, пошёл сплошной пеленой густой, пушистый снег, «буран повалил», как здесь говорят в отличие от начала всего явления, называемого «буран налетел».

Вот что такое буран в Южной Сибири.

Теперь скажите, могу ли я претендовать в географы-описатели явлений природы?

Опять[B] перейдём от высоких материй и поучительных картин природы к окружающей нас прозе действительности. Окончательно выяснил, что заведующий нашей кафедрой в МОПИ Антон Иванович Козаченко попал не в Улан-Удэ, куда его Липкина направляла, а в г. Тобольск. Туда переведён из Омска Омский педагогический институт. Вот в него-то и устроился наш Антон. Место, пожалуй, незавидное. Во 1) довольно северное. Тобольск на 500 км севернее Сталинска. Во 2) Тобольск не на железной дороге, а от ближайшей станции Тюмени более 200 км. Это, значит, отрезаны от всего мира, авиасообщений нет. В 3) Уж больно ссылочные воспоминания, один покойный Николай II чего стоит. Как он туда попал, один или с женою, ещё не знаю. Напишу ему письмо, тогда сообщу.

Жду сегодня-завтра Петра Андреевича Зайончковского из Новосибирска. Тогда вместе напишем всем.

Гоге посылаю для будущей коллекции 5 марок. До свидания. С. Дмитриев.

46-е

Четверг 26 февраля 1942. Сталинск.

Дорогие ильинцы, произошла маленькая конфузия в ведении переписки. А именно: забыл, послал ли вам вчера письмо от 24–25/II за № 44 или 45? И теперь не уверен, нужно ли сегодняшнее послание нумеровать 45 или 46? Мне

[A] Далее зачёркнуто слово «моста».
[B] Перед словом «опять» зачёркнуто слово «теперь».

кажется, что всё же 46-м. Когда получите эти мои письма, то проверьте — ошибся я или нет.

Писем вчера ни от вас, ни от кого другого не было. А я написал и послал вам и А.И. Козаченко в Тобольск. Он оказывается там, как я узнал об этом от Липкиной. Сейчас ещё написал Лене в Ярославль открытку и письмо Г.А. Новицкому в Ашхабад. Поджидаю всё к себе Петра Андреевича, а он не едет и не едет. Правда и то, что ведь он на военной службе, сам себе не волен. А тут, наверное, в связи с Днём Красной Армии особенно много работы выдалось.

У меня тоже в ближайший месяц-полтора работы будет побольше. Педпрактику на неделю укоротили, и лекции на II курсе начнутся не с 15–16, а с 7 марта, следовательно, и мне придётся начать с 7 марта читать. А читать нужно будет историю СССР в XX в., которую я знаю несравненно хуже, чем XIX в., придётся много готовиться. Уже сейчас начинаю, понабрал книг, разработал тематику. Всё заново нужно делать. Мои писанные конспекты лекций все остались в Москве у Наташи, вместе с диссертацией, рукописью истории русской культуры в XIX в. и многими другими рукописями. Хотел я, было, написать Александру Александровичу, чтобы он мне бандеролью хотя бы тетради с конспектами лекций сюда выслал, но потом от этой мысли отказался. Могут потеряться, не все дойти, тетрадей много и в одной бандероли их не возьмут. Да и себя здесь не чувствую особо прочно. А возиться по всей России с тяжёлым бумажным грузом не стоит. Уж будь, что будет, пусть лежат в Лёвшинском переулке, авось целее сохранятся на месте. К тому же здесь у меня новый архив стал расти. Одних писем целая большая кипа скопилась, уж еле-еле в портфель убираются. С грустью думаю, что, коли, придётся ехать, то, пожалуй, вынужден буду их все уничтожить или попробовать (если примут) бандеролью в ваш адрес послать или, наконец, взять с собою в качестве балласта. Далее в архив входят 8–10 тетрадок с записями лекций, штук 15 чистых тетрадей (здесь в институте выдали), кое-какие бумаги, наши фотографии (много их оставил тоже в своих вещах у Наташи), карты и, наконец, <u>две</u> книги. Составляющие мою настольную библиотеку: моя «Хрестоматия» и стихи Ф. Сологуба из малой серии «библиотеки поэта». Хороша библиотека, правда! Обе книги сопровождают меня из Кирова. «Хрестоматию» нужно было мне в Наркомпросе продемонстрировать. Марголин взял её для меня в одной кировской школе, а я и … зажилил. Так было положено основание новой моей «библиотеки». А Сологуба я купил в Кирове, в букинистическом магазине. Загубил трёшку, не удержался. Ну, правда, книжка маленькая, в карман можно сунуть. Таковы мои здешние культурные богатства. Да ничего, об этом я мало горюю. В моём положении стоит ли книги собирать? Вас хвалю, что мои письма в порядке держите. Не по-

тому, что мои, а потому, что это будут позже важные исторические свидетельства из эпохи Отечественной войны 1941–42 гг. Коли, конечно, уцелеют. Самим будет впоследствии интересно почитать.

Так. Ну, ладно, пишу всё пустяки. Пойду сейчас в столовую, потом в институт. Нет ли от вас писем. Там и допишу. Пришла сейчас молочница, сменял у ней ½ буханки хлеба на ½ литра молока.

Продолжаю[A] писать в читальне института. Почты ещё сегодня не приносили. А, следовательно, и писем нет. Так как почта должна скоро быть, то я сел почитать и пописать пока в читальне. Подходил ко мне сейчас завуч и просил принести мою[B] броню в связи с тем, что срок её кончается (как у всех) 1 марта. Будут подавать наши брони для продления. Сказал мне, между прочим, завуч, что в институт вернулись мобилизованные было два сотрудника, лица с высшим образованием, но без военной квалификации. Таких будто бы теперь не берут. Вы знаете, что у меня военной квалификации нет. Образование моё вам известно.

Писем я от вас так и не дождался. А время уже идёт к 5 часам. Нужно сходить на почту, зайти в магазин (не дают ли чего в связи с окончанием месяца), потом домой, что-нибудь покушать. И назад в институт на консультацию со студентами по их, завтра предстоящим, пробным урокам.

Буранная погода, которую я вам описывал, прошла. Наступило тепло. Снег отсырел. Чувствуется приближение весны.

Заканчивая это послание, с удовольствием отмечу отсутствие в нём квартирной тематики. Ну, до свидания, друзья. Четвертушку бумаги оставил Гоге для ответного письма мне.

С. Дмитриев.

47-е

Суббота 28 февраля 1942 г. Сталинск.

Дорогие ильинцы, итак — конец февраля! Сегодня на улице у нас замечательная весенняя погода. Ветер не шелохнёт, в воздухе никакого движения. Небо пустое, голубое, лёгкое. Горы кажутся ватными, не тяжёлыми, прозрачными. Солнце не только светит, но и греет. Пошёл обедать в пимах, как все здесь называют валенки, — жарко. Переобулся в ботинки. С крыш течёт, какие-то птицы слышно попискивают (у меня не только форточка настежь, но и всё окно открыто, на зиму рамы не промазывались и не заклеивались, и так тепло), автомобили пыхтят. Словом, «Весна, открывается первая рама. И в комнату шум

[A] Далее письмо написано другими (чёрными) чернилами.
[B] Слово «мою» вписано над строкой.

городской ворвался…».[A] И не скрою от вас, что ужасно хочется домой, в Кусково, и вспоминается, как там в такую погоду… Ну, ладно, довольно лирики.

Вчера получил письмо от вас, писанное Лёлей и Гогой 13–14 февраля. Пришла также открытка от Марголина от 17/II. Марголин пишет, что рвётся в Москву, послал в наше МОПИ письмо о себе и мне, что, мол, мы, де, готовы и пр. Но надежды на ответ невелики. Ведь МОПИ расформирован. А когда ещё соберутся его восстанавливать?! Да и соберутся ли? Но, так или иначе, а послал человек письмо. Утром сегодня я был на пробном уроке у одного студента, а затем пошёл в институт. По дороге выкупив в магазине последние 100 гр. сахарного песка, которые мне на февраль полагались (всего 300 грамм). В институте позвонили мне из междугородной телефонной станции: на завтра на 7 часов вечера вызывает меня на переговоры Новосибирск — значит у бедного Петра Андреевича что-нибудь с поездкой ко мне не вытанцовывается. Кроме него, меня некому из Новосибирска по телефону вызывать. Пойду завтра разговаривать. Вчера без малого весь день провёл в школе, где пятеро моих студентов давали один за другим вподряд пробные уроки. После уроков пошло их обсуждение, и в общем только-только к 8-м часам вечера освободился, а домой попал (после захода в институт за письмами и газетами) уж только к 9-ти часам. Зато сегодня был только один урок, а теперь до вторника не будет. Ещё одна неделя педпрактики, а там, с 9 марта, опять пойдут у меня лекции до середины примерно апреля. Потом студенты и многие преподаватели поедут в деревню на весеннюю посевную кампанию. Впрочем, в отношении II курса, на котором я читаю, ещё вопрос об их поездке на посевную не решён. Вот таковы здесь мои дела.

По поводу вашего письма скажу так. Я очень рад, что, как пишет Лёля, у вас вырабатывается иммунитет ко всяким переменам и осложнениям и здоровое понимание того, что коли живы будем, так и будем жить как-нибудь, не так, так иначе. Ведь, как какой-то умный и древний грек изволил выразиться: «всё

течёт, всё изменяется»[B]. И мы сами в том числе. Наша судьба у вас перед глазами. Потому в доказательство прозорливости этого грека приведу притчу из письма, полученного мною в четверг вечером. Это письмо от моего товарища по аспирантуре Александра Давидовича Эпштейна. По специальности он медиевист, т. е. знаток средневековья. Диссертацию защитил и работал в Московском Городском Педагогическом Институте. В последнее время встречался я с ним в октябре прошлого года в Кирове в Наркомпросе. Так вот пришло от

[A] Неточная цитата из стихотворения А.Н. Майкова. Правильно: «Весна! Выставляется первая рама — И в комнату шум ворвался, И благовест ближнего храма, И говор народа, и стук колеса» (1854).

[B] Это выражение приписывается древнегреческому философу Гераклиту Эфесскому.

него письмо: сам он мыкается в г. Соликамске в Учительском Институте на Северном Урале, живёт один в общежитии вместе со студентами, жена его в Алма-Ате (а работала она в редакции газеты «Известия», дети (2-е) в детсанатории в Казахстане). А жили все вместе в Москве.[A] Картина, правда? Счастливый семейный уголок, камелёк и пр.? Так-то, дети мои.

По поводу ваших деяний, которые описываете в письме, скажу — в общем, по-моему, хорошо. Хорошо, что Игорю выписали в Пречистом 10 литров молока. Уж если с известного млекопитающегося хоть шерсти клок получить приятно, то кольми приятнее (выражаясь оборотом покойного К. Пруткова) получить 10 литров молока по казённой цене хотя бы.

Хорошо, мне думается, и заявление в Ярославском областном управлении НКВД в отношении необходимости для Игоря и пр. приезда в Москву. Подобно вам больших надежд не возлагаю на действие сего заявления, но… толците и отверзется вам[B]. Как узнал я из «Советской Сибирской Энциклопедии», для поимки одной лисы необходимо установить не менее 10 западней: какая-нибудь да прихлопнет.

Хорошо, я считаю, и намерение Лёли через месяц ещё раз съездить в Ярославль. «Под лежачий камень и вода не течёт…», — говорила покойница бабушка. Правда, против этой пословицы было у неё же и противоядие, гласившее: «На одном месте лёжа и камушек обрастает…». Но всё же съездить в Ярославль стоит, по-моему: людей посмотреть и себя показать. Быть может, стоило бы написать с приложением всяких копий и направлений Райздравотдела, эвакспрaвок и пр. и пр. Также и в Ухтомское районное Управление НКВД. Ведь вам съезд нужен в Ухтомский район Московской области, а не в город Москву. Это существенно до некоторой степени, мне кажется.

Хорошо, что и в Пречистом не остались ночевать в доме подозрительном по своей грязи. Теперь-то именно грязи и всяких её спутников в виде насекомых и бойтесь.

Катя, есть Катя, тут уж ничего не попишешь.

Об однообразии своих писем зря пишите; письма не из пальца сосутся. Какая жизнь — такие и письма. А жизни своей смущаться, это что-то странное. Пишите, что думаете и как думаете, не мудрствуйте лукаво. Гонкуровской премии всё равно не получите ни вы, ни я.

Гогочка, дорогой, был рад прочитать, что тебе лучше, и твоё собственное письмо тоже рад прочитать[C]. Не трудно, так пиши и дальше. Лимон, брат, и у

[A] Данное предложение вписано над строкой.
[B] Цитата из Евангелия.
[C] Слова «тоже рад прочитать» вписаны над строкой.

меня всё обнажается и обнажается от листьев. Правда, показались и два молодых листка. Думаю, что к весне оправится и ваш, и мой.

До свидания, целую вас. С. Дмитриев.

P.S. Лёля, будешь в Ярославле, к услугам междугородного телефона прибегни.

48-е

Воскресенье 1 марта 1942. Сталинск.

Дорогие ильинцы, вот и март на дворе. У нас второй день весенняя погода. Вчера было +10°. Всюду капели, лужи, птицы пищат. Небо весеннее, бледное и голубое, солнце деловито работает. И даже что-то в душе вроде весенней «Тоски по родине».

Вчера отправил вам письмо, но сам писем не получал. Позавчера, между прочим, получил письмо ещё от одного скитальца, товарища моего по аспирантуре А.Д. Эпштейна. Впрочем, я вчера вам о нём уже написал притчу. А сейчас ему написал письмо.

Прервал это письмо, поел, отдохнул (дело в том, что утром я был в бане (в субботу из-за раннего пробного урока студента сходить помыться не пришлось)) и теперь дописываю это послание в бухгалтерии института, где по случаю воскресенья никакого нет. Пришёл в институт, чтобы в читальне взять новые газеты, а как получены, так и письма. Но… увы и ах! Ни писем, ни газет ещё сегодня не было. Всё же решил дописать вам письмо, не ожидая прихода вашего, и отправить его вечером, благо всё равно к 7 часам вечера нужно будет идти на почту (почта и междугородный телефон в одном здании — напротив звукового кино), так как я вам вчера писал, вызывает меня для переговоров Новосибирск, т. е., очевидно, Пётр Андреевич. Видимо, из его приезда сюда ничего не выходит, вот он и звонит.

От мамы что-то давненько писем не было. Последнее получил за № 4, а дальше и застопорило. Вероятно, почта капризничает. Ярославцы не густо пишут. Им, поди, не до писем, как Нина вам писала, «идёт борьба за существование». Да, весна на носу. Что-то она нам <u>всем</u> принесёт? И радостно, что зима уходит, что <u>эта</u> зима уже позади, и страшновато! Ну да бог не выдаст — свинья не съест. Самое страшное, мне кажется, уже позади. Но вообще-то ещё всего будет. Ломаю голову над вопросом — что делать? В Кусково, видимо, сейчас не вернуться, разве что к осени, к началу учебного года. Порвать здесь всё и поехать к вам? Но что же я буду делать в деревне, и долго ли без дела я там смогу пробыть? Ехать в Ярославль и пытаться устроиться в Ярославский педагогический институт? Но ведь год учебный кончается, летом я там не нужен, а до осени время ещё много. Закабалишься туда, т. е. в Ярославль, а вдруг воз-

никнет возможность вернуться в Кусково или вообще в Москву? Прямо ума не приложу, как говорится. Да и здесь сорваться и уехать, а вдруг да придётся всем обратный вояж предпринимать? А куда тогда прикажете путь держать? Правда, как-то не хочется верить в вероятность такой необходимости. Ну, а всё же? Так вот хожу, лежу, сплю, бодрствую, а всё об одном и том же думаю. Вам всё же нравственно (если не в бытовом отношении) легче: сидите вы плохо-плохо, а на месте, сидите вчетвером, есть с кем перемолвиться, и от Ярославля, и от Кускова в общем-то недалеко. Сидите и ждёте, как пойдут дела. А мне ведь что-то предпринимать нужно. Я — не на месте. Посоветоваться не с кем. У каждого заботы свои. Перепиской не поможешь: за месяц, пока письмами обменяешься, уже очень много воды утекает, теперь особенно — весна.

В общем, всё же я держу курс по-прежнему, т. е. на свой возврат. Буду пытаться в Кусково вернуться, хотя летом там в лучшем случае будет повторение обстановки прошлого лета. Да это-то меня не смущает. Ну, ладно, поживём — увидим. Или, как бабаня скажет: три к носу — всё пройдёт.

Прерву это письмо до вечера, а там на почте закончу после разговора с Петром Андреевичем (если он состоится).

Просидел в институте до 6½ часов, газеты принесли, но писем не было. Пойду теперь на телефонную станцию.

Дописываю в 7½ часов вечера. Сейчас говорил с Петром Андреевичем. Он жив и здоров, твёрдо надеется приехать ко мне 5–6 марта. В крайнем случае, если бы не удалось, он пришлёт вещи со знакомыми. В стремлении моём к возврату он меня поддерживает. Он считает, что теперь, исходя из общей обстановки, уже своевременно начинать хлопоты о моём возврате, если не в Москву, то хотя бы в Ярославль. Его квартиру в Москве заняли и заселили. Вам он шлёт привет. Предполагает к маю попасть на фронт. Пишите. С.Д.[A]

49-е

Понедельник 2 марта 1942.

Дорогие ильинцы, как идут ваши дела? Вчера после разговора по телефону с Петром Андреевичем послал вам письмо. Сегодня пишу новое. От вас же вчера и сегодня писем не было. Правда, они приходят как-то грудками, по 2–3 сразу после перерыва в 2–4 дня.

Пётр Андреевич сказал, что служебные дела задерживают его приезд сюда, ко мне. Но он всеми силами рвётся в эту поездку и думает, что вырвется и приедет числа 5–6 марта. Он очень хочет поговорить со мною. А я, понятно, с ним.

[A] Текст, начиная со слов «Он считает, то теперь», и до конца письма написан на левом поле оборота первой страницы.

На тот же случай, если бы ему всё же не удалось ко мне лично выбраться, он сказал, что тогда пришлёт с одним человеком вещи для меня (пару белья, фланелевые портянки, мыло и, кажется, немного каких-то сладостей). При разговоре сказал я ему о своём намерении пытаться сейчас (весною) вернуться в Швейцарский дом или, если туда не удастся, то хотя бы пока в Ярославль в педагогический институт. Он мне ответил, что, пожалуй, предпринимать попытки в этом направлении сейчас и своевременно, хотя нужно учитывать все же известный риск от пребывания в Швейцарском доме, особенно предстоящим летом. Тем не менее, его слова укрепили меня в прежде принятом решении — пробовать возвратиться. Правда, не знаю, что из этого получится. Больших надежд не питаю на успех. Но всё же нужно пробовать. Вам, я думаю, что тоже в этом направлении нужно продолжать действовать, хотя и не обольщаться быстрыми итогами своих действий.

Из текущих бытовых новостей расскажу такую. Сегодня получил разрешение на пошивку для себя кое-чего из одежды. Отправился с этим разрешением на швейную фабрику и заказал там сшить следующие вещи: 1) пару из тёмно-серого шерстяного материала, френч 4-карманный и брюки навыпуск (ввиду отсутствия у меня высоких сапог). К френчу думаю заказать внутрь под воротник съёмные белые из толстого полотна воротнички. Френч однобортный. Можно бы из этого же материала заказать костюм (т. е. вместо френча пиджак), но а) для костюма материал будет скучен, подкладочного материала нет, нужен свой. А у меня его тоже нет, и б) пиджак требует к себе верхних рубашек, а с ними у меня кризис не кризис, а туго; а рубашки заказать сейчас на фабрике нельзя, так как нет подходящего материала. Ждать же когда-то он будет, сами понимаете, не приходится. Френч ещё и тем удобен для меня, то будет иметь 4 накладных верхних кармана с пуговичками, т. е. застёгивающиеся. 2) Полупальто на вате и брюки на ватине (!! Вот штука-то!) из одинакового чёрно-зелёного (вернее, чёрного с малахитовой искрой, как бы сказал Гоголь) хлопчатобумажного материала. Полупальто будет выше колен, двубортное, со складкой сзади и хлястиком, с двумя боковыми наружными (как у пиджака) и двумя внутренними карманами. Полупальто это (нечто в роде тужурки) и брюки на ватине к нему, думаю, что заменят вполне отсутствующее драповое пальто. Цены божеские, заплатил авансом за всё (90% стоимости) 300 рублей, за 4 вещи это недорого. Понятно, цены казённые. Сшить обещали к концу марта. Примерку наметили на 8–10 марта. Стал закройщик меня вымеривать вдоль и поперёк, разговорились мы и что же? Представился он мне: Наум Давыдович Дорч, закройщик, правда, не из Торжка, а из «Ателье мод» у Крестьянской заставы! Выбрался с семейством 16 октября и прибыл в град Сталинск. Хорошо

знает Таганский район, Рабочую улицу, Рогожскую и пр., и пр. в общем — земляк и однокашник. Обещал по возможности ускорить шитьё моих заказов. Вот, право, куда ни кинь — всё найдёшь какого-нибудь человека из наших сограждан.

Таковы-то сегодня новости. Своими одёжными достижениями я доволен пока. Что получится, ещё не знаю (т. е. как сошьют), но всё же какие-нибудь вещи да будут. Да и Наум Давыдович, проникшись к моей особе уважением, думаю, что лицом в грязь не ударит. Так или иначе, а будет чёрному костюму смена в виде пары френча и брюк, да и для зимнего пальто смена подготовится. Вот только не представлю себе, как получатся брюки на ватине, носимые навыпуск, а не в сапоги. Посмотрю, может, от ватина и откажусь (в примерке). Полуобещали мне ещё, как будет подходящий материал, то изобразить что-нибудь из нижнего белья и рубашек верхних. Но, когда он будет? Улита едет… Но, хотя надежды питают только юношей, а старцам, как известно, подают лишь отраду, всё же буду пытаться соорудить себе что-нибудь вроде рубашек и белья. Да ещё Пётр Андреевич бельишка подкинет. Вот только как вспять возвращаться придётся, так лишний груз будет. Хотя и своя ноша, а тянет, ещё и как тянет! Правда, об этом рано задумываться. Придёт время — подумаю.

На этой неделе дела будет много. С того понедельника нужно начинать лекции читать, а я к ним не готов, далеко ещё не готов. Читать буду XX век, а я его плохо знаю. Книг нет. Придётся как-нибудь вывозить. Статья моя о Минине и Пожарском всё ещё света не увидела: с бумагой очень плохо.

Как Гогино здоровье? Что от ярославцев слышно? Я им пишу, но они мне редко. Не до этого, поди, им.

Погода стоит у нас весенняя. Сегодня дождь со снегом. Всё течёт.

Да, чуть было не забыл. Важная новость. Спал сегодня ночью — спал, да и увидел сон: на самом затылке у меня нахальная круглая противно-розовая лысина. Ну, прямо я не я, патер какой-то с тонзурой. Утром проснулся — затылок потрогал: нет, ещё есть порох в пороховницах, ещё не притупилась сабля казацкая.

Ну, до свидания. Пишите. С. Дмитриев.

50-е

Вторник 3 марта 1942. Сталинск.

Дорогие ильинцы, сейчас 9-й час вечера. Только что вернулся из института, куда ходил за письмами и газетами, поужинал (горячая отварная картошка в мундире — последний, несмотря на то, что картошка женского рода, беззастенчиво много перед съедением снимается с неё, солёные огурцы, белая булка и 2 стакана кипятка с гвоздикой для аромата) и сел вам отписаться.

Получил в институте письмо Лёли от 16/II, открытку Николая Леонидовича от 16/II и уведомление о вручении моего заявления на имя председателя Перов-

ского Совета депутатов трудящихся, заявление моё[A] было вручено тоже 16/II. Это заявление о возврате мне комнаты-библиотеки. Но оно уже, очевидно, было не нужно, так как, как я писал вам, Филинков ещё в телеграмме от 18/II извещал меня, что кабинет возвращён и всё цело, предлагая ждать письмо прокурора. Но письма этого до сих пор ещё нет. Вероятно, на днях будет.

Николай Леонидович пишет, что много работает, взял себя в руки и держится. Прислал, между прочим, адрес Г.А. Новицкого[B]. На всякий случай, сообщу его и вам: г. Ашхабад, Туркменской ССР, Учительский переулок, дом 12, кв. 8. Студенты там съехались, и они работают. Таким образом мои планы о получении вызова от Истфака МГУ, пожалуй, отпадают: истфак-то, очевидно, не на улице Герцена, д. 5, а в Ашхабаде. А менять Сталинск на Ашхабад что за резон? Да и историков в Средней Азии хоть пруд пруди. Один, быть может, резон только представляется: Сталинский Учительский институт в Москву не поедет. А Истфак МГУ в Ашхабаде не останется и, кроме Москвы, ему быть негде. А возвращаться с коллективом будет легче. Впрочем, все эти рассуждения, как говорится, разговор в пользу бедных и переливание из пустого в порожнее. Никто меня в Ашхабад, ведь, не приглашает… Что до неполучения вами писем от Николая Леонидовича — не знаю, что сему причина. Я получаю от него. Думаю, что и вам он пишет. Просто, поди, или письма теряются, или задерживаются. Во всяком случае, ты, Лёля, хорошо делаешь, что ему пишешь. Нужно поддержать человека.

Теперь по существу вашего письма. Пишите, что в Ярославле очень плохо с питанием («но в Ярославле кушать нечего, и не думай туда пробираться»). Я думаю так: буду стараться вернуться в Кусково весною. Хотя лето и предстоит там жаркое, но зато может квартиру отстою. Да, меня повторение обстановки прошлого лета, по правде сказать, нимало не тревожит и не страшит, а та перспектива, от которой нам всем в октябре предложили разъехаться, по-моему, более не грозит. Далее, если мне, хотя и мало надежд на это, всё же удастся в Кусково весною вернуться, то, полагаю, что вам вряд ли до осени туда придётся вернуться (если всё будет идти хорошо и в порядке). Теперь если бы мне не удалось к весне получить вызов для себя на приезд в Кусково, то я думаю попробовать устроиться временно в Ярославский педагогический институт. Буду при деле, поближе и к Кускову, и к вам, и со своими ярославцами. Правда, и этот план много подводных камней имеет. Из числа их: учебный год кончается

[A] Слово «моё» вписано над строкой.

[B] Примечание С.С. Дмитриева: «Который запрашивал у Николая Леонидовича мой адрес, очевидно, собираясь написать».

и к лету Ярославскому педагогическому институту я не нужен; а к осени только там закрепишься, вдруг возникнет возможность возврата в Кусково? Затем, ещё работает ли вообще Ярославский педагогический институт и нужен ли там историк СССР? Затем своим присутствием я ни ярославцам, ни вам не помогу. Вот только разве если бы, вопреки надеждам, довелось куда-нибудь дальше всем ехать, то вместе бы снялись. Но сняться то бы снялись, а вот куда бы курс-то держали? А пока всё-таки здесь, что-то вроде базы опорной. Ну, ладно. Пока[A] буду пытаться вернуться в Кусково[B]. О Ярославле с Наркомпросом переписываться обожду. Приезжать же мне просто так, на ура, без назначения нелепо. Ведь работы не найдёшь — и не пропишут. Приезжать к вам в деревню — тоже не знаю, есть ли смысл. Ведь без дела я у вас в деревне долго не пробуду, а какое же дело для меня в деревне?

Почему, Лёля, Андрей с семьёй в Астрахани? Он туда эвакуирован или сам просто перевёлся?

Не понял я, Лёля, о каком это Петре Николаевиче ты пишешь, что он недавно был в Ярославле два раза (кажется, на Всполье останавливался), а потом проехал в Любим. Сначала было, подумал, что речь идёт о Петре Николаевиче Филинкове, но потом вижу, что ниже о Филинкове писано. Или Пётр Николаевич — это один из гостей, о визите которых в Ярославль ты недавно писала?

Филинков, я думаю, что может быть и поможет. Я, по правде, на него больше надежды возлагаю, нежели на Катю. Сейчас жду от него письма. Я вам писал о его телеграмме от 18/II, которой он извещал о возврате комнаты. По времени письмо должно бы быть на днях. Я, и это вам писал тоже, ему перевёл телеграфом от 21/II 250 рублей денег для взноса квартплаты. Так что вы пока не переводите. На почтово-телеграфные расходы всегда перевести ему буде можно[C].

Я маму действительно заблаговременно поздравить забыл, но дня за три до 16/II вспомнил и поздравление вам и ей особенно послал и на открытке, и в закрытых письмах. Теперь уж, наверное, получили.

Рад, что празднество прошло у вас мирно и тихо. Хорошо, что вы сыты вполне, хотя бы и тяжёлой и грубой пищей. Вот Гогочке только бы нужно молока и яиц хотя бы. В этом письме что-то о его здоровье ничего не пишете. Лучше ему что ли?

Хорошо, что мои письма вносят к вам некоторое оживление. Я стараюсь писать ежедневно, хотя это и берет порядочно время. Во вчерашнем письме я

[A] Слово «пока» вписано над строкой.
[B] Далее зачёркнуто слово «пока».
[C] Далее зачёркнуто слово «пока».

описал вам свои одеждные[A] подвиги: заказ на пошивку полупальто на вате и брюк на ватине (одна пара из чёрного с прозеленью хлопчатобумажного материала) и френча и брюк из тёмно-серого шерстяного материала (другая пара). Обойдётся всё около 300 рублей. Таким образом одеждная проблема несколько проясняется. Пётр Андреевич думает всё-таки прибыть ко мне. В воскресенье говорил с ним по телефону. Его костюм теперь для меня будет, пожалуй, и лишним. Бельё же весьма кстати. Здесь попытаюсь также что-нибудь из белья раздобыть по казённым ценам. Полуобещают, правда, не сразу. Вот такие-то дела.

Досадно, что вам и негде и нечем мыться. Оно, конечно, человек не свинья — ко всему привыкает. В утешение ещё могу припомнить следующую мысль Маяковского:

«Причёсываться? Зачем же?
На время не стоит труда,
А вечно причёсанным быть
Невозможно». («Братия писатели» 1916[B])

Это — Гоге в особенности, с его вихром можно вспоминать.

До свидания. С. Дмитриев.

51-е

Среда 4 марта 1942. Сталинск.

Дорогие ильинцы, привет. Сегодня получил довольно много корреспонденции. Вот она: 1) письмо мамы от 15/II № 5 (№№ 1–4 пришли прежде), 2) письмо от Марголина от 20/II, 3) письмо от прокурора г. Москвы от 12/II, 4) телеграмма от Кати от 28/II.

Внимание! Передаю информации. (Глас вместо радио). Телеграмма Кати гласит: «Пока хлопоты безнадёжны Указанных лиц Москве нет Подробности письмом». Я писал Кате, чтобы она зашла на Истфак МГУ и поспрашивала, нет ли там моих товарищей по работе — Дружинина, Нечкиной и др., а ежели кто окажется там, то чтобы она поговорила о возможности моего вызова. Очевидно, Катя сходила и никого не нашла. Я знал прежде её телеграммы, что все эти лица всё ещё в Средней Азии. Но, конечно, когда я Кате писал, то точно мне ещё не было известно, где они. Таким образом проблема вызова меня Истфаком МГУ на время отпадает, по-видимому.

Краткое письмо прокурора Москвы является копией для меня со следующей бумаги, посланной 12/II-1942 за № гр 26.6.Б прокурором г. Москвы к про-

[A] Так в подлиннике — здесь и далее.

[B] Должно быть: 1917 г. Перифраз на стихи М.Ю. Лермонтова: «Любить — но кого же? на время не стоит труда...»

курору Московской области[A]: «Направляется жалоба гр-на Дмитриева на незаконное занятие его квартиры в Кускове — на рассмотрение. Прокурор Гражданского судебного отдела Степанова». Таким образом моё заявление от 27/II о возврате нам моей комнаты-библиотеки, адресованное прокурору Москвы, направлено было им 12/II прокурору Московской области. Из телеграммы Филинкова от 18/II я знаю, что комната была нам возвращена. Очевидно, прокурор Московской области в течение 6-днёвки от 12 до 18 февраля уже дал соответствующее распоряжение о возврате комнаты. В конце телеграммы Филинкова значилось: «Ждите письмо прокурора». Полагаю, что пришедшее сегодня письмо прокурора не является тем, о котором поминает Филинков. То, вероятно, ещё придёт. Жду сообщений от самого Филинкова; я ему перевёл 21/II 250 рублей для взноса квартплаты и телеграфных расходов. Как бы у него чего-нибудь не затормозило. В 20-х числа февраля он довольно часто мне телеграфировал, а сейчас что-то уже 10–12 дней молчат. Ну, ладно подождём.

Марголин пишет, что крайне бедствует с деньгами (работы почти нет, последняя получка за 2 недели выразилась у него в 70 рублях!), бельём и одеждой вконец обносился и оборвался, а его родичи в Уфе с питанием бьются как рыбы об лёд. Прислал мне свою фотокарточку — здорово похудел и осунулся. Жена его, Фира, в Казани поступила на какую-то службу, которую теперь как будто бы переводят обратно в Москву. Но она (Фира) колеблется ехать ли ей в Москву одной или к нему в Бирск. Он ей написал, что если есть для неё возможность, то, мол, пусть едет в Москву. Это я вам сообщаю для общей ориентации.

Письмо мамы с подробной передачей писем папы и Лены навело меня на грустные размышления. Но что, собственно, можно сделать и как им помочь — ума не приложу. Ведь главное в хлебе насущном. А в этом деле если бы и[B] я и все мы там были, то всё-таки, пожалуй, существенно ничем бы не могли облегчить их положение. А только ещё и сами бы с ними одинаково страдали без пользы и для них, и для дела. Деньги папе переводите. Правда, для вас затруднение будет ходить в Макарово. А из Пречистого этого нельзя как-нибудь наладить?

Картина, описанная в письмах папы и Лены, серьёзно заставляет меня задуматься относительно намерений пытаться, если не удастся весною вернуться в Кусково, то, по крайней мере, переехать в Ярославль. Пока я решил зондировать почву насчёт Кускова, а об Ярославле помолчать до поры до времени.

[A] В феврале 1942 г. прокурором Москвы был Павел Николаевич Самарин. А прокурором Московской области — Павел Яковлевич Аленин.

[B] Слово «и» вписано над строкой.

Порадовало меня в письме бабани сообщение о том, что у Гоги t^o нормальная. Как вы провели день 16 февраля, я уже знаю из вчера пришедшего письма Лёли от 16/II. Кстати, чтобы больше со мною не было конфузов с опозданиями в поздравлениях, напишите вы мне, пожалуйста, о том, кто и когда у нас какие дни торжествует. А то ведь я ведь и свой-то не вспомню иной раз, а о прочих и подавно могу упустить из головы.

Из текущих малых новостей: вчера получил открытку от Николая Леонидовича от 16/II. Он жив и здоров, от меня почему-то не получает писем, тревожится уж грехом не захворал ли я. Думаю, что и вам он писал. Возможно, письма не дошли. Прислал мне адрес Г.А. Новицкого. На всякий случай, вот он: г. Ашхабад, Туркменской ССР. Учительский переулок, дом 12, кв. 8. Я сегодня Новицкому послал письмо. Николаю Леонидовичу тоже.

Сегодня в здешней газете, наконец, помещена моя давно сданная статья о Минине и Пожарском. Завтра вам её пошлю бандеролью. Ещё ранее послал вам 2 газеты со статьями о Кутузове и Суворове.

Сегодня просили меня прочитать во Дворце металлургов вторую лекцию о Суворове в день 8 марта. Я отказался читать в этот день: во-первых, я занят буду тем, что с 9/III придётся начинать в институте читать XX век, нужно много готовиться. А во-вторых, потому что Суворов был человек щуплый, женщин сторонившийся и признававший, кажется, всерьёз, что курица не птица, а баба не человек. Как же после этого о нём читать в день 8 марта, когда все длинноволосые ликуют? Лекцию перенесли на следующее воскресенье, т. е. на 15/III.

В воскресенье это говорил по телефону с Петром Андреевичем. Он всё-таки рассчитывает сюда приехать числа 5–6 марта. Буду его на этих днях поджидать. Хотя от себя он и не зависит.

Как, Гога, твои дела? Так, видно, программы тебе и не пришлют, черти полосатые. Всё-таки ты за зиму, имея учебники, что-нибудь проделал, вперёд двинулся или только «вообще» их почитывал? Покайся, брат, благо сейчас идёт великий пост. Для покаянья (если есть в чём каяться) время подходящее.

Ну, вот, кажись все новости, какие со вчерашнего вечера накопились, вам сообщил. До свидания. Время 11 часов вечера. Сейчас немного почитаю и к Александру Васильевичу не Суворову только, а Храповицкому.

Пишите, адрес старый. С. Дмитриев.

P.S. Подумать только! Вы пишите. Что получили моё 28-е письмо, а уж я накатал 51-е! Будет ли когда издано собрание моих писем?[A]

[A] Последний абзац написан на левом поле четвёртой страницы письма.

52-е

Пятница 6 марта 1942. Сталинск.

Суббота 7 марта.

Дорогие ильинцы, от вас два дня писем не было. Вчера пришли два письма: одно от папы от 18/II со вложением записочки некоего Б.И. Рыскина[A], одного моего шапочного знакомого, и другое от Лены от 21/II. Пишут, как живут, что поделывают. Папа развивает план на лето, состоящий в том, что Лена с Лёней обменяют свою квартиру на большую, так чтобы в ней нашлось и для папы место. Лена в своём письме говорит, что они будто бы неоднократно предлагали папе перебраться к ним, если не совсем, то хотя бы на зимние холодные месяцы, но он не больно-то соглашался на эти предложения. Папа пишет, что с большим нетерпением ждёт апреля-мая. Вернее, (как он выражается) моего приезда и дней, «когда вы будете все вместе». Записка Рыскина сообщает, что в Ярославском институте, пожалуй, для меня не приходится рассчитывать на работу. Он пишет: «О работе Института писать нечего, студентов мало, преподавателей достаточно, нужен работник по истории СССР XX века, НКП[B] обещал подобрать. Вот и всё».

Рыскин не так давно кончил аспирантуру в ИФЛИ, кажется, специалист по средним векам. Познакомился я с ним в сентябре прошлого года, и так как он преподавать ездил в Ярославль, имея квартиру в Москве, то я с ним как-то послал тогда небольшую посылочку папе. У него семейно-служебные дела не в порядке. 2½ месяца разъезжал он по Союзу, разыскивая свою эвакуированную из Москвы семью, которая отправилась из Москвы в неизвестном направлении, когда он был в Ярославле. Наконец, нашёл их в посёлке Северо-Казахстанской области, где они и теперь, как он говорит, бедствуют. Но, найдя их, он вернулся в Ярославль в институт на работу. Однако его место уже было занято другим. Он перешёл на часовую оплату и со 2/III, закончив свой курс, остаётся без дела. Спрашивает меня, нет ли вакансии в здешнем институте. Вот какие все идут нелепые дела. Да, между прочим, Рыскин сказал папе, что обо мне очень хорошо отзывался Копорский, который теперь в Ярославском педагогическом институте.

Лена сообщает, что её и Лёню прикрепили теперь к столовой по месту работы, и они берут обеды (не мясные) на дом.

Папа, между прочим, пишет, что он тоже писал Филинкову, но ответа не получил. Хотя я и не понял, на какой адрес он писал. Он сообщает, что адрес Филинкова в Перово на артель «Обувщик» у него давно есть, но не пишет ясно,

[A] Так в подлиннике (здесь и далее). Правильно: Рыськин.
[B] Наркомпрос.

что слал письма и на этот адрес. Вообще за последние дни я начал тоже беспокоиться по поводу молчания Филинкова. Последнее известие была[A] от него телеграмма от 18/II: «Кабинет вам возвращён книги квартира диван шкаф кабинете всё осмотрел цело ждите письма прокурора Присматриваю Филинков». Понятно, эта телеграмма меня очень обрадовала. Я её получил 20/II, а 21/II послал ему на Перово телеграмму и перевёл телеграфом 250 рублей для уплаты квартплаты. Но с той поры от него ни слуху, ни духу. Не стряслось ли с ним чего или не уехал ли и он куда ещё? Беспокоят меня не 250 рублей. А самый факт его молчания и то, что если и его дома не будет, то потеряешь последнюю живую связь на месте. Ну, ладно, подожду ещё немного. А то буду наводить справки о своём переводе. А, может, ещё и от вас придёт известие о судьбе вашего перевода на адрес Музея.

Письма прокурора с решением о возврате мне комнаты-библиотеки я тоже ещё не получал. Пришло только краткое извещение от прокурора Москвы о том, что моё заявление на его имя отправлено [в] Московскую Областную Прокуратуру 12/II.

Здесь у меня особых новостей нет. Сегодня — последний день педагогической практики. Послезавтра в понедельник начну читать лекции, каждый день, кроме вторника, по 2 часа день. Закончу к середине апреля. Что дальше — видно будет, сказать трудно. Сейчас день меняет многое, а не то, что месяц. Поживём — увидим.

Сегодня получил после продления свою броню. Продлили её по указанию Наркомпроса, как одному из имеющих степень и звание в здешнем институте, надолго, а именно до 1 января 1943 г. Понятно, эта броня по службе данная, т. е. по службе в этом институте. При переходе на другую работу нужно будет получать другую броню по новому месту работы.

Искал на этих днях какой-нибудь дешёвенький меховой воротник (вроде цигейкового, например) к своему будущему полупальто, о заказе которого я вам уже писал. Но ничего не нашёл. Обойдусь и так.

Пётр Андреевич всё ещё не приехал. Видно, несмотря на большое желание, ему всё-таки не выбраться сюда. Находясь на службе, да ещё военной, не так-то просто взять, да и поехать куда угодно. Правда, во время последнего телефонного разговора 1/III он говорил уверенно о приезде 6–7 марта.

Кстати о телефонных разговорах. Папа пишет, что, по его сведениям, из их города поговорить с Москвой будто бы весьма трудно. Но, очевидно, всё же не невозможно.

[A] Так в подлиннике.

Вот, пожалуй, и все новости. Жду писем от вас. Сейчас время[A] движется к 7-ми часам вечера. Пойду в институт за газетами и письмами, а оттуда пройду на почту, отправить это письмо. Допишу его в институте, может, там ещё что будет.

В[B] институте нашёл 4 письма: от мамы от 19 и 22 февраля, от Лёли и Гоги от 20/II и от Дмитрия Леонидовича Рубинштейна из Томска от 25/II. Так как почту скоро закроют, а я хочу сегодня это письмо отправить, то посылаю так, не вполне дописав. Завтра новое пошлю.

Целую вас. До свидания. С. Дмитриев.

53-е

Воскресенье 8 марта 1942. Сталинск.

Дорогие[C] мои ильинцы, поздравляю вас в международный женский день, благо вас там женщин много. Я по случаю этого праздника рано утром (позднее громадные очереди) сходил в цирюльню и снял свои лохмы. А то не стригся уже месяца 1½ и сильно зарос. Между тем завтра нужно начинать лекции читать, вчера педпрактика закончилась.

Вечером вчера получил четыре письма. Три ваших (бабани от 19/II № 6 и от 22/II № 7, и Лёли с Гогой от 20/II) и четвёртое от Дмитрия Леонидовича и Нины Бернардовны от 25/II.

Рубинштейны пишут, что успели выехать из дома 14 октября в страшной горячке и суматохе. Узнали они о необходимости выехать ночью, а поезд увёз их в 8 часов утра. Понятно, что сумели кое-что ночью похватать с собою, но, понятно, много самонужнейшего не захватили. Живут в Томске помаленьку. Нина пишет: «Городишка[D] очаровательный, похожий на большое село. Но жить очень скучно. Знакомые — почтенная профессура, грызущаяся из-за каждого пустяка. К сожалению, никакой надежды на возвращение нет». Дмитрий Леонидович, между прочим, пишет, что сейчас попасть в Москву почти невозможно: перевод туда осуществляется только по специальному вызову наркома, визированному председателем Моссовета. Правда, речь идёт о возврате через перевод по службе. Но в общем всё же малоутешительно. Однако, так или иначе, а нужно действовать, быть может, как-нибудь и выкарабкаемся. Я с тобою, Лёля, согласен, что самое лучшее было бы объединиться в Швейцарском доме нам всем. Но во 1) выбраться туда зависит не от нас, к сожалению, 2) если и удастся выбраться теперь или вообще весною, то всем ли, и таким образом, произойдёт

[A] Слово «время» вписано над строкой вместо зачёркнутого «дело».
[B] Далее письмо написано другими (чёрными) чернилами.
[C] Далее зачёркнуто слово «ярославцы».
[D] Так в подлиннике.

ли всеобщее наше объединение? И в 3) нужно помнить о предстоящем лете. Меня лично повторение обстановки прошлого лета не пугает и не смущает, но за вас я боюсь в этом отношении. Особенно меня тревожит состояние здоровья Игоря. Ведь кушать-то в Швейцарском доме вряд ли ему придётся лучше, чем в Ильинском. В лучшем случае — не хуже. А обстановка-то будет всё же куда более беспокойная. Только одно то, что, может быть, будем все вместе и на своём месте. Да и то, может быть, будем. В апреле я здесь, верно, курс окончу, останется приём экзаменов. От экзаменов можно бы отделаться. Но, спрашивается следующее, что же дальше? Ехать в Швейцарский дом без вызова я не могу. Получить его (вызов)[A] теперь, когда почти все учебные заведения вокруг Швейцарского дома не работают, а учебный год кончается, надежды очень невелики. Ехать к вам в деревню, отказавшись здесь от работы и потеряв комнату? Но ведь правильно Лёля пишет: в деревне мне делать нечего. А без дела долго не нагуляю, не придётся. И вам не помогу, и себе не улучшу. Ехать в Ярославль? Тут такие возражения: без вызова и назначения в Ярославский пединститут туда мне не приехать (просто не пропишут). Кушать там придётся, пожалуй, ещё скромнее, чем в Швейцарском доме, а шумно тоже может быть. Вам перебираться в Ярославль в том случае, если бы я туда устроился, — тоже подумаешь, как вспомнишь о картинах, какие вы и ярославцы рисуете. Из записки Рыскина, вложенной в папино письмо, я знаю, что потребности в историке СССР XIX в. в Ярославском институте, кажется, нет.

Плюсы в возможном моём переезде в Ярославль я могу только такие усмотреть: я буду не совсем один, я буду ближе и к вам, и к Швейцарском дому. Плюсы немаловажные.

Теперь в отношении мыслей бабани о том, что не известно, кому к кому придётся ехать. Я скажу так. Ведь подобная неизвестность будет, по крайней мере, до лета, если не до осени. Значит, что же до прояснения этой неизвестности и вам и мне продолжать оставаться на своих местах? Или, как пишет бабаня, может быть, Лёле с Игорем весною поехать сюда ко мне? Но для этого нужно решить, прежде всего, пока оставаться и мне и вам на своих местах. Конечно, если бы знать, что 1) придётся ещё с год-полтора года прожить не в Швейцарском доме и если бы 2) быть уверенным, что здесь будет хорошо с питанием, то, быть может, на это бы и нужно ориентироваться. Но первого мы совсем не знаем. А в отношении второго прямо можно сказать, что нельзя в этом быть уверенным. Уже сейчас у нас здесь сильно изменилось с питанием и не в лучшую сторону. «Гастроном», по-видимому, отходит. Он пустует с 20-х чисел

[A] Слово «(вызов)» вписано над строкой.

февраля: сливочного масла, колбасы и пр. уже не появляется. Очень редко, 1–2 раза в неделю, продают рыбу, водку, табак. Но хватает их на 2–3 часа. В столовых коммерческий хлеб исчез, к обеду нужно приносить или свой кусок, или вырывать талончик из карточки. У нас в буфете в институте коммерческий хлеб тоже теперь уже не продаётся. Я перешёл в основном на столовую, беру одно второе блюдо домой к ужину. В общем, одному ещё кое-как вертеться можно[A]. На базаре цены такие: мясо — говядина 70–80 рублей кило (в очередь и не всегда есть), картофель 35–40 рублей ведро. Лук крупный по рублю за луковицу, морковь — рубль штука. Понятно, подходит весна, а весною всегда со снабжением трудно. В общем-то я думаю, что относительно подхода[B] здесь всё же будет лучше, чем в ваших краях или в Ярославле. Но безотносительно, и здесь можно будет всего натерпеться. Законы мены тоже вступают в силу.

Ну, ладно, родные. Написал вам всё, что думал, все свои вопросы. Задаваясь ими, всё же пока остаюсь ещё при старом решении — стараться и хлопотать вам и мне о возврате в Швейцарский дом к весне-лету. Ну, а не выйдет — тогда увидим. Теперь, если бы неожиданно совершенно перед вами вскоре возникла вдруг грозная необходимость уезжать, то, понятно, ориентируйтесь на меня.

Теперь текущие новости и мелочи.

Вчера получил для себя продлённую броню до 1 января 1943 г. На такой долгий срок дали мне по указанию центра, Наркомпроса.

Кто такой Дмитрий Дмитриевич, о котором помянул Николай Леонидович, не знаю. Наверное, сосед по квартире. При отъезде я знаю, что Николай Леонидович уплатил за 6 месяцев вперёд за квартиру[C]. Наверное, платит и теперь. Без вызова, понятно, и Николай Леонидович не приедет.

Тревожит меня, что от Филинкова давно нет известий, ничего я не получал после телеграммы от18/II. Кажется, плакали наши денежки (ваши 50 и мои 250). Вероятно, с ним что-нибудь стряслось.

Совет мамы насчёт починки серой рубашки я давно получил. Но ещё его не использовал. Постараюсь заказать новые рубашки. Бабане советую спать получше. Сон — силы бережёт, а нам ещё много-много сил нужно.

С ТОНО, Лёля, старайся наладить связь. Гогочка, у нас всё была весна да весна, а сегодня выпал большой снег. Но в общем-то тепло и воздух весенний. Целую вас. Пишите. С. Дмитриев.

[A] Примечание С.С. Дмитриева, написанное на левом поле третьей страницы письма: «Так что вы тревоги обо мне не бейте».

[B] Так в подлиннике.

[C] Слова «за квартиру» вписаны над строкой.

P.S. Дописываю в 5 часов вечера. Сидел у одного знакомого днём (бывший аспирант ИФЛИ), слышал, что в наших палестинах на днях гости были. Так как этот знакомый имел лишний билет в кино звуковое, то я и решил вместе с ним сходить впервые здесь в кино; идёт хроника, киносборник № 5. Кино почти против почты, заодно опущу вам письмо. Слышал в разговоре, будто[A] бы здесь много пчеловодов вокруг в колхозах и летом бывает на базаре мёд. В «Гастрономе» сегодня была копчёная селёдка, но недолго, а очередь была очень велика.

54-е

Вторник 10/III-1942. Сталинск.

Дорогие друзья, вчера получил два ваших письма бабани от 25/II № 8 с Фириным письмом вместе и Лёли и Гоги от 26/II. Был ими очень доволен, особенно вложенным письмом Фиры. Так как, когда я уезжал, у меня осталось впечатление, что Фира захворала очень тяжело и вряд ли быстро оправится. Но, как видно из её письма, дела её в больницах пошли хорошо, и теперь она уже домой вернулась. Это приятно. Ведь в октябре у неё случилось острое психическое расстройство в тяжёлой форме. Понятно, писать ей прямо о её болезни не следует. На вопрос Лёли могу ответить: Фира в Музее была сокращена ещё в сентябре прошлого года, и с той поры, конечно, не работала, странствуя по разным лечебницам. Сейчас, думаю, что в Музее она тоже не работает. Вряд ли штат Музея нуждается сейчас в расширении. Письмо Лёли к Фире с просьбою потолковать с Литвак, по-моему, очень рационально. Стоит ей же ещё написать и насчёт сохранения нашей квартиры, чтобы она с Литвак поговорила. Тем более, что я написал и послал заявление о занятии библиотеки на имя председателя Перовского Совета, не зная, конечно, что председатель — Литвак. Я Фире и сам об этом напишу. Не знаю, подчёркиваете ли вы[B] в ваших хлопотах о своём возврате мысль о том, что вам нужно вернуться не в город Москву, а в Ухтомский район Московской области. Я вам об этом писал.

Теперь далее из небольших вопросов.

Письмо Сергея Васильевича с запиской Рыскина я получил. О Рыскине я уже писал вам, но кратко повторю. Это — один из шапочных знакомых, историк средневековья. Жил он в Москве, но работал в Ярославском педагогическом институте ещё и до войны, выезжая для чтения лекций на 2–3 недели, а затем возвращаясь домой в Москву. В начале октября, кажется, он как раз выехал в Ярославль в очередную поездку. Я с ним послал маленькую посылку па-

[A] Текст письма от «PS» до слова «будто» написан на левом поле четвёртой страницы письма; отсюда и до конца письма — на левом поле второй страницы письма.
[B] Слово «вы» вписано над строкой.

пе. Но вернуться как обычно в Москву Рыскин уже не смог по независящим от него обстоятельствам. А семья его, между тем, была эвакуирована из Москвы, и он даже не знал куда. Сорвался он из Ярославля и поехал, как он пишет, колесить по Союзу в поисках своей семьи. 2½ месяца проездил и, наконец, нашёл их в Северо-Казахстанской области, неподалёку от здешних краёв. Но, когда он вернулся в Ярославль, то там его место было уже занято в институте, и он перешёл со штатной должности на почасовую оплату. А часы его курса исчерпывались к началу марта. И он, следовательно, остаётся в Ярославле без работы, без семьи и без надежды сейчас вернуться в Москву. Вот он в своей записке ко мне и спрашивал, нет ли в нашем институте или где поблизости работы для него. Если бы работа была, то ему был бы смысл за неё уцепиться, тем паче, что, получая работу здесь, он бы мог сравнительно легко соединиться с семьёй, бедствующей, по его словам, в этих краях. Вот, пожалуй, и всё о Рыскине.

Далее. Я считаю, что вы можете мне (когда я напишу или дам телеграмму — «шлите вызов») прислать простую телеграмму насчёт срочной необходимости перевозить Игоря в связи с его болезнью. Или, если это не представит особых затруднений, то заверьте телеграмму в сельсовете. Правда, я теперь серьёзно задумываюсь над тем, нужно ли мне, как только кончу здесь курс (т. е. к середине апреля), тотчас же пытаться уйти из здешнего института и ехать к вам в деревню. Ведь вам помочь я ничем не смогу. Для меня хлопотать о возврате в Москву из деревни будет ещё труднее, чем отсюда. Работу я потеряю, квартиру (т. е. комнату) тоже. Уходя с этой работы, я должен буду сдать и свою броню, которая хотя и имеет до известной степени условное значение, но всё же предоставлена мне до 1 января 1943 г. Поэтому я сейчас пока утвердился в таких мыслях: буду хлопотать о возврате весною домой в Швейцарский дом; до получения перевода и вызова, пока буду держаться за здешний институт. Мне кажется, что при настойчивости меня здесь отпустят, тем более, что в самом институте после апреля и до осени, т. е. до нового учебного года у меня, по-видимому, реальной педагогической работы не будет. Так что, если бы возникла необходимость уйти отсюда, то я как-нибудь бы выбрался. Думаю, что текст вызывной телеграммы мог бы быть примерно таким: «Немедленно приезжай связи срочной необходимостью перевозить Игоря больницу Москву. Одна не могу. Дмитриева». Может, что нужно по-вашему переменить — подумайте.

Теперь по поводу ваших беспокойств в связи с февральским постановлением об эвакуированных и их квартирах. Я было тоже, прежде чем его сам прочитал (а потом и с юристом переговорил), тоже сильно обеспокоился, но потом понял, что прямо и непосредственно оно нас (ни вас, ни меня) не затрагивает. В постановлении очно говорится о рабочих и служащих предприятий (фабрик и

заводов), эвакуированных на восток и выехавших с этими предприятиями в связи с эвакуацией данных предприятий, в которых они работали. Ну, а вы? Вы эвакуированы не с предприятиями, а как женщины и дети, да ещё больные дети. Теперь я эвакуирован вовсе не с предприятием. Таким образом прямо и непосредственно это постановление нас не касается ни в малейшей степени. Косвенно же при расширительном (но незаконном) истолковании — мало ли кого оно может затронуть. Во всяком случае, вы, дорогие друзья, будьте спокойнее и трезвее, не пугайтесь зря разных жупелов и не нервничайте. Особенно загадывать вперёд теперь, верно, не приходится. Но от этого не следует бездействовать. Попытки возврата следует предпринимать одну за другой, не падая духом, не рассчитывая на быстрые успехи, не огорчаясь молчанием того или иного[A] учреждения, не обольщаясь надеждами. Но, внимательно прислушиваясь к тенденциям нового постановления, следует усиленно предпринимать хлопоты о возврате. Может быть, чего-нибудь и добьёмся.

Теперь, судя по телеграмме Филинкова от 18/II, которую я вам сообщил, мои заявления и хлопоты о возврате комнаты всё же дали некоторые результаты. Комната, по-видимому, возвращена, и Музей, во всяком случае, получил основания задуматься. К сожалению, после телеграммы Филинкова больше ничего от него не было. Бабаня пишет, что вы получили письмо от Филинкова, но не сообщает, от какого числа (это всегда нужно писать, если на самом письме нет даты, то хотя бы по штемпелям).

Вчера же пришло письмо от Музея от 20/II. Это копия извещения дирекции Музея керамики в Кускове, посланного в ответ на запрос Перовского прокурора т. Выборнова по возбуждённому мною делу о квартире и имуществе. Извещение подписано директором Музея депутатом Мосгорисполкома Ахметьевым. Суть извещения такова: квартира была вскрыта 15.I по согласованию с Перовской милицией комиссией в составе коменданта Н.В. Васильева, вахтера Музея В.И. Кузнецова и пожарника П.Д. Пронина. «В настоящее время квартира С.С. Дмитриева находится в том состоянии, в каком он её оставил, 3-я изолированная комната-кабинет освобождена для нужд Музея; библиотека и архив в полной неприкосновенности перенесены в жилую квартиру т. Дмитриева. Вне зависимости от личных беспокойств проф. Дмитриева через прокурора указанное имущество и библиотека были бы также сохранены, как и государственное имущество». Сегодня-завтра пошлю письмо Перовскому прокурору об охране моих прав на квартиру, а не только об охране имущества. Интересно, не знаком ли А.С. Киселёв с этим Ахметьевым, депутатом Мосгорисполкома? Ведь Кисе-

[A] Слово «иного» вписано над строкой.

лёв, кажется, тоже депутат Мосгорисполкома? Черкните, на всякий случай запрос[A] об этом Наташе. Ну, вот все новости. Пишите. Гоге привет. «Жизнь растения» — книга интересная.

P.S. Получил сейчас письмо от бабани от 27/II № 9. Адрес Лёши: Ленинград, «14». Басков переулок, дом 6, кв. 28. А.Г. Иванов[B].

55-е

Среда 11 марта 1942. Сталинск.

Дорогие ильинцы. Вчера получил два письма и отправил одно. Два пришедшие письма это — одно от Петра Андреевича от 6/III и другое от бабани от 27/II № 9. Мною отправленное это — письмо вам (54-е).

Сообщу текущие небольшие новости.

Пётр Андреевич пишет, что ему страшно не везёт. На 6/III получил уже командировку в Сталинск, съездил на вокзал и заказал билет, как вдруг вечером 5/III приехал начальник и отменил его поездку. Далее предложили ему новое место преподавателя[C] в одном из военных училищ. Он категорически отказался, сказав, что он добровольно поступил в армию с непременным условием быть направленным в действующую армию. По его мнению, уж если его всё же на фронт не пошлют, то, возможно, демобилизуют, и тогда он хочет поехать в Москву, чтобы там добиваться направления на фронт. Сюда ему, очевидно, уже не выбраться. Пишет, что числа 12-го пришлёт мне с попутчиком посылку. Такова первая текущая новость.

Вторая. Вчера переменили нам карточки и вместо категории служащих выдали карточки категории I рабочей. Таким образом нормы продуктов повысились. Теперь я буду получать хлеба не 500 грамм (как эвакуированный из Москвы; все прочие преподаватели — местные люди получали по 400 гр.; интересно, почему вам дают по 400 гр.? По-моему, должны бы по 500 гр. тоже; узнайте), а по 800 гр. в день. Соответственно увеличились нормы и других продуктов. Это я вчера же испытал. И тут — третья — новость.

Пошёл взять в Военторг (магазин) хлеба по новым карточкам на 2 дня, т. е. 1.600 гр., гляжу, выдают рыбу. Рыба двух сортов — небольшие копчёные селёдочки и балык. Так как селёдки я почти ежедневно беру к обеду в столовой, а иногда, взяв две порции — одну селёдку уношу домой, то я и решил взять ба-

[A] Текст от слов «на всякий случай запрос» до конца абзаца написан на левом поле четвёртой страницы письма.

[B] Этот абзац написан на левом поле первой страницы письма.

[C] Текст письма от «PS» до слова «будто» написан на левом поле четвёртой страницы письма; отсюда и до конца письма — на левом поле второй страницы письма.

лыка. Свесили[A] мне почти целую рыбину большую и жирную. По неразумию своему я, было, попросил дать мне от головы, а хвост оставить магазину. Но тут женщина какая-то из очереди говорит, да что вы не знаете, что у рыбы самый-то жир и идёт к хвосту. Вняв её совету, я взял рыбу с хвостом (т. е., конечно, без самого хвоста, но к хвосту). Вытянула она 1.200 гр. Кило стоит по карточкам 25 рублей, а в «Гастрономе», когда раньше её там продавали, то по 42 рубля кило. (Ещё на 600 гр. рыбы или колбасы осталось у меня талонов). Постараюсь взять колбасу.

Вот текущие небольшие новости.

Письмо бабани не содержит вопросов или особенных новостей. Интересно увенчается ли успехом странствие Серафимы Галактионовны в Данилов за козой. Раздобыться козьим молоком вам бы не плохо было.

Беспокоит меня, что от Филинкова давно уже не было известий. Ещё несколько дней подожду, а потом буду через телеграф узнавать, доставлены ли мои деньги (250 рублей), когда и кому вручены. Сегодня буду писать ещё Фире, и, может быть, напишу Перовскому прокурору в дополнение к тому извещению, которое направил ему Музей и копию с которого Музей мне прислал.

Задерживает меня несколько только такое соображение: не знаю, стал ли Музей принимать с нас квартплату. Если по-прежнему не берет, то об этом бы тоже нужно было в письме к прокурору написать. Если же он принимает плату, то не стоит после драки кулаками махать и зря отношения обострять. Между прочим, сопроводительную бумажку ко мне из Музея, мне кажется, подписал С. Кузьмин. Если это Семён Степаныч (так, кажется, его зовут?) Кузмин, бухгалтер Музея, то Лёля, ты могла бы в письмах Фире вложить для него небольшое дружеское послание с просьбою не чинить препятствий и без шума принимать с неё квартплату. Если же это не он, то тогда Фира и не передаст это послание. Думаю я ещё насчёт квартиры написать лично Литвак. Когда-то шапочно я с ней знаком был.

Да, вот ещё какую новость слышал. Работает в нашем институте одна эвакуированная с сыном из Москвы, из Сокольнического района, учительница. На днях получила она из Москвы письмо от 26/II, от друзей из Сокольнического РОНО. Сообщают ей, что Мосгороно по поручению Мособлоно запросило все Районо г. Москвы представить списки всех директоров, завучей и учителей всех московских школ на начало июня 1941 г., т. е. до войны[B], с указаниями кто где находится, кто в Москве, но не в школе, кто эвакуирован из Москвы и куда,

[A] Так в подлиннике.

[B] Слова «на начало июня 1941 г., т. е. до войны» вписаны над строкой.

и что он там, в новом своём местопребывании делает. Списки эти будто бы для того нужны, что предположено к осени восстановить сеть московских школ и, следовательно, летом вызвать кого нужно. Разумеется, коли всё вообще будет идти в порядке. Поэтому ты, Лёля, не смущаясь молчанием, бомбардируй письмами ТОНО. Адресуй то секретарю ТОНО, то заведующему ТОНО, то в отдел кадров ТОНО, то, наконец, заведующему МосГорОно. Нужно о себе напоминать. Нужно, чтобы о тебе и твоей готовности помнили. Насчёт запроса в Кусковскую школу — нет ли там вакансии — я тебе уже писал. Почему бы не попробовать? Стоит, по-моему.

Ну, вот, кажется, и всё основное. До свидания. Главное, друзья, держитесь бодрей и смелей. Решительное время не за горами: весна-лето — рукой подать. А там уж или все в Швейцарский [дом] (или ещё куда в Москве или под Москвой), или ко мне, или я к вам. С. Дмитриев.

P.S. Приписываю в 7 часов вечера. Сейчас получил телеграмму от Филинкова. Деньги передачи получил. Адрес Клавдии: Фрунзе, Киргизская[A] ССР, улица Сталина, д. 105. Жукова-Филинкова. Итак, Филинков действует[B]. Это очень хорошо, телеграмма его дана 6/III. Адрес Клавы я сам у него запрашивал на всякий случай. Хотите, напишите ей, чтобы узнать, как люди во Фрунзе живут. Привет. С.Д.[C]

56-е

Четверг 12 марта 1942. Сталинск.
Пятница 13/III-42.

Дорогие друзья, начинаю это письмо сегодня, а закончу, вероятно, завтра, так как сейчас три часа, четвёртый в начале. К 4-му нужно мне пойти на примерку своих заказных вещей (одежд), в 5 часов 20 минут начинаются лекции. У меня одна, значит, освобожусь к 7 часам. Зайду потом в институт — не будет ли письмишка. А там домой, да и спать. Я теперь ложусь рано, в 10, в начале 11-го. А встаю со светом, т. е. сейчас в 7 часов утра. С 8 утра уже совершенно светло и можно писать.

Со вчерашней почтой получил только одну телеграмму Филинкова от 6/III (шла она 5 дней из Перова). Вот её текст: «Деньги передачи назначению получил. Адрес Клавдии: г. Фрунзе, Киргизской ССР, улица Сталина, д. 105. Жуко-

[A] Далее зачёркнуто слово «улица».
[B] Текст письма от «P.S.» до слова «действует» написан на левом поле первой страницы чёрными чернилами.
[C] Текст от слов «Это очень хорошая телеграмма» до конца письма написан на левом поле второй страницы письма.

ва-Филинкова К.В.» Эта телеграмма меня обрадовала, так как я уже было начал беспокоиться о Филинкове, и о своих (250-ти) и ваших (50-ти) рублях, которые мы ему перевели. Но, оказывается… жив курилка!! Теперь думаю, что или твои, переведённые прямо, деньги прямо Музей примет, либо Филинков уплатит.

Сейчас письмо прерву и пойду в местное «Ателье мод». Здесь оно именуется, впрочем, значительно скромнее — Швейная фабрика. В комнате у меня очень жарко (поэтому, наверно, и мысли в письме, как галки скачут!). Окно почти открыто. Ночью и утром здесь заморозки, а днём t^{o} выше нуля. С 3 часов ко мне в комнату светит солнце. Оно здесь очень яркое. И печёт себе, печёт мою комнату до самого заката за дальней пологой горой, что происходит (закат, т. е.) в 7-м часу. Ну, пока.

Продолжаю утром 13/III. Описываю вчерашний день. Пошёл на Швейную фабрику. Полупальто и брюки на ватине (одна пара из одного материала, вчера на солнце он показался мне почти совсем чёрным) были готовы к примерке. Померил я их с помощью закройщика Наума Давыдовича. Но вторая пара (френч и брюки) из тёмно-серого шерстяного материала по какому-то недоразумению ещё не была скроена. Сегодня её скроят и 16/III в понедельник назначена примерка. Воспользовавшись случаем, заказал ещё ½ дюжины белых пристяжных воротничков под воротник френча. Таким образом при наличии френча и воротничков к нему проблема верхних рубашек значительно смягчится, так как под френч можно будет носить нижние рубашки и майки, а на тёплое время у меня есть две вышитые рубашки, не считая ещё рубахи Бетти Зиновьевны. Да, кроме того, попытаюсь ещё выхлопотать разрешение на шитье и рубах. К сожалению, всё ещё рубашечного материала нет. Сделать всё обещают к 25 марта. Не особенно уверен в этом сроке, но всё же одежда для меня шьётся вне очереди по срочному заказу. Знай наших! Для смертных фабрика из своего материала вообще не шьёт, а лишь из материала заказчика.

После лекции зашёл в институт (лекции мы читаем в одной из школ, неподалёку от института ввиду того, что собственное здание института занято для других целей и сам институт ютится в небольшом, барачного типа здания бывшего клуба железнодорожников). Получил там газеты и одно письмо от Николая Леонидовича от 21/II. А также узнал, что все должны пройти в обязательном порядке прививки против брюшного тифа. Удовольствия тут никакого: получить по 2 укола под лопатки 3 раза с перерывами, кажется, в 2–3 дня. Видно, придётся и мне, рабу божьему, подвергнуться сей операции. Не особенно это мне улыбается, да ничего не попишешь.

Николай Леонидович пишет всё об учёных делах. Делится планами своего курса источниковедения. Работает нарочно очень помногу, чтобы оттеснить

подальше воспоминания и чувства. Сетует на одиночество. Говорит, что поддерживает себя ещё кроме работы оживлённой перепиской с родными и друзьями. И что особенно дороги для него мои и ваши письма. По поводу моих планов скорейшего возврата отзывается скептически. «К маю увидим, — пишет он, — как устраиваться дальше и когда можно вернуться по домам. Сейчас Ваши планы считаю пустыми. Из Средней Азии никто пока не возвращается, в Москве используют наличные силы». Я думаю всё же, что скептицизм вещь хорошая, а действовать-то нужно, добиваясь возврата.

Вот, пожалуй, и все текущие новости. Ещё кое-какие мелочи. Так как теперь хлеба получаю больше (по 800 гр. в день), то появилось опять почти ежедневно у меня молоко. На базаре оно стоит по 17–18 рублей литр. Да и по домам носят по такой же цене. Ещё из цен: свинина на базаре 120 рублей кг, морковь 10 рублей кг (примерно на кг идёт 10 штук). Третьего дня на базаре появился мёд (т. е. какая-то одна женщина вынесла) по 70 рублей кг. Вообще-то приходилось слышать разговоры о том, что мёду здесь летом много. Тайга неподалёку, а в тайге много пчеловодческих хозяйств. «Гастроном», видимо, отошёл в прошлое, товаров в нём не появляется. Не знаю, весна ли тут виновата или же вообще он собирается в бозе почить. Лёше в Ленинград я писал давно ещё, но ответа не было. Адрес его я вам послал, но повторю: Ленинград, «14», Басков пер., д. 6, кв. 28. Николай Леонидович пишет, что от своих ленинградских братьев он имел последнее письмо от начала декабря. Тогда предполагался их переезд из Ленинграда. Куда неизвестно. Но больше не было ни слуху, ни духу. У нас в институте получены 2 заявления 2-х ленинградских доцентов, желающих выехать из Ленинграда и запрашивающих, не найдётся ли у нас работа. Напишите Лёше ещё и вы. Может, что и выйдет.

Хотел всё вас спросить, да забыл — что Марголин, вам писал что ли недавно? Догадываюсь об этом по упоминанию бабаней в одном письме его выражения по поводу моих «Лукулловых обедов».

Ещё раз на время прерву письмо. Допишу после обеда, когда пойду на почту. А до почты загляну ещё в институт — не получу ли наших новых известий.

Продолжаю[A] в 2 часа дня. Сходил пообедал (суп лапша, котлета с картошкой и капустой, чай), сменял ½ литра молока и, зайдя домой, позвонил по телефону (у нас в квартире есть телефон, не помню, писал ли я вам об этом?) в институт. Ответили, что есть два письма. Пошёл в институт, а по дороге зашёл в Горторготдел и получил разрешение приобрести 2 пары белья в верхнюю рубашку. Сейчас пойду в закрытый магазин за этими товарами и на почту — от-

[A] Далее письмо написано другими (чёрными) чернилами.

править вам это письмо. Пишу в читальне института. Два письма это: письмо Лёли от 23/II и письмо З.Д. Виноград из Барнаула. Последняя пишет, что предпринимала попытки получить вызов в Москву, или хотя бы в Ташкент, куда эвакуирован Институт истории Академии Наук, где она работала. Ответили отказом, в Ташкенте новое большое сокращение в институте истории (до ⅓ всех работников). Рад, что получили письмо Филинкова. Может, он что о ТОНО и узнает. Вообще он парень неплохой. Копорскому, на всякий случай, напиши насчёт меня. Хорошо, что получили сено и стали больше покупать молока. Постановление СНК от 17/II ни меня, ни вас прямо и непосредственно не касается. Речь идёт о рабочих и служащих, эвакуированных на Восток с предприятиями (фабриками и заводами), на которых они работали, и в качестве работников которых они и были эвакуированы для работы на этих эвакуированных предприятиях.

Игоря всячески поддерживайте. До свидания. Пойду добывать бельё. Целую вас. С. Дмитриев.

Адреса Клары я не помню, да и убеждён, что её в городе нет. Вы ко всему относитесь спокойнее и трезвее, нужно ждать и терпеть, придёт время, соединимся. А пока, не обольщаясь надеждами, действуйте понемногу. Авось что-нибудь и получится. С.Д.

57-е

Воскресенье 15 марта 1942. Сталинск.

Дорогие ильинцы, вчера не писал вам. Поэтому начну свой отчёт со второй половины пятницы, т. е. позавчера, когда днём послал вам 56-е письмо.

Получив тогда разрешение на приобретение 2 пар белья и верхней рубашки или гимнастёрки, отправился в закрытый магазин и там купил 2 пары белья (2 рубашек, 2 кальсон). По общему голосу квартирных женщин, рассматривавших и завидовавших вслух, бельё очень хорошее, отлично сшитое, материал сатин, размер 48 («средний», как пояснили мне в магазине). Стоит дорого: по 52 рубля за пару, пришлось раскошелиться и оставить в кассе 104 рубля. Но зато теперь «проблема» белья для меня надолго разрешена: 2 пары новых совершенно, 2 пары ходовых, но ещё вполне приличных, 3 майки, трикотажные штаны, 2 трусов. Да Пётр Андреевич обещал ещё пару белья прислать. Верхней рубашки же или гимнастёрки не оказалось. Предлагали взамен её взять чёрный (бумажный, но толстый, солидный) свитер (фуфайку) вязаный. Однако я решил его не брать: выглядит он очень демократично, для лета не нужен, а до зимы ещё долго. Решил наведываться в магазин и ждать, не появятся ли рубашки. А, может, и ещё как «верхнерубашечный узел противоречий» удастся распутать. Надежды не теряю. Да и при наличии новой серой пары (френч и брюки) с пристяжными внутренними воротничками под френч этот «узел» сам по себе ослабеет.

После магазина заглянул на Швейную фабрику, благо она была по пути домой. Там от любезного своего закройщика (к которому я отношусь с такой же почтительностью, как Акакий Акакиевич к творцу его шинели) Наума Давыдовича узнал, что моя серая пара им уже скроена и в понедельник 16/III можно примерить. Любезность свою он простёр до того, что заказал под френч для моей выи, не 6, а 8 воротничков. Утешенный сими известиями, отправился вторично пообедать и читать лекции.

Вчера с утра предпринял поход в хозяйственный магазин на базар, где, по слухам женской части нашей квартиры, позавчера выдавали серое (хозяйственное) мыло по куску на карточку. Фортуна мне благоприятствовала: без всякой очереди, но с проявлением некоторой ловкости, я купил за 1 рубль 10 копеек кусок мыла на свою карточку (промтоварную) и через полчаса вернулся домой, неся мыло так, как сиуксы[A] носили свежесодранные скальпы при возврате с похода в родную деревню.

Засим после обеда предпринято было путешествие на трамвае на место моего первого здесь пребывания. Там завязалось у меня знакомство с заведующим аптекой, который «узнал» во мне человека, пользовавшегося услугами его аптеки в… Пятигорске в 1927 г. Хотя, разумеется, он и ошибался, но я его не разубеждал в таких старых и прочных корнях нашего знакомства. Знакомства же с заведующими аптеками, хотя и не лечат, но помогают жить. Достал кусок душистого мыла «Флора», а чтобы фауна не была в обиде, приобрёл ещё…, что бы вы думали, ручаюсь — не догадаться: китового пищевого жира! Сибирь так Сибирь, нужно и кушанья сибирские испытать. Сегодня утром завтракал с китовым жиром. Скажу — эскимосы не дураки. Жир — жирный и вкусный, внешне похож на жёлтый мёд.

Вернувшись из мыльно-китового странствия, пошёл читать лекцию. Потом зашёл в библиотеку института, где получил три письма: Лёли от 1/III, Марголина от 5/III из Уфы и Филинкова без числа, но по штампу отправки от 2/III.

Марголин пишет из Уфы, куда он попал благодаря такому обстоятельству. 25/II вызвали его в Бирске в военкомат, заявили, что он призван в ряды РККА и отправляется немедленно в Уфу в распоряжение тамошних военных властей. Двое суток ехал он на лошадях от Бирска до Уфы (железной дороги нет). Но, приехав в Уфу, он взят на военную службу не был (почему — не пишет). Повидался со своими (сестрой и матерью) и подыскивал обратного в Бирск попутчика. Из наших мопийцев видел в Уфе профессора Глаголева, литературоведа, редактора журнала «Литература в школе». Лёля, наверное, эту фамилию слышала.

[A] Сиуксы (сиу) — группа индейских народов, проживавших в Северной Америке.

Там же в Уфе профессор Трахтенберг — философ из МОПИ и его жена — заведующая кафедрой иностранных языков в нашем МОПИ. Побывал он на концертах Ойстраха и Гилельса (в Уфе же). «Насчёт возврата в Москву здесь, т. е. в Уфе, народ настроен довольно пессимистически». Далее пишет: «Не рано ли вашим думать сейчас о переезде в Кусково — учитывая их малую мобильность и продовольственные условия? Впрочем, этот вопрос, вероятно, снимается на ближайшее время тем, что их не пустят. Что вам пишут о здоровье Игоря?». Вот, Гогинка, ты предмет забот и в Бирске, и в Уфе! Так-то, брат, тянись.

В отношении письма Лёли скажу так. Конечно, возлагать на Катю надежды не стоило. Она — «вдохновенный художник», а этот разряд людей в настоящее время мало пригоден к употреблению. Думаю, что лучше всего тебе, Лёля, установить связи с Филинковым. Он скорее насчёт ТОНО разузнает. Хотя не порите горячку: помните, что он, видимо, (из его письма увидите) пешком «ездит» в город. Но всё же он парень ловкий и исполнительный. Очень хорошо, что к Гоге будут ходить учителя. Жаль будет, если учебный год для него пропадёт зря. Но всё же — главное для него — здоровье. Его и берегите. Здоров будет — и в ученье догонит. Теперь тепло — пусть бы побольше на солнышке лежал, да дышал воздухом.

Письмо Филинкова так любопытно, да и живо написано, что я его вам перепишу в качестве приложения (посылать оригинал вам не хочу, до поры до времени нужно его сохранить).

Вот оно:

Приложение.

«Дорогой Сергей Сергеевич. Искренний привет. Сообщаю подробности сражения с Музеем. Получив Вашу доверенность, я поехал (пошёл) в Москву — на консультацию по Указу[A] — направлен в Перово. На приёме у прокурора Выборнова получил повестки, привёл директора и коменданта. Уважаемый директор произнёс длинную тираду о нужде Музея в помещениях, о жильцах, не имеющих сношений с Музеем, о своей культуртрегерской миссии и об Указе, вышедшем в этот день, и уже торжествовал победу.

Затем, как Ваш доверенный, я сказал, что профессор-историк, выполнявший задания правительства по истории, имеет труды и 5000 томов научных чертежей и книг, в том числе исследовательские труды. Его библиотека вынесена сторожами; хотя, правда, и находится в порядке, но перенесена самовольно, без ведома профессора Дмитриева, и я прошу восстановить прежнее положение.

[A] Примечание С.С. Дмитриева: «Очевидно, так он называет Постановление СНК от 17/II о квартирах и имуществе эвакуированных».

Прокурор предложил:

1. Профессора не трогать.

2. Указ относится к предприятиям, а не учреждениям, и Музей не имеет права самовольничать. Кабинет вернуть.

3. Я сказал: т. прокурор, можно дать телеграмму?

— Дайте, а мы пошлём ему письмо. Адрес у нас оставьте.

В заключение директор изрёк: мы с профессором Дмитриевым культурные люди и договоримся (!). Я предупредил, что буду наблюдать за целостью всех ценностей и внешней охраны. Таковы факты.

Вновь был у т. Выборнова, просил ускорить письмо. Он сказал — послали.

Мне кажется, что судиться не о чем. Прокурор — представитель закона и его указание — это решение суда. (И если директор не совсем чудак, то он выполнит решение прокурора). Мебель я предложил оставить в кабинете. Относительно книг дело щепетильное, думается мне, лучше им лежать пока в других интерьерах Вашей квартиры; как бы при переноске чего не вышло; как вы решите, так и сделаю. Книги, в самом деле, лежат в порядке, стоит ли их мучить. Жду указаний.

Не преувеличивая и не в целях рекламы скажу, что не останься я, Филинков, в Швейцарском доме, — многое бы ушло на дрова, если не хуже. Например, сарая[A], уборной — нет, Гавриловский дом — тащат. Наш дом изучают — воры и воришки. Я ночую каждый день, на дверях пишу «соблазнительные» записки — «буду скоро», «сейчас приду» и т.д., чтобы знали, что кто-то есть.

Теперь дни большие, дома бываю рано, работайте спокойно, всё будет цело.

Сергей Сергеевич, а что, если с террасы стол и стулья, пока целы, прибрать в кухню или лучше в кабинет — не место им там портиться и могут украсть. Простите, что не в своё дело лезу.

Сообщаю о себе, что пока работаю в качестве инструктора по ремонту военных сапог и забронирован. Живу в Швейцарском доме один — прослыл в округе колдуном, потому что никто не верит, чтобы нормальный человек мог во всем доме жить один, вынужден поэтому нарушать семейные устои и удариться в романтику. Но очень болею за судьбу моей бесценной Музы, от которой остался скелет. Причин для этого много — климат, дальний переезд, каждый день видит меня во сне, тоскует, как и я по ней.

Сообщите о мероприятиях.

С уважением к Вам Филинков.

[A] Примечание С.С. Дмитриева: «Очевидно, Хохловской сараюшки».

P.S. О жилищных делах вашим не сообщаю, боюсь их волновать. Думаю, что Вы лучше это сделаете. Филинков».

Вот видите, какое письмо: толковое, любезное и живое. Разъяснения прокурора подтверждают моё понимание постановления от 17/II. Кто этот Выборнов? Мне кажется — не муж ли Выборновой, которая одно время работала в музее керамики. Фира её хорошо знает, а, возможно, и его. Черкните ей насчёт этого вопрос. Я напишу тоже от себя Фире. Филинкову напишу, чтобы книги перенесли обратно в кабинет, а плетёную мебель с террасы (если мебель ещё цела) тоже в кабинет.

Ну, до свидания. Уже 12-й час. А в 8 часов у меня во Дворце металлургов публичная лекция о Суворове. Нужно подумать. Черкните письмишко Клаве с Музой. Их адрес на чужбине такой: г. Фрунзе, Киргизская ССР. Улица Сталина, д. 105. К.В. Жуковой-Филинковой. Целую вас. С. Дмитриев.[A]

58-е

Вторник 17 марта 1942. Сталинск.

Дорогие ильинцы, продолжаю свою летопись, вернее сказать, дневник[B].

В воскресенье сижу в столовой за обедом. За столиком со мною трое каких-то инженеров беседуют о том, как провести вечер. И один вносит предложение — пойти на лекцию о Суворове во дворец Металлургов. Другие отстаивают театр (идёт «Обрыв») и кино. «А кто читает?» — «Да какой-то Дмитриев. Он, говорят наши, очень интересно прошлый раз про Кутузова говорил». Побеждает мнение сторонника лекции. Меня они не знают, и моя душа присутствует при этом разговоре подобно душам умерших в Царстве теней, где перед их духовными очами взвешивают на весах злые и добрые дела на земле.

После обеда дома готовлюсь к лекции. Заходит знакомый, бывший аспирант ИФЛИ, о котором я вам писал[C]. Зовёт к себе обедать (с пивом…) и вечером сходить в кино на «Золотое озеро»[D]. В связи с лекцией и от обеда (второго бы в этот день), и от кино отказываюсь.

В 8 часов прихожу во Дворец Металлургов. Круглое зало полно. Организатор — заведующая библиотекой Дворца — волнуется. Она страшно боялась, как бы я грехом не забыл или же не случилось ли что со мною. Домой ко мне уже была послана курьерша с запискою, которую и посылаю к вам в качестве

[A] Текст от слова «г. Фрунзе» и до конца письма написан на левом поле шестой страницы письма.

[B] Оба слова («летопись» и «дневник») именно так подчёркнуты в подлиннике.

[C] Имеется в виду Николай Иванович Резвый.

[D] Фильм советского кинорежиссёра В. Шнейдерова «Золотое озеро» (1935).

приложения. А всё — проявление женского слабодушия — лекция назначена на 8 часов.

Лекция прошла хорошо. Слушали внимательно. После лекции подошли ко мне благодарить и представиться три инженера, сидевшие со мною за столиком в столовой. Картина!..

Вчера особых происшествий не было. Утром ходил в баню. Перенёс это дело на понедельник, так как заметил, что в субботу очень много народа бывает. А утром в понедельники хоть шаром покати.

Днём пошёл в Военторг за хлебом и получил там, кроме хлеба, ещё кусок мыла да 300 гр. сахарного песку. Мне теперь на месяц полагается по рабочей карточке не 300, а 500 гр. сахара (вернее, песка). Так что ещё 200 гр. получу.

Засим, как говорили предки, пошёл на Швейную фабрику мерить френчовую пару. Но… увы и ах, ещё не смётана, хотя и скроена Наумом Давыдовичем ещё в субботу. Назначил он мне теперь среду для примерки, т. е. завтра. К 25 марта обещают всё сделать. Выпросил я у него образчик материи, из которой шьётся пара (френч и брюки). Сегодня с нею зайду в галантерейные магазины и посмотрю подходящих пуговиц, так как на фабрике самые простые и только чёрные. А закройщик из Москвы советует взять светло-серые. А потом пошлю этот образчик вам в письме, чтобы вы имели представление и суждение о моём новом костюме.

Сегодня же пошлю вам бандеролью «Учительскую газету» от 4/III-1942 г., в которой говорится о Московском областном совещании работников народного образования и о докладе заведующего МОСОБЛОНО т. А.И. Лукина, в котором, между прочим, была поставлена задача «сохранения и укрепления педагогических кадров» Московской области, а, следовательно, и города Москвы[A]. Посылаю эту газету для общей ориентировки Лёли. Думаю, что газета косвенно подтверждает частное известие из Сокольнического РОНО, о котором я писал в одном из предыдущих писем. Так что с ТОНО и 455-й школой старайся, Лёля, прямо ли или через Филинкова установить связь. Между прочим, почему бы тебе, Лёля, не послать запрос в Московское городское справочное бюро об адресе ТОНО и 455-й школы? Напиши, вложи марки для ответа и свой адрес. Разумеется, о том же нужно написать и Филинкову и в другие места, в которые считаешь нужным. Из «Сибирской энциклопедии» я узнал, что в среднем для поимки одной лисы нужно расставить 10 капканов. В какой-нибудь да попадётся…

[A] Примечание С.С. Дмитриева, написанное на левом поле 2-й страницы письма: «Разумеется, тебе нет никаких оснований стремиться в районы, где ощущается нехватка педагогов».

Вчера пришло два письма. Оба деловые, но, пожалуй, уже теперь не нужные. Одно — копия отношения прокурора Московской области к прокурору Балашихинского района московской области о препровождении к нему «заявления эвакуированного гр-на Дмитриева С.С. о незаконном занятии его комнаты для проверки и сообщения результатов заявителю» от 25/II-42 за № 50-30-8. В Балашихинский район отправили, конечно, по недоразумению. Второе письмо (т. е. копия)[A] от заведующего приёмной Исполкома Мособлсовета т. Шишкова на имя председателя Исполкома Ухтомского районного совета депутатов трудящихся тов. Орлова. Текст письма: «Приёмная исполкома Мособлсовета направляет Вам для принятия мер заявление гр. Дмитриева о незаконном действии Управления Кусковских музеев в части занятия жилплощади. О принятых мерах сообщите в Исполком Мособлсовета и заявителю. Приложение: заявление гр. Дмитриева». Письмо это от 27/II-42 за № 224.

Как видите, мои заявления даром не пропали. Все подействовали. И я думаю, что комнату и квартиру вообще пока отстоим. А дальше видно будет. Если судить по письму Филинкова, которое в копии я вам послал в 57-м письме, то эти два отношения уже и не будут нужны. Но, в общем-то, поскольку Музей получит всё же запросы от председателя Ухтомского Исполкома райсовета и, вероятно, от председателя Перовского Совета, то я думаю, что в некоторых преимущественно тыловых частях головы музейного директора слегка будут ощущаться явления почёсывания, а это вообще-то полезно, в частности, для нас.

На днях напишу на имя директора Музея любезное письмо с просьбою сохранить квартиру и проч. Поджидаю только, прежде чем посылать любезное письмо, известия о том, принял ли Музей квартплату. Если ещё всё артачится, тогда заменим любезное письмо чем-нибудь более созвучным музейному упрямству.

Таковы текущие новости.

Да, ещё одна. Чуть не забыл. Заместитель директора театра в воскресенье за обедом (артисты обедают в той же столовой) просил меня прочитать для актёров лекцию о Дундиче, одном из героев гражданской войны. Театр собирается ставить пьесу «Алеко[B] Дундич», и я, как историк, призван им помочь разобраться в герое и его окружении. К сожалению, сделать это нужно очень быстро, так как 23/III театр уезжает на 2-х месячные гастроли в г. Прокопьевск (недалеко отсюда). А сюда из Прокопьевска прибудет эвакуированная туда Московская оперетта. Здесь она будет играть 2 месяца. Прибывают Регина Лазаре-

[A] Слова «(т. е. копия)» вписано над строкой.

[B] Так в подлиннике. Правильно: Олеко.

ва, Лебедева (пела в «Орфее в аду», мы с Лёлей её слушали), Стефания Петрова (чешка, которая пела партию Сильвы в «Сильве»), Аникеев, Гедройц и прочие знакомцы.

Ну, пока всё. До свидания. Целую вас. С. Дмитриев.

Приложения:

1) Записка[A] заведующей библиотекой[B].

2) Марка для предполагаемой Гогиной коллекции.

P.S. Так как ещё не купил пуговиц, то образчик материала пошлю вам в следующем письме. С.Д.[C]

59-е

Четверг 19 марта 1942. Сталинск.

Дорогие ильинцы. Последние 3 дня от вас писем не было. Вероятно, придут сегодня. Позавчера, после того как отправил вам 58-е письмо, к вечеру получил два письма: одно от Кати от 28/II и другое от папы от 4/III.

Письмо Кати крайне сумбурное с какими-то невразумительными намёками и умолчаниями. О себе она говорит почему-то в третьем лице, как о Кате Четверухиной, а подписывается Е. Юматова. Видимо, письмо написано в крайне расстроенных чувствах и мыслях. Сообщает, что ребёнок Наташи «здоровенький, очень толстенький, начинает смеяться, что-то напевать. Вообще становится забавный. Приехали на днях Лида с мужем — их вернули вместе с заводом, на котором они оба работают. Сейчас она бывает у меня частенько и начинает понемногу устраиваться». Была Катя по моей просьбе в Университете. Никого из моих знакомых профессоров там нет, все в разъезде подобно мне. Натолкнулась она там сразу же на машинистку, которая знает меня, и та ей сказала, что они (университет), «хотя и нуждались в работниках, но никого вызывать на работу они не могут впредь до особого распоряжения. Пока сиди на месте, а там будет видно». Нового для меня в этом известии ничего нет. Далее пишет так: «Недавно получила письмо от Кати Четверухиной, ты ведь её, кажется, знал, — она живёт всё там же. Пишет, что так исхудала, что трудно её узнать, на работу устроиться пока не может. Нашла бедняжка на улице сухарик и так обрадовалась. Она пишет, что Лёля, которую ты, наверное, тоже помнишь, хочет к ней приехать, вот Катя подумывает — стоит ли пока, конечно». Жаль её,

[A] Записка написана карандашом на каталожной карточке: «Уважаемый Сергей Сергеевич! Ждём Вас на лекцию. Я в отчаянии. Ни [так в подлиннике] случилось ли что с Вами? С пр. О. Мануилова».

[B] Далее зачёркнуто: «2) образчик материи».

[C] Последний абзац написан на левом поле четвёртой страницы письма.

хотя нужно сказать, что она со своей художественной натурой умудрялась полуголодать и в 1938–1940 гг.

Папа пишет о своём визите к начальнику Ярославского НКВД, где его очень любезно приняли. Был он там 4/III. Заявление ваше нашли и сказали, что пропуск дать могут. Но при выдаче пропуска, мол, нужно лично заполнить анкету. Эти анкеты направят к уполномоченному НКВД по Пречистенскому району, а он вас вызовет и что нужно оформит. Заключение папы такое: «Так что 99%, что Лёля будет в Москве». Из его письма я не понял ясно, представляется ли возможность получения пропуска на въезд только для Лёли, или для всех вас. Неясно и другое: идёт ли речь о пропуске на право приезда (так сказать, поездки на какой-то срок с последующим возвратом) или же о праве переезда, возврата. А ведь это существенно важно. По поводу самой техники переезда папа высказывается так: у них в городе с посадкой очень трудно, лучше бы[A] сесть в Макарове или в Данилове, или же[B], на крайний случай, он отправил бы вас (здесь он пишет именно о вас, во множественном числе) на автомашине. Багаж, он считает, можно бы или же (если Серафима Галактионовна пока останется в Ильинском)[C] оставить (наиболее грузный) в Ильинском, или же временно оставить в Ярославле. Между прочим, пишет, Рыскин выхлопотал себе пропуск в Москву и 5/III туда уезжает. Сообщает адрес Копорского. Бывший московский адрес Бориса Ильича Рыскина: Маросейка, Сверчков переулок, дом 8, кв. 4. Если бы вам вдруг всё же удалось выбраться домой, то с Рыскиным постарайся, Лёля, связаться. Он мне очень симпатизирует. А сам по себе он парень весьма сообразительный и ловкий и из любого положения, кажется, может найти выходы. Адрес Копорского такой: Ярославль, улица Чайковского, дом 2, кв. 1 (это против церкви Николы Мокрого). Атмосферой Ярославского педагогического института Рыскин и Копорский недовольны. Собирались оба мне написать.

Но, поди, папино письмо с изложением итогов всех его переговоров до вас уже дошло. Что я о нём думаю? Полагаю, что на деле получение для вас пропусков окажется куда более трудным, если вообще достижимым сейчас мероприятием. Однако, если бы таких пропусков добились, то, я полагаю, что ими нужно воспользоваться. Даже если бы это были пропуска на сроковый въезд. На месте можно похлопотать об оставлении, тем паче коли речь пойдёт о Гоге. В Ильинском вы грубой пищей сыты. Полагаю, что в Швейцарском доме в отношении питания будет не лучше, но, пожалуй, что и не хуже. Шумней там,

[A] Частица «бы» вписана над строкой.
[B] Частица «же» вписана над строкой.
[C] Далее зачёркнуто «же».

безусловно, будет. И сильно шумней. Особенно ближе к лету. Но зато — город — не деревня. Гогу, может быть, можно будет подлечить и даже попытаться на время где-нибудь к востоку от Москвы в санаторий устроить, например, ту же Балашихинскую «Красную Розу» или что-нибудь подобное. Далее вы будете не совсем одни — родня (к сожалению, всё больше женская) там у Лёли есть. Вокруг Швейцарского дома с весной можно создать огород — несомненно, что землю для музейных квартирантов отведут: Дуняша, Фира, вы, Филинков можете целый колхоз огородный составить. А там, глядишь, и я подъеду. Далее, на худой конец, из Швейцарского дома ко мне ли или ещё куда в случае неотложной необходимости выехать будет легче, нежели из Ильинского. Но как будто бы вероятность возникновения такой необходимости всё уменьшается. Известие Кати о Лиде и её муже я выше вам привёл. От нас, отсюда, тоже 2–3 заведения с разными Лидами и их мужьями недавно поехали обратно в наш город к Швейцарскому дому. Эти факты как будто бы убеждают в том, что помянутая вероятность действительно уменьшается.

Из текущих небольших новостей расскажу следующее.

Вчера ходил на примерку своей серой пары. Примерка состоялась. Обещают к 23/III сшить оба заказа (пару с полупальто и пару с френчем). Вчера же купил после долгих поисков 16 пуговиц для френча серых, костяных за 7 рублей 60 копеек. Нужно всего 12, но я ещё 4 взял лишних «про запас», на отрыв и амортизацию. Отдал их портному; отдал 12, а 4 себе оставил.

Вечером вчера сходил в театр. Благо это удовольствие для меня бесплатное. В кассе дают мне литер, и я сижу в первом ряду партера. Смотрел «Обрыв» (по Гончарову). Волохова играл Фёдоровский, артист из Камерного театра (который, театр т. е.), между прочим, с октября до настоящего времени подвизался в г. Балхаше в Казахской ССР, а теперь перекочевал в г. Барнаул. Исполнил роль хорошо.

Эти дни сильно занят (и в театр пошёл, чтобы голова немного отдохнула) подготовкой лекции для актёров о гражданском войне и её герое «Олеко Дундиче». Театр в начале той недели уезжает в Прокопьевск, и лекцию нужно прочитать непременно в эту субботу. Материала много, а времени мало. А прочитать я её хочу, так как театр моментально и прилично расплачивается.

Вчера должна была быть нам в институте прививка против брюшного тифа, но она не состоялась, так как почему-то сестра не пришла.

Утром сейчас (сейчас уже к 11-ти движется, а встал я в 7½) произвёл полуафриканскую, полуевропейскую торговлю. Приобрёл литр молока: ½ литра за хлеб (примерно ¾ кило) и ½ литра за 8 рублей денег.

Ну, пока, кажется, всё. Жду известий от Филинкова об уплате квартплаты. Письмо Филинкова с рассказом о сражении с музейными драконами по поводу комнаты я вам послал в моей копии в воскресенье.

Прилагаю образчик материи[A], из которой шьётся мне пара (френч и брюки). До свидания. Желаю успехов. С. Дмитриев.

60-е

Воскресенье 22 марта 1942. Сталинск.

Дорогие ильинцы, два дня не писал вам. Дел скопилось много. Вчера с некоторыми из них рассчитался и сегодня с утра засел[B] за письмо к вам. Вчера писем не было ни от кого. Позавчера 20/III пришли два письма бабани от 2/III № 10 со вложением письма Александра Александровича и от 4/III № 11.

Письмо Александра Александровича, писанное им 20/II, под свежим впечатлением постановления от 17/II, излагает по основному вопросу ошибочную точку зрения. В постановлении вовсе не говорится, как они его поняли и как Александр Александрович пишет, о «лишении права на жилплощадь в Москве всех эвакуированных учрежденских работников и аннулировании всяких “бронёй”, выданных ранее на жилплощадь в Москве». В постановлении сказано о площади и имуществе лиц (рабочих и служащих), эвакуированных вместе с эвакуированными предприятиями, на которых эти лица работали. О площади и имуществе лиц, эвакуированных с учреждениями, в постановлении не говорится. Точно так же не говорится и о прочих категориях эвакуированных, например, о женщинах, детях, стариках. Ни вы, ни я не подпадаем под прямое действие этого постановления. Вы выехали «как женщины, дети и старики». Ты, Лёля, выехала «для сопровождения больного сына», получив от службы долгосрочный отпуск, в котором и находишься. Я выехал в связи с эвакуацией учреждения, а не предприятия. Ни вы, ни я никогда не были связаны с работою на предприятии. У вас на руках справки Музея, т. е. нашего домоуправления, о наличии у вас площади в Швейцарском доме. Таким образом прямо и непосредственно постановление это нас не затрагивает. Но нужно прислушаться, так сказать, к его общему тону, тенденции и сделать, я думаю, один вывод — нужно стараться вернуться побыстрее.

Что прямо и непосредственно постановление нас не затрагивает, это и Перовский прокурор тов. Выборнов объяснил Музею. Я вам об этом писал на основании письма Филинкова. Да и самое письмо Филинкова в копии вам послал.

[A] К левому полю 3-й страницы письма подшит треугольный кусочек материи.

[B] Далее зачёркнуто слово «вам».

Поэтому ясно, что ни о каких ликвидациях имущества и квартиры и речи быть не может. И вы хорошо сделали, что не последовали неблагоразумному и поспешному совету Александр Александровича и не написали на эту тему в Музей.

Теперь его соображения по поводу возможностей относительно скорого возврата домой нас и меня представляются, в общем-то, более или менее верными. Т. е. вам, пожалуй, в связи с состоянием Игоря и направлением Райздрава вернуться домой будет, возможно, и легче. На этой неделе от папы я получил письмо от 4/III, в котором он сообщал об итогах своих переговоров с ярославским начальником. Ему сказали будто бы, что пропуска (или пропуск, это неясно) вам могут дать. В Пречистенский район к уполномоченному будто бы будут посланы анкеты — для заполнения, после чего вам и дадут пропуска. У папы в итоге его визита родилась на 99% уверенность в том, что вы поедете домой. Полагаю, что это некоторый излишний оптимизм. Но всё же считаю, что, настойчиво долбя в этом направлении, вы возможно и получите право на проезд домой, а, может быть, даже и на въезд домой на оседлое жительство. Я думаю, что даже, если бы вы получили право на проезд только, то и то нужно поехать. На месте, дома, при состоянии Игоря всегда можно будет выхлопотать право на оставление вас дома на жительство. Насколько вообще своевременно возвращаться сейчас — трудно сказать. В общем-то, как будто бы и своевременно. Однако, не обманывайтесь излишними иллюзиями. С кушанием вряд ли там будет лучше, чем в Ильинском. Но, не думаю, что и хуже. Шумнее, конечно, будет. Так как Игорь болен и нуждается в присмотре и уходе, то Лёля в городе (т. е. при переезде в город) не подлежит мобилизации на промышленные работы, даже если бы она не сразу получила какую-либо службу. Наконец, если бы возникла вдруг необходимость уезжать, то из Москвы было бы сделать это, пожалуй, легче, чем из Ильинского.

О себе скажу так. Мне сейчас вернуться будет действительно, пожалуй, сложнее, чем вам. Такого козыря, как у вас, у меня нет. Вызов, как я теперь выяснил твёрдо, может быть дан только Наркоматом, а Наркомпрос машина скрипучая и медлительная. Вряд ли чего от неё добьёшься. Тем более, что учебный год кончается. Всё же я хлопочу, хотя надежд и не питаю. Вот, если всё вообще пойдёт хорошо, то к исходу лета, мне думается, возможно, и удастся вернуться, т. е. к началу нового учебного года. Ибо, если всё вообще пойдёт хорошо, то несомненно, что Истфак МГУ из Ашхабада переедет домой, и Николай Леонидович тоже, и все мои знакомые и друзья по работе. Полагаю, что и я за бортом не останусь тогда. Сейчас же Александр Александрович прав, мне надеяться на возврат куда труднее, чем вам. Дмитрий Леонидович и Нина Бернардовна из

Тюмени пишут, что надежд на быстрый возврат не имеют. Из всего их ВИАМа[A] вызвали с великим трудом 2–3 человек. Университетские историки (и из ИФЛИ) все в Средней Азии, хотя, как сообщала мне Катя, на истфаке МГУ ей сказали, что в работниках нуждаются, но, к сожалению, сами посылать вызов не имеют права. Хотя всё это и грустно, и тяжело мне вам писать, но что же делать, правда прежде всего, как бывало правдолюбица Ольга Кусковская всё твердила. Ничего, приходится терпеть. Война. Все теперь живут не так, как хочется. Мне кажется, что эта весна и лето будут решающими и что летом, осенью мы все соединимся. Если бы вам не удалось теперь получить право на возврат и вернуться, то не падайте духом. По Гогиным делам может тогда придётся связаться с Ярославлем. Летом в Ильинском как-нибудь протянетесь. Впрочем, теперь время такое, что на неделю вперёд загадывать нельзя. Ещё вот это письмо прежде, чем до вас дойдёт, уже устареть может.

Из текущих новостей и ответы на некоторые ваши вопросы[B].

Пётр Андреевич у меня не был и, очевидно, не приедет. В пятницу вызывал меня по телефону и сказал, что добился наконец включения себя в формирующуюся для отправки в действующую армию часть. Часть эта формироваться будет в Барнауле. Туда его и направляют. А месяца через 2 — на фронт. Посылку мне он отправить не сумел и оставил её у общих знакомых в семье профессора Моргунова[C] (из Третьяковской галереи, они вместе с Суриковыми, Репиными, Серовыми и пр. и пр., а также вместе с другими третьяковцами в Новосибирске). Буду как-нибудь выручать оттуда.

Драпового пальто мне не нужно, так завтра-послезавтра будет готово моё новое полупальто.

Папа ваши деньги получил, он мне о них писал.

Рад за Катин выигрыш.

Цены и здесь растут. В четверг привезли (один наш преподаватель ездил на институтской лошади[D] вёрст за 40) ведро картофеля за 50 рублей. А в городе на базаре 70 рублей ведро. Это письмо прерывал, так как приносили молоко. Купил литр молока за 16 рублей.

Вчера читал в театре для актёров лекцию о Дундиче (они готовят постановку). Читал 3 часа. Получил тут же сразу 150 рублей. И — заказ приготовить лекцию для них же о героине войны 1812 г. Надежде Дуровой. Правда, они

[A] Всесоюзный институт авиационных материалов.

[B] Слово «вопросы» вписано над строкой.

[C] Имеется в виду Николай Сергеевич Моргунов.

[D] Слова «на институтской лошади» вписаны над строкой.

уезжают в Прокопьевск на 2 месяца на гастроли. Но отсюда до Прокопьевска час езды на поезде. Так что, возможно, я к ним съезжу в конце апреля. А, впрочем, ещё до конца апреля много воды утечёт.

Сейчас буду писать Николаю Леонидовичу, Филинкову и Фире. Сегодня, наверное, придёт письмо Лёли и Игоря от 3/III. Серафима Галактионовна какой молодец. Как слетала в Данилов! Ей мой сердечный привет. Как Гога? Целую. С. Дмитриев[A].

61-е

Среда 25 марта 1942. Сталинск.

Дорогие ильинцы, совсем забыл, за каким № послал вам вчера письмо, то ли 60-м, то ли 61? Возможно, что это второе письмо за 61-м №. Ну, в конце концов, это неважно.

Продолжаю писать в четверг 26/III 1942.

Вчера, как бабаня говорит, завертелся и не дописал письма. Продолжаю утром сегодня. После лекции вечером вчера зашёл в читальню в институт и получил после 4-х дневного перерыва сразу 5 ваших писем: Лёли от 5/III, Гоги и бабани № 12 от 6/III, бабани от 7/III № 12[B], Лёли от 8/III и Лёли от 10/III. «Целая галяма!» Письма уже не первый раз прибывают таким гуртом. Очевидно, где-то, вероятнее всего, в Макарове почту отправляют один раз в 4–5 дней. Ваши письма там скапливаются, а потом сразу и идут.

Позавчера ещё пришло одно письмо от Эпштейна, товарища моего по аспирантуре. Он после 16/X очутился в Соликамске. Я вам писал уже о нём. Ничего нового в его письме нет. Рвётся домой, т. е. в наш город. Хотя его жена и дети в разных местах в Казахстане. Больших надежд на скорый возврат не питает.

Чтобы покончить с моими небольшими новостями, ещё расскажу две.

Позавчера, т. е. 24/III, получил за статью о Минине и Пожарском гонорар, весьма скромный по сравнению с московскими расценками, а именно 116 рублей 20 копеек. Ну да, как известно, курочка по зёрнышку клюёт и пр.

В тот же день к вечеру получил свои вещи со швейной фабрики. Вчера их примерял, а полупальто с брюками на ватине обновлял. По общему голосу вышло всё очень-очень прилично. И пара с полупальто (в которой я по замечанию сослуживиц, помолодел сразу), и пара с френчем. Воротничков под френч сделали 6 штук, из них 4 размера большего, чем нужно. Ну, это неё беда. Вера Григорьевна (жена соседа инженера) в воскресенье их укоротит. Машина дома

[A] Конец письма, начиная со слов «Серафима Галактионовна», написан на левом поле четвёртой страницы письма.

[B] Порядковый «№ 12» в этом предложении повторен дважды.

есть. Брюки на ватине, по поводу которых я опасался, как бы не вышло нечто слоноподобное, получились вполне приличные. Ватину подложили не так много и через верх насквозь не простегали, чтобы не портить внешний вид брюк. Френч и брюки серые получились весьма приемлемые. За всё пришлось при окончательном расчёте доплатить ещё 182 рубля. Итого всё дело обошлось в 482 рубля + 10 рублей за пуговицы к френчу. Таким образом костюмно-пальтовая и бельевая проблема разрешена. Вокруг гул одобрения и взгляды зависти к счастливцу.

Таковы текущие новости.

Теперь отвечу на ваши вопросы и проблемы. Буду отвечать вподряд[A] по вашим запросам, вылавливая их из писем (ваших), так что порядок ответов внешний.

1) Не знаю, почему Лёля считает мои советы и нравственные ободрения «нареканиями». Если я вас к бодрости призываю, к действиям, советую не распускаться, не унывать, то почему всё это «нарекания с моей стороны»? Не возьму в толк.

2) Катя Четверухина верно вконец перетаинственнилась[B]. Я её письмо ко мне читал как шараду.

3) Похолодание и у нас есть. После весны опять морозы. Но днём греет и всё тает.

4) Добиться ответа на свои заявления, верно, очень трудно, но не невозможно. Всё-таки я получил ответ от Филинкова, заявления мои попали в прокуратуру; ты всё-таки, хотя и без адреса школы, но получила ответ от ТОНО[C]. По поводу этого ответа я скажу так. Ответ интересен во 1) тем, что ТОНО официально предлагает тебе держать связь со школой, т. е. признает твои права на работу в 455-й школе ТОНО; во 2) тем, что, предлагая адресовать письма коменданту школы, бумажка ТОНО даёт возможность понимать, что в здании школы, кроме коменданта его (здание хранящего), пожалуй, никого и нет сейчас; в 3) тем, что в нём ясно сказано, что ТОНО «до возобновления занятия в школах не имеет основания вызывать Вас на работу». Следовательно, когда занятия будут возобновляться, то и основания для вызова будут и, наконец, в 4) фразой «О Вашей квартире Вам сообщит школа, которой это дело передано». Ты, веро-

[A] Так в подлиннике.

[B] Так в подлиннике.

[C] Примечание С.С. Дмитриева, написанное на левом поле второй страницы письма: «Любопытно. Официальный или частный вид и характер имеет ответ ТОНО? На машинке или рукою? Есть ли штамп или печать? Во всяком случае, сохраняй его».

ятно, им писала о нашей квартире? Досадно, что нет адреса школы. На Филинкову и Катю надейся, а сама напиши 1) ещё раз в Сектор кадров ТОНО на[A] имя зава, сошлись на пришедшее письмо и проси указать адрес школы; 2) Мосгороно с просьбою дать адрес 455-й школы или, если школа свёрнута временно, то хотя бы канцелярии или коменданта; 3) в Московское городское справочное бюро — такой же запрос.

5) Лёле через Коновалову вряд ли что может перепасть насчёт скорого возврата. Она, ведь, работает в Планово-финансовом секторе и к кадрам и их распределению отношения не имеет.

6) Тебе, Лёля[B], спешить с закреплением на какой-нибудь работе на месте не стоит. Всё же действительно, ведь, весна-лето покажут: или к осени вернёмся домой, или же опять придётся зимовать вне дома — тогда и о работе речь пойдёт. А то сейчас свяжешься, а вдруг можно будет домой вернуться, а новая служба может задержать.

7) Насчёт санатория под Костромой трудно что-либо мне сказать. Какой санаторий? Если бы туда можно съездить тебе (коли там для Игоря место будет) или хотя бы списаться как жене профессора с главным врачом и узнать, как там кормят. Вообще-то стоит подумать. Ведь даже, скажем, вернётесь вы или все мы в Москву, всё-таки с питанием там теперь будет очень сложно, возможно, что сложнее, чем у вас в деревне. И такое положение может ведь продлиться и долго. А в санатории всё-таки кормить его будут. Ну, впрочем, всё это так ещё неопределённо, что и говорить рано.

8) Свидетельство об окончании семилетки, понятно, хорошо бы Игорю получить. Но главное в теперешних условиях для него всеми силами сохранять здоровье. Здоров будет — выучится. Если посещения учителей (не больно в эти визиты верю) и уроки потребуют от него новых усилий, то, может быть, и не гнаться за ними.

9) За сообщение о выступлении Панкратовой спасибо. Правда, из того, что она выступила у микрофона ещё не следует, что она выступила в Московском радиокомитете. Ведь микрофон-то мог и в Ташкенте быть установленным. Но, возможно, что она и в Москву вернулась. Напишу ей сегодня же, хотя и не помню № её дома и квартиры. Ну, как-нибудь адресую. Всё дело в том, что пока ещё вызов может быть дан только самим наркомом. А это, понимаете, задача.

10) Зайончковский у меня не был и не приедет, так как напросился в формируемую часть и сейчас уехал из Новосибирска в Барнаул месяца на два, а по-

[A] Далее зачёркнуто слово «письмо».
[B] Обращение «Лёля» вписано над строкой.

том — на фронт. Его и Марголина комнаты заняли без всяких постановлений. Да ведь постановление от 17/II их не касается, так же, как и нас.

11) Об итогах похода папы к ярославскому начальству я знаю подробно из его письма ко мне тоже от 4/III. Может быть (хотя не очень я в это верю), что у вас и получится.

12) Раньше мая, о котором Николай Леонидович пишет, всё равно ничего, пожалуй, и не может получиться. А хлопотать нужно. Глядишь, если всё хорошо будет, летом и съедемся домой.

От Перовского прокурора я всё ответа не получил. Филинкову написал, чтобы он ещё раз к нему зашёл. С. Дмитриев.

P.S. Гоге и маме спасибо особое за письма. Пишут, особенно бабаня, подробно и обстоятельно. Я это люблю. Целую вас. С. Дмитриев[A].

63-е[B]

Суббота 28 марта 1942 г. Сталинск.

Дорогие друзья, хотел написать ильинцы, да подумал, а вдруг вы уже выехали в Ярославль, а то, глядишь, и в Швейцарский дом!![C] Впрочем, вероятно, всё ограничится обещаниями и разговорами. Я имею в виду обещания, данные папе в Ярославском областном управлении насчёт предоставления вам пропусков. На днях пришло письмо Лены от 13/III. Оно меня смутило. И вот в каком отношении. В нём говорится, что пропуска вам дадут, но для получения их нужно вам самим лично явиться в Ярославль. Лена говорит, что ждёт вас на днях в Ярославле. В письмах папы к вам и ко мне от 4/III, в которых он извещал об итогах своих переговоров, говорилось, напротив, что анкеты для заполнения (на предмет получения пропусков) вам вышлют в Пречистое и что там же вам будто бы и выдадут пропуска. Кто же прав: папа ли в письме от 4/III или Лена в письме от 13/III? Возможно, что уже после 4/III к 13/III выяснилось, что всё-таки вам за пропуском нужно ехать лично самим в Ярославль. Здесь у нас говорят все упорно, в один голос, будто бы женщинам возможно без особого труда и всяких вызовов возвращаться к нам домой. Понятно, при достаточной настойчивости. Недавно отсюда одна молодая девушка (впрочем, особа заслуженная) уехала в наш город просто со студенческим билетом одного тамошнего (нашего города) ВУЗа, в котором она училась. Предлог — занятия мои возобновились, и я еду на занятия. И проехала совершенно спокойно. Ехала всего 7 дней, в пути хорошо кушали — в поезде работал вагон-ресторан. И все про-

[A] Последний абзац написан на левом поле третьей страницы письма.
[B] В подборке писем из Сталинска письмо № 63 следует за письмом № 61.
[C] Так в подлиннике.

дукты, которые брала с собой отсюда в дорогу, привезла целыми в Москву. А там они ей на первых порах очень пригодились.

Вчера отправил два одинаковых письма Панкратовой: два, так как не помню её точного адреса. И потому одно адресовал на Академию наук Панкратовой, другое вложил в письмо Наташе и Александру Александровичу. Они, ведь, соседи Панкратовой: она жила на углу Зубовской площади. Прошу Александра Александровича забросить ей это письмо, если она в городе. Но не питаю надежд на получение сейчас для себя вызова. И это меня очень томит. А чем можно тут помочь? По-видимому, ничем. Весь университетский и ифлийский народ в Средней Азии. Николай Леонидович считает, что нужно ждать до мая. Мне кажется, что не есть ли это сказка про белого быка? Хотя в одном отношении он, конечно, прав. В мае-июне в общем-то будет яснее, начнётся ли в нашем городе нормальный учебный год в ВУЗах. Если начнётся, то, думаю, что как-нибудь и я получу к его началу вызов. Если же всё-таки не начнётся, то получить вызов будет очень сложно. Ну, ладно, нужно терпеть. Но особенно мне будет трудно терпеть, если вдруг да удастся вам добраться домой. А я буду здесь торчать ни к селу, ни к городу. Да, ничего не попишешь, как бабаня говорит. Стоит вам связаться с Борисом Ильичом Рыскиным. Он, папа писал, получил 4/III пропуск в наш город и, наверное, теперь там. Его адрес был такой осенью: Маросейка, Сверчков переулок, дом № 8, кв. 4. Лёля, напиши ему — прямо, отрекомендуйся как моя жена и запрашивай советов и помощи. Он ко мне благоволит, а сам великий проныра и ловкач.

Из текущих новостей: сегодня утром сделал первую прививку против брюшного тифа. Ещё две впереди. Пока чувствую себя ничего.

В город приехала Московская оперетта. Вчера обедал за одним столом с Региной Лазаревой. Целую вас. С. Дмитриев.

64-е

Понедельник 30 марта 1942. Сталинск.

Дорогие друзья, вот уже три дня как нет от вас писем, после того как сразу пришло 5 писем вместе. Так как и прежде бывало так, что 3–4 дня от вас писем нет, а потом сразу штук 2–5 приходят, то я и не тревожусь особенно и воздерживаюсь от выводов о том, что, мол, вы, де, уже в Ярославле, а то и на пути домой. Хотя письма папы и полны уверенности в отношении возможности вашего скорого возврата домой, но я не вполне эту уверенность разделяю. Может, я и неправ. Тем более, что вокруг народ убеждён, что женщинам в город будто бы уже теперь можно при настойчивости без большого труда возвращаться. Поживём — увидим.

У меня больших новостей нет за эти дни. Маленькие такие:

В субботу подвергся первой прививке против брюшного тифа. Сам акт прививки — пустяки, безболезненно. До вечера я и чувствовал себя почти нормально. Но к вечеру поднялась t^o (до $37{,}5^o$), началась общая ломота и ощущения, очень напоминающие грипп. То же было и вчера. Сегодня уже почти нет ничего. Так как я в прошлом году не прививался, то придётся нынче делать прививки трижды, через недельные антракты, по субботам. Так-то, братцы. Решился на эту экзекуцию, памятуя, что бережёного и бог бережёт. Вечером в субботу пришло два письма. Одно от Марголина о 15/III из Бирска. Другое от Николая Леонидовича от 10/III.

Марголин рассказывает, как вернулся в Бирск после своего тревожного вызова в Уфимский военкомат. В Уфе поговорил по телефону с Казанью, т. е. с женой Фирой. Она предполагает вскоре со своим учреждением вернуться в Москву и попробовать похлопотать о направлении ему вызова через начальника Музейного отдела Наркомпроса, с которым Марголин вместе учился в аспирантуре при Историческом музее на Красной площади. Сказала ему Фира, между прочим, что их квартира в Москве уже полностью свободна. Из этого он делает заключение, что и нам при известной напористости можно будет сохранить свою квартиру. Тесть Марголина (отец Фиры) со своею службою вернулся в Москву.

Николай Леонидович твердит одно, что нужно ждать с планами возврата до мая. Сообщает, что к ним в город приезжает частично Ленинградский университет. 9/III прибыла первая партия студентов — 200 человек. «Наслушался их печальных рассказов и стало ещё грустнее». Профессора ещё не приезжали. Получил Николай Леонидович известие из дому нерадостное, а именно, что 22/III была занята его комната. Пишет далее: «Поручу кому-нибудь выяснить, как и что там, но думаю, что пока это интерес чисто академический. Дальше будет видно». Подозреваю, что в этих рассуждениях и ожиданиях дорогого Николая Леонидовича много и академизма, и олимпизма.

Сам пока ещё никаких положительных надежд на скорый свой вызов к домам не имею. Также и Марголин, и Эпштейн и пр. О профессорах МГУ в Средней Азии Николай Леонидович пишет так: «О возвращении в Москву они тоже мечтают — и только! Работа в Москве ведётся исключительно силами оставшихся там работников. Приходится запасаться терпением».

Но моё терпение всё истощается и скудеет. Что-то с ним дальше будет. Сегодня пошлю вам два номера «Учительской газеты», так для общей ориентации. У вас в деревне её, поди, нет. Интересные места подчеркну. Пошлю бандеролью. Целую вас крепко. С. Дмитриев.

P.S. ещё пошлю один № «Комсомольской правды» с интересной статьёй о Тихом океане для Гоги главным образом. Как его здоровье? С.Д.[A]

65-е

Вторник 31/III-1942. Сталинск.

Дорогие друзья! Вчера получил письмо бабани от 14/III № 15. Это правильно, 15-е письмо, 10/III было написано письмо № 14, оно пришло ранее. Так что никакой ошибки в нумерации не произошло. Вот письмо Лёли, в котором она, по словам бабани, передаёт содержание очень радостного и любезного письма Филинкова, я ещё не получал. Наверное, придёт сегодня-завтра.

Теперь, с приходом письма бабани, в котором она передаёт содержание последней открытки папы о 10/III, мне ясно стало содержание письма Лены от 13/III, в котором она писала об ожидании вас на даче в Ярославле. Итак, для получения пропуска нужно вам ехать в Ярославль. Судя по открытке папы, два пропуска вам формально обещали (Лёле и Гоге). Вероятно, дадут и 3-й, для бабани. Впрочем, ещё нужно получить направление от Ярославского облздравотдела.

Что же сказать вам по существу всего предприятия? Конечно, бабаня верно говорит, пока мои письма до вас доберутся, всё уже так или иначе будет делаться. Так уж устроена жизнь, что время не ждёт. Но всё же, хотя бы и вдогонку вашим действия выскажу свои мысли.

Те розовые перспективы, которые рисовались в январе, начале декабря перед возвратившимися домой (т. е. в окрестности Швейцарского дома), теперь стали менее розовыми. И ваша тяга домой, естественно, поумерилась. И правильно поумерилась. Жизнь этой весною, летом и осенью в Швейцарском доме, независимо от того, буду ли я с вами там вместе, будет не менее трудной, чем у бабульки. И несравненно куда более шумной. Не уверен, улучшится ли от переселения помощь Гоге питанием. Если вообще дела пойдут хорошо, то к осени, конечно, улучшится. Далее положительная перспектива вашего возврата домой частично может заключаться в том, что мы, <u>может быть</u>, все на почве дома соединимся. Это может произойти в том случае, если мне удастся сейчас или сравнительно скоро самому получить перевод или вызов к дому. Пока ещё мои хлопоты никаким успехом не увенчались. И я не могу быть уверен, что увенчаются. Но продолжаю хлопотать. Николай Леонидович считает, что даже хлопотать-то сейчас нечего, по крайней мере, до мая.

Далее, одним из подспудных веских доводов в пользу возврата являлись соображения о сохранении квартиры. Ещё не знаю, что такое очень приятное

[A] Последний абзац написан на левом поле оборота первой страницы письма.

написал вам Пётр Николаевич, но если то, что библиотечная комната возвращена и что прокурор Перовский разъяснил, что постановление от 17/II нас не касается, то, ведь, это приятное известие может как раз заставить задуматься над необходимостью вам теперь же возвращаться для борьбы за квартиру. Очевидно, она и без особой борьбы от нас не уйдёт. Конечно, свой глаз алмаз. Но, ведь, не возвращаться же, больше волнуясь за судьбу квартиры и всякого барахла (книги только жаль, но ведь их-то как раз всего труднее спасти в случае чего, вернее сказать, даже невозможно), нежели за свои жизни здоровье.

Теперь далее, Журавлёвы живут и коз разводят, одинокий Пётр Николаевич существует, старухи Чистяшовы и Дуняша живы, больная Фира здравствует, Наташа с сыном и Александр Александрович тоже тянутся, и даже неприспособленная к жизни Катя как-то умудряется жить. Следовательно, как говорят, не так страшен чёрт, как его малюют. Вокруг Швейцарского дома тоже можно устроить огород, можно и коз держать. Далее, можно, может быть, устроить с хозяйственной Ниной и Михаилом Афанасьевичем нечто вроде коммуны. Понятно, всё это мечты. Но нечто подобное возможно.

Теперь берём худшее. Вдруг снова возникает неотложная необходимость перед обитателями Швейцарского дома и его определят выезжать куда-нибудь подальше. Уехать оттуда будет, пожалуй, не труднее, чем из Ильинского. А ведь уж, ежели дело до того дойдёт, что все окружающие Швейцарский дом должны будут уехать, то ведь после такого дела и в Ильинском нельзя будет прожить — тоже придётся уезжать.

Далее, можно ли надеяться, что Гоге будет оказана реальная медицинская помощь в Швейцарском доме? Сомневаюсь, при отсутствии транспорта в частности. Да, ведь дело главным образом, как я понимаю, идёт об улучшении питания для него. Ну, ладно, говоришь-говоришь, а ведь и сам-то ничего не знаешь. Во всяком случае, на ближайшее время вы, по-моему, правильно решили, чтобы Лёле попробовать сначала в Ярославль за пропусками поехать. Хотя, очевидно, что если на Гогу, быть может, ещё и дадут заочно, то на бабаню не дадут. Вообще-то говоря, в таких делах уж если решились, то нужно действовать быстро и напористо, так сказать, явочным порядком. Но вот решиться-то трудно. Поездка одной Лёли для разведки известный смысл имеет. Но только Лёле даю совет быть на месте твёрже и требовательнее. И прежде всего в отношении Музея, если бы он что-либо артачился, сейчас же к Перовскому прокурору (мол, жена профессора, вернулась, ваше распоряжение есть, а музей продолжает мудрить) или к председателю Перовского горсовета Литвак — Фирина добрая фея. То же и с пропиской. В Москве свяжись с Рыскиным. Его адрес я вам посылал. Так как жена Марголина, Фира, предполагает быть в Москве

в апреле (а её отец уже там)[A], то дам ещё её адрес: Сретенка, Даев переулок, дом № 1, кв. 3. Это около самой Колхозной площади. Близко живёт Дмитрий Григорьевич Редер, он у нас летом был. Он человек хороший, несмотря на странности. Его адрес такой: 1-я Мещанская ул., дом № 7/12, кв. 6.

Ну, вот всё, кажется, выболтал.

Из текущих новостей одна любопытна. Писал я в Заочное отделение МОПИ, которое сохранилось в Москве, насчёт вызова. Ответили очень любезно, но сказали, что вызвать сами не имеют права. Может, мол, только Наркомпрос. И сообщили, между прочим, что очный МОПИ эвакуирован в г. Малмыж Кировской области. Я черкнул туда открытку с запросом, как и что. И вот вчера пришёл ответ. Калягин, декан истфака, приглашает меня побыстрее ехать к ним в Малмыж, работа, мол, есть, в вас нуждаемся, студенты и я хотим, чтобы Вы у нас работали. Но в то же время Калягин пишет, что пока у них в Малмыже на всём истфаке только один из наших преподавателей — Манфред (Лёля, помнишь, когда ты меня в ополчение провожала, то в трамвае ехал вместе с Зайончковским?), и будто бы вскоре приедет профессор Поршнев, по средним векам.

Я думаю, на время ограничиться дипломатическим ответом. Скажу, что я в МОПИ работать не прочь, но, мол, сейчас здесь сорваться не могу, а что будет видно к концу учебного года, т. е. к июню. Тогда, ведь, и они мне могут, быть может, быть полезными: если я индивидуально не получу права на возврат, и если вообще общие дела пойдут хорошо, то к осени МОПИ, наверное, поедет домой. А с ним тогда и я. Но всё это, как прежде говорили, игра ума, пока. Поживём — увидим. Во всяком случае, сейчас мне срываться из Сталинска, чтобы мчаться в Малмыж (45 км от железной дороги), конечно, нет никакого резона.

Ну, до свидания. Рука писца писать устала. Желаю успехов в ваших начинаниях. Целую вас всех. С. Дмитриев.

P.S. Да, ещё вчера пришла открытка от Петра Андреевича. Он в Барнауле, но будет вскоре отправлен в другой город, какой ещё не знает. С.Д.

66-е

Среда 1 апреля 1942. Сталинск.

Дорогие друзья, вчера вечером получил письмо от Лёли от 12/III с изложением печального письма Насти с тяжёлыми известиями о трагической смерти брата Серафимы Галактионовны и одного из его сыновей. Понимаю, как тяжело и скорбно дорогой Серафиме Галактионовне. Хорошо ещё, что в эти дни она хоть не одна, а среди вас всех, своих людей. Выражаю и я ей своё соболезнова-

[A] Слова «(а её отец уже там)» вписаны над строкой.

ние. Срываться Серафиме Галактионовне к Насте я не вижу смысла. К Ильинскому она привязана. Вы, вероятно, все же тоже, в конце концов, весну и лето там же с нею проведёте. А к осени многое-многое, чтобы не сказать всё, может выглядеть совсем по-иному. Тогда и решать будет, где ей сподручнее жить.

В этом же письме Лёля передаёт послание Филинкова. Его содержание мне известно было раньше, чем вы его получили. Так как Пётр Николаевич писал мне о своих подвигах по защите библиотеки и вообще дома. Известно мне и разъяснение прокурора, настраивающее вас и меня оптимистически. А в отношении вас заставляющее задуматься ещё раз над форсированием вашего переезда (в частности, в целях охраны имущества и квартиры). Стоит ещё раз задуматься и потому, что сейчас март на исходе, апрель в начале, а с грачами прочие обитатели воздуха стали наш парк навещать. Т. е. не специально наш парк, а вообще вокруг и около. Дальше — шумней будет. Это легко предвидеть было. И я вам и прежде об этом писал, помнится.

Сожалею, что до сих пор не получил формального ответа перовского прокурора на моё заявление. Я в последнее письмо к Петру Николаевичу вложил ещё новое своё заявление к перовскому прокурору с просьбою вторично выслать своё решение в адрес мой и ваш. Далее, нельзя Лёля, простое молчание Музея и невозвращение почтой денег считать за факт уплаты Музею квартплаты. Деньги могут затеряться. Могут быть приняты Музеем, но проведены не как квартплата с таких-то и за такую-то квартиру. Так как я Петру Николаевичу послал тоже 250 рублей для взноса квартплаты, и он их получил, то, думаю, что вам нужно связаться с ним и по вопросам о 250 рублях моих, и по вопросу о 360 рублях ваших. На месте живой человек зайдёт в Музей. Кажется, там ещё Кузьмин (бухгалтер). Черкни ему, Лёля, дружескую записку, вложи в письмо к Петру Николаевичу. Если Кузьмин там (кажется, Семён Степаныч?), то Пётр Николаевич ему передаст.

Письма Наташи, Александра Александровича и Кати паникейские и юридически малограмотные. Люди они хорошие и помочь нам желающие, но в этих делах… не от мира сего. Вот это, действительно, их домыслы.

Фира, думаю, что живёт на месте.

Хорошо, что раздобываете молоко. Вам всем отсутствие масла нужно компенсировать хотя бы молоком, а Гоге особенно.

Сейчас принесли записку из газеты. Просят в связи с годовщиной (700 лет) дать статью о Ледовом побоище (1242–1942)[A]. Придётся срочно писать.

[A] Слова «(700 лет)» вписаны над строкой.

На этой неделе кончаю лекции по курсу. Далее будут повторно-обзорные лекции и, наконец, 20–21 апреля экзамены по моему курсу. Что дальше — не знаю.

До свидания. Целую вас. С. Дмитриев.

67-е

Пятница 3 апреля 1942. Сталинск.

Привет, дорогие друзья! Как идёт жизнь? Как ваши молочные успехи? Как идут хлопоты?

У меня за эти дни новостей нет. Разве только сказать, что вчера кончил читать свой курс. Сегодня осталось провести 4 практикума. Да на той неделе прочитаю ещё своим студентам несколько обзорных лекций. А там уже будет подготовка к экзамену по моему курсу. Экзамен намечен на 20–21 апреля. Что будет далее, трудно сказать. Моей дисциплины на госэкзамены, которые намечены на июнь, не выносится, так что в подготовке к госэкзаменам мне делать нечего. Поговаривают о направлении студентов 1 курса и части преподавателей в деревню на сельскохозяйственные работы. Но я вряд ли пригоден для такой поездки. Продолжаю свои хлопоты о вызове или переводе. Пока из них решительно ничего определённого не получается. В одном случае даже отрицательный ответ получился. Написал я в Заочное отделение нашего МОПИ, там ответили, что сами вызвать не могут. Может только Наркомпрос ПСФСР. И сообщили, что сам МОПИ эвакуирован будто бы, в конце концов, в Малмыж Кировской области. Я туда черкнул письмецо с запросом, как и что, мол. И недавно получил оттуда приглашение на работу в МОПИ в… Малмыж. Но менять Сталинск на Малмыж, это, пожалуй, ещё менее остроумно, чем Швейцарский дом на мой теперешний город. Такая перемена могла бы иметь только один смысл. С МОПИ впоследствии я бы автоматически вернулся к нам в город. А удастся ли это сделать индивидуальным порядком, сказать трудно. Но, во всяком случае, сейчас нечего и думать о Малмыже.

Продолжаю хлопотать сам по себе. Николай Леонидович говорит, что нужно ждать мая. Ну, мои хлопоты, я думаю, к маю и дадут результаты, или отрицательные или положительные (т. е. получу вызов). Кстати, к тому времени, по мнению Николая Леонидовича, что-то и видно будет. Подозреваю, что не так уж много будет видно. Но всё же больше, чем сейчас. Теперь ведь обстановка ежедневно будет скоро меняться: весна, сезон перемен…

От вас писем вчера не было. Пришло два письма. Одно от Марголина от 22/III, другое от Петра Андреевича от 29/III.

Марголин, между прочим, сообщает о знакомых историках следующее. Сивков попал в Сыктывкар в Коми АССР (от конечного пункта железной доро-

ги Котласа за 300 км! Вот это местечко!). В Ленинграде умер академик Жебелёв[A], старик. Ленинградские профессора Валк, Предтеченский, Романов — в Средней Азии. В Москве организовался Институт истории Отечественной войны (современной) с Минцем и Панкратовой. Таким образом Панкратова в Москве, действительно. Я ей писал по совету Лёли несколько дней назад.

Фира, жена Марголина, вероятно со своей службой выберется в наш город в апреле. Она будет говорить о Марголине и мне в историческом музее и в Музейном отделе Наркомпроса в отношении работы и вызова.

Пётр Андреевич пишет, что оставлен в Барнауле на 1½–2 месяца. После чего будет направлен в действующую армию. Живёт пока у Виноград, комнаты ещё найти не может. Занимается по долгу службы немецким и польским языком. Просит передать Ольге Алексеевне привет.

Приступаю к писанию статей о Невском и Донском для газеты. 5/18 апреля 1942 исполнится 700 лет со дня Ледового побоища. Нужно приготовить лекцию. Оперетта московская распевает, а я не могу выбраться. Правда, пока поют всё «Взаимную любовь»[B]. Думаю, обойтись без неё. Привет всем. С. Дмитриев.

68-е

Воскресенье 5 апреля 1942. Сталинск.

Дорогие друзья, вчера и позавчера от вас не было писем. Да и вообще ниоткуда не приходили. А так как живёшь главным образом получением писем, надеждами на их приход, то и кажется, что за эти дни ничего не было.

Да и в самом деле ничего не произошло. Разве только то, что вчера подвергся утром второму уколу против брюшного тифа. Самый укол почти безболезнен, всё дело походит крайне быстро, можно сказать, в одном мгновение. Потом поехал в баню с паром, так как врачихи, которые прививали, говорят, что для облегчения и ускорения усвоения организмом прививки полезно попариться. Ну, вот и попарился. В бане узнал, что день-то не простой, а страстная суббота. Вчера к вечеру и сегодня с утра чувствую себя в итоге прививки не в своей тарелке, как будто бы при гриппе: голова болит и ломота. К завтрашнему дню пройдёт.

То, что сегодня пасха — повергло меня (вместе с недомоганием) в грустное настроение. Вспомнил я иные пасхи. Этот день в былые годы в Ярославле, да даже и в Москве. Все были вместе, все за столом. Шутили, смеялись. Весна уже чувствовалась обычно вовсю. Светло, весело. Не скажу, что какие-то религиозные переживания, но так празднично, весело. Когда-то теперь будет так и будет

[A] С.А. Жебелёв умер 28 декабря 1941 г.

[B] Оперетта «Взаимная любовь» Музыка С. Каца, слова И. Рубинштейна.

ли? Будем надеяться, что будет. А пока — время суровое, нужно скрепить сердце. Вот разобьём проклятых немцев, тогда картина другая будет. Как-то бедные ленинградцы живут? Николай Леонидович пишет, что он от своих получал письма только с оказией. И знает, что они его писем, посылаемых почтой, совсем не получали. Думаю, что и наши письма к Лёше и тёте Кате не доходят. Мы всё же по крайней мере переписываемся, да и в несравненно лучших условиях.

От папы что-то давно уже не было писем. Последнее было от 4/III, в котором он сообщал о результатах своего первого посещения Ярославского управления. Потом пришло письмо от Лены от 13/III. От вас я знаю, что папа был вторично в ярославском управлении, и ему сказали, что для получения пропусков вам самим нужно приехать в Ярославль. Наверное, он и мне об этом сообщал, но письма его всё нет ещё. От Копорского и Рыскина пока ещё тоже писем не было. Интересно, поехала ли Лёля в Ярославль, как вы задумали, чтобы разузнать всё на месте и пр. и пр. А, впрочем, что же всё это писать? Ведь покудова мои письма до вас дойдут, всё уже так или иначе, а будет делаться. Порой даже не знаешь, что и писать, и чувствуешь себя как исписавшийся писатель в стихах Саши Чёрного:

«Исписался… Что будет с моей популярностью?..
Исписался… Что будет с моим кошельком?..
Назовёт меня Пильский грошовой бездарностью,
А Макс Калошин разбитым горшком»[A].

Сейчас допишу письмо и пойду в город: на почту, потом в Военторг за хлебом, потом занесу хлеб домой и пойду обедать. На почте, кроме этого письма, пошлю ещё вам «Учительскую газету» (в ней помянуто о Рождественском. Это, вероятно, Лёлин знакомый, он, очевидно, эвакуирован в Казань), в которой есть статейка о Сталинске. Хотя «Известия» и «Правду» вы, наверное, и читаете, беря из сельсовета, но «Учительской газеты» и «Литературы и искусства» у вас, поди, нет. Да и на бумагу пригодятся.

Ну, друзья, пока. До свидания. Что-то много не пишется, голова несвежая. Жду с нетерпением от вас писем. От Лёли, наверное, будут приходить из Ярославля.

Да, ещё пошлю вам «Известия» с кратким сообщением об открытии детских костнотуберкулёзных санаториев в Московской области. Это, так сказать, для общей ориентации. Привет, целую. С. Дмитриев.

[A] Строки из сатиры Саши Чёрного «Переутомление» (посвящается исписавшимся «популярностям)» (1908). Имеются в виду: журналист и писатель Пётр Мосевич (Мосеевич) Пильский (1876–1941) и поэт, переводчик, художник, литературный критик Максимилиан Александрович Волошин (1877–1932) — Вакс Калошин.

69-е

Понедельник 6 апреля 1942. Сталинск.

Дорогие друзья, вчера от вас не было писем. Очевидно, опять скопится писем 4–5, и сразу их почта доставит.

Вчера я послал вам 68-е письмо и бандероль с 4 газетами «Известия», «Правда», «Литература и искусство» и «Учительская газета». Кое-что в них показалось мне не лишённым интереса для вас, и я решил их вам переслать. Хотя «Известия» и «Правду», наверное, у вас и есть возможность читать в сельсовете. Ну, и для бумаги пригодятся после прочтения. Последнее время всё посылаю вам простые, не заказные письма. Лёля писала, что по её наблюдениям они идут не хуже заказных. Любопытно, подтвердилось ли её наблюдение на доставке моих писем.

Вчера после того, как отослал вам письмо, купил хлеб, сходил в столовую, вернулся домой и отдыхал, пришёл знакомый Николай Иванович Резвый (помните, я писал вам, что я его когда-то узнал, когда он был ещё аспирантом ИФЛИ) и позвал пойти вечером в театр. После некоторых колебаний отправился с ним и сестрой его жены в театр. Жена его, Капитолина Андреевна, от театра отказалась, так как накануне в субботу подверглась первой прививке против брюшного тифа и чувствовала себя крайне скверно, даже лежала. В театре сейчас гастролирует Московская оперетта. Шла «Взаимная любовь». Из новых советских оперетт эта, пожалуй, наиболее удачная. Дирижировал Александров[A], художественный руководитель театра. Пели Лазарева, Лебедева, Урбан, роль комика парикмахера исполнял Алчевский (он в «Роз-Мари» в сцене вранья играл незадачливого сержанта-сыщика). В общем, по сравнению с другой советской опереттой «Голубые скалы», которую мы с Лёлей смотрели в этом же театре, «Взаимная любовь» очень выгодно отличается. Смотрел я, впрочем, без особо большого удовольствия. В репертуаре у них: «Свадьба в Малиновке», «Баядера», «Сильва», «Летучая мышь»[B]. Кончилось поздно, около часу ночи. Но так как спешить было не нужно ни на метро, ни на электричку, то я весьма спокойно к этому отнёсся.

Сегодня с утра идёт у нас дождь и очень большой. Прививочные переживания у меня почти уже окончились. Вечером предстоит обзорная лекция в институте.

[A] Имеется в виду Николай Григорьевич Александров.

[B] Оперетты «Свадьба в Малиновке» (композитор Б.А. Александров; 1936), «Баядера» (композитор И. Кальман; 1921), «Королева чардаша (Сильва)» (композитор И. Кальман; 1915), «Летучая мышь» (композитор И. Штраус (сын); 1874).

В беседах часто слышу, что в нашем городе, вокруг Швейцарского дома, с питанием очень трудно. Кушать почти нечего. Поэтому ещё и ещё раз задуматься нужно о быстром переезде вас домой. Плохо или хорошо, а в деревне всё же тянетесь. Если Пётр Николаевич всё верно пишет, то вопрос с квартирой разрешается относительно благоприятно. Коли все наши общие дела пойдут весной и летом хорошо, то к осени сеть школ в нашем городе восстановится и, может, тогда все под кровлю Швейцарского дома и соберёмся. Впрочем, я думаю, что сейчас вряд ли у вас будет реальная возможность перебираться в Швейцарский дом. В лучшем случае Лёля одна съездит, как говорится, понюхать, как и что. Ну, однако, все эти рассуждения пока до вас доберутся, уже устареют.

Вот у меня просьба к вам: напишите, когда и кто у нас во всей семье празднует разные свои личные праздники — дни рождения и пр. А то я, по рассеянности, могу это дело забывать.

Как бабушка Серафима Галактионовна? Нет ли ещё результатов её хлопот о пенсии за сыновей? Как Гога? Пусть, если есть возможность, напишет мне про Ильинскую весну. Как прошёл у вас вчерашний день?

Ну, до свидания. Целую вас. С. Дмитриев.

70-е

Вторник 7 апреля 1942. Сталинск.

Дорогие ильинцы, как я и ожидал, вчера пришла целая серия писем от вас — 5 штук. Письма Лёли от 16/III, от 19/III, бабани от 17/III, от Лёли от 22/III и бабани и Гоги от 23/24 марта № 18. А бабанино № 17, видно, ещё бродит, или она забыла и 17-е письмо занумеровано № 18-м. Ну, ладно. Таким количеством писем я был очень доволен. Читал их и перечитывал. Постараюсь ответить на некоторые ваши вопросы. Причём буду отвечать в порядке их появления в письмах, т. е. во внешнем порядке.

а) Лёля шутливо опасается, как бы я не зарекомендовал себя так хорошо, что здесь уж очень бы сильно меня стали держать и «не пущать». Не думаю. Здесь-то меня, мне кажется, отпустят. Не в этом дело. А вот брать-то меня отсюда никто, видимо, сейчас не сможет. Из заочного отделения МОПИ ответили, что сами вызвать не могут, штатных единиц у них нет вовсе, сотрудничает один историк СССР и то на почасовой оплате. А очный МОПИ в Малмыже и туда меня зовут. Но Сталинск в сравнении с Малмыжем — это Париж в сравнении со Скотопригонском. Добраться до Малмыжа целая проблема. Он на юге Кировской области, сравнительно недалеко от Казани. Гога его на карте разыщет. От железной дороги 50 км. Летом можно от Москвы и от Макарова, а также Ярославля в Малмыж и обратно пароходами. Например, так:

Данилов — Котельнич по железной дороге (около 500 км). Котельнич — Малмыж — пароходом по р. Вятке. Или так: Москва — Коломна — по р. Москве, Коломна — Горький — по р. Оке, Горький — Камское устье — по р. Волге, Камское устье — Малмыж — по Каме и Вятке. Или так: Москва — Волгоканал, далее по Волге, через Ярославль до Каменного Устья. Но, сами понимаете, что такое путешествие в мирные времена могло принести развлечение, а в наш будет, пожалуй, излишне сложно. Сейчас я, понятно, и думать не хочу о Малмыже. Увидим, что летом будет. Я всё же, хотя и с робостью, но надеюсь, что к осени потянемся на свои места, к Швейцарскому дому. Вчера ответили мне из Заочного отделения МГУ очень кратко, но понятно: «Уважаемый т. Дмитриев. На Ваше письмо сообщаем, что исполнить Вашу просьбу не можем, так как вызов граждан в Москву воспрещён. Секретарь заочного отделения МГУ Хренникова. 18/III-1942». Вот видите как. В двух местах уже отказ пока. Вероятно, и из других попыток пока не больше получится. Хотя и продолжаю писать и хлопотать. Да и то сказать, что если, как пишет Николай Леонидович, профессора МГУ в Средней Азии рвутся и мечтают попасть домой, но не могут пока, то мне особенно обольщаться надеждой не стоит. Между прочим, такое упорство в недопущении возвращенцев заставляет серьёзно задуматься и над необходимостью поспешного возвращения вас в Швейцарский дом (точнее сказать, над своевременностью поспешности). Таким образом мне, Лёля, пока не столько угрожает удержание здесь, сколько неприглашение оттуда. Если всё же чудом удастся получить мне вызов домой теперь или вскоре, то я думаю туда поехать. Один я как-нибудь там при службе просуществую, и всё-таки в доме будет человек. На крайний же случай, коли там опять будет невтерпёж, буду стараться пробраться к вам.

б) Далее, я думаю, что если вы больше склоняетесь к тому, чтобы особенно не спешить со своим переездом в Швейцарский дом, то, пожалуй, что на сегодняшний день вы и правы. Понятно, и доехать будет трудно, и устраиваться на новых местах будет трудно, и весной и летом не исключена полностью возможность необходимости снова обратно из Швейцарского дома уезжать или в Ильинское, или ещё куда. Так как, как будто бы с квартирой положение несколько прояснилось, то и с этой стороны (оборона квартиры) особенно сейчас можно не спешить. Так что, возможно, твой план, Лёля, подождать бумажку из Ярославля, а потом самой туда съездить, и правильный. А там, глядишь, и тепло придёт. Разумеется, если бы я к маю получил вдруг для себя вызов в Москву, то за вами бы непременно заехал, и там бы уже всё на месте решили. Но это уж очень бы всё идеально было. В жизни так обычно не бывает. Печально, но так. А пока, может быть, особенно не спешите с отъездом.

в) Ценное письмо с бумажкой-бронёй от Комитета по делам высшей школы я вам ещё не посылал. И телеграммы тоже не послал. Жду известий от Филинкова о приёме Музеем квартплаты.

г) Считать полностью исключённой возможность необходимости вам уезжать не к дому, а ко мне пока ещё нельзя. Май-июль покажут многое. Но, думаю, что если бы такая необходимость возникла, то вырисуется она ясно, во весь рост, не сразу, так к середине, а то и к концу лета. Поэтому и в этом отношении следует поступать спокойно и осмотрительно.

д) Теперь на бабанины вопросы о возможностях моего приезда. Приехать к вам, я думаю, что смогу прямым поездом, из Новосибирска до Москвы идущим, но, возможно, что на него не попадёшь. Тогда нужно будет иметь пересадку в Свердловске. От Сталинска до Новосибирска путь несложен. Нормальной езды отсюда до вас нужно считать 5–6 суток. Если я сюда добирался почти 1½ месяца, так ведь мы сначала пешком шли, потом до Владимира на автомашине ехали, потом до Горького частью на товарных, частью на рабочих, частью на пассажирских местных тянулись. Далее в Горьком жили 3 суток, в Кирове жили 13 суток, в Барнауле — 3 суток. Так что на самою дорогу выходит недели 3 только. Да ведь условия езды-то тогда какие были! Если вы не выберетесь в Швейцарский дом и не поедете ко мне и если я сам не получу до лета для себя вызова для возврата в Швейцарский дом, то, конечно, я приложу все усилия, чтобы к вам приехать летом и решить вместе, как быть дальше. Правда, без командировки поехать отсюда будет очень трудно, но как-нибудь нужно будет выбраться. Занятия осенние в институте начнутся, вероятно, не с 1 сентября, а позже, так как студенты будут заняты в это время на сельскохозяйственных работах уборочных.

Вообще мама права, заключая, что в наше время много предполагать не имеет смысла. Всё слишком быстро изменяется. И через 2–3 недели могут возникнуть такие новые явления, что все расчёты и предположения насмарку пойдут.

е) Две верхние рубашки мне Пётр Андреевич в Новосибирске оставил у одних знакомых. Как-нибудь их сюда переправлю. Но вообще-то проблема рубашек сгладилась: на весну френч с пришивными воротничками, а для жары есть две (и даже 3 с Бетти Зиновьевной) вышитые рубашки.

ж) Глюкозу я когда-то пробовал. В 1918–20 годах.

з) Филинков, я думаю, ещё напишет. Особенно много времени уделять переписке ему, поди, и некогда, да и не в его характере.

и) «Гастроном» наш не упразднён, но почти всегда пуст. Очень редко появляется на 2–3 часа селёдка и сливочное масло. Очереди образуются сразу гро-

мадные и купить нельзя. Но в общем-то, я думаю, что всё-таки здесь получше, чем у вас, не говоря уж о городе Лёши и тёти Кати.

Гогочке завтра напишу особое письмо.

Милая Лёля, нежно тебя целую и желаю бодрости, как и всем вам. Прежде писали: «веруй, надейся и жди». Поменьше занимайся достоевщиной. Великий он писатель, но мастер из мухи слона делать. А это занятие опасно для себя, и для окружающих небезобидное.

Пока, до свидания. С. Дмитриев.

71-е[A]

Среда[B] 8 апреля 1942. Сталинск.

Дорогой Гога, пишу тебе письмо на листке, который я начал было 6 дней назад писать, как 67-е письмо, да куда-то он у меня тогда между книг запропастился, и я написал на другой бумаге, а сегодня случайно эту обнаружил.

Читал твоё последнее письмо от 24/III, в котором ты описываешь, как приходила к тебе учительница географии. Молодец ты, получил отлично! И в школу не ходишь, и на месте не стоишь, а вперёд двигаешься. Это очень хорошо. Теперь ты сдал, значит, алгебру за полгода и географию за полгода. Пока это письмо до тебя дойдёт, ты уж, наверное, и зоологию сдашь. Зоологию, поди, тоже на отлично. Это, ведь, твои любимые предметы, по-моему, были раньше — география да зоология. Мама пишет, что у тебя есть принесённая учительницей географическая карта. Что это за карта? СССР, Европы или всего мира?

Я очень рад также, что у тебя хорошее, ровное настроение и оптимистический взгляд на вещи. Это помогает жить. Вот ты маму, бабаню, бабульку поддерживай, весели их, воодушевляй.

Ещё хочу тебе сказать, чтобы ты побольше пользовался чистым и свежим весенним воздухом и солнышком. Устраивайся где-нибудь на завалинке, оденься потеплей, возьми книгу с собою, а то и так лежи да дыши поглубже.

Что тебе рассказать из здешней жизни? Вот расскажу о нашем новом знакомстве. Это — девушка-шорка Мотя, которая ходит мыть в коридоре и в уборной полы. Вот что это за человек. Роста очень маленького, кургузая, на коротеньких ножках. Лицо широкое, скуластое. Глаза широко расставлены, косые и узкие, тёмно-коричневые. Волосы чёрные, блестящие, заплетены в две косички. По-русски всё понимает, но сама говорит плохо, неправильно. К ней из деревни приезжает её тётка. Старая, сморщенная, жёлтая. Она привозит молоко. Деревня их километрах в 50 отсюда к югу, в северной части Горной Шории.

[A] Перед номером «71-е» зачёркнуто «67-е».
[B] Далее зачёркнуто «четверг».

Шорцы — тюрки, но, видимо, сильно смешавшиеся с монголами. Народ некрасивый, но люди они честные и исполнительные. Народ этот небольшой, их всех-то тысяч 15 насчитывается. Недавно ещё делились на роды и племена, жили в шалашах, курных избёнках, кормились охотою и были «язычниками». Крестили их во второй половине XIX в. Теперь работают в колхозах, на золотых приисках (в Шории есть). Язык тюркский, неразвитый. Вот некоторые географические названия — р. Кондома, Темир-Тау, Тельбес, Мундыбаш, р. Марас-Су, Шалым, Балыкса. К югу от шорцев живут ойроты, известные в истории под именем чжунгар, к востоку хакасы. Так как ойротов и хакасов довольно много, то объединены одни в Ойротскую Автономную Область, другие в Хакасскую Автономную Область. В столице Ойротии, в городе Ойрот-Тура сейчас Московский педагогический институт имени Либкнехта, переехавший сюда с Разгуляя. Недалеко от столицы хакасов г. Абакана находится село Шушенское, где жил в ссылке Ленин.

Да, вот ещё бабаня спрашивает, есть ли у нас в банях весы? К сожалению, ни в одной нет. Так что свешаться[A] и удовлетворить её любопытство не могу. Интересно, как ты и все вы выглядите. Поди, сильно похудели. Обо мне окружающие говорят, что я не меняюсь заметно, какой приехал в ноябре, такой и теперь. Вот только теперь в своём полупальто приобрёл настоящий сибирский вид. Здесь местные жители мужчины очень редко носят пальто, всё больше тужурки. А вот приезжие все как раз пальтовики.

Пиши, Гога, почаще, как твои учебные дела будут двигаться, как здоровье. Целую тебя и всех вас. С. Дмитриев.

72-е [На почтовой открытке имеется штамп: «Просмотрено военной цензурой. Новосибирск»]

Четверг 9 апреля 1942. Сталинск.

Дорогие ильинцы, вчера послал письмо Гоге, сегодня посылаю вам открытку. Мой запас конвертов иссякает. А открыток ещё порядочно. Вот только как вы будете обходиться без моих конвертов? Вчера получил письмо от папы от 27/III. Он считает, что вам уж очень спешить сейчас же с переездом в Швейцарский дом не стоит. Подождать, когда потеплеет. Так что в этом отношении, вопреки твоих, Лёля, опасений, папа, в общем-то, занял вашу же точку зрения. Сообщает, что получил открытку от Рыскина, который пишет, что оформиться на жительство в Москве очень трудно, и сообщает, что квартиру его за время его отсутствия основательно «пообщипали». Лёля, я тебе его (Рыскина) адрес писал. Но ещё раз сообщу: Маросейка, Сверчков пер., д. 8, кв. 4. Рыскин Борис

[A] Так в подлиннике.

Ильич. Спишись с ним на общие темы, может, он что и насчёт ТОНО в своё время поможет и разузнает. Далее папа пишет, что в ночь на 27/III у него останавливалась Серафима Галактионовна, а утром ушла в Некрасово к Насте.

На этой неделе кончаю читать лекции. Экзамены у моих студентов будут 20–21 апреля. Затем мог бы тронуться в путь, но удерживает не малая задержка — нет вызова, и не знаю, как его получить. Хлопотать продолжаю, но, возможно, Николай Леонидович и прав, считая всё это сейчас преждевременным и потому обречённым на неуспех. Ну, поживём — увидим. До свидания. С. Дмитриев.

73-е

Пятница 10 апреля 1942. Сталинск.

Дорогие друзья, привет! Как живёте-можете? Как совершила своё путешествие в Некрасово бабушка? После прихода от вас целого гурта писем из 5 штук теперь опять на письменном фронте затишье несколько дней будет. А там, глядишь, снова 4–5 писем подсыплет. Что вам написать, уж, право, не знаю. Так часто пишу, а происшествий так мало, что прямо сядешь писать, а что писать и не знаешь.

Ничего нового за эти дни не произошло. Вот разве одна новость небольшая. Вчера пришёл мне перевод на 610 рублей из Кирова из Наркомпроса от К.А. Коноваловой (та самая Коновалова, под началом у которой я служил в Московском областном музее в 1931–33 годах. Она теперь работает в Планово-финансовом управлении Наркомпроса). Вчера же получил и деньги (610 рублей). Это небесполезное восполнение моего бюджета после затрат на одеждные дела. Спросите наподобие пиковой Лизы «откуда эти деньги, к чему они?» Это — не полученное мною при срочном отъезде из дома жалованье по МОПИ за первую половину октября прошлого года. Правда, с опозданием, но всё же пришли. Вот, пожалуй, единственная новость.

Да, ещё вчера был страшенный буран. Ветер прямо с ног сбивал, но было очень тепло и солнце светило. Порвало много проводов. И в нашем доме вечером не было света, да и сейчас горит в ½ накала.

Вот так новости! Пишу, и самому даже смешно. Что же делать? Настоящих, действительных новостей нет. Пишу, пишу о своём вызове, но толку нет и нет. Где молчат, где отказывают, так как не могут сами вызывать. Ну, что ты будешь делать? Приходится сидеть у гор и грязи (за отсутствием моря) и ждать погоды.

Отложу письмо на время, может, какие новости будут.

Продолжаю писать утром в субботу 11 апреля. Вчера так никаких новостей и не произошло. Разве только помянуть, что днём, когда я был в институте, по-

звонили мне и заказали прочитать лекцию о войне 1812 г. сегодня в 7 часов вечера. Да ещё, когда вернулся домой, то оказалось, что электричество всё ещё неисправно и горит вполнакала. Читать было нельзя, пришлось рано лечь спать. Вот так новости! Как Киселёв бы сказал: Ха-ха-ха-ха-ха-ха-ха-ха-ха! Три ха-ха!

Сейчас отправлюсь в институт на 3-ю и последнюю прививку. Позавчера на время сломали деревянные лёгкие мостики через р. Абушку, по которым мне было очень близко ходить в институт. Теперь нужно обходить[A] на большой мост, по которому ходят трамваи. Мосты сломали в связи с прибытием воды, чтобы их этой весенней водой не унесло.

Вчера написал Коноваловой известие, что переведённые ею деньги я получил. Отправил ещё второе письмо Панкратовой. Сегодня ровно месяц, как пришла сюда телеграмма Филинкова с известием о получении им моих 250 рублей. С той поры что-то нет от него известий. А должны бы уже быть. Ну, что же, рецепт один — ждать. У него, как и у всех наших согорожан, условия жизни и работы, поди, не очень-то лёгкие. Да и судя по другим письмам, корреспонденция из нашего города стала двигаться весьма медленно. Недавно получил письмо от Пайкина из Книжной палаты. Сообщает, что все рукописи двух работ, представленных в августе-сентябре прошлого года мною, Новицким и Рубинштейном в Палату, там, к сожалению, утрачены. Хорошо, что ещё тогда мы получили почти весь гонорар. Высказывает Пайкин сожаление по поводу моего отсутствия в городе, так как, пишет он, вести работу издательству очень трудно — авторов нет. Так что работа для меня была бы пока, по крайней мере. Но, вот как мне туда выехать — не знаю. Из моих хлопот пока ещё ничего не выходит. Окружающие считают, что нужно особенно не спешить, ждать хотя бы до второй половины мая — начала июня. Но мне ждать уже адски надоело. А всё же волей-неволей, а, видно, придётся ждать. Ведь без вызова не только туда не приедешь, но и отсюда не больно-то выедешь. Но далее, допустим, что отсюда бы я как-нибудь выбрался без вызова и назначения на работу, куда же бы мне ехать? В Швейцарский дом не пустят без пропуска и вызова; в Ярославле делать нечего, очевидно, судя по письмам папы и Рыскина зимней записке, да и с пропиской, вероятно, непросто; в Ильинском мне совсем делать нечего; в Малмыж ехать неохота и смысла нет сейчас. Очевидно, приходится о себе на ближайшее время так решать: хлопоты о скорейшем возврате меня домой, продолжать, хотя и не обольщаться надеждами на их успех, по крайней мере, на быстрый успех, и, вместе с тем, пока продолжать сидеть на[B] месте до мая-июня

[A] Так в подлиннике.

[B] Предлог «на» вписан над зачёркнутым «за».

(если, понятно, до этого времени ничего положительного из хлопот о получении вызова не будет), когда будет виднее многое и в отношении вас, и в отношении себя. Если же мои хлопоты вдруг, да и увенчаются успехом, и вызов будет относительно скоро, т. е. до конца мая — начала июня, тогда я думаю, им тотчас же воспользоваться и поехать к дому. К таким мыслям прихожу насчёт себя.

Теперь далее, вы и папа в отношении вашего переезда, пожалуй, правы, т. е. особенно спешить не стоит. Подождите хотя бы до середины или начала мая, до полного тепла. Может, что и у меня выяснится к этому времени. Ехать Лёле с Игорем сюда ко мне сразу же, как потеплеет, думаю, что нецелесообразно. Я бы сказал, что им такой путь предпринимать, учитывая состояния здоровья Игоря, нужно будет только в случае крайней необходимости. А она может во весь рост выясниться не сразу как потеплеет, а попозже. Если вообще ещё она возникнет. Если же она не возникнет, то значит общие дела будут идти хорошо, и к осени все потянемся домой. И, если бы Лёля с Игорем приехали сюда ранней весной, а к осени пришлось бы назад трогаться, то боюсь, что две такие поездки для Игоря слишком дорого обойдутся. И ещё одно обстоятельство нельзя совсем из вида упускать.

Это вот какое обстоятельство. Хотя я и писал вам, что имею срок до 1 января 1943 г., но, ведь, картина с реальностью этого срока (точнее отсрочки) может сто раз перемениться, и я могу быть призван и отсюда неизвестно куда за тридевять земель направлен. Что же тогда здесь будут делать одни Лёля с Игорем, в такой дали от всех своих, в чужом городе, за 4.000 км от родных мест? Вот почему, хотя бы и хотелось мне, да и вам скорее соединиться, но нужно всё тщательно обдумать.

Вот мои, так сказать, текущие мысли. Если же общие дела весной и летом пойдут ни шатко, ни валко, как говорится, и для вас не возникнет необходимости уезжать ко мне, а для вас и меня не будет и смысла переезжать домой (а может, и возможности), то я постараюсь устроиться на работу где-нибудь поближе к вам к осени, и тогда на новом месте моей работы все и соединимся. Понятно, сейчас всё это домыслы, жизнь покажет. Теперь ведь и на неделю вперёд загадывать нельзя, а не только на месяцы.

Ну, пока, до свидания. Всех вас целую. Как чувствуют себя бабушки? Пишите. С. Дмитриев.

P.S. Пришёл в Институт, сестёр-прививальщиц-то и нет. Сижу и занимаюсь, поджидая их. Если скоро не придут, то пойду обедать, потом за хлебом, на почту — отправить это письмо. Писем тоже ещё нет. Вероятно, будут к вечеру. Ну, всё равно уж это письмо отправлю.

74-е

Воскресенье 12 апреля 1942. Сталинск.

Дорогие ильинцы, вчера был большой письмовный день, вернее сказать, вечер, так как письма падали веером. Кроме же писем, ничего нового вчера не было. Сестры-прививальщицы так и не пришли. И 3-й прививки не было. Очевидно, придут завтра, в понедельник. Вечером читал лекцию о войне 1812 г., слушателей было немного, человек 30. Правда, это уж такая аудитория — больше и не должно было быть. В институте вчера закончил свои лекции.

Перехожу к письмам. Получил сразу пять: Лёли от 25/III, бабани (№ 19) и Гоги от 26–27/III, Лены от 31/III, Филинкова от 28/III, А.И. Козаченко из Тобольска от 28/III. Целая галяма, как бабаня скажет.

О ваших письмах сначала. Очень-очень рад, что мама, по-видимому, почувствовала себя лучше. Сейчас хворать не годится где угодно, а у вас в деревне особенно — ни лекарств, ни врачей. Всячески держитесь и остерегайтесь. Поездки теперь, верно, весьма дело рисковое в отношении возможной порчи здоровья. Потому и ваши мысли насчёт некоторого замедления с возможным переездом, замедления в частности до тепла, мысли верные. Конечно, при тепле зимние болезни поулягутся, а от летних (главным образом желудочных) легче уберечься даже на людях. Затвердите себе, что даже самой чистой воды из самых уединённых колодцев и чистых речек, если она не прокипячена как следует, пить нельзя. Молоко тоже нужно кипятить. Все овощи перед едой крепко обваривать, огурцы и пр. непременно очистить (это особенно пишу для Лёли и Игоря). Руки тщательнейшим образом перед всякой едой (хотя бы кусочек хлеба сбираетесь пожевать) мыть. Гога, тебе, как знатоку книги Поля де-Крюи «Охотники за микробами»[A], поручаю неумолимо следить за гигиеной, за порядками. Дело нешуточное. Отнеситесь к нему со всей серьёзностью.

Бабаня, и все — берегите здоровье, старайтесь не простуживаться, не грипить[B]. Грипп кажется пустяк, но ведь организмы-то ослабленные, питание не прежнее. Бывая в людях, свою верхнюю одежду кладите или вешайте где-нибудь по возможности в сторонку от других одежд. Дома устройте для верхней одежды вешалку подальше от постелей, лучше вообще не в комнате, где спите. Если есть или будет возможность, то старайтесь побольше кушать лука (репчатого — сырого и зелёного) и особенно чеснока. Самые неприятные и опасные насекомые избегают людей, тело которых пропитано ароматическими составами этих растений, особенно чеснока. Летом, если будет представ-

[A] П. де Крюи «Охотники за микробами» (1926); перевод на русский язык — 1927 г.
[B] Так в подлиннике.

ляться возможность, постарайтесь побольше кушать ещё перца (стрючками, красного и чёрного). Это очень полезно против желудочных болезней. Наконец, я писал вам, врачи советуют смазывать волосы на голове и теле керосином; понятно слегка, но всё же хоть раз в неделю. Хорошо бы к будущей зиме раздобыться сушёной малиной для потенья. Нельзя, чувствуя недомогание, лезть на рожон, идти на улицу и дальше студиться. Бабаня, ты, брат, зря пошла тогда с кашлем и насморком в путь и, как сама пишешь, «сама себе навредила». Ещё очень хорошо, что Гога чувствует себя ничего. Пусть не очень только корпит над подготовкой зачётов. Побольше воздухом пользоваться нужно. Ему особенно.

Бумажка из Ярославского Управления милиции НКВД насчёт пропуска для Лёли и Игоря утешительна. Но до тепла, я думаю, можете ещё оттянуть, указывая на болезненное состояние Игоря. В Ярославском облздравотделе, я думаю, дадут направление в МОТИ, учитывая, что именно там Игорь лежал, лечился, там его врачи, наконец, там же должны, мол, делать и новый корсет, что заочно нельзя сделать. Теперь, если бы вы задумали в Швейцарский дом серьёзно, прочно переселиться, то нужно непременно и бабаню тянуть. Ведь одним без неё Лёле с Игорем будет трудно, да и ей оставаться не больно, поди, хочется. Может быть, если не сразу, то всё-таки возможно было бы ей выхлопотать и в Ярославль пропуск — она, ведь, сиделка, ухаживает за Игорем и пр.

Утешило письмо из ТОНО. Всё-таки я прав, говоря вам, что «толцыте и отверзется вам». Вот уже второй ответ из ТОНО. Так и переписка завяжется. Я думаю, что если нормальная работа в школах ТОНО наладится, то тебя вызовут. С Калашниковой постарайся связаться. Вот ещё всё забываю тебе спросить, предприняла ли ты что насчёт возможности работы в Кусковской железнодорожной школе 10-летке? Я писал тебе давно, что стоило бы туда адресовать запрос, не нужен ли, мол, такой работник. Сейчас иметь работу под боком у дома — дело важное, особенно для проживающих в пригородах.

Фире я ещё не писал. Вообще свои мысли о своих и ваших ближайших планах излагал подробно вчера в 73-м письме и повторять не буду.

Лена ничего нового не пишет. Поздравляет с праздником. Пишет, что все дома, вместе и здоровы. Но с питанием очень неважно. Заходила к ней Нюра Байбородина и сообщила, что от ленинградцев последнее письмо было от 17 января и в нём было сказано, что 27 декабря Дуняша умерла. Пишет, что заходила к папе Серафима Галактионовна. Письмо Лены короткое.

Филинков, наоборот, прислал большое письмо. Подтверждает, что получил мой перевод и деньги (250 рублей). И даже вложил в письмо формальную расписку на получение им этих 250 рублей от меня для передачи в Музей в виде квартплаты. Далее пишет: «Квартплату Музей принимает, бухгалтер делает вы-

верку и никаких препятствий к взносу нет. Квитанцию я вышлю Вам по почте. Задержка лишь в том, что, когда открыта канцелярия, я на работе, но я на 29-е договорился и внесу. Тратить деньги некуда кроме квартплаты, и у меня по переноске мебели никаких затрат нет». Очевидно, речь идёт о плетёной мебели, о переноске которой с балкона в комнаты он писал. Далее пишет: «Сообщаю, что Музей в бывшей Пурмаловской квартире организует летом художественную мастерскую» (понятно — директор художник). Таким образом директор, вероятно, на лето поселится сам у Пурмалов[A]. Это, пожалуй, всё же лучше для нас, чем общежитие. Наконец, Пётр Николаевич пишет, что с прокурором Выборновым он встречается, а также с его секретарём и те снова ему своё решение о возврате нам комнаты-библиотеки подтверждают. Советует мне ещё написать Выборнову и просить его подтвердить письменно своё решение. Но я это уже сделал, послав своё заявление (новое) Выборнову в письме к Филинкову, которое сейчас он уже, наверное, получил. Филинков работает в одном доме с Выборновым. На всякий случай сообщу вам адрес Выборнова: Перово, Ухтомского района Московской области. Плехановская ул., дом 3 6. Перовскому городскому прокурору т. Выборнову.

В доме и квартире, пишет Пётр Николаевич, на 28/III всё в порядке, «по-прежнему слежу за квартирой и буду следить». Рассказывает ещё такой случай: «На днях иду домой ночью — вижу весь дом ярко освещён. Сердце упало от страха, побежал и по колено в снегу добрался — оказывается дали свет, и у Вас в доме зажглась лампа, и у меня на кухне. Утром свет выключили. Это, так сказать, маленькое событие». Вывод: очевидно, света не было долго.

В общем, письмо неплохое. Квартплату Музей берет, права на квартиру и имущество прокурор подтвердил. За домом Пётр Николаевич смотрит. Как угодно, а пока всё гораздо лучше, чем можно было ожидать. Теперь нужно вам выяснить судьбу ваших 360 рублей. Да, ещё Пётр Николаевич говорит, что написал Кате два письма, в которых говорит, что каждое воскресенье в 1 час дня он дома и ждёт её для разговоров.

Козаченко пишет из Тобольска. Живёт там с женою, оба прихварывают, она особенно — астма, а климат суровый. Город далеко от железной дороги. Это и минус, и плюс: мало эвакуированных, почти нет вывоза, а из деревень всё же кое-что привозят, так что сыты. Жалеет, что нельзя посылать посылки, а то непременно бы послал продуктов и белья Марголину и мне. В Москву стремится, но считает сейчас почти невозможным туда попасть. Сообщает, что будто бы академик Владимир Иванович Пичета хлопотал о своём вызове, и то не пу-

[A] Так в подлиннике. Имеется в виду квартира бывшего директора Музея К.К. Пурмана.

стили. Но, думаю, что в Тобольске именно такие представления и должны быть у людей. Ведь у них чуть ли не единственная связь с миром это — радио. Интересуется здоровьем Игоря. Ну, вот, пожалуй, и всё. Целую вас. С. Дмитриев[A].

P.S. Да, ещё Лёля спрашивает о минутах упадка, уныния и хандры. И великий Потёмкин их не был чужд. Что же о нас смертных говорить? Но нужно себя держать в руках. Бодриться. Я так стараюсь. И вам советую. С.Д.[B]

Да ещё пошлю вам сегодня 4 газеты бандеролью[C]: 2 «Комсомолки» (статья «Зима в Берлине»), «Литературу и искусство» и «Правду». Кое-что интересное есть. Да и бумага[D] . С.Д.

P.P.S. Гоге для коллекции шлю 6 марок, но, наверное, все они у него есть.[E]

75-е

Понедельник 13 апреля 1942. Сталинск.

Дорогие ильинцы, вчера получил одно письмо от Лёли от 28/III. Читал его и был очень доволен впечатлением, произведённым на вас письмом Филинкова. На меня оно тоже произвело хорошее впечатление. В общем-то он оказался всё же гораздо более хорошим человеком, чем некоторые о нём думали. Позавчера, в субботу, пришло новое от него письмо от 28/III: пишет, что мои 250 рублей получил, Музей квартплату принимает без всяких трений, и 29/III Филенков её внесёт, а квитанции вышлет мне. В квартире и доме, пишет, всё благополучно.

С тревогой и болью прочитал я в вашем письме описание твоих, Лёля, трудов на лесозаготовительном фронте. Всё же эта работа не по вам. Уж не говорю о возможности простуды, но нужна тут просто большая физическая сила. Никак нельзя от неё избавиться? Ведь не со всякой же работой человек может справляться. Не знаю, конечно, как обстоит у вас дело на месте, но мне кажется, что при настойчивости можно бы добиться более посильной работы. Всё же вы, ведь, не члены колхоза. Правда, это субботник. Но в то же время, Лёля, пишешь о продлении его чуть ли не на неопределённо долгое время.

Болезни, действительно, страшны. Во вчерашнем письме я писал вам о кое-каких рецептах. Но нужно беречь себя не только от больших болезней, но и от «пустяков» вроде гриппа. Ведь организмы-то у всех нас не прежние: запасов жиров и пр. в них нет. А потому и сопротивляемости прежней нет. Вот бабаня

[A] Текст письма от слов «представления и должны быть у людей» и до подписи написан на левом поле четвёртой страницы.
[B] Текст данного абзаца написан на левом поле второй страницы письма.
[C] Слово «бандеролью» вписано над строкой.
[D] Текст данного абзаца написан на левом поле третьей страницы письма.
[E] Текст данного абзаца написан на левом поле первой страницы письма.

сама в своём гриппе виновата: нездоровой пошла в поход и добавила себе. Нужно осторожнее быть.

Что от Наташи и Кати писем нет — это понятно. Не до писем им. Там сейчас довольно туго живётся. Не до переписки. Лучше, по-моему, может быть положение у Нины: во-первых, за городом, во-вторых, ближе к деревне, в-третьих, какие-то, хотя и скромные, может быть, возможности огородные, козье хозяйство и пр. Теперь без такого своего подспорья трудно прожить будет. Если вы до тепла останетесь на месте, то об огороде обязательно нужно думать.

Ещё хочу вам сказать — не нервничайте. Я понимаю, как трудно всё ждать и ждать. И самого порою крайнее нетерпение берет. Но ничего этим нетерпением взять нельзя. Только лишняя трёпка нервов. Всё-таки уж не так и долго ждать, ну май-июнь, а там ведь уже будет уясняться, как и что. Если в это время общие наши дела пойдут хорошо, то к осени вы, во всяком случае, я думаю, будете дома. Тебе, Лёля, ТОНО работёнку даст, а не устроишься и, заранее скажу, не упирайся непременно в педагогическую работу. Вон Пётр Николаевич — режиссёр, работает в сапожной артели в Перове. И я вижу тут смысл, и большой. Каким-нибудь работником он и тебя устроит где-нибудь. Коли всё хорошо пойдёт, то я тоже не замедлю, так как возобновится более или менее нормальная работа в ВУЗах. Так что крепитесь. Вы всё же 4 человека вместе, можете и поговорить, и посоветоваться друг с другом. Сравнительно неподалёку от вас в Данилове, в Байбаках[A], в Ярославле, в Москве у вас родные и знакомые есть. Сейчас, конечно, всем туго приходится, но всё же, как говорится, на миру и смерть красна.

У меня особых новостей нет. Сижу у моря и жду погоды. Сегодня ходил на базар, ничего там нет, кроме яиц по … 90 рублей десяток, да семян свёклы, моркови и репы. Домой приносили нам ягоды калины по 3 рубля стакан, я взял 7 стаканов. Ну, до свидания. Всех вас крепко целую и желаю бодрости и здоровья.

В Кусковскую школу всё же, Лёля, черкни. С. Дмитриев.

P.S. Сделал сейчас (3 часа дня) третью прививку, и последнюю. В 4 часа утра у меня консультация, потом пообедаю, потом, думаю, сходить в баню. С.Д.[B]

76-е

Вторник 14 апреля 1942. Сталинск.

Дорогие ильинцы, вчера получил запоздалое письмо бабани (№ 17) от 20/III и Гоги, письмо Николая Леонидовича от 23/III и Петра Андреевича Зайончковского от 6/IV. Ваше называю запоздалым потому, что ещё ранее пришло

[A] Слова «в Байбаках» вписаны над строкой.

[B] Последний абзац написан на левом поле первой страницы письма.

письмо бабани № 18 и письмо Лёли от 28/III. На ваше письмо отвечу так: пиво пью. Теперь оно в столовой довольно часто бывает, почти каждый день, правда, подорожало оно в 2 раза. Молоко тоже достаю иногда ежедневно, иногда через день. В «Гастрономе» делать, верно, нечего. Николай Леонидович настоятельно требует, чтобы до конца мая — начала июня я ничего не предпринимал и никуда не уезжал отсюда. С нетерпением ждёт он писем от своих ленинградцев, но не имел их от января. На днях, между прочим, Сергей Леонидович Рубинштейн (Лёля его знает, толстый, психолог) получил Сталинскую премию в 10 тысяч рублей за свой курс «Основы общей психологии». Он вышел в прошлом году. Поздравьте Николая Леонидовича. Сегодня получил письмо от Дмитрия Леонидовича Рубинштейна из Томска, Лёле шлёт привет. Пока, пишет он, надежды на возврат домой ещё совершенно не ясны. Целую всех крепко, Лёлю и Гогу особо. Как здоровье мамы? С. Дмитриев.

77-е

Среда 15 апреля 1942. Сталинск.

Дорогие ильинцы, вчера послал вам открытку № 76-й. Конвертов печатных нет, которые вы могли выворачивать наизнанку и отсылать обратно, становится у меня всё меньше. Скоро придётся перейти на самодельные, а их уж вам не вывернуть. Потому теперь иногда буду писать открытки, их у меня ещё есть порядочно. Купить же ни конвертов, ни открыток нельзя.

Позавчера сделал себе 3-ю и последнюю прививку против брюшного тифа. Прошла она почти без всяких болезненных явлений, в отличие от второй и особенно первой. Позавчера же пришли письма от Николая Леонидовича, Петра Андреевича и ваше, бабани № 17 от 20/III и Гоги. А ещё прежде всего письмо Лёли от 28/III и письмо бабани и Гоги от 23/III за № 18. Так что ничего нового для меня в этом письме не было.

Николай Леонидович пишет в ответ на мои возвращательские планы, что, по его мнению, планы эти нереальны. Сейчас вряд ли кому удаётся вернуться домой, в наш город. Да и смысла нет. «К тому же по сведениям, доходящим сюда, например, от Анны Михайловны Панкратовой, жизнь там много сложнее, чем нам всем думается, и естественно сейчас не станут нагружать Москву без крайней необходимости новыми людьми».

Планы моей поездки отсюда к вам или в Ярославль сейчас же по окончании здесь моих занятий, т. е. в конце апреля — начале мая, он считает тоже поспешными. Предлагает ждать до мая-июня. А уж там, в зависимости от всего решать, как и что делать. По-видимому, так и придётся поступить. Я уже вам писал об этом. Вы со своим переездом домой тоже, пожалуй, не горячитесь.

Всё-таки в мае будет и теплее, и может быть, виднее, так сказать. Тяжело ждать, но нужно ждать. Ничего не поделаешь.

Если бы я был вообще один, не связан в своих планах, думах и настроениях с вами, так я, пожалуй, бы поехал теперь в Малмыж. Я вам писал, что туда меня приглашают. Там находится наш МОПИ, туда эвакуированный. Существует он, поди, в полуразвалившемся состоянии. Нет ни преподавателей, ни, я думаю, достаточного числа студентов. Но плюс мог бы быть впоследствии такой — МОПИ не останется ж в Кировской области, в Малмыже. А с ним и я бы вернулся в Москву. Далее, хотя и маленький коллектив, но всё же свой, в котором я плохо-плохо, а 6 лет работал. Наконец, Малмыж ближе и к Москве, и к вам. Правда, минусы тоже есть: Малмыж это, конечно, деревня. Не на железной дороге, а в 50 км от станции Вятские Поляны Казанской железной дороги, от Казани к востоку в 130 км. Совсем не знаю, каковы там продовольственные условия. Квартирные, конечно, со Сталинском несравнимы. Культурные условия Малмыжа, конечно, хуже даже здешних. Я потому так о Малмыже задумался, что сегодня утром вдруг приносят мне на дом телеграмму из Москвы от 13/IV такого содержания: «Срочно выезжайте Кировской обл. пединститут необходимы историки замдиректора Хромова». Хромова — это зам. директора нашего МОПИ. Она в Москве. Она там возглавляет кое-как влачащее существование заочное отделение МОПИ. Я им писал о своём вызове в Москву, но получил ответ, что вызвать не могут без Наркомпроса. Она же мне ответила, что очный МОПИ эвакуирован в Малмыж. Я туда черкнул и получил приглашение не в Москву, а в Малмыж.

Понятно, я написал в Малмыж дипломатическое письмо, что, мол, хотел бы у вас продолжать работать, но сейчас не могу приехать — занят здесь. А в июне постараюсь. Но, очевидно, историка там нет, и они за меня ухватились. Вот потому и телеграмма пришла сегодня.

Конечно, если бы душа о вас не болела, так можно бы туда и двинуть. Я теперь ведь всего навидался, прошёл огонь и воду, и медные трубы, как бабушка Дарья Лаврентьевна говорила, и меня многое не пугает. Малмыж так Малмыж. От Малмыжа до Москвы всё же только 900 км, а от меня без малого 4000! Дистанция! С питанием, думаю, что в пункте, удалённом на 50 км от железной дороги, как-нибудь бы можно устроиться. Но в зимних условиях от вас до Малмыжа добраться труднее, чем до Сталинска. Сталинск всё же на прямой железной дороге от вас до меня. А Малмыж на Казанской железной дороге и от вас по железной дороге до него добраться дело хитрое. Т. е. приблизиться к нему: добраться-то вообще нельзя, так как он не на железной дороге. Но зато летом, при навигации от вас до Малмыжа добраться не так уж трудно, пожалуй,

не труднее, а легче, чем до Сталинска. Путь такой: от вас из Ильинского до станции не Макарово, а на другой ветке на Буй и затем поездом через станции Любим, Буй, Галич, Нея, Мантурово, Шарья, Свеча до Котельнича. В Котельниче железную дорогу нужно оставить и пересесть на пароход, идущий вниз по р. Вятке до самого Малмыжа. В прошлом году, когда мы были в Кирове, то пароходы ещё ходили по Вятке (Киров выше Котельнича по течению, где Вятка мельче), а шёл конец октября — начало ноября. Начинают же пароходики ходить, наверное, с конца мая — начала июня. От вас до Котельнича по железной дороге около 550 км. приблизительно, т. е. при нормальных условиях езды это одна ночь. А от Котельнича до Малмыжа по р. Вятке будет км 250–300 вниз по течению, т. е. опять-таки нормально ехать. Так не больше суток. Всё же это, конечно, пожалуй, легче, чем 5 суток в поезде до Сталинска с минимумом одной пересадкой в Новосибирске, а, возможно, что и с пересадками в Кирове и Свердловске на худой конец, если не попасть в прямой поезд Москва — Новосибирск или Москва — Владивосток.

Ну, ладно, пока всё это праздные фантазии, здания на песке. Пишу вам о них просто так, для того чтобы вы в курсе всех моих мыслей были. В Малмыж сегодня ещё напишу, что, мол, сообщите, найдётся ли у вас работа к июлю, каковы условия жизни и пр., и пр. Так как историк-то им сейчас нужен, то, думаю, что из моей дипломатии ничего не получится. Но ведь я и не стремлюсь, чтобы особенно получилось.

Однако, если бы (о, боже, сколько этих если?): 1) в Малмыже было бы сытно и тихо; 2) в Москву ни вам, ни мне вернуться не пришлось бы ещё на одну зиму; 3) в Малмыже для меня место и работа нашлись бы к началу будущего учебного года, то при прочих равных условиях, может быть, и о Малмыже к исходу лета подумаем. Отсюда до Малмыжа я бы добрался, а потом съездил бы за вами из Малмыжа. Ну, ладно, поживём — увидим.

До свидания. Привет всем. С. Дмитриев.

79-е[A] [На почтовой открытке имеется штамп: «Просмотрено военной цензурой»]

Суббота 18 апреля 1942. Сталинск.

Дорогие ильинцы, пишу открытку по соображениям экономии конвертов. Придётся Гоге заняться клейкой пакетов. От вас два дня писем не было. Вероятно, будут сегодня. Из своих хозяйственных новостей могу сообщить, что вчера купил по карточке 400 гр. подсолнечного масла. Молоко имею ежедневно и

[A] В подборке писем из Сталинска открытка за № 79 идёт после письма № 77; № 78 в подборке отсутствует.

почти ежедневно пиво. Но в «Гастроном» уже не нужно ходить, незачем. Завтра утром с соседкой Верой Григорьевной (52 года, жена соседа инженера, это справка для Лёли, для успокоения её буйных дум и чувств) идём куда-то на окраину города за морковью и луком. Имеем адрес, так что это облегчает нам поход. Вечером завтра предстоит лекция об Александре Невском. Сегодня готовил. Читаю роман Ремарка «Возвращение»[A] и собираюсь прочитать Эренбурга «Падение Парижа»[B]. До Толстого и Шолохова ещё не дошёл. А нужно бы. Уж если сейчас не прочитаю, то когда же, спрашивается?! Подбираю для вас газеты для следующей бандероли. На днях пошлю. Погода здесь, милый Гога, всё-таки стоит теперь опять холодная, солнце светит, а холод пронизывает. Всё-таки, брат, Сибирь, не Россия.

Ну, будьте, здоровы… большими вы уже выросли. До свидания. С. Дмитриев.

82-е[C]

Среда 22/IV-1942. Сталинск.

Дорогие друзья, хочу непременно написать вам сегодня, так как завтра, пожалуй, не будет времени. А вы в последних письмах сетуете, что стали редко приходить от меня письма. Вчера получил письмо от бабани 10/IV № 23 (№ 22-й не был пропущен, он ещё раньше пришёл ко мне). Очень-очень рад, что болезни у вас в Ильинском стали утихать. Хорошо, что и Лёля не слишком стремится пыхтеть на лесозаготовках.

Спросите, чем я буду завтра занят? Завтра буду принимать экзамены у своих студентов. В один день должны пройти 21 человек, так что, пожалуй, весь день и просидишь. А сегодня составил утром билеты с вопросами. Купил 1 литр молока за 20 рублей, и сейчас сижу в канцелярии школы № 8 и жду конца уроков, чтобы провести беседу с учениками 9 и 10 классов об Учительском институте и прелестях учения в нём. После беседы пойду в институт послушать экзамены по Древнему Риму. Потом обедать, да и домой. Вот текущие делишки. А настоящих, серьёзных дел нет.

Бабаня спрашивает, как мои обновы? Ничего, ношу френч (брюки парные к нему ещё приберегаю, брюки скорее носятся) и тужурку. Пока было холодно, носил и брюки на ватине, но теперь уже стало тепло. И я дал брюкам на ватине отставку. Отставку получила и зимняя шапка, перешёл к зелёной кепке, которую я ещё в Москве в прошлом году купил в начале войны. Таков мой туалет.

[A] Э.М. Ремарк. «Возвращение» (1931).

[B] И.Г. Эренбург. «Падение Парижа» (1942).

[C] В подборке писем из Сталинска письмо № 82 идёт за открыткой № 79; № 80 и № 81 в подборке отсутствуют.

Писать сейчас письмо трудно, так как в канцелярии сидят 5 педагогш[A] и ржут самым беззастенчивым образом. Правда, перед всеми разложены тетради для проверки, но для проверки ни время, ни сил у них не остаётся. Обсуждают премирование ребят какими-то подарками. Так что никак не сосредоточишься. Ну, ржание стихает. Сижу здесь и представляю себе педагога 455-й школы Ольгу Алексеевну Дмитриеву. Как всё-таки много общего налагает на людей профессия! Так из каждой рвётся педагогша — в манерах, оборотах речи, платьях. Так же, впрочем, и учёные люди имеют общую печать. А уж тем более военные. Вот текущие наблюдения. Дополнить ещё разве тем, что погода стоит дождливая, тепло, сыро, грязь невероятная. Правда, главные улицы залиты асфальтом и имеют тротуары, но едва от них отойдёшь, как попадёшь в месиво. Конечно, до знаменитой грязи города Кирова здешней почве далеко. Но всё же Кусковская весенне-осенняя грязелечебница более приемлема. Вот, когда позавчера ездили мы в Старый Кузнецк, там улица Достоевского действительно напомнила мне улицы гоголевских городов. Вся улица состоит из одной сплошной грязной и глубокой лужи. Если в неё упасть в пьяном виде, то можно утонуть.

Всё пустяки пишу. Ну, пора кончать. Время подходит к перерыву после 1-й смены. Сейчас пойду убеждать ребят поступать в институт. Причём заранее знаю, что поступать в Педагогический институт обычно бывает исключительно мало желающих. Но служба есть служба, нужно идти.

Как для Лёли прошли лесозаготовки? Что-то вот за последнее время идут письма всё от бабани да Гоги. А Лёля всё сбирается написать.

Да, весов в банях у нас нет нигде. Так что и свешаться не могу. Но, в общем-то, примерно я в прежнем весе. Окружающие говорят, что со времени приезда моего никаких заметных существенных перемен в моей наружности не произошло.

До свидания, целую вас. С. Дмитриев.

P.S.[B] Получил, придя в институт телеграмму от Филинкова от 21/IV с таким текстом: «Адрес домашний Кусково по старому, работаю директором театра Гай[C]. Филинков».

Таким образом писать ему нужно опять на Швейцарский дом. О нас (обо мне, по крайней мере) он помнит.

[A] Так в подлиннике.

[B] От сокращения «P.S.» и до конца письма текст написан с обеих сторон каталожной карточки.

[C] Очевидно имеется в виду кинотеатр в саду Гай, который являлся составной частью парка усадьбы Кусково.

Так как в письме он сообщал, что квартплату с нас принимают, а в телеграмме ничего по этому вопросу нет, то ясно, что со взносом квартплаты дело обстоит благополучно. Иначе бы он в телеграмме сказал.

Думаю, что для нас не хуже, что он директор сада Гая — будет ближе к дому и чаще будет в доме бывать.

Вот какие соображения навеяла мне его телеграмма.

На экзаменах по древнему миру я посидел, а сейчас с двумя историчками-преподавательницами нашего института отправляюсь обедать.

До свидания. С. Дмитриев.

83-е [На почтовой открытке имеется штамп: «Просмотрено военной цензурой»]

Четверг 23/IV-1942. Сталинск.

Дорогие ильинцы, сегодня утром выбрал время, чтобы черкнуть вам открытку. Сейчас закину её на почту и пойду экзаменовать. Вчера пришла телеграмма Филинкова от 21/IV: «Адрес домашний Кусково по-старому. Работаю директором театра Гай». Жив курилка. Пишите ему теперь на Швейцарский дом по-прежнему. Театр-Гай — это, конечно, кино в саду Гай. Так что теперь Гога мог бы смотреть все картины без больших затруднений. Думаю, при нужде и Лёля с бабаней могли бы получить в Гаю[A] какие-нибудь работёнки, вечерние. Главное удобство — вечером и рядом с домом. Но это, конечно, пишу так, вообще. Для возможного будущего.

До свидания. С. Дмитриев.

84-е

Пятница 24 апреля 1942. Сталинск.

Дорогие друзья, как идёт жизнь? Моя — по-прежнему. Всё живу и жду. А чего теперь жду и сам не знаю. Из заочного отделения МГУ отказ, вызвать не могут сами. Из заочного отделения МОПИ отказ, вызвать не могут сами. МОПИ зовёт в Малмыж, а мне нужно в Москву. Вчера пришёл ещё один отказ, из учреждения, которое, собственно, одно и могло бы дать вызов, из Наркомпроса. Писал я Клабуновскому и вот ответ от 10/IV: «Уважаемый тов. Дмитриев! Получил Ваше письмо. К сожалению, ничего не могу сделать для вашего вызова в Москву, так как это строжайше запрещено. Пока придётся подождать в Сталинске. С приветом, И. Клабуновский». Вот и всё. Коротко и ясно. Правда, утопающий и за соломинку хватается, и я утешать себя, было, начал фразой концовкой: «Пока придётся подождать в Сталинске». Таким образом всё же по-

[A] Так в подлиннике.

ка, т. е. пребывание моё здесь рассматривается Клабуновским как временное. Но в подлунном мире ведь всё временно…

Во всяком случае, приходится ждать. Во всяком случае, до июня. А там или это пока кончится и с вызовом наладится дело или… новая земля вне дома. Тогда, по крайней мере, буду хлопотать получить место где-нибудь к вам поближе, чтобы вам легче ко мне было добраться — может, Малмыж (если там что кушать есть), может что другое. Всё это ведь толченье воды в ступе. За месяц-полтора всё может перемениться. Кто её знает… ещё, может, вы здесь очутитесь. В Швейцарский дом, по-моему, рваться повремените. Всё-таки в мае-июне повиднее будет. Вот текущие мысли.

Вчера принимал экзамены. Пришли не все. Оставшиеся будут держать во вторник. Лекций уже нет.

Хозяйственные дела идут помаленьку. Попиваю молочко, за обедом пиво. «Гастроном», видимо, в бозе почил. Погода стоит мокрая, дожди, прохладно. Но ледохода ещё нет ни на Томи, ни на Кондоме.

Гога, какие газеты читаешь ты в сельсовете? Можно ли брать вам газеты на дом читать? Или ты один в сельсовет ходишь и, прочитав там, дома всё рассказываешь? А то иногда я мог бы посылать вам газеты. Правда, они, понятно, сильно устаревали бы. Я беру газеты в институте и иногда оставляю их себе (это можно). Здешняя газета почти не имеет бумаги. А потому и новые статьи мои тю-тю! Это жаль; видимость дела и небольшие деньги. Ну, ничего не попишешь.

Пока до свидания. С. Дмитриев.

Как конверты, Гога, клеишь? Есть из чего? У меня печатных ещё осталось штук 15, но я их берегу на случай писанья с дороги. С.Д.

85-е

Суббота 25 апреля 1942. Сталинск.

Дорогие ильинцы, последние дни что-то нахожусь в мерехлюндии. Ждёшь, ждёшь, да и терпение начинает потрескивать. А раздумаешься спокойно и опять приходишь к одному всё выводу: надо ждать. Получил сейчас письмо Лёли от 11/IV. Очень рад, что лесозаготовительные труды тебе, Лёля, не показались уж очень трудными. Доволен и твоим решением больше в них не участвовать. С письмом Николая Леонидовича мне поневоле приходится соглашаться. Вызова нет, в Ярославле работы нет. Вот здесь и будешь сидеть. Экзамены почти все принял. Во вторник — последние. А там, вероятно, предстоит председательствование в Государственной экзаменационной комиссии по истфаку. Но, в общем-то, сейчас дела почти нет.

Собирается институтский коллектив взбодрить огород, дали нам чуть ли не 1½ га на 25–30 человек. Копать придётся самим. Сажать кто что думает. Но се-

мян нет. На рынке очень дорогие, ложечками. Я, хотя на делянку и записался, но не знаю, как и что у меня будет. Хорошо бы посадить картофель, но его нужно иметь, по крайней мере, 3–4 ведра. Об огороде подумываю и потому, что, а вдруг вы приедете? Земля отведена нам очень близко, две трамвайные остановки проехать в пойме Томи. А, с другой стороны, думаешь — ну то я буду пыхтеть над огородом, а потом уеду отсюда? Впрочем, уеду — не уеду, ведь ничего не ясно. Рад, что настроение у вас немного поднялось и думаете как-нибудь тянуться. Вот мне бы тоже нужно приободриться. Ну, ладно, поживём — увидим.

Текущие известия:

Против сыпняка прививок нет, по-моему. А против брюшняка я уже принял и в бумажнике справка лежит, что гражданин такой-то прививку прошёл.

В Ярославль, я думаю, тебе особо не нужно спешить за пропуском. В мае увидишь, как дела пойдут. В Данилов же и в Пречистое выбралась уже, наверное.

Вчера получил письмо от Марголина от 13/IV. Он тоже начал устанавливать связь с Малмыжем, на всякий случай, т. е. с МОПИ. Вместе с тем, предпринимает попытки получить вызов в Москву. Сообщает, что получил телеграмму, гласящую о выезде его жены Фиры из Казани в Москву 4/IV. Так что теперь она уже в Москве. Он отправил ей письма для хлопот о его вызове в Наркомпрос. Я думаю, что ничего из этих хлопот не получится. А впрочем… Тем более, что живой человек что-нибудь да значит. Его Фира особа разбитная. Может как-нибудь и вызволит его. Но, конечно, не ранее конца учебного года, т. е. июля. А к тому времени всё ещё может по-иному оказаться.

Погода у нас понемногу устанавливается. Но вообще-то континентальный климат. Вчера, например, было холодно, дождь, а сегодня жара в +30°. Точно июль месяц у нас. А народ весь в калошах, в зимних пальто. И ещё неизвестно, что завтра будет. Да, о завтра могу сообщить следующее. Звонил мне Резвый и звал днём завтра в театр на «Баядеру»[A]. Хотя и нет никакого желания, но компании ради пойду. «Баядера» так «Баядера»…

Вот, так сказать, «дни нашей жизни». Пишу прескверно, так как в читальне института перья преотвратительные, чернил мало.

Ну, до свидания, друзья. Давайте крепиться. Уж всё-таки самое тяжёлое — неопределённость к концу подходит. Летом ясно будет ближайшее наше будущее.

Наташа, поди, просто занята, не до писем.

С. Дмитриев.

[A] Оперетта И. Кальмана «Баядера» (1921).

P.S. к 85-му письму.

Воскресенье 26/IV-1942.

Вчера не успел послать вам письмо. Сейчас решил немного пополнить.

Сейчас 11 часов утра, через 1½ часа отправлюсь в театр на «Баядеру». Утром сходил на базар, но совершенно безрезультатно. На деньги что-либо приобрести очень трудно, почти невозможно. Нужно вставать в очередь часов в 6 утра и ожидать, может, привезут мясо или что ещё. Есть яйца (80–90 рублей десяток), молоко по 30 рублей литр, морковочки маленькие и средние на круг по 1 рублю за штуку (в очередь и чуть ли не в драку), луковицы средние по 3 штуки на 10 рублей, свёкла по 12 рублей кило. Мясо же, когда бывает, то по 90–120 рублей за кило. Картошку только на мену. Вот картина базара. Не больно-то утешительная.

Утром домой принесли нам молоко. Литр я сменял на хлеб на 800 граммов, а другой литр купил на деньги за 20 рублей. Такая цена, да ещё с доставкой на дом объясняется тем, что деньгам сопутствует хлеб. Так на сегодня и завтра у меня 2 литра молока. Утренний завтрак мой был такой: хлеб, редька с остатками подсолнечного масла, два стакана простокваши и 1½ стакана молока. Ввиду того, что в «Гастроном» больше заходить незачем, в своих завтраках и ужинах я перешёл в основном на молоко в разных видах — свежее, кислое и простоквашу.

Второй день стоит у нас жара. Вчера было на солнце, чудно сказать, что это 25 апреля по новому стилю — +30°. Да и сегодня, хотя и утро, а уже парит. По этому случаю сегодня у меня была «весна, выставляется первая рама…». Сижу у раскрытого окна.

Ну, до свидания пока. Целую вас. С. Дмитриев.

86-е

Среда 29 апреля 1942. Сталинск.

Вот уже два дня как завертелся и не писал вам. Да и от вас за это время писем не было. Вчера весь день просидел на экзаменах. В воскресенье послал вам письмо и пошёл с одним знакомым в оперетту — смотрели с ним «Баядеру». Думал рассеяться несколько, но не больно-то рассеяние получается. Наступают тревожные беспокойные дни. Настроение напряжённое, хотя и понимаю, что толку от этого напряжения никакого нет.

Из писем за эти дни[A] два пришло. В воскресенье из Соликамска от А.Д. Эпштейна. Его письма очень меня поддерживают — рассудительные, с юмором, с огоньком написанные. Я их с удовольствием читаю. По его мнению, лучшее на что можно дерзать надеяться — это возврат домой к осени. Но и это

[A] Слово «дни» вписано над строкой.

кажется ему весьма сомнительным. В понедельник же пришла открытка от А.М. Панкратовой. Вот она: «13/IV. Уважаемый Сергей Сергеевич! Ваше письмецо получила, но сделать сейчас ничего не могу. Наш институт находится не в Москве, а в Ташкенте и притом под угрозой сокращения 20 сотрудников. МГУ находится в г. Ашхабаде, правда, открыли занятия и в Москве, но я там не работаю. Там деканом профессор Ефимов, заведующий кафедрой Минц (МГУ слился с ИФЛИ). Кроме того, есть запрещение вызывать людей в Москву, вызов происходит по лимитам наркоматов, и я не думаю, чтобы Наркомпрос в счёт своего лимита отозвал Вас из своего же института, не имя пока возможности использовать в Москве. Я передам Ваше письмо тов. Минцу, но не могу лично ничего для Вас сделать. Напишите в Ваши ВУЗы, особенно в МГУ, но не знаю, лучше ли Ашхабад, чем Сталинск. Надеюсь, если осенью будет лучше, встретимся. А.П.». Всё что подчёркнуто — подчёркнуто ею.

Особенно это письмо меня, как сами понимаете, не воодушевило и не окрылило. Это последнее письмо, которое я поджидал, чтобы подвести некоторые итоги своим попыткам сейчас вернуться к дому. А итоги эти таковы. Из всех моих письменных хлопот получить вызов сейчас ничего не вышло. И таким образом я больше пока не имею надежд на возврат весною или в начале лета. Что будет летом и к началу осени, сейчас сказать трудно. Для вас, пожалуй, проблема возврата весною или в начале лета будет легче. И поэтому, если бы общие дела пошли у нас хорошо, то стоит вам пропусками воспользоваться и в Швейцарский дом поехать. Но, в общем-то, нужно согласиться с Николаем Леонидовичем: до мая — июня нужно ждать. Хотя я и осатанел уж от ожидания, но никакого другого совета дать нельзя.

Вот текущие новости и мысли. Нового в них мало. Как говорится «исписался». Сейчас поеду в институт, а оттуда на участок земли, отведённый нам для огорода. Мне досталось 200 квадратных метров (две сотых га). Земля кажется плохая. Как её обрабатывать (новь) и чем засевать — всё это ещё не ясно. Ну, как-нибудь утрясётся. Не хочу откладывать отправку этого письма и потому ограничиваюсь одним листком. И то два дня не посылал.

Пишите, как идёт жизнь. Как, Гога, сдаёшь свои зачёты?

Целую вас всех крепко. С. Дмитриев.

87-е

Пятница 1 мая 1942 г. Сталинск.

Вот и 1-е мая! Погода сегодня чудесная — небо голубое, пустое, солнце светит вовсю и прохладный ветер. А вчера была пакость — снег, дождь, слякоть, резкий ветер. Вот уже дня 4–5 идёт ледоход. Вчера вода начала сильно прибывать и началось наводнение. Здесь весною заливает маленькие и много-

численные домишки на Болотной. Так называемая низменная часть города. Вода разлилась сильно, затопила дамбу и много улиц с хибарками и землянками. Затопила и трамвайный путь в Старый Кузнецк, так что вот уже второй день как туда трамваи не ходят.

День 1-го мая нынче рабочий. Вспоминаю, как прежде мы его проводили: я обычно в 2 часа (а сейчас как раз два часа) уже возвращался домой, а Лёля ещё только-только двигалась к Красной площади. Сегодня здесь всё ограничится у нас митингом в институте в 3 часа дня.

Вчера получил три письма: от бабани и Гоги № 24 от 13/IV и № 25 от 16/IV и письмо от Симы от 18/IV. Очень рад, что у вас болезни вокруг стали утихать, народ поправляется, и новых заболеваний нет. Хорошо, что достаёте молоко и плохо ли, хорошо ли, а всё-таки сыты. Читая Катино письмо, видно, что так сыты в Швейцарском доме вы бы не были. Наконец, хорошо, что Гога всё-таки учится, готовит экзамены, и учительницы, хотя и с опозданиями, но являются к нему на проверку.

Из текущих дел: я уже писал вам, что с мамы зря требуют военный налог. Она по своему возрасту не подлежит налогообложению. Я уже писал вам, что нужно сделать.

Какую это вам прививку сделали. Против чего?

Сима ничего особенного не пишет. Живут, с питанием плохо, Катя часто прихварывает, отец задыхается. Гостей, говорит, давно уже не было[A] и живут пока спокойно. Посылает адрес Миши Новопруцкого. На всякий случай, сообщу его вам: г. Ярославль, проспект Шмидта, д. 18, кв. 48. Михаил Вениаминович Новопруцкий.

Из своих хозяйственных новостей: вчера купил по карточкам кусок мыла, 250 грамм сушёного урюка и 800 гр. селёдок маринованных. И частью купил, частью сменял 2 литра молока. Завтра, вероятно, молоко принесут ещё.

В заключение скажу ещё раз — может быть, Лёля и права, что замедлили дело с переездом в Швейцарский дом. Теперь вообще такое время, когда очень трудно сказать, кто прав и кто ошибается. Думаешь одно, а выходит другое, совсем обратное.

Даю вам адрес Эпштейна:

1) г. Соликамск, Молотовской области. Почта. До востребования. Александр Давыдович Эпштейн.

2) г. Томск, Новосибирской области. Тверская улица, дом № 27. Общежитие Мединститута. Дмитрий Леонидович Рубинштейн.

Целую вас всех крепко. Что-то Лёля стала редко писать. С. Дмитриев[B].

[A] Имеются в виду налёты немецкой авиации.

[B] Данный абзац написан на левом поле второй страницы письма.

88-е

Суббота 2/V-1942. Сталинск.

Дорогие ильинцы, вчера от вас писем не было, а пришло одно письмо от Петра Андреевича из Барнаула от 25/IV. Пишет, что пока всё ещё в Барнауле, в мае ждёт отправки далее, боится, как бы, вопреки его желаниям ехать на запад, не пришлось ему выехать на восток, «а это не исключено». По поводу вас пишет: «В отношении переезда ваших в Кусково усиленно не рекомендую. Во-первых, из-за бытовых условий. В деревне они всё-таки будут обеспечены лучше. Подумайте об этом серьёзно. Но, что «во-вторых», так я и не знаю, ничего он не написал. Далее сообщает о своих личных делах. Не помню писал ли я вам с дороги, что от Свердловска до Новосибирска мы ехали в вагоне, где выезжали третьяковцы (из галереи). Ехала там и семья профессора Н.С. Моргунова: он, жена и дочь. Поезд долго под Свердловском стоял, и я вышел побродить по путям. Встретил Наталью Даниловну Моргунову. Она-то и пригласила меня, как знакомого музейца, в их вагон, где были свободные места. Я перебрался, понятно (с музейцами всё веселее), а со мною и Пётр Андреевич. Чета Моргуновых показалась нам интеллигентной и пресной, madame Моргунова шумной и «умной дамой», а дочь туповатенькой, хотя и приятной. Но, в общем, над дочерью-то (зовут её, как и мать, Натой) Пётр Андреевич потешался. Видя в ней девчонку (19 лет) и тупыша. Я не придал этой встрече никакого значения. Но позже проистекли из неё следующие последствия. Пётр Андреевич, прибыв в Камень, с женою не поладил, вернулся в Барнаул и писал мне, что семья его рассыпалась. А затем из Барнаула он, когда был призван, попал в Новосибирск и там с семьёю Моргуновых очень сблизился, а с Натой начался у него даже роман. Когда он мне ещё в феврале писал, что зачастил к Моргуновым, я стал предвидеть грядущее течение событий. Да и нетрудно его было предвидеть. История Лаврецкого и Лизы[A] — история типичная. Последнее письмо сообщает, что приезжал он в Новосибирск на днях и далее цитирую его: «В Новосибирске останавливался у Моргуновых, вообще их семья стала мне родной. С Натой, вероятно, перед отъездом на фронт оформлю брак. Вот какие неожиданности бывают! Мог ли я подумать об этом в поезде!». Для меня непонятно только, почему он говорит о «неожиданности»? По-моему, этим самым он обнаруживает отсутствие юмора, впрочем, недостаток среди влюблённых очень распространённый. Чего же во всей этой истории «неожиданного»? Да, сколько семей и браков распадается и сколько вновь возникнет благодаря военно-эвакуационным передрягам! Новицкий — раз, Зайончковский — два. Гля-

[A] Герои романа И.С. Тургенева «Дворянское гнездо» (1858).

дишь, так дела пойдут, так и Николай Леонидович чего доброго женится! Воистину скажешь: «Браки заключаются на небесах».

Ну, ладно, хватит пустяки городить.

Вчера был некоторый сдвиг в моей хозяйственной жизни. А именно: на май выдали нам 4-м человекам в институте особые пропуска в столовую для улучшенного питания[A] два раза в день + право получать 200 гр. коммерческого хлеба дополнительно к 800 гр. карточного, таким образом я получаю теперь кило хлеба. Два раза питания это: обед и ужин. На обед вчера было следующее меню: 50 гр. кетовой красной икры, щи со сметаной, рагу и компот. А на ужин 5 рублей. Сегодня утром приобрёл 2 литра молока. Таковы текущие хозяйственные новости. Сегодня пошлю бандероль с газетами: 2 учительских, 2 литературы и искусства, 2 «Известия» с тиражами денежно-вещевой лотереи (я пока ещё не выслал) и 2 «Правду». С.Д.[B]

89-е

Воскресенье 3 мая 1942. Сталинск.

Дорогие ильинцы! От вас вчера писем не было. Пришли 2 письма, одно от папы от 17/IV со вложением письма к папе от Рыскина из Москвы, другое — от Филинкова от 22/IV (по штемпелю, числа он сам не ставит).

Изложу кратко их содержание, оно и вас касается.

Пётр Николаевич пишет, что в доме всё в порядке. Деньги ваши 36- рублей Музей получил, то же и от Четверухиной, из моих же переведённых ему 250 рублей Музей взял только 150 рублей, а 100 рублей остались у Филинкова в резерве для следующего взноса. Теперь вся квартплата уплачена и никакой задолженности за нами нет. «Квитанции в получении есть, можно Вам выслать, препятствий к получению нет, берут деньги охотно». Бухгалтером и кассиром работает по-прежнему Семён Степанович Кузьмин. Я сегодня Филинкову напишу, чтобы 100 рублей моих у него остались для следующего взноса. Квитанции буду просить выслать ценным письмом мне. Если же будет нужно, то я их вам позже перешлю. Далее Филинков сообщает, что прокурора Выборнова перевели в Щёлково, а на его место назначен т. Бойцов. Ему Филинков передал второе моё заявление с просьбою выслать мне решение прокурора по поводу 1-го моего заявления о возврате комнаты. Обещал выслать. С Катей Филинков не виделся, пишет так: «Меня в Москву не пускают. Работаю в области. Справок, нужных для проезда, нет». Заканчивает своё письмо так: «Вы пишите о Го-

[A] Далее зачёркнуто слово «двум».

[B] Конец письма, начиная со слов «Таковы текущие хозяйственные новости» написан на левом поле второй страницы письма.

ге (я ему писал, что Гога прихварывает), очень жалею и сочувствую, по себе знаю — Музочка (его невеста!) тоже всё время болеет. Как бы всем выжить и собраться. Что касается обстановочки, она хоть пока и не такая, когда были Вы дома, но приблизительно».

Как видите, письмо хорошее. Деньги все не пропали, квартплату берут, а это очень важно, так как согласно закона приём квартплаты от нас[A] равносилен признанию квартиры за нами.

Папа пишет, что, по его мнению, мне сейчас не нужно возвращаться в Москву, так как и работы по специальности не найти, и с продовольствием неважно. А советует, вслед за Рыскиным, попробовать устроиться где-нибудь под Москвой, в Учительском институте Коломны или Орехово-Зуева, чтобы можно было иногда наезжать в Москву и заглядывать на квартиру. Семью пока не советует брать в Москву или под Москву[B]. Если же этот план приемлем, то пока папа советует жить в Сталинске и, может быть, вызвать сюда Лёлю и Игоря. Или же на лето мне на время съездить в Ильинское. Сообщает, что видел отца Мейеровича и тот ему рассказал, что Миша Мейерович был ранен и сейчас в команде выздоравливающих в Новосибирске, а младшего брата[C] его убили осенью прошлого года под Смоленском. Эти печальные новости пишу для мамы, Лёля и Гога Мейеровича не знали. Теперь по существу папиных планов я думаю так.

С получением вызова для меня сейчас в Москву ничего не вышло. В Ярославском пединституте работы для меня нет. В Ильинском тоже. Хотя и тяжело жить розно, но вам (хотя бы Лёле с Игорем) сейчас же ехать сюда ко мне, думаю, что не стоит. Всё-таки нужно подождать до июня, до обрисовывания более ясных общих перспектив. Если перспективы будут благоприятные, то всё-таки как-нибудь я к осени к вам поближе выберусь. Если же они будут неблагоприятные, тогда уж волей-неволей придётся вам сюда выбираться. А, может быть (но может и не быть), что что-нибудь с Малмыжем выйдет. Всё-таки туда вам легче будет приехать. Пока из Малмыжа новых писем нет. Теперь, если бы вдруг в конце мая — июне наметились очень хорошие перспективы, то вам нужно воспользоваться обещанными пропусками и ехать в Швейцарский дом.

Ну, вот текущие известия. Вчера послал вам бандеролью газеты. В одной указ о мобилизации на сельскохозяйственные работы. Женщины мобилизуются только до 50-летнего возраста, так что маму заставлять работать в колхозе не

[A] Слова «от нас» вписаны над строкой.

[B] Данное предложение вписано над строкой.

[C] Очевидно имеется в виду двоюродный брат Михаила Германовича Мейеровича Матвей Ликманович Мейерович, погибший в начале Великой Отечественной войны.

могут. Учтите это. Из своих хозяйственных новостей сообщу о получении вчера из ремонта коричневых[A] брюк: они протёрлись в колене и порвались в шагу. В ремонтной мастерской их ловко зачинили и выутюжили, взяв 7 рублей 4 копейки за работу.

До свидания. Целую вас. С.Д.

90-е

Понедельник 4 мая 1942. Сталинск.

Вторник 5 мая 1942.

Только подумать! Пишу уже 90-е письмо. Даже в лото эта цифра именуется дедушкой. А в переписке она может быть названа даже прадедушкой. Этак скоро допишусь и до 100 писем. А лучше бы вместо всей этой бумажно-чернильной эпопеи сесть за стол да поговорить хоть два-три раза. Ну, будем надеяться, что этого ещё дождёмся.

Вчера писем ниоткуда не было. А я отправил папе и вам (89-е). Сегодня напишу Филинкову. Я вчера подробно вам о его письме писал. Повторю здесь лишь важнейшее: ваши 360 рублей пришли в Музей, квартплату берут охотно и без препятствий. Филинков уже взнёс всё, никакой задолженности за нами больше нет, квитанции у него на руках. Он их вышлет мне. Вчера, помимо столовой, обедал ещё раз у Н.И. Резвого. По случаю 1-го мая раздобыл он в своём закрытом распределителе две бутылки фруктового слабенького вина. Так что сидели с ним и философствовали, имея на столе у него вино, масло, колбасу, икру кетовую и пирожки пустые и с картофелем. Этот стол по случаю майских торжеств. А вообще несравненно скромнее.

Продолжаю писать во вторник 5 мая. Вчера не успел закончить письмо, так как на 1 дня назначено было заседание моей кафедры. А после кафедры пошли обедать в столовую, там засиделись за обедом с пивом. Затем пришлось посетить лекции одного преподавателя. Так и не закончил письма. Вчера же зашёл за своими снимками в уличную фотографию, где я не без труда и настойчивых просьб 2 мая снялся. Все настоящие фотографии закрыты — нет совершенно фотобумаги. А так называемые «5-ти минутки» снимают скверно и только для удостоверений в маленьком формате. Вот и я вышел на снимке каким-то чёрным дядей с мрачным лицом. По общему голосу окружающих на снимке я выгляжу лет на 10 старше, чем в жизни. Но уж сейчас ещё раз пересниматься не буду и, выполняя бабанин заказ, посылаю вам самый лучший из 6 отпечатков.

[A] Текст письма от слова «заставлять» до слова «коричневых» написан на левом поле второй страницы письма; далее от слова «брюк» и до конца письма — на левом поле первой страницы.

Новостей переписки никаких. От вас эти дни писем не было. Да и вообще ниоткуда.

Наводнение спало, и земля будущего нашего огорода обнажилась из-под воды. Всё ещё не знаю, чем её засевать или засаживать. Ездили из института в деревню за картошкой, я давал 50 рублей. Но вернули их мне обратно, все хотят на мену. Теперь думаю перестать на время менять хлеб на молоко, а скопить немного хлеба и сменять на картошку для посева. А, может, ограничусь посадкой свёклы, её семена, кажется, можно достать. Вот текущие заботы.

Вероятно, в ближайшие дни мне предстоит небольшая командировка неподалёку от Сталинска в городок Осинники. Для пропаганды среди кончающих школьников здешнего института. А то нынче проблема осеннего набора будет стоять очень остро. Осинники км 30–35 по железной дороге к югу от Сталинска.

Вот, пожалуй, и все события. От вас за последнее время что-то редки стали письма от Лёли, приходят всё [от] бабани и Гоги. Вероятно, Лёля занята в колхозе. Я нарочно послал вам «Учительскую газету» с постановлением о мобилизации на сельскохозяйственные работы. Там сказано, что женщины только до 50-летнего возраста подлежат мобилизации. Так что бабаня не подлежит. В случае чего продемонстрируйте газету.

Ну, до свидания. Крепко вас целую. С. Дмитриев.

На почте приписываю, получил письма бабани и Гоги от 20–21/IV за № 26 и Лёли от 19/IV, а также от Лены от 22/IV. Пишет, что живут помаленьку. С.Д.[A]

91-е

Среда 6 мая 1942. Сталинск.

Дорогие ильинцы, вчера получил три письма. Одно Лёли от 19/IV, другое бабани и Гоги от 20–21/IV № 26-й и третье от Лены от 22/IV.

Письмо Лены довольно короткое. Говорит, что давно мне не писала: «все и всеми путями стараемся добыть какую-нибудь кормёжку». Сейчас она ждёт установления дорог после распутицы, чтобы снова отправиться по деревням к тётке Анне. Папе она советует поступить куда-нибудь на службу, всё же будет столовая. Поступить хотя бы на лето. Из Ленинграда известий нет у них. «Аня Мишина[B], которая жила у Нюры Байбородиной, решила перебраться жить в колхоз в Гаврилов-Ям, так как они очень ладили с Нюрой». Лёне дана броня до 31/XII 1942 г., чем Лена, разумеется, довольна.

Теперь по поводу ваших писем.

[A] Последний абзац написан простым карандашом на левом поле второй страницы письма.

[B] Жена двоюродного брата С.С. Дмитриева — Михаила Георгиевича Иванова.

Лёля спрашивает, по какому принципу я выбирал газеты. «Учительскую газету» и «Литературу и искусство» посылаю, так как их у вас в деревне нет, а всё-таки они вам помогут до известной степени следить за литературно-педагогической жизнью. «Комсомольская правду» я послал, по-моему, потому что статья «Зима в Берлине» показалась мне для Гоги интересной. А недавно я послал вам «Известия», так как в них напечатаны списки выигрышей по денежно-вещевой лотерее. Я свои билеты проверил, но ничего не выиграл пока из крупных выигрышей. А тиражи мелких выигрышей ещё пока не печатались. Не знаю, есть ли у вас билеты этой лотереи. Отчасти же я посылаю эти газеты и просто как бумагу — завернуть можно, конвертов наклеить, да даже на курево желающим. Здесь курильщики по газетке страдают не меньше, чем по махорке и самосаду.

Хотя ты, Лёля, и боишься всяких прививок, но не уклоняйтесь от прививки против брюшного тифа. Приятного в ней мало, но, в общем-то, не болезненно. Самые уколы вообще пустяк, который проходит незаметно. А вот к вечеру и на другой день ощущения как при тяжёлом гриппе при первой прививке, при второй уже легче, а третья почти никак не ощущается. После прививки нужно усиленно двигаться, хорошо помыться покрепче, словом, энергично разгонять кровь, чтобы скорее прививка по телу разошлась.

Огород отвоёвывайте, во что бы то ни стало. И бабушка Сима права, стремясь побольше его насадить. Нужно всем этим делом заняться. Что будет к осени, трудно сказать, но известный овощной и картофельный фонд иметь в Ильинском будет неплохо. Если все оттуда уедете к осени, то как-нибудь вывезем и плоды земные.

Я уже писал вам, что деньги ваши 360 рублей музеем получены и в счёт квартплаты приняты. Квитанции у Филинкова на руках. Он их мне вышлет. Откуда вы это знаете, что Фира «давно опять хворает»?

Бабане отвечу, что молоко я имею до сих пор ежедневно по ½–1 литру в день. Меняю на хлеб и покупаю на деньги по 20 рублей литр (на базаре же без хлеба в придачу, по 30 рублей литр). Пиво тоже почти ежедневно бывает в столовой. Там за обедом я его и пью. В «Гастроном» больше ходить не приходится, незачем.

Демонстрации 1-го мая не было, дни 1 и 2 мая были и у нас рабочие.

Гога, молодец, что огородом занимаешься. Это по твоей части.

Возможно, что завтра поеду на несколько дней, но не в Осинники, как предполагал, а Кемерово. Это — промышленный центр к северу от Сталинска на Томи. Поеду в командировку проводить беседы с учениками 9 и 10 классов о поступлении в здешний институт.

Ну, вот пока и всё. До свидания. Целую вас. С. Дмитриев.

Вчера послал вам в письме свою скверную карточку, снятую 2 мая 1942 г.

91-е[A]

Четверг 7 мая 1942. Сталинск.

Дорогие ильинцы, вчера никаких писем не пришло, только одна открытка от А.И. Козаченко из Тобольска. Ничего интересного в ней нет.

Вчера определилось, что я поеду в Кемерово и Топки. Сегодня утром сходил в баню и подвергся санобработке. Последняя происходит тут же при бане, пока моешься, и состоит в том, что нижнее бельё подвергают действию сухого пара. О проделанной процедуре выдаётся справка, а без этой справки нельзя получить билета. Затем на вокзале приобрёл билет до Кемерово в мягкий вагон с плацкартой. Стоит 83 рубля 5 копеек. Поезд пойдёт ночью в 2 час 40 минут. Завтра днём буду на станции Топки. Там долго придётся ждать, возможно, что даже останусь там ночевать. Тем более, что мне нужно будет побывать в железнодорожной школе Топков и провести беседу с учащимися 9–10 классов[B]. Затем на другой поезд сяду и отправлюсь в Кемерово. От Топков до Кемерово[C] 30 км, недалеко. В Кемерово мне нужно будет встретиться с учащимися 9–10 классов и провести с ними беседы о здешнем институте. Может удастся собрать их всех вместе, а может, придётся ходить по крупным школам, в которых есть 9–10 классы.

Заручился несколькими адресами в Кемерово: три адреса своих родителей и родственников в Кемерово дали наши студентки из Кемерово, а один адрес дала соседка по квартире Вера Григорьевна. У неё в Кемерово живёт брат с семьёю. Так как гостиница там занята для других нужд, то придётся где-нибудь остановиться в частном доме. Один из адресов, кажется, весьма подходящий: живут двое стариков и имеют одну свободную комнату, в которой можно будет разместиться. Одна студентка дала мне адрес своих родителей, у которых есть корова. Так что, вероятно, сумею доставать молоко. О хлебе насущном приходится заботиться. Теперь ведь трудное дело — ездить и попадать в незнакомые города. С собою придётся взять хлеб (2½ буханки, как командированному мне выдали на 5 дней), банку рыбных консервов и сахар (консервы и сахар удалось получить вчера только по командировочному удостоверению. Есть такой порядок, что командированным, уезжающим из города, должны выдавать продукты

[A] Так в подлиннике: номер письма от 7 мая 1942 г. повторяет номер предыдущего письма — от 6 мая 1942 г.

[B] Далее письмо написано другими (чёрными) чернилами.

[C] Далее зачёркнуто слово «ещё».

по карточкам вперёд за месяц. Но, к сожалению, ничего не было в магазинах и купить колбасы — главный предмет моих вожделений — не удалось, так же, как и масла).

Ну,[A] ладно, как-нибудь съезжу. С одной студенткой договорился, что она будет звонить в Кемерово к своим родным и там её сестра встретит меня в ночь с 8 на 9, т. е. с пятницы на субботу, и доставит к ним на квартиру. Таким образом я выеду из Топков в Кемерово завтра же вечером. Сейчас вернулся из института и после обеда. В институте получил принесённый одной преподавательницей саквояж, который я беру с собою в дорогу, так как свою тару (заплечный мешок наш коричневый и ремни) брать не хочется. За обедом кушал: суп с лапшой, рагу с гарниром из маринованных помидор и пиво (за всё 14 рублей + ещё 200 гр. хлеба коммерческого). Вокруг опереточники восхищались: «Сталинск — это единственный город у нас, который сейчас имеет пиво!» В какой-то степени это верно. Здесь есть пивоваренный завод. А вывозом такого товара, как пиво, сейчас, конечно, в Кузбассе некогда заниматься.

Сегодня вернулась наша секретарша институтская из отпуска, который она провела в Томске. Говорит, что с питанием там хуже, чем здесь.

С дороги буду писать вам открытки и письма, уже дома загодя надписал адреса, так как в пути чернил не найдёшь. До свидания. Целую вас.

С. Дмитриев[B].

P.S. Гога, ты можешь по «Карманному атласу СССР» карта № 28 Кузбасс проследить мой путь. Посылаю в твою коллекцию 3 марки[C].

92-е

Станция Топки. Пятница 8/V-1942.

Дорогие ильинцы, пишу с пути. Выехал вчера в 2.40 ночи. Сейчас 5 часов дня, сижу на почте Топков. Ехал хорошо, в мягком вагоне, спал. Поезд полупустой, в купе попался спутник, едущий тоже в Кемерово и тоже из Сталинска. Так что путешествуем вместе. На станции Кольчугино, попросив проводницу запереть наше купе с вещами, штурмом ворвались в станционный буфет и получили по тёплому ржаному хлебцу в 100 гр. весом, по тарелке щей и стакану сладкого чая. Спутника моего фамилия Ракита, он из Запорожья. В Топки приехали в 3 часа дня. Сразу же пошли в «ресторан», попросту в харчевню. Как командировочные получили по тарелке галушек и по 2 стакана чая. Проходя через

[A] Далее письмо написано фиолетовыми чернилами.

[B] Текст письма от слов «уже дома загодя» и до «P.S.» написан на левом поле второй страницы письма.

[C] Последний абзац написан на левом поле первой страницы письма.

базар, установили наличие яиц (80 рублей десяток), солёной капусты и лука (крупный 20 рублей десяток, мелкий — 10 рублей). Затем мой спутник пошёл в кино. А я — в РайОНО и в школу. Заведующая РайОНО некая Шефкинд, фамилию точно специально для должности подобрали. Тоже вся рідна Украіна, как и мой Ракита. Топки вроде Перово, но поменьше. Отсюда в Кемерово поедем в 10 часов 5 минут[A]. Целую всех. С.Д.

93-е

Суббота 9 мая 1942 г. Кемерово.

Дорогие ильинцы, пишу вам уже из Кемерово. Приехали вчера сюда в 12 часов 10 минут ночи, встретила нас Аня Павлович, сестра нашей студентки и доставила к себе. Спали мы в хороших условиях, каждый имел по комнате. А утром я случайно смог даже выполнить желание бабани и свешаться[B] à naturel, так сказать. Оказалось, живого веса 67 кг, цифра утешительная, в лучшие времена было 68½ – 69½. Потери невелики. Сейчас позавтракаем и отправимся по своим делам, в поход. Я в РОНО и по школам. Погода стоит прекрасная, ночью был заморозок; из окна видно, что по всему городу копает народ огороды. Город большой, не меньше Сталинска. Ходит трамвай, в центре цирк. В кино идёт «Подкидыш»[C]. Если завтра буде время, то схожу. Позже напишу вам подробное письмо. А то города-то я, в сущности, конечно, ещё не видел.

Целую вас. До свидания. С Дмитриев.

94-е

Суббота — Воскресенье 9–10 мая 1942 г. Кемерово

Дорогие ильинцы, пишу вам третье послание из своего командировочного путешествия.

Поехал я из Сталинска в ночь с четверга на пятницу, поезд отошёл точно по расписанию в 2 часа 40 минут ночи. У меня был заранее приобретён плацкартный билет в мягкий вагон. Правда, народа на поезде было вообще немного. Теперь билеты железной дорогой даются только по предъявлению командировки или пропуска, выдаваемого милицией или НКВД. В купе было всего два человека: я да попался служебный попутчик инженер Ракита, тоже командированный в Кемерово и предполагавший обратно двинуться, как и я, во вторник или среду. Таким образом стали совершать путь вместе. В Кольчугино, где поезд стоял ½ часа, в вокзале в буфете получили по тёплой 100 гр. ржаной булочке, по тарелке щей и по стакану чая. В Топки — пересадочная станция — при-

[A] Текст от слова «отсюда» до «в 10 часов 5 минут» написан на левом поле открытки.
[B] Так в подлиннике.
[C] Фильм режиссёра Т.Н. Лукашевич «Подкидыш» (1939).

были в 3 часа дня и там ожидали поезда на Кемерово до 10 часов вечера. Этот поезд также, в Топках, и составляется. Состоит он всего из 7 вагонов, полупустых. В Топках таким образом было у нас 7 часов в распоряжении. Прежде всего, пошли мы обследовать местные столовые (одна из них именовалась даже «рестораном»). Поели там так называемых галушек, суп на муке, выпили чаю, заплатив для каждого за 4 стакана, но взяв только по 2 и попросив положить по двойной порции сахара. Так что было весьма сладко. Затем я зашёл в РОНО и в одну из школ, где провёл с 10-классниками беседу о прелести учения в Сталинском учительском институте. Путевой знакомец же мой отправился убивать время в местное кино, где показывали фильм «Всадники»[A]. Вечер был завершён (как сказал бы Гоголь) доброй порцией галушек и вареников с солёным творогом (это здесь очень часто), на этот раз в буфете вокзала. Дали ещё и по 150 гр. хлеба. Так что мои 2½ буханки, взятые в путь, оставались всё ещё нетронутыми. Затем тронулись в дальнейший путь, выкупив из хранения свои чемоданчики и прокомпостировав билеты.

От Топков до Кемерова 38 км. По расписанию поезд идёт, однако, 2 часа, так как на каждом разъезде подолгу стоит. Точно в 12 часов 10 минут ночи прибыли в Кемерово. На другой день, познакомившись с городом, я понял, что ночью я бы никак не сумел отыскать людей по данным мне адресам — крайне путанный город. Но на моё счастье (да и на счастье моего Ракиты) меня встретила сестра одной студентки исторического факультета нашего института. Я её прежде и в глаза не видел, но так как уж очень она на сестру похожа, то в условленном месте я её и узнал. Повела нас (я, осмелев, пригласил и Ракиту с собою, так как ночью ему одному ехать искать заезжий дом тоже было бы предприятием отчаянным) Аня на трамвай, а затем всякими кривулями и мостками (заменяющими здесь тротуары) домой. Родители её (белорус и полька) оказались людьми очень радушными и гостеприимными. Передал я им письмо от Маруси, их исторической дочери, и накормили нас ужином (щи, картофельное пюре, чай с сахаром, вволю хлеба), а затем предоставили каждому по отдельной комнате. По теперешним временам это — роскошь необычайная. Комнаты тёплые, с диванами и даже не жилые. Правда, обстановка в них довольно странная для ночлега одиноких мужчин. Когда-нибудь расскажу вам, в чём дело. Но спали мы отлично, воздух чистый, тихо. А утром я, благодаря всё той же странной обстановке, смог даже свешать сам себя в дезабилье и обнаружил, что живой вес мой 67 кг. Что для бабани и сообщаю, присовокупляя, что в лучшие

[A] Фильм режиссёра И.А. Савченко «Всадники» (1939) по одноимённому роману Ю.И. Яновского о событиях гражданской войны на Украине.

времена весил 68½ – 69½. Почти за год треволнений и фантастической жизни потерял не так уж много! «Теряют больше иногда!», по словам графини Дианы (Бабановой) в «Собаке на сене»[A].

Утром хозяева, нас опять трактовали[B] завтраком, а затем отправились мы по своим делам. Я весь день бегал по школам, РОНО, райкомам ВЛКСМ и пр., налаживая встречи и беседы с учащимися 9–10 классов. Устал. Потом у секретаря горсовета получил направление в столовую для научных работников. Там обедал.

Ну, дальнейший отчёт продолжу в следующем письме. Сейчас иду (воскресенье и школы закрыты) осматривать город. Допишу свой фантастический дневник или вечером, или завтра утром. Пишу на почте. До свидания. С. Дмитриев.

95-е

Понедельник 11 мая 1942. Кемерово

Дорогие ильинцы, продолжаю свои кемеровские записи. В субботу пошёл я обедать в кафетерий (просто — столовка) для научных работников, куда меня на несколько дней прикрепили. За столом со мной сидела какая-то девушка. Мы разговорились и познакомились. Она оказалась тоже эвакуированной из Москвы и сейчас учащейся (студенткой) в эвакуированном в Кемерово индустриальном ВУЗе. Девушка простая, разговорчивая, без претензий, некая Ирина Сергеевна Курочкина, сестра писателя Вл. Курочкина. Так как на другой день предстояло воскресенье, школы не работали, и мне делать было нечего, то мы с нею сговорились осмотреть город и особенно правый берег р. Томи. Затем я встретил своего спутника-инженера. У него из поездки ничего не вышло, и он, к сожалению для меня, утром в воскресенье уже уехал обратно в Сталинск. Таким образом назад поеду один. Затем поехал я в две школы. А между тем начался сильный дождь и, чтобы не вконец промокнуть, я пошёл ночевать не к Павлович (довольно далеко от центра города), а по другому адресу, к бабке и деду другой нашей студентки. Люди интересные, но диковатые. Настоящие сибиряки, крестьяне. Ночь, у них проведённая, была довольно фантастической. Поужинали и легли спать: по крыше дождь сечёт, трамвай изредка прогрохочет за окнами их избушки. Вдруг ночью шум и гам. Просыпаюсь. Что такое?! Неожиданно в 2 часа ночи приехал сын хозяев — красноармеец с 3 товарищами и 4 медсёстрами. Все они служат где-то в глуши под Кемерово. А вечером в

[A] Пьеса испанского драматурга Лопе де Вега (1618). Мария Ивановна Бабанова — актриса театра и кино, сыграла в этой пьесе главную роль Дианы.
[B] Так в подлиннике.

субботу играли они здесь в гарнизоне (они — представители самонадеянного[A] искусства). После спектакля до отхода поезда у них оставалось время до 5½ часов. Вот они, как заключённые, вырвавшиеся на свободу, прямо ошалели. Отвели им комнату, я переселился за перегородку. Пошёл пир горой, появилась водка, патефон наяривает, махру кадят, танцы. Словом, как у Филинкова в мирные времена. Сон, понятно, у меня как рукой сняло. До 5-ти утра бушевали, потом с хохотом и визгом убежали на поезд. А я занялся досыпанием остатков ночи. Утром проснулся, глядь, что такое? На другой постели соседи лежат: муж с женою, люди молодые. Оказывается, приехала к мужу, красноармейцу, здесь служащему, жена из Тобольска, сняла себе у стариков в избе местечко на неделю, а мужа из гарнизона отпускают домой на время с нею повидаться. С вечера же их не было, ходили в цирк.

Утром в воскресенье от дождя и следов не было. Сильный ветер, солнце. Позавтракал. И в 12 часов отправился с Ириной на правый берег Томи. Бегает моторка с берега на берег, вроде ярославской «Пчёлки». Ветер бушует, волны ходят, река рыжая весенняя, задорная, несёт глину, песок, доски, лодки, деревья — половодье, волны ходят. Переехали на тот берег. Красивый берег, высоченные откосы, красные скалы, угля пласты, песчаник жёлтый, кручи отвесные, а выше поляны, скот пасётся, леса зеленеют. Забрались мы на горы. Вид на левый берег с городом замечательный с гор этих. Город весь виден, как лежит он в лощине, прорезанный речонкой Искитимкой. Заводы дымят, поезда вдоль убегают, рассевая дымок. Горизонт дальний — километров за 30–40 видно, всё поля — чёрные, седые, снега и воды проталины сверкают кое-где, точно стада гусей или бельё накидано по земле. И первая весенняя прозелень сочится по этой земле где-где. А под ногами рыжая Томь бесится, спешит. Полюбовались этой картиной и пошли вглубь от берега в тайгу. Сначала всё опять в горы лезли, по кручам. Потом ровнее местность пошла и лес. Всё гуще и гуще, дичее, мрачней. Кедры — громадные в два-три обхвата, сосны, ели, берёзки жалкие, маленькие, приземистые. Тропка еле-еле вьётся, полутемно. Пахнет перегноем. Цветы подснежные вылезли высокие, большие лиловые, длинные жёлтые. Птиц много, пиликают, в ветвях шебаршат. Но не певчие русские птицы, а так писк-писк и молчок. Сурово, дико. Воображаю, какая тут летом густая зелёная стена! Внизу спокойно, тишь, а в вершинах ветер гудит. Небо синее, пустое, в просветах видно. Вот бы, Гога, твоим ботаническим вкусам где простор! Потом выбрались на поляны, со всех сторон окружённые лесом. Защищённые от ветра, недоступные скоту из-за лесной чащи кругом, пригретые солнцем, они лежали

[A] Так в подлиннике.

как большие лохмато-пышные ковры зелёные, жёлтые, лиловые. А ведь снег только-только сошёл! Да и леса-то эти подтаёжные, до настоящей тайги нужно идти километров 8–10 от берега. Мы же, чтобы не заблудиться, ближе к Томи держались. Вернулись в город в седьмом часу. Я был очень этой прогулкой доволен, в лесу я давно не был, соскучился.

В городе пошёл я обедать. За столом какая-то дама ко мне присматривается. И мне вроде её лицо знакомо. Заговорили. И что же оказалось? Раза 2–3, может, не больше, да и то случайно могли мы в Кускове встречаться, а вот запомнили же. Это — дочь Сергея Николаевича Тройницкого (помните — керамиста), Елена Сергеевна, сказала она мне свою фамилию по мужу (они из Москвы в Кемерово эвакуированы), да я забыл что-то[A]. Приглашала зайти, да не знаю, будет ли время. Думаю, завтра в баню пойти, получить справку о санобработке, достать билет и в среду утром (в 4 с чем-то утра) поехать обратно в Сталинск.

Ночевал сегодня опять у Павлович. К весёлым сибирякам идти опять патефон слушать не решился. У Павлович же тихо, скромно. Вчера вечером сидели у них и в подкидного дурака резались. Хозяева весь день огород копали, картофель сажали.

Вот как проходит моя жизнь здесь. Странная какая-то, фантастическая. Встречаемся с новыми и старыми людьми, интересными и пустыми. Обстановка меняется быстро. То говор украинский, то сибирский, белорусский, московский. Люди, все какие-то сорвавшиеся со своих мест, опустошённые, рассеянные. Одни живут воспоминаниями, те — надеждами, очень многие — раскаянием. Все ждут известий, событий.

Так, пора и кончать. Расписался, так как сейчас сижу в Методкабинете и жду учителей-заочников, а они не приходят.

Как-то у вас идёт жизнь? Какие меня известия письменные в Сталинске ждут?

Грустно, что из хлопот моих о возврате сейчас домой, в Москву, ничего не вышло.

До свидания. Целую вас крепко. С. Дмитриев.

96-е

Вторник 12/V-1942. Кемерово.

Дорогие ильинцы, сегодня готовлюсь к отъезду в Сталинск. Сходил в баню и получил справку о санобработке, купил белого хлеба, чеснока, лука. Взял железнодорожный билет. Поезд отправится в 4 часа ночи, а в 6 часов утра в Топках будет пересадка. Все дела покончил, отметил командировку.

[A] Имеется в виду Елена Сергеевна Тимрот-Тройницкая.

Сегодня дождь целый день. Грязь непролазная, сочная, густая, ног не вытащить. Вчера вечером ходил смотреть набережную Томи. Она красива. Закат был красный. На балконе госпиталя выздоравливающие раненые в тёплых халатах танцевали под гармошку. Широкая Томь и изогнутая узкая Искитимка напомнили мне Ярославскую стрелку — Волгу — Которосль.

Завтра вечером доберусь в Сталинск. До свидания. С. Дмитриев.

97-е

Четверг 14 мая 1942. Сталинск.

Дорогие ильинцы, вчера вечером в 7½ вернулся в Сталинск. Выехал в дождь, всю дорогу шёл дождь, и в Сталинске идёт дождь. Вообще местные люди говорят, что месяц май здесь никак нельзя назвать «весёлым месяцем маем» и что всего справедливее назвать его «мокрым месяцем маем». Дождь, ветер, красные закаты — вот май в Кузбассе. Хорошо ещё, что в Кемерово от дома до вокзала и поезда провожала меня хозяйка (Павлович), у которой я останавливался. Она собрала маленькую посылку дочери в Сталинск и считала своим долгом проводить меня и донести посылку до вагона. А между тем поезд отходил в 4 часа 10 минут ночи. Ехал хорошо, имел плацкарт, спал. Попалась попутчица из Сталинска, тоже была в Кемерово в командировке, в дороге по очереди бегали в буфеты на станциях и немного болтали о жизни эвакуированных. Она из Харькова. Поезд шёл быстро, но на станциях и даже разъездах стоял очень подолгу. Правда, согласно расписанья. В Сталинске нашёл шесть писем. 4 ваших, одно от Марголина и одно из Учпедгиза из Москвы.

Ваши письма: письмо Лёли от 15/IV, бабани № 27 от 24/IV, Лёли от 26/IV и бабани № 28 и Гоги от 28/IV. Рад, что вы получили ответ от Филинкова. Он писал мне, а я уже сообщал вам, что музеем получены и ваши 360 и мои 250 рублей. Квартплата принята, долгов за нами нет, квитанции у Филинкова. Он, вероятно, их мне вышлет. Лёля, от тебя письма с уведомлением я не получал. Оно или ещё в пути, или пропало.

Жаль, Гога, что учительницы к тебе не ходят. С растениями, в частности огородными, у меня, братец, не так важно, как у вас. За время моего отсутствия даже лимон вконец засох. А с огородом ещё ничего не предпринимал. Томь опять сильно разлилась, пошла вода из горной тайги с Алтая, всё залито. Снова в городе наводнение и наша огородная земля залита. Сообщение между Старым Кузнецком и Сталинском прервано. А так как идут дожди, то вода, пожалуй, ещё уйдёт не скоро.

Очень рад, что вы получили от Кати вполне здравомыслящее письмо. Я думаю, что Наташе и Кате, может быть, следовало бы уехать к вам или к Насте. Особенно Наташе с маленьким. В деревне всё же можно прожить.

Марголин пишет, что его Фира в Москве и шлёт оптимистические письма. Но вообще-то известия, до него доходящие, не весёлые. Сам он рвётся в свой дом, тем паче, что теперь и жена у очага. А, впрочем, не исключена возможность, что она и уедет из Москвы обратно.

Из Учпедгиза пишут, что 3-й том моей Хрестоматии будут издавать, но нет сейчас бумаги. Запроектировано её издание в 4-м квартале этого года.

Вот и все новости.

Да, ещё одно. Сегодня за обедом познакомился с артисткой Стефанией Петровой (помнишь, Лёля, Сильва — чешка в Московской оперетте?). В жизни она красивее, чем на сцене.

Пока до свидания. Целую вас. С. Дмитриев.

98-е

Пятница 15/V-1942. Сталинск.

Дорогие друзья, вчера не успел на почту отправить вам письмо 97-е, а сегодня решил вложить в тот же конверт ещё и 98-е. Тем более, что вчера писал наспех, торопясь на почту.

Попробую более обстоятельно ответить на некоторые вопросы ваших писем.

Катино письмо не удивляет меня. Ей, конечно, жить сейчас одной очень трудно. Она и в мирных-то условиях не без труда существовала. А теперь? И понятно, что выполнять наши поручения ей тяжело. Тем более, что она ещё убеждена в бессмыслице этих поручений. Наташе тоже не до нас: у неё помимо себя ещё три заботы — два ребёнка (большой — муж и маленький — Алёша) да служба.

Нам для всяких сношений лучше всего держать связь с одинокими мужчинами, те поразбитнее, да может и яснее разбираются в обстановке: Филинков, Рыскин. Папа переслал мне[A] письмо Рыскина к нему. Рыскин в городе, в Москве, но работает в Коломне, куда выезжает на несколько дней в неделю. Мне кажется, что он тебе, Лёля, ответит. Он, во всяком случае, человек деловой, ловкий. Пётр Николаевич, хотя и медленно, но всё же отвечает, и отвечает по существу. Но, очевидно, попадать в город ему трудно.

Что Лёля не очень спешит в Швейцарский дом, это, пожалуй, и верно. Тем более, что в отношении своего возврата в Швейцарский дом я теперь уверенно могу сказать, что в лучшем случае, если общие дела пойдут хорошо, мне удастся вернуться туда не ранее осени. И, следовательно, если бы вы вернулись сейчас, то пришлось бы жить пока одним всё-таки. С продовольствием там, судя

[A] Далее зачёркнуто слово «записку».

по всему, не лучше, чем у вас в деревне, а, пожалуй, даже и хуже. В 455-й школе тебе, Лёля, летом не будет работы, а к зиме, если бы нашлась, о тоже нужно подумать, каково-то будет добираться от Швейцарского дома до Рабочей улицы[A]? Конечно, я думаю (может, и легкомысленно), что Филинков (теперь директор театра в Гаю) устроил бы и тебя, и, может быть, даже бабаню на лето[B] на какие-нибудь работы (касса, контроль и пр.): главное при доме и при должности. Вообще-то люди, менее обеспеченные, как-то всё же там живут (Филинков, Дуняша. Кузьмины, Наталья Фёдоровна и пр., Тужилина вернулась). События, между тем, начинают развёртываться. Вчера по радио передавали о начавшемся нашем наступлении на Харьков. Возможно, что к концу мая – началу июня, когда вы получите это письмо, станет более ясным целесообразно ли вообще вам сейчас напирать на получение пропуска. Я лично настроен в отношении общих дел оптимистически[C]. Конечно, я ещё зимою вам об этом писал, в городе, где наши Катя, Наташа живут, летом будет очень шумно, даже шумнее, чем в прошлом году[D], но, мне кажется, что перспектива, от которой я и мои товарищи в своё время разъехались, больше не возникнет. Я пока продолжаю оставаться на месте. Дальше же будет видно. Сейчас я исчерпал все средства для своего возврата в Швейцарский дом и волей-неволей приходится ждать.

Гога, прочитал с удовольствием твоё письмо от 28/IV. Очень рад, что теперь твои ботанические склонности совпадают с насущными нуждами хозяйства. Разводи вместе с бабулькой огород побольше, старайся собрать урожай побогаче. Кто знает, где и как будем мы к зиме? Был я в Кемерово, и в это воскресенье бродил по тайге. Жалел, что тебя не было — тут и цветы, и камни разные на обрывах встречаются. Пошлю вам на днях ещё газет для чтения.

Утром сегодня принесли мне из Лекционного бюро 128 рублей за прочтённые прежде лекции и путёвку на лекцию в это воскресенье в госпитале в 11 часов дня. Привет. С. Дмитриев.

[A] На Рабочей улице находилась школа № 455 (впоследствии 1468).

[B] Слова «на лето» вписаны над строкой.

[C] Харьковская операция началась 12 мая 1942 г. наступлением советских войск и закончилась 30 мая того же года окружением и практически полным уничтожением наступающих сил Красной Армии на Барвенковском плацдарме. Из-за катастрофы под Харьковом стало возможным стремительное продвижение немцев на южном участке фронта на Воронеж и Ростов-на-Дону с последующим выходом к Волге и продвижением на Кавказ.

[D] С.С. Дмитриев намекает на ожидавшееся, но не состоявшееся летом 1942 г. повторное наступление немецких войск на Москву.

99-е

Понедельник 18 мая 1942. Сталинск.

Дорогие друзья, два дня не писал вам. Не скажу, что и дела было много, а так как-то завертелся. Вчера утром читал в госпитале лекцию о Суворове. Вечером вместе с Резвыми ходил в кино, смотрел «Оборону Царицына»[A]. Растянуто и мало действенно. Запись звука плохая. В общем «Ленина в Октябре» и «Чапаева»[B] слабее.

Вчера получил толстое письмо бабани № 29 от 2–3 мая и Гоги от 3/V. Был им весьма доволен, читая про стол, хлопоты об огороде, пчёлах и пр. Очень рад, Гога, за тебя, что ты изловчился и становишься рыболовом. Хорошо бы наладить тебе более или менее постоянную рыбную ловлю и поставлять хотя бы небольшой рыбный стол. Молодец, что занялся этим делом. Отважная Лёля, совершившая странствие в Данилов, тоже молодец. Зубного порошку, который она раздобыла, здесь тоже нет. А чистить их солью, по-моему, вредно — эмаль разъедает.

Вторник 19 мая.

Вчера не успел дописать вам письмо. Продолжаю сейчас. Вчера получил письма Лёли от 5/V и бабани № 30 от 6/V. Статья в «Учительской газете» нашего Николая Леонидовича о Ледовом побоище. О смерти жены Базилевича[C] я знаю. В дальнейшем с квартплатой будет так: Филинков, я думаю, пришлёт квитанцию и так как сейчас за нами задолженности нет никакой, а у Филинкова ещё лежат 100 моих рублей, то постепенно будем переводить. Особо спешить нечего. Погода и у нас стоит холодная. Почти каждый день дожди. Сегодня мороз, утром шёл снег. Вчера только я заметил, что берёзки чуть-чуть начали зеленеть. Всё-таки Сибирь — поздно тепло приходит. Печатные конверты мои исчерпались почти. Немного ещё есть, но я их приберегаю на случай писанья с пути, так как самодельные конверты заклеивать будем нечем. А Гога пусть клеит конверты, хотя бы из газет. Что же делать? Сегодня вам пошлю бандеролью 11 газет для чтения и бумаги. В одной из них «Учительской» есть хвалебная статья о Сергее Леонидовиче Рубинштейне, получившем Сталинскую премию[D].

[A] Двухсерийный фильм режиссёров братьев Васильевых «Оборона Царицына» (1942); первая серия вышла на экраны 29 марта 1942 г. (Братья Васильевы — творческий псевдоним режиссёров-однофамильцев Г.Н. и С.Д. Васильевых).

[B] Фильм режиссёра М.И. Рома «Ленин в Октябре» (1939); фильм братьев Васильевых «Чапаев» (1934).

[C] Евгения Леонтьевна Базилевич.

[D] С.Л. Рубинштейну Сталинская премия второй степени по разделу «Философские науки» была присуждена в 1942 г. за книгу «Основы общей психологии» (1940).

Из других писем помяну: письмо Марголина от 3/V — живёт надеждами на хлопоты своей Фиры в Москве, но пока что ещё из этих хлопот ничего не вышло. Пришла открытка от Николая Леонидовича от 20/IV. От него идут письма крайне долго. Пишет, что его два брата из Ленинграда выбрались: Сергей Леонидович сейчас в Кисловодске, а затем вместе с Педагогическим институтом им. Герцена, в котором он работал, переедет в город Орджоникидзе. Это тоже на Северном Кавказе. В Ленинграде, пишет он, стало много лучше, и корреспонденция иногда даже доходит. В комнату Николая Леонидовича вселён был временный жилец из другой части их же дома, которая была законсервирована и не отапливалась. Так что, по мнению Николая Леонидовича, ничего серьёзного его комнате не угрожает.

Ещё вчера пришло письмо от одного студента из МОПИ из Малмыжа. Он пишет, что в Малмыже у них жизнь учебная идёт более или менее нормально. Не хватает книг, бумаги и чернил. Из историков у них один Манфред (из МОПИ). Предполагает приехать Б.Ф. Поршнев с женою и детьми. Историю читает некто Огрызко из Ленинграда. Его преподаванием студенты недовольны. О быте пишет кратко: «Цены на рынке деформируются каждый базар[A]. Я перестал поддерживать связь с рынком из-за его алчности. Ходим в столовую, которую местные органы открыли для нас. Обеды вполне приличные». Таким образом рынок в Малмыже есть, цены, как и всюду, скачут. Но всё же цены в деньгах. Думаю, что если студенты довольны столовой, то преподаватели кушают не хуже студентов. Вот текущие новости. До свидания. С. Дмитриев.

Гога, шлю тебе две марки для коллекции[B].

100-е

Четверг 21 мая 1942. Сталинск.

Подумать только! Пишу сотое письмо! В жизнь никогда столько не писал. И всё же разговаривать куда лучше, чем писать. Но, когда ещё придётся разговаривать нам? А писать ещё можно пока. Ваших писем у меня скопилось — тьма. Что с ними делать? Пока сидишь на месте — хранишь. А двинуться придётся? Ведь это целая библиотека. Думаю, что тогда попробую сдать их бандеролью на почту в ваш адрес. Может, дойдут. Рукописи, кажется, принимают.

Слышал на днях, что в город к Лёше и тёте Кате стали теперь лучше доходить письменные известия[C]. Потому сегодня послал им ещё открытку с запро-

[A] Так в подлиннике.

[B] Последнее предложение написано на левом поле второй страницы письма.

[C] Речь идёт о родной сестре матери СС. Дмитриева Е.Е. Ивановой и её сыне А.Г. Иванове, проживавших в Ленинграде.

сом об их жизни. На письмовном фронте у меня затишье. Вчера только пришла краткая открытка от Филинкова. Вот она: «Дорогой Сергей Сергеевич. Привет. Ничего от Вас не получаю. Дома всё по-старому без изменений. Беспокоюсь, что с Вами. Давно не пишете. Может, обиделись за что-нибудь. Очень прошу напишите. Уважающий Вас Филинков. 6.V.1942. Кусково». Писать я ему писал. Обижаться на него уж никак нельзя. Наоборот, я ему искренно признателен за все его хлопоты и заботы. Если бы не он, то имущество разворовали бы давно. А квартиру, пожалуй, и заняли. Видно, просто мои письма не дошли. Напишу ещё. Всё же он молодец.

События начинают развёртываться. Наступает решительная пора. Обуревает нетерпение, как Лёля пишет. А в другое ухо, как у Шпекина так и твердит — терпение, терпение, ожидание! Очень меня раздражает ещё и то, что, живя здесь, от жизни отстаёшь. Газеты центральные приходят день на 8–10. Местные еле-еле выходят (бумаги нет) и читать в них нечего. Радио у нас нет. Бегаю и ловлю людей с радио, чтобы выспросить утренние передачи. Всё же мне кажется, что не так уж долго нам колобродить, и к осени, пожалуй, съедемся к домам. А, может быть, конечно, это проявление излишнего оптимизма. Но, в общем-то этот оптимизм подогревается тем чувством, которое вчера за обедом и пивом один пожилой актёр-опереточник шутливо выразил так: «В Рассею хочу! Хочу в Рассею!» Я вот тоже «в Рассею хочу». Такие же чувства охватили всех ашхабадцев, ташкентцев-товарищей и пр., и пр. О том же плачется соликамский Эпштейн и бирский Марголин. Вот только Зайончковский замолчал. Ну, да молодая-то жена, хоть и кого замолчать заставит! Тут уж не до разговоров, переписок и чувств, только действовать приходится.

Дорогой Гога, тебе прошлый раз послал 2 марки, да сегодня шлю ещё одну с Фрунзе. Кажется, впрочем, что у тебя есть такая. Лимон, брат, мой приказал долго жить всем твоим растениям, а сам засох, и вчера я его выбросил. «Всё в этой жизни тленно!» Побывали ли за это время учительницы у тебя? Здесь в школах уже начались испытания. Ирина[A] наша с утра пыхтит, возвращается поздно. Кончишь — возьмите непременно и тотчас же справку об окончании тобой 7 классов и о переводе в 8-й. А то вдруг придётся быстренько уезжать и впопыхах забудете взять справку.

Целую тебя и всех вас. С. Дмитриев.

101-е

Суббота 23 мая 1942. Сталинск.

Дорогие ильинцы! От вас вот два дня как писем не было. Сегодня получил письмо от Лены от 11/V и от П.А. Зайончковского от 15/V. Лена пишет о своей

[A] Дочь квартирной хозяйки С.С. Дмитриева Бетти Зиновьевны Белодубровской.

жизни, ничего нового не сообщая. В её письме одна, глубоко печальная новость, вероятно, до тебя, мама, уже дошедшая — умерла тётя Катя[A]. Сообщила им об этом Нюра Байбородина, которая сама узнала по краткому сообщению Миши[B] на переводе (денежном) для Ани. Вот и ещё жертва этой войны. Когда она у нас была в последний раз? В 1939 или 1940 году? Для меня лично с её смертью много ушло навсегда, память о годах детства, Дворянской улице, а ещё ранее Которосльной набережной (кажется, дом Москвиных на углу, против дома, где теперь живёт папа?). А сколько же ушло в прошлое вместе с нею для тебя, мама! Да, хотелось бы посидеть с тобою и припомнить и тётю Катю, и многое, многое. Ну, будем надеяться, что скоро можно будет и поговорить, а не переписываться. В переписке многое вообще пропадает, утрачивается. Хотел бы я незримо к вам проникнуть и поглядеть, и послушать, как-то идёт ваша жизнь, чем вы дышите и живёте? Все письма о менах, яйцах, молоке и пр. и пр. Вот, Гога, когда бы мне шапка-невидимка пригодилась! Или изобретение из Уэльсовского романа. Ты бы, Лёля, о внутренней жизни пискнула.

Пётр Андреевич пишет, что сейчас временно находится под Барнаулом. Ждёт отправки на фронт в середине июня. В начале мая был в Новосибирске, оформил брак с Натой Моргуновой. Хотя и пишет, что не питает больших надежд увидеться со мною и со своей Натой, так как полагает, что в середине июня попадёт в самое пекло, но настроен бодро и весело. Вам шлёт привет.

Вот новости переписки.

Из хозяйственных новостей расскажу такую.

Вчера зашёл я в магазин, где приобрёл бельё нижнее (о чем вам в своё время писал). А тогда (прежде, когда бельё покупал) было у меня разрешение ещё и на гимнастёрку или рубашку верхнюю. И что же? Хотя и прошло уже месяца 1½–2 и заявление моё с разрешением отыскать не могли, а всё же (ввиду того, что на этот раз[C] гимнастёрки были в магазине) приобрёл для себя очень полезную вещь — чёрную гимнастёрку с двумя грудными застёгивающимися карманами. Носить её — под ремень. Материал очень плотный, вроде чёртовой кожи. Цена божеская — 31 рубль 50 копеек (казённая цена). Вот только прошита она зеленоватыми, а не чёрными нитками. Но этой беде взялась Бетти Зиновьевна помочь. У неё есть портниха, и та перестрочит всё дело нитками, а карманы слегка поднимет (на палец). Ремня в магазинах найти невозможно, но, кажется,

[A] Сестра матери С.С. Дмитриева — Екатерина Евдокимовна Иванова.

[B] Двоюродный брат С.С. Дмитриева, сын Е.Е. Ивановой Михаил Георгиевич Иванов.

[C] Слова «на этот раз» вписаны над строкой.

Бетти Зиновьевна снабдит меня и ремнём. Таким образом проблема рубашек «окончательно» решена. Вот хозяйственная новость.

В жизни личной новостей нет. Хотя и очень холодно, но нередко кисну. События развёртываются. С вызовом ничего не получается. До известной степени утешаю себя тем, что в июне-июле будет всё же ясней и, если не вызов для жизни и работы в Швейцарском доме (для меня лично), то перевод куда-нибудь поближе постараюсь получить. А вам, мне кажется, к осени удастся в Швейцарский дом вернуться. А, впрочем, как Гоголь где-то выражается, всё «одна мечта-с, игра воображения…»

Да ещё есть письмо от Марголина — бедняга постепенно утрачивает надежды на получение с помощью своей Фиры вызова в Москву. А она ему пишет, что в Москве жить можно.

Целую вас. До свидания. С. Дмитриев.

102-е

Понедельник 25/V-1942. Сталинск.

Вчера и позавчера не было писем. Вчера с утра отправился я копать огород. Лопату достал у Веры Григорьевны. Собрались преподаватели, поделили землю. Для меня участок (на 2 души я взял) земли в 2 м 40 см ширины и в 100 метров длины. Копали каждый свой участок до 2-х часов. Погода стояла хорошая. Земля средняя, супесчаная. Говорят, что если лето будет сухое, то для картошки земля хорошая. Что буду сажать, ещё не знаю. Обещали достать мне ведро мелкой посадочной картошки. Возможно, достану семена турнепса, брюквы и, может, ещё какой ерунды. Ничего я в этом деле не понимаю. Да и где же уверенность в том, что осенью я буду всё здесь ещё? А всё-таки сделать нужно. Земли можно бы и ещё достать, да сажать-то нечего и вскопать всё одному трудно, нанимать дорого, да и деньги ещё вколачивать в это дело не хочется. Так что я теперь становлюсь огородником. А как ваш огород? У вас, поди, всё более толково получится, чем у меня. Лена как-то тоже писала, что они получили два участка под огороды (Лёнин и её), причём ей дали на посадку картофеля, а Лёне всё, кроме картошки. А в Кемерово я был, так там прямо огородная горячка — весь город перекопан, улицы, дворы, площади. В середине трамвай идёт, а по сторонам — огороды.

В субботу Бетти Зиновьевна отдала портнихе мою новую чёрную гимнастёрку, чтобы та перестрочила её чёрными нитками вместо зеленоватых и подняла карманы. Обещала сделать быстро. Вчера же Бетти Зиновьевна отыскала мне большой широкий (военного образца) ремень. Так что можно будет давать отдых и чёрному пиджаку, и френчу. Вот текущие пустяки внешней жизни.

Сбирались[A] сегодня мы с Максимом Афанасьевичем Емельяновым (доцент естественник-зоолог) с утра пойти огород продолжать копать, да не пришлось — дождь идёт. Вообще весна здесь никудышная, холодная, дождливая. Вчера Троица была, а деревья ещё голые. Одна берёзка чуть-чуть прозелень пустила. Ну, как тут не вспомнишь балкон в зелени в Швейцарском доме! Из Москвы нет новых известий никаких. Николай Леонидович, видимо, выжидает, что-то стал реже писать. Да я и понимаю его. Я сам ждал-ждал, да ждалку потерял. Общие известия не слишком утешительные. А потому и настроение неустойчивое, и скорее — отупело-минорное, чем возбуждённое.

Получили ли вы письмо с моей карточкой? Как-то я вам ещё послал 11-ть разных газет для чтения.

Ну, вот все текущие известия. Да, вот ещё разве добавить, что в четверг мы с Емельяновым на пару пойдём в оперетту слушать какую-то «Ночь в июне»[B] — новая советская оперетта из времени кануна и начала этой войны. Посмотрю — напишу.

Целую вас всех крепко. С. Дмитриев.

P.S. К 102-му письму.

Пришёл в Институт и нашёл письмо от Филинкова от 11/V со вложением квитанции Музея керамики на получение 150 рублей от меня за квартплату. Тут же была и телеграмма Филинкова такого содержания: «Квитанции квартиры квартплаты выслал. Квартира порядке. 360 рублей получил. Привет. Филинков».

Я ему написал, чтобы он узнал о квитанции за ваши 360 рублей. Всё. Привет. С.Д.

103-е

Вторник 26/V-1942. Сталинск.

Дорогие ильинцы, вчера пришло сразу 3 ваших письма: Лёли и Гоги от 8/V, бабани № 31 от 9/V и Лёли от 12/V. Вчера же получил краткое письмо Филинкова от 11/V с квитанцией Музея керамики в приёме от меня в счёт квартплаты 150 рублей (за подписью Кузьмина) и его же телеграмма тоже, кажется, от 10-11/V: «Квитанции квартиры квартплаты выслал. Квартиры порядке. 360 Музей получил. Привет. Филинков». Затем пришло ещё письмо из Малмыжа от Альберта Захаровича Манфреда от 5/V-1942 г.

Начну с последнего. Манфред пишет, что кроме него и Калягина теперь ещё приехал на истфак и Б.Ф. Поршнев (специалист по средневековью). Сту-

[A] Так в подлиннике.

[B] Оперетта «Ночь в июне». Музыка А. Рябова и М. Блантера; пьеса Л. Юхвида и А. Алексеева. Премьера состоялась 24 августа 1941 г.

дентов МОПИ около 200. Из профессорско-преподавательского состава больше всего физиков и математиков. Живут ничего. Учёба идёт «нормально». «С весной оживление разговоров о возвращении в Москву. Вернуть институт обещают, но когда точно — никто не знает, да и не может сейчас, видимо, знать».

О материально-бытовых условиях ничего не пишет, но, видимо, не голодают, раз ничего не пишет. Историю СССР читает некто Огрызко, им очень недовольны. Далее Манфред пишет: «Я очень жалею, что Вы до сих пор ещё не в МОПИ, и стараюсь ускорить Ваше возвращение. Надеюсь, Вы за это не посетуете?» «Я беседовал с Александром Георгиевичем (это — Калягин, декан, С.Д.) о том, что[A] в перспективе ближайшей, независимо от Огрызко и всего пр., в институте историю СССР должны вести Вы. Он такого же мнения. Словом, я надеюсь, что мы скоро с Вами встретимся снова — уже в МОПИ. Давайте всё же держать постоянную связь и сообщите мне о Ваших обязательствах к Сталинскому институту и пр.».

Сегодня напишу ему письмо с запросом о материально-бытовых условиях жизни в Малмыже. Думаю, писать им так, что, мол, поеду к вам, в МОПИ. Соображений в пользу Малмыжа несколько. Вот главные: 1) не один буду, а в своём коллективе, 2) коллективе эвакуированном, как коллектив из Москвы и подлежащем (теоретически рассуждая) возврату, 3) вопрос о возврате лично для меня упростится, если, конечно, МОПИ будут возвращать. Но, ведь, Сталинский учительский институт, как организация, никакому возвращению не подлежит — он на месте, 4) ближе к вам, и к Москве, 5) если я им ещё в июле буду нужен, то при переезде в Малмыж тогда, т. е. к началу августа, я или подъеду ко времени (в случае благоприятного развития общих событий) их общего переезда в Москву — тогда и я с ними, или же (в случае иного течения общих событий и перспективы в связи с этим зимовки в Малмыже) буду выписывать вас в Малмыж, а может, постараюсь и сам за вами приехать (где бы вы ни были, т. е. или в Ильинском, или в Кускове). Вот соображения за Малмыж.

Теперь о ваших письмах. Я был прав, полагаясь на аккуратность и исполнительность Рыскина. Его ответ — образец ответа делового, умного человека. Молодец Рыскин! Думаю, что он прав по существу. Конечно, я не знаю, насколько[B] действительно <u>необходимо</u> для Игоря <u>возможно скорее</u> делать корсет (или ещё это дело терпит?). Что же касается до закрепления квартиры, то тут так дело обстоит. Раз квартплату принимают, значит квартиру считают за нами. Указание прокурора (правда, в письменном виде до сих пор у нас отсут-

[A] Первоначально было написано «чтобы».
[B] Далее зачёркнуто слово «реально».

ствующее, но всё же и Музею, и Филинкову, и нам известное) существует. Самое квартира пока цела (ещё в середине мая). Так что формально-то особого беспокойства пока судьба квартиры не внушает, но по существу нужно задуматься. Постановление от 17 февраля нас прямо не касается, но тенденции его заставляют задуматься. Пока квартира не заселена кем-то ещё, есть надежда. Но ведь век она пустовать не будет. И вот, если бы её заселили кем-то, хотя бы «временно», то, пожалуй, пиши пропало. Так что, с точки зрения квартирной проблемы возврат или хотя бы приезд ваш в Москву имел бы большой смысл. С питанием там туго, но ведь и у вас в деревне не сладко (хотя всё же, может быть, слаще, чем в Швейцарском доме).

Над возвратом Гавриловых, madame Bendet с сыном (почему в письме Филинкова и вам говорится о дочери?!), madame Тужилиной тоже стоит подумать. Возврат этот продиктован, конечно, теми же соображениями, о которых пишет Рыскин, да и мы рассуждаем. Соломонова Фира (Марголинская жена) тоже вернулась. Так что во всех этих поступках какой-то резон люди усматривают.

Теперь нарисуем себе такую перспективу. Приехали вы в Москву, в Швейцарский дом. Дело идёт к осени, перспектив моего возврата на зиму нет, а условия жизни в Швейцарском доме для вас совсем не подходящие. Что тогда? Закрепив за собой квартиру, поедете ко мне, вероятнее всего, в Малмыж. Из Москвы это нетрудно. Прямая Казанская железная дорога, поездом Москва — Челябинск, через Казань до станции Вятские Поляны. С Казанского вокзала. А, может, условия жизни в Швейцарском доме к осени и поправятся. Тогда на месте останетесь[A].

Подводя итоги, я думаю, что ты, Лёля, права, решив в начале июня ехать в Ярославль и хлопотать о пропусках. Пропуски[B] вы, я думаю, получите все. Вот собрать продовольствия на первое обживание в Швейцарском доме будет вам очень трудно. Но нужно. Если Серафима Галактионовна остаётся дома, то из вещей берите главное (но непременно и зимнее). При хлопотах о прописке лучше всего попробовать тебе, Лёля, к Литвак обратиться (о краеведческом отделе, о жене профессора, о больном сыне, направленном для постоянного[C] лечения и пр.) или к председателю Ухтомского районного Совета депутатов трудящихся тов. Орлову или же, наконец, к прокурору Перова тов. Бойцову. А, может, ввиду ваших бумаг в милиции и без особых затруднений пропишут.

[A] Примечание С.С. Дмитриева: «Сейчас в Москве тихо, даже и гости почти не бывают. Но я уверен, что шуму будет ещё летом много».

[B] Так в подлиннике.

[C] Слово «постоянного» вписано над строкой.

Ну, всё написал. До свидания. Решайте сами. Теперь время такое, что каждый должен сам решать на месте, как и что. Возможны и ошибки при этом. Твои, мама, письма с нумерами[A] я все получил.

С. Дмитриев.

104-е

Среда 27 мая 1942. Сталинск.

Вчера никаких письмовных новостей не было. Происшествий и событий тоже.

Вот от папы давно писем не было. Лена пишет, последнее было от 11/V. Правда, я и сам стал им писать реже. Да и не только им, а всем. Кроме вас. Как-то писательское настроение прошло. Ещё и то, что при месячном обороте писем вперёд-назад теряется возможность обмена мыслями для принятия тех или иных решений — за месяц многое изменяется и нередко уже к другим мыслям приходишь, пока ещё до вас и старые-то только дошли.

Все эти дни идут дожди, так что огород не копал с воскресенья. В субботу собираемся с Емельяновым съездить куда-нибудь за картофелем. Впрочем, ещё не знаю — поедем ли.

Как, Гога, твоя рыбная ловля не возобновилась? У нас здесь весна препакостная, холодная, дождливая. До свидания. С. Дмитриев.

105-е

Пятница 29 мая 1942. Сталинск.

Дорогие ильинцы, привет! Писем вчера не было никаких. Особых новостей тоже. Из текущих: ходили мы вчера с Емельяновым в театр. Думали посмотреть «Ночь в июне». Но артистка Лазарева заболела, а только что приехавшая артистка Власова ещё не вошла в роль. И потому вместо «Ночи в июне» шла «Роз-Мари»[B]. Послушали мы «Роз-Мари». Я не помню, Лёля, видели мы её в Москве или нет? Во всяком случае, я смотрел с удовольствием. Роз-Мари пела Стефа Петрова (чешка). Партнёр её был очень слаб, некто Иванов. Недавно приехал сюда хороший артист Бравин, но он ещё не выступает.

Другая новость — сбираются нам выдать для посадки 8–10 кило картофельных срезков. Если их получу, то засажу картошку. В связи с этой возможностью, пожалуй, завтра мы с Емельяновым не поедем, как сбирались было, в Белово.

Третья новость. Вчера получил по карточке 400 грамм сливочного масла. Был этим весьма доволен.

[A] Так в подлиннике.

[B] Оперетта чешского и американского композитора Р. Фримля «Роз-Мари» (1924).

Но вчера же узнал и четвертую новость. А именно, что на июнь нам сокращают норму хлеба, с 800 гр. в день до 600 грамм. Правда, ещё 150 гр. дают в столовую к обеду. Но всё же хлеба будет поменьше. А значит и молока. За последний же месяц я имел молока много, по 1–1½ литра каждый день.

Пятая новость. Ходил сегодня в Горторготдел похлопотать о приобретении носок и полуботинок или ботинок. К сожалению, ничего сейчас нет. Когда поступит, не знают. Но хорошо, что в принципе признания моего права иметь ноги обутыми не сомневаются.

Вот текущие «новости» быта.

Других более крупных и важных новостей нет.

Вот вопрос к вам. Лежит у меня квитанция Музея керамики на приём 150 рублей от меня за квартиру. Не знаю, может, вам её переслать? Дело это терпит, но если видите смысл, то могу переслать в письме.

Относительно предположений ваших о возврате в Швейцарский дом я в одном из писем писал подробно. Думаю, что исподволь можно приступать к их реализации. Но не буду повторять всего, уже десятки раз писанного.

Гога, наконец-то здесь тоже стала природа приобретать весенние черты. Позавчера и вчера распустился тополь. Его запах стоит по улицам, обсаженным небольшими топольками. Травка зеленеет, правда, довольно чахлая, как у нас в Кускове в конце апреля. Леса здесь вблизи города нет. До него нужно поездом добираться. Небо в городе копчёное чёрным и жёлтым дымом. Вода сошла. Абашка стала снова скверной грязной маленькой речонкой. Томи ещё не видел. В Старый Кузнецк теперь не приходится ездить.

Как идут твои дела? Сдаёшь ли экзамены? Что ещё осталось сдать? Ходишь ли на рыбную ловлю и каковы итоги её? Здесь дед, который нам носит молоко, рыболов, и на р. Кондоме (она в Томь впадает недалеко от города) имеет всякие страсти. Как-то приносил нам щуку. Хотел менять на хлеб, да просил несообразное. Ну, вот всё. Привет вам всем. Целую. С. Дмитриев.

P.S. Сегодня ещё написал Николаю Леонидовичу и папе. С.Д.

107-е

Понедельник 1 июня 1942. Сталинск.

Вот и июнь, и всё так «ясно» как и в феврале. Постояла здесь дня 3–4 хорошая погода, а сегодня для нового месяца с утра идёт дождь. Занимался вчера копкой огорода, позавчера тоже. С непривычки трудно. Да и веры нет в то, что придётся пожинать плоды рук своих, но всё же нужное занятие. Обещают дать для посадки картофельных отрезков не то 10, не то 12 кг. Вскопал я примерно побольше ½ своего участка (всего 240 кв. метров).

Утром сегодня быт заел: ходил в баню, потом зашивал носки и сапожничал: подшивал к туфле отваливающуюся на заднике заплату. К сапожникам смысла нет отдавать: держат долго и делают не прочнее, чем сам сумеешь. Затем сходил за хлебом. Хорошо, что на июнь норму нам (москвичам и ленинградцам) не сократили: по-прежнему 800 гр. в день. Сейчас время 1 час дня. Пойду в институт, насчёт картофельных отрезков и нового пропуска в столовую. Вчера май кончился, а с ним и майский пропуск. Сегодня нужно новый получать. Из института в столовую, потом (если это письмо успею дописать) на почту. Хочу вам ещё партию газет послать. Вот мой быт.

Из письмовных новостей сообщу такие.

В субботу пришла телеграмма от Филинкова от 21/V, данная из Кускова: «Адрес Дуняши вышлите сто сорок отличную уборку квартиры книг Филинков». Таким образом в квартире порядок наведён, а книги с пола из нашей общей комнаты водворены, вероятно, обратно на полки моего кабинета. Я писал Филинкову об этом и он, очевидно, нанял Дуняшу. Всё же это лучше, чем совсем постороннего человека. Слова «уборку… книг» и обозначают (так я понимаю перенос обратный книг на место в мою комнату). Ну, о подробностях узнаем из письма. Завтра получу жалованье и вышлю переводом 140 рублей Дуняше. В субботу же пришло письмо от Лёли и Гоги от 16/V, а сегодня три письма: мамы № 32 от 13/V, её же № 33-е 17/V и Лёли от 19/V.

Очень рад, что вы все живы и здоровы и на отсутствие аппетита не жалуетесь. Порадовался также и известиям о том, как вы изловчаетесь раздобывать то то, то другое. Жалеть промениваемое не стоит — будем живы — новое приобретём. Старайтесь, пока есть возможность, кушать всякую всячину. Мама правильно пишет, что нужно продержаться до нового урожая. Ободряющие письма мамы вообще написаны очень воодушевлённо. Они меня вдохновляют к дальнейшему, так сказать «плаванию по морю житейскому».

С питанием моим, хотя и стало несколько сложнее, но всё же пока ещё ничего. Молоко ежедневно в мае даже по 1–1½ литра в день. Дважды в мае колбасу получал (всего около 3 кило), недавно масла 400 гр. сливочного, из Кемерово привёз чеснока, сахар есть (и кусковой, и песок). В 2 часа 30 минут дня обед в столовой, в 9–10 часов вечера там же ужин (творог и чай, каша гречневая, молоко, крабы иногда и т.д.). Хлеба 800 гр. в день мне вполне хватает. Сухарей у меня есть мешочек, так килограмм 4–4½. Так что обо мне в этом отношении тревоги не бейте. Думайте больше о себе.

Да, можно и нам, Лёля, хором твердить: «как ныне годы-то летят…» Я это по поводу вызова Гоги в Военкомат. Конечно, служба его минет, он не годен

совсем. Дадут ему белый билет. Но вот как[A] это ему в Пречистое-то добираться? Жаль, что учителя больше ходить не будут. А ходить в школу ему будет, пожалуй, трудно. Уж не знаю, что и сказать.

Посылаю вам 7 газет для чтения. С.Д.[B]

108-е

Среда 3 июня 1942. Сталинск.

Дорогие ильинцы, как жизнь? У меня по-прежнему. Копаю огород. Вчера получил 12½ кило картофельных срезков для посадки.

Новости переписки такие: К.А. Коновалова прислала в мой адрес перевод 610 рублей денег для П.А. Зайончковского. Перевод послала из Москвы, куда она, очевидно, прочно вернулась с Наркомпросом из Кирова. На всякий пожарный случай черкну вам её тамошний адрес: Москва, Колодезная ул., д. 7, кв. 79.

Далее, пришло письмо от Николая Леонидовича от 5/V. Он, между прочим, пишет так: «Представьте себе, у меня неожиданно явилось сомнение, разумно ли Вы делаете, воздерживаясь от поездки в Малмыж. Я не касаюсь уже того обстоятельства, что с ними Вам будет легче и проще возвращаться в Москву. Но и сейчас, на этом промежуточном этапе, вы оказались бы, прежде всего, значительно ближе к своим, и легче было бы всем вам соединиться, если бы вашим пришлось всё же ещё одну зиму проводить вне Москвы. В смысле бытовом там, кажется, должно быть неплохо: Малмыжскй район, кажется, богатый — и вместе с тем это небольшой город, где теперь всегда бывает тяжелее. Знаю, во всяком случае со слов О.Л. Вайштейна, приехавшего сюда из Казани (по вызову ЛГУ), что Поршнев, которому очень тяжело жилось в Казани, где он между тем заведовал кафедрой, действительно уехал в Малмыж, в МОПИ. Таким образом, над этим вопросом Вам, по-моему, следует ещё подумать. Вот только не знаю, какие там условия сообщения, вообще же, оттуда должно быть недалеко и в Казань, и в Молотов, где хорошие библиотеки и архивы». Таким образом Николай Леонидович склонен тоже усматривать в переезде в Малмыж некоторый смысл. Но не знаю, что из этого получится. Пока новых приглашений ещё нет. Возможно, что и не будет. Но, если бы они последовали, то (коли все прочие условия до того не изменятся) во второй половине июля я, пожалуй, поеду в Малмыж. А там увидим, как поступать в том случае, если к осени нельзя будет на зиму вам и мне соединиться в Москве. Тогда в Малмыж поедете зимовать. Между прочим, если бы вы к осени очутились в Швейцарском доме, но пер-

[A] Слово «как» вписано над строкой.

[B] Последний абзац написан на левом поле второй страницы письма.

спектива зимовки одним там была бы тяжела, то в Малмыж ведь из Москвы не труднее приехать, чем из Макарово. Ну, впрочем, всё это пока ещё домыслы.

Вчера пришла открытка от Филинкова от 20 мая. Пишет, что он вместе с директором Музея Ахметьевым осмотрел книги и квартиру и решил, «что во избежание повреждения библиотеки протереть книги; проветрить квартиру, очень много пыли, пошла и сырость на обложках. Всё приведено в порядок в смысле сохранности, проветрено, протёрто Дуняшей и ею же убрана вся квартира. Нанял одну — работала неделю. Вы знаете её квалификацию, аккуратность, честность и педантичность — можете быть спокойны. Договор на 140 рублей. Простите за самоуправство в интересах дела. С искренним к Вам уважением Филинков». В общем-то молодец, хотя из открытки его я не понял, перенесла ли Дуняша книги в мой кабинет на полки или они остались лежать в квартире на полу. Но, в общем, квартира к весне освежилась. Так что, если бы сейчас туда приехать, то на чистенькое. Сегодня переведу в Музей 140 рублей для Дуняши. Вот текущие дела.

Да, не помню, сообщал ли я вам о письме от папы от 20/V. Пишет, что все в Ярославле здоровы, Витаха[A] перешёл в 3-й класс. Вам папа писал, предлагая Лёле с Гогой поехать в Москву, чтобы сделать два дела «осмотреть Игоря врачам и корсет ему сделать и проверить квартирный вопрос». Получили вы это письмо? Здесь говорят, что сейчас (в мае) в Москве стало сравнительно приемлемо с питанием. Но шумовое оформление ещё впереди. Впрочем, обо всём этом я вам писал. До свидания. С. Дмитриев.

109-е

4 июня 1942. Сталинск.

Привет, друзья! Как дела идут? Получил сегодня письмо Лёли и Гоги от 24/V, письмо Марголина от 24/V и Лены от 26/V.

Лена никаких новостей не сообщает. Копают три огорода, садят картошку, капусту, свёклу. Витя переведён в 3-й класс, но учиться начать будет должен с 1 августа (для повторения пройденного).

Марголин пишет, что из хлопот его Фиры о вызове для него ничего не вышло. Вызова нет и не обещают. А между тем, она пишет, что если, мол, ещё зиму проведёшь вне Москвы, то надежд на возврат в неё не будет. Трудно сказать, что она тут разумеет. Вероятно, какие-нибудь слухи. Сам Марголин вконец обносился и обтрепался и ничего приобрести не может, очень бедствует. Фира ему, между прочим, сообщила, что слышала о предположении перевести МОПИ из Малмыжа в Загорск (Троице-Сергиева лавра) или какой подобный подмосковный го-

[A] Виктор Леонидович Баранов — сын Е.С. Барановой, племянник С.С. Дмитриева.

родок. Это, конечно, хуже, чем перевод в Москву, но лучше (для меня бы), чем пребывание в Сталинске или Малмыже. Работая в Загорске или Коломне, или Орехово-Зуеве, жить-то можно в Кускове. Но не знаю, выйдет ли что из Малмыжа. Николай Леонидович, между прочим, усматривает известный смысл в переселении меня в Малмыж. Скорее, говорит, и легче вернётесь. Он, понятно, не учитывает возможности возврата Московского областного педагогического института не в Москву, а в один из городов Московской области.

Приходящие за май из Москвы известия утешительные. Жена нашего здешнего директора получила письмо от своих 2-х сестёр из Москвы — зовут её вернуться и с детьми (двое у них), что она и подумывает сделать. С питанием как будто бы улучшилось несколько. Да и то, ведь сказать, вот примеры — Дуняша Кузнецова, Наталья Фёдоровна, Филенок, Наташа с Александром Александровичем и дитёй[A] — все ведь зиму прозимовали, а теперь-то всё-таки гораздо легче. Так что, видимо, не так уж страшен, как его малюют[B].

Полагаю, что и приезд в Кусково Тужилиной и madame Bendette заставляют задумываться. Мне кажется, что, если всё общее не переменится, то сдаст Игорь экзамены и, может быть, стоит вам попытаться перебраться в Швейцарский дом. Всё-таки, возьмём на худой конец, если даже не вернусь я к осени-зиме к вам туда, то ты работу какую-нибудь найдёшь, Игорь учиться в Кускове будет, будете в доме, на месте. Бабаня по хозяйству. А если бы мне пришлось на время где-нибудь под Москвой поработать, то и совсем бы хорошо. Если же зимовать в Швейцарском доме было бы всё же уж очень трудно, а я осел бы в Малмыже, то, может, приехали бы в Малмыж.

Хорошо, что получили мою карточку. Из мелочей: докапываю огород, получил 12½ кило обрезков картофеля для посадки. Позавчера получил свою гимнастёрку, перешитую чёрными нитками. Бетти дала широкий военного образца ремень. Вчера и сегодня щеголяю в гимнастёрке. В институте меня зовут шутливо франтом за всё новые туалеты.

Ты, брат Гога, молодец. Всё берёшь отлично да хорошо. Сдашь премудрости — возьми официальную справку с печатью об окончании 7 классов и переводе в 8-й класс.

Деревья и здесь распустились. Особенно красивы аллеи тополей вдоль улиц, горные вязы и ясени. После 3-х дневных дождей сегодня жара и солнце, и пыль. Рыболовством и здесь народ пробавляется. Но я не умею, да и не до это-

[A] Так в подлиннике.

[B] Так в подлиннике.

го[A]. А к тебе это философское занятие подходит. У меня же характер слишком подвижный для рыбной ловли. А что сейчас в тайге делается!![B] Господи, боже мой! До свидания. С. Дмитриев.

Мама милая, не убивайся больно. С.Д.

110-е

Воскресенье 7 июня 1942. Сталинск.

Привет, друзья! Вчера получил письмо бабани № 35 от 26/V, а позавчера тоже её № 34 от 21/V. Сам же эти два дня не писал: был усиленно занят огородом. Надоело мне в земле ковыряться. И решил поскорее, по-ударному, закончить это дело. И вот вместе с моим сотрудником Емельяновым в пятницу и субботу, используя прекрасные дни, приналегли мы и вчера закончили свои участки. Я вскопал и засадил картофелем 240 кв. метров. Получил 12½ кило картофельных обрезков. Немного их на мою полосу не хватило. Но лежит ещё у меня чайная ложечка турнепса. Вот их и засажу на остатке земли. Огороды наши по пути в Старый Кузнецк в пойме Томи, на линии трамвая. От центра 1½ остановки. Пойменная луговина широкая, вдали Томь синеет, через неё красный железнодорожный мост. За Томью свежая кипа зелени — осинники, место гуляний горожан. За зеленью барабан бывшей Кузнецкой церкви без купола. За нею гора, развалины крепости и брусья сгоревшей церкви на ней. Правый берег Томи высокий, обрывистый, песчаник бурый висит над водой. А вершины этих гор-холмов пологие, распаханные, земля чёрная, деревушки. Назад оглянешься — завод коптит, шлак раскалённый льют. Жара, тени нет. В жизнь свою столько земли не вскапывал!

Из текущих дел — позавчера прошёл перерегистрацию паспортов.

Марголин письмо прислал — из хлопот Фиры о его вызове ничего не вышло.

Теперь, думаю, что всё яснее становится целесообразность для вас возврата в Швейцарский дом. Пишут, что в Москве с питанием в мае стало неплохо. А если общие дела хотя бы даже так пойдут дальше, как сейчас (в апреле – мае) шли и идут, то, я думаю, что к осени жизнь вокруг Швейцарского дома наладится. Юридическая возможность вернуться у вас есть. Думаю, что стоит ею воспользоваться. Тем более, что всё чаще пишите о том, что с питанием у вас делается всё труднее и труднее.

Мне вернуться, очевидно, будет куда труднее, чем вам. Как это устроится, ещё и сам не знаю.

[A] Слова «до этого» вписаны над зачёркнутыми словами «до того».

[B] Так в подлиннике.

Со вторника буду здесь занят на госэкзаменах. Закончатся они 15 июля. Буду стараться к этому времени получить новое приглашение из Малмыжа. И, если оно придёт, то поеду в Малмыж. Всё-таки: а) там будут люди, меня знающие, б) к вам и к Москве ближе, в) возврат к дому, может быть, с учреждением легче, чем в одиночку. Наконец, если бы, паче чаяния, пришлось вам далее на восток катить, то в Малмыж ближе, чем в Сталинск.

Целую вас всех. Держитесь друг за дружку. С. Дмитриев.

111-е

Среда 10 июня 1942. Сталинск.

Дорогие ильинцы, привет!

Последние дни занят стал больше. Началась заочная сессия и госэкзамены. На заочной сессии мне пришлось прочитать 4 часа лекций: в понедельник 2 и сегодня 2. Больше, кажется, нет. Остаётся только принять экзамены. В государственной экзаменационной комиссии я председатель. Вчера весь день мой первый экзамен по — физической географии СССР. Студенты отвечали хорошо и быстро, но всё же от 9 утра сидели до 7 дня с перерывом от 1 до 2½. Госэкзамены будут теперь до 15 июля довольно часто, и я буду порядочно-таки занят на них.

В воскресенье это, вечером, совсем неожиданно попал в театр. Так случилось. После обеда домой пришёл, а Бетти Зиновьевна предлагает — не хочу ли я взять на вечер 2 билета в оперетту на «Ночь в июне». Она их взяла для Ирины и её подруги, а Ирина за город уехала в субботу. Я взял и, когда пошли второй раз обедать, то за обедом предложил второй билет Емельянову. Он согласился. И вот на пару с ним мы и отправились. Ничего, посмотрели. О спектакле много не скажешь. Текст из пальца высосан. Музыка жалкая. Но комичного довольно много. Очень хорошо Власова играла девицу-интриганку. И хороший у них весьма комик Алчевский. Вот так и идёт жизнь. От вас писем эти дни не было, а получил сегодня два письма. Одно от Петра Николаевича Филинкова от 28/V из Кускова (в театре им писанное). Другое — от Петра Андреевича.

Пётр Николаевич пишет, что в мае жизнь в Кускове шла прекрасно. Тишина, в «Гае» народа тьма, в парке всё цветёт и благоухает. Тревог нет. Музыка играет в Гае, и его театр ломится от зрителей. Сообщает, что музей закрыт для публики. Музейцы увлечены огородами. Сам Пётр Николаевич тоже дань общей моде отдал (так он пишет) и в своём Гаю завёл огород. Приехала Тужилина и Бендет. Их прописали. Квартира наша цела. Дуняша в ней по поручению Петра Николаевича делала приборку генеральную. От Клавы пришло письмо. Муза поправилась, а Клава поступила на военный завод. Ещё любопытная подробность. Говорит он, что недавно <u>он уволил</u> Старовойтова, который был по совместительству начальником пожарной охраны у него в «Гаю». Таким образом

Пётр Николаевич сам теперь работодатель. Ещё сообщает, что в квартире Карла Карловича[A] собирается на лето поселиться директор музея Ахметьев. Сетует, что нас никого нет в Кускове и Швейцарский дом стоит молчаливый.

Пётр Андреевич пишет с дороги на фронт, из города Барабинска, где их эшелон часа на 3–4 остановился. Направляют их не к Москве, а на юго-западное направление, куда-то к западу от Николая Леонидовича. Настроен он бодро, рад, что воевать едет. Последнее время приезжала к нему в гости под Барнаул Ната, а потом вместе с его эшелоном доехала с ним до Новосибирска, где они и попрощались. Прислал в письме свою карточку, в военной форме снят. Глаза весёлые, живые, похудел.

Вот текущие новости. До свидания. Целую вас! С. Дмитриев.

P.S. Вам Пётр Андреевич привет шлёт.

112-е

Четверг 11 июня 1942. Сталинск.

Дорогие ильинцы, салют! Как идут дела у вас? С питанием, видимо, становится всё сложнее у вас. Мне думается, что это лишний довод в пользу осуществления представляющихся возможностей для вашего возврата в Швейцарский дом. Там, мне кажется (да так все вокруг говорят), теперь стало довольно прилично. Дальше же вряд ли будет хуже. Вот в том беда, что мне никак не удаётся вернуться. Если же бы я туда возвратился, то вам и задумываться бы нечего, а прямо переезжать.

Вчера-позавчера[B] пришли 4 письма.

Филинков от 28/V пишет, что квартира наша Дуняшей прибрана, всё цело. В Кускове и вообще Москве тихо, спокойно, тревог нет. Парк полон гуляющих. Театр «Гай» делает полные сборы. Играет оркестр музыки. Пётр Николаевич — директор «Гая». И недавно (за пьянство) уволил с должности начальника пожарной охраны Старовойтова. Так что он — работодатель и, думаю, что до осени мог бы даже для Лёли и бабани предложить в Гаю какие-нибудь должности. А к осени, будем надеяться, и школы оживут, может и 481-я[C] возродится.

Зайончковский пишет 3/VI с пути на фронт из Барабинска. Едет на юго-западное направление. Доволен. Последние дни его пребывания в лагерях под Барнаулом гостила у него Ната, а потом доехала вместе с его эшелоном до Новосибирска. Там они и попрощались. Вложил он в письмо свою карточку. Вам привет шлёт.

[A] Очевидно, имеется в виду бывший директор музея Кусково Карл Карлович Пурмал.
[B] Слово «позавчера» вписано над строкой.
[C] Так в подлиннике. Должно быть: 455-я.

Николай Леонидович пишет в открытке от 18/V, что и второй его ленинградский брат нашёлся и понемногу поправляется в Кисловодске пока. Сообщает о вызове в Москву Дмитрия Леонидовича (без жены). Далее пишет: «Вообще сейчас действительно дела идут так, что, может быть, скоро все соберёмся там. Конечно, это дело сложное для Ваших, для Игоря — и это, конечно, не может не связывать и Вас: будущую зиму вам так или иначе надо бы устраиваться вместе. Я же всё серьёзнее подумываю о Москве». Таким образом Николай Леонидович стал серьёзно подумывать о возврате.

Студент МОПИ Сорокин из Малмыжа пишет от 2/VI, что МОПИ там существует. Поршнев прислал свои вещи, но сам ещё не приехал (ясно, что он побаивается, как бы, заехав в Малмыж, не остаться там зимовать, а между тем представится, может, к осени возможность в Москву вернуться). Условия жизни в Малмыже хорошие при сравнении с вашими и моими. Для преподавателей получают обеды в студенческой (особой) столовой. Кормят прилично и недорого. По воскресеньям окрестные крестьяне съезжаются на базары. Продают муку, яйца, молоко, крупы и пр. Рынок оживлённый. Цены за последние дни стали снижаться: пуд муки 500 рублей, пуд картофеля 90 рублей, молоко 15 рублей литр, яйца 30 рублей десяток. Кроме воскресных базаров, каждый день в городе «толкучка», где крестьяне продают главным образом молоко. Молока в Малмыже много. Квартиры преподаватели имеют коммунальные. Пароходы от Котельнича до Малмыжа по Вятке ходят. Ежедневно идёт местный пароход от станции Вятские поляны Казанской железной дороги до Малмыжа. Так что в условиях навигации добраться до Малмыжа и из Ильинского, и из Москвы не так уж трудно. Таковы известия о Малмыже. В общем-то они благоприятные. О перспективах возврата в Москву или хотя бы приближения к ней ничего Сорокин не пишет. Это несколько беспокоит. Но всё же я написал в Малмыж, что жду официального вызова от них для приезда. Здесь экзамены кончатся к 20-м числам июля. И, если вызов будет, а на возврат в Москву вызов не будет, то поеду в Малмыж. Может, если вернётесь в Швейцарский дом вскоре и там жизнь наладится, то там и останетесь на зимовку, а то в Малмыж. Пока, до свидания. С. Дмитриев.

113-е

Понедельник 15/VI-1942. Сталинск.

Наконец-то пишу я это 113-е письмо! Вот уже несколько дней, как всё не могу выбрать время для писания писем. Всю прошедшую неделю, со вчерашнего воскресенья включительно, госэкзамены шли по основам марксизма-ленинизма. Преподаватель глухой, и опрос приходилось вести мне. Начинали в 7 часов вечера, так как днём этот преподаватель служит в другом

месте. Ну, и, понятно, что кончали в 1–1½ ночи. Пока дойдёшь домой, то да сё, только в 3-м часу заснёшь. Ну, с сегодняшнего дня полегче будет. Сегодня уже экзамен по зоологии позвоночных, и я только зайду днём посмотреть, как там будут дела идти. Сидеть на этих экзаменах — мука мученическая. Студенты нервничают и сам переживаешь.

Каких-либо существенных новостей за эти дни[A] не произошло. Настроение среднее. Ясности впереди незаметно. Всё по-прежнему в виде домыслов и воздушных замков. А между тем время идёт, и уже 1 сентября — начало учебного года вырисовывается не за горами. А ведь, если до этого отсюда я не выберусь, то рисуется вероятная возможность второй зимовки здесь. Эта возможность гнетёт меня. Тяготит меня ещё и сознание неопределённости вашего положения. Всё-таки независимо от моего личного положения я думаю, что вам, если даже наши общие дела к осени будут обстоять хотя бы так, как сейчас, нужно вернуться в Швейцарский дом. Новою зимою там будет не хуже, чем в Ильинском.

Через неделю будет год этой войны…

Из письменных известий помяну о двух. Получил письмо бабани № 37 от 3/VI. Печально, что она всё хворает, не может наладить свой желудок. А уж как-нибудь бы нужно это сделать. Летом желудочные заболевания неприятны особенно.

Другое письмо получил от Калягина, декана Истфака МОПИ в Малмыже. Жалеет, что мне не удалось связаться с ним ранее. Когда первая моя открытка к ним пришла, то уже ехал к ним историк из Ленинграда, больной и истощённый человек и, конечно, нельзя же было ему вдруг отказать. Далее продолжает Калягин: «Но во всяком случае, как только приедем в Москву, а нам обещано переехать в августе, так только Вас вызовем, ибо это общее желание». Заканчивает письмо так: «Итак, дорогой Сергей Сергеевич, до осени текущего года нам дано задание произвести набор студентов 400 человек. Будем проводить набор как в Малмыже, так и в Москве. На Истфаке сейчас имеются два курса II и III, первого нет — распылился. На будущий год — I и III, надеюсь, что набежит и II курс».

Таким образом возникает бледная и ненадёжная надежда быть вызванным в Москву в августе — сентябре. Но с другой стороны, возникает, по-видимому, ненужность переезда в Малмыж. А вернут ли ещё их самих в августе в Москву? Да и легко ли им будет, прибыв туда, выписать меня? А между тем, если я до сентября отсюда не уйду из института, то ведь они здесь меня не отпустят накануне самого нового учебного года. Решил написать Калягину так, что, мол, вызывайте меня <u>сейчас</u> в Малмыж. Но, конечно, вряд ли что из этого получится.

[A] Слово «дни» вписано над строкой.

Вот такие новости. Во всяком случае, независимо от моих личных дел, интересно отметить, что МОПИ обещают возврат в августе. Это, по-моему, косвенно свидетельствует и о перспективах восстановления школьной сети нашего города. А потому, Лёля, ты ещё раз попробуй с ТОНО списаться и укажи, что в июле, мол, едешь для лечения сына в Москву и хотела бы там остаться, а потому нельзя ли получить работу через ТОНО. Привет всем. Мама, бодрись. С. Дмитриев.

114-е

Вторник 16/VI-1942. Сталинск.

Дорогие ильинцы! Как идут дела? Мои по-прежнему: ни шатко, ни валко. Писем вчера не было. А значит и новостей. Вот разве только то, что во время обеда узнал, что три человека из Московской оперетты вчера же уезжали в наш город. Получили оттуда вызовы. Эти 3 человека: муж Стефании Петровой, сын профессора Зденека Неедлы, вице-президента Всеславянского комитета[A] (он едет, а жена его остаётся здесь с труппой), артистка Регина Лазарева и ещё одна балерина из их труппы. Обе последние выписываются своими влиятельными мужьями. Что наглядно свидетельствует о преимуществах выхода замуж за высокопоставленных лиц. Я даже, грешник, подумал, что неплохо бы мне выйти замуж за какую-нибудь высокопоставленную жену, которая бы меня выписала наложенным платежом поближе к Швейцарскому дому. Но, видимо, это всё одни дерзкие мечты. Всё же из факта вызовов высокопоставленными лицами своих жён в наш город можно сделать умозаключение, что лица эти (а им видно дальше с их мест) видят смысл в таких переездах своих жён. Стоит и нам, простым смертным, над этим призадуматься. Но, как говорится, думай не думай, 100 рублей — не деньги, а чёрт — не брат.

Я эту неделю всю сидел на госэкзаменах, как председатель Комиссии. Вот вчера только был экзамен по зоологии позвоночных, и я передал председательство другому, а сам только заходил к ним в комиссию взглянуть, как дела идут.

С переездом моим в Малмыж всё ещё неясно. Вчера я сообщал вам о письме Калягина ко мне. Он говорит, что им (МОПИ) обещано в августе возвращение в Москву. И тогда они тотчас же меня вызовут к себе. Но где же полная уверенность в возврате их самих в Москву в августе? А ведь с 1 сентября учебный год начнётся. И если я до той поры отсюда не уеду, то в начале учебного года меня здесь могут задержать. А уж было бы верхом глупости иметь на руках вызов и быть здесь задержанным ещё на зиму (или, по крайней мере, ползимы, до января). Написал в Малмыж так, что, мол, вызывайте теперь же, пока

[A] Имеется в виду Вит Неедлы.

в Малмыж. Но это им невыгодно. А вдруг в августе в Москву не вернутся. Тогда ведь мне работы, пожалуй, в Малмыже не будет. II-го курса там нет.

Любопытно, что им дано обещание возврата в августе, т. е. к началу учебного года. Это позволяет думать, что и сеть школ нашего города будет восстановлена. А потому, Лёля, снова связывайся с ТОНО. Пиши, что в июле ты будешь в Москве для лечения сына и желаешь там остаться. Запрашивай о работе педагогической. Думаю, что к зиме хотя бы вам нужно вернуться в Швейцарский дом. Всё. До свидания. Привет. С. Дмитриев.

P.S. Письмо Серафимы Галактионовны я давно получил и вам об этом писал. Но вы, видно, не все мои письма получаете. Так из Кемерово я послал[A] вам большое письмо с описанием своих похождений в кемеровской тайге, но вы о нём ничего не поминаете. Наверное, пропало[B].

115-е

Среда 17/VI- 1942. Сталинск.

Дорогие ильинцы, здравствуйте! Вчера пришло три письма. Бабани № 38-й от 5/VI, Н.М. Дружинина из Алма-Аты от 7/VI и от Марголина от 30/V.

Очень рад, что бабаня стала крепнуть от своей болезни, а Лёля, видимо, уже быстро оправилась. Вообще же желудки летом берегите. С пищей, я вижу, вы всё же перебиваетесь понемногу. В общем же, как кажется, что всё-таки, если и дальше всё так будет, то не стоит вам прочно засиживаться в Ильинском. Пока дают пропуска к исходу лета что ли, а нужно бы в Швейцарский дом. Ведь, если даже общие дела к этому времени всё в таком же положении будут, то и то в Швейцарском доме зимою будет лучше, чем в Ильинском. Да и дома будете. Работу Лёля найдёт. Думаю, даже по специальности. Вот только нужно вам в Ярославле приложить все усилия, чтобы выхлопотать пропуска на 3-х. Указывайте, что, мол, за Игорем нужна сиделка — бабаня. Я думаю, даже в Облздравотделе могли бы по твоей, Лёля, просьбе черкнуть для НКВД, что, дескать, Игорь нуждается в постоянном уходе, а ты ведь человек служащий. Всякая перемена, переезд страшит. Но живут ведь люди и вокруг Швейцарского дома. И ничего. Впрочем, решайте сами на месте. С ТОНО всё же, Лёля, поддерживай связи. Ещё напиши. Скажи, что в июле приедешь для лечения сына и, что, мол, сбираешься остаться там жить — запрашивай о возможности получения работы.

[A] Текст письма с начала этого абзаца до слова «послал» написан на левом поле второй страницы письма.

[B] Текст от слов «вам большое письмо» до конца письма написан на левом поле первой страницы письма.

Николай Михайлович Дружинин пишет, что в Алма-Ате живут очень хорошо. Работать там можно. Сочиняют учебники по истории Казахстана. А Нечкина с Бахрушиным в Ташкенте пишут историю Узбекистана. События, пишет Дружинин, развиваются так медленно, что он начал себя мысленно подготовлять ко второй зимовке.

Марголин пишет, то мечется в лихорадочном настроении, не зная, что предпринять. Конечно, подогревает его ещё и то, что вот жена-то его уже вернулась, а он всё ещё в своей башкирской берлоге сидит. В лохмотьях и полуголодный сидит. Побежал в Военкомат и просил его куда-нибудь приспособить хоть к военному делу. А в тот же день к вечеру бах! Телеграмма от его Фиры: «Жди вызова в Москву через Белебей-Энергопроект». Ну, он, понятно, воспрянул духом. В Энергопроекте Фира работает. А в Белебее остались члены семей энергопроектировщиков. Вот, очевидно, его, как мужа, и думают выписать. Не знаю, что из этого у них выйдет. Но, полагаю, что при удаче может и выйдет. Фира — женщина ловкая. И муж ей нужен, по-видимому. Поживём — увидим. А у самой Фиры горе семейное. Выяснилось, что её младшего брата убили на фронте[A].

Вот текущие новости переписки. У меня всё по-прежнему. Сейчас в госэкзаменах перерыв до 23/VI. Вчера был на заключительном вечере студентов-заочников. Пили пиво, ели сыр, рыбу, пироги с рыбою, говорили речи. Потом под баян танцевали. Только мужчин уж очень мало. За дочерью соседей приехал её муж из Павлова (вообще-то они все харьковские) под Горьким. Хочет её с собою туда увезти.

Привет. С. Дмитриев.

Гога молодец, всё сдаёт на отлично и хорошо! Вот и ____ ____одолел[B].

116-е

Пятница 19/VI-1942. Сталинск.

Дорогие ильинцы, привет.

Так как на месте, пожалуй, нет никаких новостей, то придётся переложить новости переписки. (Из местных, пожалуй, только такие: перевёл в адрес Музея керамики для Дуняши 140 рублей за уборку квартиры и книг; да ещё вчера вечером шли мы с Емельяновым после обеда и уткнулись в театральную афишу — глядим идёт сегодня «Свадьба в Малиновке»; с места в карьер решили, пошли купили билеты и смотрели вчера эту свадьбу. Музыка дрянь, прочее — соответственное, но смотреть можно).

[A] Очевидно, имеется в виду Борис Миронович Лурьев — красноармеец, пропавший без вести в октябре 1941 г.

[B] Последний абзац написан на левом поле первой страницы письма. Два слова написаны неразборчиво.

Пришло письмо Лёли от 7/VI. Хорошо, что огородные дела у вас налаживаются. Плохо, что от невоздержанности сами хвораете. Слова гостившего у вас москвича насчёт того, что до осени вам нужно бы повременить с планами переезда в Москву может и правы. Урожай-то огородный, конечно, собрать нужно. Однако я всё же думаю, что если бы к началу августа картина общая была бы хотя такая, как сейчас, то всё же, пожалуй, лучше бы вам переехать в Швейцарский дом. Там зимою будет не хуже, чем в Ильинском, а лучше. И вообще при прочих равных условиях там улучшение наступит скорее, чем в вашей деревне. В августе же всё-таки можно будет мне затепло перебраться. Работу Лёля найдёт. Уверен, что даже по линии ТОНО. Сейчас, так и в июле, ещё напиши твоему корреспонденту в ТОНО. Пиши, что намерена приехать к концу июля — началу августа для лечения сына и хочешь остаться (таким образом проблема вызова для них отпадёт) и запрашивай о возможности получения работы в 481-й[A] школе (или понятно, в другой, но или около Курского вокзала, или в Рогожской).

Николай Леонидович в последнем письме говорит, что задумывается над возвратом домой. Вот, если бы он в Москву вернулся, то я был бы спокоен в отношении рекомендации возврата и для вас. Да, я думаю, что если бы он там был, то как-нибудь бы он и для меня вызов устроил.

Ведь вот совсем отчаявшийся Марголин вдруг 30/V получил от своей Фиры такую телеграмму — «Жди вызов в Москву через Белебей-Энергопроект». Она в Энергопроекте работает. Вот — дама энергичная. Конечно, трудно ещё пока сказать, что из этого выйдет. Может, выйдет, может, нет. Во всяком случае, я бы рад был, если бы Марголин в Даев переулок вернулся. Может, там что-нибудь и для меня бы наладил.

Ещё пришло письмо от Лены от 10/VI. Пишет, что живут помаленьку. Папа поступил сторожем на склады на Которосльной набережной. Получает что-то рублей 300, две столовые у двух хозяев. Дежурство только дневное. Огороды у них подрастают. Ехать никуда не сбираются, так как не видят теперь в этом никакого смысла. Гости иногда бывают, но… много шума из ничего.

Вот таковы-то новости переписки.

А, видно, не все вы мои письма получаете. Так из ответов я не заметил, чтобы дошло до вас большое заказное письмо из Кемерова. В нём я подробно описывал кемеровские похождения и пр. Письмо Серафимы Галактионовны о её хождении в Бабайки я давно своевременно получил и вам об этом отписал. А вы меня недавно о получении его спрашивали. Значит, ещё одно моё письмо до

[A] Так в подлиннике. Должно быть: 455-й школе.

вас не дошло. Интересно, за всё время сколько же из[A] 100 нумерованных писем не дошло. Тут ведь процент показателен.

Соседи на днях уезжают. За дочерью Веры Григорьевны приехал её муж из Павлова (под Горьким) и увозит её в Павлово. Едут они через Среднюю Азию (у него ещё командировка в Алма-Ату). До Фрунзе хочет с ними и Вера Григорьевна ехать. Там у неё сестра, она к ней погостить едет. Пошлю Клаве[B] с нею привет и письмо. На моё же письмо Клава не отвечает. Привет. С. Дмитриев[C].

117-е

Воскресенье 21/VI-1942. Сталинск.

Итак, завтра год войны. Думали ли мы в это время в прошлом году о таких сроках! А между тем и концов этих сроков не видно. Ну, как бабаня говорит: поживём — увидим. А не поживём, так и видеть не будем.

Новостей у меня никаких. Вот разве только то, что вчера сходили мы с Емельяновым на базар, купили рассады брюквы за 30 рублей 100 штук, съездили к себе на огород и засадили. Емельянов ещё и табаку рассады посадил. А дома нас вышучивали, что мы рассаду днём (не вовремя) высадили. Вечером ездили поливать. Хорошо, что вода недалеко — болотце[D] маленькое почти рядом.

Вчера получил письмо бабани от 9/VI № 38 со вложением письма Филинкова от 1 июня. Что сказать о них? Не скажу, что меня уж так огорчили известия о мебели и крупе. (Речь идёт, очевидно, об овсянке, которую я после вашего отъезда получал и которая была у меня на кухне в глиняной посудине. Ну, взяли её и хорошо сделали, а то только бы мышей больше было). Садовая мебель пропала? Ну, что же делать? Снявши голову, по волосам не плачут. В сундуках оставалась при моём уходе пустота. Всё более ценное я снёс к Наташе. Одеяла и подушки, конечно, остались дома и не знаю — целы ли. Но дело ведь не в отдельных вещах. Тут нас ещё могут ожидать разнообразные новости. И в большинстве своём, понятно, неприятные. Дело в другом, главное дело, сохраним ли квартиру за собою? Вот в чём дело. Будет квартира и будем мы в ней, так садовая мебель и пр. к нам вернётся. А вот квартиры не будет, так и нас самих в Москве не будет. Так как, если бы и представилась возможность возврата, то ведь, не имея квартиры, не приедешь. А найти её в Москве невозможно будет. Конечно, деньги с нас принимают. Конечно, пока квартира не занята.

[A] Слово «из» вписано над строкой.
[B] Имеется в виду К.В. Филинкова-Жукова.
[C] Текст от слов «с нею привет и письмо» до конца письма написан на левом поле первой страницы письма.
[D] Далее зачёркнуто слово «большое».

Конечно, Филинков присматривает. Но хозяев нет, и когда будут, никто не знает. А при таком условии всё это конечно имеют условную цену. Учитывая это, всё же в июле вам бы стоило, по-моему, если общая картина будет хотя бы такой, как сейчас, переехать домой. Ведь даже Филинков пишет, что, хотя и с трудом, но прописаться можно. Вот Тужилиных-то прописали. Что до цен, то за исключением картофеля, они там такие же, как здесь у меня. И от ваших не так уж сильно отличаются. Впрочем, смотрите на месте, как хотите. Мне теперь многое кажется проще, и я спокойно готов смотреть на то, что прежде повергало бы в удивление и ужас.

Ещё пришло письмо от Гоги от 8/VI. Гога, всё, брат, у тебя на отлично идёт. Вот, с рыбной ловлей жаль, что у вас не клеится. А выигрыш не велик на облигацию! Однако, всё же выигрыш.

Ещё пришла открытка от Петра Андреевича из Пензы. Едет далее на юго-запад, ждёт, что завтра-послезавтра (а писал 9/VI) начнутся кусковские прошлогодние развлечения[A].

И ещё открытка от Марголина от 7/VI. Он получил новую телеграмму с приглашением на работу в Белебей на должность экономиста. Это итог хлопот его Фиры. Очевидно, учреждение, которое его приглашает в экономисты, скоро поедет в наш город, и он с ним. Обещали его в Бирском институте освободить 14–15 июня, и он думает перебраться из Бирска в Белебей, из доцентов-историков в экономисты, а из Белебея — в Даев переулок. Вот какая одиссея предстоит. Посмотрим, что из этого выйдет. Думаю, что то, на что они и рассчитывают, т. е. приедет Марголин к Фире на Сретенку. Это будет хорошо.

Таковы новости переписки. Из Малмыжа нового и более определённого ничего нет.

До свидания. С. Дмитриев.

118-е

Вторник 23/VI-1942. Сталинск.

Вчера был год войны. Начался второй. Время всё же идёт, и пододвигается конец этой войны к нам. Но когда он вплотную приблизится — «господи веси».

Эти дни по вечерам (начиная с субботы) ездим с Емельяновым на огород поливать рассаду брюквы. Кажется, понемногу она принимается. Картошка моя, к моему большому удивлению, изрядно выросла, и вся поднялась. А уж по виду обрезки были больно жалкие. Так что к осени есть виды на собственную картошку. Но нет никакой уверенности в осени. Где и как будешь, и что будет к осени? Ничего неизвестно. Здесь опять зимовать уж очень бы мне не хотелось.

[A] С.С. Дмитриев имеет в виду бомбёжки.

А ясных видов на переезд куда-нибудь нет ещё. Из Малмыжа ни шьют, ни порют. Оно и понятно — летом я им не нужен, а будущая зима им и самим не ясна. Жду от них решительно ответа на мой последний категорический запрос — будут ли они мне в июле направлять вызов пока в Малмыж.

Вчера получил письма Лены от 12/VI и Николая Леонидовича от 10/VI. Второй пишет о всяких литературно-научных новостях. Говорит, что начал практически обдумывать вопрос о возврате в Москву к осени. Предчувствует, что это будет непросто и нелегко организовать. Соображения в пользу возврата у него такие — один брат Дмитрий Леонидович уже там. К осени, вероятно, туда переберётся и второй брат, экономист из Ленинграда[A], который сейчас на поправке в Кисловодске. Естественно, что и Николай Леонидович хочет быть с ними в одном городе. О возможности его возврата выясняет пока Дмитрий Леонидович в МГУ и Комитете по делам высшей школы. Я думаю, что он к исходу лета вернётся в Москву. Из общеинтересных известий интересное такое: он слышал, что МГУ из Ашхабада, где уж больно трудные условия для него оказались, думают переводить, но не в Москву пока, а в один из поволжских городов, кажется, в Ульяновск (бывший Симбирск).

Для меня он считает перспективу Малмыжа пока наиболее приемлемой. Думает, что на базе Малмыжа мы, возможно, могли бы на зимовку и соединиться. Так как, по его мнению, при всех условиях возврат в Москву на зиму семей был бы всё же очень затруднён.

Вы, я вижу из письма Лёли, тоже более склоняетесь к Малмыжу. К моему переезду туда. Возможно, всё это и так. Но, к сожалению, у меня самого нет полной уверенности в том, что мне удастся самому туда переехать. Если же это осуществится к концу июля, то постараюсь приехать оттуда к вам. Тогда, может, что и решим. В общем-то, мне всё-таки кажется, что теперь уже нужно ориентироваться не на Малмыж, или ещё что, а на Швейцарский дом. К зиме и зимою там будет не хуже, чем в Ильинском, а лучше. Конечно, весьма вероятна такая перспектива, что вам при настойчивости удастся всем троим (или, в крайнем случае, хотя бы двоим) ещё затепло туда выбраться, а мне не удастся это сделать, и, значит, возникнет перспектива новой раздельной зимовки. Эта перспектива неприятная, верно. Лучше бы её избежать. Но, однако, я побаиваюсь, что, если ещё вторую зиму квартира будет без нас, то сохранится ли она вообще за нами? А ведь лишившись квартиры, мы утратим всякую возможность к объединению не только на почве Швейцарского дома, но и на почве Москвы вообще. Не имея квартиры, туда нам не вернуться будет. А ведь не может же квартира годами пустовать и всё за нами сохраняться. Ну, поживём — увидим.

[A] Очевидно, имеется в виду Григорий Леонидович Рубинштейн.

Пока до 15–20 июля я занят на госэкзаменах здесь. Если будет к этому времени вызов в Малмыж, поеду туда. А там видно будет. С. Дмитриев.

119-е

Суббота 27/VI-1942. Сталинск.

Дорогие ильинцы, привет. Дня 3 вам не писал. Да и от вас эти дни писем не было. Вероятно, будут сегодня. Не писал — так как всё сидел на госэкзаменах. Сейчас, после небольшого перерыва, они идут ежедневно. Начинаем в 9 утра, от 1 до 2½ делаем перерыв на обед, потом опять до 6–7 часов вечера. А там идём второй раз обедать, да и домой. Устанешь и дома ложишься спать. А завтра с утра опять то же. Вот сегодня только день без экзамена. Да и настроение не больно писательское. Ни в общей, ни в личной жизни нет существенных перемен и новинок. Пришли за эти дни несколько писем. Сообщу о них.

Марголин пишет из Уфы от 16/VI. С Бирском расстался и перебирается пока в Белебей, думает, что последний будет для него промежуточным шагом к возврату на Сретенку к его Фире. Я писал вам, что он получил из Москвы приглашение на должность экономиста в одно из эвакуированных в Белебей учреждений. Сам он пишет, что не вполне понимает смысл этого переселения, но верит, что указующий перст Фиры всё предусмотрел. Так как учреждение, в которое он едет экономистом, есть, кажется, отделение того, в котором работает его Фира, то, вероятно, ближайшие перспективы этого учреждения Фире ясны, и она думает, что её муж с этим учреждением быстро к ней приблизится. Во всяком случае, быстрее, чем в одиночку, ожидая в Бирске проблематического вызова. Сейчас Марголин уже, очевидно, в Белебее.

Далее, прислал открытку Козаченко из Тобольска от 5/VI. Сидит у моря и ждёт погоды. Прислал ему письмо с дороги в Москву профессор Огородников, бывший[A] заместитель[B] директора нашего МОПИ. Он эту зиму работал директором пединститута в Иркутске. Его срочно вызвал в Москву нарком просвещения Потёмкин. Зачем? Среди предположений Козаченко высказывает и такое: не вызвали ли Огородникова в связи с планами восстановления МОПИ на месте, т. е. в нашем городе. Если это так, пишет Козаченко, то и наши шансы на возврат возрастают. Я сам полагаю, что это совсем не так. А если и так, то всё же Огородникову на первых порах совсем не до нас будет.

Прислала письмо Наташа от 9/VI. Сообщает, что Александр Александрович с 16/VI устроился на работу тонмейстером[C], но проработав до 22/V, был послан в

[A] Слово «бывший» вписано над строкой.
[B] Далее зачёркнуто слово «нашего».
[C] Звукорежиссёр.

порядке мобилизации на трудовой фронт, где пробыл до 9/VI, когда и вернулся домой. Мальчишка их растёт. Няней она очень довольна. В Сокольниках у них есть огород, семена дали. Коля Чакалёв сейчас начальник госпиталя под Каширой. Александр Александрович сбирается к нему туда поехать рыбу ловить.

Наконец, получил письмо от Филинкова от 14/VI. Пишет о неприятности, его постигшей: 7/VI в 4–6 часов вечера обокрали его комнату, украли 2 костюма, сервиз, туфли лакированные и его статуи. Конечно, очень неприятно. В Музее, как он пишет, поахали и только. Там все заняты земледелием, завели огород, свиней, кроликов и пр. Вилова-Тужилина, который вернулся, прописали, но он сожалеет, что приехал; говорит, что в Костроме было лучше.

Питается Филинков в столовой железной дороги в Кускове, прикупает по 2 кружки молока в день. Стоит кружка 15–20 рублей. Ведёт в колхозе драмкружок, за 8 занятий в месяц получает 20 кг картофеля. В общем, доволен, вот сетует на кражу, да ещё говорит, что скучно одному в пустом доме жить. Задаётся вопросом, неужели и ещё одну зиму он один в доме будет. Сообщает, что пришло письмо от бабани, на которое он тотчас же ответил. Вот новости.

До свидания. С. Дмитриев.

120-е

Понедельник 29 июня 1942. Сталинск.

Дорогие друзья, привет! Позавчера получил письмо от Лёли от 17/VI, описывающее её путь в Пречистое и блуждания по дороге. Хорошо, что в Пречистом встали на вашу сторону в отношении посягательств местных «князей мира сего» на ваш труд и вас самих. Не знаю, дошли ли до вас письма, в которых я писал, что бабаня не может быть обложена военным налогом по своему возрасту. Я даже газету посылал вам с текстом закона об этом налоге. Но как-то ничего вы не писали об этом. А между тем зря за двоих платите. Хорошо, что вам продолжают давать на Игоря молоко по казённым ценам.

Вот о дне рождения Лёли и именинах твоих, Гога, я действительно забыл. Каюсь. Пожалуй, что и письмо зимнее, в котором перечислены были грядущие именинники, я получил. Но за всеми делами и мыслями всё же забыл. Так что уж, если можно, не сетуйте на меня. Тут идут госэкзамены, осаждают голову всякие газетные известия, мелкие и неуловимые, как предзакатное мошкарьё, заботы, размышления о всяких планах, Малмыже, Ильинском, Швейцарском доме. К сожалению, с Малмыжем всё ещё нет ничего ясного. Поджидаю оттуда решительного ответа. Здесь через 20 дней закончатся и госэкзамены, и наступит благоприятный момент для ухода. Но будет ли к этому времени вызов из Малмыжа? Не знаю, на что решаться, если его не будет. Сидеть здесь и ничего не предпринимать — это значит примириться со второй зимовкой здесь. Ведь ве-

лики ли надежды на то, что МОПИ из Малмыжа в августе возвратят на место и что меня прямо вызовут к Швейцарскому дому? Всё это вилами по воде писано. Я уверен, что МОПИ на эту зиму не вернут. Уж если МГУ из Ашхабада мечтает о переселении хотя бы в Ульяновск (бывший Симбирск), а не на Моховую, так что уж о МОПИ говорить. Развитие общих событий весьма медлительное и при таком их ходе вряд ли учебный год в нашем городе начнётся нормально.

Вот интересует меня, получится ли что из хода Бирск — Белебей, предпринятого Марголиным. Если бы он появился в Даеве переулке, то что-нибудь насчёт меня он бы предпринял. Но в лучшем случае, он появится там к осени, а если я здесь уже заранее не откажусь формально, то в начале учебного года, конечно, будут стремиться задержать. Одно только можно сказать — сколько ни думай, ничего не выдумаешь. Поживём — увидим, что будет. Во всяком случае, одно, по-моему, можно твёрдо сказать. Кате, Наташе, Филинкову и всем нашим согражданам, пожалуй, уже больше не грозят октябрьско-ноябрьские перспективы прошлого года, и уезжать им не к чему.

Серафиму Галактионовну поздравляю с новым внуком Виталием[A]. Аля с семьёй все в Астрахани? От Наташи я имел недавно письмо. Из вашего письма вижу, что вы всё о её жизни знаете. Очень давно что-то не было писем от папы. Зато Лена пишет теперь довольно часто. Конечно, и о папе. Так что я в курсе ярославских дел.

Ну, вот и всё. Да, ещё забыл: в субботу ходил в кино и видел картину «Машенька»[B] (не по Афиногенову). Мне очень понравилось. Жаль, что у вас нет никаких развлечений. Как, Гога, ты уже все экзамены сдал?

До свидания. Целую вас всех. С. Дмитриев.

P.S. Сейчас приобрёл 2 пары хороших светло-коричневых носок ценою по 5 рублей 50 копеек за пару. Туфель, к сожалению, не было. Надежд не оставляю. С.Д[C].

121-е

Четверг 2 июля 1942. Сталинск.

Привет ильинцам! Вот уж и июль начался. А я всё пишу вам ещё из Сталинска. И когда перестану это делать, всё ещё неясно. Правда, пишу теперь реже, чем зимой и весной. Настроения, как говорится, нет. Я человек деятельный и люблю действовать, а тут жизнь моя проходит в ожидании, да ещё в бесплод-

[A] Виталий — сын брата О.А. Дмитриевой — Алфея Алексеевича Юматова.

[B] Фильм режиссёра Ю. Райзмана «Машенька» (1942).

[C] Последний абзац написан другими (чёрными) чернилами на левом поле второй страницы письма.

ном. Тут уж, брат, без хандры у нашего русского человека не обойдётся. Из Малмыжа нет решительного ответа, на вызов из Москвы я надежды утратил (на ближайшее время). Пришли ваши два письма: Гоги и бабани № 39 от 14–15/VI и бабани № 40 от 19/20 июня. Очень рад, что у вас идёт всё по-хорошему: огород обещает урожай, Гога сдаёт экзамены, с Филинковым переписка наладилась. Опасения бабани насчёт возможности для вас второй зимовки в деревне полагаю не вполне обоснованными. Я считаю, что есть полный смысл и возможность вам всем троим вернуться за лето ещё в Швейцарский дом. Там зимою будет лучше, чем в Ильинском. Если я не вернусь туда к зиме, то помимо сестёр Лёли там, я полагаю, будут Николай Леонидович, Марголин; там Филинков и Рыскин. Вы будете дома. Работу Лёля, конечно, найдёт. Я думаю даже, что на первых порах до осени и холодов вы обе могли бы временную работу найти даже у Филинкова в Гаю. Полагаю, что при достаточной настойчивости выхлопотать для бабани пропуск вам тоже удастся. Нужно доказывать, что Игорь нуждается в постоянном человеке, а Лёля служит. Как вы проживёте в Швейцарском доме, если мне не удастся к зиме туда же приехать? Если Лёля поступит на службу, и все вы будете дома, то почему же не прожить? Пачки ещё, вероятно, у вас не совсем кончились. Ведь Наташа-то с маленьким, с Александром Александровичем да с няней живёт. Да ещё какую зиму пережила! Письмо Филинкова для меня не новость. Я думаю, что он прав, высказываясь за ваш возврат домой. Не следует забывать и того, что чем дальше идёт время, тем сложнее становится и будет проблема возврата. А вместе с тем, чем больше уходит времени нашего отсутствия, тем труднее становится питать надежды на сохранение квартиры. Если же утратим квартиру, то надежды на возврат придётся очень надолго отложить. С другой стороны, ведь ждать полного открытия дверей и широких приглашений к возврату — это значит ждать время, которое наступит через год-полтора после окончания войны. Вот почему я и полагаю, что всё-таки вам всем троим нужно хлопотать о переезде домой теперь же. Серафима Галактионовна решила, как вы писали, до осени оставаться в Ильинском; нужно договориться с кем-нибудь о помощи ей по огороду. Быть может, за деньги кто и возьмётся. Нужно бы урожай убрать. А там уж как-нибудь переправить можно будет до Ярославля, а из Ярославля не так уж сложно. Заставляет задуматься и факт кражи у Филинкова. Сегодня Филинков, завтра наша квартира. А главное, Филинков один, очевидно, недолго выдержит. Если же он удерёт из Швейцарского дома, то с нашей квартирой пиши пропало. Если же вы туда прибудете и возьмёте над ним шефство, то все вместе продержитесь. А там, будем надеяться, и мне удастся как-нибудь к вам перебраться.

Ну вот, всё написал. Пишется с трудом. Живу по-прежнему. Два раза в день обедаю (правда, обеды похуже зимних), каждый день имею молоко, хлеба хватает, пиво бывает через день-два. В воскресенье[A] ходили с Емельяновым в оперетту. Смотрели «На нашем берегу». Это бывшая «На берегу Амура»[B]. Слабо. Музыка жалкая.

Привет. С. Дмитриев.

122-е

Пятница 3/VII-1942. Сталинск.

Дорогие друзья, привет! Вчера пришло несколько писем. Лёли и Гоги от 22/VI, Марголина из Белебея от 25/VI, Манфреда из Малмыжа от 20/VI.

Итак, вы решили начать сдвигаться с ильинской точки. Есть много за такое решение. Есть, конечно, доводы и против. Но, читая описания ваших непосильных и непривычных трудов, худобы и бесперспективности будущей зимы в Ильинском, я думаю, что всё же за перевешивают. Да и последнее письмо Филинкова, которое мне бабаня переписала, говорит в пользу возврата. Трудно, конечно, сдвинуться и страшно. Но ведь, видимо, нужно. Тем более, что силы сократились ваши, как Лёля пишет, а дальше ведь вряд ли они в Ильинском особо будут прибывать. Хлопотать нужно вам о возврате всем троим. Может, при настойчивости и выхлопочите. А, впрочем, может ещё и никому из вас не дадут пропусков. Обязательно нужно для Гоги получить официальное свидетельство об окончании неполной средней школы. Добейтесь. Мало ли что. А это хоть какое, да законченное образование.

Очень, Гога, рад, что ты молодцом учишься. Теперь уж, наверное, и немецкий сдал. Так что всё в порядке.

Лёлю поздравляю с днём 24 июля[C]. Хотя до него ещё и далеко, но всё же лучше загодя поздравить. А то опять забуду ещё грехом.

Марголин пишет, что не без труда проехал из Уфы в Белебей. Он не взял в Бирске пропуск для проезда в Белебей, а приехал из Бирска в Уфу автобусом. А в Уфе ему пропуск не давали, так как он там не прописан. Но помог ему Якобсон, один из мопийцев (он в Уфе), дал ему командировку в Белебей для чтения лекций по истории. Тогда и билет получил. Между прочим, пишет он, что при отъезде нужно обязательно сдавать хлебную карточку, о чём и выдаётся справка по форме № 7. Без такой справки на новом месте не дают хлебных

[A] Слово «воскресенье» написано над зачёркнутым словом «субботу».

[B] Оперетта композитора М.И. Блантера «На берегу Амура» (1938; впервые поставлена 1939).

[C] Т. е. с именинами.

карточек до нового месяца. Не знаю, есть ли у вас хлебные карточки. Устроился Марголин экономистом по труду на энергозаводе. Что из этого получится в смысле приближения его к Даеву переулку, ему ещё и самому неясно.

Манфред пишет, что в МОПИ решено на днях направить мне официальный вызов на работу. Пока к ним, в Малмыж. Пишет, что циркулируют слухи о предстоящем чуть ли не в июле переселении всего МОПИ в Загорск (бывшую Троице-Сергиеву лавру). Конечно, это слухи. Но и Калягин ещё прежде писал, что их в августе обещают переселить в Москву. Возможно, что и поедут. Но, так или иначе, а я решил, что если придёт этот вызов, то я поеду в Малмыж. В самом лучшем случае это может быть не ранее конца июля месяца, так как 19/VII будет ещё последний экзамен. О переезде решил не только в надежде на возврат с МОПИ в родные палестины, но ещё и потому, что, оставшись здесь ещё на год, можно так прочно застрять, что и не выберешься. Ведь об этом тоже забывать нельзя. Итак, не знаю, как ещё здесь оформлюсь с отъездом. А пробудь я тут ещё год?! Сидеть же на месте и ждать вызова Наркомпроса прямо в Москву — бесперспективно. Когда-то ещё такой вызов будет? Да и если он посередине учебного года придёт, кто меня пустит тогда? Мой переезд пока в Малмыж на ваших планах не должен отражаться. Делайте, что задумали. Если же ни вам, ни мне не удастся на зиму попасть в Швейцарский дом, попробуем объединиться в Малмыже. Загорск же то же, что и Швейцарский дом. До свидания.

Посылаю газеты бандеролью: 4 «Учительские газеты», 3 «Литературы и искусства» и 5 «Правд». Интересна в «Правде» статья — рассказ Шолохова «Наука ненависти». Привет. С. Дмитриев.

123-е [На почтовой открытке имеется штамп: «Просмотрено военной цензурой. Новосибирск»]

5/VII-1942. Сталинск.

Привет. Запасся открытками и решил вам одну отправить. От вас вчера писем не было. Пришли письма от Симы от 25/VI, Николая Леонидовича от 25/VI и Петра Андреевича от 19/VI. Особых новостей в них нет. Николай Леонидович считает, что мне нужно ехать в МОПИ в Малмыж. О своих планах ничего нового не сообщает. Пётр Андреевич пишет, что думает навестить перед отправкой на передовые Николая Леонидовича в его поволжских палестинах.

Официальный вызов из Малмыжа я ещё не получил. Жду на этих днях. Как он прибудет, начну подготавливать переезд. Как-то идут ваши дела? Выбралась ли Лёля к ярославцам? И что она там получила? После обеда пойду в Институт. Наверное, будут от вас письма. Дожди и здесь идут ежедневно, да не по разу в день. Но и солнце мило работает. Растительность быстро прёт. Мой огород (картофель) весьма хорош. Скоро будет нужно окучивать. До свидания. Целую вас крепко. С. Дмитриев.

124-е

Вторник 7/VII-1942. Сталинск.

Здравствуйте дорогие ильинцы! Получил письмо Лёли от 27/VI из Ярославля. Письмо растерянно-печальное. Но этим своим характером оно не удивило меня. Я давно уже подозревал в глубине души, что из надежд ваших на успех хлопот в Ярославле ничего не получится. Да не знаю, почему и Лёля так огорчилась отказом Облздравотдела; ведь в сущности, вы страшитесь переезда и жизнь на месте на Соти при всех её трудностях всё же представляется более налаженной, спокойной и, может быть, даже перспективной (по крайней мере в смысле огородном, медовом, тишины), нежели тревоги и риск переезда в Швейцарский дом. Весьма возможно, что вы и правы, бессознательно отдавая предпочтение при сравнительном анализе этих двух возможностей первой[A] из них. А теперь эту правоту стоит находить особенно и потому в частности, что вторая возможность из возможности на время обратилась в невозможность. Быть может, конечно, хирург из МОТИ что-нибудь и скажет делового во вторник, но не думаю, чтобы это деловое могло на 90% изменить поворот всего дела.

Итак, видно, придётся вам покудова продолжать быть ильинцами. Понимаю ваше желание снова стать кусковцами, но помочь его воплощению в жизнь не могу. Сам ожидаю официального вызова в МОПИ в Малмыж. Как только он будет у меня на руках — хлопочу об уходе здесь в институте и еду в Малмыж. Там осматриваюсь, и, если к середине августа выясняется, что МОПИ к 1 сентября не переезжает из Малмыжа никуда и предстоит зимовка там, тогда попытаюсь поехать за вами, с тем чтобы перебраться всем в Малмыж на зиму. Если же (я в это очень мало верю) МОПИ к 1 сентября (или там октября) реально бы стали возвращать, если не в наш город, то хотя бы в Загорск, то поеду с ним туда, а затем уже, обосновавшись в Швейцарском доме, буду стремиться осуществить ваш возврат. Но всё это планы. А как жизнь пойдёт — увидим. Пока ещё у меня нет на руках вызова в Малмыж, пока ещё меня не отпустили здесь, пока ещё я не в Малмыже.

Вообще же особенно унывать и сетовать, Лёля, не стоит. Постепенно всё образуется. Будем ли мы участвовать в этом конечном образовании — это уж дело, с точки зрения общей, второстепенное. Но, думаю, что ещё и на наш век хватит. События общей и личной жизни должны, по-моему, привести даже тебя, Лёля, к более широкой философии житейской, нежели до сих пор была тебе присуща. Это расширение нашего содержания со всеми нами происходит теперь. Это хорошо.

[A] Слово «первой» написано над зачёркнутым словом «второй».

Очень рад, что Гога закончил 7 классов. Бумажку об окончании неполной средней школы нужно всё-таки вам получить загодя. А то вдруг какой срочный отъезд.

Привет бабане и Серафиме Галактионовне.

Госэкзамены подходят к концу, последний будет 19 июля. Погода стоит дождливая и жаркая, каждый день грозы.

До свидания. С. Дмитриев.

125-е

11 июля 1942. Сталинск.

Привет ильинцы! Получил вчера письмо Лёли из Ярославля от 2/VII, а позавчера бабани № 43 от 29/VI. Вчера же было письмо от Филинкова от 27/VI. Пишет, что дома всё по-прежнему, как будто бы цело. Садовая мебель (плетёная) с балкона, верно, украдена. Мне об этом не писал, так как не хотел беспокоить. В письмо вложена квитанция Музея керамики в получении с меня за квартиру за[A] май 1942 г. 54 рубля 58 копеек. На июнь у Филинкова, вероятно, остались ещё моих 45 рублей (от сотни; Дуняше за приборку квартиры я сам прямо в её адрес перевёл 140 рублей). А затем, так как поехать вам не удаётся, то нужно будет примерно так к середине августа перевести вам Филинкову для уплаты за июнь и июль ещё рублей 100. Попозже спишемся. А Филинкову вы напишите от себя. Поскольку плату за квартиру берут, пока ещё она числится за нами.

Я всё это время живу в ожидании получения формального вызова из Малмыжа. Манфред писал мне в письме от 20/VI, давно уже пришедшем, что на днях мне вызов пошлют. Но что-то всё нет и нет. Это меня уже и беспокоит. Потому что ведь если с Малмыжем ничего не выйдет, то что-нибудь новое нужно затевать, а время не ждёт. Не заметишь, как новый учебный год придёт. Сегодня дам в Малмыж телеграмму с запросом.

Эти дни приходят всё письма и открытки от Петра Андреевича. Он на короткое время остановился в Камышине. Скоро дальше поедет. Пишет мне также его Ната. Бедняга совсем из колеи выбита. Экзамены идут, а у ней голова Петром занята. В результате математику уже провалила (получила двойку). Боится, как бы из Института не исключили. Одна наша преподавательница ездила в Новосибирск. Сегодня приехала и привезла мне от Моргуновых посылку, оставленную Петром Андреевичем. Самое главное — две верхних рубашки.

Позавчера закончил окучиванье своего картофельного участка. Картофель хороший. На огородных полях собрал большой букет цветов. Он и сейчас на столе в глиняном горшке стоит.

[A] Далее зачёркнуто слово «июнь».

В середине июля будем все опять проходить перерегистрацию на предмет военной службы. Я должен являться 19 июля. Госэкзамены же кончатся 20 июля.

Вот таковы текущие новости. От Марголина писем не было. Так же и от Николая Леонидовича.

Да, насчёт предложения тебе, Лёля, о работе у Насти и Вари в школе не знаю, что сказать. Если я переберусь в Малмыж, и там возникнет перспектива новой зимовки, то может быть лучше переехать будет и вам в Малмыж. Да и общие дела не вполне ясны.

Удивляет меня, что от папы нет давным-давно писем. Хотя я знаю, что он жив, здоров и работает.

Гога — молодец, всё сдал и теперь имеет законченное неполное среднее образование.

Завтра с утра пойду на экзамены. И так всю неделю.

До свидания. Целую. С. Дмитриев.

126-е

Понедельник 13/VII 1942. Сталинск.

Дорогие ильинцы, здравствуйте! Теперь уже Лёля, наверное, давно вернулась из Ярославля, и вы все дома. Итак, из планов ваших о поездке, а может и переезде в Швейцарский дом пока ничего не вышло. Это как будто бы и печально, если учесть большие надежды, которые вы возлагали на возможность получения в Ярославле пропусков, но может быть, как говорил Кандид, «всё к лучшему в этом лучшем из миров». Тем более, что общие события идут медленно и не всегда так, как хотелось бы. Кое-как, хотя бы и с грехом пополам, вы существуете пока в Ильинском. Но человеку свойственно думать о будущем. Что же дальше?

Во-первых, Лёля, продолжай переписку с ТОНО, задай такой вопрос — можно ли думать, что тебя вызовут к началу учебного года в связи с восстановлением школьной сети нашего города. Я полагаю, что если всё общее останется к сентябрю хотя бы в таком положении как сейчас, то всё же нужно стремиться (если будет возможность) к Швейцарскому дому на зиму. Сам я это же делаю и буду делать, хотя до сих пор ничего у меня не вышло, да и реальных надежд на возврат, пожалуй, нет.

Во-вторых, я ещё не утратил надежды на свой переезд в Малмыж. Правда, что-то подозрительно долго нет официального вызова от них. Я уже беспокоюсь. Ведь пока Малмыж как будто бы единственная для меня возможность выехать отсюда и попасть в коллектив эвакуированных из нашего города. Вместе с тем это пока опять такая единственная более или менее реальная возможность приблизиться к вам и подготовить почву для объединения на случай второй зи-

мовки вне дома. В субботу послал я в Малмыж телеграмму с просьбою ускорить направление вызова. Если вызов придёт, то постараюсь побыстрее всё здесь устроить и выехать в Малмыж. Там на месте осмотрюсь и к сентябрю будем решать вопрос о вас — ехать ли вам в Малмыж или ещё что предпринимать. Вот таковы мои текущие планы, если их можно назвать планами.

В скором времени будет перерегистрация нашей братии (т. е. мужского пола); мне предстоит идти 19/VII. О результатах напишу. Сейчас идёт последняя серия госэкзаменов. Последний будет 20 июля. Затем, если к тому времени вызова не будет, не представляю себе чётко своих перспектив. Хотя и пытаюсь утешаться крылатым «поживём — увидим», но хорошим настроением похвастать не могу[A]. В переписке некоторый антракт, что-то кроме Петра Андреевича да Лениных писем из Ярославля за последнее время ничего ниоткуда не поступало. Видимо, сейчас каждому до себя. Марголин в своём Белебее осматривается. Николай Леонидович, вероятно, закидывает удочки о переезде к августу в свой Телеграфный переулок. Козаченко, Дружинин, Новицкий, Нечкина, Тихомиров и пр. — каждый, в общем-то, в таком же положении, как и я. Им тоже не до писем, так как и они, и я понимаем, что ничем сейчас друг другу полезными[B] взаимно быть не можем.

Гога, посылаю для твоей коллекции три марки (с Жуковским, с Суриковым и обыкновенную в 50 копеек). Что ты поделываешь теперь, когда экзамены все сдал? Ходишь ли по грибы? Ловишь ли рыбу? Как твоя опытная грядка в огороде? На той неделе свою картошку окучил. Растёт она хорошо. Был сегодня на почте и узнавал, нельзя ли бандеролью переслать старые письма (их у меня очень много скопилось, кидать жалко, а в случае переезда — груз лишний, я и хотел их пока послать в Ярославль к папе). Оказывается, нельзя. Так что кое-что пожгу. Ваши письма без конвертов попробую с собою взять. До свидания. С. Дмитриев.

Напишите Петру Андреевичу, пока ещё можно[C]. Его адрес: Действующая армия. Полевая почтовая станция 1853. Штаб дивизии, политотдел. Старшему политруку Зайончковскому П.А.

[[D]] [На почтовой открытке имеется штамп: «Просмотрено военной цензурой»]

Суббота 18/VII-1942. Сталинск.

Дорогие ильинцы, здравствуйте! Всю эту неделю торчу на госэкзаменах — голова распухла. Кончаются они 21/VII. От вас получил вчера письмо

[A] Далее зачёркнуто «на».
[B] Далее зачёркнуто «быть».
[C] Данное предложение написано на левом поле второй страницы письма.
[D] Данная открытка не была пронумерована.

бабани № 44, а ещё прежде было, где уже сообщалось о возврате Лёли из Ярославля. Пришло ещё вчера письмо от Рыскина. Ничего особенного оно не содержит. Других писем за это время не было. Почему-то так до сих пор (вот уже больше месяца) от папы нет писем. Лена пишет. Я всё жду приглашения из Малмыжа. Послал им в ту субботу телеграмму, но ответа на неё нет. Конечно, такое замедление смущает меня. А в остальном всё по-старому. Марголин что-то молчит. Николай Леонидович тоже. От Петра Андреевича известий вот уже с неделю как нет. Вероятно, поехал только не к Николаю Леонидовичу, а на Запад. Пишу на экзамене на русской литературе, пока студенты готовят ответ.

Пока до свидания, привет. С. Дмитриев.

127-е

Воскресенье 19 июля 1942. Сталинск.

Дорогие ильинцы, здравствуйте! Сегодня по случаю воскресенья я с утра сижу дома. Хотя госэкзамены и есть. Но экзаменуют сегодня по математике студентов физмата. А так как я ничего не знаю в области, то и поручил председательствовать другому человеку. Пойду к 12-ти туда посмотреть, как идут дела. В общем же госэкзамены подходят к концу. Через 2–3 дня закончим. Там останется оформить документы и всё. Что будет в моей жизни после этого, сказать затрудняюсь. Вызова официального из Малмыжа до сих пор не прислали. В ту субботу послал туда телеграмму. Вчера послал вторую на имя Манфреда. Запрашиваю, когда же будет вызов. Так как официального вызова у меня всё ещё нет, то не решаюсь здесь в институте подать заявление об уходе. Сейчас остаться без работы не так-то интересно.

Вчера вечером ходил для получения повестки на военную перерегистрацию. Повестку получил на 5 августа.

В переписке моей затишье. Последнее время только от бабани письма были после двух Лениных из Ярославля. Лена что-то тоже замолчала. Удивляет меня крайне, что от папы вот уже более месяца как нет письма. Почему? От Лены и Лёли я знаю, что он жив и здоров, поступил на службу, но от самого его писем нет. Марголин что-то после первого письма из Белебея ничего не пишет. С неделю ничего нет от Петра Андреевича. Видно, поехал на фронт.

Я живу по-прежнему. От госэкзаменов устал. От постоянного ожидания тоже. С питанием пока ничего, примерно так же, как и весною. Каждый день имею на выкраиваемые остатки хлеба по литру молока, а то и по 1½-2. Часть обращаю в простоквашу, часть пью (парное). Молоко или простокваша с хлебом — это мои завтраки и ужины. Обедаю два раза в день: в 1 дня[A] и в 6–7 часов

[A] Так в подлиннике.

вечера. Первый обед по карточкам, второй — коммерческий; ко второму дают ещё 150 гр. хлеба. Меню довольно однообразное — щи, рассольники, каша, гуляш, пирожки. За последнее время дважды давали шоколад по 100 гр. в порции.

Ещё из хозяйственных новостей: не помню, писал ли я вам, что прибыли ко мне две хорошие верхние рубашки от Петра Андреевича. Почти новые. Каждая с двумя пристяжными воротничками. Хорошо, что цвет их не чисто белый, т. е. рубашки-то белые, но в полоску, одна с зеленоватыми, другая с коричневыми полосками, так что не так марки. Но я сейчас, в сущности, и не нуждаюсь в рубашках, так как чёрная гимнастёрка с успехом их и пиджак, и френч заменяют. Подошьёшь чистый воротничок и всё. Воротнички меняю раз или два в неделю. Подшиваю их сам. Сам же для ускорения оборота и стираю их, беря очередной грязный с собою в баню. А глаженье дома — к Вере Григорьевне обращаюсь, а то и так. Писал, по-моему, я вам купил две пары хороших новых носок, светло-коричневых.

Вот хозяйственные новости.

Из культурных такие: были третьего дня с Емельяновым в кино. Смотрели сказку «Волшебное зерно»[A]. А сегодня вечером с ним же пойдём в оперетту на «Сильву». Сильва — Стефа Петрова. У Емельянова на днях была большая радость: прислал письмо его брат-хирург, которого он уже считал давно погибшим[B]. Оказался жив, хотя и побывал в разных переделках. Получил награду — орден Красного Знамени.

Ну, до свидания. Привет вам всем. Сейчас пойду на почту, да и на экзамен загляну, а оттуда обедать в столовую.

С. Дмитриев.

128-е

Пятница 24/VII-1942. Сталинск.

Дорогие ильинцы, привет! Вот уже 4 дня как не писал вам. И занят был, и писать желания нет большего[C].

Чем занят? 19/VII ходили с Емельяновым после экзаменов на «Сильву». 20–21 шли последние госэкзамены. 22/VII все суетились, подводили итоги госэкзаменов, а вечером состоялся выпускной вечер. Произносили речи напутственные со стороны преподавателей, потом студенты отвечали, благодарили за

[A] Фильм режиссёров В.И. Кадочникова и Ф.И. Филиппова «Волшебное зерно» (1941).
[B] Имеется в виду Владимир Афанасьевич Емельянов, с 1941 г. являвшийся главным хирургом 65-й Смоленской стрелковой дивизии и участвовавший в боях под Минском, обороне Москвы, освобождении Волоколамска, Вязьмы, Смоленска.
[C] Так в подлиннике.

ученье и подносили избранникам букеты цветов. Я сидел в президиуме как председатель Государственной экзаменационной комиссии. Преподнесли мне студенты 3 больших букета садовых цветов. Целая гора цветов. Потом было угощение с водкой и пивом; потом танцы до упаду, я ушёл домой в 5-м часу утра[A], а народ всё ещё веселился. Вот что значит молодость!

Писать же нет большой охоты потому, что ничего существенно нового в моей жизни нет. Всё сижу у моря да погоды жду. Это, можно сказать, и в прямом и переносном смысле слова, так как у нас тоже ежедневно бывает по 2–3 дождя. Из Малмыжа до сих пор нет никакого официального вызова. Что-то, видно, там не клеится с ним. Послал туда уже две телеграммы, но и на них ни ответа, ни привета. Так что даже и в этом отношении полная неопределённость. А время идёт, и новый учебный год не за горами. Общие события, вам известные, созвучны личным настроениям[B].

Позавчера после долгого молчания получил вдруг сразу 8 писем, вчера ещё два от вас. Из ваших писем пришли Лёлино от 7/VII, её же и Гоги от 12/VII, бабани № 45 от 8/VII, писанное на письме Филинкова, и № 46 от 15/VII. Так что знаю подробно, как течёт ваша жизнь. Письмо Лёли в ТОНО одобряю, хотя и не уверен, разумеется, в положительных результатах. Зачем Наташа мои вещи прислала, трудно сказать; вероятно, в расчёте на пригодность их для Гоги. Во всяком случае, не вижу дурного в том, что вещи у вас. У меня же, мама, в вещах недостатка нет. Белья нижнего сколько хочешь, да ещё в Новосибирске у Наты лежат две пары нового нижнего белья, оставленные мне Петром Андреевичем. Маек у меня 3 штуки, трусиков 2 пары. Для одного хватит.

Из других писем самое важное от Лёши Иванова от 24 июня из Ленинграда. Пишет, что он, Шура[C], Галя живы и здоровы; он продолжает работать на своём заводе. Подумывает о выезде куда-нибудь подальше на Восток, может быть, в Свердловск или Челябинск, а то и Сибирь. Миша[D] был в апреле очень слаб, сейчас поправился и, вероятно, будет эвакуирован со своей работой под Москву. Сообщает и печальные вести о смерти старшей сестры Шуры (её оставшегося 4-летнего сына[E] Лёша с Шурой усыновили), о смерти дяди Володи (Володя

[A] Так в подлиннике.

[B] С.С. Дмитриев имеет в виду быстро развивающиеся наступление немцев на Северный Кавказ и Сталинград, начавшееся после поражения Красной Армии в конце мае в ходе Харьковской операции.

[C] Имеется в виду жена двоюродного брата С.С. Дмитриева Алексея Георгиевича Иванова.

[D] Имеется в виду двоюродный брат С.С. Дмитриева Михаил Георгиевич Иванов.

[E] Имеется в виду Валентин Иванов.

Хопер[A]), умершего в июне; о смерти Серёжи, Шуриного брата. Вот какие тяжёлые вести. Очень просит писать по старому адресу: Ленинград, «14». Басков переулок, д. 6, кв. 28.

Марголин прислал письмо из Белебея. Пишет, что в бытовом и материальном положении там для него ещё хуже, чем в Бирске. Живёт надеждами на возврат в Даев. Фира ему глухо пишет о вероятности такого возврата в конце июля.

Николай Леонидович и Пётр Андреевич прислали по письму. Пётр Андреевич гостил у Николая Леонидовича 3 дня, чем и тот, и другой были очень довольны.

Наконец, пришло и от папы подробное письмо от 13/VII. Ну, о ярославской жизни вы знаете лучше меня, так что не буду передавать. Таковы вести.

Вывод только один приходится делать. Нужно крепиться. И, возможно, что этот вывод придётся ещё очень-очень долго себе и друг другу твердить. Обнимаю и целую дорогую маму, не горюй. Сердце подсказывает, что ещё увидимся.

До свидания. С. Дмитриев.

129-е

Вторник 28/VII-1942. Сталинск.

Привет, дорогие ильинцы!

Вчера про себя отметил невесёлый «юбилей» — годовщину вашего отъезда из Кускова. Да, вот уже год прошёл и второй начался. Думали ли мы год назад о таких сроках?! И в мыслях не держали. Всё рисовалось в месячных измерениях. Да и пространственные представления наши о предстоящих событиях были весьма отличны от того, что мы видели за этот год! Теперь в начале второго года стоишь опять перед вопросом: долго ли ещё? И по-прежнему ничего нельзя ответить. Краски картины не проясняются. Остаётся только бабанино утешение: «три к носу — всё пройдёт», да ещё «поживём — увидим». Правда, остаётся неизвестным, что ещё мы увидим, поживя дальше. Ну, будем надеяться на лучшее.

В переписке моей опять затишье. После того, как в один день чуть ли не десяток писем привалил. Снова ничего вот уж несколько дней. Но я это понимаю. Я и сам так писать стал, как говорится, порывами. Писнешь[B] два-три письма, да и выдохнешься. Да и то сказать, ведь писать-то всё одно и то же приходится. Среди груды полученных тогда писем было одно от Лёши Иванова от 24/VI-1942 г. Ответ на моё. Я уже вам писал подробно о его содержании. Не стану повторять. Сограждане[C] Лёши и Миши продолжают сюда приезжать. Я

[A] Имеется в виду брат матери С.С. Дмитриева.
[B] Так в подлиннике.
[C] Т. е. ленинградцы.

ему написал, что если могут они, то лучше бы и им куда-нибудь на Восток выехать. Кроме того, были письма от вас, папы, Марголина, Николая Леонидовича, Зайончковского. Можно сказать, полный ассортимент.

Но вот письма, которого я уже целый месяц жду и жду, всё нет и нет. Разумею, письмо из Малмыжа с официальным вызовом. Что ещё там за притча приключилась, ума не приложу. Ведь ещё в письме от 20/VI Манфред мне писал, что «на днях» направят мне вызов. И с той поры ничего. 11/VII послал туда телеграмму с запросом о вызове. Вот уже без малого 3 недели прошло, а на неё ни ответа, ни привета. Это меня весьма тревожит. Потому что, переберись я в Малмыж на зиму, я всё-таки вас бы туда выписал. По-моему, всё очевиднее делается, что эту зиму мы опять не в Швейцарском доме будем. И вот очевиднее делается, что уж если не там, то, по крайней мере, хоть в Малмыже на время объединимся. А Малмыж-то как на грех и молчит. А время-то уходит. Вот уже и госэкзамены кончились. И вроде поговаривают, с одной стороны, об отпусках, а с другой, о направлении в деревню на сельскохозяйственные работы по уборке урожая.

Вот это напряжённое ожидание очень меня накалило. Сами знаете: нет хуже — ждать да догонять. А я вот всё жду и жду. Внешне жизнь моя идёт попрежнему. Вот теперь только на госэкзамены уже не хожу. Два раза в день обедаю, вечером иду в библиотеку за газетами и письмами (которых теперь обычно не нахожу), потом или в сад посидеть с газетой или в кино. Так вчера смотрел «Дочь моряка»[A]. В 8 утра и в 11 часов вечера устраиваюсь где-нибудь перед громкоговорителем, чтобы послушать последние известия. Стол прежний, из новостей разве помянуть об огурцах и ягодах. Вчера в магазине купил ½ кило ягоды кислицы (вроде красной смородины) за 2 рубля 50 копеек кило. А за обедом давали малину. Огурцы свежие на базаре за пару от 4 до 10 рублей.

Пошлю бандеролью вам сегодня газеты для чтения. В «Правде» интересна пьеса Симонова «Русские люди»[B], снимки Петергофского дворца и пр. Всех газет 13 штук. Из них 3 «Литературы и искусства», 2 — «Учительских». В «Комсомолке» интересна поэма «Лиза Чайкина» Светлова[C]. В «Правде» очерк «Лидице»[D]. До свидания. Целую. С. Дмитриев.

[A] Фильм режиссёра Г.Н. Тасина «Дочь моряка» (1941; премьера 10 мая 1942 г.).

[B] Пьеса К.М. Симонова «Русские люди» (1942).

[C] Поэма М. Светлова «Лиза Чайкина» (1942).

[D] Лидице — шахтёрский посёлок Чехии в 20 км от Праги. 10 июня 1942 г. посёлок был уничтожен подразделениями 7-й добровольческой дивизии СС «Принц Евгений»: все мужчины старше 15 лет были расстреляны (172 человек), все женщины (172 человека) отправлены в концлагерь Равенсбрюк, где 60 из них погибли; дети до года и «годные для онемечивания» были оставлены; остальные 82 ребёнка были уничтожены в концлагере Хелмно. Все строения посёлка были сожжены.

130-е [На почтовой открытке имеются остатки плохо сохранившегося штампа: «Просмотрено военной цензурой. Новосибирск»]

1 августа 1942. Сталинск.

Дорогие ильинцы, здравствуйте. Вчера получил письмо от Лены от 21/VII, а позавчера письма бабани 3 47 от 19/ VII и Лёли от 17/VII.

Вчера же прочитал в «Учительской газете» объяснение молчания Малмыжа. Это объяснение я встретил на 4-й странице в виде объявления о смерти декана Истфака МОПИ Александра Георгиевича Калягина; † в Малмыже 17 июля. Таким образом сейчас междуцарствие и не до меня. Боюсь, что в связи со смертью Калягина из моих надежд на переезд в Малмыж ничего не получится. Это будет всё же очень досадно. Написал сейчас же туда Манфреду категорический запрос в отношении себя, но надежды на МОПИ начал утрачивать.

Здесь никаких особых перемен нет.

Хорошо, что огород начинает нас поддерживать. Моя картошка тоже произрастает успешно. Также брюква и турнепс. Пишите. До свидания. С. Дмитриев.

131-е [На почтовой открытке имеются остатки плохо сохранившегося штампа: «Просмотрено военной цензурой. Новосибирск»]

3 августа 1942. Сталинск.

Дорогие ильинцы, привет! Все мои конверты окончились[A], новые всё никак не наклею, потому пишу открытки, которые ещё пока имею.

Новостей каких-либо существенных нет. Всё жду из Малмыжа решительного ответа. Теперь, прочитав в последнем № «Учительской газеты» извещение о неожиданной смерти декана истфака Калягина, умершего в Малмыже 17/VII, я понял причину задержки и их молчания. Вчера была открытка студента МОПИ Сорокина из Малмыжа от 22/VII. Он пишет, что Калягин умер от апоплексического удара, для всех и самого себя неожиданно. Не знаю, кто у них теперь будет деканом истфака. И как эта смерть отразится на моих планах. А, впрочем, какие могут быть сейчас личные планы? Как-то вы поживаете? Давно что-то Гога ничего не писал.

Ягод и овощей и здесь появилось порядочно: в столовой дают огурцы, салат, малину.

От Петра Андреевича уже давненько нет писем. До свидания. С. Дмитриев.

132-е

Среда, 5 августа 1942. Сталинск.

Дорогие ильинцы, привет! Как живёте-можете? Я живу по-прежнему, помаленьку, ни шатко, ни валко. Определения жизни скромные, определения

[A] Так в подлиннике.

жизни не в моём вкусе. Но что же поделаешь, и какую ценность теперь имеет мой (или вообще чей-либо личный) вкус? Я даже, пожалуй, сам потерял вкус к своему вкусу и научился философски смотреть на себя и свои мечты и думы. События имеют такие громадные размеры, принимают столь странные и прихотливые очертания, что перед ними скромно отходишь в сторону со своим «я».

Ну, ладно, как бы мне опять написать чисто философское письмо. Лёля и так уж пошутила по поводу одного моего послания, которое пришлось читать вслух и с общими толкованиями. Обратимся к подлинной действительности. Вчера я дважды с большим наслаждением соприкоснулся с этой действительностью. Во 1) утром поехали мы с одним доцентом Одесского университета, который устраивается на работу в здешний институт, в Старый Кузнецк. Через тополёвую рощу прошли мы на берег Томи, на плотах разделись и славно выкупались. Я впервые в этом году купался. Вода холодная, чистая, течение очень быстрое — сколько против него плыви — всё сносит. Берега есть и очень крутые, прямо горы отвесные, есть и пологие с крупной галькой. Людей — никого. На обратном пути в тополях застала нас страшная гроза. Но до дождя успели добежать к трамваю и уже из его окон наблюдали за потоками воды, низвергавшимися с небес. Таково было первое соприкосновение с действительностью.

Второе было вечером. После обеда пошли я, Емельянов и Хмелинский в летний сад и попали на концерт хора под руководством Свешникова. Ранее я этот хор не слышал. Мне их пение исключительно понравилось слаженностью и силой. Особенно хорошо спели они «Тройку» Буланова и «Заповіт» Шевченко.

А позавчера вечером мы были в кино и смотрели «Ленинград в борьбе»[A]. Фильм поучительный.

Так что, как видите, «жизнь моя течёт в эмпиреях», как говорил Иван Александрович[B]. Сегодня ещё один «эмпирей» предстоит — военная комиссия по переучёту. После обеда пойду, потом вам опишу итоги своего посещения. Писем ни от вас, ниоткуда за последние 2–3 дня не было. Я всё ещё жду призыва из Малмыжа, но теперь после известия о смерти декана тамошнего Истфака Калягина, который ко мне очень благоволил, стал я мало надеяться на Малмыж. Ну что ж, может быть, как говорил Кандид «всё к лучшему в этом лучшем из миров»[C].

[A] Документальный фильм режиссёра Э.И. Учителя «Ленинград в борьбе» (1942).

[B] Александр Иванович Хлестаков — главный герой пьесы Н.В. Гоголя «Ревизор».

[C] Фраза, сказанная доктором Панглосом — одним из героев романа Вольтера «Кандид» (1759).

Четверг 6 августа 1942.

Вчера уже не успел закончить письмо. Был на комиссии и теперь уже признан «годным к строевой службе», хотя в состоянии моего здоровья существенных изменений в лучшую сторону вряд ли уж так много. Завтра-послезавтра выдадут броню по месту работы, т. е. по институту. Напишу позже. Таковы дела. Вечером после обеда сидели в летнем саду, потом в 11 часов вечера пошли слушать последние известия. А сейчас, утром 6-го, несмотря на туман, собираюсь поехать в Кузнецк на Томь купаться.

Были вчера и хозяйственные успехи. В распределителе для научных работников выдавали по 10 кг огурцов на пропуск. Я взял себе 7 килограммов. Часть Вера Григорьевна мне засолила. За обедом давали по 100 грамм шоколада. Опять наладилось с доставкой пива, почти ежедневно бывает. С молоком же стало хуже, появилась картошка и на хлеб менять не хотят. Вчера же вместо хлеба взял 10 белых плюшек.

Целую вас всех. До свидания. С. Дмитриев.

133-е [На почтовой открытке имеются остатки плохо сохранившегося штампа: «Просмотрено военной цензурой. Новосибирск»]

Воскресенье 9 августа 1942. Сталинск.

Здравствуйте, дорогие ильинцы! Вчера получил письмо Лёли и Гоги от 21/VII. Рад, что у вас всё по-хорошему. Я от Филинкова порядочно уже писем не имел. Хорошо, что он пишет вам. Вообще за последнее время поток писем ко мне резко сократился, приходят редко. Да и сам я стал реже писать. Перемен нет никаких. Из Малмыжа ни слуху, ни духу — даже на телеграммы не откликаются. Марголин, Зайончковский, Николай Леонидович замолчали. Боюсь, как бы Николаю Леонидовичу не пришлось снова куда-нибудь севернее переезжать. А, может быть, и не потребуется.

Вчера ездили купаться на Томь в Старый Кузнецк; уж очень быстрое течение, прямо сносит и вертит, против него нет возможности плыть. Вечером же вчера были на концерте Оперетты.

Письмо Гоги с известиями о сборе грибов и ягод порадовало. Грибы я бы с удовольствием пособирал, но здесь близко леса нет. А ехать далеко в тайгу небезопасно. Ещё медведи съедят.

Что-то мама давно не писала? Как её здоровье?

До свидания. Целую вас. С. Дмитриев.

134-е

14 августа 1942. Сталинск.

Привет, дорогие ильинцы! Вчера получил два ваших письма: бабани № 48 от 26/VII и Лёли от 3/VIII. Вчера же было письмо из Москвы от Кл. Макс. Гра-

евской из Учпедгиза от 1/VIII. А позавчера пришло письмо от Петра Андреевича от 24/VII. Прислал ещё одну свою карточку — сильно похудел. Так что с письмами некоторое оживление. Но из Малмыжа ни слуху, ни духу.

Письмо это, начатое утром, прервал, так как нужно было идти на обед. А после обеда зашёл в институт и получил ещё 4 письма: бабани № 49 от 30/VII (тут же и Гога написал), Лёли от 27/VII и открытки папы от 31/VII и Филинкова от 5/VIII, Все пишут, то всё в порядке, дела идут помаленьку.

Поздравляю, хотя по своему обычаю (видно, стиль у меня такой) с запозданием, именинницу Серафиму Галактионовну.

Хорошо, что с питанием у вас несколько улучшилось — грибы, ягоды. Вот плохо, что молоко стало реже. Здесь тоже неохотно берут хлеб на молоко (когда хлеб у меня остаётся), а всё новорят за деньги. Появилась свежая картошка и в хлебе не так уж нуждаются. У меня в деле питания пока всё ничего обстоит. Два обеда в день (от 12 до 2 дня и от 6 до 8 вечера). С августа в бывшем «Гастрономе» открыли закрытый распределитель для научных работников. Там отоварили нам жиры, рыбу. За отсутствием сливочного масла выдали сметану по 300 гр. за 100 гр. жиров. Из этой сметаны на моих глазах Вера Григорьевна сбила мне масло. Получился порядочный кусок. Почти ежедневно в «Гастрономе» (т. е. в нашем распреде[A]) бывает свежее пиво. Берём мы с Хмелинским (это доцент по литературе Одесского университета, заброшенный сюда войною вроде меня, только его пребывание в ополчении окончилось ранением ноги) тогда у Веры Григорьевны большой голубой чайник и приносим 4 литра пива. Из них подносим Вере Григорьевне стакан _____[B] ½–1 стакан, а остальное пьём сами (обычно часов в 6 вечера), после чего шествуем в столовую на обед. На базаре вчера купил громадную свежую редьку. В «Гастрономе» достаём вяленую рыбку.

Вчера получил после прохождения перерегистрации свою броню, она оставлена в силе до 1 января 1943 г. Я уже сообщал вам, что комиссия перевела меня из «годных к нестроевой» в «годного к строевой службе».

Вечером же вчера пошли опять на «Сильву» в оперетту. Сидеть дома не хочется. А на воздухе, например, в летнем саду, вечерами прохладно. С оперетточниками же мы со всеми перезнакомились и по столовой, и по «Гастроному», куда и они прикреплены.

Полностью надежд на Малмыж я ещё не утратил, хотя неожиданная смерть Калягина всё перепутала. Занятия здесь в институте, вероятно, не начнутся ра-

[A] Так в подлиннике.

[B] Одно слово невозможно прочитать, так как со временем бумага верхнего края письма частично рассыпалась.

нее середины, а то и конца октября. Читаю пока диссертацию одной нашей преподавательницы «Женское движение в России в 60-х годах XIX века». Но где она её будет защищать — ума не приложу. Написали в Саратов — однако, думаю, что там не до того сейчас. Только что эта диссертантка была у меня, и опять письмо прервал. А сейчас вдруг принесли телеграмму из Малмыжа: «Настоятельно просим Наркомпрос направить вас областной институт. Вызов высылаем почтой. Директор Молодых». Так что дело с Малмыжем, видимо, движется.

Ну, до свидания, пока. Пойду обедать.

С. Дмитриев.

[A]

Понедельник 17/VIII-1942. Сталинск.

Дорогие ильинцы, привет! Только что зашёл в институт и получил письмо бабани и Гоги от 6/VIII (№ 49).

Не знаю, что сказать вам по поводу поступления Лёли на должность заведующей яслями. Если это не будет служить поводом к задержке в случае отъезда, то, конечно, это хорошо. Оплата по трудодням выгодная, а дело всё же полегче физического труда. Я опять заговариваю об отъезде потому, что дело с переездом моим в Малмыж, кажется, вступает на деловую почву. Я уже писал вам, что в пятницу получил телеграмму из Малмыжа от 1 августа такого содержания: «Настоятельно просим Наркомпрос направить Вас областной институт. Вызов высылаем почтой. Директор Молодых». Таким образом весьма вероятно, что недели через 2–3 я поеду в Малмыж. Как туда доберусь, осмотрюсь на месте, так буду вам сейчас же писать и, если картина там выяснится для семейной зимовки благоприятная, то, думаю, или съездить самому за вами и потом приехать вместе в Малмыж, или же выписывать вас к себе туда. Мне, кажется, сейчас уже ясно, что на эту зиму домой не вернёмся, ни я, ни вы. Жить же ещё зиму врозь не хочется. Поэтому я думаю, что коль в Малмыже условия будут ничего, то туда вам перебраться стоит. Во-первых, переехать в Малмыж от вас несравненно легче, чем в Сталинск. Во 2) Малмыж гораздо ближе к родным палестинам, нежели Сталинск. В 3) я буду работать в <u>своём</u> институте, <u>московском</u>, так сказать, насквозь (готовит учителей для <u>Московской</u> области), институте, как учреждении, эвакуированном на время из Москвы и, конечно, рано или поздно из Малмыжа долженствующим выехать, если не в Москву, то хоть под Москву. А здесь в Сталинском институте чем дольше бы я пробыл, тем труднее бы делалась проблема будущего ухода. В 4)-х Институт педагогиче-

[A] Письмо без номера.

ский 4-годичный значительно выше Учительского 2-годичного. В 5) в Малмыже я буду среди людей, давно меня знающих и стремящихся так же, как и я, к переезду поближе к Швейцарскому дому. В 6) наконец, Малмыж — большая деревня, здесь довольно большой город. Конечно, в этом обстоятельстве есть и плюсы, и минусы. Но, в общем-то, всё-таки теперь, пожалуй, в деревне не хуже, чем в городе.

Вот таковы мои всяческие соображения в пользу моего переезда. Николай Леонидович и Пётр Андреевич, также и Марголин, считают, что мне нужно поехать в Малмыж. В последней своей открытке Николай Леонидович, уже из газет узнавший о смерти Калягина, высказывает опасения насчёт возможности в связи с этой смертью моего переезда в МОПИ. Но полученная мною телеграмма эти опасения рассеивает. (А они и у меня, было, зародились). Между прочим, Николай Леонидович пишет, что если бы не вышло с Малмыжем, то следует мне попытаться переехать в Свердловск, куда перебрался истфак МГУ из Ашхабада. Советует написать Новицкому и Лебедеву и сам хочет написать. Однако я знаю, что в Свердловске жить очень сложно. Конечно, один-то бы я и там прожил, но с семьёй не протянешь. Вот почему всё же думаю прочно о МОПИ и Малмыже. Правда, никакой научной работы там (в Малмыже) вести будет, понятно, нельзя. Но сейчас о ней вообще думать трудно. Так что, всё снова обдумывая, для себя решаю опять вопрос в пользу моего переезда в МОПИ.

Что до резонов вашего туда же переезда, то их рассмотрим, когда я буду в Малмыже. Тогда спишемся и решим, как и что: ехать ли вам, ехать ли всем и пр., и пр. Сейчас же трудно это решить. Если всё пойдёт, как я предполагаю, то попаду в Малмыж, примерно, в первой декаде сентября. Пароходы же по Вятке ходят до начала ноября, так что для переезда вашего будет ещё месяца 1½ времени.

Здесь в текущей жизни ничего нового. Понемногу движется. Я считаюсь в отпуске до 8 сентября. Занятия фактически не начнутся ранее конца октября. Денег за отпуск выписали мне немного. Не как прежде, когда идёшь, бывало, в отпуск.

Гога, учебники 8–9 классов попробую достать, хотя это дело трудное. Да и, может быть, ещё переберёшься из Ильинского, тогда их везти — лишний груз. Немножко подождём[A].

Ну, до свидания. Пишите. Я здесь в институте оставлю свой адрес для пересылки моих писем, так что, думаю, что не пропадут. А вот что делать с теми, что у меня скопились? С собою везти? Груз лишний. А уничтожать — жаль. А бандеролью не берут. Ну, ладно. Привет всем. С. Дмитриев.

[A] Далее письмо написано другими (фиолетовыми) чернилами.

135-е

20/VIII-1942. Сталинск.

Дорогие ильинцы, здравствуйте!

Как идёт жизнь?

О себе могу сказать, что подготавливаюсь исподволь к переезду в Малмыж. Я уже сообщал вам о телеграмме оттуда, в которой указывалось, что вызов шлют почтой. Шла телеграмма 13 дней. Вообще телеграф сейчас стал медленно доставлять. Никакого смысла нет слать телеграммы. Вчера ещё одно получил доказательство в пользу этого утверждения. За обедом сказали мне, что в институте получена на моё имя телеграмма. Я пошёл туда. Получаю телеграмму, гляжу — из Барабинска. Что такое, думаю, кто же это может мне из Барабинска (это Новосибирская область, к западу от Новосибирска) телеграфировать. И вот что читаю в ней: «Еду семьёй Барнаул. Будем Новосибирске десятого. Эшелон 970, вагон 21. Иванов».

Тут я понял, от кого и что. Значит, Лёша Иванов с семьёй эвакуировался в Сибирь, едет в Барнаул. Но где ещё осядет, сказать трудно, так как теперь уже в Барнауле, кажется, уж очень тесно. Он в письме, о котором я писал вам, глухо поминал о предположениях относительно отъезда. Теперь, видите, осуществил их. В общем-то, я рад за них. Здесь тихо и сытно после жизни в Ленинграде. Без дела тоже будет. Телеграмму он дал из Барабинска 8 августа. В Новосибирске думал быть 10 августа и, очевидно, предполагал, что, быть может, я выеду в Новосибирск повидаться с ними, а мне телеграмму-то подали только вчера, т. е. на 11-е сутки. И это в пределах одной области!

Теперь уже они, наверное, в Барнауле. Думаю, что на днях будет письмо от Лёши из Барнаула. Если же не будет, то напишу Виноград в Барнаул, чтобы она попробовала разузнать, где они и что с ними. Вот он какой Барнаул знаменитый, все туда стремятся. Лёша, поди, направляясь труда, вспоминал отца. Ведь Георгий Тихонович туда совершил своё путешествие. Не знаю, давал ли он телеграммы с пути Нюре. Во всяком случае, мама, ты извести её об этой телеграмме.

Лёша[A] сюда приехал, а я собираюсь в Малмыж кочевать. Т. е., конечно, «сюда» понятие относительно точное, ведь Новосибирская область по территории равна Украине, а Барнаул даже не в ней, а в Алтайском крае.

Быт мой прежний. Отдал чинить туфли; на толстые ботинки дал подбить железные подковки для прочности. Отдал в стирку всё бельё, чтобы к отъезду иметь только чистое. С питанием по-прежнему. Вот новость только та, что теперь (с 1 августа) почти исключительно перешёл на белый хлеб с ржаного. Да-

[A] Далее зачёркнуто слово «собирается».

ют белого столько же, сколько и ржаного в нашем закрытом распределителе. Ну, я его и беру. По службе числюсь в отпуске. По вечерам раза 2 в неделю дуюсь с Бетти Зиновьевной в 66, благо карты есть. Гостит здесь сейчас мать Наты Моргуновой, жены Петра Андреевича. Она приехала читать лекции по искусству.

Погода весь август стоит холодная, дождливая. Я уже 3-ю неделю никак от насморка не избавлюсь. Для комизма вкладываю записку[A] Ирины. Она гладила мне верхние рубашки и сушила белые сухари. Вот и пишет, как шли дела. До свидания. С. Дмитриев.

136-е

21/VIII-1942. Сталинск.

Вчера получил 4 письма: Лёли от 10/VIII с описанием пребывания Насти, папы от 11/VIII, Петра Андреевича от 2/VIII из Саратова и Манфреда от 31/VII из Малмыжа. Папа прислал весьма подробное письмо с известиями о жизни всех ярославцев. Пишет, что ему теперь живётся посытнее, да и Лене тоже. Живут пока уже давно спокойно, гостей не бывает. О моих планах переезда высказывается так: о Швейцарском доме и думать не след. Малмыж тоже, по его мнению, небезопасен, так как недалеко от Волги. Лучшее, ему кажется, для меня это стараться сидеть на месте. Но я всё же полагаю, что он не прав. В самом деле — цель моего переезда в стороне, в Заволжье, не на железной дороге, в 130 км по прямой от Казани к северо-востоку[B]. Малмыж к востоку от самой восточной излучины Волги. Кроме того, уж если папа считает своё и ваше теперешнее местопребывание более или менее спокойным, то что же тогда говорить о Малмыже. Пусть-ка Гога примеряет по карте расстояния[C] от Малмыжа до разных городов. Далее, вас тащить сюда уж очень далеко. Ведь нужно же думать и о последующем, о возврате в Швейцарский дом. А попробуйте-ка отсюда вернуться, да если ещё я в местном институте года два-три проработаю?

В Малмыже же[D], я думаю, что ещё нынче осенью мы, возможно, объединимся. Конечно, до ноября, когда навигация по Вятке встанет, ещё два месяца с лишком. И за это время воды много утечёт. И мы многое увидим и услышим. В зависимости от этого и поступать будем. Приехав в Малмыж, я посмотрю на месте, как и что там делается.

Из письма Манфреда видно ясно, что в возврате МОПИ в Москву нынче осенью отказано. Таким образом до будущего лета, по крайней мере, придётся

[A] Записка не сохранилась.
[B] Далее зачёркнуто «от МОПИ».
[C] Далее зачёркнуто «географической».
[D] Частица «же» вписана над строкой.

жить в Малмыже. Манфред сообщает, что вызов мне письменный послан 2/VIII, так что на днях он здесь будет. Ехать мне есть два пути: 1) от Новосибирска до Кирова без пересадок, от Кирова до Малмыжа во Вятке пароходом 2 суток; 2) от Новосибирска до Свердловска, там пересадка на другой поезд и до станции Вятские Поляны, оттуда пароходом по Вятке до Малмыжа 6 часов езды. Проверю эти данные Манфреда в справочном[A] на вокзале и тогда вам окончательно напишу. В МОПИ мне, пишет Манфред, будет ставка. Далее он пишет: «В продовольственном отношении, думаю, что здесь будет лучше, чем у Вас. Пароходы ходят до ноября, и ваша семья также успеет приехать пароходом. Итак, не откладывая, собирайтесь. Ждём Вас здесь».

Таковы последние известия.

Жду их вызова, хлопочу пропуск и выезжаю в Малмыж. Так я планирую ближайший месяц. Вы исподволь обдумайте, как и что на случай возможного вашего переезда в Малмыж. Нужно ли вам для посадки перебираться в Данилов или идти на маленькую станцию железной дороги Данилов — Любим — Буй. Возможно, что мне (в случае, если решим ваш переезд) удастся съездить за вами или, по крайней мере, выехать вам навстречу хотя бы в Котельнич. Ну, ладно. Об этом ещё думать рано. Сначала самому нужно добраться до Малмыжа.

Я уже писал вам о получении мною от Лёши Иванова телеграммы от 8/VIII с пути из Барабинска о том, что он с семьёй едет в Барнаул. Пока новых известий от него нет. Во всяком случае он и семья были уже Новосибирской области в Барабинске. До свидания. С. Дмитриев.

137-е

Четверг 27/VIII-1942. Сталинск.

Дорогие ильинцы, здравствуйте!

От вас что-то давненько уже не было писем. Пришли письма от Николая Леонидовича, Зайончковского и Марголина. Последний пишет, что ездил в командировку по своей новой службе, а между тем от Фиры получил телеграмму, в которой просят его согласия на назначение доцентом в Калинин (бывшая Тверь). Это возможное назначение представляется ему интересным, так как приблизит его к дому и вернёт на путь вузовской работы. По-моему же, Калинин не вполне устроит его.

От Лёши Иванова что-то после телеграммы из Барабинска (с пути в Барнаул) от 8/VIII больше нет ничего. Судя по всему, они уже сейчас должны быть в Барнауле или вообще где-либо в Алтайском крае. Я написал З.Д. Виноград в

[A] Так в подлиннике.

Барнаул, чтобы она в Эвакуацбюро при Алтайском крайисполкоме попыталась узнать, прибыли ли Ивановы в Барнаул и их адрес. Пока ответа ещё нет.

Были письма от папы и Лены.

Я всё жду после получения телеграммы от директора МОПИ и письма от Манфреда письменного вызова, который послан (как они оба писали) мне из Малмыжа 2/VIII. До сих пор его нет. Простое письмо и телеграмма, в один день с ним посланные, пришли давно. А его, как на грех, нет. Это меня беспокоит. Ведь идёт время. Хлопотать пропуск без формального вызова сложнее. Да и здесь сорваться с места, не имея на руках формального вызова, было бы неосторожно. Сегодня посылаю Манфреду телеграмму и письмо с просьбой снова послать вызов.

В быту перемен нет. Вот разве «достижение» рассказать. Хмелинский устроил для моего белья генеральную стирку без моего мыла. Всё я перестирал и с этой стороны теперь к отъезду готов.

С питанием как было. Теперь белый хлеб ____[A] ежедневно. В закрытом распределителе через день бывает мороженое, 17 рублей килограмм. Довольно часто также бывает и пиво. Берём его в большой чайник домой, где и пьём помаленьку. Сегодня в оперетте премьера «Дочь Тамбур-мажора» Оффенбаха. Думаем, спектакль на 3–4-й пойти. Вчера с Хмелинским были в кино, смотрели «Пастух и свинарка»[B]. Вечерами в воскресенье, понедельник и вторник дулся с Беттиной в 66. Хотели, было, меня вторично послать в Кемерово (и опять за набором студентов), но так как я ежечасно жду письма с вызовом, то, очевидно, поедет кто-нибудь другой. Приехала сюда читать лекции от Третьяковской галереи (из Новосибирска) madame Моргунова. Она меня преследует, но я благополучно избегаю её коварных сетей. Это тип комической влюблённой старухи из оперетт. Впрочем, лекции она читает хорошо, и ею в городе довольны.

Вот вам вкратце «дни нашей жизни». Странная жизнь.

До свидания. Привет всем вам. Пишите. С. Дмитриев.

138-е

Четверг 3 сентября 1942. Сталинск.

Дорогие ильинцы, получил письмо бабани (№ 51) и Гоги от 23/VIII, Петра Андреевича от 16/VIII и Лены от 22/VIII.

Пётр Андреевич пишет, что получил письмо Лёли и был им очень обрадован, в тот же день на него ответил. Сообщает в своей открытке печальную но-

[A] Часть текста утрачена из-за дефекта бумаги.

[B] Так в оригинале; правильно «Свинарка и пастух» — фильм режиссёра И.А. Пырьева (1941).

вость, которую узнал он от Николая Леонидовича: в начале августа в Томске умерла от брюшного тифа Нина Бернардовна, жена Дмитрия Леонидовича. Вот причина её молчания в ответ на мои последние открытки.

В моей жизни назревают перемены: еду в Малмыж. Последние дни оттуда засыпали меня телеграммами об ускорении выезда. Вчера я получил в НКВД пропуск на проезд «к месту работы» в Малмыж. Сейчас веду сборы. Думаю выехать на той неделе во вторник-среду. Предполагаю поехать на Киров, а там сесть на пароход. В пользу такого направления говорит то, что при езде на станцию Вятские Поляны мне бы пришлось делать ещё одну железнодорожную пересадку в Свердловске. А от Новосибирска до Кирова есть как будто бы прямой поезд. Постараюсь на него в Новосибирске устроиться, это бы и ускорило, и облегчило переезд. В Кирове с вокзала — на пристань и по Вятке. Если же в Кирове пришлось бы немного задержаться, то там знакомые у меня найдутся. Там, в частности, живёт сестра Веры Григорьевны, эвакуированная из Москвы. Итак, в путь.

Пятница 4 сентября 1942.

Сегодня (если не ошибаюсь) день моего рождения. Вчера вечером сидели до глубокой ночи Бетти, Ирина и я в полусвете, мечтали и печалились. Сегодня с утра раннего явились поздравители с приношениями: Вера Григорьевна принесла помидор, Бетти прекрасный галстук с целым комплектом к нему запонок и пр., Ирина — крем для бритья, мыло, зубной порошок. Скоро явятся, наверное, Хмелинский и Емельянов. Свыкся я уже с этими людьми и расставаться как-то грустно будет. Но, думаю, что это нужно сделать. Жизнь становится всё более странной, и порою кажется, что всё проще и проще, а иногда, что всё сложнее и сложнее и мучительнее. Вот уж и 36 лет, кое-что сделано. Но разве столько бы хотелось сделать?! Впереди? Нет, не ясное небо…

Пришёл Хмелинский, сейчас сочиним кое-какие бумажки и пойдём по делам, в военкомат насчёт снятия с учёта, в институт за тарой для моих вещичек: обещали дать чехол для матраца, а из него мне здесь соорудят мешок. Ремни у меня есть. Повезло купить ещё зимой.

От Лёши Иванова новых известий нет. Вероятно, устраиваются где-нибудь в Алтайском крае.

Кончаю. До свидания.

Обдумайте возможности вашего переезда ко мне в Малмыж. Приеду на место, буду решать и напишу. Целую. С. Дмитриев.

Открытки С.С. Дмитриева к родным с пути от Сталинска до Малмыжа[A]

1.

10/IX-1942. Новосибирск.

Дорогие друзья, пишу с вокзала Новосибирска. Еду в Малмыж. Из Сталинска выехал вчера вечером. Много знакомых и 2–3 друга провожали меня из Сталинска. На перроне образовалась целая толпа. Пока с каждым сказал по 2-3 слова, простился, поцеловался с некоторыми — электровоз двинулся, поезд так стремительно сорвался, что я едва успел вскочить на ходу. Уезжать было тяжело и тоскливо. Я так полюбил Бетти и Ирину! У них непоправимое горе: неделю назад пришло известие о скоропостижной смерти на фронте Ильи Даниловича (муж Бетти, отец Ирины). От Лёши Иванова после телеграммы из Барабинска ничего не было.

Ехать далее, в Киров, надеюсь сегодня ночью. Из Кирова пароходом. Пишите мне адресом[B]: Малмыж Кировской области. Главный почтамт. До востребования. Мне.

Приеду, осмотрюсь и будем решать вопрос о вашем переезде в Малмыж. С. Дмитриев.

2. [На почтовой открытке имеется штамп: «Просмотрено военной цензурой»]

13/IX-1942. г. Молотов.

Дорогие ильинцы, еду в Малмыж. Выехал из Сталинска 9/IX. Еду хорошо. Завтра утром буду в Кирове. Там пересяду на пароход и по Вятке двое суток до Малмыжа. В Кирове попытаюсь узнать о пропуске для себя, чтобы съездить из Малмыжа за вами. Но сначала посмотрю, что за Малмыж и как там живётся МОПИ. Пароходы по Вятке ходят весь октябрь, так что месяца 1½ мы имеем в распоряжении. Понятно, твёрдой уверенности в своей поездке за вами не имею. Вы же, если думаете поехать в Малмыж, то предварительные сборы проводите.

Пишите мне так: г. Малмыж Кировской области. Главный почтамт. До востребования. Мне. Настроение ровное. Вот жаль Бетти да Ирину. Подарили мне они на дорожное счастье слона из розового камня. Везу его с собою. Эту открытку бросит вам в Буе один лейтенант-попутчик. Целую. С. Дмитриев.

[A] На бумажной обёртке рукой С.С. Дмитриева простым карандашом сделана надпись: «Открытки С.С. Дмитриева к родным с пути от Сталинска до Малмыжа. От 10/IX. 1942 из Новосибирска, от 13/IX-1942 из Молотова, от 14/IX 1942 из Кирова. Всего 3 открытки».

[B] Так в подлиннике.

3.

14/IX-1942. Киров.

Дорогие ильинцы, еду в Малмыж. Буду там дня через 2–3. Осмотревшись, напишу вам насчёт вашего туда переезда. Пока подготовьтесь и подумайте — стоит ли ехать. Пароходы по Вятке, говорят, ходят весь октябрь. Если удастся, то в конце сентября — начале октября сам к вам приеду. Но не уверен в этом.

Путешествие моё протекает нормально. Спутники хорошие. Эту открытку бросит в Ярославле один товарищ майор — начальник брата[A] Петра Андреевича Зайончковского. Мне сегодня предстоит в Кирове сойти с поезда и пересесть на пароход. Багаж мой — рюкзак и большой дорожный мешок, с которым управляюсь с помощью носильщиков. Пишите мне в Малмыж по адресу на обороте. С. Дмитриев[B].

Письма и открытки С.С. Дмитриева к родным из Малмыжа[C]

1-е

Понедельник 21/IX-1942. Малмыж.

Дорогие ильинцы, здравствуйте! Позавчера в субботу добрался наконец-то до Малмыжа. Кратко опишу дорогу, тем более, что это и для вас может иметь практическое значение, а затем передам первые здешние впечатления и мои планы. Из Сталинска выехал 9/IX вечером. В ночь с 10 на 11-е выехал из Новосибирска. В 12 часов дня 14/IX прибыл в город Котельнич на Вятке. Собственно, ехал я до Кирова, до него взял билет и там думал сходить, чтобы пересесть на пароход. Приехав в Киров, сошёл с поезда и уже подрядил человека с тележкой везти мои вещи на пристань, как вдруг узнал, что в связи с обмелением реки Вятки пароходы от Кирова не ходят. Я марш-маршем назад в вокзал, воткнулся снова в свой поезд, который ещё стоял, и зайцем, так как железнодорожный билет был у меня до Кирова только, проехал ещё 90 км и слез в Котельниче. Но оказалось и в Котельниче регулярное движение пассажирских пароходов вниз по Вятке с 9/IX на неопределённое время приостановлено, так как на перекатах река сильно обмелела, а дождей во второй половине августа совсем не было. Но всё же мне посчастливилось с отъездом из Котельнича. Пришёл на пристань, познакомился со старшим диспетчером пристани Иваном

[A] Брат П.А. Зайончковского — Вадим Андреевич Зайончковский.

[B] Внизу лицевой стороны открытки в графе «Адрес отправителя» написано: «Малмыж Кировской обл. Главный почтамт. До востребования. С.С. Дмитриев».

[C] На бумажной обёртке рукой С.С. Дмитриева простым карандашом сделана надпись: «Письма и открытки С.С. Дмитриева к родным из Малмыжа. От 21/IX по 29/IX 1942 г. Числом 6-ть, нумерованные».

Григорьевичем Пленковым, и он мне сказал, что в тот же день через 2–3 часа вниз пойдёт газоход с баркасом для людей. Я мигом перестроился. Нанял старосту пристанских матросов, некоего дядю Савелия (с бельмом на глазу) и с ним слетал на вокзал (около 1 км). За 60 рублей он принёс мои вещи, лежавшие на хранении при вокзале. Билет мне Пленков устроил прямой от пристани Котельнич до пристани Горки (в 3 км от этой пристани Малмыж), общий билет 3-го класса стоит 32 рубля). В тот же день 14/IX в 5 часов дня я отплыл по Вятке. Прибыл в Малмыж 19/IX в 3½ часа дня. Путешествие было с приключениями, состоявшими главным образом из пересадок с баркаса на баркас, с парохода на буксир и пр. Благодаря наличию мелей и перекатов, пароходы двигаются очень медленно до пристани Медведково, откуда уже было регулярное курсирование пассажирских пароходов. В Медведкове я прикупил к своему билету «классность», т. е. право на место в каюте 1-го класса и далее ехал уже нормально. В Горках попался попутный грузовик-автомобиль. Он довёз меня до «Дома колхозника», где я пока и остановился.

Теперь о Малмыже и Институте.

Малмыж — большое село, вернее заштатный город. Дома одноэтажные, деревянные, улицы плохо замощены, осенью и весною очень грязно. В городе очень тихо. В 11 часов вечера на улицах никого. Электричество есть, водопровода нет. Отопление печное. С дровами туго. Теперь о питании. В городе по воскресеньям базарные дни. Вчера я полдня ходил по базару. По словам местных жителей, съехалось на базар мало крестьян. Но всё же в Сталинске никогда я таких базаров не видел, и если бы не цены, то он очень напоминал бы Ярославский базар в старое время по размерам и товарам. Перечислю товары и цены для вашего сведения. Мука ржаная 700–800 рублей за пуд, мёд по 170 рублей кг (недавно ещё был 120 рублей), горох по 40 рублей кг, жирная баранина по 190 рублей кг, масло сливочное (его очень много) по 150–160 рублей за фунт, масло русское по 210–220 рублей за фунт, молоко 14–16 рублей литр, живые гуси: очень большой раскормленный 500 рублей, поменьше — 400 рублей, картофель очень хороший крупный по 80–100 рублей за пуд (но поторговавшись, можно и за 70 купить), лук большими косами продают по 45–60 рублей за двойную косу (так на глаз будет 100–120), помидоры по 25 рублей кг. Есть чеснок, редька, солёные грибы; продают глиняные горшки (покрупнее по 30–35 рублей штука), берестяные бураки[A], деревянные ложки, лапти (по 40 рублей за пару). Так что, имея деньги, с таким базаром жить можно, особенно если с осени кое-что закупить. Яйца по 70 рублей десяток.

[A] Цилиндрический сосуд из бересты с деревянным дном и крышкой.

При институте есть столовая, но кормят в ней сейчас очень плохо (обычно пустые щи, винегрет без масла, завареха[A] — ржаная или белая мука, сваренная под кашу) и дёшево — по 1–1½ рубля за обед. Преподаватели семейные берут на дом и, приправив, кушают. А некоторые берут заварехи побольше и откармливают поросят. Купить поросёнка совсем маленького можно будто бы рублей за 400, а побольше (которым молока уже не нужно) рублей за 600–700.

По карточкам дают хлеб и сахар. Я буду получать хлеба по 600 гр., да в столовой по списку ещё 200 гр., всего 800 гр., иждивенцы, кажется, по 400 гр. Преподавателям, кроме того, даётся спец. паёк (в прошлом месяце давали сливочное масло, яйца, мясо, крупы) на себя и иждивенцев.

В общем, по общему мнению, в продовольственном отношении в Малмыже всё же жить можно куда легче, чем в большинстве других краёв.

С квартирой обстоит так: нашли для меня две комнатки в одноэтажном деревянном доме. По площади достаточно для 3–4 человек[B], хотя, конечно, будет несколько тесновато. Отопление своё (институт обещает обеспечить дровами, так они стоят очень дорого по 400–500 рублей возок), русская печь и в моей комнате отдельный подтопок. Фонтан с водой недалеко, метрах в 50-ти по улице. Электричество на днях обещали провести. Оплата 100 рублей в месяц. Во всем доме живёт один человек — хозяйка, старушка Агриппина Ивановна Скрябина, бывшая народная учительница. Она очень чистоплотна, и в доме чисто. На дворе сарай. Под домом подполье, куда можно будет засыпать картофель и прочее. Ведра для воды, корыто, самовар у неё есть.

Пока думаю здесь и поселиться, а там если что будет лучше, то можно и переехать. Да, кровати с матрацами[C] даст институт, но с одеялами плохо. Вот, кажется, и всё вкратце.

Теперь по поводу вашего переезда сюда.

Тут мысли мои раздваиваются.

С одной стороны, весь переезд в Малмыж я предпринял единственно, преследуя две цели: приблизиться к вам и соединиться с вами и, с другой стороны, упростить и облегчить будущий возврат в наш город: ибо МОПИ здесь век сидеть не будет, а с ним и мы механически вернёмся. За этот год без семьи, а особенно за зиму, один я очень нравственно устал. И новая зима вне дома и без семьи меня прямо пугает. Конечно, и в бытовом отношении мне с вами будет здесь легче. Так что со своей личной колокольни я, безусловно, стою за ваш

[A] Так в подлиннике.

[B] Слово «человек» вписано над строкой.

[C] Слова «с матрацами» вписаны над строкой.

приезд сюда. Но вот возникают у меня сомнения, когда задумываюсь, над вашими интересами. Никаких золотых гор, молочных рек и кисельных берегов здесь нет. Зима предстоит трудная. В Ильинском же у вас есть и положение, и убранный огород, и своё место в доме. Да и путь сюда будет основательной ломкой. Вот и боюсь за вас. Я сам пока один, как ни тяжело бывает, а всё один, а как вас ещё сдёрну с уже известной степени обсиженного места, тогда ещё и за вас будешь страдать. Ну, правда, зато уж будем вместе, а это ведь тоже большое тепло даёт. Скажу так, будь я уверен, что переезд в Малмыж не приведёт к соединению с вами, я бы, пожалуй, и не поехал.

Решайте сами, но немедленно. Моё мнение — за переезд. А там смотрите. Если вы всем главным обеспечены до весны, устроились ничего и трогаться сейчас не хочется, то оставайтесь зимовать. Я как-нибудь тоже просуществую. Если же решите ехать сюда, буду рад. Так обстоит дело с теорией вопроса о переезде.

А теперь о практике этого дела.

Сейчас в Горсовете оформлю согласие на ваш приезд в Малмыж, затем напечатаю вызов для вас сюда от имени института и, думаю, что сегодня это вам и пошлю. Коли решаете ехать, то немедленно же, Лёля, нужно с этими бумагами и своим заявлением самой направиться в Пречистенское НКВД или в Ярославском НКВД и сразу же (без переписок) получить пропуск на проезд. Хорошо бы в сельсовете тебе ещё взять формальную командировку, как заведующей яслями в Малмыж Кировской области. С командировкой легче взять билеты, попасть переночевать в дом колхозника и прочее. Далее, возьмёте в сельсовете справки о снятии вас со снабжения. (Командировка имеет значение только напечатанная типографским способом на стандартном бланке, куда лишь вписываются данные о тебе).

Немедленно всё это нужно делать, потому что к середине октября в связи с осенними дождями регулярное проходное движение по Вятке восстановится недели на две. А если вы его застанете, то всё путешествие сильно упростится, так как пассажирский пароход довезёт вас от Котельнича до Горок. Возьмёте каюту 1-го класса. Диспетчер пристани Котельнич Иван Григорьевич Пленков обещал мне помочь вам в получении билетов, мест и пр. Билеты просите у него до Горок прямые (даже если бы пассажирских пароходов не было и пришлось ехать на газоходе или буксире). Пленкову я говорил о вас, и ещё завтра напишу ему, и вам в завтрашнем письме вложу ещё письмо к нему. По железной дороге вам лучше ехать не на Макарово, а на другую станцию, идущую на Буй, тогда пересадки в Данилове будет не нужно делать. Ехать до станции Котельнич. Это, кажется, менее суток. В Котельнич потому, что Киров выше по Вятке и там пароходы скорее пойдут, так как воды будет больше. В Котельниче вещи

сдавайте прямо в камеру хранения (или, если будет тепло, кто-нибудь на перроне с ними постоит). Лёля пусть идёт прямо на пристань, к Пленкову и выясняет вопрос с пароходом. Вещи от вокзала до пристани подрядите перенести хотя бы того же старосту пристанских матросов Савелия. Он живёт на самой пристани. Если будут пассажирские пароходы, то старайтесь взять каюту 1-го класса.

Приедете на пристань Горки, по телефону позвоните мне в институт. На пристани телефон есть. Вещи можно тоже сдать на хранение на пристани. Часто бывают подводы, едущие в Малмыж. Может сразу подрядите кого и вещи вам довезёт. В городе доедете до Комсомольской ул., дом 7, там канцелярия института и мой адрес скажут. На дорогу берите побольше хлеба (молоко, яйца, лук, помидоры можно легко покупать у пристаней во время остановок, выносят). Одевайтесь в дорогу теплее и по реке в октябре ехать холодно. Из вещей старайтесь взять побольше. Особенно всякого тряпья, какое ещё у вас сохранилось. Здесь можно всё продать на рынке. Конечно, вещи будут вас связывать, но уж, коли, поедете, так снявши голову, по волосам не плачут. Придётся пойти и на расходы серьёзные за подводы[A], носильщикам и прочее.

Делать нужно всё быстро, так как зима не ждёт, река в ноябре замёрзнет. А по железной дороге ехать на Вятские Поляны от вас это 3 железнодорожные пересадки.

Вызов посылаю вам, всем троим, так как думаю, что вы все поедете. Но, если ты, мама, пугаешься такого пути и удаления от ярославцев, то решай сама, может, в Ярославль поедешь пока. Не знаю, как Серафима Галактионовна думает. Ну, сами понимаете, что мне отсюда всего понять и обдумать нельзя. Да и я человек, ошибаться могу, как и все. Смотрите и решайте на месте сами.

Из планов моей поездки вам навстречу ничего не выйдет: с 1 октября занятия, нужно обеспечить квартиру, дрова и пр., и пр., когда один, так ведь спрашивать не с кого, кроме как с самого себя.

До свидания, целую и обнимаю. Лёля, ты, как «старшая», должна проявлять максимум и решимости, и осторожности. Крепко тебя целую. Ориентируйтесь между 10 и 20 октября быть в Котельниче. Поедете если, со станции дайте мне телеграмму-молнию, только сначала ещё в Пречистом приложите к ней печать сельсовета, иначе молнией не возьмут. С. Дмитриев[B].

[A] Далее зачёркнуто слово «помощникам».

[B] На верхнем и левом поле последней страницы письма позже, видимо 22 сентября (так как второе письмо было отправлено с первым в один день) чернильным карандашом была сделана частично сохранившаяся запись: «См. ещё приписку для показа /…/ Посылаю здесь вызов МОПИ и справку горсовета г. Малмыжа».

2-е[A]

22/IX-1942. Малмыж.

Дорогие ильинцы, пишу вам второе письмо. Сегодня заказным высылаю вызов для вас[B] в МОПИ и справку горсовета г. Малмыжа о том, что горсовет не возражает против вашего приезда в Малмыж. С этими бумагами, Лёля, сразу же иди в НКВД (Пречистенский или Ярославский) и получай пропуска для проезда ко мне. Если решаете ехать, то медлить нельзя. Хорошо бы было быть в Котельниче к 10–15 октября. Тогда, по общем голосу, регулярное пароходное движение возобновится недели на две. Ехать вам нужно до Котельнича, а там на пароход. На пристани Котельнича обращайтесь за содействием (по вопросу о билетах и выезде, а если бы пришлось заночевать, то и о ночёвке) к диспетчеру пристани Ивану Григорьевичу Пленкову. Ссылайтесь на его обещание. Прилагаю письмо к нему.

О жизни в Малмыже пишу подробно в заказном письме. Его посылаю одновременно с этим.

Ещё раз скажу, я бы хотел, чтобы вы сюда приехали. Я устал жить один. Правда, жить здесь будет нелегко, и с питанием, и с дровами. Так что уж если у вас всё хорошо налажено, то даже страшно выдёргивать с места. Но зато будем все вместе. Как-нибудь прозимуем. Поедете — соберите вещей побольше, коли у вас ещё сохранились. Между прочим, хорошо бы взять с собою электролампочки, чернила или чернильные карандаши, какую есть посуду, тряпье. Одевайтесь в путь теплее. Хлеба желательно набрать побольше. Конечно, проживу я здесь и один, но и в бытовом и в нравственном отношении мне с вами будет легче. /…/[C]

хочешь ориентируйся на Ярославль. Разумеется, я буду только рад твоему приезду. Вот вкратце и всё.

Милая Лёля, крепко тебя целую, коли надумаешь, то приезжайте, будем вместе мёрзнуть и греться.

До свидания.

Возьмите справки о снятии вас со снабжения при отъезде.

С. Дмитриев.

[A] Начало второго письма написано на внутренней стороне разворота почтового конверта. Из-за ветхости бумаги и выцветших чернил семь последних строк текста письма невозможно прочесть.

[B] Слова «для вас» написано над строкой.

[C] Это письмо написано на обратной стороне уже использованного конверта, в котором первоначально было отправлено письмо на имя С.С. Дмитриева в сентябре 1942 г. Сохранность письма очень плохая, 5–6 строк практически утрачены и прочитать невозможно. То же относится к другим пропускам в тексте этого письма.

P.S. в этом письме посылаю вам копии вызова для вас МОПИ и разрешение горсовета Малмыжа на ваш въезд. Оригиналы посылаю же в другом заказном письме. Посылаю и оригинал, и копии для верности получения. Что раньше придёт, с тем хлопочите. Сегодня в институте получил ½ фунта (200 гр.) хорошего чая, 400 гр. соли, 2 коробки спичек. Узнал, что в отношении меня здесь заказали /…/ ботинки. Получил сегодня подъёмные. /…/

[*К этому письму приложены две копии справок*]

1.

РСФСР
Малмыжского
Город. Совета
Деп. Трудящ.
Кировской обл.
22 сентября 1942 г.
№ 925
г. Малмыж

Копия.

Справка

Выдана настоящая в том, что Малмыжский Городской Совет, Кировской обл. на въезд в гор. Малмыж гр-нам:
1/ ДМИТРИЕВОЙ Ольге Алексеевне
2/ ДМИТРИЕВУ Игорю Сергеевичу
3/ ХАПЕР Анне Николаевне не возражает. Что и удостоверяется.

Приложена печать

П.п. ПредГорсовета (Береин) Секретарь (Корюгин)
Копия верна: Управделами Ин-та (подпись) (Сорокина)

2.

Р.С.Ф.С.Р.
особ. исполком
_____
М О О Н О
_____
МОСКОВСКИЙ
ОБЛАСТНОЙ
ПЕДАГОГИЧЕСК.
ИНСТИТУТ
_____
«22» сентября 1942 г.
№ 620

Копия.

С п р а в к а

Доцент Московского Областного Педагогического Института ДМИТРИЕВ Сергей Сергеевич эвакуирован вместе с Институтом из Москвы в г. Малмыж Кировской области.

Институт просит выдать разрешение на выезд из села Ильинского на Соти, Пречистенского района Ярославской области, жены С.С. ДМИТРИЕВА — Ольги Алексеевны ДМИТРИЕВОЙ, сына Игоря Сергеевича ДМИТРИЕВА и матери Анны Николаевны ХАПЕР для проезда и совместного проживания в городе Малмыже.

П.п. Директор МОПИ (Молодых)
Копия верна: Управделами Ин-та (подпись) (Сорокина)

3-е (из Малмыжа)

Среда 23/IX-1942.

Дорогие ильинцы, сейчас получил ваше первое письмо, адресованное на Малмыж. Это письмо мамы от 13/IX за № 53-м. Вчера же пришли письма от Иринки (дочь Бетти Зиновьевны) из Сталинска. А ещё, прежде чем я сюда прибыл, здесь ожидало меня письмо от одного из преподавателей МОПИ, заброшенного в Ульяновск и подумывающего о переезде в Малмыж. Так что переписка на Малмыж налаживается.

Теперь по существу твоего, мама, письма и вообще всех вопросов, возникающих в связи с моим переездом.

Вчера я послал двумя заказными письмами вам подробные известия о первых малмыжских впечатлениях, а также в одном письме оригиналы вызова для вас в Малмыж из МОПИ и согласия горсовета г. Малмыжа, в другом письме копии этих двух документов (на всякий случай, если бы первое письмо не дошло). В одно из писем вложил также письмо для Ивана Григорьевича Пленкова, диспетчера пристани в Котельниче, который, я думаю, окажет вам содействие в получении билетов и проезда по реке Вятке, если вы ко мне поедете.

Я послал вам вызов и согласие на въезд в Малмыж для всех трёх. Я так и полагал, что вы все вместе сюда двинетесь, хотя для мамы путь и будет труден, но всё же полагаю, преодолим. Здесь жить тоже, конечно, несладко и нелегко. Но всё же, думаю, что не хуже, чем в Ильинском, да и будем все вместе. Если же ты, мама, и Лёля считаете более целесообразным, чтобы сюда ко мне ехали только Лёля с Игорем, то тогда мама может только в Ярославль податься. На этот случай, конечно, из 9 оставшихся пачек нужно 2 выделить ей. Следует проверить вопрос и о возможности прописки твоей, мама, в Ярославле у отца или Лены. Если же ты, мама, пути не смущаешься и удаление от ярославцев тебя не страшит[A], то, по-моему, кати с Лёлей и Гогой сюда. Как-нибудь будем скрипеть все вместе. Есть ещё один неясный для меня вопрос. Каковы у вас отношения между собой без меня за этот год? Пока жили на месте, всё было в порядке, то и для шероховатостей меньше почвы было, а теперь жизнь стала колючая и многие тоже нервничают и друг другу кровь портят. Я всегда был сторонник тихих и мирных отношений, но большого толка из этого не выходило. Так что я своё мнение сказал, а там обе решайте. Может быть, вас всех устраивает дальнейшая жизнь на предстоящую зиму в Ильинском. Тогда оставайтесь на месте. Обо мне особо не задумывайтесь. Проживу и один. Хотя должен сказать, что и надоело мне быть одному. Ну, да зато я был бы ответственен только за себя

[A] Далее густо зачёркнуты 4 слова.

и знал бы, что вы в Ильинском всё же устроены. Но из маминого письма я вижу, не очень радужные перед вами перспективы. Так что, пожалуй, ехать нужно.

Здесь будет трудно с топливом и питанием. Комнатку или квартиру какую-нибудь найдём. Топливо сейчас студенты заготавливают и для преподавателей. Возможно, что и самому в этом придётся участвовать. Где наша не была! Базары здесь есть. Цены большие и, как всюду, растут. Сейчас мука ржаная 700-800 рублей пуд фунт, мёд 170 рублей кг. Яйца 70 рублей десяток, картофель 90 рублей пуд, молоко по 16–18 рублей литр. Базары большие и продуктов много.

Хлеба по карточке я буду получать по 600 гр. + 200 гр. в столовой = 800 гр., вы по 400 гр. В столовой можно брать два раза в день скверные обеды (очень дешёвые по 1–1½ рубля за обед), не по одной порции. Брать можно на дом и, подправив, есть. Сейчас, например, мне выдали 200 гр. чаю (4 тюбика[A] по 50 гр.), 400 гр. соли, спичек. Выдавали в прошлом месяце рыбу, мясо, сахар. Жалованья буду получать 1.200 рублей в месяц по номиналу. Но вычеты большие.

Вопрос о переезде ко мне решайте быстро, так как нужно застать пароходное движение по Вятке. А зимою до Малмыжа доехать трудно. Лучше всего до Котельнича добраться к 10–15–20 октября. А там по Вятке будут, я думаю, ходить пассажирские пароходы[B]. Диспетчер пристани Котельнича Иван Григорьевич Пленков, я думаю, поможет вам получить билеты. Во всяком случае, вы к нему обратитесь.

В дорогу нужно брать больше хлеба. Можно яйца купить у пристаней. Одевайтесь теплее. Лёля, записывай цену билетов железнодорожных и пароходных, так как МОПИ оплатит и вам переезд. В субботу в Москву едет в командировку директор нашего института. Он берётся привезти мне от Наташи небольшую посылку. Я с ним напишу письмо Эгертам с просьбою собрать в компактную посылку мои два костюма: старый серый зелёный, моё бельё, которое у них осталось, все валенки, которые они, кажется, взяли к себе и рукописи моих лекций, оставленные мною тоже у них. Валенки я решил сюда выписывать, хотя и не вполне ещё уверен в вашем приезде.

Поедете — если можно и есть, то возьмите: электрические лампочки, чернильные карандаши, чернила, чистую бумагу. Очень маленькая подушечка (от Бетти) у меня есть. Одеяла нет. Простынь одна. Белья для меня хватит. Всё, что я имел своего в Сталинске, я привёз сюда за исключением пустяков. Обнимаю и целую вас. До свидания, надеюсь скорого. С. Дмитриев.

[A] Так в подлиннике.

[B] Далее письмо написано другими (чёрными) чернилами.

4-е [На почтовой открытке имеется штамп: «Просмотрено военной цензурой. Киров»]

24/IX-1942. Малмыж.

Дорогие ильинцы, послал вам заказными официальный вызов для проезда в Малмыж. Вчера получил первое письмо от вас сюда — письмо мамы от 13/IX. Я жду вас всех сюда, хотя условия жизни нелёгкие. Если же мама затрудняется таким переездом, то (коли хотят) пусть едут Лёля с Игорем вдвоём. Мама тогда в Ярославль, а Серафима Галактионовна в Некрасово, кажется, собиралась. Решать и ехать нужно быстро, чтобы ещё по Вятке пароходство застать (до конца октября)[A]. Поезжайте до Котельнича, а там на пароход. Разные ликвидационные дела с огородом и прочее (если в Ильинском никто не остаётся) может уладить Серафима Галактионовна. Ведь она в Некрасово и несколько позже может поехать. Ну, в общем, смотрите сами на месте. Хлеба на дорогу берите больше. Вещей старайтесь взять тоже побольше. Если есть электрические лампочки, чернильные карандаши и чистая бумага, то непременно берите с собою.

Я осматриваюсь и устраиваюсь, ищу квартиру, что весьма нелегко. Занятия в институте начнутся с 1 октября. Возможно, что придётся мне сходить на лесозаготовки под город[B].

До свидания. С. Дмитриев.

P.S. Из хозяйственных достижений: получил на себя 640 гр. сливочного масла за 15 рублей[C].

5-е

Суббота 26/IX-1942. Малмыж.

Дорогие ильинцы, вчера отправил вам письмо и получил письмо Лёли от 16/IX. Итак, вы знаете, что я Малмыже с 19/IX. Живу ещё пока в Доме колхозника. Хожу и ищу 1½ – 2 комнатки для нас всех, так как думаю, что вы всё же приедете. Здесь с жилплощадью очень трудно. Подавляющее большинство домов — частные владения, так что нужно иметь дело с хозяевами. Пока остановился на 1½ комнатках в доме близко к центру, где живёт одна хозяйка — старуха, пенсионерка, бывшая народная учительница. Условия такие: я должен доставать топливо для русской печи и подтопка к ней, который выходит в наши комнатки, + 100 рублей в месяц. Условия, конечно, нелёгкие. Но и другие (т. е. в других домах) в том же роде. Вода сравнительно близко, электричество проведут (осложнение только в электролампочках, их почти невозможно найти; если возможно, достаньте и захватите с собой, коли поедете). От базара, бани и

[A] Слова «(до конца октября)» вписаны над строкой.

[B] Так в подлиннике.

[C] Слова «за 15 рублей» написано над строкой.

столовой близко. Кровати с сетками, матрацы, простыни, возможно, 1–2 одеяла, стулья и стол дадут в институте. Дрова студенты сейчас заготовляют в лесу. Обещают дать от института по 10 кубометров. В вольной же продаже дрова очень дороги, по 400–500 рублей возок.

Во вторник я послал вам в двух заказных письмах вызов института и согласие горсовета на ваш приезд сюда. Так что основания для получения пропуска у вас все есть. И пропуска вам дадут. Я вызов послал на всех вас троих. Но теперь, после письма мамы и твоего, Лёля, я как-то стал бояться — одолеет ли мама такой переезд? Она сама пишет (да и Лёля тоже), что стала чувствовать себя[A] слабой, а переезд осенью по реке будет делом трудным. Уж не знаю, что и сказать: категорически тебя, мама, сюда звать не решаюсь. Здесь и от Ярославля, и от Москвы далеко, сами мы здесь будем люди временные, не век жить в Малмыже. Быть может, в Ярославле при отце и Лене тебе будет и ничего, а переезд недалёкий. Вот как с пропиской будет? Денежно, конечно, мы поможем, чем сумеем. О пачках я уже писал вам. Теперь, дорогая мама, не пойми меня так, что я против твоего приезда, нет. Но настаивать на твоём приезде не решаюсь.

В отношении же вообще вашего переезда сюда я так смотрю. Жить здесь нелегко (особенно зимой), но плюсы такие: будем всё-таки вместе, не два дома, а один, и проблема возврата в Швейцарский дом встанет[B] для всех более реальной. Ведь нельзя же, Лёля, тебе всерьёз на ТОНО рассчитывать. А если и можно, то только тебе. А Игорь с мамой? Далее, не думаю, что этой зимой вам в Ильинском будет много лучше, чем здесь. Боюсь, не было бы хуже. Всё же здесь мы будем, хотя и в плохоньком, но в городе, при московском институте, сюда эвакуированном. Школа для Игоря здесь есть. Базар есть, сейчас с осени нужно будет кое-что подзапасти. Врачи здесь есть, с одним главным врачом госпиталя я уже познакомился. Работу, Лёля, думаю, что найдёшь, но большого смысла в ней не вижу. С питанием, хотя и будет туго, но как-нибудь протянемся. Для студентов и преподавателей есть столовая, довольно скверная. Кормят в ней два раза в день от 8 до 10 утра и от 4 до 6 вечера. Там же можно брать хлеб (горожанам дают мукой). Можно брать побольше порций обедов и завтраков домой и дома, приправив слегка, кушать. Дают пустые щи, горох, винегрет, картофель отварной и измятый; за неделю, что я здесь, два раза были мясные блюда, но вообще, говорят, они редкость.

Вчера по спец. пайку получил я 2 кило 400 гр. пшеничной крупы на себя; на иждивенцев давали по 600 гр. на душу. Позавчера давали сливочное масло.

[A] Далее густо зачёркнуто одно слово.
[B] Так в подлиннике.

Ещё ранее дали 200 гр. чаю и 400 гр. соли. Сегодня внёс в институт 26 рублей за 20 кило свёклы, которую выдадут 28–29/IX. Так что кое-что подкидывают. На базаре есть и мука, и масло, яйца, молоко, картофель, лук, гуси. Цены высокие, но на деньги. Вещи же можно продавать, тоже на деньги.

Я сюда переехал из-за двух мотивов: во 1) облегчить будущее возвращение домой, во 2) соединиться с вами. Один я жить устал. Хотя, с одной стороны, много легче одному, но со многих сторон — и труднее. Что до меня лично, то я бы хотел, чтобы вы все, или по крайней мере, Лёля с Игорем сюда приехали. Переезд будет нелёгким. Игорь — забота, да и вещи всё-таки нужно везти по возможности все. Это, Лёля, будет трудно и расходно. Если думаешь, что не одолеть такого странствия и кажется, что в Ильинском одни вторую зиму ничего проживёте, то решайте не ехать. Я, понятно, и один здесь перезимую. Ну, всё кажется сказал.

Теперь о пути. Ехать нужно не на Макарово, а на другой путь, который ведёт на Буй, и брать железнодорожные билеты до станции Котельнич. В Котельниче — вещи на хранение и — на пристань, там диспетчеру пристани Ивану Григорьевичу Пленкову. Просите прямые билеты до пристани Горки (это и есть Малмыж) на пассажирский пароход. Идеально было бы взять каюту 1-го класса (есть 2-х и 3-х местные). Приехав в Горки, с пристани звоните в институт, чтобы меня предупредили. А часто бывает и подвозят попутчики, можно подрядить для вещей и Игоря. Адрес канцелярии института: Комсомольская ул., д. 7. Секретарь Сорокина. Мой адрес будет в институте. В середине и второй половине октября пассажирское движение обычно нормальное. Если же пассажирского парохода не будет, придётся ехать на буксире или газоходе. В таком случае возможны и пересадки. Платите шкиперу или матросам и все вещи вам перенесут. А расходы будут, понятно.

В дорогу больше возьмите хлеба. Рассчитывайте на сутки езды по железной дороге, да минимум на 3–4 суток пароходом (хотя нормально он идёт 1½ суток). Молоко и яйца купите в пути. Если бы в Котельниче пришлось в ожидании парохода заночевать, обратитесь или в Дом колхозника или за советом к Пленкову. Ему я напишу. Ехать вам на станцию Вятские Поляны будет трудно, 2–3 железнодорожные пересадки. Если решаетесь ехать, то не откладывайте. Дела на месте (с дровами, огородом — он весь уже убран) бабушка Серафима Галактионовна решит и без вас. В Некрасово она успеет. А если бы Алфей в Ильинское приехал, то зачем ей уезжать?

Что ещё взять из пустяков (о главном сами знаете).

Чернильные карандаши, белую бумагу, электролампочки. Какие есть книги, нужные, сами не возите, а сдайте бандеролью на почту в адрес Малмыжа.

Почта. Востребование. Мне (или на институт). Здесь народ ходит в лаптях. И я их добуду. Хорошо бы в деревне вам взять онучи. Вообще холстины. Весьма полезны всякие мешки и мешочки. Поехать вам навстречу вряд ли мне удастся. Официально с 1 октября начнутся занятия. Директор наш едет в Москву. С ним шлю письмо к Александру Александровичу и Наташе, чтобы с ним же прислали сюда валенки.

Ну, всё. Целую вас. До свидания. С. Дмитриев.

6-е

Вторник 29/IX-1942. Малмыж.

Дорогие ильинцы, сегодня переехал на новую квартиру из Дома колхозника. Нашёл почти в центре города на улице Карла Маркса дом № 17[A] большую (20 кв. метров) приличную комнату с двумя окнами на юго-восток, 2–3 человека в ней поместятся. Выговорил так же, что постель для Игоря будет в соседней комнате, в которой помещается сын хозяйки (эвакуированный из Мытищ) мальчик по 15-му году Станислав. Для их двоих комнатка будет хороша, в ней 6 метров. У хозяйки 3 козы, 2 поросёнка, 10 кур. Думаю, что будет здесь ничего.

В институте получил сегодня 3 подушки, довольно жидких, 3 простыни, 1 одеяло рваное. Из мебели получил две кровати с сетками (третья будет), два стула, стол. Да хозяйка дала большой стол (вроде письменного). Электричество есть, лампочку достану здесь; пока же горит хозяйкина.

Получил сегодня письмо Филинкова от 17/IX; всё цело и, по его словам, надёжно. Жду вас. Целую всех. С. Дмитриев.

Письма родных к С.С. Дмитриеву

29/IX. 8 ч. вечера [1941 г.] [B]

Милый Серёжа!

Сегодня получили от тебя заказное письмо от 23-го (42). Довольно быстро оно пришло, принимая во внимание, что отправлено оно 24-го. Приходит почта у нас обыкновенно в 1–2 [ч.] дня, время обеда, и тогда как раз читаем вслух. Сейчас отпили чай, сидим наверху и каждый занят своим делом. По вечерам иногда сыграем вчетвером, но ложимся рано, экономим керосин. Целый день шёл дождь, была сплошная сетка, но было тепло, на работу я не ходила; а занималась с мамой дровами. Я теперь уподобилась Дуняше, всюду, где я вижу ва-

[A] Квартирная хозяйка Мария Васильевна Сиротова (см. дневниковую запись от 28 сентября 1942 г.).

[B] Год в квадратных скобках написан карандашом С.С. Дмитриевым.

лежник, тащу домой то ветвину, то плаху и начинаю пилить, колоть и убирать. Моя основная забота — это дрова, так как у нас две топки, одна в кухне для готовки обеда, а другая наверху для тепла. Топим пока тонкими и бросовыми, а получше оставляем про запас. Здесь пока есть силы и здоровье можно вполне самим заготовить дрова.

Игорь занят учебниками, читает немецкий учебник. Ему очень хочется учиться, говорит, что будет ходить каждый день и не устанет. Конечно, на первых порах может так и будет, а потом угомонится, и погода непривлекательная, да и дорога большая. Из нашего дому туда будут ходить два мальчика, один в 6-й класс, а другой в 7-й, не знаю только, будет ли Игорь с ними ходить. Кстати, почему же ты всё-таки не прислал нам вместе с учебниками карту? А ты читал в «Правде» о посылках? Я каждый раз ещё что-нибудь придумаю. Если ещё не пошлёшь нам, а только будешь собирать, то ещё две вещи мне было бы желательно получить: купи частый гребешок, лучше всего в аптеке спросить и ты, когда будешь покупать, попробуй его, хорошо ли идёт в голову, и второе — мне нужны шпильки простые. Они у меня были в старой сумке, что на столе в спальной, там внутри и были, и если не найдёшь, то они ст***о***ят пустяки. Здесь нет ни того, ни другого, а также и в Данилове.

Тебе, Серёженька, очень трудно одному со всем справиться, поэтому ты не принимай всего во внимание, а если сможешь и думаешь посылать, то я на этот случай и пишу, а то и так обойдёмся. Вот только валенки необходимы. Твоё письмо, состоящее из двух частей (начал писать 23-го, а кончил 24-го), сначала напугало, а потом успокоило.

Милый Серёженька, я себе всё время говорю, ничего не поделаешь, надо терпеть, и этим стараюсь успокоиться. Когда увидишь Наташу, спроси её, получила ли она мою открытку, я ей давно писала?

Сейчас бабаня будет писать. Кончаю, желаю тебе спокойствия. Целую тебя, мой дорогой. Лёля[A].

29/IX-41. 8 ч. вечера.

Дорогой милый Серёжа!

Я тебе 27-го посылала письмо, не знаю, которое придёт раньше. Я тебе уже писала, что послала письмо заказное тёте Кате, а тебе пишу её адрес. Ленинград (31), улица 3-го июля, дом № 49, кв. 36. Екатерина Евдокимовна Бердоносова.

Ещё, дорогой Серёженька, если будешь посылать посылки, то в кухне под столом стоят мои низкие галоши, на низком каблуке, 7 №. Они мне были бы

[A] Письмо О.А. Дмитриевой написано на страницах 1–3; последний абзац дописан на нижнем поле второй страницы. Далее на четвёртой странице текст написан рукой А.Н. Дмитриевой.

нужны, а, впрочем, дело терпит, главное валенки, на них галоши у меня есть здесь. Что тебе ещё написать? Живём мы ничего, только вот душа болит о тебе, да и обо всех остальных. Большое тебе спасибо, что не оставляешь отца без помощи; прежде я могла сама им что-нибудь послать, знаешь немало я им помогала. А теперь что я могу. Ну ладно, что будет то будет. Твоё письмо меня сначала напугало, что ты остался дежурить в институте. Но потом успокоилась, когда ты написал 24-го. Будь здоров, мой дорогой родной Серёжа. Крепко тебя целую. Если сумеешь, будет время, напиши письмо тёте Кате. До свидания. Да хранит тебя Господь!

Передай мой привет твоим приятелям и общим знакомым. Твоя мама.

Серёжа, напиши, бывают ли у вас в Кускове ночные дежурства[A].

1/X.

Дорогой Серёжа!

Вчера получили от тебя открытку от 25-го (43) и письмо от 26-го (44). Кроме того, открытки от Лены, от Насти и письмо от тёти Кати за 16-е. Была большая почта, но настроение от писем не улучшилось. Мама будет писать сама Наташе с просьбой прислать ей кое-что. Анна Николаевна тебе также припишет сама. Сегодня Игорь должен бы идти в школу, а объявили в сельсовете, что занятия ещё откладываются на две недели. С одной стороны, я довольна, Игорь ещё побудет дома (кстати, в Кусковской школе есть занятия со старшими?), а за это время может ещё что-нибудь выяснится. Он сам читает учебники, особенно свою любимую географию, а теперь я думаю сама ему задавать что-нибудь. Вчера погода была тёплая и сухая, полдня я расстилала лён, а после с Игорем пошли в лес за грибами. Грибы уже, можно сказать, кончились, но всё-таки кое-что нашли: один белый, маслят, свинух и т. д. Одним словом, на суп достаточно и на отварку. Игорь пока ещё походит, а это нам большое подспорье. Продукты, которые мы получили, по-видимому и весь запас, пока больше не предвидится. В соседней деревне мама купила 6 пудов картошки по 15 рублей пуд. Она там и осталась, постепенно как-нибудь перетаскаем. Эта покупка была случайная, так как эти люди, которые продали, уезжают, можно бы и ещё у них купить, но мы пока воздерживаемся. Молоко стали меньше покупать, так как коровы большей частью снижают в это время удой, обеспечена у нас только одна кринка (2 р. 50), а то ещё изредка удаётся достать. Вот с керосином дело хуже, совсем его не дают, поэтому очень завидуем твоим 10 литрам.

Сегодня заканчиваем один вид работы — расстил льна, будет что-то другое, эта работа особенно не обременяла. Смеряют у нас сегодня и скажут,

[A] Последнее предложение написано на левом поле четвёртой страницы письма.

сколько выработали. Наверное, придётся картошку копать, а может ещё какая другая работа. Меня это не угнетает, хочется даже наоборот, уставать больше физически, чтобы ночью спать крепче без всяких мыслей.

У тебя как сон? Соломон Лазаревич с тобой не будет жить, а Пётр Андреевич не собирается? Конечно, вдвоём коротать лучше.

Сейчас идём пить утренний чай, 9 часов утра. До свидания. Целую тебя. Лёля[A].

Дорогой Серёжа, вчера получила письмо от тёти Кати. Пишет, что она здорова, но за последнее время сильно утомлена, так как ей приходится дежурить ежедневно в течение недели по 4 часа в ночь под воротами. Сама она живёт у Миши, так как дом, в котором она жила, повреждён. Мишу видит в течение 3-х дней полтора часа, он очень занят, а Алёшу не видала полтора месяца, сам он у неё не бывает, к ним ей идти далеко и жутко. От Маруси писем нет. Тётя Лена сильно болела, её увезли в скорую помощь, у неё было кровотечение сильное носом. Врачи сказали, что у неё лопнул кровяной сосуд, и если бы кровь не пошла носом, то было кровоизлияние на мозги. Теперь она поправилась и снова работает. Шлют тебе привет и лучшие пожелания. Если найдёшь время, то напиши ей письмо. Я чувствую себя ничего. Желаю тебе здоровья и благополучия, береги себя и свои ноги. До свидания. Крепко целую. Оставляю место для адреса.

Ленинград. Малков переулок, дом № 4, кв. 48. Михаилу Георгиевичу Иванову. Для Екатерины Евдокимовны Берданосовой.

Привет тебе от Гоги. Вчера же получили открытку от нашей Лены. Пишет, что настроение ухудшилось[B] ввиду холодной погоды и отсутствия денег.

3/XI.

Дорогой Серёжа!

Только что получили от тебя открытку из Кирова и письмо от Лены и открытку от Сергея Васильевича. Мы все здоровы и живём по-прежнему в Ильинском. Одно время меня хотели взять на трудовой фронт. Но по болезни Игоря и моей врач пока освободил. Да ещё получили от Наташи письмо от 23-го. Она ещё не родила, ждёт. Катю взяли на работу, и может Александра Александровича тоже. Кой-какие вещи они перевезли к себе. Пишу разбросанно, так как сильно взволновалась от всех событий.

[A] Далее на четвёртой странице письма текст написан рукой А.Н. Дмитриевой.

[B] Далее от слова «ввиду» последнее предложение написано на левом поле четвёртой страницы письма.

Серёжа, очень хочется тебя увидеть, но лучше не приезжай сюда за нами, ты в данном случае нам может и не поможешь выехать, опасные дороги очень, да для того, чтобы проехать, нужны теперь пропуска и т. д. Есть здесь одна гражданка тоже из Москвы, она с ребёнком, муж у неё военный. Ей тоже хочется отсюда уехать, у неё есть знакомство в Данилове. Может быть, мы с ней вместе сходим ____[A]. Мы думаем никуда не трогаться, а ярославцы уже предполагают, что нас даже и нет здесь. Куда же мы поедем и как, теперь даже не найдёшь лошади, а ехать надо на другую линию, т. е. не на Макарово. Будем ждать, когда ты устроишься, напишешь нам, и тогда будь что будет, а, может, за это время и потише будет. Мы здесь всё же в тепле и вполне сыты. Маму также ведь придётся взять с собой, ей одной нельзя же остаться.

Серёженька, за нас не волнуйся очень, устраивайся на работу, с квартирой, пиши нам и, если будет возможность, мы тоже приедем к тебе.

Много за это время мы наработали картошки, пудов 15-ть, получили капусты, 14 кило ржи, купили овощи, питаемся хорошо. Помещение тоже приличное. Сергей Васильевич писал, что нельзя ли приехать им сюда. Мы ответили всё, что есть на самом деле. Местность опасная, проходят две железные дороги, а в остальном жить можно, в смысле продовольствия во всяком случае лучше, чем в Ярославле.

Много хочется тебе сказать, но мысли как-то рассеиваются и не знаешь, с чего начать.

Одно могу сказать, что я очень рада, что ты здоров и в безопасности, мне стало легче. Устраивайся лучше, милый, как ты говоришь, может быть, и будем оторваны друг от друга, надо крепиться, лишь бы ты был здоров. Хочет несколько слов приписать и бабаня. Сейчас два часа, мы все четверо сидим за столом, напишу тебе письмо, отправлю на почту и будем обедать. Целую тебя, мой дорогой, заочно много раз.

Напиши, а Новицкий с семьёй или нет?

Игорь тебя целует. Лёля[B].

Дорогой Серёжа!

Рада за тебя, что ты здоров! Мы тоже все здоровы. Не знаю, когда увидимся, но прошу тебя о нас не волноваться, и приезжать за нами, думаю, для тебя рисково, так как поезда запаздывают, и мы тебе можем только связать руки. Если назначено нам встретиться, то мы встретимся и позже. Главное береги себя, устраивайся хорошенько. Из Ярославля получили от папы две открытки.

[A] Одно слово в конце последней строки на первой странице письма утрачено.

[B] Далее на четвёртой странице письма текст написан рукой А.Н. Дмитриевой.

Пишет о тебе, и письмо от Лены. Там все здоровы, но тоже мечутся, не зная, куда уехать, Лёню зачислили в Ярославскую дивизию, но пока он дома. Папа запрашивает, можно ли им приехать в Ильинское? Мы все против ничего не имеем, так им и написали. Не знаю, сберутся ли. От тёти Кати получила письмо от 17/X. Шлют тебе привет! Ну, до свидания, мой дорогой любимый сын. Будь здоров и благополучен, заочно тебя благословляю в счастливый путь. Крепко много целую, мой родной дорогой Серёжа. Твоя Мама.

Дорогой мой папа! Желаю тебе счастливо доехать до места назначения. Мы живём по-старому. Я здоров. В школу сейчас не хожу. Целую тебя крепко. До свидания[A].

Милый и дорогой Серёжа, как неожиданно произошла разлука, очень сильно хотелось бы так неожиданно и встретиться. Целую крепко-крепко. С.Ю[B].

5/XI.

Дорогой Серёжа!

Пишу тебе второе письмо на Киров. От тебя получили две открытки, одну из Владимира (17/X) и другую из Кирова (29/X). Наташа нам написала, что получили ключи от тебя. Александр Александрович съездил в Кусково и перевёз к себе чайный сервиз, машину (швейную), продукты и хочет захватить кошку.

Мы живём по-прежнему, работаем в колхозе. Лён, который стлали, теперь снимаем и будем связывать в снопы. По-прежнему трудимся с дровами и т. п.

Сегодня получили от Шуры[C] записку. Он проходил недалеко от нас походным маршем пешком на Пречистое. В Данилове сформировали роту, и он в неё зачислен. Куда дальше пойдёт — неизвестно. Больше он ничего не пишет. Думаю, что и Володю взяли (его сына), правда, только на работу. Игоря я в школу не пускаю, хотя он рвётся, уж очень обстановка не подходящая. Возможно, если река замёрзнет, а то ему и так далеко ходить, а тут ещё и обходить нужно.

О тебе мы знаем очень мало. Судить по открыткам трудно. С кем, например, ты сейчас находишься, кто это трое, Новицкий, Марголин и др.? Почему ты не с университетом, как собирался, а ждёшь назначения?

Ну, так или иначе, ты здоров, а там как-нибудь устроишься. В своё время нам нужно было бы ехать дальше, тогда бы мы соединились. А теперь… я ума не приложу, что сделать. Только ты, Серёжа, к нам не езди, я боюсь этого. Дороги стали опасны, лучше на месте сидеть. Если ты получишь моё первое

[A] Данный абзац написан рукой Игоря Дмитриева.

[B] Данный абзац написан рукой Серафимы Галактионовны Юматовой.

[C] Имеется в виду брат О.А. Дмитриевой Александр Алексеевич Юматов.

письмо, то там уже об этом написано. Скрепишь своё сердце — и живёшь. Будем ждать от тебя известия, но теперь очень редко ходит у нас почта, меньше поездов стало. Когда узнаю о твоём назначении, буду хлопотать о пропуске.

Оставляю место для Анны Николаевны.

Взял ли ты хоть какие-нибудь свои вещи, наверное, ведь поехал в зимнем пальто?

Дорогой мой, целую тебя. Лёля[A].

Дорогой мой Серёженька! Посылаем тебе это письмо и не знаем, застанет ли оно тебя. Меня очень беспокоит, как обстоит у тебя дело с деньгами? В дорогах они очень быстро и много тратятся. Быть может можно тебе переслать? Тогда сообщи куда? Только выдают-то их, кажется, плохо в особенности у нас. Нина[B] прислала Серафиме Галактионовне 150 рублей. Вот уже две недели, а Серафима Галактионовна и до сих пор получила только извещение, а денег на почте нет, отдадут, когда будут. Что тебе написать о себе? Я здорова, Гога, Лёля тоже. Часто вижу тебя во сне и этим утешаюсь. Живём мы по-прежнему, работаем. Ложимся рано и встаём тоже. Утром помогаю по хозяйству Серафиме Галактионовне, а часов в 10-ть идём на работу, приходим домой к обеду часа в 2 и после обеда идём опять пока стемнеет на работу. Приходим домой, пьём чай, пишем письма и ложимся спать, и так изо дня в день. От Папки получили две открытки, от Лены письмо. Кажется, думают приехать с ребятами к нам, не знаю, сберутся ли. Ждём твоих писем с нетерпением! Но поезда из Москвы ходят редко, и долго приходится ждать. Завтра думаем получить твоё письмо. Целую тебя несчётно раз. Пусть тебя хранит Господь! Ты ведь один у нас всё наше утешение. Эх, как я досадую, зачем мы не дождались тебя! Всё было бы по-другому. Но что поделаешь. Наверно, так надо. Целую, твоя мама.

Милый папа! Крепко тебя целую и обнимаю. Игорь.[C]

9/XI.

Дорогой Серёженька!

Вчера получили от тебя две открытки за 28-е и 30-е, а 29-е — пришла много раньше. Пришло также письмо от Лены и открытка Сергея Васильевича. Телеграмм твоих мы не получили, вообще сюда их посылать, по-видимому, нет

[A] Далее и до конца письма текст написан рукой А.Н. Дмитриевой.

[B] Имеется в виду сестра О.А. Дмитриевой Нина Алексеевна Журавлёва (урожд. Юматова).

[C] Приписка от имени Игоря Дмитриева сделана на левом поле четвёртой страницы письма.

смысла, если только молнию. Ещё когда от тебя из Москвы не было писем, я послала туда молнию, но ты уже уехал. Вчера я послала на Киров молнию «Здоровы. Ильинском». Но там ли ты, вот в чем вопрос. Мы, вообще, мало о тебе знаем. По открытке судить трудно, где, например, Новицкий, почему ты не поехал с университетом в Ташкент и т. д. вопросы я задаю, но они уж, конечно, запоздалые. Серёжа, устраивайся получше сам, будь спокоен за нас, пока нам хорошо (тепло и сыты), а там, что будет. Устроишься, напишешь, и, если будет возможность, постараемся приехать к тебе. Нам нужна только бумажка от тебя официальная, чтобы получить пропуск, право на выезд. Я ещё не делала попытки в этой области, но так слышала. Шуры уже в Данилове нет, его взяли на военную службу, а я думаю лучше так проехать: идёт рабочий поезд от Ярославля до Буя. Нам нужно идти на станцию Соть, это отсюда км 8–10. А от Буя уж дальше ехать. Конечно, это только мои предположения, а осуществить всё это сейчас вряд ли удастся. Ведь у нас ко всему прочему багаж, бросать всё, что привезли из Москвы — каково это. Кроме всего прочего и дороги стали у нас опасны.

Так что, Серёжа, сорваться с места нам теперь очень затруднительно, даже в Ярославль. От них, между прочим, получили такое сообщение, что там никого и ни в каком случае не прописывают. Сами они хотели бы приехать сюда.

Мы им писали, чтобы они приезжали, правда, здесь тоже тишины нет, но лучше с продовольствием.

Как-то ты, мой родной, живёшь. Есть ли у тебя деньги?

Напиши об этом обязательно.

Как бы хорошо было, если бы ты не разлучался со своими товарищами и в дальнейшем, попал бы в чью-нибудь семью, чтобы быть за тебя спокойным.

Соединимся мы сейчас или нет, но я хочу тебе только сказать, что мы, благодаря тебе, можем просуществовать вполне, если только будет спокойно понятно. Целую тебя. Лёля.

Дорогой родной Серёженька![A]

Все мы здоровы и живы помаленьку. Лёля тебе обо всём сообщает, ждём твоих писем с нетерпением и, если есть возможность, пришли подробное закрытое письмо, опиши о себе, в чём ты уехал и что взял [с] собою, главное не нужны ли деньги. Устраивай себя и не беспокойся о нас. Возможно, что ярославцы приедут к нам. От тёти Кати получили письмо, там все живы и здоровы. Хочется поскорее, чтобы и ты был покоен. До свидания, мой милый Серёжа! Будь здоров благополучен. Крепко целую и благословляю. Твоя мама.

[A] Далее письмо написано рукой А.Н. Дмитриевой.

9/XI-41[A].

Дорогой мой папа!

Как ты живёшь? Мы от тебя получ[аем] очень редко известия и беспокоимся. В школу я сейчас не хожу и часть уроков (какие узнаю) делаю дома. Больше всего мы с мамой заняты заготовкой дров. Пилим и возим из лесу на санках. Дома их распиливаем и мама колет. Со вчерашнего дня на улице опять наступила зима, наверно, окончательно. Вот мы и съездили в лес за дровами. Хлеба нам по-прежнему дают по 600 гр., но больше ничего не дают. Недели две тому назад мы купили живую ярку (овцу) и зарезали. Теперь едим её мясо и жарим картошку на её сале. Мама и бабаня в колхозе заработали 20 кг ржи и мешков 5 картошки! Тётя Наташа писала, что они кошку возьмут пока к себе. До свидания. Крепко тебя целую. Игорь. Пиши.

1/XII.

Милый Серёжа!

Сегодня получили от тебя открытку из Свердловска от 11-го. Как мы долго не имеем от тебя известий! Одновременно получили от Наташи и Кати. У Наташи — сын Алексей. Родила она 5-го ноября в тяжёлой обстановке, и сами роды были мучительные и длительные. Теперь понемногу оправляется. Сидят дома и никуда не уходят. Сын здоровый, просит много есть, но молока у неё мало. Катя была на трудовом фронте недолго, теперь живёт у себя, там почти никого не осталось, кроме неё и ещё одного вселённого жильца.

Александр Александрович собирается съездить в Кусково, но думает, что квартиру там заняли. За Варину квартиру они платят. А как у нас с платой? В прошлом письме я об этом тебя спрашивала.

Мы живём по-старому, никаких изменений нет. Сегодня я сделала одно приобретение, правда, мало удачное: купила себе валенки у сапожника, но какие валенки! Подшитые, с целым рядом заплат, а главное тесноватые, заплатила 60 рублей. Здесь их, т. е. валенок, не достанешь теперь и приходится брать, что есть. Думаю, что они разносятся, а что некрасивые, так на меня некому смотреть. Кроме того, мы купили овечьей шерсти на 100 рублей, здесь её спрядут (нашли такую старуху) и свяжут нам шерстяные, тёплые носки. Если купить валенки, то нужно идти в Данилов, возможно, что я с мамой как-нибудь и соберусь туда. Ей нужно лекарство от подагры, а потом хочет повидать Надю[B]. Шуру и Володю взяли, как я уже писала.

[A] Далее письмо написано рукой Игоря Дмитриева.

[B] Имеется в виду Надежда Юматова — жена брата О.А. Дмитриевой Александра Алексеевича Юматова, мать их сына Владимира.

Сегодня исключительно скверная погода: и холодно, и ураганный леденящий ветер, поэтому в колхозе не работали. Большую часть дня разбирали купленную шерсть, она свалялась, а часть дня потратила на дрова. Топим хорошо, но уж очень ветрено и всё выдувает.

Вот наша жизнь. Как видишь, жить можно, так что о нас не беспокойся, мы в более или менее благоприятной обстановке, а вот ты — другое дело. Едешь в чужое место, нет у тебя, наверное, самого необходимого, холодно и голодно тебе, да и денег мало. О тебе всё время тревожишься и думаешь. Ты, Серёженька, устраивайся сам, как тебе лучше, может одному и легче прожить, а мы, если будет возможность и ты напишешь, приедем. Только, конечно, это очень трудно. Бабушка с нами не поедет, одна тоже не останется, а или в Данилов к Шуре поедет, или будет перебираться к Насте, так что нас останется трое.

Оставляю место бабане. Целую тебя. Лёля.

P.S. Сергею Васильевичу послали 100 рублей переводом[A].

Дорогой мой Серёженька! Это письмо ты получишь тогда, когда приедешь на место своего дальнего путешествия и, наконец, вздохнёшь полною грудью. Я знаю, что такая дорога должна тебя сильно утомить. Наверно, всего натерпелся и холода, и неудобств. Как бы мне хотелось быть возле тебя, чтобы облегчить чем могу твою жизнь. Мне очень прискорбно, что ты в чужой семье. Но потерпи немножко. Бог даст, весною мы встретимся, только бы силы хватило добраться к тебе. О нас, родной мой, не горюй. Мы живы и здоровы и желаем одного, чтобы тебе было бы получше. Многие мысли приходят в голову, а главное боюсь, что ты терпишь всякие лишения и даже не могу написать тебе, чтобы ты себя берёг, так как не знаю, есть у тебя лишние деньги? Прошу тебя, будешь писать, пиши всё подробно, как твоё путешествие, т. п. всё остальное. Как устроишься, больше думай не о нас, а о себе, чтобы тебе было и посытней, и потеплей. Все ведь твои вещи остались по разным местам, а как бы они теперь были бы тебе нужны. Наверно, ты пообносился в дороге и сменить тебе нечего, так как думаю захватил всего очень мало. Напиши, можно ли достать у вас в Барнауле что-либо из одёжи, белья и носок. Наверно, всё расхудилось[B]. Пиши, нужны[C] ли деньги и сколько прислать, и как лучше послать почтой или телеграфом. Папа и все остальные живы и здоровы. Целую крепко. Твоя мама.

[A] Далее текст письма написан рукой А.Н. Дмитриевой.

[B] Так в подлиннике.

[C] Конец письма, начиная от слова «нужны», написан на левом поле четвёртой страницы.

4/XII.

Дорогой Серёженька!

Сегодня у нас была почта, но от тебя ничего не было. Пришло письмо от Вари. Она с Настей[A] живут хорошо, и сытно, и тепло. Варя хозяйничает, а Настя вовсю работает. Маме они посылают деньги. У них всё тихо и спокойно.

Возможно, что, если бы мы там жили, то было бы лучше. Там есть и базары. Здесь же с продовольствием становится хуже, так как ничего нельзя достать, кроме хлеба, который нам дают. Хорошо, что у нас есть картошка, но в целом всё же жить можно, пока ещё, с трудом, правда, достаём молоко. Коров в большинстве случаев в это время уже перестают доить.

Последние дни стоит сильно холодная погода, позавчера шёл снег, поэтому на работу не ходим, а занимаемся домашними делами. Вчера, например, целый день шла подготовка к бане, носили воды, топили котёл и плиту. Сожгли, можно сказать, уйму дров, но в кухне всё же было холодно, там из всех щелей дует. Мы трое мылись в печке, там даже жарко, а вот Анна Николаевна ни за что не соглашается туда лезть, даже попробовать не хочет, поэтому дрогла внизу. Игорь и то привык, ему там нравится, и он с трудом оттуда вылезает. Сегодня тоже занимались домашними делами, стиркой да полосканием, а, главным образом, колкой и пилением дров.

Сейчас вечером вот пишу письмо, Игорь что-то читает, а обе бабушки лежат и отдыхают.

Так идёт наша жизнь.

Но чтобы ни делами, всё время неотвязно думаешь о тебе, как ты и что ты. Если бы знать, что тебе сносно жить, что ты благополучно приехал и находишься в тепле, то было бы легче, но вот этого-то и нет, да и не может быть. Теперь от тебя письма не дождёшься скоро, так как ты всё время удаляешься, и помочь тебе поэтому нельзя. Всё это очень мучит. Ты видишь из наших писем, что за наше житьё-бытьё тебе тревожиться нечего. Так что тебе нужно только думать о себе. Если тебе не удастся устроиться с квартирой для всех, то может быть удастся одному, так ты и планируй, как тебе удобней. Одним словом, выходи из своих интересов. Конечно, вместе жить гораздо удобней для всех, но как соединиться нам, придётся может и зимовать врозь. Ведь, вот, прежде, чем мы спишемся, пройдёт очень большой срок, а там ещё доехать нужно.

Жалею теперь очень, что тогда уехали из Москвы, беру всю вину на себя, надо было бы вместе переносить все трудности и может теперь были бы вместе.

[A] Имеются в виду сестры О.А. Дмитриевой Варвара Алексеевна Юматова и Анастасия Алексеевна Духовницкая, проживавшие в деревне Некрасово Ярославской области.

Это была моя ошибка, думалось, что всё кончится раньше. Вот мы, например, и валенок не взяли, не рассчитывали на зиму, хотя ведь зимнее пальто есть. Тебя за это время много раз видела во сне, но отчётливо уже не представляю, голос помню. Давно, давно не видались, тоскливо становится на душе. Когда ложусь спать, всегда говорю спокойной ночи тебе, целую тебя и представляю себе, что ты со мной.

Так и засыпаю с мыслями о тебе и просыпаюсь также. Спать нам всем тепло и удобно. У меня, например, два одеяла, неказистые, правда, но тёплые и чистые, были они здесь. У Игоря наше тёплое одеяло, у Анны Николаевны тоже.

Кончаю писать. Теперь почта у нас нескоро будет, надо терпеливо ждать писем. До свидания, мой родной, любимый Серёжа.

Крепко тебя целую. Лёля.

16/XII.

1-е получено 2/I.1942. С.Д.[A]

Милый Серёженька!

Вчера тебе послали телеграмму и письмо, писанное Анной Николаевной. Досадно, что ты наши письма не получал и не получишь, а мы тебе писали так же аккуратно сначала на Киров, а потом на Барнаул. Туда же я написала и самой Зайончковской с просьбой сообщить мне о тебе. Николаю Леонидовичу писала, от него получила письмо, шедшее 1½ месяца. Так много надо тебе сказать, так как ты от нас ничего не получал, что не знаю, с чего и начать.

Наша жизнь идёт по-прежнему, без особых изменений. Как были вчетвером, там и живём. Хотели меня взять на трудовой фронт, но по болезни Игоря и моей пока освободили.

Ты всё пишешь о Шуре, что он нам может помочь при посадке, так имей в виду, что его уже давно взяли в Красную Армию, как и Волю, про Алю[B] ничего не знаем, о нём давно нет известий. Да, если бы Шура и был здесь, помочь он нам ни в чём бы не смог. Стало холодно, градусов до 30° доходит, снежные заносы начались, зима даёт себя знать, и у нас вместо тепла дома очень прохладно. С кухней мы расстались, натопить её нет возможности, и дров нужно много. Наверху удалось устроить времянку — кирпичную печурку с трубами, топим её и лежанку. Пожалуй, стало лучше, хотя к утру выдувает.

В колхозе работаем, я хожу на молотилку, где трактором молотят рожь на открытом воздухе, а Анна Николаевна иногда вяжет снопы изо льна в закрытом помещении. Молотьба ещё не кончилась, всякие другие дела отвлекают всех,

[A] Эта фраза вписана другими чернилами рукой С.С. Дмитриева.

[B] Имеется в виду брат О.А. Дмитриевой Алфей Алексеевич Юматов.

другие повинности. Вчера я ходила в Пречистое (первый раз) — 12 вёрст, туда шла с двумя спутницами, а обратно одна. Они остались там ночевать. Пришла — уже было темно, и холод сильный. Сегодня чувствую себя неважно, ломит спину и кашель. Вызывали эвакуированных, но нас совершенно напрасно, только семьи военных нужно было, так что прогулялись даром. Впрочем, я не особенно жалею, теперь знаю туда дорогу, по воскресеньям там базары, может быть, придётся и прогуляться когда-нибудь.

Здесь нечего купить, стало много хуже, чем вначале. По-прежнему у меня главная забота о дровах. За 15 рублей нам сделали санки, ещё их не использовали.

Очень жалею, Серёжа, и это моя вина, что тогда уехали из Кускова, были бы вместе, и ты бы не уехал так далеко, но теперь ничего не поправишь. Придётся сидеть на месте, выехать нам отсюда, наверное, не удастся по многим причинам, да, может быть, и нет смысла уезжать так далеко от родных мест.

Я не знаю, при какой ты обстановке уехал из Кускова. Заявил ли ты музею об отъезде, заплатил ли за квартиру и останется ли она за нами. Задаю я и Наташе эти вопросы, прошу её съездить туда и посмотреть, что делается.

Александр Александрович ездил раза два, как она нам написала, взял кой-какие вещи к себе, боится, что квартиру возьмут.

Напиши мне об этом свои соображения, я ближе тебя к дому, при первой возможности постараюсь поехать туда. Не оставляю этой надежды.

Наташа, Катя и Нина[A] все на своих местах, пока у них всё благополучно. Очень хочется с тобой поговорить обо всём, посоветоваться, помочь тебе, но приходится только терпеть.

Представляю себе, как ты живёшь, как тебе трудно одному, особенно трудно с бельём, которого, наверное, у тебя нет, да и со всем остальным. Одному только радуюсь, что ты купил валенки, по крайней мере ноги в тепле, вот у нас нет. Купила я себе у одного подшивальщика старые-престарые, да ещё притом и маленькие за 60 рублей, они тесны и плохо греют.

Хорошо бы скорей наладилась с тобой связь. Почта у нас ходит через 4 дня. Сегодня была, но писем ни от кого не было, это довольно редкое явление. На какой же адрес тебе лучше писать? Предпочитаю на институт. Очень плохие конверты, лучших нет.

Крепко тебя целую. Лёля.

[A] Имеются в виду сестры О.А. Дмитриевой Наталья Алексеевна Эгерт, Екатерина Алексеевна Четверухина и Нина Алексеевна Журавлёва.

17/XII-1941 г.

Дорогой папа!

Вот уже 2 месяца, как ты уехал из дому и не получал писем. Теперь уже, наверное, ты получил их. Последнее письмо от тебя было от 25/XI, получили мы его через 17 дней. Мы живём по-старому. Никаких особенных перемен у нас не было. Теперь мы уже не живём в кухне. Там очень холодно, а, чтобы её отапливать, нужно много дров. Раньше мы думали жить в кухне и сделали из неё наверх лестницу с люком. А теперь лестница нам нужна, в кухню ходим редко. Моемся мы раз в 2 недели. До сих пор мылись в кухне. Я, мама и бабушка лазали в печку, а бабаня не хочет. Теперь будем, наверно, мыться наверху. Мама и бабаня ходят в колхоз на работу. Сейчас они молотят рожь на молотилке. За трудодни им выдали ржи (по 1 кг за трудодень). Недавно выдали 2 пуда, да раньше выдали ещё 20 кг. Теперь эту рожь не знаем, где смолоть. До мельницы 12 км. Бабушка иногда ходит к соседям и на ручной меленке немножко мелет. Из муки по воскресеньям печём пироги с капустой и с картошкой. Картошки у нас есть пудов 6. Её мама и бабаня заработали в колхозе. Хлеба нам дают по-прежнему по 600 гр.

Самая главная забота у нас — это дрова. Недавно мы сделали наверху маленькую печку с трубой. Да ещё наверху есть лежанка. Русскую печку в кухне не топим. За дровами ездили вверх по реке и брали бревна, которые нанесло туда во время половодья. Сейчас их уже все перевезли. Теперь ходим в лес и пилим упавшие ёлки и сосны, которых там много. Кряжи скатываем с горы на речку и на санках (сделали бабушке за 15 рублей) возим к дому. Там мама их колет. В школу я не хожу, очень далеко и много снега. Мама мне задаёт уроки по учебникам. Газету мы берём в сельсовете. Там бывает только «Северный рабочий». Почта ходит раз в 4 дня, так что сразу приходят 3–4 номера. Сейчас я с бабушкой пойдём в соседнюю деревню покупать огурцы и капусту. Мама ушла на молотилку, а бабаня остаётся дома. Молока мы достаём по 1 по 2 крынки в день за 3 рубля крынка. До свиданья.

Крепко тебя целую и обнимаю. Игорь.

Поклон от бабушки.

Милый и дорогой Серёженька, поздравляю я и также все наши с Новым Годом и желаем тебе всего хорошего. Любящая С. Юматова[A].

[A] Последний абзац написан на свободном верхнем поле второй страницы письма рукой С.Г. Юматовой.

Ильинское. 19/XII-41 г.[A]

З-е получено 5/I.42 г. в Сталинске[B].

С Новым Годом! Дорогой милый Серёжа! Желаю тебе здоровья и благополучия в Новом Году. Я тебе уже послала письмо с поздравлением, но так как письма не всегда доходят, то пишу вторично. От тебя из Сталинска было письмо от 25/XI и пока больше писем от тебя не было. Хотя за это время прошли две почты. Получивши твоё заказное письмо, мы тебе послали телеграмму-молнию, не знаю, дошла ли она до тебя. От наших тоже последнюю открытку от Папки получили в один день с твоим письмом, она писана 30/XI. У них, он пишет, всё благополучно. Но очень расстраивается твоим отъездом в такую даль. Когда ты получишь моё письмо, Серёжа, то прошу ответить на все мои вопросы. Во-первых, как у тебя обстоит дело с деньгами, есть ли у тебя деньги? И не нужно ли тебе послать? Напиши, сколько и как их тебе прислать, по почте или по телеграфу, так как по почте, наверно, очень долго пройдёт. Мы со дня нашего отъезда дотрачиваем третью пачку. Кроме тех, что были у Лёли в расходе. У нас жизнь тоже с каждым днём дорожает, а питание всё делается плоше, но это, по-видимому, явление общее. Меня интересует знать, получил ли ты свинину? Можно ли у вас получать молоко, и, если только можно, то постарайся его доставать, если[C] пиво, которое ты так любишь. Хотелось бы на тебя посмотреть, как ты теперь выглядишь, наверно, похудел. Какие у вас магазины и что в них есть, можно ли там тебе купить что-нибудь из белья. Например, верхних сорочек, так как их у тебя мало. Моё письмо состоит почти всё из вопросов. Но что же поделаешь, когда мы так далеко друг от друга. Что тебе написать о нашей жизни? Я тебе уж много раз писала, но ты письма наши не получаешь с самого Кускова, поэтому ничего о нас и не знаешь. Мы всё ещё продолжаем работать в колхозе, несмотря что зима, всё ещё молотим. Вчера сделали покупку, просто сказать и смешно, и страшно, купили коровий ливер весом 20 кило 40 гр., по 25 рублей кило, 35 рублей уступили, заплатили за весь 475 рублей. Вот такая покупка, очень уж дорого, денег много, но нечего не поделаешь, есть нужно, нет никаких жиров, как уехали из дома. Купили в Ярославле в очереди все вместе ½ кило русского масла, да из дома было ½ кило подсолнечного, вот больше нигде и не купишь ливер этот жирный, есть значит в нём печёнка, лёгкое, сердце и сало. Думаем и поварим, и пожарим на второе с картошкой. Свинина стоит рублей 45–50 кило, но купить можно только в Данилове, а туда

[A] Письмо А.Н. Дмитриевой.

[B] Приписка, сделанная рукой С.С. Дмитриева.

[C] А.Н. Дмитриева именно так писала «есть ли»: «если», это характерная для её писем особенность.

нужно идти пешком 20 вёрст туда, да обратно столько же. Картофели[A] у нас ещё есть мешка 2½. Ржи получили авансом из колхоза по 15/XI всего 57 кило. Может быть ты это всё уже знаешь, окончательный расчёт с колхозом будет в январе, думаем получим ещё пуда два, а может и побольше. Как только дополучим рожь, поедем на мельницу молоть. Сегодня по-старому праздник Николин день: но прошёл он у нас непразднично. Во-первых, устроили мытье, я ходила на работу, а Лёля хлопотала насчёт дров и воды, после обеда Лёля вымыла Игоря, потом мылась сама, и Серафима Галактионовна и я мылись после работы. Помывшись, пили чай наверху, истопили времянку, в комнате тепло. Вот только тебя нет с нами, и это очень тоскливо.

Дорогой Серёжа, так как у нас скоро наступит бумажный кризис, то просим тебя писать нам каждый день, как из Кускова, простые письма не заказные, они тоже доходят, пиши помельче на одном листочке, а другой посылай нам чистый, мы будем тебе отвечать. От тёти Кати писем не получали давно. Не знаю, как они там. Из Ярославля от Екатерины Леонтьевны, и Симы[B], как уехали из Ярославля писем не было, им я послала за это время три письма, но они, кажется, тоже куда-то эвакуированы вместе с заводом. Ну вот пока и всё. Ты, Серёжа, пишешь, что мне к тебе будет трудно добраться, как же тогда быть? Ведь я же хочу тебя видеть, я так о тебе стосковалась и изболела душой. Вот может будет теплее, тогда приедем все, о нас не беспокойся, устраивай лучше свою жизнь. Боюсь, что тебе голодно. Ну до свидания, мой дорогой родной Серёжа. Пусть хранит тебя Господь! Целуем крепко. Твоя Мама, Лёля, Гога.

Шлю тебе привет от отца, Лены и её семьи. Ждём с нетерпением писем.

20/XII.

Скоро конец этого 41-го года, жду с нетерпением 42-го, милый друг мой Серёжа. Поздравляю тебя с ним. Каждый год встречали мы вместе, так что тяжело теперь будет, надо только крепиться, может быть, скоро соединимся.

Хочется тебя увидеть и крепко-крепко обнять, прижаться, и всё тогда забудется. Нам живётся пока довольно хорошо, сыты и в тепле. Хотя стоят сильные холода, но у нас теперь тепло, дров не жалеем, топим печурку-времянку. Работаем все много, но днём, а вечера свободные, сидим часов до 9–10, каждый занят своим делом. Керосин есть, выдали недавно, без огня, вообще, ещё не сидели. Так что в целом жить можно, вот только душа болит за тебя, как ты там один живёшь и ничего-то у тебя нет. Только и думаешь об этом. За последнее

[A] Здесь и далее так в подлиннике, слово «картофель» употребляется в женском роде.
[B] Имеется в виду Серафима Сергеевна Новожилова.

время не было ни от кого писем, давно не писали и из Ярославля. Раньше Наташа писала, что её малютка немного побаливает, родился около 8 фунтов, а потом стал худеть. Никуда они из дома не выходят, полагаются на судьбу, так и многие делают. Катя писала, что она в квартире живёт одна, остальные выехали, но потом вселили одного жильца. Наверное, у неё холодно. Но эти письма уже были давно.

Николай Леонидович тоже не пишет больше.

Теперь мы экономим бумагу, она на исходе. Пиши нам чаще, как раньше, а то было от тебя одного письмо, а больше нет, и в письме оставляй один листок чистым для обратного ответа. У тебя, наверное, нет бумажного кризиса.

Так же буду писать и другим. Пока не будет налажена с тобой связь, до тех пор, как-то не пишется, думается всё впустую. Придут ли к тебе из Кирова, туда адресовали Каблуновскому[A].

Ждём с нетерпением от тебя, мой дорогой. Целую крепко. Лёля.

22/XII.

Дорогой Сергей (начала писать Сергей Васильевич) это по ошибке, только что ему заклеила письмо. Сегодня у нас была большая почта: от Сергея Васильевича, Лены, Наташи, Мощанской[B] и от тебя открытка, к сожалению, более ранняя из Новосибирска. Мы очень мало знаем о тебе и об обстоятельствах, вынудивших тебя так спешно уехать, даже не захватив нужных вещей. Я не знаю, заявил ли ты музею об отъезде и как у тебя с квартирой. Наташа пишет следующее: два раза туда ездил Александр Александрович и взял кой-какие вещи, недавно поехала Катя с Толей Журавлёвым[C]. Домой их не пустили, квартира запечатана, вещи, сказали, переписаны, им выдать могут только по доверенности. Видели они какую-то сторожиху, которая им сказала, что вещи не пропадут, а вот квартира улыбнулась. Платил ли ты за квартиру или нет и вперёд нужно ли? В связи с нашими победами мы подумываем и о доме. Сейчас же пишу Сергею Васильевичу с просьбой посоветовать нам, как поступить в таком случае, пишу и Филинкову. Анна Николаевна уже писала ему один раз, но он ничего пока не ответил, там ли он или нет, мы ничего не знаем. Как-то Сергей Васильевич писал, что он получил от него письмо, что за нашей квартирой он присматривает, значит, ты дал ему его адрес и значит, у вас был разговор по

[A] Так в подлиннике. Правильно: Клабуновский (Клобуновский).

[B] Имеется в виду сестра тёщи С.С. Дмитриева С.Г. Юматовой — Анастасия Галактионовна Мощанская.

[C] Имеется в виду сын сестры О.А. Юматовой Нины Алексеевны Журавлёвой — Анатолий Михайлович Журавлёв. (См. письмо А.Н. Дмитриевой от 31 декабря 1941 г.)

этому поводу. Напиши, Серёжа, обо всех этих делах поподробней, так как мы ничего не знаем и будем действовать вслепую. Может быть, нужно какое-нибудь заявление написать музею, может быть, плату за квартиру внести? Мы живём по-прежнему, Игорь не учится. К тебе ехать трудно, даже немыслимо. Постарайся не закрепляться крепко там, чтобы вернуться обратно. Николай Леонидович написал, что все мы должны скоро свидеться на прежних местах. К этому нужно стремиться. Из Горького пишет тётя Настя[A], что ты очень о нас беспокоишься, будь спокоен, нам хорошо, лишь бы ты уцелел и всё тогда будет хорошо. Все мы совершили ряд ошибок: не надо бы трогаться с места, ну что же делать? Скорей бы, скорей от тебя получить. Крепись, Серёженька, все трудности надо преодолеть и снова соединиться нам всем, мой ненаглядный. Лёля.

24/XII.

Мы были несказанно рады сегодня, милый друг Серёжа, твоему письму от 11-го, рады, что ты получил новую тёплую комнату и понемногу стал устраиваться, рады, что ты по-человечески живёшь, хотя и трудно тебе. Что же тебе сказать о нашем приезде к тебе? В предыдущих письмах уже писали свои соображения и теперь вкратце повторю. В связи с нашими победами нет, пожалуй, никакого смысла нам забиваться так далеко, тебе одному легче будет вернуться обратно и притом налегке, а мы сами сейчас подумываем о Кускове. Только оно, кажется, нам улыбнулось, так по крайней мере пишет Наташа. Я писала уже, что их не пустили в квартиру, которая запечатана, а вещи все переписаны. Может быть, ты от себя напишешь музею заявление, или нужно за квартиру заплатить — переслать им? Вот не знаю, как тут лучше поступить, посоветуйся с юристом и скажи нам свои соображения. Я боюсь напортить. За какое время ты заплатил за квартиру? В Москве сейчас более или менее спокойно и жить можно. Вот только ещё нас не пропускают туда. Ты, Серёжа, не закрепляйся там крепко, лучше бы даже раньше конца учебного года уехать, если бы можно. Я твёрдо верю в нашу близкую победу и как Николай Леонидович думаю, что мы скоро должны встретиться на прежнем месте. Только бы нам как-нибудь квартиру спасти, хотя бы, если не эту, так другую-то нам должны дать, как ты думаешь? У нас сейчас и почта налаживается: раньше письма ходили через 4 дня, теперь будут через день, поезда стали, как видишь, ходить чаще. Почему-то вот от Николая Леонидовича письма идут долго, впрочем, я от него получила только

[A] Имеется в виду тётка О.А. Дмитриевой по материнской линии Анастасия Галактионовна Мощанская.

открытку одну и письмо. Ему же написала 3 письма и ещё собираюсь. Буду с ним советоваться о возвращении в Москву и о квартире. Наше житьё-бытьё прежнее, держимся крепко и работаем также. Я немного простудилась и кашляю, а всё остальное в порядке, ничем не больны больше, только похудели сильно.

Пиши чаще. Целую, мой ненаглядный Серёженька. Лёля.

Что же Зайончковский разошёлся с женой? Может быть ты с ним будешь жить? Вместе было бы лучше, и в Москву вернулись бы обратно. Правда, Серёжа, подумай.

Ильинское. 25/XII-41 г.

Дорогой милый Серёжа!

Наконец после долгого перерыва вздохнулось свободней, ты приехал, слава Богу жив и здоров, и устроился более или менее хорошо. Теперь, Серёжинька, тебе бы неплохо было устроиться получше с питанием. Нельзя ли тебе столоваться там, где ты живёшь? Это было бы удобно во всех отношениях; во-первых, не ходить в другое место, а во-вторых, я думаю тут и столуются получше, так как по-видимому семья интеллигентная, есть и домработница, лучше платить дороже, тогда о тебе станут заботиться, связываться тебе с готовкой очень сложно, это хорошо, если есть свой человек, который будет беречь твоё добро, иначе всегда будет всё прилипать к рукам. Как у тебя получилось со свининой? Привезли ли её и досталось ли тебе? Ты что-то этот раз ничего не написал. Затем, Серёженька, что же делать тебе с верхними сорочками. Ты пишешь, что по твоей бедности твоя хозяйка дала тебе временно новую вышитую рубашку, это хорошо. Но одна рубашка тебя не устроит, постарайся где-нибудь, если можно, купить, вообще попроси свою хозяйку. Она ведь, наверно, живёт там давно и как женщина более во всё входит и всё знает. Затем наладь дело с молоком. Мы теперь не имеем чаю, но пьём кипяток с молоком. Мы тебе уже много раз писали, если нужны деньги, то пришлём. Напиши сколько и как их послать. Не знаю, Серёжа, что тебе написать о приезде Лёли и Гоги, не говоря уже обо мне. Понятно, было бы очень хорошо вам соединиться, и тебе б легче и веселей, и ей тоже. Но сам знаешь, как трудно всё это привести в исполнение, ехать им налегке, как ехал ты, нельзя, а везти весь багаж твой, Гоги и её слишком сложно, да почти что и невозможно; во-первых, он свяжет им руки, да во-вторых его и не довезти, далеко ли мы ехали до Ярославля и было нас трое и то чуть-чуть не лишились, если не всего багажа, то его половины. Я тебе не писала об этом, так как кончилось всё благополучно. Подъезжая к Ярославлю, нас провезли мимо и сбросили на станции Приволжье, это было в 11 часов вечера, высадили под откос со всем багажом в течение 3 минут, так что получился целый

[хаос], и, если бы не энергия Лёли, то половина багажа пропала бы, так как был не только наш багаж, а и многих других, в том числе и Кати с Варей. Так и ночевали на улице со всем багажом. Не забудь, что это было летом, а теперь зима. И нас было своих трое, что касается Игоря, то он помощник плохой. Вот всё вместе взятое и пугает, не знаю, как ехал ты, велик ли был у тебя запас провианта. А им нужно его не мало, одного хлеба нужно сколько на такой дальний путь, а как же с остальным? Поэтому, Серёжинька, лучше тебе потерпеть и приехать к нам, чем нам всем лишиться тебя. Папка тоже того же мнения, он нам про это писал. Кажется, писал и тебе, но письма наши и его ты ещё не получил. Ну ладно довольно, ещё не раз придётся писать по этому поводу. Поэтому на сей раз закончим. У нас пока всё тихо, в связи с победами на всех фронтах мы воспрянули духом и надеемся в недалёком будущем быть снова всем вместе. Только ты, Серёженька, сильно не закрепляйся там. Пиши нам чаще и подробнее, мы тебе будем отвечать аккуратно. Что касается Кускова, Лёля тебе уже писала. Посоветуйся у себя с юристом, имеют ли они право лишить нас жилплощади. Крепко тебя целуем. Напиши о городе, есть ли там театр. Напиши, как зовут твою хозяйку. Будь здоров и благополучен, да хранит тебя Бог. Твоя мама, Лёля.

29/XII.

Скоро конец 41-му году, мы встречать новый будем не вместе, как бы хотелось хоть на минуточку тебя увидеть. От тебя уже давно не было письма, сегодня была только открытка от Нины и записка от Нади из Данилова. Нина пишет, что у них стало лучше, спокойнее, никуда они не собираются, ребята учатся, а они работают. Надя прислала маме лекарство и записку с попутчицей. Пишет, что Шура сейчас находится в Горьком, был у Мощанских. Его определили писарем при штабе, живёт сносно. Вчера мы написали Фире (не знаем, там ли она или нет) и просили её поразведать о нашей квартире. Перед этим писали и Филинкову о том же. Я узнавала через одну гражданку, которая ходила специально в Данилов для этого, о том, когда можно будет вернуться обратно в Москву, ей сказали, что не раньше весны, а пока не разрешается. При первой возможности я думаю пробраться туда. Об этом уже я тебе писала, скоро ли ты получишь наши письма с этими вопросами и скоро ли мы получим ответ? Мы живём по-прежнему, никаких изменений нет, только холода дают себя знать, приходится больше топить и поэтому больше заготовлять дров. Все мы поустали немножко, нервничаем часто из-за недостатка того или другого, ничего здесь больше не дают, кроме хлеба, но ничего не поделаешь. Всё время думаю о тебе, ну буквально день и ночь, даже спать стала хуже из-за этого, как-то ты

один живёшь и ничего не имеешь. Только всё время себя сдерживаю, креплюсь. Газеты приходят теперь через день, Игорь приносит из сельсовета на ночь, и мы вслух читаем, с ним мы обсуждаем все события, смотрим на карте, радуемся нашему продвижению.

Пишу только один листок, лучше почаще, да меньше, бумаги жалеем.

Пиши также, каждое твоё письмо утешение.

Целую тебя. Лёля.

Ильинское. 31/XII-41 г. 9 ч. вечера.

Дорогой милый Серёжа!

Пишу тебе последнее письмо в этом году. Скоро наступит Новый Год! Дай Бог в Новом Году, чтобы всё было бы хорошо и всем бы нам соединиться в своём старом месте. От тебя из Сталинска получено 3 заказных письма от 25/XI–9/XI и 10–10/XII, одна открытка от 23-го/XI. Получили мы обратно свои заказные письма из Кускова, посланные тебе ещё в октябре, с пометкой, что адресат выбыл неизвестно куда. Серёжа, напиши нам, как ты уехал из дома? Заявил ли ты там о своём отъезде? И сохранится ли за нами жилплощадь? Как-нибудь нужно устроить, чтоб наша квартира не пропала, а также наши вещи. Ездили туда недавно Катя и Толя Журавлёв, но в квартиру они не попали. Квартира запечатана, и вещи можно получить только, имея на руках доверенность, так им сказала какая-то сторожиха. Как теперь быть с этим? Без тебя мы положительно не знаем, что делать, главное не знаем, по какое время уплачено за квартиру. Быть может нужно им уплатить, чтоб иметь право на квартиру. Но если они не захотят получать квартплату, то быть может какими-нибудь окольными путями можно им уплатить, помнишь, как-то платили в депозит. Вообще нужно бы посоветоваться с юристом, может быть ты это сделаешь сам. Может быть ты им сам напишешь по этому поводу. Дескать, я был спешно эвакуирован, и не мог договориться с вами. Квартиру же считаю за собою. Вообще как-нибудь нужно выкручиваться из создавшегося положения. Ведь нажито всё большими трудами, и потерять всё очень жалко, поэтому нужно приложить всё старание, чтоб удержать за собой квартиру. Лёля хотела бы поехать в Москву, но боится без твоего согласия решиться. Видишь, Серёжинька, если бы ты меня тогда послушал, было бы много лучше; я уверена, что ты бы не уехал, и Лёля с Игорем давно бы вернулись обратно. Теперь, как говорится, близок локоть, да не укусишь. Я тебя не упрекаю, понятно, ты не сердись на это, только ведь всем плохо. Что теперь вот делать? Лёле к тебе добраться очень трудно с Игорем и багажом. Почему ты сам поехал порожним? Даже не захватил необходимых для тебя вещей, хотя бы сменный костюм и драповое пальто, не говоря о подушке и

одеяле, как ты будешь теперь дальше я не знаю, в чем станешь ходить? Не всё ведь будет зима. У нас, Серёжа, всё спокойно и тихо, думаем, в связи с нашими победами Лёле и Игорю погодить ехать в такую даль (поспешишь — людей насмешишь), да и выбраться пока что очень трудно, стоят большие морозы, валенок у нас всё ещё нет, купить их нужно тоже за большие деньги, трое валенок будут стоить, пожалуй, тысчонку, но здесь их нет и за эту цену, нужно идти за ними хотя бы в Данилов, но идти далеко, одна Лёля не решается, а мне или Серафиме Галактионовне идти 20 вёрст туда и 20 обратно, трудно, да и неизвестно, купишь ли, а там так вот всё пока и тянется. Лёля купила себе здесь подшитые худенькие за 60 рублей, а мне и Игорю ничего не нашлось. Что тебе ещё написать о нашем житье-бытье, живётся так себе, с продуктами неважно, ничего не получаем, кроме хлеба. От наших писем не было давно, в последнем письме от 20/XII Папка и Лена писали, что у них всё хорошо и спокойно, и пока к нам ехать не собираются. Лёня и Лена работают, детки здоровы. Да и приехать к нам им теперь не интересно, так как здесь не хотят продавать из продуктов, даже картошки не продают. Пока что подъедаем которую заработали в колхозе. Возвращаюсь обратно к животрепещущему вопросу. Напиши насчёт Кускова, как нам удержать квартиру? Нужно ли Лёле съездить в Москву? И что там предпринять? Куда нужно обратиться, если они квартиру не оставят за нами? Пусть если не эту квартиру, то другую какую, но дали бы нам. Я думаю, что ты сам тоже не станешь заживаться без надобности в Сталинске, так как там жить трудно и дорого, и как только явится возможность вернёшься к нам в родные края. Пока же, Серёженька, постарайся жизнь свою устроить по возможности лучше, не тоскуй, ничего этим не поможешь. Я очень рада, что ты доехал благополучно, хотя, наверно, немало настрадался в пути, но хоть тепло-то у тебя, и то слава Богу, держись своей комнаты. Вот только бы ещё наладить тебе питание. Да с бельишком как же быть, теперь с рубашками, можно ли купить их у вас? Ну пока, кончаю. Игорь просил оставить ему местечко. Лёля, Игорь и Серафима Галактионовна пошли спать, не стали встречать Новый год, а я села писать тебе, мой родной! Крепко целую. Пусть тебя Хранит Господь! Для всех нас. Твоя Мама[A].

1/I-42.

Дорогой папа!

Наконец-то ты стал получать наши письма. Последнее письмо от тебя было от 10–11/XI. Мы живём, как и жили, никаких перемен у нас нет. У нас стоят сейчас большие морозы, градусов, наверно, в 40. Последние дни мама и бабаня

[A] Далее письмо написано рукой Игоря Дмитриева.

в колхоз на работу не ходят из-за морозов. Главная наша сейчас забота — это дрова. У нас две печки — одна маленькая, которую недавно сделали, и лежанка, в кухне не топим. Всё время горит какая-нибудь печка. На маленькой готовим обед. В комнатах, после того, как поставили маленькую печку, тепло, но по утрам бывает холодно. Сегодня за дровами в лес вверх по реке ездили 2 раза: раз мама и бабушка, раз я и мама. Привезли 2 толстых кряжа. В кухне мы не живём, и там холодно. Там стоят ульи, теперь им очень холодно, пчёлы верещат. Сейчас хотим перенести их к соседям в подвал, где они стояли прошлые годы. Сейчас у нас пекутся пироги с капустой и со сметаной. До свидания. Крепко тебя целую. Игорь.

2/I-42 г.

Дорогой Серёжа!

Сегодня получили от тебя открытку от 2/XII. Ровно месяц шла, она уже устаревшая для нас в смысле известий. Посылаю тебе листок из Катиного письма. Мы получили его от Насти, там касается нас. Непосредственно нам Катя не писала, а только Наташа.

Все мои мысли, а также и нас всех, живущих здесь, направлены в сторону Кускова. Как быть и что сделать, чтобы сохранить квартиру и вещи? Катя ещё, между прочим, пишет и о Вариной квартире. Там всё в порядке. Соседи живут на прежних местах (Ив. Ив. и Д.С.), за квартиру Наташа платит аккуратно и делает такое заключение, что кто платит, у тех не возьмут комнату. Советует не терять эвакуационного листа, может быть, недолго ждать встречи. У нас, как ты знаешь, есть такой лист и также справки от музея, что за нами числится жилплощадь, помнишь ты нам их послал? Но ведь площадь-то числится за тобой, а есть ли у тебя у самого что-нибудь? Хорошо, если бы ты что-нибудь там на месте достал, ведь известно, что ты эвакуировался с университетом, но есть ли у тебя документ? Я чувствую себя беспомощной в этом отношении, заочно что-нибудь очень трудно сделать, а делать нужно и как можно быстрей. Нельзя же нам оставаться здесь вечно, письма я всем написала, но ответа пока нет. За квартиру бы заплатить нужно, но примет ли музей, например, у Наташи или у Кати деньги, или нужно им доверенность на это? Чувствую, что писать тебе об этом почти бесполезно, до тебя идёт письмо, может быть, месяц, да обратно столько же, а сколько воды утечёт за это время!

Катя сумела вернуться обратно, но, ведь, она была одна, никто в ней не нуждался, вещи она оставила у Насти, поэтому-то ей и было легче. А у меня совсем другая картина, задумаешься, как уехать и на кого здесь оставить.

Здесь очень трудно с дровами, нужно каждодневно думать о них, квартира же наша совсем не приспособлена к зиме, это показали морозы, почти не прекращаем топку, но тут же всё и выносит, утром едва встаём от холода. Конечно, так бывает в сильные морозы, а в чуть потеплей и жить можно. Тем не менее при первой возможности думаю пробираться обратно. Боюсь только, как бы не попортить дела.

Как-то мысли у меня разбросаны, не знаю, что и писать. Тебе наши письма тоже покажутся странными. Вот ты, например, ни слова не пишешь о Кускове, как будто его и не существует, нам очень многое непонятно, например, заявил ли ты музею об отъезде и закрепил ли как-нибудь за собой квартиру, а наши письма как раз полны этим. Вполне понятно, почему так получается. Жить здесь очень трудно, нужно как-то думать об отъезде отсюда, мы считаем дни, а куда ехать нам?

К тебе всем невозможно, не доедешь в такое время, ты один ехал и без вещей, и то было трудно. Конечно, я бы одна, не задумываясь, поехала к тебе, но, Серёжа, как же я могу это сделать, да и нужно ли делать ставку на тебя, в конце концов жить там устроит ли и тебя, тогда уже окончательно порвёшь связи с Кусковым. Напиши в свою очередь Наташе (ул. Кропоткина, М. Лёвшинский пер., д. 4, кв. 8). Письмо моё в целом неприятное, но я высказала все свои сомнения и жду от тебя поддержки. Целую тебя и жду поддержки.

Целую тебя и жду писем с нетерпением. Лёля.

10/I-42 г.

Милый мой, возлюбленный Серёжа!

Вчера от тебя было два письма, одно от 6/II, другое от 23/II[A]. Пришло и от Николая Леонидовича письмо от 16/II, а перед этим была от него открытка, шла ровно два месяца. Видишь, как идут письма! Наших писем, посланных на Барнаул, ты, значит, не получаешь, а все, все тебе туда писали, и мы, и ярославцы, и Николай Леонидович. Почему же ты там не заявил на почте, чтобы тебе их переслали по другому адресу, как, например, я сделала в Кирехоти? Даже посылку, как ты знаешь, переслали. Твоим письмам обрадовались чрезвычайно, долго их читали и перечитывали, я воспользовалась сразу же твоим советом и пишу убористо. Бумаги мало, а пишем много, почти каждый день. Расхолаживает только, что медленно идёт почта, думаешь, когда-когда получишь ответ. Поразил ты меня своим известием о Новицком. Так они разошлись уже в войну с женой? И дочка не остановила, и Любовь Оскаровна мне очень нравилась. Ну,

[A] Должно быть: 6 и 23 декабря.

да как хотят, это их дело. Прошлый год, как ты знаешь, я сходила с ума, а теперь ни одной мысли об этом нет. Мне кажется, что в такое время думать об этом не хочется, а оказывается люди думают и поступают. О тебе в данном направлении не беспокоюсь, почему-то уверена в тебе крепко, хотя в разлуке находимся давно, скоро ½ года. Столько разных мыслей, дел, живёшь только военными событиями. Пока тебе писала, пришло ещё твоё письмо — 4-е от 14–18 декабря. Несмотря на то, что оно более раннее, тем не менее в нём есть вещи новые. Вот оно лежит передо мной. Ты в нём разрешаешь все сомнения насчёт Кускова и предупреждаешь наши вопросы. Последние наши письма дышат Кусковым и желанием вернуться туда. Нам не было известно, как ты уехал, при какой обстановке и т. д. Теперь картина ясная. Надо во что бы то ни стало поправлять нашу общую ошибку: не трогаться никому с места. Что мы сделали в этом направлении? Немного поздно, правда, спохватились, Наташино письмо послужило толчком, где она пишет, что квартира запечатана. Написали Филинкову два письма, Наташе, Нине, Кате, Фире. Все на одну тему. Краткое содержание писем таково: я и Анна Николаевна находимся на работе в колхозе, что, как нам сказали, приравнивается к трудовому фронту, мы трое имеем эвакуационный лист и справки от музея, что за нами числится жилплощадь. Сергей Сергеевич был спешно эвакуирован с университетом и в настоящее время работает. Мы при первой возможности приедем обратно и просим последить за нашей квартирой. Катю и Наташу я прошу съездить лично и уплатить квартплату (деньги 250 рублей уже выслала). Если же музей откажется принять, то прошу Катю сходить к юристу и объяснить наше положение и, может быть, деньги перевести в депозит (так, кажется, называется).

Ещё я написала Кремнёвой с таким же содержанием, причём прошу её посодействовать мне при возвращении в Москву, может быть, она мне пошлёт вызов на работу, так как все мои документы находятся у неё. Пишу, что квартира осталась одна и были попытки её обокрасть. Ещё написали к Сергею Васильевичу, просили и его в свою очередь посодействовать нам. На все эти письма ответа пока не получили. Из твоего письма мне неясно, написал ли ты музею или нет, мне кажется, что это нужно сделать самому. В свою очередь я сегодня же напишу директору музея в том духе, как ты говоришь. Вот только насчёт бабушки вряд ли что получится. Даже бесполезно писать, во-первых, её нет, а во-вторых, квартира запечатана.

Не знаю, нужно ли давать доверенность Наташе на получение наших вещей. Это легче всего сделать, музей с радостью выдаст все вещи (по доверенности, конечно), чтобы тем самым освободить жилплощадь. А с вещами, может быть, ещё и можно бороться. Вот всё, что сделали. А теперь, что собираемся

сделать. Недавно мы через леспромхоз по казённой цене купили 6 кубометров берёзовых дров, заплатили 56 рублей 40 копеек. Дрова, говорят, хорошие и не так дорого, но большая задача их перевезти, находятся они от нас в 2½ км в лесу. Колхоз обещал дать лошадь, не отказал, но лошадей-то у них в обрез и остались только больные, и то они всё время заняты, так что отказать не отказали и давать не дают. Всё же как-нибудь перевезём, это будет для меня большим подспорьем. Мы тут несколько дней не ездили за дровами, было потепление и насыпало ещё снегу, так что по реке, особенно, и не проберёшься. Между прочим, Соть оригинальная река: несмотря на сильнющие морозы, полностью она не замерзает, а всё есть полыньи, а как только выпадет снег, так вода впитывает его в себя, становится совсем сыро, а потом схватит морозом и опять можно ходить. В течение зимы так было уже несколько раз. В колхозе с нового года почти не работаем, нет абсолютно никакого смысла, оплата по трудодням происходит только в конце года, я думаю, что уж во всяком случае мы до этого времени не доживём здесь. Итак, что собираемся сделать: постараться привезти дрова, потом я хочу съездить в Ярославль. Спутники находятся, там поговорить лично с Сергеем Васильевичем обо всём и постараться пробраться к Насте. У неё находятся мамины вещи, привезённые Катей, в частности, валенки, захватить их и вернуться обратно. Нужно поразузнать о возвращении в Москву. А за это время что-нибудь оттуда и напишу. Настроение у меня меняется, иногда тяжело, а то поднимается. Что ж, Серёженька, родной мой, делать, нужно терпеть. Может перемелется всё. Давай только друг за друга держаться. В заключение только хочу сказать: напиши ты мне пару отдельных слов. Знаешь сам каких, начинаются с буквой Л, да или нет. Помнишь, я к тебе приставала, так вот ещё раз пристану, не сердись. Оставляю место для других. Я тебя люблю и жду с нетерпением, когда-нибудь увидимся, крепко целую. Лёля.

Дорогой папа!

Сегодня получили от тебя письмо от 17/XII, а вчера 2 письма от 6 и 23/XII. Почта к нам стала ходить опять через день, и известия стали приходить чаще. Газету мы читаем только «Северный рабочий», которая приходит на другой день. Радио у нас нет, а центральные газеты приходят с запозданием в 6–7 дней, да и то не всегда. Погода у нас стоит переменчивая, то морозы, то снег идёт. Морозы очень большие до 40°. Зима по специальному заказу. Недавно мы с мамой ходили в Макарово, чтобы послать Кате перевод за квартиру (у нас почта несколько дней не работает) и еле-еле дошли. В поле дорогу совсем замело, а в лесу ещё пройти можно. За дровами мы несколько дней уже не ездили, так как всю реку занесло и в нескольких местах образовались полыньи и лёд провалил-

ся, Соть даже в самые сильные морозы совсем не замерзает, в некоторых местах вода просачивается, а во время оттепели совсем растекается. Теперь мы купили уже заготовленных дров 6 кубометров за 3 км от Ильинского. Теперь стараемся добыть в колхозе лошадь для перевозки дров. На работу мама и бабаня последние дни почти не ходят. В школу я сейчас не хожу, мама хочет пойти к директору и взять у него программы и потом со мной заниматься дома. Мама забыла тебя спросить, где ты оставил ключи от шкапов[A], кладовок и кабинета, ты писал, что оставил Наташе один ключ, а про остальные не писал. Последний раз мы ходили мыться к сторожу, дяде Алексею, а то у нас в кухне очень холодно, ведь мы там не живём и не топим. Мама, я и бабушка лазали в печку, а бабаня ни за что не хочет лезть в печку. В печке хорошо, только очень жарко. Сейчас мы все сидим у стола и хотим играть в 66, карты у нас остались от Чакалёвых. Спать мы ложимся рано, часов в 8–9. Встаём часов в 8–7. Утром вставать никому неохота, холодно.

До свидания! Крепко тебя целую и обнимаю. Игорь.

13/I-42 г.

Дорогой мой Серёженька!

Каждый раз с нетерпением ожидаешь почту, только этим и живёшь. А сегодня нам не было ни от кого. Мы уже в этом отношении народ избалованный — всегда от кого-нибудь получишь, а тут нет. Правда, прошлый раз твоё (7-е) письмо пришло катастрофически быстро, всего 10 дней. Значит, другие будут задерживаться. Вот из Ярославля нет давно, да и москвичи не отвечают, хотя туда послано писем видимо-невидимо. Надо ещё новую порцию засылать.

Я всё собираюсь поехать в Ярославль, да жду попутчиков, обещали несколько женщин собраться, одна не рискую. На Макарово нет смысла идти, а лучше на Буйскую линию, по ней ходят рабочие поезда. Одна женщина даже должна ехать за Ярославль по направлению к Насте. Вот с ней-то мне и нужно связаться. В воскресенье (11) привозили нам дрова, дрова очень хорошие берёзовые сухие. Из колхоза дали трёх лошадей, по два раза съездили и то не могли всё взять (6 кубометров), ещё воза на два осталось. Уж очень лошади худы. Перевозка будет стоить 60 рублей. В связи с дровами у меня немного поотлегло от сердца, ездить в лес мы будем на саночках, но уже по мере возможности, не затрудняя себя, а то приходилось тяжело их добывать. Теперь более или менее наша жизнь вошла в норму, кухней не пользуемся, топим наверху голландку и маленькую печурку, со стряпнёй наладились. Только с мытьём хуже, а мыла

[A] Так в подлиннике.

нам ни разу не давали, стирают уже без него. Деньги здесь популярностью не пользуются, купить на них ничего нельзя стало, вот молока хотя достали по 5 рублей крынка. Сегодня мама и Анна Николаевна отправились в деревню что-нибудь поменять, капусты ли, картошки ли и т. д. Взяли с собой кое-что. Это ещё первый выход. Я с Игорем остались дома. Вымыла ему голову и ноги, он сидит и раскладывает карты. За это время нам всем связали шерстяные носки, довольно толстые, я свои ещё не одевала, остальные носят вовсю. В колхозе почти не работаем, так изредка только перевязываем сноп изо льна, называется треста[A]. Все льняные процессы усвоила теперь. Хочется приняться за настоящую работу, но здесь нет. Если бы даже я и поступила в своё время в школу, то всё равно сократили бы, учеников очень мало и классов убавили. Так в Макарове один знакомый учитель по моей специальности сокращён, а он здесь старожил.

Как-то ты теперь выглядишь. Хотя бы одним глазком на тебя посмотреть, похудел, наверное. Мы все очень изменились, понятно, в худшую сторону.

Только что вернулись наши и без всякого результата, ничего не удалось сделать. «Самим, — говорят, — всё нужно». Мама уже два раза ходила. Мы сделали оплошность: осенью можно было сделать запасы и картошки, и капусты, и мяса, но все думали, что уедем или ещё что-нибудь будет, куда же нам, а вот теперь и не достанешь. То же самое пишет и Нина, да, я думаю, и все так рассуждали. Как-нибудь будем тянуться, а вообще трудно.

Моё письмо вышло какое-то однообразное, но пишу то, что думаю. Пока мы ещё ничего плохого не видели, а только побаиваемся будущего.

Сейчас с Игорем идём в сельсовет читать газеты. Почта ходит теперь почти каждый день. Напиши, как часто ли ходишь в баню, хороша ли она. По бане скучаем. Дома надоело мыться. Наша жизнь тебе теперь ясна. У тебя всего может быть и встреч, и пр., а мы никого не видим. Николай Леонидович стал писать чаще, я ему очень благодарна за это.

Крепко тебя целую. Напиши мне отдельно, только для меня. Лёля.

Ильинское. 17/I-42 г.

Дорогой милый Серёжа!

Сообщаю тебе, что вчера Лёля поехала в Ярославль, чтобы поговорить и посоветоваться с Папкой. Сегодня получили письмо от Папки, в котором он советует Лёле постараться пробраться в Москву якобы за вещами, и на месте всё самой разузнать, и постараться по возможности уладить с Музеем. Он пишет

[A] Тресто́ — льняная и конопляная солома, обработанная термически, биологически или химически.

ещё, что кое-где справлялся и ему сказали, что квартирный вопрос во время войны разрешается в большинстве случаев, сообразуясь с обстоятельствами войны, если квартира понадобится и она не заселена, то, понятно, могут вселить других. Распоряжаются местные власти, и поэтому в Москве не могут сказать про Ярославль, а Ярославль про Москву, займут ли квартиру эвакуированных или нет. Нужды не будет — не займут, а нужда — займут. Его совет попытаться проехать в Москву хотя бы Лёле, и там всё узнать и возможно уладить, для этого нужно попросить у Даниловского районного управления НКВД разрешения съездить в Москву за вещами. Дальше в письме следует проборка нам, зачем мы уехали и оставили тебя одного. Но что теперь про это говорить, когда дело сделано. Он пишет, что и тебе послал такое же письмо. Не знаю, о чём они договорятся с Лёлей, и с чем она вернётся обратно. Долго быть там она не сбирается. В Москву к Кате с Наташей послано несколько писем и перевод на 250 рублей денег для уплаты за квартиру, но ответа пока нет. Ещё Папка пишет, что Лёня ездил на машине в Москву, был у Наташи два раза утром и вечером. Хотел захватить наши валенки, но никого не застал дома. Если поедет ещё, то опять попытается. Сами они все здоровы. И дома всё благополучно. С продовольствием неважно, совсем нет подвоза. Очень много пишет о тебе, и как ты устроился. Но всё это нам известно из твоих писем. Сегодня вместе с его письмом пришла заказная открытка от Н.Л. Рубинштейна от 7/XII, в которой пишет, что получил твою открытку из Новосибирска. Всё это дела давно минувших дней. Сами они в настоящее время здоровы и шлют привет. Очень беспокоится за своих близких, которых судьба разбросала в разные края. Картина нам знакомая также, как и тебе. Что написать тебе о нашей жизни? Вот уже скоро шесть месяцев, как мы расстались. Много горьких минут пережито как нами, так и тобою за это время. Но не будем падать духом, будем надеяться, что всё кончится хорошо, хоть и трудно нам теперь, но есть другие, которым ещё труднее нашего и у которых совершенно нет надежды когда-либо увидеться на этом свете, а поэтому не будем унывать, только не нужно забывать друг друга. Болела я очень душою за тебя, когда ты был в пути, много слёз пролила, но с твоим приездом несколько успокоилась, так как ты устроился для одного неплохо, знаю, что ты очень тоскуешь по семье, чувствую это, но ничего, Серёженька, не сделаешь, нужно терпеть. Поздно хватились мы, один неверный шаг влечёт за собой другой и в результате вот что получилось. Если бы не Серафима Галактионовна, мы бы не попали в Ильинское, а остались бы в Ярославле, тем более и квартиру у Александра Александровича нам предлагали, но… Лёля подпала под влияние Серафимы Галактионовны и послушала её совета, благодаря этому мы попали в Кирехоть. А оттуда уже в Ильинское. Были бы мы в Ярославле,

ты, наверное, был бы с нами в Ярославле. Напишу, что мы сейчас делаем. Отпили чай. Серафима Галактионовна ушла спать, я и Гога сидим, Гога читает, я пишу. Сегодня Гога сам захотел тебе написать, и пишет раньше меня. Я пишу после его. Читает Гога физику. Сам он за это время возмужал, уже пробиваются усики. Но в общем он похудел. Серёжа, напиши, получил ли моё письмо, в котором я писала о белье, и мануфактуре и можно ли что-либо получить и сделать в этой области. Лёля поехала с попутчиками, так как сама не решилась, вообще мы очень засиделись и одичали, и не знали, где и что делается. Быть может, этот сдвиг будет полезен. Ну пока. До свидания, мой родной дорогой Серёжа. Крепко тебя целуем я и Игорь, привет от Серафимы Галактионовны. Лёля, наверное, напишет тебе сама. Будь здоров и благополучен. Пиши чаще.

Твоя Мама и Гога[A].

17/I-42 г.

Дорогой мой папа!

От тебя уже целую неделю не получаем писем, последнее было 10[B] от 31/XII и больше ничего не было. Вчера утром мама поехала в Ярославль посоветоваться с дедушкой о Кускове и чего-нибудь купить. Вместе с ней поехали попутчики из нашей деревни. Они пошли на Макарово, там думали или сесть на какой-нибудь поезд, или пешком идти до Данилова и там уже сесть на рабочий поезд. Вернуться она думала через неделю. 15 я и мама ходили в Кузнецовскую школу, чтобы там нам дали разрешение учиться дома, а сдавать экзамен в школе. Нас встретили очень хорошо, обещали похлопотать разрешение[C] в Пречистом, дали тетрадок и обещали прислать программы. Дорога до Кузнецова была очень плохая, снежная; мы очень устали и еле вернулись домой, а так бы мне надо было туда ходить каждый день.

Мы купили в здешнем лесном хозяйстве 6 кубометров дров, за несколько километров от Ильинского; в колхозе за 60 рублей согласились перевезти эти дрова, уже перевезли 6 возов, осталось ещё на 2 воза, хотели перевезти их через несколько дней.

За всё время в колхозе мама и бабаня заработали больше 100 трудодней. За трудодни полагается по 1 кг ржи, уже дали 50 кг, наверно, дадут ещё столько же. Молоко мы достаём каждый день по крынке за 5 рублей, иногда достаём две.

До свидания! Крепко тебя целую. Игорь.

[A] Далее письмо написано рукой Игоря Дмитриева.

[B] Т. е. 10 января.

[C] Так в подлиннике.

Ильинское. 19/I-42 г.

Дорогой милый Серёжа!

Сегодня получили твоё письмо от 2/I и были очень рады; в нём ты пишешь, что получил Лёлино письмо от 16/XII, и телеграмму. Телеграмма была от 15/XII, которую подала я сама, так как Лёля в этот день уходила в Пречистое. Ты получил, пишешь, её 27/XII, видишь, сколько время она путалась, поэтому не стоит их и посылать. Моё первое письмо, посланное тебе в Сталинск, ты потому не получил, что уехал из первой своей квартиры (в Старом Кузнецком[A]), возможно, что оно там и цело, так как я его послала вместе с телеграммой в один день. Из Сталинска всех твоих писем нами получено 2 открытки и 9 писем, из писем, занумерованных, нами получены все, кроме 6 №. Последнее было № 8 от 2/I. Твоей телеграммы из Сталинска мы не получили. Очень интересное письмо было от 31/XII № 7, где ты описывал своё настроение под Новый год; из него видно, что ты мало-помалу привыкаешь к новому своему положению и людям. Но всё-таки ты не написал нам, как и где ты встретил Новый Год. С артистами или у себя дома? Я тебе тоже в этот день писала, только не утром, а вечером и с мыслью о тебе встретила Новый Год! Наши же ушли все спать. Много писем было послано тебе и в Сталинск, и в Барнаул, так что не знаю, какие письма ты получил. Знаю, что барнаульские письма ты не получил. Но и бог с ними, там ничего особого, как видишь, не было. Были писаны наши личные переживания и заботы о тебе. Я и все мы очень боялись за тебя, за твоё здоровье, в таком дальнем тяжёлом пути. Всякие страхи лезли в воображение, то боялись, что захвораешь, то что замёрзнешь, то голодаешь, да, наверно, всё это и пришлось испытать тебе в дороге. Но теперь, слава Богу, ты на месте, хоть и тяжело тебе было всё это перенести. Теперь я считаю, ты всё же в хороших условиях. Одно то, что ты в тепле, уж успокаивает меня, это большое счастье, когда не нужно дрожать, что же касается питания, то в настоящее время оно везде неважное. Я думаю, если бы я была в Сталинске, то для меня очереди были бы не страшны. Так как я к ним привыкла, а для тебя, понятно, это дело не подходящее. Мучает меня ещё то, что у тебя мало носок и белья. Я тебе писала уже о[B] этом. Повторю ещё раз, возможно то письмо до тебя не дошло. Нет ли у вас в Сталинске магазина, хотя бы коммерческого, где бы можно было приобрести мануфактуры. Тебе нужно очень немного, всего 4 метра белого бельевого на 2 пары кальсон, и 7 метров на 2 верхние сорочки, по 3½ метра хотя бы сатина тёмного, или ещё чего-нибудь. Попроси Бетти Зиновьевну, быть мо-

[A] Так в подлиннике.

[B] Употребление предлога «о» вместо «об» — особенность стиля автора.

жет, у неё есть какие-нибудь возможности устроить тебе это дело и, быть может, у неё найдётся и мастерица сшить это, так как она живёт больше тебя в Сталинске и, наверно, ей приходилось шить и себе, и мужу. В одном из писем ты писал, что она тебе по бедности дала носить новую вышитую рубашку своего мужа; цела ли он у тебя или отдал назад? Пока сошьёшь себе что-нибудь новое, могу посоветовать тебе отдать починить твою серую рубашку, чем её починить? Нужно снизу отрезать ____[A], так как в брюках это неважно, ведь ты её не на выпуск носишь, и сделать новый воротник, быть может, и манжеты починить требуется. Какая досада, твои рубашки лежат у нас в комнате, а ты мучаешься. Затем, если нельзя купить носок, то постарайся купить чулки, неважно, что длинные, под брюками не видно. Очень хорошо, что тебе удалось купить валенки, ты прямо счастливый человек. У меня, Серёженька, нонче плохо дело, и валенок нет, и пальто зимнее развалилось совершенно до неприличия, пока жила в Кускове, всё точно было ничего. Правда, заплат на нём было много, но теперь как назло и заплаты-то все развалились, и совершенно не в чем ходить, правда, не до щегольства теперь, но всё же стыдно мне, всё думала, скоро умру, и вот, видишь, живу да живу. Ну давай напишу тебе о текущих делах. С пятницы, т. е. с 16/I, живём мы втроём — я, Игорь и Серафима Галактионовна. Лёля уехала в Ярославль повидаться и поговорить с Папкой. Я тебе про это писала 17/I. Не знаю, получил ли ты это письмо. Вчера ездила я в лес за оставшимися там дровами, Лёля тебе писала, кажется, что мы купили в лесхозпроме[B] 6 кубометров дров за 56 рублей 40 копеек, за доставку этих дров колхоз взял с нас 60 рублей. Но так как лошади у них одры[C], то в течение целого дня на прошлой неделе они не смогли перевезти эти дрова, хотя возили на трёх лошадях. Поэтому и пришлось мне ехать ещё раз. Насилу выкорчевали эти дрова, так они были запорошены снегом. Дрова берёзовые длина 75 сантиметров. Очень хорошие старые сухие. Только ____[D] были совсем не колоться кряжами. Возницу дали в колхозе мальчишку лет 12. Вот и пришлось корячиться вместе с ним, так как сам он ничего сделать не мог, да и я тоже не лучше его. Насилу-насилу наложили на воз и поехали, но дорогой случилось покрушение, лошадь сошла с дороги и застряла в глубоком снегу — ни тпру, ни ну, хоть караул кричи, пришлось почти весь воз разобрать, чтобы вывести её на дорогу, как раз тут случился председатель колхоза, который и помог нам. Так что теперь с этим делом

[A] Одно слово неразборчиво.

[B] Так в подлиннике. Надо: Леспромхоз.

[C] Одра — старая изнурённая рабочая лошадь.

[D] Одно слово неразборчиво.

покончено, дрова привезены все, да и хорошо, так как морозы стоят большие, топить приходится много, утром топим маленькую печку, которую сделали вверху за наше пребывание в Ильинском. В кухню мы теперь не ходим, а стряпаем вверху. Днём топим голландку и вечером, если холодно, опять маленькую печку. Что тебе написать о наших запасах продовольствия. О этом и нам приходится теперь задуматься, так как со днём продуктов всё меньше, а аппетит не убывает. Картофель скоро весь намнём, только разве на этот месяц, мясо к концу, капуста тоже, а купить этого всего негде, никто ничего продать не желает. Деньги не ценят ни за что. За картофель на деньги хотят чуть ли не сто рублей пуд. Не знаю, как будем дальше устраиваться. Лёля, наверно, сама тебе напишет из Ярославля. Папке в ноябре мы послали (100 рублей), мы тебе об этом писали, там тоже с продуктами плохо. Напиши нам, где ты столуешься? Я тебе писала, нельзя ли тебе устроиться с обедами, где ты квартируешь. Поговори с Бетти Зиновьевной, лучше платить подороже, а им всё равно нужно готовить, тем более у них есть домработница. Это хорошо, что ты устроился со стиркой и промывкой полов. Постарайся наладить дело с обедами и бельём. Тогда будет всё хорошо. Ну вот я тебе написала три короба, не сердись, что и не так. Начинаем поджидать обратно Лёлю. Сегодня, кроме твоего письма, никаких писем не было. Ни от Наташи, ни от Кати ответа нет. Всё, что ты пишешь в письмах нам, сделано. Заявление в Музей, письмо Кремнёвой, заявление в РОНО, письмо Петру Николаевичу и Клавдии Васильевне и даже Фире нами посланы. Пока всё ещё в ожидании ответа. До свидания! Время много, иду спать. Игорь и Серафима Галактионовна давно спят. Сегодня по-старому 6 января, Крещение. Поиграли втроём вечером в карты, попили чайку, закусили, и они ушли бабайкать, а я села писать тебе это послание. Пишу тебе очень часто, почти через день. Но не всегда заказными. Получаешь ты мои письма? Будь здоров и благополучен; не тоскуй, всё Бог даст наладится, и мы снова будем вместе. Пусть тебя хранит Господь. Крепко целуем тебя я, Игорь, Лёля и Серафима Галактионовна.

20/I.

Дорогой мой Серёжа!

Сейчас нахожусь в Ярославле. 3 дня уже здесь. Ночевала сегодня у Кати. Просила тебе кланяться, также и Сима. Обе здоровы. У меня в комнате тепло и уютно, а на улице большой мороз. Очень бы хотелось пробраться к Насте, но по многим причинам не удаётся это сделать: сильно холодно, нет подходящей обуви, боюсь не добраться. Настя писала, что у них ходят машины и могут подсадить, но вот я шла до Данилова пешком по большой дороге и машины шли мимо, но никто не остановился. Приехала я сюда похлопотать о возвращении домой, но

ничего не получается, пока ещё преждевременно. Живётся трудно, но ничего не поделаешь. Пробуду здесь ещё несколько дней, тут тоже оставаться нельзя. Раздобыла вот таких открыток[A], Сергей Васильевич дал бумаги. Так что этим будем обеспечены и писать снова можно вволю. За тебя радуюсь, за твои письма бодрые, надо и мне крепиться и не унывать. Николай Леонидович тоже пишет ободряющие письма. Надеется на скорое возвращение. Сергей Васильевич живёт в неважной обстановке, у него очень холодно, вид у него болезненный, да и немудрено. Лена говорит, что у него была возможность перебраться с этой квартиры, но он привык что ли к ней и никуда не хочет двинуться. Целую тебя. Лёля.

26/I.

Дорогой мой, любимый Серёжа!

Завтра полгода, как мы расстались. В это время, а сейчас вечер, собирались в отъезд. Как мы сами за это время изменились и сколько перемен вокруг! Вчера я приехала из Ярославля. Опишу кратко своё путешествие. Нас было трое из Ильинского. Сначала шли до Макарова, надеялись там подсесть на какой-нибудь поезд — не было, пошли пешком до Данилова. Поезда, сказали, не будет до утра, а был вечер, разбрелись по домам. Я пошла к Наде и ночевала там. Володя и Ксеша учатся, ребята очень хорошие. Володя был на трудовом фронте, но недолго, отпустили по болезни. Живут они скудно, получают по 400 гр. хлеба, не хватает. От Шуры читала письма, он в Горьком, живёт сносно, служит при штабе писарем. Утром пошла на станцию, билетов на поезд не давали, только по вызовам, или командировочным. Ни того, ни другого у меня не было, ____[B] на-ура и доехали быстро и благополучно. Об ярославской жизни я тебе писала. Очень трудно было с питанием. Плохо там и с дровами. Единственно, где я отогрелась и накормилась, так это у Кати. Они меня встретили исключительно хорошо, особенно Катя, я ей очень благодарна, не знаю, смогу ли ей когда-нибудь отплатить. Лена и Сергей Васильевич сами едва тянутся, на Сергея Васильевича тягостно действуют морозы, он не может никуда выйти, не может поэтому ничего достать, а то он, как ты знаешь, всё время помогал и Лене.

Попала я к ним ещё не сразу, сильные холода многому препятствовали. Мои собственные дела также не двинулись с места. Пропуска не дают домой ни при каких обстоятельствах, если только будет официальный вызов от наркомата.

[A] Письмо написано не на обычной почтовой открытке, а на похожем на неё по форме уведомлении о вручении почтового отправления: на одной стороне расположены графы: Куда / Адрес / Кому; на другой: текст бланка почтового уведомления, поверх которого написан текст письма.

[B] Одно слово неразборчиво.

Ехать же без пропуска туда нельзя, всё равно теперь не пропишут. Обратное моё путешествие было более неприятным. От своего пайка Лена мне отделила грамм 400–500 хлеба. Поезд по существу должен был идти 3–4 часа, а прошёл сутки. Тянулись медленно, стояли в пути — всего было понемногу. Наконец, приехали на станцию Лунка. Помнишь, мы ходили в Корчёвку через мельницу, так от того места 3 км. Приехали вечером, я переночевала у нашей хорошей знакомой, она меня накормила и напоила досыта. Была она очень рада, в свою очередь и я, намаявшись поездкой, была довольна. На другой день утром отправилась домой. Было очень холодно и ветрено, насилу добрела. Дома нашла уйму писем, в том числе от тебя несколько, от Кати — два и Николая Леонидовича — два.

Николай Леонидович пишет о смерти матери, ты уже, наверное, от него получил. Тяжёлое письмо, жаль её и особенно его, он так был к ней привязан. Пишет, что получил вскоре после смерти её от тебя и от меня тёплые дружеские письма, что очень его поддержало. Сегодня я ему написала, писать об этом трудно. Ободрять, утешать не знаешь, как. Из-за неё он уезжал из Москвы и не уберёг её — как он выразился. Теперь, конечно, ему тоскливо, в чужом месте и один. Правда, она всё время болела и лечилась. Я признаться, думала, что она долго не протянет. Кстати, думаю, что ещё одна смерть есть. Писал Вадим Мощанский, что с дядей Сашей (его отец) случился удар, положение серьёзное, вряд ли выдержит. Он уже года два тому назад был при смерти, а тут ещё раз. После этого писем не было.

Катя пишет, что она получила от тебя справку, от меня деньги, на днях поедет в Кусково, постарается сделать всё, что может. Хочу ещё с тобой вот о чем посоветоваться: она спрашивает о доверенности на вещи, чтобы она могла пройти в квартиру. А у нас на этот счёт такое соображение: если музей получит эту доверенность, то он будет рад предлогу вещи свалить на них и очистить квартиру, дескать, забрали ваши вещи совсем, а пока квартира запечатана, они может лучше сохранятся. А может другое быть, они квартиру откроют для той же Кати и потом уже сами могут проникнуть туда. Не могу понять одного, как они переписали вещи, когда квартира была закрыта на ключ, что они взломали что ли замок и какие ты ключи оставил Наташе, только от одной двери, или и от кабинета, и от чулана, заперты ли шкафы и сундуки были? Наташе и Кате, даже Нине я обо всём этом пишу, но получаю от них лишь поверхностные ответы, да и понятно, у каждого свои дела и заботы. У Наташи всё это время болел ребёнок, было воспаление лёгких, сейчас опасность миновала, затем у неё служебные дела начались, Александр Александрович стал нянчиться с ребёнком.

Бумаги раздобыла у Сергея Васильевича, можно не бедняться.

Катя всё без работы, живётся трудно, говорит, на 20 лет постарела. Был у Наташи Киселёв, она ему показала моё письмо. Он хотел узнать, как в таких случаях поступать. Только вряд ли, что он посодействует. Более на язык силен, чем на дела. Буду опять сейчас писать москвичам.

Да, забыла тебе сказать, что Сергею Васильевичу оставила 100 рублей. Теперь о своих личных делах. О тебе очень соскучилась, сегодня почему-то особенно тебя не доставало. Просто чувствовала физическую потребность тебя обнять, поцеловать. Мне кажется, что я и худею-то потому, что тебя нет, а похудела я очень, как после болезни какой-то тяжёлой. Ведь нельзя сказать, что работы много, изнуряюсь из-за этого, или питание скверное, хлеба во всяком случае вдоволь, да и картошка ещё есть. Молока одну крынку на день достаём (5 рублей пока), жиров вот нет никаких, а вот тебя-то и нет, что тут будешь делать. Спокойна я за тебя теперь, что ты всё же в тепле и сыт, только уж очень долго не видались.

Ну конечно, у нас много лучше, чем у других, никого не потеряли. Всё это правда, и этим успокаиваешься. Письменная связь наладилась, сегодня вот только почта была, а письма не было от тебя, Наташа написала коротенькую, можно сказать, записочку.

Целую тебя мой возлюбленный и самый дорогой на свете. Лёля.

Ильинское. 28/I-42 г. 6 часов вечера.

Дорогой Серёжинька!

Вчера получили твои письма № 9 от 3/I; письма опережают друг друга, до этого было получено № 13. Теперь по № нет только 11, которого Игорь ждёт с нетерпением, так как ты писал, что это письмо адресовано ему. До этого письма я тебе послала в своём письме письмо Симки. В нём она пишет об отце и его житье-бытье. Лёля тоже по приезде рассказала мне мало утешительного. Плохо живётся старику, и болезнь, и голод, и холод. Лёля дала ему 100 рублей. Продал он свою перину и ковёр, которые на зиму ему были необходимо нужны, так как перина давала тепло в постели, а ковёр загораживал окно, у которого он спит. Не знаю, писал ли он тебе про это сам. Ведь уж очень в нём много гордости. Всё ещё не хочет сознаться, что ему тяжело, если он тебе про это ничего сам не писал, то не пиши ему, что я тебе писала, а то, ведь, он и рассердится. Ну ладно, оставили пока это и перейдём к другому. Что тебе написать о нашей жизни, мы живём очень однообразно, свежих людей почти не видим. Погода стоит морозная, почти весь январь на работу не ходим, так как не в чем. За время Лёлиного отъезда в Ярославль на работу ходила только один раз, да и то ненадолго. Время проводим так, утром встаём, когда уже светло, так как часов не имеем, то и

времени не знаем. Серафима Галактионовна идёт за молоком, дают одну крынку за 5 рублей. Вторую достать почти невозможно и эту-то с оговором. Я в это время затопляю печь. Ставлю варить чугунок картофели, ставлю самовар, пьём чай, едим картофель с капустой, иногда из молока дома из этой крынки делаю сметану, из крынки 1 ст. сметаны, а из простокваши немножко творогу. Затем варю обед: суп, когда грибной, когда мясной, иногда молочный, на второе картофель. Пока есть ещё немножко ливера, так что печёнку жарю с картофелью. В общем и целом пока ещё тянемся. Хорошо бы, если бы и у нас был напротив гастроном, где бы можно было купить что-нибудь, но не в этом счастье. Лёля привезла из Ярославля 2 кило муки, 600 гр. сыру и 400 гр. кетовой икры, 4 пачки кофе. Сладостей никаких не достала. Папка прислал бумаги, на которой пишу тебе. Больше писем пока ни от кого не было. Лёля написала Кате и Наташе письма. Не знаем, что делать с Филинковым, писали ему три письма. Но ответа ни на одно не получили. За какое число было письмо Папке от Филинкова, не знаем, так как он число не поставил. Письмо было отпечатано на машинке и очень плохо. Лёля письмо это видела у Папки. Я посоветовала Лёле написать Кате, чтобы она лично сходила в 455 школу и переговорила бы с Кремнёвой, если она там, так как с перепиской дело очень затягивается. Лёля так и сделала, какой из этого будет результат — посмотрим, но Лёля всё же и сама ещё напишет Кремнёвой, и в РОНО. Александра Александровича теперь просить нечего, он теперь превратился в няньку, так как Наташа работает. Алёшенька её выздоровел. Оставляю страничку для Игоря, просил — бабаня, оставь мне. Серёженька, пиши свои письма, читаем их с удовольствием, пиши подробно обо всём. От тёти Кати давно нет известия, не знаю, как они. Из ____[A] не особенно хорошо. Ну до свидания, мой родной! Будь здоров. Желаем успеха во всех твоих делах. Вчера тебе писала Лёля.

Целуем крепко. Твоя Мама, Лёля, Гога и Серафима Галактионовна[B].

28/I-41 г.[C]

Дорогой папа!

Сегодня думали, что от тебя будет почта, но почты не было совсем. Ты написал, что написал мне письмо, но оно ещё не пришло. Может быть, будет завтра.

У нас всё ещё стоят сильные морозы, говорят, что больше 30°. На улицу я хожу только за хлебом и на почту, а больше носа не высовываю. Один только

[A] Одно слово неразборчиво.

[B] Далее письмо написано рукой Игоря Дмитриева.

[C] Так ошибочно в подлиннике; должно быть: 28/I-42 г.

раз ходил с бабушкой на меленку ручную молоть рожь, когда мама была в Ярославле. Она приехала в воскресенье 25. Она вылезла на станции Лунка, ночевала у знакомой и днём на другой день пришла. Мы её совсем не ждали; думали, что приедет она во вторник или в среду. Мама и бабаня заработали в колхозе больше 100 трудодней. На трудодень дают по 1 кг и по 75 г пшеницы. Половину ржи уже получили (57 кг), ещё получим столько же и полпуда пшеницы. Мы с мамой ходили в школу, чтобы разрешили учиться дома, а экзамены сдавать в школе. Нам сказали, что можно и обещали прислать программу, но до сих пор ещё ничего не присылали.

До свиданья. Крепко тебя целую. Игорь.

Оставляю место для бабушки[A].

Милый и дорогой Серёженька, так у нас и отлегло от сердца у всех, когда мы узнали, что ты, наконец, устроился на новом месте, да можно сказать, что и очень хорошо, интересно, как устроились все твои товарищи?

До свидания, дорогой наш. Целуем тебя крепко все. Серафима Юматова.

30/I.

Дорогой Серёжа!

[Сейчас][B] получили от тебя сразу три письма (15, 16 и 17). Игорь каждый раз с нетерпением ждёт для себя письма (11), о котором ты писал и которого до сих пор нет.

Почта, как видно, капризничает. Ты тоже получаешь с запозданием. Кстати, необязательно, по-моему, писать заказными, простые идут не хуже.

В то время, когда пришли твои письма, я сочинила вновь заявление в ТОНО (не знаю, только адреса, т. е. улицы, но мне кажется, должны знать, где он находится), пишу более подробно, чем раньше, используя твои мысли. Ответят ли — не знаю. Ни Кремнёва, [ни] Филинков (а ему послали 3 письма), ни Фира, [ни] Музей — не отвечают пока. Вот тебе Филинков прислал телеграмму — это хорошо. Буду ему ещё писать, что же он нам-то не отвечает. Может, не проживает в Швейцарском доме? А служебного не знаем.

Приходится помногу раз повторять одно и то же, но ничего не поделаешь.

Что я предполагаю делать в дальнейшем? Да, пока не забыла, отвечу на твои вопросы. Книги, которые ты прислал в октябре, получили, но ни бумаги, ни конвертов, ни открыток нет. А ты их послал бандеролью?

[A] Далее письмо написано рукой С.Г. Юматовой.

[B] Первое слово письма утрачено, осталось только что-то похожее на «ас».

Твои чистые листки получаем. Только стало жалко, что мало пишешь, лучше уж не присылай. Дело в том, что в Ярославле от Сергея Васильевича я получила много бумаги, теперь надолго хватит, да с Игорем мы как-то ходили в школу и там купили тетрадок.

Насчёт Свердловска думаю не стоит тебе перебираться, только ломать путь, опять снова устраиваться тяжело, а что ближе, так смысла нет, всё равно приехать сюда можно и из Сталинска. Так что я думаю делать? На той неделе хочу сходить в Пречистое в НКВД похлопотать насчёт пропуска домой.

За последние дни, кроме всяких соображений, Игорь стал внушать некоторые опасения: он похудел и стал уставать, по ночам потеть. Своего градусника у нас нет, взяли у соседки и будем ему измерять t^o. Местный врач вообще отказался его смотреть и лечить не взялся поэтому. Это ещё в начале нашего приезда было. Теперь я думаю всё это объяснить начальнику, сказать, что необходимо его показать специалистам и т. д. На железной дороге мне сказали, что пропуска дают там, может и без вызова и службы что-нибудь да выйдет. Ведь в Пречистом тоже нет специалиста. А ему нужен и снимок. Да и корсет не ахти какой крепкий. Вот какие соображения. Катя писала, что в их квартиру вернулась соседка с сыном (правда, они недалеко от Москвы были), их не прописывали, а она доказала, что сын болен малярией, а врачей на месте нет, и тогда их прописали.

Конечно, твои соображения насчёт вины, может быть, правильны и лучше бы сидеть на месте и не двигаться, но всё же побаиваюсь и из-за Игоря.

Насчёт квартиры я как-то немного поуспокоилась. Ну, не эту квартиру, так другую нам же обязаны дать. Все справки у меня целы. И вещи, в основном, должны сохраниться.

Вчера я и мама целый день потратили на мельницу. Встали, наверное, часа в 3 (часов у нас нет никаких, мои часы испортились, оставила их у Сергея Васильевича) и на санках повезли рожь на мельницу (18 кг). Шишкинская мельница от нас в 8 км. Но, к несчастью, она не работала, свесили рожь и оставили всё там, завтра опять придётся туда же идти. Более или менее было тепло, но всё-таки поозябли. Дошли в соседнюю деревню (проходили мимо Корчёвки только по другой стороне реки), там у старых знакомых поотдохнули, пообедали. Чем-то меня накормили, домой пришла нездоровая, ночью болел желудок очень, была рвота, утром прошло, но осталась слабость. Сейчас чувствую себя лучше (5 часов дня). Уже темнеет, тороплюсь дописать засветло. Керосин ещё есть, но посмотрел бы ты стекло, Игорь его слепил из кусочков и всё же держится, «последний из могикан», можно сказать. Да ещё пришло письмо моё из Барнаула от 14/XII, на конверте был написан Сталинский адрес, но прислали

сюда, спутали, значит. Много думаю о Николае Леонидовиче. Ему очень тяжело. Он прислал раздирающее письмо. Упрекает себя, что не смог уберечь матери. Много размышляет вообще о смерти.

Да, если только начать думать об этом, то не стоит и жить. Но, как он пишет, жизнь берет своё, и надо жить. В этом и хорошее, и плохое, как и во всяком другом.

Письмо моё беспорядочное, скачками, то об одном, то о другом.

Дмитрий Леонидович с женой в Томске.

Темно писать, схожу сейчас за водой, тогда и лампу зажгу. Перечитывать ещё раз не буду, не вижу.

Кажется, на все вопросы ответила. Нельзя ли прислать местную газету с твоей статьёй, или вернее статьями, с большим удовольствием все почитали.

Мой дорогой, возлюбленный муж, целую тебя. Лёля.

Ильинское. 1 февраля 42 г.[A]

Дорогой Серёжинька!

Вчера получили твоё письмо № 11 от 7 января, адресовано на Игоря, которое читаем все с большим интересом, так как ты описываешь город, где в настоящее время живёшь, описываешь очень хорошо и понятно, и мы точно тоже побывали там. Ещё радует нас, что у тебя хороший друг Пётр Андреевич, который тебя помнит и заботится о тебе. Вчера вместе с твоим письмом получили письмо от Вари и Насти. Пишут здоровы, живут помаленьку. Настя служит, Варя хозяйствует. Выхлопотала себе Варя инвалидность по второй группе на год, будет получать в месяц 169 рублей с копейками. Но работать ей будет уже нельзя. Но и прожить на эти деньги одной тоже будет нельзя, поэтому говорит, если придётся уехать обратно, то будет нянчиться с маленьким Алёшей, и Наташа будет её кормить. А нет, то поедет к Нине, где тоже будет хозяйничать. А быть может приедет в Ильинское и займётся пчеловодством и будет жить с Серафимой Галактионовной. Словом, (мечты, мечты, где ваша сладость) многое, о чём она думает, но чем это кончится, покажет будущее. Вместе с своим письмом прислала письмо Кати, та пишет, что всё ещё без должности, нуждается, обещают ей где-то службу концертного организатора, но, когда это будет, точно неизвестно, да и костюма у неё нет никакого, так как её вещи остались в Некрасовском, даже туфли и те там — словом, везде хорошо. Я послала письмо Петру Николаевичу очень дружественное и просила отписать нам обо всём, а главное о нашей квартире и имуществе. Писала ему, что мы выслали

[A] В верхнем левом углу рукой С.С. Дмитриева впоследствии был поставлен «№ 1».

Екатерине Алексеевне деньги для уплаты за квартиру. Просила его, если дело будет при нём, то, если он в это время будет в Кускове, посодействовать Кате, чтобы деньги приняли. Вскользь намекнула ему, что ты пишешь нам и очень сожалеешь, что при твоём уходе из дому, не успел с ним проститься, и лично попросить его сохранить твою библиотеку. Телеграмму вашу, мол, он получил и ожидает вашего письма. Дописалась до того, что по приезде домой и при встрече с ним привезти Музочке самого хорошего сотового мёда, уж если это не подействует, тогда не знаю, что ещё и написать, так как это четвёртое письмо.

Теперь напишу тебе немножко и о наших текущих событиях. Во-первых, так как ты говоришь, нужно писать всю правду, то начну с того, что Игорь за последнее время стал выглядеть неважно, быть может, это зависит от сниженного за последнее время питания, отсутствия сладкого, маслов и т. д. т. п. Но факт тот, что он осунулся, похудел и стал вялым. Всё это наводит на мысль проверить ему температуру. Температура утром 36,5, к вечеру 37,2, а сегодня днём 37,2. Наверно опять начинает шалить малярия. Если и дальше будет так продолжаться, хотя он ни на что не жалуется, придётся обратиться к местному врачу за направлением на комиссию в Пречистое, так как ему нужно лечение, а местный врач лечить его не станет. Ехать же с ним туда, откуда приехали, ещё рано, нужно подождать, Наташа и Катя писали, что сейчас и там в смысле питания плохо. Ты особо не расстраивайся моим сообщением, может мы ошибаемся просто-напросто рост своё берет, отсутствием аппетита он не страдает, так всё и пройдёт. Во всяком случае мы уже теперь за ним будем тщательно следить и проверять температуру. Остальные все понемногу тянемся. Сегодня нас _____[A]. Получили за трудодни с колхоза за прошлый год ещё 4 пуда ржи, да раньше было получено ещё 57 кило. Итого всего более 7½ пудов. В настоящее время это очень дорогой фрукт, баснословно дорого и на деньги приобрести недоступно. Из старой получки у нас есть ещё 18 кило, которую на днях ходили молоть, и сегодня из этой муки испекли ватрушки с картофелью. Вышло неплохо, ели с удовольствием. Ещё забота, кончается мясо, а приобретём ли новое — неизвестно. Масло можно купить сто семьдесят рублей кило, да и то все хотят на мену. Ну вот и всё, что можно написать о наших делах. Расчёт с колхозом ещё не окончен, обещают выдать по 70 гр. на трудодень пшеницы, всего должны получить 7 кг 350 гр., тоже не комар начихал, будем варить кашу. Мои письма, Серёжинька, мало интересны, твои лучше, а потому пиши нам опять по два листа, так как бумага у нас есть — Лёля привезла из Ярославля от Папки. От ярославцев писем после приезда Лёли не было, мы им послали письмо Лене

[A] Одно слово неразборчиво.

и Папке. Ну, до свидания, наш дорогой милый Серёженька. Будь здоров. Крепко тебя целуем! Завтра Лёля и Игорь собираются тебе писать сами. Я тебе пишу часто, не знаю, все ли письма до тебя доходят. Я тоже начну тебе нумеровать письма, это письмо будет № 1.

Целуем, все твои Мама, Лёля, Игорь, Серафима Галактионовна.

2/II-42.

Дорогой Серёжа!

Анна Николаевна тебе собирается нумеровать письма, а я уж так пишу, всё равно спутаю, думаю. Пишем через день. Это твои два листочка, но ты лучше пиши полностью, бумагой раздобылись, твои письма интересны, много разных впечатлений, а у нас всё однообразно, как приехали, так почти так же и теперь. Вот только как будто сегодня почувствовали приближение весны, вернее масленицы, яркое солнце и ослепительный снег. Ну, конечно, весны уже недолго ждать, месяц пройдёт незаметно, что-то сулит нам весна! И хочется, чтобы скорей время шло и в то же время страшно. Ты пишешь, что нам видней здесь — ничего, Серёжа, не видней. Всё так же.

С нового года наша жизнь хотя немного изменилась: в колхозе, можно сказать, не работаем, раза два только ходили, вернулось много народу с трудфронта, и нас оставили в покое. Конечно, когда понадобится, будет нужда, так позовут. Времени свободного стало больше, занимаемся поэтому своими делами, ходили по деревням, смололи муки, дома кое-что делаешь. Отпала ещё одна работа — это дрова. Возили мы их по реке на саночках, но здесь река капризная, полностью не замерзает, а сейчас её так засыпало снегом, что ходить по ней невозможно. Это немного досадно, так как там у нас остались ещё сухие деревья, и это занятие одновременно и полезное, а если и не очень тяжело возить, то и приятное. Отдыхаешь в лесу очень хорошо и успокаиваешься душой. Дрова у нас пока есть, но хотелось бы и ещё запасти. Последние дни стала кое-что читать, так ерунду всякую, но эта ерунда отвлекает мысли и становится легче.

Два дня, как стали измерять Игорю t^o. Своего градусника у нас нет, дали в одном доме на подержание. Утром у него нормальная, а вечером — 37,1. Может тут нет ничего особенного, немножко поустал что ли (хотя собственно не с чего), но посоветоваться здесь не с кем.

Завтра сходим к местному врачу для успокоения. У меня, собственно, другая цель, взять у врача направление в Пречистое и там поговорить по поводу его болезни в смысле возвращения домой. На этой неделе и хочу туда сходить. В Пречистом тоже нет специалиста, ни туберкулёзника, ни малярика, а у него может быть и то, и другое. Даже в Кускове мы не могли найти ещё до войны, то что же говорить про здешние условия.

Как-то поуспокоилась я со всеми делами и со многим примирилась, живём и живём со дня на день.

У нас стало абсолютно тихо и спокойно, такая тишина кругом, только тревожит вопрос о питании. Ведь с сентября месяца мы ничего не получали, кроме чёрного хлеба, а, говорят, кой-где выдают эвакуированным, только до нас не доходит.

Об этом тоже можно спросить в Пречистом.

Теперь я вижу, то ты был прав, уезжая из дома. Делать-то тебе, ведь, там было бы нечего, раз институты распались. Читали мы с Игорем случайно «Пионерку» и там увидели снимок: ученики одной московской школы на консультации. Отсюда вывод: занятий нормальных там ещё нет. Я запрашиваю об этом Катю, пока ещё не ответила.

Успокаиваю себя тем, что пройдёт это тяжёлое время, и мы соединимся где бы то ни было — на прежнем месте, или на новом, это мне очень помогло, отлегло как-то от сердца и совсем иначе смотришь на всё. Что похудели, так поправимся, будет другое время.

Ты напиши мне только о своём личном немного, знаешь о чём, уж очень хочется тебя повидать. Стала тебя хуже представлять себе, взяли как-то свои фото и всё восстановили в памяти. Твоих карточек несколько, есть одна большая, там ты такой солидный, в полном своём расцвете, помнишь, для института снимался? А наши карточки у тебя сохранились? Шура писал, что у него украли бумажник (денег было немного), а главное там были карточки его семьи, что ему особенно жалко. Эти его письма читала я у Нади.

Последнюю страничку оставляю для Игоря. Сейчас вечер, напишем и пойдём спать. С ним всё хорошо, на сон обижаться нельзя. Мы с мамой говорим, что во сне только и живём, всё забывается дурное и снова видим прежнее, это со мной часто бывает.

Целую тебя, мой дорогой. Лёля[A].

2/II-42 г.

Милый папа!

В субботу получили от тебя письмо от 7/I написанное мне. Письму очень обрадовался. Ты уже давно написал, что его послал, а оно всё ещё шло. От тебя последнее письмо было от 15/I. Завтра будет почта, наверно, будет ещё. Мы живём, как жили. Встаём часов в 8, топим маленькую печку, но в последние дни она начала страшно дымить, вся развалилась, а глины замазать достать негде. Сегодня бабушка ходила к дяде Алексею, добыла у него немного глины, и

[A] Далее письмо написано рукой Игоря Дмитриева.

он обещал прийти замазать. Утром бабушка идёт за молоком, дают нам одну крынку в день за 5 рублей. Больше пока нигде не достанешь. К завтраку бывает чай с молоком, а иногда так, какой-нибудь суп, картошка с капустой, иногда варят из муки (из высевок) кисель. После чая пилим дрова для маленькой печки, готовим обед, я иду за хлебом и на почту (она у нас приходит часов в 12, теперь почти каждый день). После обеда отдыхаем, а вечером сидим пишем письма, читаем. Играем в 66. Хотели мы с мамой пойти опять по реке насобирать дров для маленькой печки, но увидели, что по реке пройти уже нельзя: несмотря на морозы, лёд на ней весь развалился, везде полыньи, ямы, да всё это ещё глубоким снегом засыпано, так и не удалось нам ходить больше по реке за дровами. Наверно, до весны, когда будет наст. Папа, напиши нам, в каком году основан Сталинск — в 24 или в 29 г., ты написал неразборчиво. Из школы программы мне так до сих пор и не прислали, бабушка в те края хочет идти за ведром (она отдала его, как мы приехали, а до сих пор его ещё не починили) и хочет зайти в школу. До свидания. Целую тебя крепко. Игорь.

№ 2.

Ильинское. 4/II-42 г. 4 часа дня

Дорогой Серёжа!

Сегодня среда, третий день, как я отправила тебе своё письмо. За это время от тебя писем мы не получали, несмотря на то, что прошли три почтовых дня. Но случилось такое дело, что почтари проспали и не выехали за почтой, и если были какие-нибудь письма, то их провезли в Архангельск. Теперь жди, когда они приедут обратно. Сегодня была почта. Но мы получили обратно письмо от 22/XII, адресованное Петру Николаевичу Филинкову, что адресат выбыл неизвестно куда. Вот почему мы и не имеет ответа. Наверно, по этой же причине не отвечает и Фира, так как ей письмо писали на Музей, но она, наверно, там уже не работает. Как вот теперь списаться с Петром Николаевичем не знаем. Катя тоже ничего не пишет. Так что всё дело на точке замерзания ни взад, ни вперёд. Писала Лёля и к Кремнёвой, и в Таганское роно. Но отовсюду молчание. Ты писал нам, что получил телеграмму от Петра Николаевича из Перово, возможно, что он там и живёт, если он пришлёт тебе письмо, то напиши нам его адрес. Вчера Лёля с Игорем были у доктора, но так как она не специалист, то определённо сказать ничего не могла. Дала какие-то порошки по 2 порошка в день перед едой, и велела каждые два часа измерять температуру. Температура у него такая. В 9 часов утра 37,1; 2 часа дня 37,2; 5 часов 37,5; 7 часов 37,0; 9 часов вечера 37,7. 4/II 9 часов утра 36,8; 11 часов 37,1; 1 час дня 37,0; 3 часа 37,2. Как видишь, не высокая, сам он ничего, довольно весёлый, аппетит у него есть.

Скушал за обедом тарелку щей, на этот раз мясных, и ржаной каши с молоком тоже порядочное количество; вчера и сегодня удалось достать по крынке молока по 5 рублей. Но говорят, что скоро придётся платить по 10 рублей за крынку, а это очень начётисто, не знаем, как и быть: очень уж дорого. Серафима Галактионовна пошла поискать где-нибудь маслица, не знаю, удастся ли ей, цена маслу, говорят, семьдесят рублей за 400 гр. Вот так цены. Лёля и Серафима Галактионовна собираются в эту субботу идти в Пречистое к доктору относительно Игоря, так советовала наша докторица. Его с собою брать не нужно, а взять только документы его болезни. Посоветоваться с ними, быть может, придётся ехать лечить его в Москву, тогда нужно будет хлопотать о пропуске. Но в сущности ехать теперь как будто бы и рановато, до весны ещё далеко, что скажет весна — неизвестно. Да не знаешь, как там и квартира. Напиши своё соображение на этот счёт. Напишу тебе, что в настоящую минуту мы делаем. Лёля читает книгу, Игорь читает газеты за 1 февраля, Лёля взяла ему прочесть в сельсовете. Я пишу тебе письмо, а Серафима Галактионовна ушла на поиски чего бы поесть. Вот так и время проходит, дни теперь стали длинные и светлые. Мы в колхоз сейчас не ходим, стало много народу, кроме нас вернулись с трудфронта. Ну, пока и всё. Шлём тебе все привет с пожеланием всего хорошего. До свидания! Крепко целуем, твои родные Мама, Лёля, Гога.

5 часов вечера — температура 37,3.
7 часов 37,1.

6/II-42 г.

Милый Серёжа!

Сейчас от тебя получили сразу два письма (20 и 24), а то не было писем до этого 6 дней, тоже не знали, то и думать. Но почта, как видишь, всё время капризничает. От тебя до сих пор не пришли №№ 14, 18, 19, а затем вот сейчас с какими пропусками. Тебе мы пишем ровно через день, один раз я, другой Анна Николаевна. Она свои письма решила нумеровать, а я думаю, что всё равно спутаю, ты можешь знать, что пишем через день. Сегодня пришла целая пачка наших писем (обратных) из Барнаула, досадно было их получать и смотреть на них не хотелось. Тебе их отсылать, конечно, нет смысла. Пришли сегодня же следующие письма: от Воли (он призван в Красную Армию, но продолжает быть во Владимире, сын его вместе с тёткой в Бугульме Татарской АССР); от Нины (я её просила тоже что-нибудь посоветовать насчёт квартиры, но она ничего не может сказать. Самим что-нибудь предпринять им не до того — «идёт борьба за существование». Единственный совет — постараться самой приехать домой); от Вари (ей хочется приехать к нам побывать и привезти мамины вещи, живут с Настей хорошо, кой-что из техникума Насте дают); от Кати.

О Катином письме отдельно. Я ей переслала деньги (250 рублей) за квартиру. Её письмо датировано 3/I, но на штам[п]е конверта — февраль, обычная, по-видимому, рассеянность. Письмо её нас крайне не удовлетворило. Опять мы остались на том же. Передаю вкратце её содержание. Съездила она в Кусково, видела коменданта (директора не было). Он ей заявил, что за нами числится долг(?) с января месяца 41 г. Она уплатила за прошлое 178 рублей 74 копейки (о квитанции ничего не упоминает). С сентября же они не хотят брать, так как нас всех выписали 8-го ноября. Им необходима броня. Ты прислал им не броню, а справку, что уехал как эвакуированный. Вот, если будет броня, тогда они примут квартплату.

Видишь, письмо мало удовлетворительно. Во-первых, за нами никогда и долга не было, платили всегда по квитанции от самого музея, а, во-вторых, воз и ныне там, ничего не сдвинулось с места — квартплата не внесена. Какая может быть броня — я не представляю, можешь ли ты её достать? Посоветуйся опять с юристом. Пришли к нам письма к Филинкову с надписью: «Адресат выбыл неизвестно куда». Меня очень беспокоит, если ты пишешь ему тоже на Швейцарский дом, да ещё посылаешь и документы, а потом всё обратно, в лучшем случае, получишь. Он проживает, по-видимому, в Перове, но как узнать его адрес? Неужели он тебе не прислал его, ведь, если бы прислал, так ты, без сомнения, нас известил бы. С Катей иметь дело очень трудно, она страшно непрактична. Я ей определённо написала, то если в музее денег не примут, то посоветовавшись с юристом, внеси в депозит, а она какой-то долг выплатила и всё.

Как-то у меня голова кругом идёт, честное слово, не знаю, что сделать, такая путаница с этим делом получилась, что распутать её, кажется, нет возможности. Всего лучше бы иметь дело с Филинковым, но никак мы не можем установить связь с ним. Теперь внести квартплату — кому? Может быть, послать по телеграфу прямо музею, как ты пишешь? Я думаю так и сделать, пожалуй, будет верней, чем опять Катю просить. Ведь, если они не примут денег, то их обратно пришлют, так ведь? А у нас на руках останется квитанция. В прокуратуру (Ухтомскую) напишу сегодня же, согласно твоих заявлений. Кремнёвой писала, ответа нет (возможно её тоже нет в Москве), В ТОНО два раза писала — ответа нет. Всё ещё надо выжидать, не до меня всем.

Нам денег, Серёженька, не нужно, что ты, мой друг, у нас есть вполне достаточно. Мы не бережём их. Но достать на них ничего почти нельзя, покупаем молока с трудом одну кринку, иногда две в другой уже деревне, просят всё на вещи, на сено, корм для скота и т. п. Вчера был день удачи: здесь дали кринку, потом мама в деревне достала две, а вечером пришла одна женщина и попроси-

ла написать заявление, за это тоже дала одну кринку. Часть молока мы выпили, а часть поставили на сметану и творог. Покупаем хлеб (пайковый) и больше пока затрат нет. Стоят большие холода (40°), поэтому походить ещё и поискать чего-нибудь очень холодно. Собралась я идти в Пречистое завтра насчёт Игоря в райздрав. Но сейчас ещё думаю отложить на неделю. Игорю стало лучше, t° сегодня целый день нормальная, а насчёт пропуска домой нужно ещё немного подождать, может быть, недели две-три, тогда я начну хлопотать. Уж очень холодно, да я бы сказала, что за последнее время и заминка произошла.

Твоё письмо (20-е) полно грусти, одному тоскливо, но в то же время ты и нас ободряешь, милый мой Серёженька, если бы знать, что весной или летом соединимся, то уже не так долго ждать, а так ли это — никто не знает и трудно что-нибудь сказать определённое. Передаю Анне Николаевне заканчивать. Целую тебя. мой любимый друг. Лёля[A].

Ильинское. 6/II-42.

Дорогой Серёжа!

Я тебе пишу письма довольно часто, через день, иногда через два. Например, я тебе писала последние письма 1-го, 4 и сегодня 6-го, с 1 февраля я тебе стала письма №-ть, так что это будет моё письмо № 3; до этого времени я тебе писала много писем, начиная с 31/XII-41. Ответы на эти письма мы ещё не получили, и поэтому я заключаю, что мои письма не все доходят, ведь я в большинстве случаев пишу не заказные. Что тебе, дорогой мой, написать в утешение? Одно могу сказать — мужайся и не падай духом! Тяжело всем нам, но другим ещё тяжелее, у нас ещё есть надежда увидаться, у других эта надежда давно потеряна и никогда не вернётся. Все мы живы, здоровы и, Бог даст, встретимся и поживём вместе, если не в этой квартире, то в другой, на улице жить не будем, только быть бы всем здоровым, поэтому нужно, как можно больше, себя успокаивать и главное не унывать. Как говорится, три к носу, всё пройдёт. Игорю сегодня лучше, температура весь день нормальная, аппетит хороший, он весёлый. Сидит решает какие-то задачи и мурлычет под нос себе песенку. Лёля строчит новое заявление в прокуратуру, а я заканчиваю твоё письмо. Серафима Галактионовна греет самовар. Жаль только, что ты не с нами. Но доживём, Бог даст, и до этого. Лёля тебе уже писала, что Филинкова письмо пришло обратно, так как адресат выбыл неизвестно куда. Если ты знаешь его новый адрес, то пришли нам. И если ты сам напишешь на Швейцарский дом, то твои письма тоже придут назад. От Папки и Лены писем давно не было, после приезда Лёли из Ярославля не было ни одного письма, вернулась она домой

[A] Далее письмо продолжено рукой А.Н. Дмитриевой.

25/I. Наверно завтра-послезавтра получим. Получил ли ты моё письмо, в которое я вложила письмо Симы? Денег нам не высылай, есть в целом 15 пачек. Завтра, наверно, одну придётся начать. До свидания, мой родной любимый Серёжа. Пусть тебя хранит Господь. Не скучай, будь крепок духом. Целуем и обнимаем все. Твоя Мама.

8/II-42.

Милый папа!

Вчера от тебя получили письмо от 19/I № 21, а ещё раньше получили письмо от 26/I № 24. Мы не получили № 18, 19, 22, 23. Все остальные письма пришли. Мы тебе пишем почти каждый день. Но у нас почта плохо ходит, не каждый день, вот письма и скопляются по несколько сразу. На улице сегодня потеплело, идёт снег с ветром. Снегу давно не было; всё стояли морозы, говорят, доходили до 40°. Сегодня нам принесли муку 20 кг, которую мама и бабушка ходили молоть на мельницу, но мельница сломалась, и они оставили рожь у одной знакомой. Она взялась смолоть рожь, и сегодня принесла её. Вчера в колхозе выдавали на трудодни мякину, мы свою сменяли на крынки молока. Вчера мама и бабушка ходили в соседнюю деревню и купили 4 кочешка капусты, только мороженой. Папа, напиши, есть ли у тебя другой Атлас или нет? Атлас, который у нас, очень хороший. В нём есть почти все города, про которые пишут в газетах. Бумагу, на которой мы пишем, мама достала в Ярославле, так что ты нам больше не посылай чистых листов, а пиши на них.

До свидания. Целую тебя крепко! Игорь[A].

Милый, дорогой Серёжа!

Пишем мы тебе очень часто, но за последнее время всё посылали простыми, может быть, пропадают, а может, просто задерживаются. Твои письма вложили в папку, всё по порядку, как книгу можно читать. У тебя тоже, наверное, порядком скопилось. Сегодня воскресенье, никуда не ходили, сидим дома, да печи топим, идёт густой снег. Настроение получше. Ведь, всё время меняется в зависимости от обстоятельств. Гвоздит только вопрос о квартплате. Ещё не послала на музей, как советует Филинков, но думаю, это сделать завтра. Кому же иначе послать — Кате, с тем же результатом, Филинкову — адреса нового не знаем, да и не опасно ли ему (они всегда без денег живут), а если музей не захочет принять, то деньги не пропадут. Так что ли?

Игорю стало получше, t° — нормальная, возможно простуда, да и сам он повеселел, только похудел, осунулся как-то. Сегодня нам одна знакомая при-

[A] Далее письмо продолжено рукой О.А. Дмитриевой.

несла с мельницы 15 кило муки (мы с мамой отвозили туда), да за мою рубашку и панталоны она обещала сменять 16 кг муки, потом у неё через месяц (!) отелится корова, тогда накопит масла и у нас возьмёт 3 метра материала. Это долго, правда, но всё равно и тогда нужно будет есть. С твоим письмом (21) согласна относительно призыва чеховских трёх сестёр, [в] последнее время это особенно ощутимо. Одно время мне казалось иначе, а теперь несколько погода опять изменилась. Как ты говоришь, надо подождать и потерпеть. Говорят, были на днях гости в Ярославле. Тем не менее в Пречистое собираюсь идти, только ещё не знаю, когда. Рядом с нами, можно сказать, в соседней деревне, эвакуированным дают какой-то паек, но они Даниловского района, а нам абсолютно ничего. Нужно поднять этот вопрос, сговориться со всеми эвакуированными и написать общее заявление.

Думаю, это сделать перед Пречистым. Мы ещё питаемся как-нибудь, а вот в Ярославле совсем неважно у наших. Насмотрелась я на их жизнь и сыта осталась. Но не все там одинаково живут, вот Байбородина много лучше Лены, всё у неё запасено, сытно и тепло.

Времени у меня теперь много свободного. Так что по деревням иногда ходила, а то читаю, а то лежу. Уж это одно сохранить должно силы. Хотим ещё дров приобрести. Надо поговорить и с колхозом (относительно лошадей), и с лесником. Самим теперь добывать уже стало немыслимо из-за снега. Так вот и живём понемногу, смотрим в окно на снежную пелену, и такая, думаешь, мирная невозмутимая картина. Новостей больше нет никаких. Я продолжаю кашлять, но, ведь, я и раньше была подвержена простуде и все зимы, можно сказать, кашляла, так что особого значения этому не придаю.

Меня торопят с обедом. Так бы вот и перенесла тебя сейчас сюда, с ума бы, можно сказать, сошла от радости, увидев тебя. У кого ты теперь обедаешь, не у преподавателя, а в столовой и какие там обеды?

Целую тебя много раз. Лёля.

4-е.

Ильинское. 10 февраля 42 г.

Дорогой милый Серёжа!

Вместе с этим письмом высылаю тебе ещё четыре письма, которые мы получили обратно из Барнаула. Я их прочла, и мне стало жалко их уничтожить, так как ты очень жалел, что их не получил, поэтому у меня мелькнула мысль переслать их тебе. Хоть и жаль денег, которые тратятся на марки. Я бы тебе написала бы вчера, но думала, что сегодня получим твоё письмо, и тогда отвечу, но вчера и сегодня почта была, но от тебя писем не было. Сегодня было

письмо от Алфея из Астрахани. Он пока дома, имеет броню до 1 марта, а дальше не знает, как будет, семья его здорова и вместе с ним. Зина, жена его, не работает, ожидают к маю месяцу прибавление семьи, хотя теперь это и лишнее. Второе письмо было от Папки, пишет, что получил твою открытку от 17 января и тебе ответил, так что, наверно, он тебе сам описал все ихние новости. Я за эти дни те[A] 7 февраля написала заявление в Кусково. Наталье Фёдоровне положила в письмо марку и лист бумаги для ответа. Просила написать мне адрес Петра Николаевича, если она его знает. Лёля написала заявление в Люберцы военному прокурору, по твоему совету и адресу. Затем выслала переводом в управление Музея (360 рублей) за шесть месяцев квартплаты. Не знаю, получат ли они или вышлют их обратно? После написала ещё заявление директору Музея и приложила копии, засвидетельствованные сельсоветом, что мы имеем жилплощадь в Швейцарском доме и эвакуированы сопровождать сына больного в Ярославскую область. Затем она просит ответить, какие долги получили они с её сестры за 1941 г. по сентябрь месяц, так как долгов за нами никаких не было. Получили они с неё 178 рублей 74 копейки. Деньги эти были посланы для уплаты за квартиру. О том, что взята твоя комната, она ничего не пишет, якобы ей это неизвестно. Не знаю, как ты спишешься с Филинковым? Написал ли он тебе свой настоящий адрес. Я уж тебе писала, что наше письмо заказное от 22/XII, на нём помечено, адресат выбыл неизвестно куда. Ну вот тебе и всё, что нами предпринято за это время. Теперь напишу о текущих делах. Вчера температура Игоря была почти весь день 37, а сегодня нормальная, на улицу его не пускаем, дома он и лежит, и ходит. В общем весёлый. Я сегодня была весь день на работе, чистила машиной льняное семя, а Лёля была дома, устраивали с Серафимой Галактионовной мытьё, мыли Игоря, и мылись сами, я после работы тоже мылась, мылись все наверху в комнате, котёл грели внизу в кухне, носили воду горячую вёдрами. В кухне мыться холодно. Наверно, на этих днях придётся идти в Пречистое. Как будто бы эвакуированным что-то хотят давать. Пойдёт Лёля и с нею я или Серафима Галактионовна, пока ещё не решено. Возможно, что привезут к нам в Ильинское, тогда идти не придётся. Напиши, родной мой, как ты живёшь? Это время все письма заняты квартирою и совершенно забываешь о себе. Напиши, как твои дела, пишешь ли в газете, бываешь ли в театре, есть ли у тебя какие новые знакомства. Ты, Серёженька, особо не тужи, живи повеселее, от этого, ведь, никому не легче, если ты будешь грустить. Только себя изведёшь, а толку мало. Я тебе писала в письме котором-то, чтобы

[A] «Я за эти дни те 7 февраля» — так в подлиннике. Возможно должно быть: «Я за эти дни, т. е. 7 февраля», но никаких знаков препинания в этом предложении нет.

ты устроился с обедами как-нибудь у себя дома, быть может, у Бетти Зиновьевны. Ты писал, что у них есть домработница, наверное, они готовят дома. Ну платил бы подороже, зато было бы лучше. Напиши, можно ли это устроить? Ну будь здоров, мой дорогой! Крепко тебя целую и желаю поскорей увидеться. Привет ото всех. Твоя Мама.

14/II-42 г.

Дорогой Серёжа!

Вчера пришли от тебя три письма (14, 22 и 27), таким образом приходят они в полном разброде. Нам также, как тебе, все удивляются: здесь весь сельсовет не получает столько, сколько мы одни. Корреспонденция обширная. Да и сами всё время пишем и не только письма, а самые разнообразные заявления. Снимаю копии ещё, заверяю их, посылаю и т. д., одним словом, машина работает. Твоё последнее письмо (27) полно наставлений, не впадать в уныние, действовать по-военному и т. д. Может быть, не нужно тебе иногда писать унылые письма, сдерживать себя, сглаживать шероховатости, но не всегда это удаётся, а поскольку пишешь тебе часто, то всякие письма и получаются. Ещё в начале нашего приезда сюда у нас были по этому поводу разногласия с Анной Николаевной, она сетовала на меня, что я пишу в розовых красках, нет поэтому правды. Да и нужна ли эта правда всегда, если всё равно ничего не изменишь? Тут я выступаю уже, как твоя ученица, по-моему, ты в этом роде говорил. Наши последние письма, мои в частности, очень однообразны, Игорь даже говорит об этом: «Ну, вы только и говорите об этом и больше ни о чём». Тогда, действительно, всё как-то остро воспринималось, а теперь уже подтряслось немного, ну, в конце концов, будь что будет, делаешь, что можешь.

Что же за это время ещё сделано? Вчера я и Анна Николаевна ходили в Пречистое, несмотря на очень дурную погоду: всю дорогу передуло и идти было трудно. Пошли рано, часов в 9 и вернулись в этот же день вечером часов в 8. Можно сказать, ползком под конец доползли. Думали было остаться ночевать там, да в одном доме знакомом (бабушки) было очень грязно и тесно, всю бы ночь промаялись. В Пречистом всё время были на ногах, из одного учреждения ходили в другое. Хлопотали о пайке, председатель сельсовета говорил, что нам, эвакуированным, выписан паёк, но такового не оказалось. Удалось Игорю выписать 10 литров молока, заплатили по казённой цене 13 рублей 20 копеек за всё, будут давать здесь на местной ферме, за февраль месяц. Ходили в Райздрав. Заведующий его дал направление в Московский областной туберкулёзный институт для лечения Игоря. С этой справкой пошли к начальнику НКВД. Он сказал, что сам сделать ничего не может, а нужно разрешение области, посоветовал

написать заявление в Ярославль с приложением документов. Сегодня я это и сделала, сняла копию с эвакосправки, приложила направление Райздрава. Написала заявление с просьбой дать разрешение на въезд и всё это отослала.

Только мне всё-таки кажется, что пока ничего не выйдет. Думаю подождать ещё месяцок и самой опять съездить в Ярославль, а за это время, может быть, и ТОНО откликнется. А там, может, и с квартирой что выяснится. Если буду в Ярославле, то постараюсь сделать то, что ты советуешь: позвонить по телефону. Кремнёва не отвечает, ТОНО тоже, ещё написала секретарю школы Губаревой, на адрес ТОНО, будет ли какой результат — не знаю. Просила ещё Катю узнать мне адрес школы 455-й, работает ли там Кремнёва и т. д. Только Кате почему-то пишешь одно, а у неё получается всё наоборот. Писала я ей, если музей денег не примет, то, посоветовавшись с юристом, внеси деньги в депозит, а она этого ничего не сделала. Ничего не понимаешь — не сами делаем. Вот пишет она всё про броню, чтобы ты прислал броню, об этом же тебе и Филинков упоминает, а где ты её возьмёшь, раз твоего учреждения нет.

Мы живём понемногу, нового ничего нет, начались только вместо холодов вьюги и метели, для дома это лучше, у нас тепло, не выдувает, а вот на улицу выходить трудно. Наряды на работу бригадир даёт, ходила Анна Николаевна несколько раз на прочистку семечек машиной, а мне было некогда, особенно не настаивает, как можете. Так и живём, изо дня в день. Игорю стало лучше, немного выходим на улицу, в сельсовет, например, почитать газеты. До свидания. Целую тебя. Лёля.

Обрадовались очень, что получили адрес Филинкова, Анна Николаевна написала ему сразу[A].

13/II-42[B].

Дорогой папа.

Вчера мы получили от тебя сразу 3 письма, да ещё 2 наших же, посланных в Барнаул, которые пришли обратно. Вчера мама и бабаня ходили в наш райцентр, в Пречистое; дорога была очень плохая, вся перемешенная. Назад они вернулись уже вечером и очень устали. Недавно бабушка ходила за ведром, которое она отдала в починку; по дороге она зашла в школу, откуда мне обещали прислать программы для ученья. Ей обещали, что программы пришлют, но до сих пор так ничего и не был[о]. Папа, ты пишешь, что у тебя в комнате стоит лимон и финиковая пальма. У нас тоже они есть, только лимон всё теряет свои

[A] Последняя фраза приписана после окончания письма простым карандашом.

[B] Далее письмо продолжено рукой Игоря Дмитриева.

листья. Бабушка очень боится, как бы он не погиб. Кроме этого у нас есть ещё большой кипарис. До свидания! Крепко тебя целую. Игорь.

5-е.

Ильинское. 15/II-42 г.

Дорогой милый Серёжа!

Вчера получили твои два письма № 18 от 16/I и 28 от 2/II, видишь, как нерегулярно идут письма. Вчера я написала и отправила заказное письмо Петру Николаевичу, думаю, что теперь-то получит, так как ты прислал его адрес, а я всё писала по старому адресу; вместе с твоими письмами пришло письмо и от Папки от 4/II, письмо довольно грустное, так как жить ему стало грустно во всех отношениях, каждому, пишет он, до себя сейчас. Пока я служил, ну всё было хорошо, кое-кому я был нужен, так как при моей службе никто не голодал и не холодал. А как я перестал служить, — так картина переменилась, остался мой единственный неизменный друг — Собез[A]. Каждый месяц аккуратно, несмотря на войну, я получаю 150 рублей, из них 75 за квартиру, что мне остаётся на пропитание? Хорошо, что я хоть обеспечился одеждой и обувью. Живу я в комнате больше похожей на кузницу и плюс холодную; 400 гр. хлеба, понятно, не хватает, тем более, что варить нечего, и я ещё должен ничего не продавать, всё беречь и голодать. И с продажей-то голодно на одном хлебе и воде. Что же касается, что ничего вам не писал, т. е. не жаловался, так ведь, во-первых, вы, наверное, и сами знаете, что на 150 рублей человеку, да ещё больному, существовать трудно, во-вторых, что писать вам, когда вы сами все поразъехались по разным местам и главные наши кормильцы С. и Л.[B] без работы. Чего же вам писать? Спасибо большое за твоё предложение приехать, но я думаю, лучше уж мне тут одному биться, чем вдвоём. Помочь ты мне ничем не поможешь, а тоску нагонять будем друг на друга. Пока не нужно это делать. Эту зиму как-нибудь проскрипим, а на будущую едва ли проживём, так как и бледнеем, и худеем от хорошей жизни. В коммерческих магазинах громаднейшие очереди, и Лена не может стоять там целыми днями, а я не могу по болезни, Лёля была и знает, как покупать в коммерческом. В общем, что я от вас получил (большое спасибо), за это время мне бы, пожалуй, и хватило, но… у меня семья-то велика, всё стало дорого, а я не могу смотреть хладнокровно, как вижу, что моим

[A] Так в подлиннике. Надо: Собес — отдел социального обеспечения.

[B] Нет твёрдой, однозначной уверенности, кого имеет в виду автор. С инициалами «С.» и «Л.» в семье есть дети (Сергей и Лена), есть их супруги (Лёля и Лёня). Если инициал «С.» — для Сергея, неясно, почему он считается «без работы».

сородичам туго и, не дожидаясь никаких просьб, всё и тащил им, а самое главное — лучше самому отдавать, чем просить. Посему, если будет нужно, и ещё продам кое-что, а то всё равно умрёшь и всё останется, а мне бы по кой-каким соображениям хотелось немного пожить, хотя и без удобств. Остальное письмо посвящается Лене и ребятам, ещё пишет, что у них пока всё спокойно. Сам он думает, если доживёт до лета, поступить хотя бы в сторожа в ихнем переулке. В твоём последнем письме ты пишешь, чтобы Лёля высылала отцу (по 100-150 рублей в месяц), с моей стороны тебе за это большое спасибо, но мы с Лёлей уже до твоего письма послали ему в декабре 100 рублей, и Лёля, когда ездила в Ярославль, тоже дала ему 100 рублей. Сегодня я писала отцу письмо и написала ему, что ты велел нам высылать ему денег, на той неделе пошлём ему перевод. Вчера же получили письмо от Лены. Тоже очень тяжёлое. Сейчас я тебе его напишу, письмо от 7/II. Прежде всего поздравляет меня с днём ангела (завтра я именинница), далее пишет она так. О себе писать особенно ничего не буду, просто писать не хочется и, если бы не твои, мама, именины, даю вам честное слово, ничего и не написала вам. Лёличка была у нас очень недавно, видела, как мы живём, и я уверена, что всё то, что она вам рассказала, это сущая правда. Ты же, Мама, ещё вроде сомневаешься, и как всегда думаешь, что мы преувеличиваем и что гораздо лучше, что мы просто привыкли плакать. Со дня, когда у нас была Лёля, произошли, правда, заметные перемены. На плитку, где варится обед, очень редко попадает кастрюля с супом, ну в неделю раза 3, не больше, а то всё более греем чай, кофе по-чёрному и только! Я даже хотела на днях продать глубокие тарелки за ненадобностью! Лёля всё это видела и знает, она знает, как легко тоже купить в коммерческом магазине что-нибудь вроде муки 0,500 гр.! Ей теперь про это не рассказывать! Ещё произошла небольшая перемена в отношении молока, молочница в молоке ребятам отказала, так как её корова стала доить только за очистки и повал. У меня же ничего такого нет дома, чтобы я ей могла дать. Ну вот пока и всё, хорошенького понемножку. Не сердитесь, что буду писать редко, так как мне не хочется писать. Да и холодно, и на улице, и дома, и на службе! Вчера я получила два письма от Серёжи, он пишет и просит Папу узнать, можно ли будет ему в марте или же в мае месяце добраться к нам и получить здесь работу по своей специальности. Папа же хочет ему написать, чтобы он так далеко не загадывал, так как ничего неизвестно, кому и к кому придётся ехать. За эти дни нас не забывали гости, были два раза, ну, конечно, и не надоели, да ладно расходу от них немного, было пошумели и ладно. Я была очень рада, что Лёля до них добралась домой, а то всё-таки ей бы, наверное, не захотелось с ними встречаться. Ещё раз поздравляем и целуем (это всё письмо Лены) все много раз. Видишь, какие письма получаются, не

особо приятные. По всему этому ты, Серёжинька, устроился пока хорошо! Хорошо, и держись за своё место, кто знает, что ещё может быть? Ты что-то писал про Свердловск, то стоит ли менять? Мы все здоровы, у Игоря температура нормальная. Сегодня воскресенье, мы все дома. Игорь и Лёля ходили прогуляться. Сегодня большой праздник, завтра я именинница, но я не люблю эти торжественные дни, в эти дни особенно грустно. О тебе я теперь несколько успокоилась, но зато о ярославцах болит душа. От тёти Кати писем больше не было, не знаю, что с ними. Бедная моя Ленуша, всё время у них недохватки, жаль ребят, которым нечего дать поесть. Не знаю, пишут ли они тебе откровенные письма или всё скрывают? Ну будь здоров, дорогой мой. Я тебе пишу много писем и не знаю, все ли доходят до тебя. Теперь я стала свои письма нумеровать. Это 5-е с 1 февраля. Кроме писем, пересланных из Барнаула, пришло обратно ещё два, но я их уничтожила. Написала я Филинкову очень дружественное письмо. Просила поскорее ответить, я, мол, Вам до этого писала по старому адресу и письма пришли назад. Мы хотим ему послать (перевод на 50 рублей на почтовые расходы), так как нужно много денег на это, ты ведь, наверное, ему ничего не послал, а телеграмма и письма стоят денег. Думаю, что это будет не лишнее.

Целую крепко. Твоя Мама. Завтра напишет Лёля и Игорь.

16/II-42 г.

Милый Серёженька!

Сегодня перед обедом получили от тебя два письма (№№ 25 и 26), открытку Насти и письмо Алфея. В Астрахани живётся неважно, как он пишет, кошмарно в смысле питания. Настя пока с Варей живут хорошо, не жалуются, но в Ярославле кушать нечего, и не думай туда пробираться. Судя по твоим письмам, ты вполне сыт и в тепле, лучшего нигде не найдёшь. Стало вновь в Ярославле тревожно, у нас пока абсолютная тишина и покой. Твои письма вносят уверенность и бодрость. Я очень рада за тебя, ты — молодец, довольна, что себе комнату отвоевал, довольна, что в приличной столовой обедаешь, довольна, что имеешь связь с театром. Хорошо бы ещё кое-что от Петра Андреевича получить в смысле одежды, он, ведь, тебе обещал и костюм свой? Насчёт дома имею такие сведения, что ещё ни под каким видом и никого не пропускают, надо терпеть и ждать. Относительно задержки нас в Ильинском для посевной работы — этого не может быть, в любой день отпустят. Вот если будешь на работе в отъезде (на трудфронте), тогда, конечно, другое дело.

Об Ярославле и думать нечего, чтобы кому бы то ни было туда ехать. Когда я была там, то видела такие картины: временно уехавшие из города желают вернуться обратно и не могут, прекращена всякая, кого бы то ни было, пропис-

ка, а не то, что вновь прибывшим. Да и смысла нет там жить, живут едва сами. Побывав там, я поняла, что у нас рай. Всё познаётся сравнительно. Пётр Николаевич недавно был там два раза (кажется, на Всполье останавливался, точно не знаю), а потом проехал в Любим. Вот такие, Серёженька, дела.

В воздухе у нас чувствуется весна, на солнышке начинает припекать и таять. Здесь в деревне особенно заметно, но на душе весны пока нет, что-то она нам сулит.

Твоим письмам рады бесконечно. Много смеялись над припиской Филинкова относительно Муськи. Поможет ли нам Филинков. Если да, то это будет даже удивительно, вспомни, как мы все к нему относились. Но возможно, что и поможет, так как всякие такие дела, которые связаны с представительством его где-нибудь, ему импонируют. Как это не обременительно, а, пожалуй, придётся посылать деньги из Макарова Сергею Васильевичу. Думаем, и Филинкову послать на почтовые расходы 50 рублей, тут обидного ничего нет, на самом деле расходы значительные. Катя и то писала так: эвакуированные из их дома ей все пишут и просят ответить, а на почтовые расходы не дают, а у ней каждая копейка на счету, ничего нет. Ей я писала, чтобы она себе взяла на это дело из оставшихся денег от квартплаты (ты получил, наверное, где писали тебе об уплате долга). Сегодня писала и Николаю Леонидовичу. От него не было больше после печального известия. До этого он довольно часто писал, а тут и замолчал, видно тяжело на душе, а может и сам заболел. У тебя нет там больше никого, кому бы можно было задать вопрос? Он писал всегда очень тепло, как самый близкий человек, заботливо, делал в конце приписку: «Поцелуйте Игоря за меня». Предлагал, между прочим, денег, «только ко мне обращайтесь за помощью». Я не ожидала даже от него. Всегда он был приветливый, радушный, но далёкий, теперь у него, правда, никого не осталось. Его два брата в Ленинграде, выдержат ли? Да и наши все ленинградцы тоже? Ни от кого оттуда нет известий очень давно. Сегодня Анна Николаевна — именинница (кстати, ты забыл её поздравить), было только поздравительное письмо от Лены, да и то такое тяжёлое, что всех расстроило (нечего кушать им). Ждала она от тёти Кати — не было, от Сергея Васильевича тоже.

Мы праздновали по мере возможности. Все сидели дома, были остатки гуся. Поджарили кашу ржаную с ним, а на первое молочная лапша, затем пирог с картошкой. В общем, мы сыты вполне, пища тяжёлая, но едим её вдоволь, хлеба вполне достаточно. Думаю, что и молока скоро будет больше, сейчас ещё мало: коровы отелились не у всех, да масленица была, всякий попридерживал, постом (а он с сегодняшнего дня) должно быть, мы не скупимся, да не продают на деньги.

Времени свободного стало больше, и за дровами не ездим, и в колхозе пока не работаем. Утром я до чаю наколю дров на большую и маленькую печки (охапки четыре). Принесу домой, схожу на реку за водой раза два. А потом после чаю уберу кой-чего, за хлебом схожу, затем в сельсовет почитать газеты, там обед, писание писем, отдых в постели, немного почитаешь, немного посидишь и всё. Изредка, не каждый день, сходишь за молоком в какую-нибудь деревню с мамой.

Что плохо у нас, так с мытьём, русской печки и то нет (мы не топим кухню), моемся в корыте, очень сложно с водой, с мытьём, а главное уже нет мыла, чуть-чуть бережём на голову, рук больше не мылим, ничего не поделаешь.

Ко всему человек привыкает. Очень хорошо, что от тебя так часто приходят письма, с нетерпением жду ответа на одно моё письмо (ты догадаешься, какого), личное.

Целую тебя. Лёля.

6-е.

Ильинское. 19/II-42 г.

Дорогой мой Серёжа!

Вчера получили твои два письма: одно 23-е от 23/I и второе 30-е от 4/II. Нет твоего письма 19-го и открытки 29-й. Ты пишешь, что плохо получаешь наши письма, не знаю отчего, пишем мы тебе очень часто, то Лёля, то я, недавно я послала тебе целую коллекцию старых барнаульских писем, счётом четыре, они пришли обратно к нам, и мне жаль было их уничтожить, так как ты очень жалел, что они к тебе не попали, это письмо 6-е за февраль, да сколько ещё послано до нумерации. Я считаю только свои письма, кроме Лёлиных, а она тоже посылала. Что тебе отвечать на твои письма хотя бы об отце, твоё беспокойство я понимаю, но чем можно им помочь? Чтобы помочь им нужно очень много. Вчера Лёля перевела Папе (150 рублей), но ведь это капля в море, и его этим не спасёшь. Хорошо бы было им теперь подкинуть посылочку, вроде прошлогодних кусковских, но увы и ах! Теперь всё это отошло в область предания, и нечего подобного быть не может, будем надеяться, что всё это повторится, если будем живы. Что же касательно перемены ему комнаты, то это сказка про белого бычка. О этом уж и говорилось, и писалось много раз, и в прошлом, как тобою, так и мною, но всё это до сих пор ни к чему не привело, уж не первую зиму страдает он в холодной комнате, сколько раз обещал он её сменить, но до сих пор воз и ныне там. Уезжая в последний раз из Ярославля, я ему советовала воспользоваться комнатой Анны Алексеевны в доме, где живёт наша Лена, и которую мы думали до отъезда занять сами. Она ему уступила её

за 75 рублей в месяц, как он платит Марии Матвеевне, он мне сказал ладно, подумаю, и как видишь, не надумал. Понятно, его комнату давно бы нужно бросить, да привычка — вторая природа, расстаться с ней ему жалко, вот и мучается поэтому, а главное их мучение состоит в том, что у них мало денег. Жаль мне очень их, жаль ребятишек, которым нечего дать поесть, но что можно помочь, послать что-либо отсюда буквально нечего, даже если бы кто и поехал в Ярославль. Здесь на всё такие баснословные цены, что и не опишешь, а главным образом преобладает мена, а что можно нам сменять? Лишнего у нас ничего нет. И сами-то кое-как перебиваемся. Обещают всё дать какой-то паёк эвакуированным, но пока только обещают, а когда будут давать, неизвестно. Да, Серёжинька, должно быть там хорошо, где нас нет. Прав Марголин, говоря, что ты питаешься как Лукулл, поэтому зря со своего места не срывайся, ни в какой Свердловск не устраивайся, а живи в Сталинске, благо устроился хорошо и жить можно, ещё ничего не известно, как будет дальше, если с питанием дело не наладится, то может весною придётся Лёле с Игорем ехать к тебе, всё же будет уж насиженное место, приглашать тебя сюда, чтобы ничего не иметь, просто преступление. Ну ладно, так далеко загадывать не приходится, будущее покажет время. Напишу, что ещё сделано нами за вчерашний день. Филинкову выслали перевод на 50 рублей для почтовых расходов. Думаю, что он будет доволен. Вчера я написала письмо Наташе и просила её нельзя ли как-нибудь при содействии Александра Сергеевича Киселёва разузнать, как получить разрешение для въезда в родные палестины, так как нами подано заявление на получение пропуска для проезда и лечения по назначению Пречистенского здравотдела больного Игоря в Московском областном туберкулёзном институте, но одного пропуска нам сказали мало, нужно ещё разрешение на въезд Моссовета, а мне кажется, Александр Сергеевич депутат Моссовета. Не знаю, так ли это всё, но, когда знаешь, не спится — лежишь-лежишь, и что-нибудь и надумаешь. Написала я Наташе, а выйдет ли что из этого, увидим. Сегодня Серафима Галактионовна получила два перевода по 100 рублей от Нины и Насти. А вчера было письмо от Вари, там живы и здоровы. Варя хотела бы приехать повидаться с нами, но боится морозов. В общем погода по утрам хотя морозная, но днём солнышко греет хорошо, время идёт, скоро кончится первая неделя поста, что-то скажет нам весна? Игорь и Лёля собираются писать тебе завтра. Сейчас сидим я, Игорь и Серафима Галактионовна в столовой. Игорь читает Зоологию, Серафима Галактионовна роман Лже-Дмитрия, а я строчу тебе послание. Лёля ушла бабайкать. Ходили мы с ней сегодня в деревню Инюшено в чаянии чего-нибудь раздобыть, но вылазка наша не удалась, ничего не пришлось купить, хотели молочка или чего-нибудь ещё, но ничего не нашли. Думаем, в

конце месяца снова двинуться в Пречистое в Здравотдел по поводу Игоря — не дадут ли ему ещё молочка на март месяц. Колхоз о нас стал забывать, пока что не назначает на работу, так как вернулись многие с окопов.

Очень рада я, Серёжа, что всё-таки с питанием у тебя хорошо, комната тоже, как ты говоришь, хороша, молодец умеешь устраиваться, пиши нам всегда всё подробно. Теперь у нас бумага есть, можешь писать и два листа. Конверты твои я все перевернула, теперь целых 24 конверта, пиши — не хочу, твои конверты посылаем только тебе, Папины Папе и т. д. Я тебе давно уже писала, не знаю, получил ли ты то письмо, где писано, чем починить серую рубашку, отрезать длину и сделать новый воротник и манжеты. Это нужно отдать какой-нибудь портнихе, быть может, ты это уже и предпринял. Ты просто умница, нашёл даже трикотажную мастерскую и надвязал себе носки.

Ну вот и Игорь с Серафимой Галактионовной ушли спать, пора и мне кончать и идти спать, но я нескоро усну, сплю вообще плохо, хотя и спокойно, но не спится, часто думаю о всём происшедшем и жалею о прошлом. От тёти Кати давно нет писем, вот уже с 12/XII, не знаю, живы ли они? Всегда она мне писала на день моего ангела, а нонче ни слуху, ни духу.

До свидания, родной мой, будь здоров и благополучен во всех твоих делах. Ждём с нетерпением твоих писем, читаем по несколько раз.

Вчера ещё получила Лёля письмо Николая Леонидовича Рубинштейна, пишет, что очень тоскует и боится возврата к родным палестинам, так как вновь придётся пережить всё потерянное, т. е. смерть Полины Петровны.

Крепко тебя целуем все-все!

Привет от Серафимы Галактионовны, Твоя мама, Лёля и Гога и Серафима Галактионовна.

Гога, хотя температурит 37,2, чувствует себя ничего.

20/II-42 г.

Дорогой Серёжа!

Получили сейчас твоё (только одно сегодня) письмо от 8/II (32-е). А открыток до сих пор нет, отсюда заключение, что они идут хуже. Читали с увлечением, несколько раз перечитывали, особенно отрывки из письма Филинкова. Новый директор и культурный, и вежливый (по его словам), а в то же время подвёл базу под свой поступок, ссылаясь на якобы указание Комитета, в силу особых обстоятельств. Это, знаешь, хуже, чем если бы сам действовал, а тут поди подкопайся. Неужели он мне, этот культурный и вежливый человек, не ответит на два заявления и затем ещё деньги послала?

Впрочем, теперь почему-то все эти вопросы меня уже не волнуют, как-нибудь образуется. А вот ТОНО не отвечает хуже, что-нибудь да должны

же написать. Кремнёвой, по-видимому, нет в городе тоже. Я Катю просила разузнать о судьбе моих заявлений, выяснить причину их молчания. Много только мы хотим от неё, вряд ли она, при её силах и возможностях, сделает это. Безусловно, если у меня будет пропуск хотя бы на одну, я поеду, но без пропуска — нельзя, до Ярославля и то трудно. Ты, вот, пишешь, что можно пробраться в Щёлковский район к Нине, а там, в крайнем случае, пешком домой, но теперь всё это осложнено страшно, всё не расскажешь и не напишешь. Между прочим, Катя писала нам, что по нашей дороге электрички не ходят до сих пор, а она добирается на трамвае до Ново-Гиреево, а оттуда пешком. Но самое главное осложнение во всей этой поездке — отсутствие питания. Я недолго была в Ярославле и испытала уже на себе всю тяжесть этого, лишний день пробыть нельзя. Дома (т. е. в разных местах) стало также в этом отношении трудно, это я тебе говорю наверное. Поэтому я так боюсь твоего приезда. Конечно, вместе бы быть всем — замечательно хорошо, и если бы ты жил с нами, в Ильинском, так уже один человек ничего бы не составил в смысле питания, но только что же здесь делать тебе, а без работы не знаю, дадут ли жить, что-нибудь нужно делать. Нет, как бы я тебя ни хотела видеть, всё же думаю, что лучше Швейцарского дома не придумаешь, а для этого ещё всё нужно ждать. Ещё месяц хотя можно ждать, т. е. март, а в апреле ты кончаешь, по существу остались пустяки. Весна у нас уже даёт себя знать, стало теплей значительно, на солнышке тает, скоро начнутся сорок утренников[A].

От Николая Леонидовича получила вчера письмо. Он пишет, что тоже подумывает о доме. Написал по этому поводу письмо Дмитрию Дмитриевичу (не знаю, кто это, а ты знаешь?). Тогда, когда он уезжал, конечно, было не до того. — Как он уезжал, оформил он свою квартиру, ты не знаешь, ты тогда его провожал? Может ли он вернуться туда без вызова? Это я сама тебя спраши-

[A] Имеется в виду 22 марта — по церковному календарю день памяти сорока мучеников севастийских. По народному календарю этот день связывался с началом прилёта птиц и поэтому назывался сорокиным днём. Народные приметы так описываются на странице интернет-ресурса www.lllit.ru: «О многом судили по поведению птиц. Ранние ласточки были залогом хорошего урожая, а если много галок и сорок, то можно было ждать вскоре тёплые дни. Если над водоёмом кружат чайки, значит, вскоре лёд будет сходить. Неблагоприятной приметой был тёплый ветер — считалось, что он предвещает дождливое и ненастное лето. Холодный ветер предвещал заморозки в течение ближайших 40 дней. Если же день был тёплым и безветренным, то и на лето ждали тепло». Приметы на сороки 22 марта. Праздник Сорок святых — традиции, приметы, обычаи [сайт] URL: https://www.lllit.ru/medication/primety-na-soroki-22-marta-prazdnik-sorok-svyatyh-tradicii-primety.html.

ваю, а не он. Кстати, письма от него идут гораздо дольше, чем от тебя и списаться с ним очень трудно.

Живём мы очень однообразно, ничего нового нет. От Всеволода получили как-то открытку, он ещё во Владимире, но ожидает отправления. Мама подала заявление насчёт пособий за сыновей. Послали письмом в Даниловский Военкомат, поскольку там взяли Александра. Если оттуда пришлют справку, что она на его иждивении, то ей должны дать.

Сейчас она ушла за молоком, что-то долго не идёт. Игорь всё-таки киснет, сильно не болеет, но сдал немного. Зимой и осенью был героем. Сейчас меряет t^o.

Место оставляю для него.

Но дни идут, и стынет кровь. Ты снился мне сегодня. Мы с тобой и Игорем ловили кроликов, они были какие-то бурые. Ложусь и встаю с мыслью о тебе. Целую крепко. Лёля[A].

20/II-42.

Дорогой папа.

Сегодня получили от тебя письмо от 8/II за № 32. Кроме этого письма, больше ничего не было, даже газет. Мы не читали газеты уже с 15 февраля. Наверно, завтра будет большая почта. Сегодня на улице настоящий весенний дождь: с крыш течёт, солнце начало припекать. Бабушка сейчас ушла в соседнюю деревню за молоком, там ей обещали. Мне ещё до сих пор не присылали из школы программу, по которой бы я стал заниматься. Не знаю, когда пришлют. Пока я занимаюсь так без программы по учебникам. Они у меня есть все, кроме учебника по литературе. Его во всей школе есть только два экземпляра. Все остальные учебники ты мне прислал из Кускова. Книг для чтения здесь мало. В сельсоветской библиотеке почти ничего нет. Есть только несколько книжек Джека Лондона. У наших соседей есть тоже немного книг, так что беру и у них. Напиши, какая сейчас у тебя погода, скоро ли будет весна? У нас с каждым днём всё теплее. До свидания.

Крепко тебя целую. Игорь.

7-е.

Ильинское. Воскресенье 22/II-42 г.

Дорогой мой Серёжинька!

Сегодня, быть может, не нужно бы мне тебе писать, так как настроение неважное, но так как скучно очень, то хочется отвести душу и разделить свою

[A] Далее письмо продолжено рукой Игоря Дмитриева.

тоску. У нас за эти дни ничего нового не произошло, всё по-старому, всем отослала письма и деньги, ждём ответа. Вчера хоть и была почта, но писем нам ни от кого не было. Я вообще не люблю воскресенья, на буднях как-то легче дышится или, может быть, потому, что больше занят и ничего как будто не ждёшь, а воскресенье точно бы и праздник, а на душе те же будни, если ещё не хуже. Вчера, или вернее сегодня в ночь, Лёля в порядке общественной нагрузки дежурила с 5-ти вечера и до 8 утра в сельсовете, так что ночевали я, Игорь и Серафима Галактионовна, спать легли не поздно, чтобы пораньше встать и приготовить дежурной самоварчик. Лёля вернулась в ½ 8-го, говорит, что ночью совсем не спала. Дежурила вместе с техничкой, так что страшно не было. Напились чаю, закусили, и Лёля ушла поспать в свою комнату. А мы стали заниматься своими делами, т. е. готовить обед, убирать в комнатах и т. д. Игорь ушёл к соседям рядом, там два парнишки, один 7 класса, другой в шестом. Он любит к ним ходить, играет с ними в карты, шахматы, шашки и домино. Сейчас, так как деловых сообщений нет, напишу, что я готовила сегодня к обеду. Вчера Серафиме Галактионовне посчастливилось достать в деревне Наквасино в 3 км три крынки молока, одну съели вчера за ужином с хлебом (Лёля тоже прибегала ужинать). Вторую выпили сегодня утром за чаем. И из третьей сварила молочную лапшу. На второе же остался от прежней роскоши кусочек печёнки, стушила её с картошкой. Видишь, как по-богатому. К вечернему чаю печём хотя и ржаной, но всё же пирог с капустой, без масла, но со сметаной, в общем ничего есть можно, так вот и пробавляемся со дня на день! Гораздо хуже обстоит дело с ярославцами, и это меня гнетёт. Уж очень тяжело им стало жить, сидят с семьёй без обеда, просто беда. Много думаю, чем бы им помочь, но ничего не могу придумать, тут, понятно, нужна материальная большая помощь, морально чем можно их поддержать? Писать хорошие письма, но от этого сыт не будешь. А большей помощи не окажешь, так как в дальнейшем и сам не знаешь, что впереди. Не знаю, пишет ли тебе Лёля о денежных делах, а я часто думаю, как будет дальше. Правда, сначала приезда траты у нас были больше, за последнее время здесь всё хотят менять, а что менять неизвестно, лишнего как раз ничего нет. Ну, ладно, поживём — увидим. Начала я писать письмо до обеда, сейчас картина изменилась. Лёля встала, захотела есть и пришлось сесть обедать. Пишу после обеда, вымыли посуду, истопили большую печь. Я пишу тебе письмо и пеку пирог. Игорь опять у соседей, Лёля читает Достоевского, а Серафима Галактионовна ушла промышлять молоко в деревню Ивановское за Азариным. Нут вот тебе и весь наш быт. Не знаю, Серёжа, как всё сложится дальше и кому к кому придётся ехать? Временами мне думается, может, Лёле и Игорю и нужно бы поехать к тебе, так как ничего в волнах не видно.

Будем ждать известия от Филинкова, Наташи, Музея, Кати и т. д. Может и дождёмся чего. Хорошо, пока до свидания. Когда мне бывает особенно грустно, то достаю твои, Ленины, Папкины письма и начинаю читать, точно делается легче. От тёти Кати писем нет давно.

Будь здоров, родной мой! Крепко целую!

Твои Мама, Лёля, Гога и Серафима Галактионовна.

23/II.

Милый Серёжа!

Сегодня мы получили следующие письма: от тебя две открытки (29 и 31) и одно письмо (19), письмо написано 17 января, а гуляло до сих пор, теперь все номера получены без пропусков. Открытки идут хуже писем, вывод можно сделать. Получили ещё от Филинкова, наконец, без числа, но на штампе помечено 15-е/II, дошло быстро. От тебя он имеет только одно письмо, ответное на телеграмму, с нетерпением ждёт деловых писем. Тебе послал уже три. Мы очень были рады его письму. Сейчас уже ему настрочила, прошу его очень разузнать судьбу моих заявлений в ТОНО, прошу ускорить мой вызов, всё ему объясняю. Кремнёвой, по-видимому, тоже нет, так как она не отвечает ни звука. Вообще все, как воды в рот набрали. Как тут связаться с ними? Просила и Катю разузнать обо всём, а вот теперь и Филинкова, может быть, он что и сделает. Читал ли ты постановление Совнаркома СССР от 17/II, кажется, относительно квартир эвакуированных на Восток? И как реагируешь на это, распространяется ли оно на нас? В частности ____[A]. Для нас это было большим ударом, посоветоваться вот не с кем. Ты, наверно, тоже прочитаешь в свою очередь. Я думаю сделать пока так: подождать ещё ответа из Ярославля недельки две, если ничего не будет, опять туда съездить, лично поговорить о заявлении, потом, как ты советуешь, по телефону потолковать, ещё написать заявление в ТОНО (может, потому не отвечают, что я пишу только ТОНО, не знаю улицы, хотя не думаю), ещё Филинкову. Ты не помнишь ли адреса Клары, если бы она была там, она бы мне могла помочь? Ново-Гиреево, а дальше мы с тобой тогда вместе ходили и у тебя память лучше?

В твоём письме (№ 19) говорится, что ты собираешься нам послать деньги, зачем это нужно, деньги у нас есть, а ты, если у тебя будут лишнее, немного прибереги на всякий случай (это я пишу со слов Анны Николаевны, по её поручению). Сергею Васильевичу послала 150 рублей, да, когда была в Ярославле, дала 100 рублей. Настроение сейчас среднее в виду всех этих неразрешённых

[A] Последняя строка данного письма утрачена.

вопросов и неизвестности в будущем. Относительно Копорского[A], скажу следующее: когда я с ним говорила, то ещё в институте только собрались работать (так, кажется, я его поняла), он говорил, что историк туда требуется, но уж очень в Ярославле трудно стало жить, поэтому я и не добивалась. Написать ему, я думаю, можно на институт, а другого адреса он ещё и сам не знал. Просила я и тогда узнать адрес Новопруд[ского][B] у Симы[C], да она почему-то не могла, закрыт что ли цех был. Теперь, раз ты её спрашиваешь, она, наверное, узнает. Мне самой хотелось его повидать.

Ещё сегодня же пришла открытка от Николая Леонидовича, так общего характера, много работает; тоскует, рад, что есть хорошие искренние друзья.

Вот и всё. Мы сами живём ни шатко, ни валко. Не знаем, что бы предпринять такого, чтобы выкрутиться как-нибудь из нашего положения. Всё думаешь, думаешь и ничего нового не придумаешь.

Сегодня у нас полдня ушло на получку сена на трудодни. Мы получили 2 пуда 24 фунта. Так как будто немного, но пришлось идти в другую деревню за получением, взяли с собой санки и получился настоящий большой воз. Ты, конечно, спросишь, а зачем нам сено? Но мы его сменяем на продукты, дадут (уже приходила одна) или 12 кринок молока, или как будто пуд картошки. Немного, но всё лучше, чем ничего. Молока мама стала доставать, только ходить за ним далеко, и она устаёт, но она лучше достаёт, её знают как-то, а я чужая.

На адресе ты можешь не писать — С.Г. Юматовой, здесь меня знают уже все и почта не ошибётся.

Кажется всё, что я думала тебе написать — написала. Игорь чувствует себя всё так же, особого здоровья нет, но и нездоровья также. Старается Анна Николаевна ему дать получше чего-нибудь, да почти ничего нет. Сейчас вечер, отнесу письмо на дом почтальону, чтобы он завтра утром отнёс в Макарово.

Целую тебя. Лёля.

8-е.

Ильинское. 25/II-42 г.

Дорогой Серёжа.

Только что получили твоё письмо от 12/II 34-е, 33-е ещё отсутствует. Сегодня же вместе с твоим письмом, пришло ещё 4 письма, от Кати, Лены, Фиры и

[A] Имеется в виду Сергей Алексеевич Копорский (см. письмо С.С. Дмитриева родным от 6 февраля 1942 г.).

[B] Имеется в виду Михаил Вениаминович Новопруцкий (см. то же письмо).

[C] Имеется в виду Серафима Сергеевна Новожилова.

Симы. Фирино письмо пересылаю тебе, из него не вижу, работает ли она в Музее. Ещё было письмо Серафиме Галактионовне от Вари. Из Ярославля Папа сообщает о постановлении из газет о квартирах и возврате эвакуированных. Но всё это, наверно, ты сам читал [и] в курсе дела. Дело, кажется, швах и что можно предпринять неизвестно. Лена пишет, что зря поторопилась продавать глубокие тарелки, так как за последнее время им удаётся по возможности доставать в столовых первое блюдо суп или щи, иногда Лёня приносит из гаража, но так как этого им всем не хватает, то Лена из своей столовой приносит то гороху, то супу, всё же пишет подспорье к хлебу. Иногда удаётся достать 5-ток котлет, и на базаре чашки две кислой капусты, а в коммерческом магазине полкило хлеба, но для этого нужно стоять три дня. Жизнь у них за последнее время стала покойней, гости их не посещали, погоды стали много теплее 8–10°, но Папка к Лене ходит мало, так как сильно задыхается. Лена пишет, что не раз просила его вместе с Лёней перебраться хотя временно до тепла к ним, но с ним не сговоришь. Лена говорит, съесть пуд соли [легче], чем его уговорить. Неунывающая Сима пишет, что много работает, часто даже выходные дни, но всё же это не мешает ей иногда сходить в кино, один раз 16/II была вместе с матерью, смотрела картину («Свинарка и пастух»[A]) и ей так понравилось, что второй раз снова пошла её смотреть. Насчёт продовольствия, пишет, плохо, только недавно был у них удачный день, колхозники привозили на базу картофели по 2 рубля кило, давали по 3 кило. Катя стояла два раза, получила 6 кило и молока по 5 рублей крынка, мясо 52 рубля, но это был единственный случай, сейчас уж эта картошка съедена, вот видишь, какие успехи, вполне жить можно. Варя пишет, живут ничего, только думают о нас, как мы живём. Папе денег 150 рублей послали, но он их, наверно, не получил, так как ничего про это не пишет. От Филинкова получили ответ, должно быть из Швейцарского дома. А ему посланы ещё письмо и перевод в 50 рублей на почтовые расходы в Перово по новому адресу, который ты прислал. Ждём на днях от него ответ. Но теперь, наверно, всё дело пропало, так как по новому постановлению нам квартиру не вернут. Ну ладно поживём — увидим. Напиши, как твои дела будут с 1 марта. Мы пока все здоровы, помаленечку тянем, работаем в колхозе мало, так как не наряжают.

Получили ещё 2½ пуда сена, жаль только, что нет своей коровы, а то бы и совсем хорошо, в данном случае придётся променять на молоко, дают 6 кринок на пуд, итого 15 кринок и то хлеб. Наверно, сменяем. Ну вот тебе и все новости. Ты пишешь, что мало получаешь наших писем. Не знаю, почему, мы пишем регулярно: раз Лёля и Игорь, раз я. Это письмо после нумерации 8-е. Твои же все

[A] Фильм режиссёра И.А. Пырьева (1941).

письма, кроме 33-го, получены сполна, хотя одно опережало другое. Завтра тебе напишут Лёля и Гога. Сейчас я пишу тебе, она пишет Фире, Серафима Галактионовна Варе. Настоящая канцелярия. Целуем крепко и шлём привет. Твои Мама, Лёля, Гога.

Про тётю Катю никто не знает, писем нет давно. Напиши Алекс.[A]

[Далее к этому письму приложено письмо Эсфири Туркевич]

Привет мои дорогие Ольга Алексеевна с Игорем и Анна Николаевна!

Ваше письмо я получила 21-го января, находясь в Тарасовке (по Северной железной дороге), а отвечаю сегодня 4.II.42. Извините, что задержалась с ответом! В Тарасовскую больницу попала с Сокольнической больницы, а в Сокольническую с Истоминского психоприёмника ещё 12 октября прошлого года. Мой папаша отвёз меня в больницу 12.IX.41. Я была в бессознательном состоянии, не узнавала даже свою дочку. Она теперь в яслях, а ясли эвакуировались в Мурман (по Курской железной дороге). Очень скучаю о ней. 31-го декабря приехала в своё родное Кусково! Можно, конечно, поехать за ней, но я считаю это неразумным! Сегодня я была у Дуняши Кузнецовой. Живёт она с Наталией Фёдоровной, в одной комнате. Передают Вам привет. Дуняша говорит, что на днях приезжала Ваша сестра и уплатила квартплату, что Вашу квартиру комендант запломбировал, а библиотеку освободили и заняли (на каком основании — не знаю). Мой муж ничего не пишет (больше трёх месяцев). Очень беспокоюсь! В начале писал аккуратно. А теперь… молчит. Находится около Брянска! На фронте.

В Москве жизнь постепенно налаживается! Гитлера бьют здорово! Скоро от него ничего не станется. Приезжайте поскорей! Будем справлять новоселье. Поздравляю с днём рождения племянника. Мою дочку хвалит даже председатель горсовета Литвак, а я горжусь.

Приезжайте поскорей в Кусково! С опозданием поздравляю с Новым Годом! Будьте здоровы! Крепко целую Вас всех вместе и в отдельности! Привет от Дуняши, Натальи Фёдоровны! Целую Вас за мою Юлию и за себя! С приветом — Эсфирь.

P.S. Давно Вы не писали мне! Моя фамилия теперь по мужу — Туркевич! Адрес: Кусково, Вешняковское шоссе, 3, кв. 11. Мне Туркевич.

26/II.

Вот сейчас взяла перо в руки и говорю, что писать, как выйти из этого положения, что придумать. Все мысли полны новым постановлением, на все лады

[A] Очевидно, имеется в виду двоюродный брат С.С. Дмитриева Алексей Георгиевич Иванов.

Текст этой строки приписан на левом поле 2-й страницы письма.

его обсуждаем дома, переворачиваем и так, и сяк — и ничего не получается. Получил ли ты, Серёжа, письмо от Сергея Васильевича с припиской Рыськина (так кажется?)? Что он вместе с тобой выехал или раньше? Всё непонятно мне в этой истории: почему он в Ярославле, почему его уволили, почему он хочет туда к вам ехать?

Пока не забыла — спрошу тебя: если тебя вызывать телеграммой, как ты сам пишешь, действительна ли простая телеграмма, не заверенная никем, может ли она тебя удовлетворить и могут ли тебя отпустить тогда по ней? Это очень важное обстоятельство. Я знаю, когда прошлый год умер папа, вызывали нас телеграммой с печатью сельсовета или амбулатории.

Какой текст лучше составить. Нам, например, Райздрав дал направление для Игоря в МОТИ, чтобы его туда везти, но пропуска нет и не предвидится. Пока мы на распутьи, ждём твоего слова, твоих соображений, в зависимости от этого и будем решать что-нибудь. Вот все твои, главным образом, заявления и хлопоты по поводу комнаты-библиотеки и закончились, по-видимому, ничем. Загадывать о будущем теперь совсем не приходится, видимо, надо плыть по течению.

Надо приложить, конечно, все силы, чтобы вернуться хотя бы мне домой. Вчера я написала Фире, прошу её помочь нам, прошу её сходить к Литвак и попросить её оказать мне содействие, объяснить болезнь Игоря, нельзя ли как с этой стороны что-нибудь получить. До этого писала Филинкову, его просила сходить в ТОНО, узнать судьбу моих заявлений, спросить адрес Кремнёвой и моей школы. Вчера же написала Сергею Васильевичу. Прошу его сходить к начальнику НКВД, спросить о моём заявлении, поговорить лично с ним, затем попробовать поговорить по междугородному телефону с ТОНО, что, ты писал. Вот пока все мероприятия, школа почему-то катастрофически молчит, хоть что-нибудь бы да ответили, ведь, не может же быть такой вещи, что не существует ТОНО, адреса я не знаю. Но должно же и так прийти. Сейчас прервала письмо на обед. Ходила в кооператив, там выдали на Игоря только 200 гр. сахару, 1½ кг белой муки, 200 гр. манки, это во второй раз нашего пребывания здесь, остальным ничего.

Завтра мама хочет идти в Данилов похлопотать насчёт пенсии, пойдёт на ночь. Только что посадила кляксу, как маленькая девочка (лирическое отступление). Ей всё хочется завести козу, спит и видит дойную козу, конечно, было бы неплохо иметь своё молочко, но это просто неосуществимо, теперь их не приобретёшь.

Сейчас слышала от одной эвакуированной, что это постановление касается не нас, а только заводов и их обслуживающего персонала.

Точно, конечно, мы никто ничего не знаем, ты скорей удумаешь. А то мы далеко от всех, сами в своём соку варимся.

Пишу тебе всё, что думаю, поэтому ты не будь в претензии. Иногда и ерунду. Ведь, всё не напишешь, да сейчас и мешают сильно: топят печку, да болтают все и насчёт козы, и насчёт козлёнка, который должен появиться в будущем. Это мама развивает свои мысли, а Игорь добавляет, одним словом, начали зубоскалить, не всё о серьёзном говорить. Сегодня почта была пустая, не было никому и ничего. Почтальон, вообще, даже обижается, что нам каждую почту бывает по 5–6: «Ведь, это ужас, что такое». Открытки, которые ты посылаешь, идут хуже писем, можно их и совсем не писать, листочки также не присылай, лучше день пропусти, да напиши всё целиком. А то как-то обидно пустой листочек получать. Бумага у нас пока есть. Конверты твои все используем, заказными также можно не посылать, пиши только обратный адрес (плоды глубоких размышлений). Целую. Лёля.

26/II-42 г.

Дорогой папа!

Вчера получили от тебя письмо от 12/II № 34. До этого все твои письма, кроме № 33, пришли. Сегодня почты не было, наверно, будет завтра. Сегодня бабушка ходила в соседнюю деревню за молоком. Достала 5 кринок по 7 рублей. Взяла она так много потому, что завтра собирается идти в Данилов за пособием в Райвоенкомат. Сегодня с утра было холодно, наверно, градусов 20, а потом стало теплее и даже с крыш потекло. Наверно, это начинаются заморозки. В магазин сейчас привезли спички, дают по 5 коробков, и паёк для эвакуированных, его дают только на детей до 10 лет. Мама сейчас пошла в лавку. С мамой мы решили сначала заниматься по одному предмету, а уже потом, когда один кончится, возьмёмся за другой. Сейчас мы взяли русский язык. Мама по утрам объясняет и задаёт уроки, а потом я сам делаю. Читаю я сейчас книгу К.А. Тимирязева «Жизнь растения». Очень интересная.

Маму и бабаню на работу в колхоз уже не наряжают больше месяца. До свидания. Поклон от бабушки. Крепко тебя целую. Игорь.

9-е.

Ильинское. 27/II-42. Пятница.

Дорогой Серёжинька!

Это моё письмо опять будет пустое, так как никаких новых событий за эти дни не произошло. Вчера писала тебе Лёля и Игорь. Пишу только для того, чтобы не было больших интервалов, так как ты всё сетуешь, что редко пишем. Сегодня с утра порядочный морозец, но несмотря на это Серафима Галактио-

новна пошла в Данилов, хотя мы уговаривали не ходить. Но она говорит, больше откладывать не хочется, думает схлопотать себе пособие за сыновей. Затем нужно ей починить себе ботинки и галоши, так как скоро весна, ходить ей не в чем. Планов у неё масса, не знаю, удадутся ли они ей? Мечтает у какой-то хорошей знакомой — и даже родне Михаила Афанасьевича Журавлёва раздобыться за прокорм козочкой, а потом вернуть её с приплодом обратно. Но всё это мечты, а действительность покажет будущее возвращение к домам. Пробыть хотела 3–4 дня не более, так что мы теперь дома только трое. Днём погода потеплела, и с крыши при солнышке таяло. В общем становится хорошо. Но вместе с тем и скучно, так как чего-то ждёшь, кого-то жаль, к кому-то сердце мчится в даль… Что мы сейчас делаем? Только что закончили вечерний чай, убрали посуду, Игорь учит вслух русский язык, Лёля одновременно раскладывает пасьянс и проверяет Игоря, а Игорь её, а я пишу тебе письмо. Скоро ли, Серёжинька, придёт то время, когда мы снова будем все вместе! Ты часто пишешь, что мы не энергичны, быть может, ты и прав, но что же сделаешь, когда всё так затягивается, что поневоле опускаются руки, правда твоя, есть многие другие, которые потеряли всякие надежды увидеться, но всё же хочется поскорей увидеть тебя. Во всяком случае, если будем живы, то встретимся, или ты к нам, или они к тебе поедут, о себе я не пишу, потому что не знаю, ты писал, что у вас с пропиской тоже плохо, да и ордер на жилплощадь у тебя только на троих, поэтому видно будет, куда мне ехать. Папка писал мне, что в Ярославле с пропиской тоже тормозят. Ну поживём — увидим, всё же не теряю надежды, что ты сам вернёшься к домам. Вчера совсем не было почты, а сегодня хотя почта и была, но писем ни от кого нам не было. Тороплюсь закончить поскорее это письмо, чтобы сегодня отправить, так как иначе оно уйдёт только в воскресенье.

Очень беспокоит меня тётя Катя и её долгое молчание. Напиши мне адрес Алёши, я ему напишу, быть может, он откликнется, а ещё лучше, если получив моё письмо, напишешь сам. Это будет скорей.

Целуем крепко, шлём привет! Пиши, ждём. Твои Мама, Лёля, Гога.

1/III.

Первый день весны, воскресенье.

Вчера прочитали с Игорем в газете об окружении Старой Руссы[A]. Воспрянули духом. Обсуждаем горячо, строим планы, смотрим по карте. Почему-то от те-

[A] Старая Русса была оккупирована немецкими войсками с 9 августа 1941 г. по 18 февраля 1944 г. В это время советские войска предпринимали неоднократные попытки освободить город, в том числе и в начале 1942 г.

бя, Серёженька, давно нет писем. И почта была уж несколько раз, а твоего письма не было. Вчера получили от Кати открытку. Расстроила она меня чрезвычайно, содержание сумбурное, ничего существенного нет. Лучше бы и не писала совсем, а то ждёшь-ждёшь оттуда известий, возлагаешь такие надежды, а получаешь ерунду, как-то обидно даже. Я ей писала обстоятельно, так подробно обо всём, просила кое-что разузнать и ответить мне положительно, а она совершенно о постороннем пишет, что меня ни в какой степени не интересует, например, о какой-то своей знакомой, которая выиграла по облигации и т. д. Спрашивала я её, между прочим, работают ли 8–10-е классы. Почему она уплатила какие-то долги за квартиру, есть ли у неё квитанции, просила сходить в ТОНО — и ни звука обо всём, только одна фраза «Схожу по твоим адресам. Но лишь только для твоего успокоения, всё равно ничего не выйдет». Успокоила, одним словом.

Так что надо отложить попечение о Кате и подыскать кого-то другого. Возможно, что Филинков будет более толковым. Наташа болеет грудницей, бюллетенит, Александр Александрович по-прежнему не работает, у него нет никакого желания чем-нибудь заняться, кроме музыки. Вряд ли что сделает, что ты его просишь.

Какого бы нам человечка с тобой изобрести, чтоб нам помог, тут нужно расторопного. Да ничего особенно и не просили, кажется. Вот, например, Анна Николаевна писала Наташе, чтобы она потолковала с Киселёвым, как получить пропуск. Ей даже и идти никуда не надо, она сама подала об этом мысль, а вот всё-таки ничего не делается. Конечно, всем только до себя в такое время, а всё же можно чуточку и о других подумать, так мне кажется. Вот, что я тебе могу об этом сказать. Только что пришла к Игорю учительница — классный руководитель. Она преподаёт там историю и географию. Я до этого ещё подала в школу заявление, чтобы ему помогли в смысле программы и консультации и допустили до испытаний. Район, как она говорит, разрешил заниматься на дому, а учителя будут сами приходить к нему и спрашивать здесь. На март распределили 4 предмета. Это будет во всяком случае сдвиг для Игоря, а то варились в своём соку, так это будет его подгонять. Всё думалось, что мы не доживём до весны здесь, уедем раньше, а тут и весна за плечами, наверное, придётся и ещё пробыть. Хорошо бы он не потерял год. Пришёл второй посетитель, и я опять прервала письмо. Это был муж Аннушки, которая иногда к нам захаживает. Стали обедать. Взялась снова за письмо. Ожидается ещё третий посетитель — из одной соседней деревни старушка. Она приносит читать кой-когда книжечки. Вот уже пришла, разговаривает, почему-то всегда бывает до трёх. Мама ещё не пришла из Данилова. Устанет, наверное, сильно, давно туда собиралась, придёт, поди, завтра. Живём мы по-прежнему, с питанием понемногу

тянемся, день прошёл — и хорошо. Маме наказали посмотреть что-нибудь на базаре из съестного. Мяса и нечего и думать покупать, как и масла, а вот что-нибудь из овощей. Молока стали покупать побольше, коровы поотелились, только ходить за ним надо далеко, у нас в Ильинском народ скупой — не продаёт. Сено, которое мы получили, ещё не сменяли, хочется картошки на него.

У меня письмо не производит впечатление тоже сумбурного? Пишу обо всем вразбивку, что придёт в голову. Нигде пока не работаем. Отдыхаем. Читаю сейчас уже второй том «Дневника» Достоевского. Нравится, местами пропускаю — большие отвлечённые рассуждения, уже устаревшие. А вот критические статьи, литературные воспоминания читаю с удовольствием. Ещё есть несколько томов Салтыкова-Щедрина «Благонамеренные речи», «Письма к тётеньке»[A] — раньше не приходилось почитать. Теперь на свободе почитаю. Сейчас уже часа 4–5 так и живём без всяких часов, по солнцу, мои часы в Ярославле чинятся, Сергей Васильевич писал, что готовы, вот только взять некому. В Ярославль всё-таки, когда-нибудь съезжу, как тут будут обстоятельства. Игорь стал чувствовать себя лучше, t^o — нормальная, только всё же устаёт, пальто зимнее совсем не может носить, а ходит в своём летнем пальтишке. Правда, ходит он только около дома. Всё написала, что только есть. Целую тебя, мой милый.

Лёля.

10-е.

2/III-42. Понедельник. 4 часа дня.

Только что отобедали, убрали посуду, сажусь писать письмо. Серафима Галактионовна из Данилова ещё не вернулась. Погода сегодня очень вьюжная, идёт снег и переметает ветер. Ночь была тоже очень ветреная, хотя и тёплая. По всей вероятности, Серафима Галактионовна придёт завтра к вечеру. До обеда писала письмо нашей Лене. Сегодня же получили письма, открытки и письмо твоё, письмо от Александра Александровича и письмо из Кускова ко мне от Натальи Фёдоровны. Твои открытки одна 35-я от 13/II и вторая от 14/II 36-я. Спасибо за поздравления. Письмо 40-е от 18/II, значит в пути № 37, 38, 39; наверно получим их позже. Я писала Наталье Фёдоровне в то время, когда не могла добиться ответа от Филинкова, и просила её, между прочим, если она знает его адрес, написать мне. Она ответила, что он один живёт в Швейцарском доме, но бывает дома мало, а лучше ему писать в Перово, где он служит. Всё это мы уже знали от тебя, и письма, и перевод в 50 рублей для почтовых расхо-

[A] Салтыков-Щедрин М.Е. Благонамеренные речи (1876), Письма к тётеньке (1881-1882).

дов ему посланы. Послали мы ему всё 18/II, по всей вероятности, он их уже теперь и получил. По этому случаю закатил тебе вторую телеграмму. Что пишет Александр Александрович? Пошлю тебе его письмо, из него тебе будет всё понятно. Серёженька, напиши своё мнение по поводу ликвидации квартиры и имущества, как ты на это смотришь? Нужно ли спешить с этим или выжидать и плыть по течению, посмотреть, как поступит в данном случае сам Музей. Ведь он должен об этом предупредить. Интересное время переживается, сегодня одно, завтра другое, а всё что-нибудь, да новое. Хотя и не всегда приятное, но есть пословица (три к носу, всё пройдёт). Будем надеяться, что и у нас всё как-нибудь наладится. Лёля написала Александру Александровичу ответную открытку, вкратцах[A] пишу её содержание. Благодарит его за толковое письмо и заботу, но решить сама ничего не может, а хочет переписаться по этому поводу с тобою и всё же выждать время, пока всё поутрясётся. Сама сообщить Музею об этом она не хочет, и будет ждать от них извещения, как они поступят в данном случае, всё это, если даже они передадут квартиру по своему усмотрению, они должны как-то поступить с вещами? Ну вот и всё пока. Завтра тебе будут писать Лёля и Игорь. Я тебе, Серёжа, пишу очень часто, т. е. почти через день. Это письмо по нумерации 10-е. Беспокоит теперь нас 1 марта, как оно для тебя прошло. Напиши, был ли у тебя Пётр Андреевич. Нет ли у него драпового пальто для тебя? Вообще всё хорошо! Будь прокляты проклятые немцы, скорей б им конец. Прости, что так нескладно пишу. Мысли опережают друг друга. От Папки ждём извещение о получке наших денег, послали ему 150 рублей. Пока до свидания, крепко тебя целуем. Ты, Серёженька, особо не расстраивайся. Бог не выдаст — свинья не съест. Если назначено жить, то ещё поживём и увидимся.

Привет своим друзьям от всех нас.

Твои Мама, Лёля, Гога.

Москва. 20/II-42 г.[B]

Милая Лёличка!

Получили сегодня от Сергея Сергеевича письмо, а также читали твоё письмо, посланное тобой Кате. Пишу я тебе, во-первых, потому, что захотелось с тобой побеседовать, хотя бы письменно, а во-вторых, по просьбе Наташи, которая сейчас отдыхает. В своём письме Сергей Сергеевич просит Катюшу поговорить с его сослуживцами (профессорами университета) и попросить их выхлопотать ему вызов в Москву, кроме того даёт ей ряд поручений к Филинкову,

[A] Так в подлиннике.

[B] Письмо А.А. Эгерта к О.А. Дмитриевой, вложенное в письмо А.Н. Дмитриевой от 2 марта 1942 г. к С.С. Дмитриеву.

юристу и т. п. Катюша берётся, как говорится, «для очистки свести», выполнить эти поручения, хотя и уверена (как и мы все), что это бесполезно. Письмо Сергея Сергеевича датировано 7 февраля, т. е. оно написано примерно за неделю до Правительственного распоряжения (о котором ты, наверное, знаешь из газет). Это распоряжение, как известно, лишает права на жилплощадь в Москве всех эвакуированных работников и аннулирует всякие «брони», выданные ранее на жилплощади в Москве. Кроме того, по имеющимся у нас сведениям, всякие вызовы в Москву всякого рода работников (даже крупных специалистов) категорически запрещены. Так что, как мы все полагаем, Сергею Сергеевичу не имеет смысла сейчас что-либо предпринимать. Сейчас всякие хлопоты бесполезны — следует выждать до более благоприятных времён. В несколько лучшем положении в этом отношении (т. е. в отношении хлопот о московской квартире и о приезде в Москву) находишься ты, так как тебя, выехавшей из Москвы с больным сыном, правительственное распоряжение, о котором я говорил выше, не касается, и, таким образом, тебе пути-дороги в Москву не закрыты. Другое дело, что сейчас в Москву вообще никого не пускают без специального разрешения, но шансов достать такое разрешение у тебя несравненно больше, чем у Сергея Сергеевича. Не знаю только, устроит ли теперь тебя Москва и по причине весьма тяжёлой жизни в ней, и потому что на ближайший период времени тебе никак не удастся соединиться в ней с мужем.

Я, конечно, не хочу тебя огорчать, но, по правде говоря, очень опасаюсь, что тебе с Сергеем Сергеевичем придётся ликвидировать свою здешнюю квартиру со всем находящимся в ней имуществом. Полное отсутствие всякого транспорта и отдалённость Вашей квартиры от центра Москвы сильно затруднит такую ликвидацию. О подробностях всего этого тебе и Сергею Сергеевичу следует срочно списаться с комендатурой музея. Конечно, посильную помощь в этом отношении окажем и мы все.

Мы все здесь живём по-прежнему. У нас очень тепло в квартире, и это нас выручает, так как спасает ребёнка от смертельной простуды, да и есть меньше хочется, когда тепло. Мальчишка растёт, постепенно развивается. Мать и няня, которую мы недавно взяли, балуют его, так что когда вырастет, то есть надежда, что сделается семейным тираном. Наташа очень худеет, её мучают фурункулы. Я тоже сбавил около 12 кило, фурункулов пока нет и вообще почему-то ещё жив. На днях, по-видимому, меня возьмут в армию. Послезавтра иду на медкомиссию.

Получили письмо от Воли, он призван, но пока находится дома. Ожидает отправки на фронт. Наташа просит передать тебе, что она дала Кате 100 рублей на производство всяких расходов по твоим делам. Соответственную сумму просит тебя отдать маме.

Ну вот, кажется, всё. Целую тебя крепко. Поцелуй от меня мамашу и сына. Привет Анне Николаевне.

Твой А. Эгерт.

P.S. Сергей Сергеевич пишет, что от нас он писем не получает, хотя мы ему аккуратно отвечаем на все его письма. Не знаю, в чём дело.

11-е.

Ильинское. 4/III-42 г. Среда. 3 ч. дня.

Дорогой милый Серёжа, здравствуй.

Сегодня получили твоё заказное письмо 37-е от 14/II. Ещё и ещё благодарю тебя о моём празднике, крепко тебя за это целую и одного желаю, чтобы следующий этот праздник, если буду жива, встретить всем вместе. Я тебе, наверно, уже писала, как прошёл у нас этот день, но всё же восстановлю в памяти и напишу, быть может, то письмо и не дошло. Мне думается, я тебе писала или в этот, или в следующий день. Утром по случаю торжества поила всех кофием. За кофе меня все поздравляли! За день до этого получила поздравление от Лены. Не было только поздравления от тёти Кати. Потом готовила обед, молочную лапшу. Сжарила кусочек гуся с ржаной кашей, и на третье пили чай с мёдом. К вечеру пекли пирог с капустой и второй с картошкой. Пили чай с кусковскими конфектами, которые я приберегла. Вечером сразились в картишки, тебя хотя и не было, но мысленно все мы были с тобою. Ну вот тебе и весь мой праздник. Вместе с твоим письмом пришёл перевод на 100 рублей от Кати для Серафимы Галактионовны, пишет она, что ей посчастливело и она выиграла (750 рублей), нам пишет, что послала заказное письмо, но мы пока что его не получили. Александр Александрович письмо нам прислал, и мы его переслали тебе в прошлом письме, ты его, наверное, уже получил.

Более писем не было. Вчера после обеда вернулась из Данилова Серафима Галактионовна. Всё, слава Богу, благополучно. Туда и обратно её немного подвезли, туда полпути, а обратно почти из Данилова до Макарова (за 10 рублей) на машине, домчали очень быстро. Рассказов много, но преобладает всё больше насчёт поесть нечего. У Нади всё делят по кусочкам, так как не хватает. Походила по базару, но ничего, кроме семян для посадки, не купила, так как нет ничего. Из разговоров: масло стоит 400 гр. 170 рублей и т. д., и т. п. Факт тот, купила для посадки 3 штуки чеснока за 15 рублей. Приобрела через Надю для Игоря градусник, у нас своего не было, приходилось одалживаться; ещё две пачки зубного порошка. Пачку очищенной соды, немного сушёной малины и у Серафимы Галактионовны были там её же сушёные чёрные грибы, вычинила себе валенки, подшили за 30 рублей. Вот и всё, да ещё забыла — в Военкомате

дали ей справку, что у неё в Красной Армии два сына. Теперь будет хлопотать о пособии. С козушкой ничего не получилось, понятно, этого и нужно было ждать. Она думала, что они поглупее, но они себе на уме. Как она говорит, такие (окоёмы) любят только себя, хотя живут богато и всего у них много. Было у Нади письмо от Тани Чакалёвой[A], пишет она, что живут они в Куйбышеве, живётся так себе. Коля с ними. Катерина Александровна тоже, Костюшка учится плохо, несколько раз присылали из школы. Брат его Андрей с женой и детьми в Чкалове. Все они здоровы. Спрашивает Таня про нас, где мы и кто живёт в Ильинском? Наверно, думают к лету приехать сами. Таня им ответила. Ну вот, Серёжа, и всё моё письмо. Завтра напишет Лёля и Игорь. Шлём все привет и крепко целуем. Ждём ответа от Филинкова.

Катя на своих письмах числа не отмечает, так что не знаешь, от какого числа[B].

5/III-42 г.

Милый Серёжа!

Давно тебе не писала, так что-то настроения не было, упадническое, думаю, что писать всё, с твоей стороны же будут нарекания, что надо бодриться и т. д. Писала Анна Николаевна. Настроение ничем существенным не определяется — «сплин, а просто русская хандра». Всё как-то надоело, полное безразличие ко всему. Продолжается и сейчас, плохо пишется. На этой неделе наша корреспонденция была скудная, мало сами писали и ещё меньше получали. Были открытки и перевод от Кати. Она совсем перетаинственнилась, так что мы многое не поняли. Так в открытке она написала следующее: «Получила от Кати Четверухиной письмо. Представь себе, она выиграла на облигацию в 500 рублей — 750 рублей. Живёт там же, но сильно похудела». Никаких комментарий[C] больше. Мы ломали голову, что это за Катя такая, потом вспомнили, что у Чет-

---

[A] Чакалёвы:

Катерина Александровна — Екатерина Александровна Чакалёва (урожд. Юматова) — сестра тестя С.С. Дмитриева священника А.А. Юматова;

Николай и Андрей Константиновичи Чакалёвы — сыновья Е.А. Чакалёвой; двоюродные братья жены С.С. Дмитриева О.А Дмитриевой (урожд. Юматовой);

Таня — Татьяна В. Чакалёва — жена Н.К. Чакалёва;

Костюшка — Константин Николаевич Чакалёв, сын Н.К. и Т.В. Чакалёвой.

[B] Текст письма от слов «Все они здоровы» до слов «Таня им ответила» написан на свободном левом поле второй страницы письма; от слов «Ну вот Серёжа и всё» до слов «Лёля и» — на свободном верхнем поле первой страницы письма; от слов «Игорь. Шлём» до конца письма — на свободном левом поле первой страницы.

[C] Так в подлиннике.

верухиной есть, действительно, сестра тоже Катя, так и решили, что это она. А тут вдруг перевод маме от неё, и она пишет, что посылает 100 рублей, так как только что выиграла. Но шедевром её иносказания была приписка: «Думаю, что Лёле не надо ехать в тот город, где всегда жили Чакалёвы». А ты ещё хочешь, чтобы я писала числа отправления ею писем, когда она их не помечает сама. Как будто бы началась весна, по месяцу марту, но морозы стоят очень сильные до 30°, снова мёрзнем, утешаем себя тем, что уж это, безусловно, самые последние. Как не худы были мои валенки, но всё-таки они мне послужили, как следует, и ещё не совсем развалились до сих пор. Вид же у них крайне неказистый, а Анна Николаевна и Игорь проходили без валенок, из чего ты можешь заключить, что у нас дома, несмотря на суровую зиму, не так уж холодно. Дом наш только потерял прежнюю привлекательность из-за соседей — грубых, невежественных людей. Раньше жили здесь одни, и никто нам не мешал, и мы никому, а теперь стал проходной двор, дверями хлопают, так что штукатурка осыпается, стекла дрожат, подчас даже не закрывают дверь на улицу, всё время взад и вперёд носится вонючая собака, одним словом, познали все прелести совместного жилья. Так только смотришь на пребывание здесь, как на временно-вынужденное, поэтому и терпишь всё.

Конечно, в тёплое время все эти неудобства отпадут, так как большую часть времени будешь проводить на воздухе. Три дня подряд ходила за керосином в очередь, но его всё не выдавали, а сегодня я и Анна Николаевна получили по 1½ литра, вместе 3. Интересно у нас получается с керосином: вот уж совсем ни капли нет, всё вылито и сгорело, а тут выдадут или кто-то принесёт. Так было и сейчас, а теперь трёх литров опять надолго хватит, да и дни стали длинные, можно почти со светом ложиться и так же и вставать.

Маме выдали и в сельсовете справку о пособии, так что теперь только все эти документы нужно снести в Пречистое. Завтра или послезавтра нужно идти, кстати и об Игоре похлопотать насчёт молока для него. Относительно заявлений вообще и о их судьбе хочу сказать тебе следующее: мама, чтобы не ходить в Данилов, по совету председателя сельсовета написала заявление в Райвоенкомат и послала заказным письмом, где просила выслать ей справку сюда, так как сама больная и старая. Как будто все данные для того, чтобы откликнулись. Ответа нет две недели, три. Собралась сама. И что же? Там как будто и не слыхали ничего, и она преспокойно могла бы год ждать с таким же успехом. Не то же ли самое ждёт и нас, не такова ли судьба и наших всех заявлений? Это вполне вероятно, тем более, что Данилов всё же небольшой город. Кроме заявлений нужен и живой человек с голосом. Сделает ли Филинков то, о чём я его прошу.

А тебе через Коновалову ничего нельзя сделать в смысле пропуска? Когда-то она тебе симпатизировала. Хотя бы ты один смог возвратиться. Сейчас мне приходится очень и очень призадуматься над дальнейшим. Надо бы тоже куда-нибудь поступать на работу, колхоз ни в какой степени не обеспечит, а проживаться так ведь нельзя же в конце концов до бесконечности. Всё ждёшь весны, а летом и совсем не поступишь, что будет осенью.

Игорь понемногу занимается, готовится к первой математике. Я расписалась уж и ему места не оставила. Книги для чтения здесь находятся, кой-кто приносит, только, конечно, ерунда. Всё, до свидания. Целую. Лёля.

12-е.

Ильинское. 6/III-42 г. Пятница. 5 часов дня.

Дорогой Серёжинька!

Получили твои две открытки 33-я от 10/III и 39-я от 16/II, нет только заказного письма 38-го. Наверно, завтра получим и его, а также и газеты с твоими статьями. Начала писать тебе до чая, но скипел[A] самовар, и пришлось эту работу прервать. Сейчас чаепитие окончено, снова берусь за письмо. Так как никаких новостей за эти дни не произошло, то опишу тебе, с утра как прошёл у нас день. Только что мы начали вставать, это было приблизительно час[ов] около девяти. (Пишу не точно, потому что часов у нас нет, гостят в Ярославле в починке). Пришёл наш бригадир тов. Фалин и назначил тов. Дмитриеву на работу для подачи льна, идти нужно было недалеко — здесь же, в Ильинском, час(ов) с 12-ти. Так что Лёля, отпив чай, отправилась. Серафима Галактионовна пошла в деревню Матвейково за молоком. Гога принялся готовить уроки, а я возиться с обедом. Я главный повар. Что же я сегодня готовила? Так как разносолов у нас немного, то и задаваться нечем. Были у нас вчерашние щи с грибами (варила на два дня), на второе сделала ржаную кашу с молоком вместо гречневой, Игорь очень любит. Серафима Галактионовна принесла 1½ крынки молока за 10 рублей. Завтра Лёля и Серафима Галактионовна сбирались идти в Пречистое. Серафима Галактионовна хлопотать пособие за Шуру и Всеволода. А Лёля в Здравотдел по поводу Игоря, не дадут ли ещё ему на март месяц молочка по примеру прошлого месяца; дали 10 литров по рублю 32 копейки за литр. А теперь [платим?] — 6–7 рублей за литр. По этому случаю пекла пирог тоже ржаной с картошкой. Вскоре вернулась домой Лёля, работа у них не состоялась (машина в неисправности), а это нам и на руку. Стали обедать. После обеда

[A] Так в подлиннике.

опять кто куда. Серафима Галактионовна пошла поискать капусты. Я стала убирать посуду, Лёля затопила большую печь-голландку, сегодня, кстати, большой мороз. Игорь завалился на мою кровать читать книжку. Скроила я для Лёли две рубашки, и 2 бюстгальтера, хочет сама сшить хоть руками (у неё тоже все расхудились[A]). Отпили чай. Лёля села шить. Серафима Галактионовна строчит заявление в Пречистенский Райсобез[B]. Я дописываю письмо, Игорь дочитывает книгу и хочет написать тебе сам. Ну вот почти и весь день. Остаётся дописать немного, так как скоро и спать. За чаем полпирожка ополубили, немножко погодя Игорю дам остатки каши с молоком, и сами съедим по кусочку хлеба с грибной икрой, которую я тоже сегодня приготовила. Не знаю, пойдут ли они завтра, какая будет погода? Сегодня, несмотря на мороз, весь день шёл снег, и поэтому дорога нехорошая. Что-то очень долго нет от Филинкова ответа на письмо, и на посланный перевод в 50 рублей. Деньги посланы ещё 18/II. Папке тоже в этот день послала 150 рублей, но тоже нет ответа — всё ли уж у них хорошо, всего надумаешься. Ну дорогой мой, будь здоров и благополучен. Крепко тебя целуем все-все! Пиши чаще. Твои мама, Лёля, Гога и Серафима Галактионовна. Теперь, наверно, скоро 9-ть. Так вот и идёт день и ночь, сутки прочь.

6/III-42 г.

Дорогой папа!

Сегодня получили от тебя две старые открытки и больше ничего не было. Наверно, завтра будет большая почта. В воскресенье у нас из школы была учительница — классный руководитель. Занимается она по географии и истории. Она сказала, что ко мне будут ходить учителя и спрашивать сразу по всему предмету. 10 марта обещала, что придёт учительница по алгебре и геометрии, 15 — по русскому языку, 20 — по географии и 1 апреля по зоологии. Потом наметят и по другим предметам. Завтра бабушка и мама собираются идти в Пречистое, они хотели идти сегодня, но погода стоит очень холодная, говорят, что сегодня было –36° мороза. Если и завтра же будет стоять такой холод и ветер с пургой, то они не пойдут. Сегодня бабушка ходила в соседнюю деревню Матвейково за молоком, достать ей удалось только 1½ крынки. В следующий раз обещали оставить.

К нам теперь часто стала заходить бабушкина знакомая из д. Ефимьево. Она нам принесла солёных и сушёных грибов и стала носить книги для чтения

[A] Так в подлиннике.

[B] Так в подлиннике. Нужно: Райсобес.

мне и маме. У неё есть приложения к «Ниве» и различные романы: Немировича-Данченко и другие, иногда без названия и без конца. Сейчас все сидим у лампы: я и бабушка пишем, мама шьёт себе рубашку, а бабаня читает. Напиши, как у тебя погода, наверно, так же, как и у нас стоят сильные морозы. В лес за дровами мы уже давно не ходим, потому что снегу выпало с полметра; ждём, когда будет наст, тогда можно будет ходить по снегу, а тёплых дней всё нет и нет, и даже, кажется, с каждым днём делается всё холоднее. До свидания. Пиши. Крепко тебя целую. Игорь.

13-е.

Ильинское. 7/III-42. Суббота. Приблизительно час(ов) 9-ть вечера.

День прошёл только вдвоём с Гогой! Лёля и Серафима Галактионовна ушли в Пречистое. Погода сегодня очень мягкая и солнечная, идти, наверно, им было хорошо. По моим расчётам, они должны быть там часов к 12–1. Делов[A] особых у них там нет. Лёля побывает в Здравотделе и Районо по поводу Игоря, а Серафима Галактионовна подаст заявление о пособии. Хотела я идти с Лёлей, но Серафима Галактионовна говорит, что ей лучше самой, и я хотела попутно зайти в парикмахерскую подстричься, так как обросла вроде орангутанга, за всё время стриглась один раз, когда была в Данилове проездом. Прошлый раз, хотя и была в Пречистом, но в парикмахерской была большая очередь, ждать было нельзя, торопилась обратно в тот же день, а этот раз они ночуют и завтра с утра пойдут на базар, где вряд ли что получат, так как сейчас базары пустуют, а если что и есть, но не укупишь[B], так как цены бешеные. Ожидаем их завтра утром к обеду. День у нас прошёл весь в делах. Проводив наших, после чаю затопила маленькую печку, стала готовить обед, сварила суп с картофелью и грибами и опять ржаную кашу с вчерашним молоком, одновременно грела воду для мытья, до обеда вымыла Игоря и вымылась сама, пока топилась печь. Игорь пошёл в сельсовет узнать, пришла ли почта, а я стала накрывать стол. Он вскоре вернулся, хотя почта пришла, но не было ни газет, ни писем для нас, завтра почта не работает, нужно ждать понедельника, тогда, наверно, получим целую уйму писем от тебя, ярославцев, Филинкова и т. д. Давно уже их ожидаем. После обеда, чтобы не пропала даром мыльная вода, стала мыть полы, устала порядком, так как верх довольно большой, но всё-таки с этой задачей справилась, завтра придут наши в чистенькую квартиру праздновать международный женский день. По этому случаю пеку ржаной пирог с капустой, суп грибной и пу-

---

[A] Так в подлиннике.

[B] Так в подлиннике.

динг из лапши молочный с яичком. Видишь, как шикарно, не хухры-мухры, а хрю-хрюм. Эх! Кабы ты был с нами, вот бы хорошо! После полов затопила голландку, поставила самоварчик и принялась с Гогонейкой чаёвничать, только не чай, а малину с мёдом. (Чай у нас, хотя и есть 1½ осьмушки, но бережём на всякий случай). Маленько подзакусили, чем бог послал — хлебом с грибной икрой и хлебом с творожком своего изготовления. Знаешь, я всё же немножко экономлю молочко, снимаю сметанку и из снятого делаю творог. Иначе нечего закусить, да и готовить не с чем, масла нет никакого уже давно, молоко же кое-как достаём. Хотя теперь тоже уж поговаривают о 10 рублях за литр, по пока ещё такую цену не платили, всё ещё 7–8 рублей. Ну вот и всё. Скоро уже и спать. Игорь сидит, читает книжку, которую принесла Александра Григорьевна, рассказы разных писателей. Я пишу тебе послание. Ты, Серёжинька, наверно, смеёшься над моим сочинением, но я будто бы с тобой вижусь и рассказываю. Помнишь, как ты приходил домой и за столом я тебе говорила, что делала сегодня. Игорь шлёт тебе привет! Завтра хочет писать с Лёлей вместе, как она сходила. Целуем крепко. Твои мама, Гога[A].

8/III.

Милый Серёжа!

Сегодня, в женский день, у меня много было событий, т. е. того, что можно рассказать, а то всё однообразно, изо дня в день одно и то же, так и тому мы, впрочем, были рады. От тебя, милый друг, впрочем, давно не было писем: были в пятницу две старые открытки, на праздник нас не порадовал письмецом, хотя тут виновата почта, вообще её не было. Вчера я и мама собрались в Пречистое, было сильно ветренно, и дорогу передувало, но всё-таки мы отправились. Добрели туда с трудом, немного отдохнули у знакомых и закусили (раздобыли нам кринку молока), а потом пошли по своим делам. Маме нужно было в Собес насчёт пенсии. Заявление и справки у неё взяли, пособие ей будут присылать через некоторое время по 50 рублей в месяц, должны уплатить и за прошлое время со дня взятия Шуры, т. е. с ноября. Маме было приятно, всё-таки своя собственная копейка. Мои же хлопоты почти не увенчались успехом. Молока на Игоря не обещали, может быть, позднее, а сейчас лимит израсходован. Заведующий Здравотделом, между прочим, когда я ему рассказала об Игоревой болезни, предложил следующее: «Я на днях еду в Ярославль и постараюсь похлопотать о назначении его в санаторий для больных костным туберкулёзом.

[A] От слов «я тебе говорила» и до конца письма текст написан на свободном левом поле второй страницы.

Находится он около Костромы на Волге». Это было для меня неожиданно, отказываться было неудобно, так как сама же и говорила, что Игорь чувствует себя плохо и необходимо поддержать его здоровье. Конечно, я более чем уверена, что туда не попадёшь, и в прежнее время всё было переполнено, а теперь тем более, кроме того для Игоря вовсе и не требуется санаторий, так как он ходит, а только нужно ему питание получше. Но вот этого-то они и не могут ему дать. Так на этом наш разговор и закончился, за ответом прийти нужно после 15-го.

Затем была я в РОНО, опять насчёт Игоря, говорила с заведующей ОНО, можно ли ему, действительно, заниматься дома, а потом сдавать экзамен. Она (заведующая) пошла даже дальше, что учителя сами должны прийти на дом, может раз в неделю, а экзамены или опрос, будет происходить по частям, от весенних испытаний освободят, а свидетельство об окончании семилетки выдадут и так. Это было бы очень хорошо, чтобы по крайней мере хоть у него год не пропал. Относительно возвращения обратно домой (в Кусково) дело не двинулось, на точке замерзания. После всех этих хождений по учреждениям мы с мамой отправились к знакомой, где решили остаться на ночь, так как следующий, воскресный день, должен быть базар. Там, где мы остановились, есть радио, я вдруг услышала, как диктор объявил: «У микрофона член-корреспондент… А.М. Панкратова» — и послышался её голос. Значит она в Москве, знаешь ли ты об этом? В последнем письме ты как раз упоминаешь её вместе с Нечкиной, говоря, что они находятся в Ташкенте. Нельзя ли тебе что-нибудь сделать через неё, ведь, ты её домашний адрес знаешь?

Остановились мы ночевать, да и не рады были, хотя, правда, мама не смогла бы преодолеть обратный путь в один день. Положили нас спать на печку, кой-чего подослали, но тут-то и началось наше бедствие: попали в клопиный муравейник, всю ночь не спали, только к утру забылись. Это был какой-то сплошной ужас. (Есть ли у тебя какое-нибудь зверьё?) Утром, на рассвете, пошли на базар, но это было только одно название, покупающих было много, а продающих никого, ходят взад и вперёд и ждут хоть кого-нибудь и с чем-нибудь. Мы так и не дождались ничего и, ни с чем пирожок, отправились восвояси. Шли благополучно полпути, а около одной деревни пришлось идти обходом, сильно занесло снегом, так что ныряли чуть ли не по пояс. Конечно, сильно устали. Домой пришли к обеду. Анна Николаевна всё же сгоношила пирожок, скоро будем пить чай с ним и помянем женский день.

Так закончилась наша одиссея. Дома показалось хорошо и, если бы не сварливая соседка (противная), так и совсем замечательно.

Всё моё письмо посвящено описанию. Бригадир нашего колхоза зашевелился, уже два раза давал мне наряды, но всё неудачно. Не по моей вине не со-

стоялась работа (коллективная). Вчера, когда я собралась в Пречистое, он тоже пришёл и назначил на работу, когда я отказалась, то рассвирепел, неприятно, зависеть от всех, а от него в частности. Целую, милую. Лёля.

14-е.

10/III-42 г.

Дорогой папа!

Вчера получили твоё письмо от 15/II, написанное мне, а сегодня получили сразу от тебя 3 письма от 19, 20 и 26 февраля № 41, 42, 46 и 2 письма от дедушки от 4/III. Дедушка пишет, что нам, может быть, дадут пропуск на въезд в Москву. Сегодня ко мне обещала прийти учительница из школы и спросить меня по алгебре и геометрии. Я уже писал, что 1/III у меня была классная руководительница и сказала, что ко мне будут ходить учителя из школы и спрашивать меня по всему предмету сразу за целый год. Но, конечно, сегодня никто не приходил, и, наверно, если и придёт кто, так только в воскресенье, когда уроков в школе нет. Надо теперь готовиться к русскому языку, он будет 15 числа. На улице теперь потеплело и всё время идёт большой снегопад. Но ещё, наверно, будут морозы. У тебя весна начала наступать быстрее, чем у нас, но, наверно, и у тебя ещё будет холодно. Бабушка из Данилова привезла много различных семян и, наверно, скоро будет садить рассаду, только не знает, где достать сейчас земли.

До свидания! Крепко тебя целую. Игорь[A].

Ильинское. 10/III-42. Вторник. 11 часов вечера.

Это письмо пишу тебе поздно, так как задержала учительница, которая пришла к Игорю после окончания уроков в Кузнецовской школе. Пришла она в 8 часов, задала ему контрольную работу за 1-е полугодие по алгебре, которая продолжалась в течение двух часов. Справился с работою на отлично, хотя порядком устал. Вместе с нею для компании была учительница немецкого языка. После их ухода отпили чай, и Игорь, Лёля и Серафима Галактионовна ушли спать, а я села тебе писать, быть может, напишу и не особо складно, так как лампа плохо горит, наверно, плохой керосин, которого недавно получили 3 литра. Вчера и сегодня два дня паломничали с Серафимой Галактионовной по деревням в поисках молока и ещё чего-нибудь. Были вчера в трёх деревнях Наквасино, Ивановское и Пуршево, прошли взад-перед километров 10-ть. Что принесли? 1 литр молока и кило три капусты для щей и 4 кочешка мороженой капусты для пирогов. Стоило всё это 22 рубля. Сегодня ходили в другую дерев-

[A] Далее письмо продолжено рукой А.Н. Дмитриевой.

ню Матвейково за 4 км и принесли 4 литра молока по 7 рублей, на три рубля капусты и килограмма 1½ солёных грибов за 10 рублей. Вот, дорогой Серёжинька, наши успехи. Вернувшись домой, была обрадована тем, что были получены письма от тебя и Папки. Вчера тоже было получено твоё письмо и газеты с твоими статьями о Суворове и Кутузове, которые Игорь прочёл нам с большим одушевлением. Молодец, Серёжа, написано очень хорошо, и я горжусь тобою. Твои сегодняшние письма № 41 от 19/II, 42 от 20/II и 4-е 26/II. Читали во время обеда и после обеда несколько раз, так как приятно читать их. В них ты пишешь много хорошего и успокаиваешь нас, что кабинет твой тебе вернули, что Пётр Николаевич принимает в этом большое участие. Молодец Филенок! За одно только не хвалю его, почему он не отвечает на моё и Лёлино письма? Я ему в первой половине февраля, получив его адрес в Перово от тебя, послала письмо, и (по моей инициативе), быть может, это и не нужно было делать, было нами послано ему на почтовые расходы 50 рублей 18/II, ответа на это письмо и перевод нет и доселе. Второе письмо послала ему Лёля, но и на это письмо тоже нет ответа. Всё же думаю, что он ещё напишет. Получили мы за вчера и сегодня от Папки две открытки и закрытое письмо от 4/III-42 г., в которых он сообщает, что, получив наше письмо с просьбою справиться о участи нашего заявления, посланного в Ярославское НКВД, насчёт получения пропуска, он ходил, справлялся, приняли его любезно, обещали переслать нам пропуск через Пречистенское НКВД, тогда нас вызовут, не знаю, на всех или на Лёлю с Игорем. Но Папка уверяет, что пропуск получил. Пишет с большим подъёмом: очень рад, что мог чем-нибудь быть нам полезным. Пишет про твоего знакомого доцента Рыскина, что того из Ярославского пединститута не уволили, а он сам рвётся в Москву из боязни потерять квартиру. (Пишет) сегодня он вместе со мной получил пропуск и, вероятно, завтра уедет, а сегодня вечером хотел прийти ко мне и привести Копорского, который выразил желание познакомиться со мною, чему я очень рад. После переговоров с ними я напишу письмо Сергулю. Рыскин уезжает покончивши свой семестр, а Копорский старается перебраться опять в Калинин (где он был). Им обоим не нравится атмосфера Ярославского пединститута. По моей просьбе выяснили вопрос о работе для Сергея, пока таковой работы нет, хотя институт работает, но если Сергуля приедет, то переговорит лично. В таком роде письмо Папки. О себе пишет очень мало, деньги от нас 150 рублей получил и благодарит и тебя, и нас. Вот ещё выдержка из его письма насчёт тёти Кати.

К Нюре Ивановой проездом на 10 дней приехали два инженера, едут в Челябинск и рассказали, что Евдокимовна, Лёша, Шура и Галя лежат и чувствуют себя очень плохо, Миша ещё ходит, у него была язва желудка и его поддержи-

вали питанием. Поэтому он не лежит. От тёти Кати же (Евдокимовны) писем я не получала от 12/XII-41 г., что теперь с ними, не знаю. Ну вот пока и всё, Серёжинька. Кончаю письмо и иду спать. Эту страничку заполнит тебе Игорь, так как, наверно, он сам захочет передать впечатление сегодняшнего вечера. Да, ещё хочу тебе сказать, Сергуля, если ты теперь много занят и тебе нет времени к нам писать, пиши поменьше, главное о своём здоровьи, а остальное живы будем всё добудем! Крепко много раз тебя целую и заодно благословляю.

Твои Мама, Лёля и Гога, и Серафима Галактионовна. Привет от всех нас[A].

11/III-42.

Дорогой папа.

Вчера я тебе написал, что учительница ко мне не приходила, а она пришла поздно вечером часов в 8. Мы её совсем не ждали. Она пришла вместе с учительницей немецкого языка, которая ушла в сельсовет. Учительница дала мне контрольную работу по алгебре за I полугодие. В контрольной работе были задачи и несколько примеров. Задачу я сделал быстро, а над примерами сидел дольше, но потом и их сделал. За второе полугодие она сказала, что придёт в следующий раз.

Теперь мне надо готовиться к русскому языку (к 15/III) и к географии (20/III). На улице сегодня с самого утра пасмурно и идёт снег. Почта ещё не пришла, она приходит в 12 часов, может, от тебя будут ещё письма.

Крепко тебя целую. Игорь.

10/III.

Милый Серёжа!

Вчера получили следующие письма: от тебя № 38 (от 15-го) — теперь до 40-го включительно все письма. Твоё письмо, хотя ты и говоришь, что получилось нескладное, читали с большим удовольствием. Поразило только известие, что квартиры Марголина и Зайончковского уже заселены, а вещи сложены в амбар, ведь, это всё было ещё до Постановления, почему же так произошло? Видел ли ты Зайончковского, т. е. был ли он у тебя, ты писал, что он к тебе собирается. Получили одновременно с письмом и бандероль с газетами (в один день опустил, в один день и пришли — это хорошо). Игорь после вечернего чая читал их во всеуслышание. Мне больше понравилась статья о Кутузове, живей и увлекательней написана, впрочем, и о Суворове хорошо.

Пришла также открытка от Сергея Васильевича от 4/III-го. Вот её содержание. Сделаю некоторые наиболее интересные выписки: «Вчера и сегодня ходил

[A] Далее письмо продолжено рукой Игоря Дмитриева.

в НКВД. Приняли очень любезно и всё объяснили обстоятельно. Так как нужно заполнять анкеты всем, кто едет в Москву, и чтобы не задерживать это дело, сегодня они пошлют, что нужно (и анкеты) уполномоченному НКВД в Пречистое, где вам всё и сделают. Вас вызовут туда. Пропуска будут даны. Подробно напишу закрытым письмом. Предупреждаю, что и с пропусками сесть на поезд в Ярославле очень трудно, поэтому может вам представиться возможным, когда получите пропуска, получить билеты в Москву в Данилове или даже в Макарове и сесть, быть может, там легче». Что из этого получится — увидим дальше. Будем ждать подробностей в закрытом письме, а потом извещения из Пречистого.

Затем получила, наконец, письмо из ТОНО. Без числа, причём не было никакой возможности разобрать и на штампе, подпись совсем не разборчива, нет и адреса моей школы, вот копия его: «Многоуважаемая О.А. (я сама сокращаю). Ваше письмо получили. Сектор кадров Таганского отдела народного образования сообщает, что до возобновления занятий в школах не имеет основания вызывать на работу. В Москву въезд временно воспрещён. О Вашей квартире Вам сообщит школа, которой это дело передано. Вам необходимо держать тесную связь со школой, адресовав письма на коменданта школы.

С товарищеским приветом заведующий сектором кадров (подпись)»

Интересно здесь сообщение о квартирном вопросе о коменданте школы. Теперь задача узнать, где же помещается школа, так как она и при мне уже переехала в другое место, куда адресовать. Нет ни звука ни о Кремнёвой, ни о помещении. Удивляет меня, почему люди, когда всё-таки собираются ответить, не потрудятся ответить на заданные вопросы, прежде всего. Не знаю, сходит ли Катя туда же (а также и Филинкова просила) и соберёт ли мне нужные сведения.

Может быть, у нас что-нибудь получится и здесь, если дадут мне одной с Игорем (впрочем, не будем ломать голову).

Получила дальше от Николая Леонидовича от 26/II. Он настоятельно рекомендует подождать до мая, ничего даже не предпринимать, а если нужно Игоря показать врачам, то свозить в Ярославль. Впрочем, я думаю, что, если у нас что и получится, то уж не так и скоро. Скоро только сказка сказывается, да не скоро дело делается.

Вчера у меня был горячий день. Мама и Анна Николаевна с утра пошли в деревни, а я надумала устраивать баню, затопила котёл и т. д. В это время пришёл бригадир и дал наряд на работу, правда, небольшую и непродолжительную. Пришлось пойти. В конце концов всё же успела и наработаться, и вымыться, а они ещё не пришли. Принесли, наконец, одну кринку молока и полведра капусты. Сегодня варятся кислые щи, по всему дому разносится «чудесный» запах кислой капусты. Собираются и сейчас идти.

Так мы и живём изо дня в день. Последние дни нашла себе новое, увлекательное занятие: нашлись у мамы нитки белые и крючок, и я вяжу кружева к рубашке. Как-то я тебе писала, что собирались променять кой-что из белья на продукты, масло и муку. Ничего из этого дела не вышло. Женщина, с которой мы сговаривались, не явилась больше, значит её не удовлетворила такая пропорция.

Игорь хочет тебе написать вечером, ждёт учительницу, которая обещала прийти для опроса, хотя вряд ли это может быть. Может быть, когда зайдут по пути, но не будут же нарочно ломать дорогу, всего верней, что в воскресенье. Хотя уже март, весны не видать, оправдываются слова «Зима недаром злится, прошла её пора». У тебя много солнца, как ты пишешь, а у нас оно скудно светит, редкий гость всё-таки. Все мы понемногу тянемся, стараемся не унывать, Игорь хотя иногда по вечерам температурит — 37,4 бывает. Всё написала, что есть, ничего больше не осталось. Выложила начистоту и поэтому кончаю. Новых писем вот от тебя давно не было, всё приходили застрявшие. Целую тебя много раз. Лёля.

12/III.

Милый Серёжа!

От тебя писем не было ни вчера, ни сегодня. Вчера была открытка от Наташи и обратно присланное наше письмо Фире с пометкой «Адресат выбыл неизвестно куда». Это уже стало обычной формулировкой, не застанут дома и пишут, как, например, у Филинкова, прислали нам обратно, хотя он проживает же в Швейцарском доме. Но с Фирой, конечно, может быть и иное: возобновилась её болезнь и могли отправить опять в больницу. Досадно получать обратные письма. Наташа пишет кратко и, как всегда у них с Катей получается, на прямые вопросы не даёт ответа. Если полагаться на их слова, то нам ничего не остаётся делать, как ликвидировать всё имущество и отложить всякое попечение о возвращении: «Всё равно, если и пропуск получишь, и служба вызовет, и хлопотать за тебя будет, то не пропишут». А я знаю, что люди добиваются своего. И Александр Александрович пишет (тебе переслали его письмо), что по новому Постановлению мы лишены квартиры и во всяком случае ты уже не сможешь вернуться и мы будем с тобой разлучены. Они ничего ни от кого не узнали, а пишут сами по себе, свои досужие домыслы, поэтому я решила особенно близко к сердцу не принимать их слов.

Совершенно иное оказывается с Филинковым. Буквально метаморфоза с ним произошла. Сегодня получили от него письмо, от Али и Насти. Пётр Николаевич, наверное, тебе то же самое пишет, что и нам. Очень важное сообщение он сделал, что объявил ему прокурор г. Перова т. Выборнов. «Прокурор т. Вы-

борнов категорически приказал не покушаться на квартиру профессора истории Дмитриева. Директор было козырнул указом об эвакуированных, но увы этот указ не касается учебных заведений, директор ушёл ни с чем и очень сердился».

Меня поразила в письме его удивительная тактичность и внимание к нам. «Я ничего вам не сообщал об этих делах. Боялся Вас расстраивать, и так у Вас горя не мало, но теперь, когда всё хорошо…» и т. д. Просто сама себе не верю, что с ним произошло, стал удивительным человеком. Пишу тебе на старой бумаге[A], думаю, что всё разберёшь. Аля пишет со старого места, ждёт призыва. У него в семье несчастье: мать Зины находится в тяжёлом положении — у неё последняя стадия чахотки. Вадюшка пишет бабушке письмо крупными буквами, но красиво и чётко. Он первый год ещё учится, но учится первым учеником. Хороший мальчишка. Настя нас порасстроила. Помнишь, мы в Ленинграде были у моего дядюшки[B] на Петербургской стороне, но его ещё не застали. У него были два сына — мальчики тогда. Так вот один сын убит на фронте, а сам он погиб в дачном поезде. Настя об этом узнала через вторые руки. Конечно, мама сильно расстроилась и плачет, это был её любимый брат. Зовёт Настя маму к себе жить, а она хочет при любых условиях остаться здесь, развести огород и до осени хозяйничать, а на зиму уже уехать куда-нибудь к дочкам. Если нам удастся уехать, наверное, вещей с собой не захватить, придётся оставить на сохранение ей.

Нам хочется всё же с поездкой немного повременить, вплоть до выяснения положения.

Николай Леонидович рекомендует ничего не предпринимать до мая, возможно, что он и прав.

Во всяком случае, если мы будем знать, что квартира за нами и всё в порядке, спешить уж нет такого смысла. Если же нас вызовут в Пречистое и будут давать пропуска, можно сослаться на Игоря, что ему необходимо выждать некоторое время по состоянию здоровья.

Вот музей ничего не пишет насчёт денег (360 рублей, которые мы послали), ведь, если деньги не пришли обратно, то, значит, он принял их, так или нет?

[A] На второй странице письма (где упоминается о старой бумаге) раньше был написан какой-то текст, который разобрать невозможно, поскольку чернила выцвели. Ольга Алексеевна пишет поверх этого текста.

[B] Имеется в виду заведующий кафедрой фанерных производств Ленинградской лесотехнической академии Евгений Галактионович Кротов, погибший при бомбардировке 3 января 1942 г. (исключён из списков сотрудников академии, как умерший, приказом от 3 марта того года. Ленинградская лесотехническая академия. Страницы истории: 1803–2003. СПб., 2003. С. 374; Репрессированные политехники. Т. 1. СПб, 2008. С. 126).

Пётр Николаевич почему-то о деньгах ничего не пишет. Наша переписка стала исключительно деловой, как ты в последнем письме отметил, всё о квартирных делах, вокруг и около, но ничего не поделаешь, тот о том и говорит.

Сегодня я и мама ходили за 3 км за молоком (оптовая закупка). Думали, принесём 7–8 кринок по 7 рублей, чтобы на несколько дней обеспечиться, но достали 4 кринки, и то хорошо. Часть молока выпиваем, а часть Анна Николаевна ставит на сметану и творог. Так понемножечку и питаемся.

Непредвиденный конфуз: упала клякса с пера, не обращай внимания на это. Как раньше писали: поцелуй это место, здесь упала моя слезинка или ещё что-нибудь в этом роде.

Сейчас звали нас на колхозное собрание (8 часов веера), да все мы не пошли, будет доклад о международном положении и затем план весенних работ. Наша соседка-хозяйка уже ушла. Игорь играет с её сыном в шашки, Анна Николаевна пишет Петру Николаевичу, а мама находится в тяжёлой меланхолии, скоро пойдёт спать.

Немного почитаю и тоже пойду туда же. Сегодня много писала, Наташе, Кате, Николаю Леонидовичу и теперь тебе.

Маму жалко. «Пойду в другую комнату и вволюшку поплачу».

Что тут делать и чем утешать?

Только время поможет.

До свидания, мой милый, целую тебя.

Лёля.

15-е.

Ильинское 14/III-42. Суббота. 10 ч. вечера.

Дорогой Серёжа! Прошлое своё письмо я тебе писала 10/III, но не помню какой поставила № 13 ли 14. Если 13, то 14-го не жди, так как это уже 15-е. За эти дни ничего особого не произошло. Лёля тебе, кажется, уже писала, что мы получили очень радостное и любезное письмо от Филинкова, на которое я ему уже и ответила. Что он пишет, она тебе уже сообщила. Сегодня получено письмо от Нины Журавлёвой Серафиме Галактионовне, посылает Серафиме Галактионовне в письме семена цветной капусты, редистки[A] и моркови. Пишет, что у них всё хорошо, есть прибавление семьи. Коза принесла двух козочек Аску и Динку. Хочет оставить их, да ещё хочет прикупить козочку от породистой козы. Михаил Афанасьевич сбирается ехать в Данилов, по пути думает захватить

[A] Так в подлиннике.

Серафиме Галактионовне вещи. Второе, получили сегодня открытку от Папки от 10/III. Вот, что он пишет.

Сейчас был в НКВД насчёт пропусков, нужна ещё бумажка-направление от Облздравотдела (кроме Райздравотдела). Вам разрешены 2 пропуска — Гоге и Лёле. Бабане пока нет. Я сказал, что Игорь без помощи других ходить не может и нужно 3 пропуска. Ответили, что, когда приедут сюда, будет видно. Сегодня вот пишут бумажку от НКВД. Но если у вас будет какая оказия — выезжайте все трое сейчас же в Ярославль, а оттуда поедете в Москву. Думаю, что третий пропуск дадут, а пропуска всё равно нужно получать самим и только в Ярославле. Багажом не загружайтесь, на поездах тесно и садиться трудно, и я, вы знаете, помощник плохой. Заберите самое необходимое, а главное документы. Если не трудно, захватите на нас хоть немного ржи. Сварим здесь кашку. Итак! Ждём вас и будем провожать в Москву. Приезжайте, пишите. Все здоровы, целуем, ждём. От Сергули была открытка, здоров. Ваш С. Дмитриев.

Вот вся открытка, которую получили. Что теперь делать, срываться с места, так страшно, что себе не представляешь. В Ярославле у наших очень плохо, самим есть нечего, да нас приедет трое и вообще нельзя утвердительно сказать, что дело решённое. Могут ещё и не дать пропуска. Мало ли, какие могут быть заторы. Ломать Игоря взад-вперёд трудно, и для него опасно. Погоды опять стали холодные и очень ветреные, валенок ни у него, ни у меня нет. Поэтому думаем немножко выждать текущих событий. Подождём пока пришлют нам бумажку, без этой бумажки даже в Ярославль не дадут билета. Лёля хочет всё же съездить сначала одна, там вместе с Папкой, во-первых, она сходит с документами Игоря в Ярославский Облздравотдел, быть может, ему по болезни дадут справку о болезни, и необходимости заочно, и тогда она будет просить, чтобы дали и пропуска. Может быть, она достанет пропуск только для себя, узнает, как там обстоит дело с квартирой, в каком положении, можно ли приехать с Игорем, и постарается, быть может, с Петром Николаевичем всё наладить. Там тоже, пишут, изменилось до неузнаваемости в смысле питания, а это очень важный вопрос. Здесь ещё кое-как по налаженному тянется, а там, наверно, будет затерать[A], и с пропиской, без этого же и хлеба не получишь. Вот какие соображения лезут в голову. Знаешь пословицу (обожжёшься на горячем, дуешь на холодное). Мы уж научены горьким опытом срываться с места, а потому теперь и побаиваемся. Ну вот пока и всё! Когда ты получишь это письмо и ответишь, много воды утечёт, к тому времёни будет, наверно, что-нибудь другое. И верю я, и не верю Петру Николаевичу, уж очень всё хорошо по его письму,

[A] Так в подлиннике.

просто как сказка, понятно, хочется верить, и будем надеяться на хорошее. Это всё, что нам в данное время можно сделать. Пока до свидания! Дорогой мой Серёжа! Бог даст, скоро увидимся! Все мы здоровы. Игорь ничего, температура нормальная. Завтра придёт к нему учительница русского языка. Отпили чай и ушли все спать. Вчера и сегодня твоих писем не было. Будь здоров, целуем. Твои Мама, Лёля, Гога.

16/III.

Дорогой Серёжа!

Сейчас ходили с мамой за молоком, за 3 км, достали 6 кринок (по 7 рублей), к общему удовольствию, и дома застали от тебя два письма №№ 49 и 51 (от 2-го и 4-го марта). Анна Николаевна вместо меня пошла на работу — таскать в корзинах клевер. Ещё утром дал наряд бригадир. Она пока не пришла, ждём её обедать, затопили голландку. Три дня была невыносимая погода, никакого просвета, дул сильнейший ветер, наверно, от вас долетел буран. Я, правда, не запомню, чтобы здесь были такие ветра. Вчера, например, совершенно нельзя было выйти на улицу, с ног сдувало. И сегодня зато всю дорогу передуло, идти было трудно. Твои письма очень хороши, радуюсь твоим одеждным успехам. У тебя получается с нами наоборот, мы только проживаемся, а ты ещё и приобретаешь. И то хлеб! Пришла бабаня, пообедали (суп с грибами, картошка со сметаной — картошки ещё дня на 3–4 хватит). За обедом читали твои письма, после обеда — твою статью. С большим подъёмом, по-моему, написана. Какое мнение других? Ты настолько себя зарекомендуешь, что тебя не захотят и отпустить от себя, может это быть?

Поддерживает нас рожь, которую получили в колхозе. На ручных жерновах мелем её, потом просеиваем, более крупную — на кашу, среднюю — на кисель и мелкую — на муку. Только и её не очень много остаётся.

Вот Сергей Васильевич пишет, чтобы мы приезжали все в Ярославль за получением пропуска, дают только мне и Игорю, но нужно ещё получить направление от Облздравотдела, возможно, что дадут и Анне Николаевне. Мы находимся на распутье. Если бы знать, то в Ярославле мы могли бы просуществовать хоть как-нибудь, а то нужно брать всё с собой, да ещё и им что-нибудь уделить, это, во-первых, во-вторых, я сегодня видела сама одну женщину только что приехавшую из Ярославля. Она ехала оттуда трое сток! Затем, если приедешь в Кусково, то там нам карточек не дадут до тех пор, пока не пропишемся, а это может быть очень долго. С Игорем ехать сейчас большой риск. Сегодня же я говорила с одним военным. Он приехал сюда на несколько дней к жене и ребёнку из Москвы. Я как будто побывала там. Картина ясная. Школы ещё не

работают, некоторые высшие учебные заведения частично занимаются. Многие эвакуированные возвращаются, но с пропиской их крайне затруднительно. По месяцу и больше не могут прописаться, только в исключительных случаях. Коммерческих магазинов нет. Он сам свою семью оставляет ещё здесь до более благоприятной обстановки, хотя здесь не сладко уже как-то обжились, да и молока можно доставать.

Вот это обстоятельство меня всего больше и смущает. Сдёрнуться с места не так трудно, правда, для Игоря трудно, нужно и лошадь находить, ему теперь не дойти, да и с вещами неизвестно, что делать. Всего больше я прихожу к такому решению: подождать из Ярославского НКВД бумажку и затем съездить одной туда. Там в Ярославле ещё надо хлопотать о пропуске, сходить за направлением в Облздрав (для этого захватить все бумаги о здоровьи Игоря, ведь, в Пречистом тоже без него дали направление, должны же они понять, что он не может разъезжать). Сергей Васильевич пишет, что пропуска можно получить только у них и через них и ехать надо от них, а всего лучше нам ехать отсюда. Вот об этом-то я и буду там говорить. Нельзя ли нам отсюда прямым путём выехать, это сильно бы облегчило задачу и сэкономило время. Одновременно с тобой пишу то же самое и Сергею Васильевичу. Мне думается, что он будет недоволен таким решением, такой, скажем, преступной медлительностью, он в своей открытке зовёт приезжать сейчас же, но я рисковать не могу, если бы я одна была, то, не задумываясь, бы поехала сразу же, а втроём, да тем более с Игорем — нельзя. Я побывала одна в Ярославле и, вернувшись оттуда, насилу отдышалась. Всего лучше бы нам дотянуться до мая, тогда будешь развязан и в смысле тепла и вообще будет видней. А, может быть, и ты к этому времени освободишься и за нами заедешь? Это уже последнее мои мечты, надеяться на это трудно.

Возможна и другая версия, что мы к тебе поедем, т. е. вынуждены будем, как думаешь? Когда же, когда же, наконец, с тобой увидимся? О квартире, как будто, можно особенно не тревожиться, нам подтвердили, что новое Постановление не касается во всяком случае учебных заведений. Всего, целую до свидания. Лёля.

P.S. Мы от тебя не получили ни телеграммы, ни ценного письма с бумажкой-бронёй от Комитета высшей школы. Следующее торжество у нас будет долго: в один и тот же день моего рождения и именины Игоря — это 18-го июня. Будем надеяться, что встретимся тогда[A].

[A] «P.S.» вписан на свободном нижнем поле второй страницы письма, частично налезая на текст уже написанного на той странице текста.

16-е.

Ильинское. 17/III-42 г. Вторник. 6 ч. вечера.

Дорогой Серёжа! Вчера от тебя получено 2 письма 49 и 51. Думали и сегодня получить от тебя, письма отсутствуют № 47, 48, 50, 43, 44 и 45. Вот видишь, как не равномерно приходят они. Я тебе 10/II послала 4-ре барнаульских письма и одно вновь написанное, а ты пишешь, что получил письмо моё от 15/II, значит те письма где-нибудь загулялись. Твои вчерашние письма произвели приятное впечатление, очень рады, что тебе судьба благоприятствует. Жаль мне бедного Марголина! Вот этого я больше всего боялась за тебя. Но теперь, Слава Богу, ты теперь устроился хорошо, и даже начал приобретать, а это теперь не многим достаётся. Вот только, Серёжа, трудно тебе, работы много, всё нужно самому готовиться. Да письма много время от тебя отнимают. Что тебе написать о нашем житье-бытье. Живём мы помаленьку. Вчера ходили Лёля и Серафима Галактионовна за молоком, принесли 6 литров, а сегодня ходили я с Серафимой Галактионовной в поисках картофели, капусты, грибков, были в двух деревнях Багряниках и Ефимьево, но безрезультатно, ничего не нашли и с пустом вернулись домой. На завтра обещано нам в Матвейково молока, но идти придётся одной Серафиме Галактионовне, так как завтра Лёлю вызывают в Пречистое по поводу Игоря, решили дать ему молока, сколько дадут не знаем, прошлый раз дали 10 литров по 132 к. за литр. И это ладно, всё хлеб. Пойду и я с нею, вдвоём повадней идти, ведь нужно взад-перёд 25 километров. За одно из Пречистого пошлём Папке за март деньги. Я побываю в парикмахерской, а то совсем обросла, зайдём в Собез[A] подтолкнуть заявление Серафимы Галактионовны насчёт пособия. И постараемся поскорее обратно. Сегодня погода с утра была морозная, но днём потеплело, солнышко пригревало очень хорошо, но сейчас стало опять холодней. Вот что-то ничего неизвестно, что с нашими деньгами, которые послали (360 рублей) в Музей квартплату. Пока ни слуху, ни духу. Мы уже писали Петру Николаевичу и просили его справиться, получил ли Музей наши деньги. Это письмо пишу как-то вразброд, что-то голова плохо работает; вообще на душе сумбурно, другой раз ничего, а иногда тоскливо. От ярославцев за последнее время письма были только от Папки, и всё больше насчёт пропуска. Лена же ничего не пишет давно. Ну пока до свидания! Шлём все привет, крепко целуем.

Статью твою о Минине и Пожарском прочла с большим удовольствием и интересом и спрятала все три вместе.

Твои Мама, Лёля, Гога, Серафима Галактионовна.

[A] Так в подлиннике. Правильно: Собес.

Серёжа, напиши мне, как ты можешь вернуться обратно? Можешь ли ты приехать пассажирским прямым поездом, как ты советовал нам? И сколько времени нужно проехать хотя бы до Ярославля? Туда ты ехал очень долго, чуть-ли не полтора месяца. Если нам не придётся выехать ни к тебе, ни в Москву, сумеешь ли ты приехать к нам повидаться? С тем расчётом, чтобы до начала занятий в институте обернуться назад? Это я пишу на всякий случай, так как твоё место службы зря терять жалко. Ты там хорошо привык и освоился, может придётся и так сделать — приедешь, повидаешься, захватишь с собою Лёлю и Игоря, и поедете в Сталинск. Там кажется с питанием лучше, чем у нас, а в общем всё это, что пишу я, может ерунда и мои предположения ни к чему, время покажет будущее, а всё же ты мне на мои вопросы ответь.

Твоя Мама.

Твой заказ френч и брюки неплохо. Но для лета, думается, жарко. Хорошо, если бы тебе удалось заказать хотя пару верхних сорочек апаша[A] и пары две нижнего белья. Но это ты и сам всё знаешь. Быть может твой новый знакомый Наум Давыдович будет любезен и постарается известить тебя, когда получат материал в первую очередь, он ведь ближе тебя к этому делу.

19/III.

Милый Серёжа!

Вчера был трудный день. Ходили с Анной Николаевной в Пречистое. Накануне меня взвали в сельсовет, звонили по телефону из Райисполкома и вызывали туда, по какому делу не сказали. Тогда я сама впервые стала пробовать звонить по местному телефону, премудрость заключается в том, чтобы изо всех сил крутить ручкой и кричать в трубку: «Станция, станция!» Наконец, после часового усилия соединили с Пречистым. Там ответили, что на больного выписали молоко и нужно получить ордер. Анна Николаевна решила сопровождать, ей хочется постричься в парикмахерской, таковая там есть. Вчера с раннего утра и собрались. Путь предстоял большой, так как ночевать там невозможно, и кроме того старый путь был закрыт (через две деревни не пропускали — карантин), надо было обходить, так что в целом набралось 30 км туда и обратно. Ты пишешь, что у вас весенняя погода, этого сказать про нашу нельзя, стоят большие 30-ти градусные морозы, и не видно конца им. Правда, днём, благодаря солнцу, немного пригревается. Идти было хорошо.

Большая часть пути прошла по большой дороге, ровной и гладкой. В Пречистом Игорю выписали на март месяц 10 литров молока, и то хлеб. Оттуда же

[A] Так в подлиннике. Рубашка апаш — рубашка с открытым широким воротом.

я послала Сергею Васильевичу 150 рублей, в прошлом месяце столько же. Вот, собственно, все дела там, отдохнули часок, выпили молока кринку (10 рублей) и отправились обратно. По дороге оставшийся из дома хлеб удалось променять на маленький кусочек мыла (примерно 100 гр.), но при нашей теперешней экономии хватит на баню всем. Пришли домой очень усталые ещё засветло. От тебя лежали письма №№ 43, 47 и 50. Как видишь, самые разнообразные! Немного отдохнули, пообедали и началось чтение и обсуждение писем. Что-то тебе Филинков не пишет, да и нам больше не отвечает, не приелось ли ему. Я спрашивала его, между прочим, получил ли Музей 360 рублей, ответа нет. Сам Музей не ответил ни разу, а я ему послала два заявления и 360 рублей. Чтобы узнать, получил ли он деньги, я спрашивала здесь почту, можно навести справку об этом, мне ответили, что ничего не знают. Тогда вчера в Пречистом я спросила об этом же самом и там мне посоветовали на почте написать заявление в Контрольную часть связи, указать № квитанции и т. д., и т. д. и там всё должны выяснить. Так сегодня я и сделала, теперь подождём ответа. В дальнейшем, когда я буду писать о П.Н. Филинкове, то всегда с фамилией. Я думала, что ты сразу догадался, о чем идёт речь, каким же образом, сам посуди, мог Филинков попасть сюда? Вот именно нецелесообразность этого и заставила бы тебя догадаться. Когда ещё ты был в Кускове, то частенько писал: «Сегодня ночью беседовал с Петром Николаевичем», поэтому я так и решила.

Итак, Маяковский реабилитирован, остаётся дело за Толстым и Шолоховым. Обязательно почитай Толстого, это мой тебе наказ, возможно, что и не произведёт впечатления. Много всё-таки от «не мудрствуй лукаво», но, ведь, тут ничего плохого и нет. Моим же всё-таки любимым писателем остаётся Достоевский. Он много мне говорит, я продолжаю всё копаться в себе, это нечто болезненное. Моя психика тоже затронутая, как ты хочешь, в этом надо сознаться. Ну, довольно на эту тему.

Игорь хочет тебе написать, когда к нему придёт завтра учительница по географии, сейчас он вслух учит её. Учительница ему принесла большую карту, и он повесил её в столовой.

Сегодня я получила небольшой паёк: дали по 200 гр. гороху (итого 800 гр.), по 330 гр. глюкозы (1.200 гр.), заплатила 9 рублей 40 копеек. Приходилось ли тебе пробовать эту глюкозу? Она делается из патоки, твёрдая, режется ножом, сладковатая, пить чай можно. Мало, да что поделаешь. Терпи, казак, атаманом будешь.

Хочется тепла, дрова наши на исходе, в лес идти никак нельзя — потонешь в снегу, а насту всё нет и нет. Вот, Филинков пишет, и я скажу, что такой суро-

вой, ранней и продолжительной зимы не запомню. Ни разу за всю зиму не было оттепели, а морозов, снегу, буранов — сколько хочешь.

Тепла хочется, а в то же время пугает предстоящее.

Всё написала, исчерпала все темы, до свидания, целую. Лёля.

17-е.

Ильинское. 20/III. Пятница. __[A] часа дня.

Дорогой Серёжа! Здравствуй! Последнее письмо я тебе писала перед походом в Пречистое, чем окончился наш поход, тебе Лёля уже писала. Устали порядком, но всё же выходили 10 литров молока для Игоря. Вчера снова ходила с Серафимой Галактионовной в Пуршево, раздобыли 5 кило кислой рубленой капусты, и кило 3 мороженой в кочешках для пирогов. Молока не достали. Сегодня ходила Лёля и Серафима Галактионовна в Матвейково, принесли 4 литра молока по 7 рублей и 400 грамм топлёного масла за сто рублей. Вчера получили паёк эвакуированных; всем 800 гр. гороха и 1200 гр. глюкозы. Наконец, мне удалось постричься, но парикмахерши там должно быть прямо взяты от (сохи Андреевны[B]), так как удивляюсь, как удержалась голова на плечах, что же касается волос, почти всё срезали, несмотря на то, что просила только подстричь. Но это не важно, если буду жить, то вырастут. Я тебе описала всё, что добыли мы за эти дни, а вот ты за последнее время что-то не упоминаешь о своём гастрономе: бываешь ли ты в нём и что удаётся купить. Нам очень приятно, когда ты покупаешь себе что-нибудь вкусненькое. Да что-то про пивцо и молочко помалкиваешь, или экономишь? В последнем твоём письме ты писал, что променял на ½ молока ½ буханки хлеба, и больше про молоко не упоминаешь.

Вчера после уроков в классе пришла к Игорю учительница русского языка, занималась с Игорем около часа за 1-е полугодие. Сдал на отлично. После этого вместе с нами пила чай с глюкозой, хлебом и капустой, так как говорила, давно не ела такое блюдо. Теперь публика не взыскательна и не горда, ни от чего не отказывается. Завтра 21-го обещала быть учительница по географии. Вчера было получено твоё письмо № 52 от 6–7/III и больше ни от кого не было. Ждём, как и ты, с нетерпением письмо от Филинкова, от него за всё время получили два письма, плохо, что он не ставит дат в своих письмах, по штампу из Кусково

[A] Цифра написана неразборчиво.

[B] В народе временами соху иногда уважительно (поговорка: «По имени называют, по отчеству — величают») называли по имени-отчеству: Соха Андреевна. В «Пословицах русского народа» В.И. Даля приводится и такая: «Полюби Андревну (соху), будешь с хлебом».

от 6/III. Лёля ему давно уже писала и просила, если явится возможность, узнать о своей школе и Крайновой[A], но на это письмо пока что ответа не было. Получив его письмо, которое нас очень порадовало, содержание письма тебе известно, я ответила ему очень любезным и дружественным письмом. Не знаю, ответит ли он на него. Сегодня получили только одно письмо из Ярославля от Лены от 13/III. Пишет так. Давно бы надо вам написать и много раз принималась, но бросала, не закончив, нет настроения. Хотя дома всё по-старому. Перемен или новостей, заслуживающих внимания, нет. Жизнь идёт у них вполне нормально. Не знаю, моё письмо вас, быть может, не застанет. Папа мне твёрдо говорит, что вам дают пропуск на проезд домой и что для этого вам нужно приехать сюда. Папа мне сказал, что он вам всё это написал. Не знаю, как всё это сделается, во всяком случае это большая ломка, особенно для Гоги. Теперешние переезды ужасны. Во всяком случае берите с собою только больше еды. Лёличка знает, как теперь ездить подальше от дома. Как я писала выше, дома у нас всё пока благополучно. Правда, мы все стали очень мало похожи на себя, очень похоже, что мы только вышли из больницы после тяжёлой операции! Но всё же мы все здоров, и все на ногах и т. д. и т. д. Про Витю пишет, что учится очень неважно и, наверно, останется на второй год. Тетрадь ведёт небрежно, делает уроки неряшливо и в классе сидит никуда негодно, прилежанья у него совершенно нет. Ну вот и всё письмо. Папка понемногу бродит. Заканчиваю письмо, садимся пить чай. Пиши. После чаю тебе напишет Игорь. До свидания! Будь здоров, крепко целуем, шлём привет.

Твои Мама, Лёля, Гога.

Не знаю, разбираешь ли ты мои письма? Я ведь иногда так пишу, что и сама не разберу. От тёти Кати известия нет[B].

20/III-42.

Дорогой папа!

Не писал тебе несколько дней, всё ждал, когда придёт учительница. Наконец, она вчера пришла и сказала, что была больна. Дала мне диктант за первое полугодие и немножко спросила устно. Диктант я написал без ошибок, и она поставила отлично. Завтра, наверно, придёт учительница по географии. 18 марта она мне принесла большую карту СССР и несколько таблиц по зоологии, которая будет 1 апреля. Тогда распределят испытания и на апрель.

Папа, ты пишешь, что лимон в твоей комнате начал оправляться и пускать листья. Наш лимон тоже улучшается, на нём показалось сейчас много зелёных

[A] Так ошибочно в подлиннике. Должно быть: Кремнёвой.

[B] Далее письмо написано рукой Игоря Дмитриева.

почек и оставшиеся листья больше не опадают. Нам даже становится завидно, когда ты пишешь, что весна уже идёт и даже окошко у тебя открыто. У нас всё ещё стоят сильные холода, и когда будет тепло, неизвестно.

До свидания! Крепко тебя целую. Игорь.

22/III.

Милый Серёжа!

Сегодня знаменательный день: девять месяцев войны, как мучительно долго тянулось время, мне кажется, что целая вечность уже прошла. Неужели было такое время, что мы были вместе, беззаботны и веселы! Теперь забыли смеяться. Игорь иногда шутит, поёт. Он во всяком случае молодец, жаловаться на него нельзя. «Я оптимист», — он заявляет про себя и не унывает во всяком случае. Или так: «Я единственный человек, который на всё смотрит, как объективный наблюдатель». Он, пожалуй, и прав. Его мало как-то трогают жизненные невзгоды, зато газеты он читает с увлечением, с жаром обсуждает все политические новости. Сейчас прервала письмо, пришли учительница. Он отвечал по географии. Мы все удалились в другую комнату, чтобы им не мешать, а я всё-таки за дверью подслушивала его ответы. На стене висела большая карта, и он одновременно и показывал по карте и рассказывал. Рассказывал он плавно, подробно и не стеснялся, а обычно всегда тушуется. Ответом были довольны, пришли их двое, одна — ассистентка. «Вот бы все так отвечали, как легко было бы учить». После Игоря учительницы пошли к соседям жаловаться на ребят, там два ученика 6-го и 7-го классов. Там обратная картина получилась, и слёзы матери, и возмущение учительниц. Ты Игоря, Серёженька, похвали, ему будет приятно. Вот Лена пишет, что Витя учится скверно, никакого прилежания и т. д. Это для матери большое огорчение. Сегодня воскресенье, и нечего было ждать, т. е. почты, конечно, а то больше чего же. День был пасмурный, но сравнительно тёплый. Вот сегодня-то как раз и начались злосчастные Сорок мучеников, говорят умные люди, если этот день не будет морозным, то и вовсе не будет больше морозов. Расскажу свой день. С утра обычная порция воды и колка дров. Затем чай, ради воскресенья пили кофе «Sante» — здоровье. Потом мама пошла за 3 км, а я за хлебом, там была очередь, так как давали на два дня, завтра магазин выходной, потом немного почитала. Читаю романы Шеллера — «За неимением гербовой, пишем на простой»[A] — или наоборот. Мамы всё

[A] Имеются в виду романы русского писателя А.К. Шеллера, писавшего под псевдонимом А. Михайлов, Шеллер-Михайлов. В кавычках приводится не название романа, а известная поговорка.

не было, вытащила Игоря и пошли встречать, постояли на мосту, понаблюдали за рекой, удивительная она у нас, вся какая-то проваливается и совсем по ней ходить нельзя. Тут и мама подошла, несла она ведро с 3 кринками. Молоко нас поддерживает, а то совсем бы нечего было есть. Там стали обедать. Случайно сменяла немного хлеба на 200 гр. мыла. Гигиена теперь более, чем когда-либо необходима. На этой неделе нужно устраивать мытье, тяжёлая и нудная процедура. Так понемногу идут дни, всё ждёшь чего-то и надеешься на что-то. Не знаю, правильно ли поступили насчёт Кускова, но трогаться сейчас с места буквально страшно, как-то обсидишься на месте и существуешь понемногу, может быть Сергей Васильевич недоволен остался, что не поехали все в Ярославль. Ничего не пишет Филинков, ничего не пишет и Катя. Последняя на меня обиделась. Она мне писала, чтобы я ей доверенность прислала на вещи, чтобы ей можно было кое-что взять к себе. А я, как ты знаешь, по другим соображениям этого не сделала. А она поняла так, что я ей не доверю, что ей мои вещи не нужны и пошло, и поехало. Всё это очень скучно. Написал ли тебе Филинков наконец? Что-то не подтверждаются его слова. Во всяком случае квартирные дела как-то теперь отошли на задний план, прежде всего стоит вопрос о питании и о возможности просуществовать как-нибудь, и у всех, надо сказать, это одно самое главное. Может быть, и тебе пока никуда не трогаться, хотя что-то ты тоже не поминаешь больше Гастронома, есть ли там что-нибудь? Мама спит и видит, как бы ей съездить в Некрасовское побывать только и захватить там кое-что, но опять сюда же приехать.

Написала тебе всякую ерунду, ничего нового нет. Целую! Лёля.

18-е.

Ильинское. 23/III-42. Понедельник. 5 часов дня.

Дорогой Серёжа! Получили сегодня твою открытку № 44 от 24/II и закрытое письмо № 45 от 26/II, так что эти письма не внесли ничего нового в нашу жизнь. Теперь только нет одного письма с № 48. Остальные письма вплоть до № 52 все получили и уложили по порядку, и когда бывает особо скучно, начинаем их перечитывать и делается как будто полегче. Сейчас ждём с нетерпением твоих писем, может быть, за это время тебе уже написал Пётр Николаевич, страшно хочется, чтобы он подтвердил своё сообщение касаемое комнаты-библиотеки. Я боюсь, что Пётр Николаевич предупредил события и поспешил написать чего ещё нет, поэтому ему теперь неудобно отписываться. В своём последнем письме, которое он писал нам относительно тех 50 рублей, которые мы ему послали на текущие почтовые расходы, он благодарит нас, но пишет, что напрасно мы беспокоились, так как все его расходы выразились не бо-

лее в 5-ти рублях, так что считает вопрос этот открытым, при случае разочтёмся. Но пока что больше писем нам от него не было.

Вместе с твоими письмами получили сегодня открытку от Папки от 15/III. Пишет, что нашу открытку он получил и, пожалуй, согласен с нами, т. е. с Лёлей, что лучше до тепла переждать, так как неизвестно, что будет дальше, а ехать сейчас очень трудно, в особенности, если не добьёмся пропуска, возвращаться обратно. Лучше всего, пишет он, дождитесь бумажку, когда они вам пришлют. Получили ещё письмо из Данилова от Нади. Пишет Серафиме Галактионовне, что получила недавно она письмо от Шуры, он находится в Малой Вишере под Ленинградом.

Напишу тебе сегодняшнее наше хождение (как говорится, по мукам). Напились чаю, Лёля и Игорь остались дома купаться, а я с Серафимой Галактионовной отправились по деревням в поисках хлеба насущного, сиречь муки и картофели. Набрали с собой мены. 1) 6½ метров сатину, как наше одеяло зелёного. 2) 3 метра ситцу — голубой, как была твоя верхняя сорочка. 3) новая женская сорочка и панталоны. 4) Лёлины чёрные туфли на высоком каблуке, за которые платили 200 р. 5) мои туфли коричневые новые. Думали, наменяем много. В результате прошли 3 деревни, но делов наделали немного, куда не придёшь. Товары всем нравятся, а менять не на что. Ни муки, ни картофели, а если у кого найдёшь, то не знают, как и ценить и своё, а наше хоть даром отдай. Только в одном месте более или менее подходящее или, во всяком случае, хоть что-нибудь сулили. Словом, за мои туфли давали полтора пуда картофели, если не спятятся[A] они, то придётся завтра сменять. Завтра с утра пойдём опять, но уже дальше взад-перёд километров 12-ть. Какие будут результаты, напишу в следующем письме. Второе утро очень хорошее солнечное с маленьким морозцем. Так что идти ничего, только снежно и мешает то, что нет отвёрток, т. е. если встречаются возчики, то приходится сходить с дороги прямо в снег, а снег очень глубокий. Но всё это не беда, теперь уже недолго, скоро весна и будет хорошо. Серёжа, меня очень интересует, как ты выглядишь за это время? Во-1) напиши нам, есть ли у вас в банях весы. Если есть, то, когда будешь в бане, свешайся[B], и напиши нам вес, а во-2) очень бы хотелось получить твою фотокарточку настоящую. Ты нам писал, что Марголин прислал карточку, вот и мне тоже хочется видеть тебя хоть на фотографии. Лёле про это я не говорю, если пришлёшь, то будет приятный сюрприз. Ну как, приезжал ли к тебе Пётр Андреевич или всё ещё в ожидании? Привет от всех! Семейная идиллия такова.

[A] Так в подлиннике. Имеется в виду — не пойдут на попятную.
[B] Так в подлиннике.

Лёля вяжет к рубашке кружева и одновременно читает книгу. Игорь изучает зоологию. Серафима Галактионовна что-такое шьёт, а я строчу письмо. Начала писать в 5 часов, заканчиваю в 9-ть. Отпили чай и подумываем скоро на боковую. До свидания! Крепко целуем. Последнюю страничку заполнит Игорь, изъявил желание написать тебе сам.

Будь здоров, мой родной. Твоя Мама[A].

24/III-42 г.

Дорогой папа.

Сегодня с самого утра после чая бабаня и бабушка ушли по деревням менять. Погода стоит хорошая, на улице тепло и светит солнце, наверно, днём с крыш будет капать. 22 у меня была учительница по географии. Она у меня спросила первую часть (общая география СССР), а вторую, географию по районам, придёт в следующий раз, уже в апреле. За первую часть поставила отлично. 1 апреля хотела прийти и распределить предметы на апрель. Тогда же придёт и учительница по зоологии, которую сейчас и учу. Наверно, как и по всем предметам, будет спрашивать за полгода. Марок я здесь собрал всего штук 12, да и то много одинаковых, из тех, что ты прислал, новых штуки 3.

До свиданья! Крепко тебя целую!

Привет от бабушки.

Игорь.

Мама сейчас пошла за молоком.

25/III.

Дорогой Серёжа!

Вчера получили от тебя № 54 (от 10/III), а сегодня № 55 (от 11/III). Изумительная аккуратность. Были получены ещё и следующие письма: от Ярославского управления милиции НКВД:

«Сообщаем, что пропуск на въезд в г. Москву Вашему больному сыну и Вам для его сопровождения может быть выдан при наличии направления Облздравотдела на лечение в Москву». Таким образом, думаю ехать хлопотать лично в Ярославль. Думаю немножко оттянуть. Пишу Сергею Васильевичу, чтобы он ещё раз сходил туда (чтобы пропуск не пропал) и попросил отсрочить ввиду болезни Игоря. Идеально было бы поехать в мае, когда будет тепло и сухо. Теперь стало очень опасно ехать вследствие всяких болезней, может быть, потом станет лучше, а ехать всем вместе в Ярославль прямо безумие. Получила ещё одно извещение из ТОНО, опять без числа, на штемпеле неразборчиво не то от 10/III, не то от 16/III.

[A] Далее письмо продолжено рукой Игоря Дмитриева.

Пишут следующее (тем же почерком и с той же подписью): «Уважаемая Ольга Алексеевна. Ваше 2-е письмо получили и сообщаем вторично, что временно в Москву въезд воспрещён. Занятия в школах полностью не возобновлены, и оснований для вызова не имеем. Вам надлежит прислать адрес Вашей квартиры в Кускове для наведения точных справок о положении квартиры. Комендант школы № 455 не Кремнёва О.П., а Калашникова.

Вам надлежит поддерживать тесную связь со школой, адресовав письма на коменданта школ.

С товарищеским приветом, заведующий сектором кадров ТОНО.

P.S. Ваше желание работать и лечить сына при первой возможности будет учтено. (Подпись)»

Содержание неплохое. Особенно последнее примечание. Это как раз как бы ответ на твоё письмо: «Нужно, чтоб о тебе и твоей готовности помнили. Нужно о себе напоминать». Сегодня опять с места в карьер пишу опять в ТОНО, заведующему сектором кадров. Даю адрес кусковской квартиры, прошу сообщить адрес школы (и в прошлый раз просила, не вняли просьбам; вроде нашей Кати. Ничего толком не добьёшься). Затем написала Калашниковой подробно и обо всём, адресую на Рабочую улицу, больше не знаю куда. Написала и Наташе открытку, спрашиваю о Киселёве, прошу через него узнать об Ахметьеве, только надежды никакой нет на толковый ответ, а Катя так и совсем замолчала. Вот очередные письм.[A] новости. Теперь житейские дела. Вчера я ходила в деревню, принесла 4 кринки молока, ходим туда через день, пока дают, но есть основание бояться, что откажут, мену спрашивают. В это время Анна Николаевна и мама ходили с товаром в другое место. Бродили долго, с санками. К вечеру вернулись, сменяли туфли Анны Николаевны (коричневые на низком каблуке, простые, но новые) за 1½ пуда картошки. Картошка не крупная, но чистая, как раз вовремя, а то своя кончилась. Долго мы вечером советовались, осуждали дальнейшее, что предпринять и что делать дальше, ехать ли мне в Ярославль сейчас или немного позднее. Жаль срывать Игоря с учения, к нему ходят учителя, и год у него не пропадёт даром, кроме того ехать сейчас стало опасно в смысле всяких болезней и недостатка питания. Мама решила сама ехать в Некрасовское, ей давно туда хотелось, у неё с собой не было захвачено ни белья, ни одежды. В конце концов так и решили, что она сначала съездит, а потом и я. Сказано, сделано и выполнено. Сегодня утром она стала собираться, но прежде нужно было перетащить пчёл из подвала в кухню. Тут-то у нас с ней и случился казус: в подвале были курицы хозяйки. Когда мы открыли дверь в

[A] Слово сокращено; сокращение, видимо, для «письменные» или «письмовные».

кухню, то они, естественно, туда вскочили, а мы в это время несли улей и было не до них. Курицы же принялись, как безумные, летать по кухне, разбили бутылку с керосином, а у нас в довершение всех бед опрокинулся навзничь улей со пчёлами. Что тут только и было, уму непостижимо. К счастью, пчёлы не разлетелись, они были оглушены, мы их подняли и всё привели в порядок, куриц также водворили на место. Всё кончилось разбитой бутылкой и страхом. Второй раз пишу бутуль[A], что это значит? Потом я пошла молоть на жерновах рожь, а мама стала собираться в путь-дорогу. Набралось у неё кое-что, вот, например, хлеб с собой и т. д. И отправилась она часа в 2. Как-то кончится её путешествие?

Твои письма, Серёжа, вносят бодрость и уверенность. Хорошо, что ты получил как следует паёк. Посуши сухарей, хотя ты и без меня это знаешь. Мы получаем, как эвакуированные, по 600 гр., а местные по 400 гр., поэтому хлеба-то хватает. Тебе, пожалуй, сюда нет смысла ехать, т. е. в деревню, разве только когда ты кончишь занятия, побывать временно, повидаться. Отсюда, конечно, трудней выбраться в Кусково, чем даже от тебя. Иногда у меня опускаются руки и совершенно ничего не хочется делать, ничего не предпринимать, полная прострация, думаешь — поплыву по течению и всё, а другой раз это проходит и возникает желание бороться ещё. Бывает ли у тебя так?

Со Сталинском расставаться пока не стоит. Всё-таки ты сыт и на месте, а теперь проблема питания, пожалуй, самая главная. Поживём ещё и увидим, что дальше будет. Целую тебя крепко. Лёля.

№ 19.

Ильинское. 26/III-42. 4 ч.

Дорогой Серёжа! Сегодня получили твоё письмо за № 58. Не получили 57, 56, 53, 48[B]. Продолжаю я писать. Анна Николаевна что-то чувствует себя неважно, t^o — 37,6, кашель и насморк. Советуем ей лежать лучше. Хорошо, если этим кончится, стал что-то народ здесь побаливать. Только что ответила Тане Чакалёвой[C] (от неё получили письмо сегодня). Она просит сообщить настоя-

[A] В двух первых случаях в этом письме в слове «бутылка» имеются жирные исправления второй гласной.

[B] Начало письма написано рукой А.Н. Дмитриевой; затем, начиная со слов «продолжаю я» — продолжено рукою О.А. Дмитриевой, затем 27 марта письмо продолжено снова А.Н. Дмитриевой.

[C] Речь идёт о семье Николая Константиновича Чакалёва (Коля), его матери — Екатерине Александровне Чакалёвой (урожд. Юматовой) (сестра отца О.А. Дмитриевой), его жене — Татьяне В. Чакалёвой, его сыне — Константине Чакалёве (Костя).

тельно, можно ли приехать им сюда, Коля от них уезжает, сначала в Москву, а потом дальше. Живут они неважно, ищут лучшего. Там с ней тётя Катя и Костя. Что им посоветовать? Написала сущую правду, из чего можно заключить, что не советую сюда пробираться, не вижу никакого смысла. Ведь всегда кажется, что где-то в другом месте лучше живут.

27/III. 11 часов.

Продолжаю своё письмо сама. Приблизительно с неделю чувствую недомогание. Сначала сделался кашель и хрипота, потом заболело горло и стал сильный насморк, дальше головная боль и ломота во всех суставах. Вчера полдня ходила и остальное время лежала, ночью сильно пропотела и утром t^o была нормальна. Болит сейчас только голова, принимаю кальцес и финицитин. Я вот сама себе навредила, чувствуя нездоровье и с кашлем и насморком ходила в деревни с Серафимой Галактионовной за добыванием чего-нибудь съестного. Дорогой спотела[A], когда на саночках везла картофель 1½ меры килом[етра] четыре, а потом озябла[B]. Результат не замедлил сказаться. Но, кажется, сейчас опасность миновала, нужно только немного повыдержать, а нужно сказать порядком струхнула, так как сейчас в окружности много больных. Теперь мы дома опять втроём, я, Лёля и Гога, Серафима Галактионовна третий день, как отправилась в Некрасовское к Насте и Варе[C]. Не знаю, как она туда добредёт, попутно хотела быть у наших в Ярославле и у Нади в Данилове. За дорогу обещала быть обратно. Погода сегодня ужасная. Похоже на февраль — рвёт и мечет, дорог нет никаких. Твои письма, Серёжинька, приносят большое удовлетворение, от них отдыхает душа, хоть ты-то устроился хорошо. И было бы очень жаль потерять тебе всё это. Понятно, видеть тебя всем нам очень бы хотелось, но что можем мы предложить тебе взамен? Даже покормить тебя нечем, так как нет ничего хорошего, а пробавляться так неинтересно. Но это вопрос второстепенный, главное дело в том, что, если уедешь, то можешь потерять там всё, что тебе удалось приобрести, а здесь ты ничего не получишь. Поэтому я тоже думаю, как ты, что отказываться тебе от службы нужно погодить, кто знает, что будет дальше, возможно, что ещё не тебе к нам придётся ехать, а Лёле с Игорем к тебе. Время покажет дальнейшее, а пока что держись своего места — оно тебе даёт много преимуществ. Ведь живут же люди в худших положениях, возьми, к примеру, Розу и Карла, Нюру и Толю и много ещё таких. Эти люди давно не

[A] Так в подлиннике.

[B] В предложении сохранена орфография подлинника.

[C] Имеются в виду дочери С.Г. Юматовой — сёстры О.А. Дмитриевой Варвара Алексеевна Юматова и Анастасия Алексеевна Духовницкая.

имеют друг о друге никакого представления. А мы ведь знаем, где ты, что ты устроен сыт и в тепле. Так что роптать нам не приходится. Очень жаль, что 57 письмо пока что мы не получили и не знаем копии Филинкова письма. Ты уж, наверно, написал письмо Фире, но Лёлино письмо, адресованное на Фиру, пришло обратно, так как адресат выбыл неизвестно куда. Наверное, опять заболела и отправлена в больницу. Что тебе ещё написать, дорогой мой, особых новостей нет никаких, от наших писем давно не получала. У них тоже дело швах, поэтому и писать не хотят.

Молоко мы пока что достаём, но вперёд просят на что-нибудь менять.

Заканчиваю своё письмо, и Гога пойдёт за хлебом, по пути опустит в кружку. Игорь, Слава Богу, чувствует себя ничего, готовится к зачётам, изучает зоологию. До свидания, Серёжинька, все тебя крепко целуем, ждём с нетерпением твоих писем.

Твои мама, Лёля, Гога.

[После подписей проставлен штамп «Просмотрено военной цензурой. Ярославль. 21»][A]

27/III-42 г.

Дорогой папа!

Вот уже несколько дней у нас стоит тёплая погода. Особенно тепло было вчера, со всех крыш текло, снег был сырой и даже был несколько времени дождь со снегом. С нашей крыши снег почти весь стаял, она у нас железная, а с соломенных ещё плохо течёт. Дул очень тёплый ветер. Сегодня немножко похолоднее, не тает и дует сильный ветер со снегом. Солнце только иногда выглядывает сквозь облака. Если такая погода продолжится ещё несколько дней, то, наверно, будет наст. Сейчас я учу зоологию, которую надо сдавать числа 30–1. 1 числа хотела придти классная руководительница и распределить испытания на апрель. Марка, которую ты прислал мне в № 58 новая, её у меня ещё нигде не было. Сейчас напишу это письмо и пойду за хлебом и на почту, может что-нибудь и пришло. До свидания!

Крепко тебя целую и обнимаю. Игорь.

28/III.

Милый Серёжа!

Вчера получили от тебя сразу три письма: №№ 47, 53, 57. 58-й был получен ещё позавчера, где упоминалось о Филинковском письме, было крайне любопытно его получить. И вот мы его читали! Надо сказать, что он пишет очень

[A] Далее письмо продолжено рукой Игоря Дмитриева.

образно, в этом ему нельзя отказать, иногда наблюдается своеобразная манера выражений (насчёт романтики и т. д.). Так за его письмом встаёт и он сам, видишь его живым, растрёпанным, гогочущим и что-то кричащим проезжающим, особенно велосипедистам. В нашем представлении он был тогда трусом. Помнишь, по вечерам какие-то его версии о нападении т. д., но в результате «этот трус» оказался самым храбрым человеком, живёт один-одинёшенек в целом доме, да, можно сказать, в целом парке. Оказался человеком-загадкой. И по отношению к нам также. Видишь, как он любезен и внимателен, я бы даже сказала, чуток, ведь, не напускное всё это! Правда, ему импонирует роль, взятая на себя, роль доверенного лица, а он, как не говори, мастер позы. Вот директор музея — «культурный человек» — не удосужился даже ответить на мои два заявления, на посылку 360 рублей. Какова их судьба, ничего не знаем. Приняли ли они или, может, идут обратно, хотя должны бы тогда уже и прийти, я, ведь, посылала 9-го февраля.

Сейчас утро, накануне бригадир объявил, что я должна идти на трёхдневный субботник на лесозаготовку, там выставлена норма 1¾ кубометра. Сегодня собираемся, встали рано, уже отпили чай, жду общего выхода. Страшит меня эта работа, в лесу снегу, по крайней мере, по пояс, боюсь простудиться, да и здоровье уже не то.

Продолжаю писать в воскресенье вечером. Вчера и сегодня целый день работали в лесу, от нас нужно идти километра 4. Разбились на звенья, я была в тройке с самим бригадиром и его женой. Он посоветовал одеть штаны, а то [вся] засыплешься снегом, что я и сделала, надев Игоревские синие лыжные штаны, спустив их на валенки. Вчера был сильный ветер и, несмотря на работу, было не жарко. Выложили в один день 3½ кубометра. Надо было сначала умять снег, затем наметить деревья, и как пошли кругом валить их, так только треск раздавался, было страшно, кругом валились деревья, так как народу было порядочно.

Я и жена бригадира всё время пилили, а он сам обделывал деревья и укладывал по мерке.

Пришли домой к вечеру. Утром рано, до чая, побежала за молоком за 4 км. Был сильный заморозок, до 25°. Идти было легко, но обратно нести тяжело 4 кринки. Там я произвела мену (чаю и сапоги детские), мне теперь полагается 26 кринок получить. После чая отправились опять в лес. С утра было холодно, а потом сделалось жарко, так что валенки попромокли. Работалось мне трудней, так как руки уже намахались. Выложили 6 кубометров, больше всего осина и берёза. После заставили подобрать сучья и их сжечь. Развели громадный костёр. Как будто норму выполнили, и завтра уже не надо идти. Но как будто будет иначе. Есть определённая норма на колхоз, а все выйти не могли по разным

причинам (есть, например, и больные) и, возможно, придётся идти и ещё. Возможно, что и вообще продлят. Многие ходят всё время, да ещё и в отъезд.

Дома все-по-старому. У Анны Николаевны чисто выраженный грипп со всеми его признаками, температура теперь нормальная, Игорь чувствует себя сносно. Мама загуляла, теперь, наверное, в Некрасовском отдыхает. Приедет с кучей новостей, вот пораскажет. Ждём её с нетерпением. Весна у нас сказалась уже: начались болезни, вот это-то и страшно. Тут не убежишь, настигнет. Надо вовсю крепиться, будь, что будет. Наташа с Катей совсем замолчали, ни звука, что-то у них? Завтра ожидается большая почта, хочется, чтоб уж поскорей что-нибудь было. Весна сильно запаздывает, завтра по-народному «Алексия — человека божьего с гор вода», а воды и в помине нет.

Зажгли лампу, последний керосин влит, ну да теперь можно со светом ложиться, попьём чаю и спать, хотя я уже спала, как пришла, руки болят, а больше ничего.

До свидания, целую. Лёля.

20-е.

Ильинское. 31/III-42. Вторник.

Дорогой Серёжа! Что-то давно я не писала, хотя за это время писала тебе Лёля. И все новости тебе известны. Понемножку оправляюсь, хотя на улицу не выхожу. Температуры нет, но голова ещё побаливает. У Лёли тоже вроде грипп в лёгкой степени, насморк и кашель. Эти четыре дня от тебя писем не было, а вчера было письмо из Ярославля от Папки, между прочим, пишет, что давно не было от тебя писем.

Папка пишет, что понемножку тянутся, что деньги от нас за март 150 рублей получил, благодарит и говорит, что они как раз кстати, так как 29–30/III у них предполагаются быть какие-то колхозные базары, быть может, что-нибудь удастся купить. Лена с Анной Александровной ходили в деревню Игумново к тётке Анне и привезли немножко картошки, рубленой капусты, горошку, молока. Настроение у них несколько поднялось и стало жить повеселей. 28 Лена снова пойдёт с Анной Александровной, приготовили что-то на мену, ходят они туда с ночёвкой; идёт накануне выходного дня, а на другой день к вечеру возвращаются обратно, за Волгой их встречают домашние, так как далеко и трудно это дело. (В общем жить стало хорошо). Ещё пишет такое. (По их общему мнению), если бы можно было получить пропуск в Москву, торопиться ни к чему. Смотрите сами, как лучше. Я очень рад, что вы встретились с одним военным, приехавшим к семье. Он вам, наверно, порассказал кое-что про Москву, что я не написал. Поэтому я высказываю мнение не торопиться, тем более, что с

квартирою и Серёжа, и Филинков вас успокоили, нечего и торопиться в Москву. Так что вы очень-то не торопитесь, пусть будет потеплей, и ехать лучше и Гоге удобней. Военный оставляет семью у вас и хорошо делает, и вам нечего пока торопиться. Но вот и всё, что он пишет.

Послала я письмо Клаве! Не знаю, получим ответ, уж очень она, бедненькая, далеко заехала. Твою последнюю бандероль мы получили вчера, Лёля её прочла и приняла к сведению. Алёше Иванову тоже написала. Теперь буду ждать ответа. Я знаю, что моё письмо нескладное, и ты, наверно, посмеёшься, но что-то голова плохо соображает. Дни сейчас по-прежнему очень большие, т. е. великие, но величественного теперь так мало, что забываешь о них. Серафима Галактионовна завтра неделя, как уехала, да я и забыла написать. Ещё что пишет Папка. Пишу из слова в слово по письму от 26/III.

В 12 ночи на 27-е приехала Серафима Галактионовна, к сожалению, её негде было положить спать, и она просидела на двух стульях, а сегодня 27 ушла в семь, и даже чаем не попоил, потому что керосина нет, и углей нет. Поели мы с ней чёрного хлебца и всё. Спасибо вам за подарки, сладость я разделил ребяткам на несколько дней. Завтра, наверное, сварим кашку, а потом уж остальное оставим на Пасху[A], как роскошь. Что же мы послали им с Серафимой Галактионовной сейчас опишу. Четыре конфетки кусковские, кусочек сахару небольшой 50 гр., 1 столовая ложка сушёных ягод, с кило ржаной крупы и грамм 150 топлёного масла, которого купили 400 гр. за 100 рублей. Видишь, какая большая посылка в сравнении с прошлым временем. Папкино письмо читала с большой грустью.

Это письмо ты получишь, Серёженька, нескоро, во всяком случае после праздника. Прости, что своевременно я тебя не поздравила, но не было настроения. Напиши, как ты провёл эти дни, отметил ли чем-нибудь. Завтра или послезавтра всё же думаю произвести уборку, помыть полы. Лёля сегодня ходила и принесла 4 крынки молока. Да Гога с завода ещё 2, так что молоком разбогатели, заготовили немножко творожку и сметанки, да ещё, наверно, заготовлю. Сделала из белой мучки, которую выдали на Игоря, лапши, яички были дома. Ещё два яичка осталось, есть кус баранины солёной из старого запаса и два кусочка гуся, так что первый день праздника, Бог даст, встретим, а там что будет. Как-нибудь будем тянуться, лишь бы здоровье не изменило. Погоды стоят, хоть и ясные, но холодные, по утрам сильно морозит, днём солнышко пригреет, а к вечеру опять холодно, вода и не думает бежать с гор. Завтра бабушка Дарья Лаврентьевна именинница. Прежде бывало этот день был теплей, а нонче

[A] В 1942 г. пасха выпадала на 5 апреля.

что-то долго держит зима, не хочет расстаться. Как твои дела? У нас твоё последнее письмо 58 и пока других нет. Я его и 57 читала много раз и искренно смеялась на письмо Петра Николаевича, уж очень он интересно пишет, как он поехал в Москву и притащил директора и коменданта. Вообще его письма читать любопытно, что его прозвали колдуном, что он нарушил семейные устои и т. д., и т. п. Правда, малый со скуки на все руки. Вот только что выйдет из всего этого, сумеет ли он уплатить за квартиру.

Вчера прислали Серафиме Галактионовне пособие за сыновей с ноября по март (248 рублей), так что приедет домой, а денежки её уже ждут. От Наташи, Кати никаких извещений нет. Завтра надеемся получить от тебя много писем сразу. 58 дошло очень быстро. Твои письма очень содержательные, читаем их с большим воодушевление. Что сейчас делается у нас? Гога лежит на моей постели, учит урок, Лёля шьёт себе лиф, я пишу письмо. Скоро буду ставить самовар, будем пить чай и спать, керосину остаётся немного. Игорь собирается писать тебе завтра, думает, что придёт к нему учительница, тогда напишет полный отчёт.

Ну до свидания! Милый наш, дорогой Серёжа! Крепко тебя все целуем. Желаю тебе во всем успеха. Пиши, как твои обновы? Очень рада, что ты приобрёл себе белья, тебе везёт.

Твои Мама, Лёля, Гога.

2/IV-42 г.

Дорогой Серёжа!

Последнюю неделю писала тебе неаккуратно. Немного побаливаю (грипп со всеми его явлениями, головной болью и пр.), настроение пониженное вследствие этого и не только вследствие этого. Мы, трое, гриппим, а вот окружающие больные более серьёзно. В больнице мест нет (она за Пречистым), поэтому лежат по домам. Весна, по-видимому, и начала сказываться. Пока ещё у нас всё не тает, представь себе, какая поздняя весна! Всё продолжаем ходить в валенках, насту тоже нет, снег проваливается. Пишешь, Серёжа, одно, а на душе другое, не знаешь, как лучше и написать. Ждём маму, как будто легче, если она приедет, только вряд ли скоро отпустят её из Некрасовского. Несмотря на грипп, приходится выполнять все неотложные домашние дела и выходить на улицу, здесь никого не найдёшь, чтобы воды принести, дров наколоть. Себе только и говоришь, что нужно крепиться. Сейчас я ходила к доктору. Прослушала она меня, сердце и лёгкие здоровые, остальное тоже не внушает никаких опасений. Нужно пропотеть, высидеться и т. д. Утром рано я ходила за молоком в Матвейково (4 км), хожу через день, хожу до чая. Хотя часов у меня нет, но думаю, что быстро справлюсь. Вчера нам принесли квитанции на уплату воен-

ного налога, мне и Анне Николаевне. Мама освобождена, так как получает пособие. Анна Николаевна ходила сама в сельсовет объясниться, мы думали, что не подлежим налогу, как эвакуированные, так до сих пор с нас и не требовали, но там разъяснили, что вышло новое дополнение к указу. Таким образом уплатили первый взнос за обеих 50 рублей (всего с нас 200 рублей с обеих). Второй взнос 15-го апреля. Наверное, также и у тебя? Дни стали удивительно томительные, мы сами замкнулись в себе, никто к нам, и мы ни к кому, да иначе нам и нельзя теперь. Пишем также что-то мало и совсем почти ничего не получаем. От тебя, например, нет писем уже неделю, начинаем сильно беспокоиться, правда, и почта что-то последнее время ходит нерегулярно, то поезда не было, то ещё что-то.

Сейчас время, наверное, 12-ть. Игорь у нас ходит на почту, сходил и вернулся с известием, что ещё не пришла. Хотелось бы получить от тебя и ответить, но придётся опустить и так. Письмо вышло очень беспорядочное, я сама чувствую, мысли скачут в разные стороны, так, что уж извини. Игорь всё ждёт очередную учительницу. Должна была прийти 30–31/III, да вот до сих пор нет. Он уж приготовил ей сдавать зоологию, может быть из-за карантина не идут. Наше Ильинское подгуляло на этот счёт что-то. Недавно хоронили председателя колхоза, дочку председателя сельсовета и Александру Григорьевну, последняя тебе несколько знакома, ещё вместе ходили за книгами к ней. Хоронили на кладбище за Ильинским, тоже туда ходили мы все вместе, помнишь? Вот всё это и снижает настроение. Когда же получишь это письмо, тогда у тебя, наверное, уже занятия кончатся, и перед тобой опять возникнет проблема, что делать и куда поехать. Могу тебе только одно посоветовать: сюда тебе нет смысла ехать, нам не поможешь и сам дорогой можешь заболеть. Может быть, лучше ещё выждать в Сталинске, если занятия кончатся, то экзамены будут, а там, может, ещё что-нибудь. Пока надо сидеть на местах, квартиру вот только за собой бы закрепить. Черти полосатые, музейцы, ничего не пишут насчёт квартплаты. Считают ниже своего достоинства кому-нибудь отвечать. Надеюсь, что мне пришлют извещение о судьбе денег через почту. А, впрочем, всё это стало мало тревожить, лишь бы выжить в такое суровое время и остаться более или менее здоровым, а там где-нибудь проживём. Только что была почта, писем нет, придётся ждать опять до завтра.

Сейчас будем обедать, а потом пойду за лекарством в больницу.

Кончаю теперь, крепко целую тебя, мой милый дорогой Серёженька.

Хочется очень тебя увидеть.

Лёля.

21-е.

Ильинское. 5/IV воскресенье. 1 ч. дня.

Дорогой Серёжа!

Поздравляю тебя с праздником![A] Помнишь ли ты, какой сегодня день? Этот день мы все года с тобою проводили вместе, а сейчас ты один, и потому особо грустно. Все эти дни хотя особо и не готовились, но была сутолока, предпраздничная уборка, промывка полов и т. п. дела. Но вчера все эти дела были покончены и наступило затишье. Серафима Галактионовна на праздник домой не приехала, должно быть, осталась праздновать с Настей и Варей. Думаем, что в конце недели всё же она домой приедет, так как и погода требует её возвращения. Все мы понемножку налаживаемся, грипп от нас отстаёт. Со вчерашнего дня Лёле дали наряд с 4 по 11-е на лесоразработку. Всесоюзный субботник. Но так как у неё горло не совсем в порядке, то вчера и сегодня она на работу не пошла. Завтра, наверное, пойдёт. Вчера она ходила в Матвейково за молоком, там она раньше наменяла 26 крынок молока, за это время взято 12 крынок и вчера же там ей уступили 1 кило баранины на деньги за 100 рублей (деньги потребовались на налог), так что сегодня сварили баранью лапшу, картошку с салом и луком и на третье творог. Утром напекла ржаных блинов со сметаной, так как это время у нас было порядочное количество молока, то я скопила творожку и сметаны, в пятницу по какому-то непредвиденному случаю нам объявили, что на пять дней нам печёного хлеба выдавать не будут, а дадут муки из расчёта на кило печёного 650 гр. муки, получили мы всего 7 кг. 500 гр. хлеба же у нас было дома две буханки 4 кг 800 гр., получилось то и другое. Сегодня к вечернему чаю истоплю голландку и сделаю ржаную ватрушку с картошкой и творогом. Глюкоза и немножко сахару ещё имеется, так что пока живём. Не знаю, как наши ярославцы сегодня себя чувствуют? Наверно, не особо важно. У тебя тоже, Серёженька, продукты растут в цене, как на дрожжах. Но нас всё же не перещеголяешь. Думаем, что на этот месяц Игорю опять дадут молоко из здравотдела. Да Лёля ещё уговорилась на выданное нам в колхозе сено 2½ пуда сменять в Матвейково на молоко за 13 литров. Пока молоком обеспечены. Всё бы ничего, одно, вот, только нехорошо, что в окружности нас очень много больных сыпняком, да и наше Ильинское на карантине, ребята из нашего Ильинского в школу не ходят, нас это очень тревожит, так были и смертельные случаи. Но ничего не попишешь, принимаем все меры, какие возможны в смысле чистоты и опрятности. А там, что Бог даст.

[A] Имеется в виду Пасха.

От тебя на прошлой неделе было получено 58-е письмо, а в пятницу пришло письмо № 56 от 12/III и больше ничего, наверно, завтра будет большая почта. Зато теперь все письма твои получены сполна и будут приходить только новенькие.

Ну вот и вся наша обыденная жизнь. У тебя гораздо разнообразнее и интереснее письма, чем наши, и это нас радует. Что-то ни от кого нет писем, ни Москва, ни Кусково ничего не пишут, от Лены тоже давно нет ничего. Сейчас только отобедали, убрали посуду, топится печка, Лёля вяжет кружево, Игорь лежит с книгою, и я пишу письмо. Погода несколько стала лучше, выглянуло солнышко, а с утра было и холодно, и ветрено. Ну вот и всё! Игорь просил оставить ему свободную страницу, хочет написать сам. Напиши нам о всех текущих делах. Как твои обновы, нравятся ли тебе? Ждали-ждали весну, а что она нам даст, не знаю, думали, что скоро увидим тебя, но, кажется, придётся ещё подождать, тебе ехать к нам не стоит — делать нечего, у себя ты всё же с делом. Напиши, как ты думаешь поступать дальше.

P.S. Шлём все тебе привет и крепко целуем. Твои ильинцы[A].

5/IV-42 г.

Дорогой папа!

Давно уже не получали от тебя новых писем. Наверно, завтра будет сразу несколько. Учительница по зоологии так и не пришла. 3/IV была классная руководительница и сказала, что она заболела и придёт в ближайшие дни, но теперь она сможет прийти только после 15, когда снимут с деревни карантин. С классной руководительницей я составил расписание испытаний на апрель. 10 будет история, которую я сейчас и учу, 15 — геометрия, 20 — русский язык (за второе полугодие), 25 — алгебра, тоже вторую половину, и 30 — немецкий. Раньше 15, наверно, никто не придёт. Последние дни стало очень тепло, вчера река во многих местах выбилась из-подо льда и течёт снаружи. Сегодня не так тепло, но вода всё равно течёт поверх льда. Лимон очень быстро растёт, из каждой веточки выходит по нескольку зелёных почек и с каждым днём они всё больше. До свидания. Игорь.

22-е

Ильинское. 8/IV-42. Среда. 5½ ч.

Дорогой Серёжа! Спешу уведомить, что у нас всё благополучно! Все здоровы. Вчера получили после большого перерыва твоё письмо № 60 от 22/III, а письмо 59-е пока ещё отсутствует. Но зато сегодня утром вернулась из вояжа

[A] Далее письмо продолжено рукой Игоря Дмитриева.

Серафима Галактионовна. Лёля была ушедши за молоком. Я приготовляла завтрак. Пекла оладьи. В это время около 9 часов утра пришла Серафима Галактионовна. Игорь ещё не вставал. По её приходу в первую очередь мы заставили её раздеться и снять с себя всю одежду вплоть до белья. Её одежду всю вынесли на чердак, а она одела всё чистое, умылась, и в это время вернулась Лёля с молоком из Матвейкова, принесла 4 литра. Пили все вместе чай, закусывали и вели беседу. Разговоров тьма обо всем и всех. Серафима Галактионовна ещё в дороге начала писать тебе свои дорожные впечатления и встречи, сейчас она продолжает их писать, обратный путь, так как не успела и хочет тебе это письмо презентовать. Я только что вернулась с кооператива, где получила опять на 6 дней муки, хлеб будет только [во] вторник, муки дали 9 кг 300 гр. Сегодня готовила к обеду молочную лапшу и сжарила последний кусочек гуся с картошкой. Пекли ещё дома небольшой хлеб. Завтра опять нужно печь хлеб, затем спеку пирог с капустой (тоже последней), к обеду сварю щи с бараниной и ржаную кашу с молоком. Молока в Матвейково у нас есть ещё 18 литров, там что-нибудь ещё добудем. Главное у нас настроение опять поднялось, так как заболевания в Ильинском стали реже, а кто заболел, тот стал поправляться. На прошлой же неделе было несколько смертельных случаев. Умер председатель колхоза. Умерла у председателя сельсовета дочь, 20 лет. Ещё одна знакомая из Ефимьева. Характерно то, что привезли их схоронить гужем всех вместе, из окна мы видели всю эту процессию, так как остановились они у сельсовета, и в окно нам всё было видно.

Лёля на лесозаготовку так и не ходила, так как сейчас у колхозников другая забота. Нужно им сдать мясо по 40 кг с хозяйства, а взять негде. Ну пока всё, следующий раз напишу больше. Крепко тебя целуем. Твоя Мама.

23-е

Ильинское. 10/IV-42. Пятница. 2 ч. дня.

Дорогой Серёженька!

Что-то я не помню, какой № был моего прошлого письма — 21 или 22? Пишу сегодня № 23. Все мы здоровы! И всё по-хорошему. Болезни у нас в Ильинском поутихли, и все понемногу поправляются. В настоящую минуту дома я совершенно одна. Лёля сегодня за всю неделю пошла в первый раз на лесозаготовку, ушла в 11-том часу, вернётся часам к пяти, будем все вместе обедать. Серафима Галактионовна ушла в Пуршево поискать капусты или картошки, взяла с собою кое-что из белья для мены. Не знаю — выйдет ли что-нибудь из этого. Игорь ушёл на почту в сельсовет вот уже с полчаса, не знаю — есть ли письма, что-то он очень долго. Наверное, читает газеты. Писем теперь стало к

нам приходить очень мало, от тебя письма тоже стали приходить реже, последнее письмо было № 60 от 22/III, а 59 так пока и не пришло. Ни от Наташи, ни от Кати, ни от Петра Николаевича писем нет. Николай Леонидович тоже давно не пишет. Относительно посланных нами в адрес Музея 2/II денег (360 р.) так до сих пор ничего не знаем. Несмотря на то, что писали в Пречистенскую почтовую контору и просили ответ, где находятся посланные нами деньги? От Папы и Лены на прошлой неделе было по письму, там все здоровы. Лена спрашивает о тебе, получаем ли мы твои письма, они от тебя что-то давно не получали и беспокоятся. От тёти Кати и тёти Лены писем больше не получали от 12/XII-41.

Наверно, они все уже не живы. В последнем письме от нашей Лены была приписка, что у неё была Нюра Байбородина и сообщила ей, что ленинградская Дуняша, которая жила с тётей Катей, умерла 27/XII. Узнала это она от того инженера, который приехал в Ярославль уже давно для поправки и застрял, так как не живёт [и] не умирает, по словам Нюры. Дуняша была отправлена в больницу ещё 22/XI-41 г., где и умерла от своей болезни водянки. Ну вот пока и всё старое. Сейчас 3 часа, вернулся из сельсовета Игорь, и первым долгом обманул меня, что писем нет. На самом деле разделся и с торжеством подал мне твои два письма за № 61 от /24/[A] вторник, от 25–26/III № 61[B], так что 59 гуляет. Это, значит, случается не только с нашими, но и с твоими письмами: распечатали твои письма и стали с Гогоним читать. Вновь повеяло другим духом, а то мы здесь совсем заде__ревели[C]. Всё одно и одно. Ты прав, что настроение в январе и феврале было лучше, возлагалися надежды на будущее, сейчас всё немножко притупилось, но не будем падать духом, чему быть — того не миновать. Будем надеяться на лучшее. В данное время больше ничего не остаётся. Я тебе так напишу относительно пропуска. Возможно, что Папка прав, и пропуск бы можно получить, если не всем, то Лёле и Игорю, если бы она съездила сама в Ярославль, хотя бы без Игоря, и похлопотала. Тебе уже было письмо, что бумажку из Ярославского НКВД Лёля получила ещё от 12/III. Ещё раз повторю его содержание.

Сообщаем, что пропуск на въезд в г. Москву Вашему больному сыну и Вам для его сопровождения может быть выдан при наличии направление Облздравотдела на лечение в Москву[D].

[A] Так в подлиннике.

[B] В своём письме родным от 25–26 марта 1942 г. С.С. Дмитриев, действительно, упоминает об отправленном «вчера» письме, возможно, за № 61. Но письмо от 24 марта не сохранилось.

[C] Один слог написан неразборчиво; возможно по ошибке второй раз написан предыдущий.

[D] Текст, заключённый в рамку, взят в рамку в подлиннике.

Получив эту бумажку Лёля как-то растерялась по многим причинам: во-1)[A] ехать холодно, погода дурная, в Ярославле кормиться нечем и т. д. и т. п. Настаивать на этой поездке я воздержалась. Кто знает, как лучше? Решили на том подождём, что будет, раз есть эта бумажка, то от неё не откажутся, пусть поустановится погода, повыяснится положение, может быть получатся письма от Наташи и Петра Николаевича, и тогда всё же виднее будет насчёт квартиры. Возможно, что мне пропуск не разрешат, придётся им ехать вдвоём. А знаешь, вдвоём-то им и не очень повадно. Если бы ещё ты приехал! Но что тоже ведь гадательно, если это и будет, то не так скоро. Пугает и питание: в Москве теперь, как ты знаешь, не то, что было. Пока что мы здесь кормимся. Да в общем трудно сказать, как лучше поступить: всего бы лучше нужно сидеть в Кускове, а так как уехали, то уж теперь куда кривая вывезет. Поживём — увидим, весна не за горами. За тебя, Серёженька, я очень рада, что ты всё же устроился хорошо, и на хорошем счету, поэтому не стремись срываться, и нам не поможешь, и себе навредишь. За твои обновы очень довольна, теперь тебе только бы ещё верхние рубашки, и всё в порядке. Молодец ты, Серёжа! Горжусь тобою, носи все вещи на доброе здоровье, не скучай и не волнуйся, чему быть — тому и быть. Если у вас в банях есть веса[B], то свешайся и напиши нам свой настоящий вес, сколько ты теперь тянешь. Ещё у меня к тебе большая просьба, сумеешь, то выполни. Лёля и Игорь не знают, сделаем им сюрприз. Снимись и пришли твою фотокарточку в новом френче. Очень хочется видеть тебя хоть на карточке. 4 часа дня вернулась домой Серафима Галактионовна, принесла 4 кило солёной рубленной капусты, променяла за дамские трикотажные трусики. Больше ничего не сменяла. Погода очень плохая, не захотела дальше идти. Ожидаем Лёлю и будем обедать. Она тебе, наверно, скоро напишешь.

Крепко много раз все тебя целуем!

Да что-то Филинок опять молчит!

Меня порадовало то, что мои письма ты находишь обстоятельными и любишь их читать. Да хранит тебя Господь! Твоя Мама.

11/IV.

Дорогой Серёженька!

Одно время от тебя не было писем долго, а вчера и сегодня пришли, так что от сердца отлегло, а то было у нас что-то тревожно (и болезни кругом, и мамы долго не было и т. д.).

[A] Так в подлиннике. «Во-2х» в письме отсутствует.

[B] Так в подлиннике.

Сегодня пришло от тебя старое письмо № 59 от 19 марта. При чтении его мама расплакалась, ещё до этого мы с ней говорили о Кате, что у неё что-то произошло с рассудком, а ты подтверждаешь. Она, т. е. мама, привезла Катину открытку к Насте, там ещё более показательно, в одном месте совершенно ничего не разберёшь и не поймёшь, о чём и о ком она хочет сказать. О себе тоже пишет в 3-м лице. Вот от Наташи нет совсем писем, мне она на несколько открыток уже не отвечает, напишу ей ещё одну. Надо задать вопрос о Кате. Получила сегодня ещё от Николая Леонидовича и открытку от Нины. Нина пишет, что Толя сдал досрочно за 10-ку экзамены на отлично и теперь является студентом Бауманского машиностроительного института артиллерийского отделения. Ездит каждый день в Москву, встаёт в 5 часов утра и приезжает в 8 часов вечера. Ему дают стипендию 120 рублей. Мне непонятно, почему он так заторопился, кроме того, ему всё время прочили музыкальную карьеру, считали его композитором. Николай Леонидович сообщает, что он одновременно с письмом ко мне посылает почти аналогичное и тебе. Настоятельно советует подождать до конца мая, не трогаться с места. «Тщательно всё взвесил и настойчиво советую потерпеть до конца мая, а тогда решать по обстоятельствам». Я с ним вполне согласна. Ехать куда бы то ни было сейчас большой риск во всех отношениях. Здесь мы расходимся с Анной Николаевной. Она меня посылает съездить в Ярославль и добиваться пропуска, я же хочу подождать. Квартирные дела так или иначе за это время не изменятся, а я хочу в мае этот вопрос и решать. Как сидишь на одном месте, так понемногу и приспосабливаешься к обстановке. Главное теперь — это питание. Здесь же кой-что сменяешь и в конечном итоге и сыт. Вчера мама принесла 4 кило капусты (кислой), а сегодня мы с ней купили 2 кило мяса в колхозе по 70 рублей. Был зарезан бычок, но только и мясо одни ребра! Вчера ходила на лесозаготовку к Макарову. Одела Игоревские штаны, валенки с калошами и отправилась. Вернулась к вечеру, сильно усталая и вся мокрая. Снег сырой, проваливается, дорога тяжёлая. Было нас четверо, напилили по кубометру на человека. Больше не пойду, так как немыслимо из-за погоды, всё развезло. Но скажу тебе: не так страшен чёрт, как его малюют. Ожидала худшего и более тяжёлого. Сейчас настроение поднялось, как-нибудь будем тянуть понемногу. Ты, Серёженька, внемли голосу Николая Леонидовича, по-моему, он правильно рассуждает, и сиди пока на месте, всё возможно, что и нам придётся к тебе приехать. Положение как-то опять заоблачилось. Против брюшного тифа есть прививка, а вот против сыпняка — нет, а это главней, узнай, может у вас есть и такая. Ты всё же прививайся, я слышала, что до некоторой степени обезопасивает и от всякого другого тифа.

В прошлом письме ты спрашивал о бумаге из ТОНО, я вспомнила и теперь отвечу: написана она без всякого штампа и печати, неофициально и от руки за неразборчивой подписью. Обе написаны одинаково, само собой разумеется, что я их храню, как зеницу ока.

На той неделе нужно выбраться в Пречистое, опять насчёт молока. Затем хорошо бы собраться в Данилов. Нина пишет, что М.А. и Мишутка[A] туда выехали и захватили кое-что из маминых вещей. Только дорога стала худая, и ждать её уже не приходится. Образчик понравился, его приложили к твоему письму, тебе серый цвет должен пойти, как тебе правильно и отметили твои соседи. Целую тебя, мой голубчик. Лёля.

24-е

Ильинское. 13/ IV-42 г. Понедельник 7 ч. вечера.

Здравствуй, дорогой Серёжа!

Получили сегодня твоё письмо № 63 от 28/III. Теперь все письма получены, нет только 62-го, но его, по-видимому, не будет, так как 61-х два. Твоё письмо полно надежд, что мы может уже и в Швейцарском доме. Но не так легко, Серёженька, сдвинуть гору с места. Всё, что пишет Лена в своём письме от 13/III, действительно, было Папой предложено, т. е. приезжать в Ярославль и получить пропуск, я тебе уже про это писала. Что из этого получилось, ты знаешь, в решительную минуту мы сдрейфили (как бы чего не вышло): и погода плохая, и холодно, и кушать нечего, и т. д. Поэтому решили вперёд отпустить Серафиму Галактионовну, благо у ней храбрости много. А сами решили подождать её приезда. Ну вот она и вернулась, и ничего особого с ней не произошло. Правда, без труда не вытащишь и рыбку из пруда, говорит пословица. Но зато она съездила, повидалась с дочками, особых дел у неё не было.

Лёля сбиралась по её приезде поехать, но теперь, кажется, своё намерение откладывает на май месяц. Почему на май — не знаю? Вчера я с ней по поводу этого разговаривала, мой взгляд был таков, что нужно теперь же, не откладывая в дальний ящик, Лёле одной поехать в Ярославль и, не засиживаясь там, постараться в Ярздравотделе получить бумажку по истории его болезни и снимкам, могла бы сказать, что сейчас температурит и везти его нельзя, но ей нужно посоветоваться с докторами, которые его лечили. Возможно, что и дали бы ей эту бумажку, а тогда бы ей дали и пропуск, хотя бы временно. Пока больше бы ничего и не нужно. Съездила бы она в Кусково, повидалась бы с Петром Николае-

[A] Имеются в виду сестра О.А. Дмитриевой — Нина Алексеевна Журавлёва, её муж — Михаил Афанасьевич и сын — Михаил Михайлович.

вичем, побывала бы в Музее, сходила бы к Рыскину, зашла бы в 455 школу, словом, могла бы устроить и свои, и твои дела, наладить дело с квартирой и вернуться назад. Тогда можно ждать и май, и июнь. Она со всем этим согласна, но только хочет ещё повременить.

Живём мы день за днём (ждём, кто бы нам поднёс, а мы бы выпили), хлебишко пока ещё есть, по голове не бьют, что же ещё надо? К скуке мы привыкли. Обед сготовим, хлеба напечём (я теперь научилась печь), наедимся и на боковую. Ложимся спать без огня часов 9–10. Встаём в 7, принимаемся за дела. Я по хозяйству, пеку и варю, Лёля стала через день ходить за молоком. Серафима Галактионовна тоже находит себе работу. Игорь слоняется между нами. Учит свои уроки и ждёт учителей. Ну вот пока и все наши дела и делишки! А пачечки наши тают и тают. Ты приобретаешь, обшиваешься, а мы проживаем и рвёмся. Что будет дальше, если всё так будет. Ну ладно! Поживём — увидим. Пока до свидания! Крепко целую. Желаю тебе всего хорошего. Игорь хочет писать сам. Лёля ушла на собрание в сельсовет. Кажется, что-то насчёт облигаций, ___ ___ [A].

Пиши. Ждём. Твоя Мама[B].

13/III-42 г.

Дорогой папа!

Вот уже с неделю как у нас с каждым днём всё больше и больше тает и разливается. Весна у нас в разгаре. Река совсем разлилась, скоро начнётся ледоход. С крыш снег почти совсем сошёл.

Сейчас я учу геометрию. Её обещали принять 15 апреля. Ещё из-за карантина не приходили учительницы по зоологии и по истории. По зоологии учительница заболела и когда придёт не знаю. Классную руководительницу мама сегодня видела, и та сказала, что учительница по истории придёт завтра, часов в 10 утра.

Завтра мама собирается идти в Пречистое за молоком[C] на апрель, но дорога очень плохая, снег проваливается, а под ним вода. Может ей не удастся пройти. Тогда пойдёт уж после, когда стечёт вода. Сегодня у нас была баня, топили печку в кухне и там мылись. Бабушка, я и мама лазили в печку париться, а бабаня так и не полезла в печку и мылась наверху. В печке было очень жарко.

До свидания! Крепко тебя целую! Игорь.

[A] Два слова неразборчиво.

[B] Далее письмо продолжено рукой Игоря Дмитриева.

[C] Сверху другим почерком вставлено: «для Игоря».

15/IV.

Милый Серёжа!

Вчера почта от тебя ничего не принесла, было только письмо от Кати от 3/IV. Письмо вполне здравое, нет никаких неясностей, в этом отношении оно вполне удовлетворяет.

Катя даёт понять, чтобы к ней больше не обращались. «Мне бесконечно трудны все поручения. Ты хочешь, чтобы я хлопотала о твоём завтрашнем дне, а у нас не так, — неужели тебе письмо Александра Александровича мало сказало… Поток писем Серёжи к нам прекратился после указа и моей телеграммы… Ты, наверное, удивляешься, что так вяло я выполняю твои поручения, но я считаю, это пока бессмыслицей».

Вот наиболее интересные места. Да ещё забыла: «Какие вы с Серёжей оба неуравновешенные люди» — последнее относится, по-видимому, к тому, что мы оба хотим вернуться и беспокоим её.

После её письма я, понятно, к ней уже обращаться больше не буду, также советую и тебе. Тут дело не в обиде, а просто бессмысленно толочь в ступе воду. Что касается Наташи, то то же самое. Я её просила насчёт Киселёва, ведь ей же никуда даже идти не надо, но результат один. Трудно ей, конечно, очень, тем более, что Александр Александрович по-прежнему не служит. Вчера по твоему совету написала Рыскину, авось откликнется, хотя особых надежд не питаю, всего вероятней, что его тоже нет в городе.

Написала, как следует, обстоятельно, прошу обо всём. Но сейчас, Серёжа, скажу тебе откровенно, как-то эти вопросы перестали затрагивать душу, мысль работает в другом направлении, в области питания и военных событий. В настоящее время нет проезда ни в Ярославль, ни из Ярославля, *объявлен карантин*[A], билетов вообще никому не дают. Но это, конечно, временное явление. Наступила весна, скоро начнутся разливы. Мне нужно было бы идти в Пречистое насчёт молока, но с моей обувью этого сделать нельзя, написала заявление

[A] Слова, выделенные курсивом, густо замазаны — их с трудом можно прочитать только при помощи лампы и лупы. Они, очевидно, вычеркнуты военной цензурой. В это время через Ярославль проходил маршрут многочисленных составов с эвакуированными ленинградцами, которые затем размещались в Ярославле, Костроме, Рыбинске, Тутаеве, Ростове и сельских населённых пунктах, расположенных недалеко от железной дороги. Естественно, многие из эвакуированных были не только истощены, но и больны. Карантин на железной дороге мог быть введён именно в связи с этим (см. в ближайших предыдущих и последующих письмах упоминания о проводившихся в том районе прививках от тифа). Подробнее см.: М.И. Фролов. Эшелоны шли в Ярославль // Военно-исторический журнал, 2012, № 12. С. 36–37.

в РИК[A] и с попутчиком сегодня передала, прошу там выслать мне наложенным платежом квитанцию, не знаю, выйдет ли что из этого. По всей вероятности, недели две-три, а может больше, дорога не наладится. Завтра я и мама идём в Матвейково за молоком. Берём с собой саночки, хотели взять у нас сатин на одеяло за муку. Хорошо бы удалось привезти. Пойдём на рассвете, пока ещё дорога подзамерзшая.

В мае, если обстоятельства улучшатся, буду вновь налаживать дело с пропусками. Тогда и в Ярославль поеду. Раньше всё это делать, считаю преждевременным.

Вчера кое-что путались дома и около дома, с Игорем немного позанялись дровами, впервые за долгий промежуток кое-что сволокли с реки и распилили, день был ясный, сравнительно тёплый, прошли с ним в огород и сидели на скамейке, он читал вслух газету «Правду» за 11/IV, а я шила. Сегодня тоже дома, а Анна Николаевна пошла на овин толочь в ступе клевер для семян. Не особенно настойчиво приглашал бригадир: «Если хотите, то пойдите» — ну она и пошла. Там сухо и теперь уже тепло. Вспоминается наше прежнее житьё-бытьё в Швейцарском доме. В это время мы всегда оживали, как мухи в тепле, самое трудное уже было прожито, впереди лето и отдых, а теперь…

Думаю, Серёжа, что тебе всё же лучше пока находиться в Сталинске, подожди ещё и потерпи. Это одно можно сказать нам всем. То, что ты писал об одной студентке, ехавшей с вагоном-рестораном, исключительное явление. Мы же видим, как здесь едут эшелонами и за кусок хлеба отдают всё. Игорь пошёл за хлебом и мукой, у нас новшество: можно по выбору брать паёк мукой или хлебом, мы хотим часть взять мукой, а часть хлебом. Вот сейчас пойду его сменять. Время 3 часа. Это письмо пойдёт уже завтра. Получил ли ты моё письмо с уведомлением?

Крепко тебя целую. Лёля.

25-е

Ильинское.16/ IV-42 г. Четверг, 7 ч. вечера.

Дорогой Серёжа!

Вчера и сегодня от тебя писем не было, было вчера письмо от Кати из Москвы. Нового в нём она ничего не писала, всё повторяет зады. Пишет, что поток твоих писем к ним прекратился, что Пётр Николаевич к ней приехать не может, а просит её в любой выходной день к 1 часу дня приехать самой в Кусково. Но когда сберётся, не знает, так как дела много. Пишет, что по твоим делам относительно школы я не была, так как считаю это в данное время лишним,

[A] Райисполком.

вы живете ещё по-старому, думаете о завтрашнем дне, а мы живём только одним днём, если тебе удастся приехать в Москву, то ты подумай только вот о чём, что с пропиской невероятно трудно, пройдёт много времени, прежде чем что-либо выяснится, без прописки ты карточек не получишь, без карточек же жить нельзя, а мы даже на один день тебе не сможем помочь. Наташа вся ослабла, молоко почти пропало, ребёнка кормит манной кашей, но он, правда, развивается хорошо, хотя мучает его фурункулёз (по временам). Пишет ещё, я не знаю почему ты у меня всё спрашиваешь одно и то же — вот, например, о 178 рублях — сто раз писать всё об одном и том же, я тебе уже писала, что квитанция на эти деньги у меня на руках. Очевидно не все письма доходят. Варя с Настей зовут меня в Некрасовское, не исключена возможность, что и поеду. Во всяком случае для меня потеря комнаты и свободушки (живу одна) очень дороги, вот и терплю. Сегодня пойду по объявлению в Вечерке[A]. Требуются штопальщицы, быть может, меня возьмут. Ну вот почти и всё письмо. Александр Александрович скоро поступит на работу. Вот-вот! Как пишет она, Наташа узнавала и это верно. Что тебе написать о наших делах. Второй день я хожу на работу толочь пыж, будут семена клевера, вообще скоро кажется запрягут в работу, Лёля эти дни не ходила. Сегодня утром она с Серафимой Галактионовной ходили в Матвейково за молоком, попутно думали сменять 6½ метров сатину на муку обещали дать 30 фунтов, а когда принесли, то не взяли, спятились, что дорого. Молока осталось за ними всего 2 литра. Теперь цена литру будет 12 рублей. Выдали сегодня на 10 дней муки вместо хлеба до 26/IV, всего дали 15 кило. Не знаю, будет ли выгоднее. Игорю на апрель выписали 10 литров молока по казённой цене, из Пречистого. Деньги 13,20 к. передали секретарше нашего сельсовета, она завтра пойдёт в Пречистое. Лёля идти сейчас не может, так как плохая дорога. Из Ярославля писем давно не было. Сегодня уплатили ещё 50 рублей военного налогу за 15/IV по 25 рублей за Лёлю и меня. Ну пока и всё. Игорь сам хочет тебе писать. Погода стоит хорошая, и стало быстро таять. В Ильинском у нас все поправляются, новых заболеваний не слыхать, хотели нам сделать прививку, но почему-то отложили, сказали вызовут. Будь здоров, родной мой. Крепко целую и благословляю. Твоя Мама[B].

18/IV-42 г.

Дорогой папа!

Вот уже два дня как нет от тебя писем. Сегодня почты совсем не было. Наверно, завтра будет большая почта. Учительница ко мне так и не пришла,

[A] Речь идёт о газете «Вечерняя Москва».

[B] Далее письмо продолжено рукой Игоря Дмитриева.

очень уж плохая стала дорога: всё везде разлилось, и дорога совсем развалилась. Река тоже сильно разлилась, каждый день может быть ледоход, уже сегодня льдины двигались. За рекой уже очистилось от снега много земли. Наверно скоро покажутся подснежники. Скворцы прилетели давно и живут в домушке. Сегодня мама слышала в поле, как пел жаворонок. Над самым нашим окном галки вьют себе гнездо и всё время таскают туда ветки и пух. Бабушка хочет положить в галкино гнездо куриное яйцо, чтобы галки его высидели. Она говорит, что такие случаи бывали. На дворе у нас стоит несусветная грязь, так как всю зиму помои выливали прямо в снег. Теперь всё это надо убирать.

Теперь я буду учить русский язык и алгебру за II полугодие. Зоологию, историю и геометрию я уже выучил. Дело за учительницами.

Целую тебя. Игорь.

19/IV.

Дорогой мой Серёжа!

Вчера после 4-дневного перерыва получили от тебя 66-е письмо (от 1/IV). Не получены до сих пор 64-е и 65-е. Весна в полном разгаре, в связи с этим и почта задерживается. Не проедешь, не пройдёшь. Наблюдаем с Игорем каждый день реку. Катастрофически прибывает, настоящего ледохода нет, но разлив большой. Сегодня рано утром я отправилась за последней порцией молока в Матвейково, дошла до моста и вернулась обратно: всё кругом залито. В предыдущем письме упоминала тебе об обмене сатина, так ничего не вышло. Здесь началась, буквально, вакханалия мены в связи с проезжающими эшелонами ленинградцев. Нам приходится туго. Теперь и болезни отошли на второй план, прежде всего стоит вопрос питания. Тут уж ничего не поделаешь. Перспектива безрадостная. Впрочем, как-нибудь протянем. Все пока здоровы, Игорь питается воздухом, гуляет много. Вчера мы с ним полдня провели в огороде за столиком, кругом грязно и ещё снег, а тут сухо. Было тепло. Сидели с открытыми головами. Я ему устроила диктант. Потом пришла почта, было от тебя письмо и две бандероли. Тут же всё развернули и стали читать. В некоторых газетах нашла тобой подчёркнутые места, было приятно. Немножко только непонятно, по какому принципу ты выбирал газеты, или просто случайно попавшие в руки? «Учительская газета» и «Советское искусство» — понятно, а вот другие? Не могли разобрать и штампа отправки, так что не знаем, когда их послал. Вечером читала вслух некоторые статьи, особенно из «Советского искусства».

Газеты мы с Игорем читаем в сельсовете, но большей частью «Северный рабочий». Основной материал там есть, а вот статей таких и нет. Ждём каждый раз почту с нетерпением, как ты писал — сплошное нетерпение.

Пока имею много свободного времени в связи с распутицей, потом начнётся посевная кампания. Думаю, что уже в мае это будет. А сейчас занимаемся своими делами, два дня всё зашивала бельё, чулки штопала (как-то ты, бедняжка, обходишься один?), занимаюсь и с Игорем немного. Учителя в апреле к нему не приходили, наверное, из-за карантина вначале, а потом из-за распутицы.

Кстати, позвали нас как-то вечером делать прививку от брюшного тифа. Мы пришли; Игорю, сказали, противопоказана прививка, а нам не успели сделать, отложили на неопределённое время, чему я была, признаться, рада: боюсь всякого рода прививок.

Мама сейчас хлопочет начёт огорода. Дело в том, что прошлый год наша соседка владела всем огородом, а теперь не хочет уступать. Сказала, например, сегодня маме, что нам дадут в другом месте. Такая выжига женщина, Роза Петровна ей в подмётки не годится, но общее у них есть — чёрствость невероятная, неуживчивость, себялюбие.

Не знаю, как мама будет дальше с ней, но половину огорода надо будет отвоёвывать обязательно, даже если вопрос дойдёт до сельсовета. Только неприятны все эти междоусобные брани. Мы-то при всех обстоятельствах решили здесь пробыть до осени, развести огород, вынести пчёл, семена у нас почти все есть, хочет раздобывать навоз и т. д.

После твоего письма буду писать Филинкову и, как ты советуешь, напишу и Кузьмину. Только Филинков туго отвечает, по крайней мере на 4–5 писем моих и Анны Николаевны не ответил. Видно тоже не до того. Напишу ещё раз и музею. Не знаю, что сделать, чтобы он ответил, послала официальный запрос о судьбе моих денег (360 рублей) — и тоже нет. Ты там насчёт лисицы писал, что нужно больше капканов ставить, придётся ещё и ещё раз писать. Сейчас отпили чай, я пишу, Игорь лёжа читает, бабушки стряпают-ляпают.

Всё сказала, точка.

Целую, обнимаю. Лёля.

26-е

Ильинское. 20/IV-42. Понедельник, 7 ч. вечера.

Получили сегодня твоё письмо от 3/IV и письмо к Серафиме Галактионовне из Горького от А.Г. Мощанской. Ни у тебя, ни у нас пока нового ничего нет. Ниоткуда писем больше не было за это время. Мощанская описывает свои переживания после смерти мужа. И сетует на дороговизну и на плохое питание. Но этим, кажется, в данное время никто не хвалится. И всякий думает — там хорошо, где его нет. Наши давно не пишут ничего, значит плохо, писать не хочется. Почему-то и Пётр Николаевич молчит. Фира, как мы тебе писали давно,

опять хворает. Написала я письмо Наталье Фёдоровне и положила в конверт ответную марку, думаю, что она мне ответит.

Ты, Серёженька, что-то не стал писать о своём питании. Как у тебя теперь со столом, с пивцом и молочком? Имеешь ли ты всё это? У нас с питанием тоже швах, как будет дальше — не знаю, скоро нечего не будет, ни печь, ни варить. Этот раз, т. е. 16/IV выдали нам на десять дней 15 кило муки по 26/IV, вот и рассчитывай, как хочешь. Наша рожь подходит к концу, картошку, которую я сменяла за туфли, тоже доедаем. Я с ужасом думаю, как будет дальше. Хотя картофель скоро будут вынимать из ям, где их хранили, но надежды добыть её почти нет, так как её очень мало, даже нет у многих на посадку. А про рожь или муку и говорить не приходится, так как всяк думает о себе, и ни за деньги, ни на мену продать никто не хочет. Не знаю, дадут ли нам что-нибудь в Кооперативе на 1 мая. Так как письмо моё придёт к тебе нескоро, во всяком случае в мае, то напиши нам, как ты провёл день 1 мая. Был ли на демонстрации? Хорошее время было раньше, когда этот день мы проводили все вместе. Но будем надеяться, что следующий май мы встретим вместе и на старом месте. Погода стоит хорошая, из окна наблюдаем за ледоходом, лёд прёт вовсю по пути, неся все, что попадёт. Что-то ты нам стал писать помалу. Ну, дорогой мой, будь здоров. Желаю успеха во всех твоих начинаниях. Гога хочет тебе писать сам. Шлём все привет!

Целую крепко. Твоя Мама.

Мой совет тебе — не уезжать из Сталинска до лучшего времени[A].

21/IV-42 г.

Дорогой папа!

Сегодня должна быть большая почта, наверно, будет письмо и от тебя.

Вчера начался ледоход, мы из окна смотрели, как плыли мимо нас льдины. Вместе с ними плыли и брёвна, но очень далеко, и мы ничего не поймали. Лёд шёл всего часа три, и сегодня река совсем чистая. Вода со вчерашнего дня начала сбывать. В этом году разлив был очень маленький, так как всё таяло постепенно, и всю воду впитала земля.

Сегодня с утра мы собирали конский навоз для огорода. Я подгребал, а мама и бабушка его таскали в огород. Устроили маленький парник, в котором будем сажать огурцы. Сейчас пойдём, наверно, опять сбирать навоз. Скоро уже надо копать грядки. Дома у нас стоят ящики, где посадили семена для рассады. Уже растут: помидоры, цветная капуста и настурция. На лимоне листки растут изо дня в день. Учительницы ко мне из-за разлива ещё не приходили. До свидания!

Крепко тебя целую. Игорь.

[A] Далее письмо продолжено рукой Игоря Дмитриева.

27-е

Ильинское. 21/IV-42 г. Пятница, 2 ч. дня.

Опять, Серёжинька, сбилась с панталыку — не знаю, какой № нужно писать: 26 или 27. Ставлю 27, в общем всё равно, не в том счастье. Твои письма тоже идут беспорядочно, получены № 70, 72, а вчера получили твоё письмо № 65, нет писем 64, 68, 69, 71, значит все в запасе, и мы их получим. Игорь сейчас ушёл на почту, может быть, есть письма. Живём мы теперь несколько похуже того, как жили, причина та, что питания всё меньше и меньше, отчасти мы сделали ошибку сами. Взяли на десять дней муки, поэтому нужно рассчитывать, чтобы хватило, так как добавлять не будут, всего дали 15 кило, по 1½ кило муки на день на четверых. Кое-как тянем. Но завтра 25-е, и 26-го нам уже выдадут хлеба. Но всё же мы должны экономить, так как за это время подъели весь запас сухарей, и теперь, если Лёля двинется в путь хотя бы до Ярославля, и то нужно хлеба, так как и там не лучше, если ещё не хуже. С молоком у нас дело обстоит так. То, что сменено было в Матвейково, пришло к концу. Остались только два литра, которые Лёля сегодня дополучила, да за деньги ей ещё дали два литра по 10 рублей, больше приходить не велели. За это время сменяли 25 гр. чая (последний, какой был у нас) за пять крынок молока. Это молоко мы уже и забрали, так как в Матвейково нельзя было ходить из-за распутицы. Всё это время из молока делала я и творог, и сметану. Затем у нас ещё есть в запасе одно место, где мы получим молоко, это тоже в Ильинском. 1-го марта у одной знакомой колхозницы взяли в Красную Армию мужа, а денег проводить его у неё не было, она и пришла просить в счёт будущих благ, когда отелится корова под молоко. Лёля дала ей 130 рублей. Молоко же мы не брали, всё берегли на бездорожье, когда нельзя будет ходить в Матвейково. Теперь это пригодилось, с 19/IV мы у неё получаем каждый день по крынке. Да ещё не брали с завода те 10 литров, которые выдают по казённой цене на Игоря. Ну вот пока и все молочные запасы, а там, наверно, ещё что-нибудь придумаем. Должница нам ставит молоко, как и обещала, по 5 рублей за крынку, вот какая добросовестная.

Вернулся с почты Игорь, и принёс твоё письмо № 64 от 30/III, где-то очень долго шлялось. Ещё получили справку из Пречистенского Райотдела связи, что посланные нами деньги (360 рублей на имя Музея) получены по доверенности Музеем под расписку кассира Васильева 18/II-42 г. На бумажке почтовый штамп (Кусково). Значит, пока что деньги нашлись, только как они с ними поступили — вопрос, по назначению или ещё куда употребили? Наверно, Лёля будет об этом справляться у директора Музея. Завтра она сама будет тебе об этом писать и сообщит своё намерение и действия. Что у нас делается сейчас в Ильинском. Погода стоит хорошая, тёплая, ясная, река Соть почти очистилась, стали

видны островки, скоро зазеленеют деревья. Вчера был первый летний дождь. Наши наловили дров. Устроили субботник по двору, к 1 мая приказано очистить двор и вырыть помойную яму, но яму рыть не будем, у нас хорошо можно лить под откос. Сегодня вынесли в огород пчёл, устроили неподалёку от стола, где думаем летом обедать. Теперь предстоит уборка, промывка и мытье к 1-му мая.

И очень бы хотелось, Серёженька, видеть тебя в Ильинском, но боюсь заманивать тебя в свои края, дорога дальняя, истратишься, устанешь, а удовольствия мало получишь, только расстроишься, стоит ли тебе ломаться. Терпи уж как-нибудь, особо не отчаивайся! Если будет не в терпёж, то Лёля и сама к тебе с Игорем приедет. Всё же я думаю, как Николай Леонидович — лучше выждать ещё два-три месяца, и тебе не стоит так рваться в Швейцарский дом, снова пережить то, что ты пережил, будет трудно, также и нам без тебя жизнь не улыбается в Швейцарском доме. В своё время нужно было быть осмотрительнее и не спешить расстаться! Тогда бы было бы, может, что и другое, а уж теперь что же спешить из огня да в полымя. Поживём — увидим. Я дома сейчас одна. Пообедали, варила суп с грибами, ржаную кашу с молоком. Наши немножко все отдохнули и отправились опять к реке, я дописываю письмо. Время четверть шестого, через час поставлю самовар, и будем пить чай (сиречь цикорий) с молоком и хлеб с творогом, ещё есть немножко киселя из ржаных очисток, довольной вкусный. По крайней мере, мы привыкли. Нонче яичек не поешь (100-150 десяток), да и то на мену. Получила письмо от Папки, от 18/IV. Там дела очень скучные, ещё скучнее намного, чем у нас, а помочь нечем. Послала Лёля 21-го ему (150 рублей), может, что не будут ли выдавать к празднику, а то и выкупить будет нечем, семья большая, работников двое, да и то получают гроши. Ну пока до свидания, мой родной дорогой Серёжинька. Крепко много раз целую. Желаю тебе бодрое настроение, не скучай. Твоя жизнь нужна для нас всех, береги себя для нас и для будущего.

Вот что-то Пётр Николаевич замолк и ничего не пишет, жду всё время с нетерпением его письма, но пока тщетно.

Привет от Лёли, Гоги и Серафимы Галактионовны.

Твоя Мама.

26/IV.

Милый Серёжа!

Сегодня воскресенье, тихо и как будто празднично. Хотя это только у нас, а в колхозе — первый день пахоты. Нас же на работу не назначали, так как, по-видимому, нужна работа специалистов. Два дня тому назад бригадир определил меня на сплав леса к нашему мосту, туда много нагнало всего, так нужно было

вытаскивать из воды. Один день я там потолкалась, немного потаскала, а больше не ходила.

Сами мы в свободное время для себя выволакивали дрова, пилили их и таскали наверх, памятуя, что без труда не вынешь и рыбки из пруда. По нашим силам позаготовили порядочно, и каждый день понемногу прибавляем. Вот сегодня до обеда этим занимались, утомились и после обеда легли отдохнуть. Я читала мелкие рассказы Чехова, а Игорь ещё до сих пор дремлет. За это время вытащили ульи в огород, но, к сожалению, два дня, как похолодало и сегодня даже выпал снег, дует холодный ветер. Вообще же быстро становится сухо, я думала, что в деревне будет гораздо хуже в этом отношении.

Завтра собираемся устраивать баню в кухне, мама истопила русскую печь, воды в котёл я уже наносила, затем предстоит первомайская уборка и т. д. На следующую субботу я собираюсь в Данилов. Хочу там побывать на базаре (воскресенье) и вернуться обратно. Мама мечтает об огороде, у неё есть минимум семян, ей кажется недостаточно, и она хочет, чтобы я ещё достала. Товар этот дефицитный, за него можно здесь достать яйца. Курицы у многих несутся, но яиц так не укупишь. Хорошо бы также раздобыть и луку. Об остальном не мечтаем. Судя по всем разговорам, в деревне всё же более или менее жить можно, сравнить с городом нельзя. Иногда что-нибудь, да и достанешь. Так, например, мама вчера ходила в соседнюю деревню и принесла 20 яиц на кой-какое бельишко. Правда, она эти яйца не пустила в общее пользование, хочет совершить комбинацию: обменять их на гусиные, достать клуху и развести гусей. Видишь, у неё наполеоновские замыслы. С козой ничего не вышло, так как она стоит 8–9 тысяч. Всё это нужно было бы осенью делать.

Насчёт Швейцарского дома мне всё хочется выждать до более благоприятной обстановки. Получили в эту пятницу извещение (Анна Николаевна тебе написала подробно), что деньги 360 рублей получены на имя директора музея по доверенности кассиром Васильевым 18/II-42 г. Отвечает Кусковская почта на запрос Пречистенского отделения связи.

До этого я написала Филинкову и приложила записку к Кузьмину.

Между прочим, я тебе послала заказное письмо с уведомлением о вручении, обратного ответа нет, также послала в 455-ю школу и самому Филинкову. Чисел я не помню, но только уже давно дело было.

Сегодня у нас было необычайное количество молока. На заводе за Игоря взяла 2 литра, потом 1 крынку нам дают за давний долг, затем одна женщина, рассчитывавшая обменять у нашей соседки картошки и обманувшаяся в своих ожиданиях, продала нам 3 крынки по 10 рублей. Теперь это уже удача.

Приближается май, очень тоскливо будет его проводить без тебя, вспоминается как всегда, после демонстрации усталые, мы проводили его дома, отдыхали, слушали радио и т. д.

Кушали как следует.

А теперь только одно можно сказать, что терпи и жди, то хорошо. Наташа и Катя как-то писали, что их силы приходят к концу, куда-нибудь хочется уехать. Они обе писали ещё, что, если бы я приехала, то ни одного дня они не могут мне помочь (в смысле питания). Так-то вот.

До свидания, родной, целую тебя. Лёля.

28-е

Ильинское. 28/IV-42. Вторник 4 ч. дня.

Дорогой Серёжинька!

Вчерашний день получили целую коллекцию писем. Во-первых, твоих два: открытка № 76 от 14/IV и письмо 77 от 15/IV. Не получены твои письма № 68, 69, 71, 73, 74, 75, остальные все. Получено письмо от Лены от 22/IV, от П.Н. Филинкова открытка — даты на ней нет и штамп тоже не разборчив. Содержание такое, пишу в точности.

Дорогие Ольга Алексеевна, Анна Николаевна и Гога!

Искренние и лучшие пожелания! Приехать кому-нибудь посмотреть дом неплохо бы, необходимо быть в курсе дел, узнать условия. Отвечаю и пишу вам аккуратно, мне приятно поделиться мыслями, много лет жили вместе. Фира в Кускове по-старому. Болезнь обострилась до грани. Хохлова Зина приехала, но уезжает. Враги занимали деревню, у Насти от страха отнялись руки, теперь лучше. Врага прогнали, живут в Морево. Подумывают о Кускове, но буду прям, и мне не хотелось бы, чтобы Настя жила в парке. Она не подходит для такого красивого парка. Зина приехала, и бедная Дуняша вынуждена её содержать, тогда как Зина могла бы привезти муки, сами живут, к счастью неплохо. Клава всё во Фрунзе (ул. Сталина, дом 105). Квартира ваша в порядке, всё цело. Приехала Тужилина, живёт в парке. Благодарю Вас за внимание, всегда рад получить весточку. Мой адрес: Кусково Московской обл. Театр сад Гай. Директору Филинкову. Деньги за квартиру приняли, в Музее даже рады.

Ну вот и вся открытка Филинкова. Из твоих писем пока не видно, чтобы ты от него получил письмо. Не знаем, о каких деньгах он пишет — о тех ли, которые послал ты ему (250 рублей), или о наших 360. Никак ничего хорошенько не узнаешь. Мы ему послали последнее письмо 8 марта, три письма в Перово, но он, наверно, их не получил, так как ничего о них не упоминает. Из Музея тоже мы никакого извещения не получили.

Лена пишет, что все здоровы и вместе. Лёня получил броню до 1 января 1943 г. Гостей за последнее время у них не было, с продовольствием очень плохо, ходит в деревню за 20 км. Очень трудно. Папа прикрепился куда-то в столовую, получает один обед и сто грамм хлеба ежедневно. Лёня прежде тоже где-то обедал в столовой, и брал домой, но теперь не дают. Лена иногда получает на дом три обеда, только первые блюда, понятно, не мясные, а нужно 7. Так что не хватает.

Получила вчера же два письма Серафима Галактионовна, Одно от Всеволода[A] от 23/III из Владимира. Пишет, что 1 марта его из отряда отозвали обратно на завод, где дали отсрочку до 1 мая. Сейчас находится на лесоразработках, где должен пробыть до плохой дороги, после чего вернётся опять на завод, а, впрочем, и сам не знает. Живут более или менее сносно. От Бориса имеет частые известия, мальчик его в хороших условиях. Жена его Уля пока нигде не работает, но скоро думает устроиться на работу.

Второе письмо от Насти[B] от 19/IV.42. Пишет, что получила письмо от нас и от Наташи и Кати. Наташа пишет, что чувствует себя очень слабой и ей трудно работать, и она куда-нибудь бы уехала, да некуда. Настя сегодня ей написала и зовёт к себе в Некрасовское и мальчика, как-нибудь прокормятся, хотя за последние дни из столовой им стали давать одни кисели. Но она думает, что Наташа сумеет ловить рыбу лучше её. Про Александра Александровича ничего не пишет, по-видимому, он ещё не работает. Вот с Катей не знаем как быть? Мы её тоже зовём сюда, но я думаю, она захватит свои вещи поедет к вам, будет работать в колхозе с Лёлей, и там что-нибудь будут давать. Потом она может кое-что поменять. Наташа и Катя очень устали, а там, где они живут, становится шумно. Шумнее прошлогоднего, и они очень устали. Вот видишь, какие все нехорошие новости. Так что настроение поневоле падает, и нет никакого подъёма. Что будет дальше?

Ты пишешь про Малмыж, не знаю, лучше ли будет тебе там? Во всяком случае, думаю, ты зря не торопись с места. Главное теперь плохо с питанием, взвешивай всё хорошенько. У нас пока тихо, но становится голодно, хотя мы ещё не голодаем. Но с каждым днём всё хуже и туже. Ну вот пока и все новости! Все здоровы, шлём тебе привет! И крепко много раз целуем! Вчера было 9 месяцев, как мы расстались с тобой, вижу тебя как сейчас, когда ты стоял у поезда, провожая нас. Как не тяжело, но время бежит. Скорее бы конец всем мучениям. Гога хочет сам тебе писать. Сейчас ½ шестого, скоро будем пить

[A] Имеется в виду брат О.А. Дмитриевой — Всеволод Алексеевич Юматов.
[B] Имеется в виду сестра О.А. Дмитриевой — Анастасия Алексеевна Духовницкая.

чай. Спать ложимся рано, встаём тоже с солнцем. Лёля очень много занимается с дровами. Мены наши идут плохо, никак не можем сменять сатин или ещё что-либо на картошку, а про муку и говорить нечего.

Целую крепко. Твоя Мама[A].

28/IV-42 г.

Дорогой папа!

Всё ждал твоего письма, которое ты написал мне, а оно всё ещё и не пришло. Может будет завтра. Я писал тебе, что у нас начался ледоход, был дня два, и за это время к берегу прибило много брёвен и дров. Теперь вода уже спадает, и всё это оказалось на берегу, где мы и пилим дрова, а полена мама таскает наверх и колет. Сегодня распилили 1½ больших бревна и перетаскали наверх. Пилу мы берём у одних соседей. Завтра тоже, наверно, будем пилить. Скоро будем копаться в огороде, земля уже просыхает. Несколько дней тому назад бабушка со мной выставила в огород ульи, и теперь пчёлы начали собирать мёд, но последние дни похолодало, всё время дует холодный северный ветер, и утром бывают заморозки. Трава ещё расти не начинает. Скоро появится щавель, очень много будет его за рекой. В ящиках дома у нас растёт рассада: цветная капуста, помидоры и огурцы (в маленький парник). Я посадил в бутылку [с] настоем огородной воды тыкву, пока растёт, уже пустила несколько листиков. Лимон тоже растёт во всю, пустил очень много листьев, и они быстро растут. Из цветов пока посадили несколько настурций и астр. Настурции уже растут, а астры нет ещё.

Пока ко мне ещё ни одна учительница не приходила. Не знаю, почему они теперь не идут, дорога уже подсыхает.

Учу я сейчас немецкий язык, в этой школе его в 7-м классе проходят по учебнику 6-го класса, и я повторяю. После буду учить физику, химию, конституцию и географию (за второе полугодие).

До свиданья! Крепко тебя целую. Игорь.

1/V.

Итак, сегодня Первое мая, мой милый Серёжа. Сейчас 12 часов дня. Я сижу одна в столовой у открытого окна. Сильно греет солнце. Исключительно прекрасный тёплый день, а до этого всё было холодно и ветрено. Наши бабушки кое-что забрали и отправились в соседние деревни (недалеко). Особенных надежд не возлагают на свой поход, но у них заодно ещё туда есть и хозяйственные дела, как-то починить кадушку и т. д.

[A] Далее письмо продолжено рукой Игоря Дмитриева.

Игорь совсем очумел от тепла и весны: без калош и кепки куда-то исчез. Мечтает о рыбной ловле, рыболовные снаряды все есть, только нет уменья, сноровки и сил у него.

Погода чудесная, но на душе смутно, смутно, тоскливо без тебя, моего самого дорогого. Крепишься, крепишься, да раскрепишься в конце концов.

Сегодня в колхозе трудовой день, с утра работают, нас не позвали, ни пахать, ни сеять мы не годимся, пока, значит, нет подходящей работы. Не знаю, будет ли почта сегодня, сельсовет хотя работает. Вчера от тебя было старое письмо № 69 от 6/IV. Гуляют ещё несколько писем, нет Игорю тобою помянутое, зато получен уже № 77-й. Так одно проскочит случайно вперёд, а потом и другие подтягиваются. Было письмо от Алфея и Воли. Аля имеет бронь до 1-го января 43 г., как агроном, работающий по хлопку. Жалеет очень Вадима, всё время просит кушать, ничего нет, кроме 400 гр. хлеба. Мечтает тоже ловить рыбу. Воля был взят, а потом его снова отозвал завод, так что работает на прежнем месте, сын его находится в Бугульме с тёткой. Рекомендует разводить огород и держаться деревни. Завтра в полдень я собираюсь идти в Данилов, там заночевать, побывать на базаре, постараться раздобыть семян, захватить вещи, оставленные Михаилом Афанасьевичем и отправиться домой. У мамы семена для себя есть, но здесь в них очень нуждаются, за чайную ложку семян дают по 2 яйца.

На той неделе собираемся сделать втроём грандиозную вылазку километров за 15-ть, оставив дома Игоря, за картошкой. Место уже намечено, это в стороне от обеих железных дорог. Конечно, устанешь, но что-то делать надо. Хлеб здесь тоже ненадёжный, муки осталось мало, а выдают уже рожью.

Последнее твоё письмо (№ 77-й) говорит о Малмыже. С ним можно вполне согласиться. Ты, безусловно, уже за это время списался с кем-нибудь и узнал условия. Конечно, ждать особенного благополучия там тоже не приходится, но хотя бы можно было существовать. Ведь, мы не знаем, что дальше будет, может быть, я там тоже бы нашла работу в дальнейшем.

Катя и Наташа задумываются об отъезде. По этому поводу Варя пишет следующее. Они с Настей зовут Наташу с ребёнком к себе, а Катю думают направить к нам с тем, чтобы она тоже могла работать в колхозе. Мама хотела было писать ей и звать её сюда, а я остановила. Пускай уж сама решает, а то потом будет опять жалеть, что уехала, условия здешние ей должны быть известны. Конечно, по сравнению с тем городом, где она живёт, здесь должно быть сейчас лучше, во-первых, абсолютно спокойно, тихо, воздух, как говорили — солнце, воздух и вода. А там она страдает бессонницей. Волна болезни у

нас отхлынула, в Ильинском все заболевшие поправились, и всё вошло в норму, так что в этом отношении от сердца отлегло.

Дожили до тепла, как мы мучились здесь в холоде! Дровяная проблема также разрешена, топим только для готовки, совсем немного. Выставили две рамы, пчёлы гудят, я сегодня впервые сняла своё серое платье (не снимая носила всю зиму) и одела красный сарафан, в котором уезжала тогда.

Опущу письмо завтра в Данилове.

До свидания, целую много раз. Лёля.

29-е.

Ильинское. 2/V-42 г. Суббота, 8 ч. вечера.

Дорогой Серёжа!

Получили сегодня твоё письмо 82 (от 22/IV) и открытку № 83 от 23/ IV. Дома всё благополучно. Лёля сегодня в 12 часов дня, пообедав, ушла в Данилов по бабушкиным делам. Во-первых, купить ей семян для посева, во-вторых, забрать те вещи, которые Нина прислала для Серафимы Галактионовны. Я сегодня весь день работала на воле, сгребали солому и укладывали её в копны. Погода сегодня замечательно хорошая, ясная и жаркая, так что работала в одном платье. И за сегодняшний день порядком загорела. Гога сегодня ездил в первый раз[A] рыбу и к моему приходу с работы словил три небольшие рыбки, 1 окунь и 2 плотвы, всего грамм на 300. Из этой рыбки я сварила уху, и мы втроём её уничтожили. Понятно не больно густо, но всё же вкусно, ели с удовольствием, в особенности Гога гордился своим успехом. Только что кончили [на] ужин знаменитую уху, сделала на второе по 5 штук оладий со сметаной, пили чай с молоком и по кусочку дала всем кускового сахару, которого хоть и очень мало, но всё же ещё храню. Лёля понесла с собою в дорогу кило 1½ хлеба, три яйца вкрутую и четыре штуки бульонных кубиков тоже кусковских, которых есть ещё с ½ коробочки, из кусковского запаса есть ещё у нас коробка[B]. консервов тресковой печени и банка леща в томате, которые приберегаю на чёрный день. Но если будет всё хорошо, то съедим и в белый день. Вчерашняя наша вылазка с Серафимой Галактионовной в деревни успеха не имела, променять ничего не удалось, так как, я тебе уже и писала, картофель ценят дороже золота и за вещи почти нигде не найдёшь, а на деньги тем паче. Прошлялись до 3х часов дня и пришли обедать. Вчера 1 мая, как и везде у нас не праздновали, работали, но нас на работу не посылали. Ты, Серёженька, особо не волнуйся, что Лёля пере-

[A] Очевидно пропущено слово «ловить».

[B] Сверху над словом «коробка» написано «банка».

утомилась на лесозаготовках. Просто было много шума из ничего. Лёля была в лесу только два раза и работала вместе с бригадиром и его женой, тяжёлую работу выполнял он сам, а жена его и Лёля ему помогали, пилили. Это было в начале апреля. В общем обижаться на колхоз не приходится, так как на нас сильно не наседают. Относительно питания, хоть с трудом, но тащимся. Сейчас у нас есть десятка три яиц. Ценятся они почти как у вас, только на 10 рублей дороже за 10 штук. На деньги мы не покупали, сменяли двое дамских панталон стареньких моих за 10 штук и два десятка дал дядя Алексей, знакомый Серафимы Галактионовны, денег пока не взял, говорит после сделаемся. Теперь ещё есть за колхозниками 2 десятка. Серафима Галактионовна променяла семена разные за чайную ложку семян лука, огурцов, свёклы и т. п. по 2 яйца, в результате наменяла 20 штук. Если Лёля принесёт завтра из Данилова семян, то и ещё можно наменять. Ну вот какие у нас дела. Игорь как напился чай, убежал искать червей и завтра собирается с утра идти ловить рыбу. Ему уж очень это занятие понравилось.

3/V. 6 ч. утра.

Вчера пока собралась дописывать, стало темно, отложила до утра. Разбудил меня Игорь, который встал первый и уже побежал ловить рыбу, вот видишь, забота[A] и будить не нужно, сам вскочил. Я думала, что это поднялась Серафима Галактионовна, смотрю — Игорь идёт, улыбается как майское утро. Он стал ведь большой, с Лёлю ростом, тоненький, сейчас он лучше выглядит, хотя и худ. Быстро очень обрастает волосьями, не успеваем стричь, а главное — машинки для стрижки нет, всё приходится просить у хозяйки, которая не очень щедра. У него даже усики пробились рыженькие, словом паренёк хоть куда, жаль только питания мало. Что же тебе ещё добавить? Вчера вместе с письмами получили и твои бандероли с газетами, но читать их ещё не пришлось, было некогда. Вот если сегодня на работу не пошлют, то почитаю. Я видела в ней статью профессора Н. Рубинштейна. К вечеру ждём Лёлю домой. Я тебе уже писала, что получили открытку от Петра Николаевича, где он сообщает, что он директор Театра и Сада Гай. Сейчас хочу ему ответить. Ну вот пока и всё! До свиданья, крепко целую. Твоя Мама.

Желаю всего лучшего! Гога, наверно, напишет сам. Будь здоров, мой родной!

Продолжение. 3/V-42. 2 ч. дня.

Так как почта сегодня выходная, то торопиться с письмом некуда, решила его продолжить. Лёля пока что не вернулась, придёт, наверно, к вечеру. Гога опять ушёл на рыбный промысел. Утром вернулся обескураженный с пустом,

[A] Так в подлиннике.

ничего не клюнуло. Он думал, что как только выйдет на берег, рыба его ждёт, но не так-то просто. Пробыл утром часа полтора, думал к утреннему завтраку наловить рыбки, но не удалось, пришёл домой, и я ему посоветовала лечь поспать пока согреется самовар, что он и исполнил. К чаю часа через полтора я его разбудила, пили все вместе чай. Сварила всем нам по яйцу и намазала хлеба творогом. Не думай, что у нас всегда яички к завтраку. Это только ввиду того, что нет картошки. После завтрака и чая Гога пошёл за хлебом в кооператив. Получил на 2 дня 4800 гр. (Завтра лавка выходная). Я готовила обед: суп с грибами, каша ржаная с молоком. Теперь обед у нас из двух блюд, третье не полагается. Молока теперь имеем одну крынку в день у нас в Ильинском за долг, о котором я тебе уже писала раньше.

Сейчас ходила в одно место здесь в Ильинском относительно картошки, договорилась так (если только не спятятся): 6½ метров сатину зелёного как ваше одеяло за два пуда картошки и за 3 крынки молока. Хорошо хоть то, что не носиться с нею несколько километров, а то хотели идти за 18 км в какую-то деревню Черногубку, а если[A] там картошка? Наверно, никто не знает. К вечеру думаем сходить за нею, но покойна буду только тогда, когда она будет дома, а то всё думаю, что спятятся. Это у нас в Ильинском практикуется. Ну, вот видишь, сколько ещё новостей за сегодняшний день. Игоря и сейчас нет дома давно, уж ушёл с соседним мальчиком удить рыбу, пора бы и прийти, скоро нужно обедать, не знаю, каковы его успехи, оставлю ему место — пусть сам тебе напишет. Сейчас пойду звать их обедать. Серафима Галактионовна в огороде. Написала письмо Петру Николаевичу, посылаю вместе с твоим. Прошу его ответить насчёт тех денег 360 рублей, которые музей получил от нас ещё в феврале месяце.

Пока, всего хорошего, целую крепко[B].

3/V-42 г.

Дорогой папа!

Сегодня целый день ходил ловить рыбу и не поймал ни одной, наверно, потому, что сегодня было холодно и весь день пасмурно, и рыба не клевала. Вчера погода была очень хорошая, солнце целый день грело, и я поймал одного окуня и двух плотвиц. Рыбу тут же сварили, и мы её съели. Может завтра погода будет лучше, тогда опять пойду на рыбную ловлю.

Вода в реке убывает очень сильно, на противоположном берегу уже показался пляж. Скоро будем ходить в лес за сморчками и за реку собирать щавель.

[A] Так в подлиннике.

[B] Далее письмо продолжено рукой Игоря Дмитриева.

В огороде бабушка позавчера посеяла морковь и чеснок. Чесноку она достала в Данилове 2 луковки. Сверху гряду она покрыла от куриц еловыми ветками. Вчера, когда я ловил рыбу, бабушка чистила ульи и поставила им стакан с медовой водой для подкормки. Пчёлы уже летают вовсю, многие тащат с собой обножку с цветнем[A]. Скоро появятся цветы, тогда пчёлы понесут много мёда.

Учителя ко мне ещё не приходили. Поэтому мама написала в школу записку, и позавчера зашла классная руководительница и сказала, что они не ходили сначала из-за разлива, а теперь началась посевная кампания. Она сказала, что принесёт записку, в которой сообщит, когда могут учителя приходить.

Сейчас пришла из Данилова мама, очень устала, весь путь шла пешком, принесла бабушкины вещи, которые привёз Михаил Афанасьевич, и лекарство для бабушки от ревматизма. Достала у тёти Нади 2 пакетика зубного порошка, а то его у нас совсем не было. Зубы чистили то солью, то угольным порошком. Сейчас отнесу это письмо почтальону, который завтра пойдёт за почтой в Макарово, а потом с бабаней пойдём за картошкой, вымененной в Ильинском.

До свиданья! Крепко тебя целую. Игорь.[B]

5/V.

Дорогой Серёжа!

Позавчера пришла из Данилова. Расскажу своё путешествие. День был тёплый, солнечный. У меня за плечами был рюкзак. Дошла до Макарова в обуви, а там по большой дороге разулась и пошла босиком, а то туфли тёрли ноги. Прохожие удивлялись, даже соболезновали, что простудишься. Шла по часам 4½ часа без отдыха и очень быстро. В Данилове была в 5 часов. Встретила у самого дома Надю, она направлялась за молоком. Живут они крайне скудно. Ребята тоже похудели и осунулись. Ксеша выглядит уже взрослой с двумя толстыми косами, Володя — щупленький. Немного отдохнув, пошла к сестре Михаила Афанасьевича. Сам он был в Данилове с Мишуткой, ходил в деревню, где у них родные, кое-что увёз с собой. Маме он захватил узел, послала Нина кое-что на обмен. Я смогла с собой взять только половину. Ночевала у Нади. Утром отправилась на рынок, народу было порядочно. Почти исключительно были одни семена, и то продавали их не на деньги, а на яйца. Так решительно ничего не купила. Город выглядит очень прилично, чисто и прибрано, только нечего есть.

[A] Пчелиная обножка — название цветочной пыльцы, собранной медоносной пчелой и склеенной секретами её желёз в гранулы.

Цветень — цветочная пыльца.

[B] В конце листа поставлен штамп: «ПРОСМОТРЕНО Военной Цензурой Ярославля».

Следующий день был холоднее, но я всё равно шла босиком, но уже не так быстро, давал себя знать узел за плечами. Много было попутчиков, даже из нашего села, все ходили за семенами. От дороги очень устала, и сейчас ещё побаливают ноги и спина.

Дома застала от тебя письмо, открытку и газеты. Всё прочитала с удовольствием, газеты также все просмотрела, понравилась «Комсомольская правда», особенно письма «Зима в Берлине» и в «Учительской» военные обзоры за неделю. Игорь всё смотрел, как я читала, и смаковал, сам уж он раньше прочитал. Обсуждали статью «Ледовое побоище» Н. Рубинштейна. Думали Анна Николаевна и Игорь, что это наш Николай Леонидович, а я говорила, что есть и другой с такой фамилией и именем. Так спор ничем и не закончился[A].

В твоём письме с удовлетворением отметила, что Филинков ещё написал. Вот как быть с дальнейшей квартплатой? Если от нас приняли 360 рублей, и от тебя 250 рублей, то за какие месяцы? Впрочем, ты узнаешь, когда получишь квитанции от Филинкова.

Вчера получила открытку от Николая Леонидовича. Сообщает, что ему написал Тихомиров из Ашхабада: умерла жена Базилевича[B]. Я её хорошо помню, видела её два раза: у Новицкого и у Николая Леонидовича. Такая порывистая, нервная и болезненная, кажется, у неё желудок что ли больной был. Николай Леонидович очень её жалеет. Может быть, ты это тоже знаешь. Он настойчиво рекомендует никуда не трогаться с места, а особенно в Кусково, поскольку он слышал, что в тех местах сейчас очень трудно. Вчера вечером было колхозное собрание, предлагали всем работать, не покладая рук. Ещё до этого бригадир дал наряд нам обеим идти в лес (мне и Анне Николаевне), но колхозникам с нами идти невыгодно, они должны выполнить норму, и поэтому предпочитают работать одни, а мы, в свою очередь, одни не можем работать, а можем только помогать. Так вот и не спелись. На собрании и об этом, в частности, говорили. Упоминали что-то об яслях, быть там нянями, поскольку не требуется физическая сила.

Не знаю уж, что и лучше. Ясли предполагают скоро открыть. В конце концов, всё равно где бы не работать.

Погода опять резко изменилась, даже в зимней одежде холодно, так как пронизывает северный ветер.

[A] Автором статьи был Н.Л. Рубинштейн — друг семьи Дмитриевых. (См. письмо С.С. Дмитриева № 99 от 18 мая 1942 г.)

[B] Евгения Леонтьевна Базилевич.

Сегодня у нас неопределённое положение с Анной Николаевной насчёт работы, думаем сходить к самому председателю колхоза, надо ли идти в лес или нет, или что другое дадут.

Нетерпение обуревает полностью, жизнь становится туже. Ни к чему определённому не можем прийти, хотя бы насчёт работы, а такая неизвестность ещё хуже томит. Раздобыли за сатин 2 пуда картошки, немного отлегло от сердца. Желудок всё время заявляет свои права.

Кончаю на этом. Твои конверты уже исчерпались?

Целую тебя. Лёля.

30-е.

Ильинское. 6/VI-42. Среда, 5½ ч. дня

Дорогой Серёжа! Вот уже 3 дня, как я тебе не писала, за это время тебе написала Лёля. От тебя писем нет второй день, последнее письмо-открытка № 83. Не доставлены пока твои письма № 68, 71, 73, 74, 78, 80, 81, так что придут все с большим опозданием. Вчера была получена открытка от Н.Л. Рубинштейна. Ничего особого в ней он не сообщает. Не советует Лёле с Игорем спешить [с] отъездом в Швейцарский дом, так как имеет сведение, что там плохо с питанием. О себе пишет, что много работает, получил очень грустное письмо из Ашхабада от Тихомирова, там умерла жена Базилевича — молодая, симпатичная женщина, ты тоже её знаешь. С питанием у них тоже неважно. Сейчас я тебе напишу, какие у нас новости за эти дни. В понедельник было собрание в сельсовете, куда пригласили и нас. Я не ходила, а Лёля была. Обсуждали вопросы будущих работ и постановили, что работать должны все, как колхозники, т. н. эвакуированные, словом вся движущая сила, начиная с 12-летнего возраста и до 80 лет. Отказываться никто не имеет прав, иначе будут взыскания. (В книжках постановили норму выработки 150 трудодней на взрослого и 50 дней на несовершеннолетнего). Хотели назначить меня и Лёлю на лесоразработку для нужд колхоза. Понятно, не только нас двоих, но и ещё несколько колхозниц из нашего сельсовета. Но так как мы плохие работники по этой специальности, то желающих работать вместе с нами не нашлось, так как норма дневная 2 кубометра на человека. Самостоятельно эту работу мы выполнять не можем, а как подсобная сила, мы слабы и работать за нас никому неинтересно. Поэтому от этой работы нас освободили, но всё же мы работаем другую работу колхозную у себя в Ильинском. Это нас устраивает, так как можно обедать дома, а в лес ходить порядочно далеко. Пока что работа не тяжёлая, но пыльная, но всего не выберешь. Эти два дня погода круто изменилась, очень холодная и ветреная, временами падает снег. Ждём с нетерпением тёплых дней.

Теперь напишу тебе, какие продовольственные запасы удалось приобрести за эти последние дни. Я тебе уже писала 3/V, что мне обещали сменить 6½ метра сатину на картофель у одной знакомой колхозницы в Ильинском, так это дело удалось, променяла сатин на два пуда картофели и три крынки молока. Серафима Галактионовна сменяла своё старое платье и кофту за 15 фунтов ржи. В кооперативе на эвакуированных детей дали по 200 грамм сахарного песку и по 2 кило коврижки, нашему ребёнку по случаю болезни тоже дали. Ещё Серафима Галактионовна из Некрасова от Насти привезла ½ кило табачной пыли, променяли на ½ топлёного масла, но его пока не получили, получим к воскресенью. Лёля из Данилова принесла немножко семян, и их тоже сменяли: дают или два яйца, или 1 крынку молока. Сменяли 16 крынок молока и с 10 яиц. Вот так и тянемся. Особо рисковать не можем, так как впереди ведь лето, а летом вообще до нового урожая ничего не купишь. Приходится всё же тянуть продукты. Молока у нас пока немного, уж не с чего делать творог и сметану. 16 крынок хотя и обменяли, но получим нескоро, когда отелится корова, да это не в Ильинском, в Волосове. Давать будут по 1 крынке в день. Наша хвалёная должница отдала за долг 130 рублей 15 крынок молока и больше давать не хочет, так как молоко сейчас 10 рублей и за деньги не продают, что ты будешь с нею делать, по-своему она права. Ну вот пока и всё. По случаю холодной погоды рыбная ловля у Гоги приостановилась и больше тех трёх рыбок, о которых я писала, он ничего не мог поймать. От наших ярославцев писем давно не было. Папе 21/IV послали 150 рублей.

Пиши, ждём твоих писем!

Крепко все тебя целуем и шлём лучшие пожелания. Тебя, Серёженька, часто вижу во сне. Будь здоров, родной мой. Твоя Мама.

8/V.

Дорогой папа!

Сегодня от тебя не было писем. Было одно письмо от Филинкова от 1/V. От тебя последнее письмо — это 102 №. Не пришли и, наверно, уже пропали №№ 78, 80, 86, все остальные у нас.

Я уже сдал почти все предметы. Осталось только три: физика, химия и немецкий. Последнюю сдавал конституцию, позавчера, ответил на «отлично». Все остальные предметы тоже сдал на «отлично», кроме изложения, которое написал на «хорошо» из-за того, слово «из-под» написал без чёрточки, но ко мне приходила ещё зимой учительница и давала мне диктант за первое полугодие. Диктант я написал без ошибок, так что не знаю, что будет в году. Следующий предмет физику я буду сдавать 12/V, а там и остальные.

На рыбную ловлю я уже давно не ходил. Один сосед научил нас ловить рыбу не удочкой, а перемётом. Я с мамой несколько раз его закидывал, но ни разу не вытащили ни одной рыбки. Завтра попробую половить опять на удочку, может что и выйдет.

В огороде всё уже взошло, только репу почти всю съела мошка, вместо неё бабушка пересадила огурцов из других гряд. У меня есть своя грядка, где я сажаю всего понемножку, а больше всего полевых цветов.

Лимон и все другие цветы растут хорошо, настурция сегодня начала цвести.

Раз в 2–3 дня я хожу за реку и набираю щавелю для щей, там он растёт в очень большом количестве. В прошлом письме мама забыла написать, что мы выиграли на 25-рублёвую облигацию 37 рублей 50 копеек, да и то за ними надо идти в Пречистое, а здесь не дают. Сегодня я ходил в лес и набрал Иван-чай, высушу и попробуем пить с ним вместо настоящего чая. Раньше он назывался Копорский чай.

До свиданья!

Крепко тебя целую. Игорь.

8/V-42 г.

Милый мой друг Серёжа!

Вчера получили от тебя № 84 от 24 апреля. Многих писем от тебя не пришло, по-видимому, уже пропали, до этого же шли аккуратно. Получили от Филинкова, на этот раз число поставил, 22/IV, и от Лены, 4/V. Содержание письма Филинкова таково (буду не всё копировать):

«Сообщаю, что 360 рублей Музей получил, задолженности по квитанциям нет, препятствий к приёму денег никаких. Кроме того, я внёс 150 рублей — получил от Сергея Сергеевича 250 рублей — 100 рублей в резерве к оплате за апрель — май, — пока вносить рано. Деньги, разумеется, целы, кроме того практически тратить их — увы — некуда. Писал письмо гр. Четверухиной, назначил встречу в Кускове, но, к сожалению, встреча не состоялась, меня же в Москву не пускают, сейчас очень строго, так как я работаю в области и службой с городом не связан, по этой причине я не смог зайти в школу (хотя пытался проехать), пусть Ольга Алексеевна не сердится, честное слово, так трудно проехать, нужны документы, что работаю в Москве. Добился в доме света, зимой его не было, дров не было, керосина тоже. Было очень весело приходить в пустой холодный дом, так как зима была жестокая, в парке по колено снега, всё занесено. Теперь же снег сошёл, тепло, солнечно, стало лучше. Наконец, стал работать по специальности (приблизительно), работаю директором Кусковского театра «Гай», куда и прошу адресовать. Зина Хохлова уехала, не прописали.

Роза Петровна живёт в хорошей комнате, я её устроил на Фитинговый завод, приехала Бендет (жена) с девочкой. Гавриловы получили комнаты (за парком), их хламиду разобрали на дрова.

Буду очень рад видеть вас в Кускове и получать от вас письма. Благодарю за внимание. С искренним к вам уважением.

…Что с Музой, толком не знаю, то телеграфировали, что при смерти, выздоровела, опять в больнице и на сегодня, к счастью, здорова. Какое-то берёт сомнение. Если можно через вас узнать, буду очень тронут».

Всё.

Лена пишет, что все здоровы. Гости их не забывают, по пока ничего плохого не причинили. Аня Мишина рассталась с Нюрой Б[A]. и уехала в Гаврило-Ям, в колхоз. Как-то она там с ребёнком проживёт?

Твоё письмо полно тоски, безвестности. Правда, тянешься только изо дня в день и всё время ждёшь, но что же иное можно делать? Это одно только и остаётся.

Действует угнетающе на нас ещё и погода, идёт снег, поэтому грязно и холодно, конечно, дома не замёрзнешь, но дело-то в том, что нужно что-то работать, тут подгребали в поле оставшийся после стогов клевер, а то предлагают идти в лес заготовлять дрова для колхозных нужд.

Вчера бригадир мне предлагал быть старшей няней в яслях, рабочий день — с раннего утра до позднего вечера (пока на работе матери и пока они не обрядятся). Сама должна им готовить и пищу.

Я отказываюсь, поскольку мне нельзя себя связывать, может быть придётся куда-нибудь уехать, а тут уж вроде службы. Платить будут тоже трудоднями (расчёт после окончания года).

Видишь, какие дела, что ещё дальше будет — не знаю. Как ты говоришь: поживём — увидим. Чувствую себя ещё не совсем важно, сильно побаливает спина и живот (моя обычная болезнь), но всё это неважно.

Иногда впадаешь в мерехлюндию, а потом и подбодришься. Всяко бывает. Всё же наше положение пока лучше многих, этим себя и утешаешься.

Будет дальше писать Игорь. Когда мы получаем твои письма, он мне не даёт первой читать, хочет, чтобы читали все вместе, так ревниво и смотрит, так что у нас всегда бывают споры. Ты ему написал, а письма этого до сих пор и не получили.

Сейчас я и мама собираемся в деревню, работать не идём, не годится погода.

Целую тебя, мой милый Серёженька. Лёля.

[A] Байбородина.

8/V.

Дорогой папа!

С сегодняшнего утра у нас опять наступила зима. Ночью выпало много снега, и сейчас всё бело. Но этот снег скоро стает, земля не замёрзла. Везде уже много свежей травы, и скоро будут распускаться деревья. Около дома много кустов черёмухи, на ней показались цветочные почки. Рыбу я больше не ловил, всё время стояла холодная погода, и неохота выходить на улицу. Скоро должно стать окончательно тепло, тогда и буду удить. Из школы прислали записку, что в воскресенье 10 придёт учительница по зоологии. После будут приходить и другие. Сейчас я начал учить физику, а потом ещё надо химию и 2-ую часть географии. 1-ую часть я уже сдал.

Газеты в сельсовете иногда дают на дом читать, но чаще я и мама ходим их читать в избу-читальню при сельсовете. Там они подшиваются пачками. Конверты у нас пока ещё есть старые, вывернутые. Когда кончатся, будем клеить из обёрточной бумаги, её много.

До свиданья! Крепко тебя целую. Игорь.

31-е.

Ильинское. 9/V-42. Суббота.

Здравствуй, дорогой Серёжа.

Вчера и сегодня от тебя писем не было, а также и ни от кого другого, твоё последнее письмо № 84 дышит полной безнадёжностью и грустью, но что же сделаешь, мой милый? Нужно терпеть и ждать. Я понимаю, что тебе тяжело одному, нет родного человека, с кем можно поделиться своими мыслями, сомнениями и надеждами. Но бодрись, возьми себя в руки, жди и надейся, утешайся тем, что другим тяжелей, чем нам. Лишь бы хуже не было, а так ещё терпимо. Придёт время, Серёженька, и всё наладится. Снова все мы будем вместе, и жизнь войдёт в колею. Мне нужно писать ещё несколько писем. Во-первых, ответить Лене, во-вторых, Петру Николаевичу, в-третьих, Клаве Жуковой-Филинковой по просьбе Петра Николаевича, хотя я ей уже однажды писала, но ответа не получила.

Особых новостей за эти три дня не произошло. Погода стоит противная холодная, со снегом, несмотря на май месяц. Сидим дома, Лёля и Серафима Галактионовна ходили до обеда в деревню Наквасино, там нужно было дополучить кое-что, принесли они 3 фунта муки и кило баранины очень хорошей жирной, 1 крынку молока за деньги 10 рублей.

Сегодня встала в 6 часов утра, вымыла полы в двух комнатах. Пришёл бригадир, дал наряд. Лёле в количестве 10-ти человек идти в деревню Ефимьево

километра за 1½, огород городить, а мне единолично у нас в Ильинском сгрести и убрать солому у трёх колхозных сараек. Вот мы и отправились на работу, она ушла в 8½ утра, а я в 9 часов, так как доваривала обед. Своё дело я сделала и ½ второго пришла домой. Затопила печурку, разогрела обед, и к двум часам вернулась Лёля, они тоже на сегодня свою работу закончили. Стали все обедать. После обеда Лёля и Игорь ходили в сельсовет читать газеты, я легла отдохнуть. Серафима Галактионовна сидела на диване, дремала. В данный момент Лёля и Игорь вернулись, притащили газеты [с] собою. Лёля что-то шьёт, Игорь читает вслух газету, я пишу письмо, Серафима Галактионовна примывается в своей комнате. Время полпятого, часа через два согреем самовар, чай пить, закусывать и спать. Вот так и идёт день за днём. Как ни тяжело, а время бежит (привыкнешь, должно быть, и в аду будешь жить). Вот и Петру Николаевичу тоже не сладко, он только как-то бодрится всё, в шутливом тоне пишет, что весёленькая была зима, а в сущности разобраться тоже один бедный, где его семья и что с ними? Хорошо не знает, очень жалеет свою Музочку (правда, ведь, он её очень любил), помнишь, как носил её на закупорках[A] по парку, а где она теперь, кто знает? Ну ладно о чужом горе горевать, своего не знаешь, как пережить. Всё же нужно быть за всё благодарным Создателю, что все мы пока живы и здоровы, и имеем надежду встретиться. У других же давно эта надежда потеряна. Не знаю, как наш Алёша Иванов, где они все, тётя Катя, Миша, Шура, Галя, тётя Лена и вообще все наши родные, живы ли они все? Я написала письмо на домоуправление, где жила тётя Катя, просила сообщить о них, но пока что безрезультатно.

Ну вот и всё пока! Твоих писем не получено очень много. Напиши, как мои письма с номерами, все ли подряд получены? Или тоже отсутствуют? Скорей бы стало тепло! Гошка стал бы ловить рыбу. Завтра к нему хотела прийти учительница.

До свиданья, дорогой Серёжа.

Крепко тебя целуем. Очень жаль, что тебе теперь не приходится писать в газеты, во-первых, время у тебя было бы больше занято, а во-вторых, курочка по зёрнышку клюёт.

Твоя Мама.

12/V.

Милый Серёжа!

Вчера я и Анна Николаевна ходили в дальнюю деревню, за 9 км. Была с нами ещё одна колхозница. Погода стоит холодная, но ясная, что нам благо-

[A] Так в подлиннике. Имеется в виду «на закорках».

приятствовало. Местами только в лесу было сыро, а то дорога вполне приличная. Сменяли мы брюки Игоря, он их не одевал, помнишь, мы вместе с тобой купили на Таганке тебе и ему?

За них и за кружево от простыни, широкое, красивое, нам дали 1 пуд 5 фунтов ржи и крынку молока. Молоко выпили тут же с принесённым с собой хлебом и отправились обратно. Наша спутница тоже сменяла 1 пуд картошки на посадку. Шли обратно, конечно, с отдыхом, дошли благополучно.

Дома застали письмо от Рыськина от 30/IV. Вот его содержание:

«Уважаемая Ольга Алексеевна, извините, что не сразу ответил на Ваше письмо. Меня не было дома, так как я уезжал в Коломну, и оно меня только теперь застало. По существу запрошенных Вами вопросов могу высказать следующие соображения, которые я проверил, посоветовавшись с одним товарищем. Вам нужно сюда приехать, тем более, что сыну нужно изготовить корсет, а это вполне достойное основание не только на получение разрешения на проезд, но и на временное проживание, а последнее может быть превращено в постоянное, поскольку сын нуждается в лечении. Своевременно ли приезжать?

Это зависит, во-первых, от степени нужды сына в корсете и от специфического положения Вашей квартиры, во-вторых. Не только первое обстоятельство, но и второе должно стимулировать Ваш приезд. Опыт показывает, что даже те, кто имеют квартиры на более устойчивых, чем Вы, правах, иногда лишаются их. Если бы здесь был Сергей Сергеевич или он работал бы в каком-либо наркомате, который безусловно вернётся в Москву, и Ваша квартира не была бы учрежденской (на которую, кстати сказать, даже в мирных условиях они посягали), я бы Вам не советовал приезжать, — теперь лучше жить в деревне. Конечно, Вам тоскливо жить не у себя, да ещё без Сергея Сергеевича, но ничего не поделаешь, так лучше. Но ведь Сергея Сергеевича нет в Москве, с квартирой надо уладить, в Кусково воздух хороший, в Москве спокойно и т. д. — поэтому пишу Вам: приезжайте, тем более, что временно Вы должны приехать. Приедете, увидите и решите, как быть на будущее. Что касается вызова РОНО, то неизвестно, будут ли такие вызовы практиковаться, а если будут, то для Вас они будут иметь реальное значение лишь в том случае, если сохранена квартира. В том случае, когда Вы решитесь ехать, нужно захватить с собой продовольствие (хлеб, муку, масло, крупу, овощи), так как карточки Вам выдадут только после прописки, а это долгая канитель, да и при карточках нужны дополнительные продукты. В школу ещё не обращался, обращусь в следующий приезд и Вам напишу, время терпит.

Прошу Вас без стеснения обращаться ко мне. По приезде позвоните сразу же ко мне по телефону, и я Вам всем возможным помогу (К-5-15-40). Пожалуйста, не стесняйтесь. С приветом, Рыськин».

Очень отзывчивый человек, лучшего ответа желать нечего. Теперь что же делать? Надо решаться на что-то.

Сегодня же написала ему ответ, где высказываю все свои наболевшие вопросы. Главное — это питание. Он, конечно, думает, что здесь гораздо лучше, чем в действительности. Мы же живём изо дня в день. За это время сильно ослабли даже.

Думаю всё же остановиться на следующем. Ещё подожду до конца мая, потом поезду в Ярославль хлопотать о пропуске, и так или иначе, если ничего не случится, дело будет идти так же, поедем или я одна, или как дадут пропуска. С квартирой, по словам Филинкова, благополучно, плату принимают, тем не менее, конечно, нужно приехать и закрепить её.

Мне предлагали здесь в колхозные ясли, я отказалась, так как это могло бы меня задержать, а в колхозе работать можно. Вчера мы отпросились у бригадира, а сегодня он сам не пришёл и наряда не дал. В воскресенье ходили все на субботник в лес на заготовку дров, в том числе я и Анна Николаевна. Нас было звено в 7 человек, я больше всего пилила, а Анна Николаевна таскала в груду и собирала в кучу. Работаем мы по мере своих сил и возможностей, а всё же впереди, может быть, что и получим.

Видела вчера директора школы. Игоря не забывают, не было времени у учителей, обещают прийти, надо бы ему уже и закончить учебный год, да тогда уж и поехать.

Целую тебя, ждём писем. Лёля.

32-е.

Ильинское 13/V-42. Среда, 6 часов вечера.

Дорогой Серёжинька!

Вчера после того, как отправили тебе письмо, пришла почта и принесла письма (целую галяму): четыре твоих и одна открытка от Н.Л. Рубинштейна. Твои письма № 73 от 10/IV, 74 от 12/IV, 85 от 25/IV, 86 от 29/IV-42 г. Читали их и перечитывали все вместе и каждый в отдельности. Игоревское письмо, т. е. № 71, пока ещё не пришло. Милый Серёжа! Зачем ты всё так близко принимаешь к сердцу, зачем мучаешь себя и огорчаешься неудачами. Ведь не может же всё выйти, как по–писанному, не испытавши горького, не поймёшь и сладкого. Верь мне, что всё, что делается, то к лучшему. Придёт время, и всё будет хорошо, терпели много, нужно и ещё немножко потерпеть. Поэтому не отчаивайся!

Живы будем — увидимся. Кому теперь хорошо? Многим хуже нашего, возьми кого хочешь, все почти в разброде. Что меня беспокоит, это то, что из твоего последнего письма я вижу питание у тебя становится тоже плохо и дорого. Ты пишешь, что завтракал редьку с подсолнечным маслом, да и то с остатком. Правда, имеешь молоко, но какою ценою хлеба — 800 гр. за литр. Но будет ли тебе самому хватать хлеба? Напиши, если[A] у тебя какой-нибудь запас сухарей? Прежде было надёжнее, когда у вас работал «Гастроном», ты мог купить и рыбки, и всего хорошего, а теперь-то чего купишь — на всё нужны большие деньги, уж не поешь яичек. Всё-таки ты себя не мори, по возможности покупай, что продают, так как меняться тебе не на что, кроме хлеба, а хлеб всего дороже. Как-нибудь перебиться это время до нового урожая, а там будет дышаться легче. Поспеют овощи, грибы, ягоды. Будешь посвободнее, походи на базар, цены ведь меняются, может чего и купишь. Мы меняем всё, что возможно. Вчера отдала за полпуда картофели и кило три капусты кислой свои двое новых трикотажных трусов. Нужны бы они и себе, но нужно подумать о том, что будем есть. Пока картошки запасли пуда два, если бы не тратили, то было бы и больше, но хоть и понемногу, а тратили каждый день. Сейчас идём с Лёлей в Ивановское за Азариным. Там обещали нам обменять суровую салфетку — помнишь, которую стелили на стол, когда приходили гости на террасе с жёлтыми цветами, хоть и жаль, да делать нечего. Придём, напишу променяли ли её и за что.

13/V. 10 часов вечера. Час тому назад вернулись из деревни Ивановское, ходили я, Лёля и Гога, сменяли салфетку на ½ пуда картофели, 2 десятка яиц, 3 фунта сухих чёрных грибов, 1 кило солёных грибов и 400 гр. сливочного масла. Дали вполне прилично, масло самое свежее, при нас его спахтали, так что мы довольны. Жаль только, что ты не с нами. Напились все чаю, закусили, от обеда оставался суп с яичками и картошкой, поели с картошкой солёных грибков (твоё любимое блюдо) и съели по куску хлеба со сметаной. Аппетит у всех превосходный. Все, кроме меня, ушли спать, а я стала дописывать письмо, быть может, завтра пошлют куда-нибудь работать, сегодня не ходили, я с бабушкой копали днём гряды в саду в нашем огороде. Да, забыла, сегодня на Игоря выписали из здравотдела 10 литров молока с завода, принесла опять квитанцию секретарша сельсовета.

Погода особенно днём была очень ветреная и холодная, к вечеру ветер изменился, стал южным, и накрапывал дождь, в общем это время стоит холод, и стали распускаться деревья. Не знаю, как ты будешь с огородом. Если сумеешь его обработать, да достанешь семян, то к осени, если не придётся уехать, ты бу-

[A] Так в подлиннике.

дешь обеспечен, а если уедешь, то можно кому-нибудь продать. Ну ладно, поживём — увидим! Главное не тоскуй, бодрись, тоской ничему не поможешь, только изведёшься, а силы нужны впереди. Ну будь здоров, мой дорогой! Крепко все мы тебя целуем, желаем успеха во всех твоих делах. Пиши, чем теперь тебя кормят в столовой? Нельзя ли брать что-нибудь на дом. Твоя Мама.

16/V.

Милый друг Серёжа!

Новостей за это время никаких нет, писем тоже, время понемножку тянется, так изо дня в день. «И скучно, и грустно…» — ничего не поделаешь. Был перевод от Нины маме на 120 рублей. Пишет она, что была в Москве, видела сестёр, Катя на бюллетене, ушиблась на работе… Значит, она где-то работает, больше ничего о них не знаем, давно не писали.

Настроение в целом среднее, нахожусь на распутьи относительно хлопот по отъезду. Даю себе такой срок: до 1-го июня жду, а там в первых числах обязательно (конечно, если что-нибудь сверхординарное не случится) еду в Ярославль за пропусками. Почему я так медлю? Останавливает многое. Первое — это питание, нужно взять с собой, а и здесь его нет. Второе — оставлю я здесь беспомощных по существу людей, мама всё крепилась, а тут что-то стала сильно сдавать, едва ходит, из стороны в сторону её качает, а нужны каждодневные дрова и вода, меня всё это сильно задерживает. Прибавилась ещё одна работа. Сегодня нам выдали вместо хлеба рожь на 16 дней, т. е. до 1-го. Я только что вернулась с рожью, ходила с Игорем в другую деревню за 1½ км. Расчёт для нас крайне невыгодный, считаем, что должен быть припёк, поэтому на 1 кг дают ржи 640 гр.

Конечно, этого не получится, а кроме того нужно эту рожь молоть ручным способом на жерновках. Вчера я с мамой молола вечером, получается почти крупа, а не мука и очень долго и тяжело. Правда, мы народ в этом отношении привычный, местное население большей частью так обходится, так как здесь мельницы водяные и всё у них что-то не в порядке, то много воды, то мало, то ещё что-нибудь.

Всего испытаешь и со всем познакомишься. Вчера я и Анна Николаевна (понятно, с другим народом) ходили городить огород. Были только полдня до обеда, так как потом пошёл дождь. Огород тянется как раз по направлению к Макарову. Вначале место было сухое, лес почти исключительно хвойный, одни рубили, другие таскали, мы, например, третьи устанавливали, так что было необременительно, но потом началась топь, да ещё и дождик пошёл, всё испортилось.

Сегодня я не пошла из-за того, что нужно было получать рожь, а отправилась одна Анна Николаевна. Она уже вернулась на обед, сейчас 12 часов с небольшим, Игорь ушёл в сельсовет насчёт почты, а я и мама пишем письма.

Погода неказистая, солнца совсем нет, мало мы его видели, весна дождливая, поэтому грязно.

Я себе не представляю, как ты будешь с огородом копаться, вряд ли это тебе практически понадобится, но только уж как все, да и время заполнится. Написал ли в Малмыж, и ответил ли кто-нибудь оттуда? Это резерв, во всяком случае.

Идёт Игорь, узнаю насчёт писем.

Только что получили твои старые письма №№ 68 и 71. Игорь по этому поводу тебе напишет.

Сейчас обедаем, до свидания. Целую Лёля[A].

16/V.

Дорогой папа.

Сегодня от тебя пришли два старые письма № 68 от 5/IV и № 71 от 8/IV. Шли они к нам больше месяца, а последнее письмо от тебя было № 86 от 29/IV. Ещё не пришли №№ 78, 80, 81. Наверно, скоро придут.

Учителя ко мне что-то не приходят, а только обещают.

Мама недавно видела директора школы и говорила ему об этом. Он сказал, что устроит. Классная руководительницы уезжала в Ярославль сдавать зачёты по Древнему Риму, и некому было подталкивать учителей.

Сегодня я с мамой ходил в деревню за рожью. Дали на 16 дней 24 кг 580 г. Сейчас пойдём и немножко помелем.

Погода стоит очень холодная, дождливая, но уже появились первые цветы. У меня есть здесь определитель растений, и я каждому цветку нахожу название, а потом засушиваю. В огороде бабушка уже вскопала 3 грядки и посеяла на них морковь, свёклу и семена лука. Сегодня очень сыро, нельзя копать. Мы уже тоже выставили 2 рамы в столовой и в Чакалёвской комнате.

До свиданья! Бабаня ушла городить огород и велела передать тебе привет.

Крепко тебя целую! Игорь.

33-е

Ильинское. 17/V-42 г. Воскресенье, 1 час дня.

Дорогой Серёженька! Здравствуй!

Вчера тебе писала Лёля и Игорь. Сегодня пишу я, новостей со вчера до сегодня хотела написать нет, но как раз есть, хотя эти приятные новости касаются

[A] Далее письмо продолжено рукой Игоря Дмитриева.

больше всех Серафимы Галактионовны. Вчера под вечер, когда я вернулась домой после работы, застала у нас во дворе земельную комиссию во главе с председателем колхоза (женщина) тов. Дубова. Значит постановили так. В пользование Серафимы Галактионовны оставили огород перед домом к крыльцу весь в целом, соседям ничего из этого огорода, огород сзади дома к сельсовету поделили пополам. Соседка со второй половины дома думала завладеть одна почти всем огородом, выделить Серафиме Галактионовне меньше трети. Теперь же ей пришлось прийти к соглашению с Серафимой Галактионовной, которая великодушно уступила ей ещё пол огорода впереди дома с тем, чтобы они помогли ей огородиться, на что той пришлось согласиться, а то прямо было и в оглобли её не впряжёшь, рвала и метала. Ну и хорошо, нет хуже, когда идёт распря. Теперь же собираются сажать вместе капусту туда к спуску с лестницы к реке. Сейчас копаем свой огород в свободное время от колхозной работы. Только что пришли с Лёлей с работы из лесу обедать, огораживаем лес от поля, чтобы туда не заходил скот. Работа не так тяжела и в хороший день довольно приятна, за день работы записывают трудодень. Работаем от 9 до 6 часов, с отрывом на обед. Вот пришли обедать, да только ещё рано, я стала писать письмо, Лёля что-то шьёт, Серафима Галактионовна в огороде возится у пчёл. Игорь от жары что-то раскис. Сегодня очень жаркий день, вчера Лёля не работала, ходила получать рожь. Дали до 1 числа 24½ кило. Но это для нас хуже, чем готовый хлеб, так как нужно рожь сушить и молоть, а это отнимает много времени, да ещё нужно просить, чтобы пустили молоть. Но делать нечего, по-своему не переделаешь. Вот что-то от Папки давно нет письма, ещё 21/IV послали ему к маю (150 рублей). Но получил ли он их — ответа не имеем. От Лены было письмо от 5/V, но она про деньги ничего не упомянула. Лёля поговаривает, что в первых числах июня, если всё будет хорошо, поедет в Ярославль хлопотать о пропуске. Поживём — увидим. Пока вот и всё, сейчас станем обедать, да и снова пойдём работать. Это письмо пойдёт только завтра, так как почта сегодня выходная. Прости, что плохо написала, тороплюсь обедать.

Целую крепко! Пиши, ждём с нетерпением. Теперь почти все твои прежние письма получены. Ждём следующих.

Твои друзья — Мама, Лёля, Гога Дмитриевы.

19/V.

Дорогой Серёжа!

Вчера получили твоё письмо № 91 (от 7 мая). Перед этим получили только 86-е, поэтому многое осталось непонятным, так, например, надолго ли ты едешь

в Кемерово. По-видимому, не на несколько дней, так как ты пишешь подробно о ночёвках и т. д. Наверно, придут и другие письма скоро, тогда всё узнаем.

Варя пишет в открытке, что звали Катю и Наташу к себе, последняя боится потерять службу, а Катя поступила работать в колхоз (?)[A], но с ней приключилось несчастье — она сломала рёбра. Вот краткое сообщение о ней. Сами они (т. е. Варя и Настя) купили козочку за 200 рублей, молоко может быть только через год в лучшем случае.

Вчера вечером принесли повестку: вызывают Игоря в Военкомат в Пречистое. Я ходила к доктору сегодня рано утром, она дала справку, что он не может ходить, и пришлось мне самой отшагать. Только что вернулась, пообедала и принялась тебе за письмо. Сегодня была небольшая почта, только местная газета, новостей никаких.

В военкомате взяли справку и сказали: «Пусть придёт, когда поправится». — «А он же не может прийти всё равно, а лошади не найдёшь». — «Ну, тогда мы сами позаботимся, чтобы его доставили, но в конце концов пройти ему комиссию нужно». Так на том и ушла. Теперь во всяком случае там предупреждены. Вот уж и Игорь стал большой, вырос для призывного возраста, только здоровья нет.

Без меня была учительница и принесла расписание экзаменов. Больше приходить они не могут, загружены полностью. Предлагают явиться в школу самому, не знаю справится ли он? Хотелось бы всё-таки это осилить. Нужно ему много ещё сдать. Всего 4 испытания или 5, но ему-то нужно сдавать по всем, так как нет четвертных отметок. Кстати, вспомнила одну вещь и хотела тебя спросить. Недавно прочитала в «Известиях» постановление профсоюзной организации, что за педагогами, эвакуированными, сохраняется стаж лишь в том случае, если у них был перерыв не больше 3-х месяцев. По этому поводу я сегодня зашла в РОНО и спрашивала совета, взяла с собой профкнижку. У меня заплачено только по июнь 41 г., а дальше я нигде не вставала на учёт.

К сожалению, заведующего РОНО не было, и мне никто ничего не смог сказать. Ещё путь проделать из-за этого слишком дорого стоит, не знаю, как тут будет.

Шла я в полном одиночестве. До 2 часов дня была, можно сказать, июльская жара. Я одела свой синий костюм шёлковый, шла босиком, птицы вовсю разливались, всё время представляла себе, как было бы хорошо, если бы ты был со мной, всю дорогу мечтала об этом.

Обратный путь был не таков.

[A] Так в подлиннике.

Две грозы пришлось перенести. Одну переждала в деревне с небольшим дождём, а другая меня застала в поле, всю до нитки вымочил дождь, уж очень жаль костюма, боюсь, как бы не испортился. Вспоминала при этом Тютчева: «Люблю грозу в начале мая…» Как нельзя более эти слова оправдались воочию: и солнце вскоре показалось, и не успела я до дома дойти, как уж почти вся просохла. Вторую ночь будем с Игорем спать в светёлке. Внизу очень соседи беспокойные, бесцеремонные донельзя, если они поднялись в 4 часа, так и все должны вставать. Кроме того, наступили, буквально, жары, а вверху хорошо и прохладно. Там будем отдыхать. Давно что-то нет письма от Сергея Васильевича. Забыла ему деньги послать из Пречистого, как-то разговору перед этим не было, а сама упустила. Сейчас буду ставить самовар, привыкла к нему, вначале всё говорила — чайник.

Крепко тебя целую. Лёля.

34-е.

Ильинское. 21/V-42 г. Четверг, 9 ч. вечера.

Дорогой Серёжа!

Вчера получили твои три письма № 87 от 1/V, 89 от 3/V, 91 от 9/V, это второе письмо с 91 №. До этого письма был № 91 от 7/V, из которого узнали, что ты командирован в Кемерово для вербовки студентов. По всей вероятности, ты уже вернулся обратно? Письмо с твоей карточкой пока не получено. Ждём с нетерпением посмотреть хотя бы карточку. Сегодня писем никаких не было, не знаю, что-то Папка нам ничего не пишет. Все эти дни ходила я работать в коллективе огораживать огороды от нашествия скота. Лёля ходила на эту работу раза два. Сегодня с утра были дома, копали грядки в своём огороде, посадили свёклы, моркови, редьки, репки, луку и небольшое количество картофели. Нужно бы посадить картошки как можно больше, но, к сожалению, её нет. Хотя и есть её у нас ещё пуда два, но это весь наш фонд, с которым мы должны прожить до новой. Достать теперь почти невозможно. Хотя Серафиме Галактионовне какой-то её знакомый благодетель обещает дать в займы до осени. Не знаю, сдержит ли своё слово, так как очень трудно на чужой каравай рот разевать. Велел завтра к вечеру прийти. После обеда пришёл бригадир и дал наряд на новую работу копать грядки для колхоза, садить картофель ручным способом, так как лошадей нет. Я ходила на работу, а Лёля с Серафимой Галактионовной ушли молоть рожь. Теперь целая канитель с хлебом, и ещё долго придётся мучиться, выдали муку по 1 июня, а как будет дальше, не знаю. Хорошо бы дали хлебом. С молоком у нас дело тоже не клеится, в Ильинском не можем достать ни одной крынки за деньги, а менять почти нечего. Получаем только

молоко с завода для Игоря, осталось ещё 6 крынок. Сегодня Гога ходил в школу сдавать зачёт. Пришёл обратно ½ второго, немножко устал. Какие успехи, не знает.

22/V — 5 часов утра. Несмотря что вчера поустала, ночь сегодня прошла плохо, собака Айда не дала спать, наверно, кто-нибудь на реке рыбу удят, лает во всю мочь, перекликается с товаркой по ту сторону реки, да уж и петухи запели. Никак не могла уснуть, сколько не вертелась. Поэтому решила дописать твоё письмо, затем написать письмо Папке и Лене. Ты хоть и прислал газету с постановлением, что работают женщины до 50-летнего возраста. Но из этого ничего не получается, во-первых, потому, что в данное время на это не смотрят, работают и старше меня, а, во-вторых, отказываться от работы не приходится. В виду будущего, которое неизвестно[A]. Вопрос, сколько мы ещё пробудем здесь. Теперь стало очень туго в смысле питания. И если не заработаешь, то к осени, вернее сказать к зиме, совсем нечего будет жевать. Все мы очень исхудали, как бы нибудь[B] это время перебиться. Несколько дней назад получила я открытку из Кусково от Натальи Фёдоровны (пишет, что получила моё письмо 26/IV, отвечает 27/V-42. Вашу квартиру очень тщательно охраняет Пётр Николаевич, не беспокойтесь. Живёт она плохо, питается хлебом и водою, картошки нет. Фира снова в больнице Зина приезжала, не прописали, уехала обратно. Шлёт всем привет.)

Игорю завтра 23-го опять нужно сдавать зачёт по русскому языку и литературе. Вчера вечером занимался с Лёлей. Ну, вот и все наши дела и делишки. Особо утешительного мало. Одно хорошо, что стало тепло. Сегодня по-старому стилю 9 мая. Помнишь, в этот день![C] Ходили ты, Лена, я и Папка встречать с Бабаек, как ты маленький называл Николай Иванович[D]. Наверно, забыл это всё, и скажешь, что за ересь я горожу, но почему-то вспомнилось мне сегодняшнее утро, когда мы все вчетвером шли по бульвару на Волге к стрелке, навстречу пароходу. Тебе в то время было лет 6-ть. Давно всё это было, да прошло. Кончаю писать, скоро шесть часов. Напишу нашим. Папке нужно послать денег. Не знаю, как он живёт, что-то давно не пишет ничего, так и не знаем получил ли деньги, посланные 21/IV (сто пятьдесят рублей). Целую тебя, Серёженька, крепко! Не тоскуй, как-нибудь проживём и увидимся! Пиши, боюсь за тебя, од-

[A] Здесь начинается текст на втором листе, с обозначением «Продолжение II». В отличие от большинства остальных писем, написанных на двойных листах, это письмо написано на двух одинарных листах.
[B] Так в подлиннике.
[C] Так в подлиннике.
[D] Так в подлиннике.

ному тебе трудно, думается, стало и у вас в городе с питанием поплоше. Игорь шлёт особый привет. Вчера просил написать тебе, что скоро напишет тебе сам.

Целуем и желаем успеха во всех твоих делах. Твоя Мама.

24/V.

Милый Серёженька!

Вчера пришли от тебя письмо № 90 и открытка из Кемерова № 93. Благополучно дошла карточка. Хотя ты, действительно, здесь выглядишь много старше, но всё же очень похож, так ты и представился сразу, и стало грустно, что тебя нет с нами. Пришли письма от Шуры, Лены, Сергея Васильевича и открытка Наташи. Шуре я писала, но он не получил ещё, спрашивает обо всём. Сам пока жив и здоров, хотя возобновляется старая болезнь (нервное расстройство). О себе больше ничего не сообщает. Лена (от 11/V) пишет, что Нюра Б[A]. получила от Миши для Ани перевод денежный, где сообщается кратко (без числа), что тётя Катя умерла, что сам он был в больнице, а теперь понемногу поправляется. О других ничего нет. Мне особенно жалко тётю Катю, помнишь, она первая нас посетила в Кускове, ещё тогда мы жили в музее, и вообще всегда не пропускала нас, очень приветливая и родственная. Анна Николаевна страшно горюет.

Сергей Васильевич пишет о том же, а кроме того и о себе, что болел ишиасом, с трудом ходит. Заходил в НКВД насчёт пропусков (я его об этом просила, чтобы не пропали наши труды, поскольку мы медлим), там всё остаётся в силе, так что дело за мной. Сейчас у нас затор с хлебом, дают рожью, поэтому ехать не с чем, надо подождать, кроме того Игорь усиленно сдаёт экзамены.

Наташа пишет кратко, что у Кати странности усиливаются, да ещё в придачу сломала ребро на работе. Александр Александрович всё не работает, одной ей очень трудно, няня хорошая, ребёнок растёт нормально.

Вот письменные новости. Мы что делаем? Понемножку работаем в колхозе, копаем сейчас вручную под картофель. У нас одна лопата на двоих, а больше нигде не достанешь, всем нужна, поэтому копаем по очереди, да и лучше с другой стороны, а то работа трудная. В смысле выработки она для нас совсем невыгодная, выполнить даже полнормы мы не сможем, но ничего не поделаешь. Завтра, наверное, выбудем из строя на несколько дней: нужно обязательно сделать прививку против брюшного тифа. Все силы прилагаем, чтобы что-нибудь достать поесть, деньги не нужны, а только вещи. Мои туфли на высоком каблуке на очереди, хотела прийти одна девица посмотреть, слишком

[A] Байбородина.

только они городские, да и не выгодны для мены, такие вещи хуже, чем дешёвые. Не каждому пойдут, да и цены настоящей за них не дают. Мы теперь не можем уже крынки молока достать, только вещи.

Пишу я тебе, может быть, и пореже, тяжело бывает и не пишется, одолевают заботы, не знаешь, как выкрутиться, всё только об одном и думаешь. Твой вес, правда, ещё приличный, а вот, если бы я свешалась, так, наверное, было бы неприлично, так как похудела сильно. Но, в целом, ещё все мы держимся как следует. Возможно, что в городе было бы хуже, а здесь воздух чудесный, трепанья нервов тоже не так много. Сегодня был когда-то весёлый праздник Троицы и, действительно, всё распушилось, черёмуха в том числе, птицы заливаются. Другая страница для Игоря, о себе сам напишет. Твою карточку поцеловала — это тебя. Лёля.

P.S. Всеми правдами и неправдами доставай табак любой, очень нужен, всегда пригодится[A].

24/V-42 года.

Дорогой папа.

Сейчас я хожу в школу на испытания. Всех их четыре. 21 изложение, 23 русский язык устный и литература, 25 алгебра и 27 геометрия. На испытания надо приходить обязательно. Изложение я написал на хорошо (из-под написал без чёрточки), русский язык и литературу сдал на отлично. Ещё остались алгебра и геометрия. Все остальные предметы буду сдавать после.

У нас уже наступило лето. Деревья почти все распустились и стоит очень жаркая погода. Вчера вечером я с мамой ходили ловить рыбу. Поймали 4 плотвы и сварили уху в маленьком чугунке. Сейчас я опять пойду ловить, может что-нибудь и поймаю. Бабушка в огороде посадила уже всё, кроме огурцов и картошку, которую сейчас садим.

Мы выставили 4 рамы, ещё осталось 2. Скоро и их выставим.

До свиданья! Крепко тебя целую. Игорь.

35-е.

Ильинское. 26/V. Вторник, 2 ч. дня.

Дорогой Серёжа!

Пришла с работы на обед, но Лёля ушла в Матвейково поискать молоко. Поэтому в ожидании её решила написать письма. Так как вечером приходишь в 8 часов, пока напьёшься чаю, то делается темно. Керосину же у нас осталось от зимы ½ бутылки, которые поберегаем[B] на всякий случай. Последние твои

[A] Далее письмо продолжено рукой Игоря Дмитриева.

[B] Так в подлиннике.

письма были за № 90 от 4 мая, открытка 93 от 9 мая, и 95 от 11/V из Кемерово. Получили твою карточку, были очень рады увидеть тебя хоть на карточке, я даже её несколько раз расцеловала. Письма твои произвели приятное впечатление. По карточке ты выглядишь неплохо, хотя несколько и осунулся. Командировка твоя тебя несколько развлекла, а это необходимо для поднятия настроения. Получили вместе с твоими письмами письма от Папы и Лены, Серафима Галактионовна получила от Наташи и Шуры Юматова. Папино письмо от 18/V — Ленино от 11/V пришли в один день. О себе они пишут, что живут по-старому, с питанием плохо, остальное всё по-старому, живут спокойно. Но сообщают печальную весть, которую сообщила им Нюра Байбородина, о смерти тёти Кати. Узнали это от Миши Иванова, он прислал денежное извещение своей Ане и в нём пишет, что мама умерла. Подробностей никаких не сообщает, когда и как это было, по-видимому, в его отсутствие, так как он только что вернулся сам из больницы. Жаль мне тётю Катю, это была ваша вторая мать. Помогла мне поднять вас на ноги, и мне очень её жаль. Очень я скорблю о ней и думаю, что, наверно, и мой час близок. Об Алёше, Шуре и Гале ничего не знаю, также и о тёте Лене. Наташа прислала открытку. Пишет, что все они здоровы, мальчик растёт, ему исполнилось 6 месяцев, скоро будет сидеть один. Александр Александрович не работает, Наташа не приедет, так как нужно работать. Особенного ничего не пишет. У нас в Ильинском опять повторились случаи заболеваний. Начали всем делать уколы, отправились и мы, но нам уколы не сделали, потому что у всех оказались плохие сердца: у меня порок, у Серафимы Галактионовны перебои сердца, у Лёли невроз. Словом, дом инвалидов. А Гоге совсем нельзя прививать, так как ничего не получится. Завтра Гога идёт сдавать зачёт по геометрии. С питанием у нас становится всё хуже, и хуже. Ну вот тебе и всё. Три часа, а Лёля всё ещё не вернулась. Есть страсть хочется, да и работать пора.

До свиданья, милый Серёжа. Целуем крепко. Твои Мама, Лёля, Гога, Серафима Галактионовна.

Лёля вернулась. Принесла 3 крынки. Отобедали в 4 часа. Ухожу работать.

Сегодня писем не было, что-то скажет завтра.

28/V.

Дорогой Серёжа!

Вчера получили от тебя письмо с двумя номерами: 97 и 98-м от 14 и 15/V. Пропуска в письмах есть, но в конце концов всё же приходят и запоздавшие. Мама всё спрашивает, получил ли ты от неё письмо, где она описывает подробно своё путешествие в Некрасово? По-видимому, нет, так как ты ничего не упоминаешь о нём. Жаль, а то она так старательно тебе всё описала. Твои письма чита-

ем всегда с большим удовольствием, совершенно иная жизнь, чем у нас. Мы сидим на месте, в деревне, одни и те же лица, даже просто поговорить не с кем, эвакуированные как-то все рассеялись, да и, наверное, больше предпочитают жить по городам. Недавно от нас уехали двое в наш город. Ну, им, правда, не ехать туда было бы и грешно: мужья и родители там и всё в порядке и даже за ними приезжали не один раз и все вещи увезли, так что они ехали совершенно налегке. Табак очень много может у нас сделать, имей это в виду, жаль, что у нас его нет, а то были бы сыты. Если можешь достать, то постарайся это сделать.

Получила открытку от Николая Леонидовича. Он сообщает две новости: оба брата его находятся в Кисловодске. Дмитрий Леонидович вызван в Москву и должен выехать 10/V, теперь он уже там, но без жены.

Возможно, что ты раньше меня знаешь эти новости, но всё же повторю.

Наша жизнь идёт ни шатко, ни валко, кое-как перебиваемся с питанием. Поспел один продукт, который нам доставляет Игорь — это щавель. Два раза варили его со сметаной и яичками. Молока понемногу достаём, больше на что-нибудь. Туфли мои не погодились[A], девица отказалась. Даром отдавать их не хочется, а больше не дают.

Попроще вещи лучше проходят. Хотели нам делать прививку против брюшного тифа, кроме Игоря. Вызвали в амбулаторию. Обеим бабушкам отказались делать из-за сердца, а когда меня врач посмотрела, то тоже махнула рукой — нельзя, организм ослаблен. За этот год, конечно, мы все сильно сдали. Тем не менее, в колхозе понемногу работаем, хорошо ещё, что не прижимают, сколько сделаем по своим силам.

Только что получили о тебя письма: № 88 (от 2/V) и две открытки № 92 (8/V) и № 96 (12/V). Читали их. Поразил Зайончковский. Быстро он справился со своим горем. Как-то мне не понравилось это извещение, быстро и главное слишком молода для него, тоже не очень прочно, а, впрочем, что теперь прочно, даже сама жизнь.

Анна Николаевна по поводу и тебя сказала: «Как бы наш Серёжа не женился там». Что не исключена такая возможность, правда, Серёженька? Я надеюсь только, что ты мне сам напишешь об этом. Да ведь молодых девушек так много, можно встретить. Я шучу так же, как и ты.

Пока писала, принесли заказную бандероль, Игорь разбирает. Пошёл дождь, гремит, а бабушка ушла в соседнюю деревню за молоком.

Целую тебя, мой милый друг. Лёля. [B]

[A] Так в подлиннике.

[B] Абзац, начиная со слов «Пока писала…», написан на нижнем поле первой страницы письма и налезает на текст этой первой страницы.

36-е

Ильинское. 29/V-42. Пятница, 12 часов дня.

Дорогой Серёжа!

Вчера после того, как отправила Лёля письмо тебе и перевод на 100 рублей Папе, пришла почта, и получили твои письма за № 88 от 2/5 и две открытки № 93 от /9[A] и 96 от /12. Известия несколько запоздалые, но это неважно, так как для нас там всё-таки много новостей, хотя бы о Петре Андреевиче. Я уж думала, что он пропал без-вести (кажется, с ошибкой написала слова безвести)[B]. Ну всё равно ты не осудишь? Значит он думает расписаться и уехать от молодой жены на фронт? Скучная материя. Твоя посылочка от Петра Андреевича тоже, наверное, улыбнётся, так как у него будет новая хозяйка, а женщины народ расчётливый, но всё равно проживёшь без этого. Очень рады за тебя, то ты получил усиленное питание, это теперь очень важно. Из всех нас ты, пожалуй, лучше всех устроился. Не знаю, Серёжа, как ты думаешь относительно Лёлиной поездки в Швейцарский дом? Если бы пустили всех вместе, то есть и меня с ними, (дали бы мне пропуск), то ехать всем вместе или бы дали пропуск одной Лёле без Игоря. То был бы смысл. Но Лёля получит пропуск только вдвоём с Игорем. Корсет у Игоря ещё не так плох. Дело терпит. Ломать Игоря в дорогах жалко. Ехать туда, заказывать корсет нужно недели на две, чтобы с примеркой. Взять (с) собою продуктов на две недели, их нет. Ехать без продуктов нельзя, там нигде не достанешь. Поэтому ещё придётся отложить поездку до более устойчивого положения и сохранить право на пропуск, так как повторить его, наверно, будет нелегко.

30/V, 5 ч. дня. Вчера стала писать в 12 часов дня, но дописать не пришлось, так как помешали разные домашние дела. Вскоре стали обедать, а после обеда ушла на работу копать колхозные гряды, нужно было закончить обязательно к вечеру под посадку картофели. Скопали[C] мы вчера с Лёлей 144 метра, в общем скопали за это время 500 метров. За сотку полагается ¾ трудодня, работа маловыгодная и трудная, но ничего не поделаешь. Сегодня получила я авансом 4 кило ржи. С 1-го числа, наверно, снова нам дадут вместо хлеба рожью. Возвращаюсь ко вчерашнему вопросу относительно поездки Лёли и Игоря в Швейцарский дом. Мне думается, что пока стремиться им туда незачем, так как тебя нет, меня тоже не будет, что же будут они делать там вдвоём? Оставлять Игоря одного нельзя, и Лёля будет связана им. По-моему,

[A] О.А и А.Н. Дмитриевы пишут про одно и то же получение почты, указывая разные номера открыток.

[B] Так в подлиннике.

[C] Так в подлиннике.

пусть установится всё в ту или другую сторону, тогда будет видно, как действовать. К осени, т. е. в июле — в начале августа тогда быть может будет расчёт поехать. Правда, ждать и тебе, и ей надоело, но что же сделаешь. Приходится ждать. Вчера пришло твоё письмо за № 99 от 18/V-42, письмо Лены от 26/V. Письмо Серафиме Галактионовне от Нины.

Лена пишет, что у них все здоровы и всё благополучно. Витя перешёл в третий класс, но как слабый ученик начнёт учиться на месяц раньше, т. е. с 1 августа, чтобы за этот месяц подтянуться. О тебе сообщает, что ты ей редко пишешь и сетует, что, если мама тебя не будет, мне никто и не напишет. Папка тоже от тебя письма получает нечасто. Сейчас они заняты огородами, которые им дали в трёх местах: два по службе и один по дому. Лене дали сотку, а Лёне две сотки, нужно всё копать и садить, на дворе они уже посадили картошки и 35 кочней капусты. Лене на службе дали 15 кило картошки для посадки. Лёне тоже обещают дать. Нюра Байбородина была у Лены, она очень скучает о матери[A] и жалеет, почему раньше не взяла её к себе. Никаких сведений о них из Ленинграда больше не получала. Аня и Мишенька уехали в Гаврилов-Ям, устроились они в стационаре для вновь прибывающих ленинградцев, на полный пансион и себе, и Мишеньке. Такое лечение пройдёт месяц, а потом их всех отвозят на Северный Кавказ и там дают комнату и работу в колхозах и совхозах. У Нины все дела хорошие, все здоровы, много работают в своих огородах, все они вместе. Шлют всем привет.

Гога сдаёт зачёты. Хочет написать сам, просит оставить местечко, а потому я заканчиваю. Дело с питанием последние дни понемножку наладилось, и кое-что достали и за деньги, и на мену. Так что снова воспряли духом. В следующем письме напишу подробнее.

Целую крепко. Твоя Мама[B].

30/V-41.

Дорогой папа!

Сейчас я хожу в школу и сдаю экзамены, уже сдал русский язык, алгебру, геометрию, зоологию и историю. Историю я сдавал вчера, сдал на отлично. Учительница и учительница по географии уезжает 3/VI, и я сейчас готовлю 2-ую часть географии. Первую часть я уже раньше сдал. В Кузнецово, где школа, ходить теперь недалеко, километра 2, а зимой приходилось идти в обход ре-

[A] Речь, возможно, идёт об Агриппине Андреевне Байбородиной. В «Книге памяти. Блокада. 1941–1944. Ленинград» (Т. 2. Л., 1998) с такой фамилией упоминается только она одна.

[B] Далее письмо продолжено рукой Игоря Дмитриева.

ки через мост. В огороде бабушка уже всё посадила. Теперь только полоть, да поливать. Погода стоит жаркая и рассада быстро всходит, а чеснок и лук уже большие. У меня есть своя грядка, где я сажаю разные цветы и понемножку разных овощей.

До свиданья! Крепко тебя целую. Игорь.

2/VI.

Милый Серёженька!

Вчера было только одно письмо от Николая Леонидовича и то запоздавшее — от 6/V, а то была от него открытка более поздняя. Я просила у него адрес Любови Оскаровны, он с ней переписывается, говорит, что она и Ляля очень тяжело переживают случившееся. А Новицкий, в свою очередь, ему пишет и скорбит, что пришлось ему доставить им такое огорчение. Одним словом, Николай Леонидович выступает в роли утешителя, а, может быть, и примирителя. Любовь Оскаровна живёт в Томске. Не знаю, нужен ли тебе её адрес? На всякий случай вот он: Томск, Новосибирской области, ул. Горького, д. 18, кв. 9.

Наверное, она где-нибудь работает по своей специальности. Написать ей хочу, да вот только где бы времени позанять. В связи с весной работа в колхозе начинается ежедневная, и время всё расходится, приходится, ведь, и дома много делать, так вот и кипишь.

Опишу тебе, например, вчерашний день. Встаём рано, около 6. С утра докапывала свои гряды, ещё немного достали картошки для посадки. Всего посадили около 2 пудов. Ну, вода, конечно, дрова — обычная порция. Пришёл бригадир и дал наряд: садить картошку под плуг. Пили чай в 8 часов, и потом я пошла на работу, Анна Николаевна не совсем себя хорошо чувствовала.

(Перевернула страницу и увидела, что не правильно её взяла[A], ну ничего не поделаешь).

Обедали в 2 часа. После обеда на работу уже не пошла, на этот день она исчерпалась. А мы с мамой занялись вот чем: в кухни вынули под столом три половицы, она наполняла ведра землёю, а я вытаскивала их, в сделанное углубление поставили ящик и устроили, так сказать, холодильник для продуктов. Потом она пошла на завод за сывороткой, которую берём иногда, варим на ней щавель, в тесто в качестве закваски и т. д. Затем в 7 часов пили чай и после отправились в Волосово за молоком и кроме того ещё за картошкой. Молока достали 2 крынки по 10 рублей. Нашлась одна благодетельница рода человеческого, которая изредка обещалась давать и за деньги. Картошки дал тоже благодетель, старинный знакомый наш, дядя Алексей, вчера он дал всего 12 фунтов, да

[A] Письмо начинается на странице, которая при обычном порядке должна быть второй.

до этого 1½ пудов, ещё обещал додать 30 фунтов. Всё это на посадку. Платить ему будем осенью картошкой же. Была ещё одна женщина, мать той девицы, которая смотрела мои туфли. Пришла за ними всё же. Итак, я их отдала и в придачу чёрные шёлковые чулки за 3 пуда картошки, 1 десяток яиц и ½ мяса. Немножко жалковато, правда, для меня они хороши, слишком высокие каблуки, а я ещё худая такая да длинная, это я себя утешаю. Да ещё новость сезона — купалась в первый раз, вода приличная, прохладная, а было жарко, только окунулась немного; вспомнила наши купанья. Вечером Игорь принёс «Правду» от 31 мая, очень быстро стали прибывать газеты из Москвы, на следующий день уже здесь. Читать было темно, легли спать, газету взяла с собой, а спим мы, как я уже писала, наверху с ним. Ночью проснулась от грозы. Сильно освещало, а я, как ты знаешь, трусиха, но гроза, к счастью, быстро прошла. Утром, рано услышала голос бригадира, дал наряд нам обоим идти стричь овец, вернее держать их, а стричь будут другие. Прочитала газету… и началась трудовая жизнь. Зовут пить чай, допишу попоздней.

Кончили чай, продолжаю. Надо выполнить свой письменный план, хотя бы вечером написать ещё Николаю Леонидовичу и Любови Оскаровне. Клавдя Филинкова, между прочим, на два письма Анны Николаевны не ответила.

Настроение у меня немного поднялось, а то было пониженное, получше стали питаться, есть молоко, картошка, вот с хлебом всё ещё затор. Вчера выдали опять рожью на 5 дней, но сказали, что уже это в последний раз, мельницы заработали, в дальнейшем будут давать хлебом. Авансом на трудодни дали 4 кило ржи, так, чтобы нам дополнить паёк. Молоть эту рожь очень утомительная и длинная процедура.

Сегодня надо обязательно заняться этим делом. Насчёт возвращения домой пока повременю, здесь более или менее обосновались, очень много дела с огородом, ещё не всё засадили, остались помидоры, растут дома в ящиках пока. Возлагаем большие надежды на пчёл, взяли у одной 1 кило мяса за будущий мёд. Если он будет в урожае, то охотники на него найдутся. Так вот и живём. Игорь собирается сдавать географию, остаётся ему немецкий язык, химия, физика и конституция. Понемногу одолеет всё.

Рыбная ловля ему не удалась, и он к ней охладел, а мне совсем некогда с ним вникать в это дело. Хорошо ещё, что щавель он доставляет. Надо сказать, что он не практик, а мечтатель. Так, например, в огородных делах, всё придумывает какие-то опыты, например, разводит тыквы в бутылке, вместо овощей выкапывает полевые цветы их и т. д. Предоставили свободу ему в этом отношении.

Природа чудесна, тебя не хватает мне донельзя, поймите это. Целую тебя много раз, тоскую по тебе очень. Лёля.

37-е.

Ильинское. 3/VI-42. Среда, 4 ч. дня.

Дорогой Серёженька!

Сегодня получили твои два письма № 94 от 10/V и 100 от 21/V. Ты уже давно вернулся в Сталинск, а мы ещё получаем письма из Кемерово. Но всё это вносит разнообразие в нашу монотонную жизнь. Ты, пишешь, что послал открытку Алёше и тёте Кате, но тёти Кати нет в живых, как я тебе уже и писала, а что с Алёшей и его семьёй неизвестно. Жив был Миша, и он прислал перевод денег на Аню в Ярославль, в котором и сообщил о смерти тёти Кати, но, когда это было и при каких условиях, ничего не написал. Более никаких сообщений оттуда не было. Уже давно раньше, не получая от неё писем, я писала в домоуправление, где она проживала, и просила ответить, жива ли она? И что с нею? Ответа никакого не получила. Вообще за последнее время писем, кроме твоих, приходит мало. Петру Николаевичу послано нами, как он директорствует, письма три, ответа нет. Иногда пишет Николай Леонидович Рубинштейн, ярославцы тоже пишут нечасто. Но это и понятно, так как у них заботы много о существовании. Завтра Лена именинница, исполнилось ей 32 года, время бежит. Я с воскресенья чувствую себя нездоровою, расстройство желудка, а поправить его нечем, в былое время очень помогал кагор, но теперь всё отошло в область предания и ничего не поможет, желудок расстроен, понос, а есть хочется, хотя всё кажется невкусным, очень ослабла, еле брожу. Исхудала до невероятности, теперь и окрепнуть не с чего, так как питания усиленного нет, лишь бы чем-нибудь набить бы брюхо. Яиц покупать немыслимо, да их и не продают. У кого есть, меняют в колхозе на рожь, за 10 штук 3 кило ржи. Мы тоже сменяли однажды десяток за 3 кило, добавили к пайку.

Остальные все здоровы. Лёля ушла на работу одна по стрижке овец. Колхозницы стригут, а нам приходится их держать, вчера и я была на работе, полдня Лёля, вторые полдня я, а сегодня хотела идти в больницу, но врачи сегодня в расходе, так и не пришлось попасть, пойду завтра. Игорь вчера сдавал ещё один зачёт за II-е полугодие, сдал на отлично, теперь у него ещё четыре зачёта и всё. Наверно, перейдёт в 8-й класс. Сейчас он на той стороне реки, лежит на песке. Вырос он очень. С ловлей рыбы у него дело не клеится. Как-то на днях на прошлой неделе принесли они с Лёлей 3 небольшие рыбки-плотвички, сварили суп с картошкой. Вчера обменяли Лёлины чёрные туфли с французскими каблуками за 3 пуда картофели, 10 штук яиц и кусочек мяса солёной баранины. Сегодня думаем за ней идти, возьмём пока не всю, только половину. С молоком тоже кое-как тянемся. С 6-го обещают выдавать печёным хлебом, это гораздо для нас удобнее. Один ильинец, сын Новикова, 7-го едет в Москву, где он слу-

жит, у отца был временно на поправке, Лёля думала ехать вместе с ним побывать в Швейцарском доме, но так как пропуск дадут только вместе с Игорем, то решили по многим причинам не безызвестным и тебе, поездку эту отсрочить до более ясного положения. Так как повторить потом пропуск будет не так легко. Делиться продуктами на два дома нечем. Ну вот и все новости. Сейчас ½ шестого. Лёля вернулась домой с работы. Серафима Галактионовна в огороде. Погоды стоят очень хорошие, теплынь, деревья все распустились, отцвела черёмуха, пчёлы работают вовсю, на Петров день 29 июня по старому стилю будем угощаться мёдом. Ну до свиданья, Серёженька! Будь здоров! И желаю успеха в твоих делах. Твоя Мама.

Целуем крепко, шлём привет! Твоя Мама, Лёля и Гога.

38-е.

Ильинское. 5/VI-42 г. Пятница, 6 ч. вечера.

Дорогой Серёжа!

Не знаю, правильно ли я пишу № письма — 37 или 38. Что-то сбилась с толку. Вчера я была в больнице по поводу своего желудочного заболевания. Но только посмотрели и поговорила с врачами. Лечения дать мне никакого не могли, так как нет лекарств. Ни касторки, ни карлсбадской соли. Прописали рецепт, нужно идти в Пречистенскую аптеку. Рецепт положила на комод под салфетку, тем и ограничилось моё лечение. Сегодня чувствую себя лучше, понос мой прекратился. Но зато Лёля заняла сегодня мою позицию. Спят они с Игорем наверху в светёлке, пришла утром вниз и говорит, что всю ночь спала плохо, тошнило и тоже понос. Приняла желудочные капли. Назначена она была сегодня на работу наваливать навоз. Работа была срочная и обязательная, так что пришлось мне её заменить, а она пошла в больницу. Она оказалась счастливее меня, ей дали касторку в _____[A], которую она и принесла, сейчас чувствует она себя ничего, дали ещё салол. Игорь ходил сегодня сдавать зачёт по конституции, сдал на отлично, к часу пришёл домой обедать, ходил Гога на почту, было только одно письмо от Вари, там всё у них по-хорошему, огород у них произрастает. Третьего дня Серафима Галактионовна и Лёля ходили в Ивановское получать картошку за туфли. Взяли 1½ пуда и немножко сухих белых грибов, одни шляпки. Основную картофель возьмём позже, когда съедим эту. Ещё она даст 10 штук яиц и кусочек мяса, это принесёт сама. Вчера втроём ходили вечером в Волосово к дяде Алексею, он дал ещё 33 фунта картошки, заимообразно для посадки, так что всего дал 2 пуда 5 фунтов, видишь, как хорошо. Но так как

[A] Одно слово неразборчиво.

картофель мы посадили и больше сажать негде, то эти 33 фунта будем кушать, вчера же ещё в одном месте удалось достать крынку очень хорошей сметаны, что за неё придётся платить, не знаем, скажут позже. Во всяком случае сейчас у нас есть немножко топлёного масла, сметана, с десяток яичек на расход по кухне, и мы живём. С завтрашнего дня начнут выдавать печёным хлебом, это тоже хорошо. Мои письма, Серёжа, набиты только одним съедобным. Наверно, тебе наскучило их читать. Ну вот пока и всё, тороплюсь дописать письмо и сдать его, чтобы завтра ушло, так как в воскресенье почта выходная.

Крепко целуем, пиши.

Твои Мама, Лёля и Гога.

Значит, у тебя новая гимнастёрка. Поздравляю. Жаль только, что чёрная. Наверно, в ней будет летом жарко.

7/VI.

Милый Серёжа!

7 ч. утра. Недавно встала, сходила на речку за водой и принялась за письмо. Игорь ещё спит, а бабушка копошится на кухне. Купаться пока нельзя, только три раза выкупалась, наступило похолодание, жалеем, что нет дождя, нужно поливать гряды. Хотя огород небольшой и поливаем не всё, и то нужно вёдер 20 приносить, утомительно довольно. Думаю о тебе и твоих огородных возможностях, ты — огородник лихой. Наш огород, и то благодаря маме, так как мы все неопытны в этом отношении, принимает уже вид настоящий, все овощи взошли и картошка в том числе, огурчики, она говорит, четвёртый лист пускают, помидоры, тыква и т. д. Уже она всё выполола, так что всё в порядке. Пчёлы также полётывают, но мёду не ожидается раньше месяца-полтора.

Позавчера я поболела немного и всё по своей невоздержанности. Знаю хорошо, что нельзя, а всё не удержалась. Поела, когда собирала, щавлю да дидлю[A], а ночью и началась катавасия: рвота и понос. Сразу ослабла, ходила к доктору, дали с трудом касторки и салолу (лекарств нет). Врач предупредил (а я не сказала, что поела зелени), что нужно быть очень осторожным в еде, так как организм совсем ослаблен. Дело кончилось одним днём, ничего в этот день не ела и желудок наладился. В тот день не ходила на работу, а вчера пололи мы на поле. Дело нехитрое, но утомительное, в наклонку всё, смерили нашу работу. Оказалось, по 6 соток на человека, а какая норма выработки ещё неизвестно. Сегодня туда же пойдём.

[A] Так в подлиннике.

Вечером Игорь принёс газету «Известия» от 5/VI и читала вслух. Быстро стали поступать газеты, без задержки. Мы таким образом знаем известия раньше тебя, только вот радио нет уж совсем. Прерву письмо.

Стали пить чай. А потом отправились на работу. Накрапывал дождик, дошли до поля, больше стал. Никого там не было, и мы пошли обратно. Зашли к одной колхознице, пока дождь — не пойдём.

Вот поэтому опять и продолжаю. Только пожелала дождя, а он тут как тут, как по щучьему велению. Выставила кадки для воды. Вот сейчас пожелаю, чтобы ты приехал, и ты бы явился, но это уже чудо, а чудес на свете не бывает. Вчера получили твоё 101-е письмо. Ты бы тоже хотел к нам перенестись, милый ты мой, посмотреть на нашу жизнь, а главное побыть с нами, обо всём поговорить. Ведь, столько времени не видались, тут можно, да за такое тяжёлое время, и человека не узнать, так он изменился. Ты прав, в письме всё не передашь, да и начнёшь писать, думаешь одно, получается несколько иное, что-то изменённое, другие оттенки. И всё же мы переписываемся хоть часто, не как другие. В этом отчасти находишь утешение. Получишь от тебя письмо и успокоишься.

Вот хотелось бы написать одно, да в письме не передашь. Как бы это получше выразить. Зайончковский в общем оказался в выигрыше. Променял старую жену на молодую, правда, не по своей вине. Он, наверное, и не жалеет, что в своё время уехал из родных мест. А вот ты там один, жены с тобой нет, а молодых сколько хочешь. У меня сейчас нет совсем чувства ревности, поверь мне, а есть только желание, чтобы ты жил хорошо. И если ты устроишь свою судьбу иначе и будешь счастлив, я тоже буду довольна. Время приближается к году, как мы расстались, а это очень большой срок.

И, может, Зайончковский прав, нужно жить, пока живётся. Конечно, если бы другое время было, я бы сказала, что он не прав. Связывать свою судьбу с молодой девушкой, когда сам уезжает. Вот мои размышления по этому поводу. Они, может быть, для тебя не новы, но сейчас они ещё больше продуманы. А, впрочем, как ты сам говорил, это по расписанию не делается, а бывает стихийно и даже независимо от человека.

Был здесь один военный на побывке у родителей. Сам москвич. Часто заходил к нам, подолгу сидел, хотел меня с Игорем подучить рыбной ловле, да ничего не получилось у нас, т. е. у него-то, по его словам, получалось, а вот у нас ничего. Учил не на удочку, а на перемёт, а ещё лучше неводом бы ловить. Но, в целом, рыбы в Соти немного и нужны большие старания, чтобы что-нибудь поймать. Помню Духовницкий едва-едва наскрёбывал на уху, а умел ловить. Так что у Игоря всякая охота пропала к этому делу. Он прочитал как-то в «Известиях» статью «Как получить двойной урожай картофеля» и за-

горелся этой проблемой. Стал сам вскапывать небольшой участок. Ему никто не мешает.

Так вот этот новый знакомый не советует ехать сейчас домой, советует пробыть в деревне до осени, подзаработать здесь кой-какие продукты, развести в огороде, и тогда всё и выяснится к тому времени.

Слишком к нам он зачастил, так что я была довольна, что в конце концов он уехал вчера. Написала Наташе письмо, и он обещал к ней занести и рассказать про наше житьё-бытьё.

Игорь ушёл за хлебом (второй день, как нам стали давать хлеб), пойду его сменю.

Скоро год войны. Помню прекрасно слова Лёши Иванова относительно этой даты. Помнишь ли этот день? Да как не помнить. Целую Лёля.

38-е[A]

Ильинское. 9/VI-42. Вторник. ½ второго.

Дорогой Серёжа!

Вчера получили письмо от Филинкова, которое в целом и пересылается тебе, так как переписывать долго. Письмо очень неприятное, хотя и начинается с того, что всё хорошо, прекрасная маркиза. Всё хорошо! Всё хорошо! В результате нет мебели, упоминается вскользь о каких-то крупах, о разбитых на террасе окнах, но думается нам, что это далеко не всё, так как мебель исчезла ещё в феврале, до сих пор про это всё мы не знали, хотя переписка велась всё время. Спросить, понятно, не с кого, так как без хозяина дом сирота.

Беспокоят меня очень подушки и вообще всё остальное, раз разбиты окна, то могли хозяйничать и в самой квартире, главное никто никакой ответственности не подлежит, никому ничего не сдано, и никто не отвечает. Не знаю, как сундуки? Были ли они закрыты у тебя и если[B] теперь что-нибудь в них? Не знаю, что сказать о Петре Николаевиче (Где зарыта собака?). Он утешает нас тем, что у него тоже оторвали форточку, но это мало нас утешает. Сообщает, что начал слушать симфонии.

Сейчас получили твои письмо № 103 от 26/V и открытку 104 от 27, 105 от 28/V, ты пишешь, что получил письмо и квитанцию на 150 рублей от Петра Николаевича, но тебе он про это ничего опять не пишет. Для меня, Серёжа, непонятно, из какого расчёта приходится квитанция 150 рублей (За месяц нужно без копеек 60 рублей. За сколько же уплачено?) Проси его выслать квитанции

[A] Так в подлиннике — второй раз № 38.
[B] Так в подлиннике.

на 360 рублей, посланных музею нами, а Филинкова квитанции оставь пока у себя. Мы тоже было хотели тебя не волновать и не писать, что делается в Швейцарском доме. Но решили, что худая правда, лучше хорошей лжи, поэтому и пишем. Ориентируйся ценами и подумай, сколько нужно денег, чтобы прожить в данное время в тех палестинах, где мы жили раньше, учитывая нашу бездеятельность. Относительно Малмыжа подумай, может что и получится дельное. Напиши своё мнение насчёт письма Петра Николаевича.

О себе могу сообщить, что все здоровы, огород наш домашний процветает, всё засажено и уже стало расти. Колхозные наши работы идут своим чередом, садим картофель и капусту, работаем каждый день, особо не устаём. У Гоги зачёты двигаются и скоро придут к концу, пока всё отлично. Из Ярославля писем больше не получали. За день до получения письма Петра Николаевича написала я ему, наверное, он ещё не получил. Завтра или послезавтра я ему отвечу на его последнее письмо и попрошу написать подробнее, когда были выбиты стёкла. Одного мы не понимаем, что же наша квартира теперь не запечатана? И у кого же находится ключ? (Как быть: Лёле ехать или нет?) Вот вопрос, на который нет ответа. Пока до свиданья! Дорогой Серёжа, не расстраивайся, ничего не сделаешь. Это теперь многим приходится терпеть. Целуем крепко! Твои Мама, Лёля и Гога.

12/VI.

Милый Серёжа!

Вчера была от тебя заказная бандероль с газетами. Ещё не успели всё просмотреть. Игорь увлёкся «Комс[омолкой]», где говорится о сборе дикорастущих. Он уж до этого в определителе растений разыскал дикорастущий чай — Иван-чай. Имел наименование «Копорского чая». Подмешивали его к настоящему торговцы. Стал собирать и сушить. Пробовали мы с ним пить, зелёного цвета, вкус пареного веника. Может быть, когда получше высушить и лучше будет. Пока так себе. Вчера он отправил тебя самостоятельно письмо. Сегодня идёт сдавать физику. Было письмо от Нюры Б[айбородиной]. Никаких новостей она не сообщает, а полна сожалений, что в своё время не вызвала мать. Полписьма уделяет распре своей с Аней. «Целый год провозилась я с Аней, высокомерной, чуждой, готовой спать все 24 часа в сутки, скулящей» и т. д. Оттенок письма неприятный, пытается оправдаться, что так всё произошло. Ну, это их дело.

У нас идут дожди почти каждый день, но вперемежку с солнцем, что способствует необычному росту растений. Буквально на глазах всё вылезает такая пышная растительность в этом году, что я и не видала никогда. Огород поли-

вать не надо. Сажали мы колхозную капусту на берегу реки, предложил бригадир нам взяться её поливать (только что посаженную нужно всё время поливать утром и вечером в течение по крайней мере 10 дней), не только нам, конечно, так как её очень много. Насилу нам удалось отказаться, т. е. собственно не нам, а мне, нужно по крайней мере вёдер 300 выносить в день. Обещали большие трудодни, но, конечно, это не по моим силам. Пока работаем посильно: полем лён. Вот уж несколько дней этим заняты. Работа нехитрая, но, как и всякая работа в большом количестве, утомительная. Выпалываем большую площадь. Иногда по трудодню зарабатываем, а это много значит, норма большая. Вчера ушли немного раньше, часов в 5, так как предстояла баня. Помылись как следует в печке, теперь я научилась и париться берёзовым веником, который можно самим же и набрать. Игорь тоже также моется, за исключением Анны Николаевны.

Завтра мама собирается в Данилов, ей нужно насчёт воска, переменить его на вощину (ну, это пчеловоды только понимают), да ещё хочет к одному знакомому сапожнику сказать насчёт своей обуви, у неё нет никакой. Всё как есть подчистилось. Придёт она, и я отправлюсь в Пречистое насчёт молока. Вот наши текущие новости дня. За всеми этими ежедневными хлопотами не замечаешь дней, стараешься ни о чем не думать. За день так утомишься, набегаешься, что ночью спишь хорошо. Спим по-прежнему с Игорем наверху, можно сказать, что для сна идеальная обстановка. Единственно, что мешает иногда — так это соловьи да кукушки по ночам. Так заливаются со всех сторон, положишь подушку на голову и спишь снова.

Твои последние планы не совсем удачны. Мама спит в Чакалёвской комнате одна, Анна Николаевна тоже одна в Катиной комнате, так что помещения у нас вдоволь, в этом отношении благодать. Зовут пить чай, закончу потом.

Продолжаю писать. Погода ненадёжная, пока на работу нельзя идти из-за дождя. Даже выпало немного граду.

Мучит неопределённость положения. Не знаешь, как лучше сделать. Сто раз решаешь и перерешаешь один вопрос. Ты знаешь какой: относительно поездки. На все лады его переворачиваешь. Не знаю, получил ли Рыскин моё письмо, я ему задаю ещё целый ряд вопросов, да и он обещал написать. Пока всё жду.

Ты советуешь ехать, оставив вещи здесь, а если придётся оттуда, из дома, уезжать, то опять всё растеряешь и последнего лишишься. Нет так не годится. Самый лучший и реальный твой план о Малмыже. Но разве ты до 15-го июля будешь занят в институте? Это ещё месяц.

Постарайся всеми силами туда перебраться. За него много говорит. Вот мы все ждём скорого окончания, говорили о весне и т. д., а дело затяжное, а зиму, как ты хочешь, надо вместе устроиться, ты согласен?

Из Малмыжа ты, конечно, до нас доберёшься, чтобы повидаться и поговорить обо всём. Это будет большой сдвиг. Только что шёл дождь и тут же солнце как ни в чем не бывало. Допишу тебе, немножко пообсохнет, и пойдём на работу.

Нам стали давать хлеб, стало много лучше и легче, не нужно мучиться с молотьём.

Игорь собирается идти в школу, я сбегаю за хлебом, и работа закипит.

Не огорчайся пропажей вещей, всё это временное. Как ты говорил: «Теряют больше иногда». Квартира за нами, сами живы и здоровы все, что исхудали и ослаблены — дело поправимое. Я чувствую себя бодрой сейчас и жизнерадостной. Ещё поборемся. До свидания. Вот тебя только хочется повидать и крепко-крепко поцеловать, тогда и все невзгоды забудутся. Лёля.

39-е.

Ильинское. 14/VI-42. Воскресенье, 9 часов утра.

Дорогой Серёжа! Только что отпили чай и хотели идти работать, но пошёл дождь и приходится пережидать. Затопила печь, чтобы сварить обед, который очень несложный, разогреть вчерашний суп и отварить на второе картофели, поджарю немножко с топлёным маслом. Одновременно решила выгадать время написать тебе письмо. В 38 номере, я тебе послала письмо Филинкова. Не знаю, получил ли ты его? Пока что ему я не ответила на его письмо, за неимением свободного времени. Я ему напишу, что поставила тебя в известность относительно событий в Швейцарском доме, чтобы он не делал из этого секрета. От тебя что-то давненько нет писем, последнее письмо было 105-е. Третьего дня получила письмо от Нюры Байбородиной, ничего нового относительно смерти тёти Кати она не пишет, послала она письмо Мише, но ответа от него не получила, и что делается в Ленинграде? Где Алёша, Шура и Галя тоже неизвестно. Письмо Нюры очень печальное, очень жалеет мать и винит себя, что не вытянула её к себе. С Аней Мишиной жили они очень недружелюбно и в настоящее время Аня с маленьким Мишей поехала в Гаврилов-Ям в колхоз работать. Начала писать письмо в 9 часов утра, продолжаю в 9 вечера. Погода: с утра шёл дождь, но через час прошёл, и Лёля одна пошла до обеда работать, я же стала готовить обед. Серафима Галактионовна ещё вчера днём ушла в Данилов. Придёт, наверное, завтра днём. Так и пришлось отложить мне своё письмо, пока топила печь, были горячие уголья, нужно было погладить бельё, которое выстирали вчера, а потом и Лёля вернулась к обеду в час дня, стали обедать. Игорь тоже был занят делами, ходил в кооператив за хлебом, дали на два дня 4 кг 800 гр., потом ходил [и] набрал на завтра щавеля. Пообедав, вымыли посу-

ду и в 2 часа пошли на работу полоть лён. Работали до 7½ час. Пришли домой уже в 8 часов, поставили самовар. Гоги не было дома, уходил в деревню Волосово за ½ км за молоком, принёс оттуда крынку молока, они нам должны за семена 16 крынок, берём только 6-ю, в запасе ещё 10 крынок. [Во] вторник Лёля пойдёт в Пречистое насчёт молока для Игоря. Второй день стоит очень холодная погода и идут дожди, огурчики наши пожелтели, им такая погода не по вкусу. Тыква тоже капризничает. Но остальное ничего. Лук зелёный уже подрос, и мы его пускаем в оборот. Ну вот тебе все текущие дела. Особо и писать нечего, дни бегут за днями, а нового хорошего ничего не видно. Боюсь, что и опять придётся здесь зазимовать, что особо плохо, это нет валенок, прошлую зиму всю промучились, а уже эту не знаю, как. Тогда хоть были боты крепкие, а за зиму и они износились. Скорей бы конец войне, чтобы попасть домой и собраться всем под одну крышу, и ты изморился, и мы тоже. Ну ладно! Терпели много, теперь уж, наверно, скоро разобьют проклятых немцев, и всё пойдёт хорошо!

От Лены и Папки давно нет писем. Работать теперь придётся много, так как скоро сенокос. Урожай обещает быть хорошим, только нужно постараться вовремя всё собрать. Сейчас нужно всем помогать уборке и малому, и старому тогда будет хорошо. Напиши побольше о себе, как себя чувствуешь, я часто вижу тебя во сне и бываю очень довольна. Завтра, наверно, получим твоё письмо, сегодня почта выходная. До свиданья, дорогой Серёжа. Привет ото всех нас. Наши пошли спать, пока писала стало темно, лампу мы не зажигаем, нет лишнего керосину. Завтра утром Игорь напишет сам, просил оставить местечко.

Крепко целую. Твоя Мама.[A]

15/VI-42.

Дорогой папа!

От тебя уже не было несколько дней писем. Сегодня должно быть несколько штук. У нас уже несколько дней стоит холодная погода, ветер и дождь. Я и мама уже давно ходили босиком, а теперь пришлось опять одевать тапки и пальто. У бабушки в огороде от холода вянут огурцы, помидоры. Если холода не кончатся, то они и совсем погибнут. А капусте такая погода нравится, и она растёт лучше всего. 12/VI я ходил в Кузнецово сдавать физику. Поставили отлично. Следующий предмет буду сдавать химию 20, и тогда останется один немецкий язык. В Кузнецове у бабушкиной знакомой взял 2 гусиных яйца. Она их меняет на куриные по 2 штуки за 1 гусиное. Бабушка хочет их высидеть, ей обещали дать наседку. Вчера та же знакомая принесла ещё 2 яйца и обещала ещё. Всего нужно около 10 штук. Сейчас отнесу это письмо и получу письма.

[A] Далее письмо продолжено рукой Игоря Дмитриева.

Газеты стали приходить очень быстро, вчерашняя «Правда» и «Известия» сегодня уже у нас. До свиданья! Крепко тебя целую. Игорь.

17/ VI.

Дорогой Серёжа!

Вчера я ходила в Пречистое. Погода стоит холодная, шла в пальто и калошах, босой холодно. В дороге были приключения. Сколько раз ходила туда и не блудилась, а тут лукавый подшутил, да и как. Как-то шла себе спокойно, задумалась о чём-то, а тут от одной деревни ответвление было, да все дороги заросли густо травой, ничего не разберёшь, я и попала на другую, и так далеко зашла, заблудилась окончательно, дорога кончилась, началась тропинка, а затем и она исчезла. В общем, путалась часа два и вёрст десять лишних сделала, в Пречистое попала совсем с другой стороны. Там заплатила за 10 литров молока 13 рублей 20 копеек, в Сберкассе получила выигранные 37 рублей 50 копеек, отправила Сергею Васильевичу 150 рублей. Затем пошла в Исполком. Дело в том, что местные власти часто превышают свои полномочия: всем нам троим прислали повестки, что мы мобилизованы на сельскохозяйственные работы, в противном случае должны быть привлечены к уголовной ответственности. Анна Николаевна и так работает, а маме, как ты знаешь, 75 лет, и она не работала, а тут тоже прислали. Председатель Исполкома написал, что она мобилизации не подлежит. «Какие у вас чудаки там находятся». Просила я у него чего-нибудь из продовольствия, мыла, но ничего не вышло. Обратно шла очень усталая, под конец насилу добрела. Дома была в 8 часов вечера, а вышла в 9 часов утра. Почти нигде не отдыхала, а всё была в дороге.

Так сразу и бросилась на постель. С собой было яичко, да в Пречистом одна знакомая дала два стакана молока, хлеб был, так что я была сыта. Дома ждало от тебя письмо № 109, а накануне была большая почта — всего 6 писем. От тебя №№ 107 и 108, от Лены, от Наташи, от Вари и Насти. В Варином письме было вложено письмо от Али. У них в конце апреля родился сын, назвали его Виталием. Второй племянник у нас с тобой Виталий. Немного получше у них стало с питанием, появилась рыба, сельдь-полузалом[A], жирная, жарится в своём соку, годится для балыка. Покупают у рыбаков прямо по 3 рубля штука. Если бы было можно, то послал бы посылкой, но, увы! В остальном всё осталось по-прежнему. Вадим перешёл во 2-й класс первым отличником.

Наташа также пишет о своём житье-бытье. Александр Александрович только поступил на работу, как тут же его взяли на трудфронт 22-го мая. Ниче-

[A] Сельдь залом — самый крупный представитель волжского семейства сельдевых весом до двух килограммов и длиной в пределах 36–52 см.

го от него не получила. Катю было тоже назначили туда же, но она поступила в подмосковный колхоз и там работает. Сама она вертится как белка в колесе, дали участок для огорода, надо ехать в метро, а потом 2 км пешком. Ленушка[A] её уже лопочет, но сейчас заболел бронхитом.

Буду дописывать позднее, сейчас иду на полку пшеницы. Обеденный перерыв. Обед был следующий: из ржаной муки клёцки, затем картошка, немного поджаренная с луком и по полстакану молока, хлеба два кусочка. В общем, напитались. Сейчас немного получше стало, вот картошка есть, свой уже зелёный лук, щавель, а молока понемногу достаём.

В обед принесли почту. От Шуры пришло, Кати и Николая Леонидовича. Шура пишет, что чувствует себя лучше, к нам пододвинулись они ближе на 40-60 км (?). Можно понимать двояко. Наши письма получил, адрес тот же. Возможна командировка его на Урал. Катя рассказывает о своей работе в колхозе. Встаёт в 5½ часов и уезжает, приходит домой в 9 часов. Ребро у неё зажило, но осталось искривление и продолжается ломота. В целом письмо довольно бодрое, на воздухе поокрепла всё же. Жалеет, что ничего нам не может помочь. Выходные дни бывают. Николай Леонидович так же, как и тебе, пишет о Малмыже. Сам он раньше августа не освободится. Дмитрий Леонидович в Москве, и его, конечно, тянет туда же. Но до августа ничего и предпринимать не будет. Завтра мой день рождения и именины Игоря. Ты, по-видимому, не получил того письма, где я тебе об этой дате писала, ты сам спрашивал. Я ни в какой степени на тебя не в претензии, всё это совершеннейшие пустяки, а так только к слову пришлось. Так завтра испекут наши хозяйки небольшой пирожок чем-нибудь отличить этот день.

Сейчас меня зовут на работу. Руки все исколоты и чёрные, где мой маникюр? Помнишь, тебе показывала свои руки. Мы с Анной Николаевной стали обе загорелые, как никогда не были. Я чувствую себя сносно пока, головных болей нет, спина только от усталости понывает, но с этим примириться можно.

До свиданья, мой любимый, крепко тебя целую. Жду соединения. Лёля.

40-е.

Ильинское. 19/VI-42 г. Пятница, 7 ч. вечера.

Здравствуй[B], дорогой Серёжа! Сразу начала со вранья писать, хотела написать покрасивей и в слове «здравствуй» сделала две ошибки, поставь за такое писание мне неуд. Сейчас только вернулась с работы с полки пшеницы, надоело до лешего! Травы бездна, полоса большая 35 соток. Погода вперемежку с

[A] Речь идёт об Алексее Эгерте.

[B] В подлиннике в этом слове сделано несколько исправлений.

дождём. Получили твоё письмо за № 110-м от 7/VI. Очень рада за тебя, что ты развязался с огородом, поди он тебе надоел, в особенности без привычки, да и устал наверно? Но всё же ты молодец, справился и с этой задачей. Теперь вопрос в том, придётся ли тебе воспользоваться трудами рук своих. Возможно, что ты уедешь в Малмыж, и тогда твой огород достанется кому-нибудь другому. Будет ли тебе так хорошо в Малмыже, как в Сталинске? Ты здесь, как говорят, пришёлся ко двору, тебе везло во всех отношениях. Я ужасно боялась, когда ты уехал, чтобы тебя не постигла участь Марголина, т. е. чтобы ты не обносился, не отрепался и не бедствовал. Но слава Богу до сих пор этого с тобою не случилось, ты даже приобрёл себе много новых хороших вещей, не нуждался в копейке. Думаю, что и в другом городе ты не потеряешься, хотя в Малмыже кроме как службу другой добавочной работы не найдёшь и придётся довольствоваться только зарплатой. (Очень жаль мне Марголина, что он так бедствует). Насчёт питания тебе там тоже будет, наверное, поплоше. Подумай хорошенько надо всем, хотя вопрос очень трудный. Я не знаю, получу ли я пропуск, Лёля и Игорь возможно получат, но мне, думаю, вряд ли дадут. Что они будут делать вдвоём там? Лёля, ведь, так там жить не сможет, нужно ей где-нибудь работать, а как же будет дома. Ну, ладно, сначала нужно постараться достать пропуск, а потом уже видно, как и что будет. Теперь ведь как! Думаешь одно, а получается другое, ничего не рассчитаешь заранее. Послала ответное письмо Филинкову и написала, что тебе всё известно от меня. Ещё просила его написать, куда уложены книги — в полки в твоей комнате или в общей квартире на полу? Одновременно с его письмом написала письмо Евдокии Исаевне Кузнецовой, сиречь Дуняше, поблагодарила её за тщательную уборку квартиры и просила написать, куда она уложила твои книги. Может быть, она ответит, и тогда узнаем, насколько правдив Пётр Николаевич. Ну вот пока и всё. Завтра 20-го у Игоря зачёт, потом ещё один последний, и всё. Рыбная ловля его закончилась ничем, больше рыбы словить ему не удалось, поймал всего один раз три рыбки и с Лёлей тоже три. Теперь он ходит за щавелём. Это стало наше дежурное блюдо, варим его, студим и едим холодным. Вчера Игорь был именинник и Лёлино рождение, по этому торжественному дню пекли пирог с картошкой, маленькую ватрушку с творогом и какао, которое сохранилось с Кускова, получили к какао по куску сахара тоже Кусковского. К обеду молочная лапша, картофельные котлеты с грибным соусом, и по стакану кислого молока, в роде простокваши. Все были настроены торжественно, в особенности именинник. (24 июля. Лёлины именины). Не забудь!

Папке 16/VI Лёля из Пречистого послала перевод на 150 рублей. От них было письмо, там все здоровы. Ну до свиданья! Дорогой мой Серёжа, пусть

хранит тебя Господь! Держись крепче, не тоскуй, всё уладится, придёт время. Твоя Мама.

20/VI.

Дорогой Серёжа! Только что получила письмо от Петра Николаевича. Полностью пишу тебе его содержание.

«Дорогие Анна Николаевна, Ольга Алексеевна. Привет! Сегодня получил Ваше письмо, от Вас имею очень редко письма. Удивительно, почему такая задержка. Огорчён описанием Вашей внешности. Анна Николаевна, Ольга Алексеевна и Гога, видимо, Вы все похудели от тоски по дому и разлуки с Сергеем Сергеевичем. Сообщаю свои достижения. 7/VI были изломаны у меня двери в 4 часа дня и ограблена комната, украли ценный сервиз, статую, два костюма. Очень жаль, я сделал из фрака чудного сукна. Лакированные туфли, всего около 10.000 рублей. Так опостылел мне после этого одинокий заброшенный никому не нужный Швейцарский дом, что я подал заявление переменить комнату. За весну и лето это случай № 2. Приду в комнату и теперь даже так зимне всё, неуютно. От Клавы писем не имею совсем, пользуюсь слухами, говорят, что она работает. Муза выздоровела и в детсаду, получил через оказию письмо, и с той поры нет. Бендет не приезжали, Цыловы прописаны, карточки получили. О приезде Ольги Алексеевны в Москву отвечаю. Прошлогодние концерты почти прекратились, очень-очень редко бывают. Работы много, поступить можно. Мне кажется, что надо бы в квартире иметь хозяйский глаз. Наш дом беспомощный, глаза постоянного нет. Я не знаю, как Вы кушаете там, но здесь всё-таки прожить можно. Я бы поехал домой, тем более, Вы там не цветёте, а прошлогодние страхи потеряли значение. Их нет, всё спокойно: бояться нет причин. Неужели я эту зиму буду один в доме. Страшно подумать. Сезон в театре идёт хорошо, публики много, сборы по 5.000 рублей в вечер, кино пока нет, даю спектакли и концерты. Погода стоит холодная, много дождей. Музей развёл огороды, свиней и т. д. Маленький совхоз. Аккуратно отвечаю на Ваши письма, пишу сам и виновным в молчании себя не признаю. Искренний дружеский привет Вам, до скорой встречи. Филинков».

Вот какое письмо получено сегодня. Всё, что подчёркнуто, подчёркнуто им. Что-то нужно предпринимать? а что? Кто знает. Всё же начали хлопотать усиленно[A].

[A] Текст последнего абзаца написан на свободных левом и нижнем полях последней страницы письма.

22/VI.

Дорогой Серёжа!

Не знаю, как напишу тебе письмо: полдня колола дрова и совершенно не работают руки, не держат перо. Усиленно готовлюсь к отъезду в Ярославль. Вчера с мамой ходили на Шишкинскую мельницу, у нас был запасной пуд ржи, от нас 7–8 км. Удалось удачно смолоть без очереди, а то большая очередь. Довольно быстро вернулись обратно. Единственный день выдался без дождя, а то настоящая осенняя погода с мелким дождичком, также и сегодня. Сейчас с утра мама с Игорем пилили, а я колола, чтобы им было чем топить без меня. Анна Николаевна готовит обед, ходила было она полоть, да вернулась обратно, очень сыро.

Сегодня поставят хлеб, и завтра испекут мне на дорогу, также и вымоемся, а послезавтра поеду в Ярославль хлопотать о пропуске. Мысли как-то разбросаны, много толковали на все лады, да всё равно ничего не придумаешь. Не знаем, дадут ли Анне Николаевне, всего вероятней, что нет. Ну, одним словом, там узнаю. Конечно, предстоит большая ломка опять, вещи не возьмёшь, только часть, а, впрочем, может, и пропусков не дадут. Делать же что-то надо, только тех сил, которые были в прошлом году, убавились на энное количество и поэтому всё, всё трудно преодолеть.

Всё зависит от меня, а мне самой бы хотелось на кого-нибудь опереться. Прости, я так немножко распустилась, надо взять себя в руки. Это необходимо. Оставаться бы здесь, конечно, имело бы смысл до осени, всё-таки кой-какие перспективы есть, всё, как говорится, на мази, пчёлы скоро будут давать мёд, огород в исправности, есть лук, картошка большая, урожай хлебов ожидается хороший, будут грибы и т. д. Дрова также заготовлены. Но Филинков пишет тревожные письма насчёт квартиры, может он всей правды не пишет, и у нас уже половины вещей нет, всё возможно. Сам он даже хочет выехать из Швейцарского дома — всё это заставляет ехать. Вопрос решённый. Буду писать из Ярославля, хотя долго там быть не собираюсь, только эти дела. Оставлю страницу для Игоря. Он сейчас ушёл на почту, наверное, что-нибудь принесёт. Рука стала лучше строчить, а то совсем бросай. Что-то свидетельств об окончании в школе у них нет, придётся, видно, самой сходить к директору уже после. Напишу после, как придёт Игорь. Вспоминается всё время Лёша, он у нас был прошлый год в это время. Но что с ним теперь — ничего неизвестно и узнать никак нельзя. Так жаль его. Игорь пришёл, но писем нам никаких нет. Заканчиваю на этом. До свиданья, целую. Лёля[A]

[A] Далее письмо продолжено рукой Игоря Дмитриева.

Дорогой папа!

20 я ходил в Кузнецово и сдавал химию, учительница поставила отлично. Остался только один немецкий язык, его в этом классе проходят по 6 классу и мне надо только повторить. Сдавать его буду 25, и тогда уже будет всё. В школьной библиотеке нет никаких интересных книг, да и вся она в одном маленьком шкафике. Дала мне библиотекарша 2 журнала «Интернациональная литература», в них есть «Пламя на болотах» В. Василевской[A] и много других рассказов. Мама тоже будет их читать. Погода всё время нехорошая, холодно и всё время идёт дождь. Когда погода потеплеет, должны пойти грибы, я уже ходил один раз, да нашёл только один гриб, а теперь трава сырая и холодно. В огороде от холодов плохо приходится огурцам и помидорам. Они почти и не растут, а только желтеют, некоторые совсем погибли. Тыква растёт хорошо. Одну я посадил очень рано, и она начала цвести. Сегодня я нашёл под горой хмель и выкопал его. Не знаю только, примется ли он: корень был очень длинный, и я оборвал его. Рыбу я давно не ловил, всё погода нехорошая. Сегодня от тебя писем не было, может завтра будут.

До свиданья! Крепко тебя целую. Игорь.

41-е.

Ильинское. 25/VI-42 г. Четверг, 7 ч. вечера.

Дорогой милый Серёжа! Только что вернулась с работы, и прямо сажусь за письмо. Опять сбилась с толку, который № 40 или 41, решила, что 41-е. Почему-то от тебя этот раз нет давно письма? Последнее твоё письмо было за № 110 от 7/VI, получили мы его с неделю тому назад и теперь уже начинаем беспокоиться, здоров ли ты? Моё предыдущее письмо, в котором я писала о получении письма от Петра Николаевича и переписала тебе содержание его письма. Всё же его письмо произвело на нас впечатление, и получился некоторый сдвиг. Его письмо мы получили числа 20 или 21-го. А сегодня Лёля уехала в Ярославль, захватив все документы Игоря и мои, попробует достать пропуск, если возможно на всех. Игорь пошёл её провожать на поезд, который, говорят, пойдёт в 6 часов вечера из Макарова. Ушли они в три часа.

9 часов. Письмо моё прервалось, пришёл бригадир, и мне пришлось с ним уйти промерить свою работу. Сейчас вернулся домой Игорь, поезд ушёл минут 20 седьмого, проводил Лёлю благополучно. Серафима Галактионовна ушла в Волосово за молоком, там нам ещё должны 6 крынок, а там ещё где-нибудь поразмыслим. Петру Николаевичу я ещё на его письмо не ответила, во-первых, нет время, а во-вторых, нужно дождаться Лёлиного приезда из Ярославля,

[A] Роман В.Л. Василевской «Пламя на болотах» (1940).

что-то ей там ответят? Тогда и напишем ему, думаю, что Лёля долго в Ярославле не загостится по той причине, что там есть нечего, взять что-нибудь лишнего [с] собою она тоже не могла, так как и у нас не особо много, послать что-нибудь ребятам я не могла. Лёля взяла для себя два хлеба, которые испекли дома, три яйца, три бульонных кубика, ½ литра молока. Ну вот и весь запас. Снабдили её ещё наши ильинцы некто Новиковы (это наш почтальон), у него две дочери в Ярославле на тёпленьких местечках. В случае крайности, мол, обратитесь к ним. Не знаю, что из этого получится? Не знаю, писала тебе Лёля или нет? Позавчера получила Лёля открытку от Рыскина. Особо существенного в ней ничего не пишет, а так ходит кругом да около вопроса поездки в Москву, пишет что-либо положительного о её приезде в Москву советовать воздерживается, так как даже своей жене воздерживается написать, чтобы приезжала, а пишет ей, что на всякий случай разводи побольше огород и купи поросёнка, будет лишний, можно продать.

26/VI, 6 часов утра, так вчера и не закончила письма. Стало темно, вернулась из Волосова Серафима Галактионовна. Стали пить чай и закусывать. Удалось ей ещё сменять старые ботинки на 12 крынок молока (значит, снова жив курилка), теперь скоро поспеют грибы, так как дожди каждый день, вчера уж мы варили суп из свежих грибов, правда, их ещё мало, но теперь уж они пойдут. Всё же у нас в этом отношении лучше Ярославля в смысле того, что можно самим собрать и грибков, щавелю, а бедным ярославцам всё нужно купить на базаре, так как самим ходить далеко и некому. Что-то от них тоже давно нет писем. Слышала я, что за последнее время у них были гости, гостили несколько дней и пришлось за ними ухаживать. Были и там, где работает Сима Потехина. Не знаю, здорова ли она? Писем давно от них нет. Ну вот пока и всё, сегодня, думаю, всё-таки твоё письмо придёт, наверно, застряло в пути. Скоро начнут вставать наши, нужно греть самовар, пить чай, завтракать и идти работать. Игорь сегодня пойдёт сдавать зачёт по немецкому языку, это последний. Вчера ходил, а её не застал. Свидетельство о окончании 7 класса директор школы обещал выдать, Игорем он доволен и говорит, если бы все ученики так хорошо занимались и знали, то было бы гораздо легче учить. Впрочем, Игорь сам напишет, просил оставить страничку. Ну Серёжинька! Будь здоров и благополучен во всех твоих делах. Пиши чаще, не тоскуй, может скоро и увидимся. Лёля, наверное, тебе напишет из Ярославля сама. До свиданья! Пойду будить Серафиму Галактионовну и Игоря, они спят наверху в светёлке, а я в комнате.

Целую тебя крепко, мой родной дорогой Серёжа, не падай духом, бодрись, это необходимо. Твоя Мама[A].

[A] Далее письмо продолжено рукой Игоря Дмитриева.

26/VI-42.

Дорогой папа!

Вчера мама уехала в Ярославль за пропусками. Дали ей билет только до Данилова, а там опять дадут. Народу было мало, и она села хорошо. Сейчас получили от тебя письмо от 17/VI — № 115. Значит, не пришли №№ 111, 112, 113 и 114. Наверное, ещё придут. В письме ты пишешь, что получил письмо бабани № 38. Она думает, что послала в нём тебе письмо Петра Николаевича и очень удивляется, что ты о нём не говоришь. Наверно, она послала два 38-ых. Сегодня я ходил в Кузнецово и сдал немецкий. Дали мне свидетельство, что я окончил седьмой класс по всем предметам на отлично. Грамот у них нет, если будет, то пришлют.

Бабушка достала клуху и посадила её на 4 гусиных яйца, через неделю (29) подложит ещё 7 куриных, и они выведутся одновременно. Только курица плохо сидит, всё рвётся да есть просит. Сейчас пойду за щавелём, его много на той стороне реки.

До свиданья. Крепко тебя целую. Игорь.

42-е.

Ильинское. 26/VI-42 г. Пятница, 7 ч. вечера.

Вчера в это время тоже писала тебе письмо, но закончила его утром, так как Гога просил подождать пока он тоже напишет результаты своей учёбы. Наверно, он тебе и написал, меня не было дома, уходила работать. Эти оба письма, наверно, придут вместе в один день. Я спешу тебе написать поскорее потому, чтобы не лежали на почте почти три дня, нужно отправить сегодня, а то утром рано уходит почтальон. Получили сегодня твоё письмо за № 115 от 17/VI, до этого было получено № 110 от 7/VI, остальные письма где-то гуляют. Ты пишешь, что получил моё письмо 38-е. Мне думается, что в 38 письмо было вложено письмо от Филинкова, где он описывает происшествие в Швейцарском доме. Не знаю, получил ли ты это письмо, прилагая его письмо, я в своём письме писала про это же, просила тебя ответить, но, очевидно, письмо к тебе не дошло, наверно, при проверке писем его не положили обратно в мой конверт. Во всяком случае ты бы это знал из моего письма, и если бы что-либо не понял, то задал бы мне вопросы на эту тему. А может ещё и получишь! В первом своём письме Филинков писал о нашей квартире в Швейцарском доме, что пока он спрашивал твоего разрешения убрать с террасы плетёную мебель, она уже исчезла. Это было в феврале месяце. Не писал ни тебе, ни нам, боясь нас огорчить, но всё же решил написать, так как помимо мебели разбиты два окна. Со-

ставлен музеем акт, и окна заколочены досками, но мне ____[A], всего он не пишет, наверно, и ещё кое-что украдено, раз выбиты окна. Второе письмо от него получили 20/VI, в котором он описывает свои достижения, как он выражается. 7/VI в 4 часа дня взломали у него на террасе двери и похитили ценный сервиз, статую, два костюма и лакированные туфли, всего на сумму около 10.000 рублей. Он очень расстроился и подал заявление в Музей о перемене комнаты. Пока результат не известен. Советует приехать домой, так как нужен хозяйский глаз. И на зиму один оставаться в заброшенном доме далее не хочет. Клава и Муза ему не пишут, пользуется разными слухами. Домой они тоже по-видимому не сбираются. Всё это я тебе уже и писала в 40-м № письма, подробное его письмо. Игорь сегодня порадовал, принёс свидетельство о окончании 7 класса. По всем предметам отлично. Хоть это-то хорошо! И то слава Богу. Лёля теперь, наверно, в Ярославле хлопочет, не знаю, удастся ли получить пропуска. Сегодня в обеденный перерыв я ходила в Волосово, за молоком, получила старого долга 1 крынку, осталось ещё 3. Я тебе писала вчера, что Серафима Галактионовна сменяла ещё 12 крынок, но сегодня они спятились, так как ботинки разонравились. Надо будет придумать что-нибудь другое. Плохо дело у Марголина, и в лохмотьях, и голодный. Хорошо, как ему удастся вырваться обратно. Не знаю, действителен ли такой вызов? Во всяком случае желаю ему успеха. Это и для тебя было бы не плохо, всё же он тоже стал бы хлопотать о тебе. Ну вот, Серёженька, пока и всё. Следующее письмо напишу в понедельник. Дома всё хорошо! Игорь ушёл собирать щавель. Я сегодня пришла пораньше с работы. Целуем тебя. Твоя Мама и Гога.

Игорь принёс щавель и 7 штук больших грибов.

27/VI.

Милый Серёжа!

Нахожусь в Ярославле. Приехала вчера в 6 часов утра. Ночь не спала. Сразу отправилась к Лене. Всех застала дома, Лёня много работает, дома даже не ночует почти. Но в общем выглядят они все не так плохо, ломки такой нет, как у нас.

Здесь сейчас обстановка довольно напряжённая, примерно такая, как была когда-то у нас, в несколько более слабой степени. Приезд в этом отношении не совсем удачный, но что же делать, всего нельзя предвидеть. Мои хлопоты не увенчиваются никакими успехами. Сергей Васильевич очень легко тогда посмотрел на все эти дела, хорошенько не узнал, как следует, всего и написал тогда радужное письмо. Нужно, например, [в] Облздравотдел, а вот тут-то и за-

[A] Какое-то слово утрачено — оторван верхний угол листа.

гвоздка, там он не побывал. Вчера я с ним ходила туда, и ответили, что они могут лечить и здесь, так как тубдиспансер есть, есть и специалисты-хирурги, и корсеты делают и т. д., поэтому нет никаких оснований куда-нибудь направлять. Кроме того, направление в Москву они дать не могут, если оттуда дадут вызов, что они могут принять и т. д. Одним словом, всё крайне трудно. Всего тебе не напишешь. Сейчас, по-видимому, надо отложить попечение и хоть, по крайней мере, благополучно добраться до Ильинского.

Кое-что делаю, но никаких надежд не питаю. Сейчас пойду опять к Сергею Васильевичу, допишу потом. Сергей Васильевич выглядит гораздо лучше, чем зимой, он окреп, загорел, работа его не обременяет, находится на свежем воздухе всё время.

5 часов вечера. Так как сегодня суббота, то Лена только что отправилась в деревню в свой обычный поход, пошла одна с вещами на ночь. С ней собиралась Анна Ал., но в последнюю минуту изменила. Кстати, за это время у Тани Вин.[A] уже сын вырос (1½ месяца), а мы даже не знали, что она и ожидает. Мать нянчится с ребёнком, а Таня служит, её я ещё не видала, а ребёнка А.А., конечно, приносит сюда, поэтому новым членом семьи стало больше.

Что я ещё узнала по своему делу? Так мне не по себе стало от всех этих хлопот, что и сказать не могу, тоска страшная, плакать не плачу, а вроде этого, камень на душе, и ничто его не снимет.

В тубдиспансе[B], куда меня направил Здравотдел, мне сказал врач-хирург (женщина, работала в МОТИ, в декабре уехала сюда, знает Розанова, приняла участие во мне), чтобы я достала в Собесе справку, что здесь не могут делать прот. корсеты и тогда она напишет направление[C].

Я была в Собесе сейчас, долго разговаривала и в конце концов ничего не добилась. Нужной мне справки дать не могут, так как корсеты в области делают только в Рыбинске. Они напишут в Рыбинск, чтобы оттуда мне прислали извещение, а то сначала требовали, чтобы я привезла больного сюда, здесь мерку снимут, а потом пошлют в Рыбинск.

После этого пошла к хирургу, её вызвали в Военкомат, и она будет только во вторник, думалось мне, что она ещё что-нибудь придумает. Придётся подождать до вторника и выяснить вопрос до конца.

[A] Судя по всему, имеется в виду Татьяна Виницкая, знакомая Дмитриевых

[B] Так в подлиннике.

[C] Между строками этого абзаца рукой О.А. Дмитриевой мелким почерком вписано: «МОТИ, между прочим, сейчас не функционирует, а только собирают сведения о врачах и составляют списки — сказала мне врач».

Завтра решила съездить на денёк к Насте, узнаю о пароходе и отправлюсь, надо это время протянуть до вторника, да и здесь жить нечем, питания на меня нет, только-только самим прожить.

Была у Кати, но Симы не видела, много работает и долго не возвращается.

Болит голова от всех дел, чувствую себя беспомощной.

Сотни раз повторяю, что большую ошибку тогда сделала, что уехала, вот теперь казнюсь. Поправить же ошибку нельзя, тем более, что и ты уехал. Чтобы меня немного развлечь, Лена вчера наладила всех в кино, было нас 4, Вера да Лид. Конст. Смотрели «Дочь моряка»[A]. За время войны в первый раз была, но удовольствия, по правде сказать, не получила. Дело не в картине, которая тоже, правда, не блестящая, а в общем настроении.

Прости за такое пасмурное письмо, но другого сейчас написать не могу. Сергей Васильевич получил от тебя открытку от 17/VI, так что последние новости от тебя имею.

До свидания, родной, жить нужно, пока живётся. Целую. Лёля.

43-е.

Ильинское. 29/VI-42 г. Понедельник.

Дорогой Серёжа! Отсутствуют твои письма № 106, 111, 112, 114, получены были сначала 115, позже 113-е. У нас никаких существенных перемен не произошло в течение этих дней. Лёля пока что из Ярославля не вернулась. Получила я письмо от нашей Лены от 25/VI. Пишет, что сегодня первый солнечный день. Всё время у них дожди и холодно. Живут всё так же нормально, правда, были и гости, было шумно, пожалуй, и очень даже, но всё же до них не дошло. По силам занимаются огородами, капуста и картошка растёт очень медленно. На рынке с продуктами стало легче в смысле того, что стало больше, но цены бешеные. Из-за плохой погоды две недели не могла попасть в деревню, это очень становится заметно. В июне отоварили карточки, дали детям по 2,5 кг творогу и дали на всех муки обойной вместо крупы, получили 4,800. Первого июля она с Веруней идут сдавать кровь, хотят стать донорами. Вчера они были на станции переливания крови, сдали анализ и были у двух врачей по состоянию здоровья, они вполне могут. Доноры состоят на усиленном питании, получают рабочую карточку (в течение месяца по 800 гр. хлеба) и все продукты, как рабочие 2-го списка. Кроме того, за кровь платят что-то 200 гр. — доза рублей, 100–110. У доноров есть закрытый магазин, и их карточки полностью отовариваются. Попробуем разок, а там видно будет. Папа работает. Лёня тоже, ребята

[A] Фильм режиссёра Г.Н. Тасина; снят в 1941 г. премьера состоялась в мае 1942 г.

здоровы. На днях были в театре, завтра идём в кино. Как видишь, письмо довольно приятное, кроме того, что хотят стать донорами (боюсь, что это ей будет непосильно. Она и так очень плоха).

Вчерашний день получили приглашение (как члены колхоза) на колхозный праздник я и Лёля, так как Лёли нет, была одна на троих, полагалось по ½ литра вина, мясной суп с мясом, жареная баранина с картошкой, пшеничный пирог с мясом и по небольшой булочке (100 г.) с сыром. Булочку с сыром и пирога принесли домой, угостила Гогу и Серафиму Галактионовну. Вино только пригубила, остальное распили соседки. Сначала был доклад, потом постановка, а затем ужин, ушла домой в 11 часов. Народу было человек 500, так как всем сразу за столом было бы тесно, то сначала угощали более солидный возраст, а молодёжь плясала, вином угостились все на славу, так что шли обратно с припляской и песнями. Ну, вот тебе и все новости. Пришло ещё письмо из Томска Лёле от Новицкой. Я его не распечатывала и содержание не знаю. Вернётся Лёля, напишет тебе сама. Главки наши, наверно, после нас угостились крепко, так что сегодня и бригадир не пришёл, поэтому не работаю. Сейчас буду готовить обед. Заканчиваю письмо. Гога ушёл собирать щавель. Серафима Галактионовна на огороде окучивает картошку. Погода стоит хорошая. Сенокосят вовсю. Нонче обещают большой урожай. С чем-то вернётся Лёля? С вчерашнего дня в кооператив с завода поступило в продажу для эвакуированных и служащих так называемое пахтание, род молока, оставшееся после сбивания масла нечто вроде простокваши по 1 рублю за литр, полагается литр на человека, вчера взяла три литра, ели на третье по стакану, ещё на ужин и на утро. Сегодня лавка выходная. Ну, до свиданья! Дорогой Серёжа, крепко целуем. Шлём все привет. Твоя Мама, Гога и Серафима Галактионовна.

2/VII.

Милый Серёжа!

Пишу второе письмо из Ярославля. Всё остаётся на точке замерзания, и я к своей цели не пододвинулась ни на йоту. Повторю ещё раз. Облздрав нужной справки не даёт, т. е. направление, послал в тубдиспансер. Оттуда направили в Собез[A], что у них корсетов не делают. Там сказали, что корсеты делают, но только в Рыбинске, поэтому туда и дадут направление. Оттуда опять в диспансер, а врача вызвали в Военкомат на несколько дней. Решила поехать в Некрасово дня на два. На этот раз было удачно. В воскресенье народу оказалось не так много (а то, говорят, бывает переполнено), так что села хорошо и доехала

[A] Так в подлиннике. Правильно: Собес.

благополучно. Там меня встретили с распростёртыми объятиями. Варя сильно изменилась, очень похудела, осунулась, занимается хозяйством вовсю. Так как я приехала голодная, то они меня стали кормить и, надо сказать, кормили всё время досыта. Им дают каждый день литр молока и два обеда в техникуме. Обеды вполне приличные, у них всегда оставалось. Кроме того, есть своя картошка, ещё достают молока, вот только хлеба по 400 гр. Им-то самим достаточно, а вот я была, так пришлось пользоваться и сухариками, которые у них были.

Огород приличный, квартира просторная и зимой тёплая, так что они жили и не тужили. Есть маленькая козочка, держат её на привязи, Варя достаёт ей корм, запасает и на зиму: то нарвёт руками где-нибудь траву, то серпом пожнёт, то веники засушивает. Мы втроём ходили в лес за ними. Есть ещё два кролика. Таким образом, Варя там прочно обосновывается, и зима новая ей обеспечена, у неё инвалидность второй группы, получает пособие и освобождена от всяких работ. Мне там предлагали такую вещь: преподавательница литературы в техникуме отзывается в РОНО, а место с сентября будет по всей вероятности ____[A], так поговорить с директором и предложить свою кандидатуру. Конечно, если бы мы там зиму жили, нам было бы лучше, легче и сытней жить.

Хочу об этом с тобой посоветоваться. Возможно, что зимой домой опять не попадёшь, а как-то надо устраиваться. Я не отказалась от этого предложения и не согласилась, а приняла к сведению, с директором не говорила, а попросила Настю иметь в виду меня на всякий случай.

У них погостила хорошо и во вторник вечером (в 10 часов) отправилась на пароходе в Ярославль. Пришлось быть на палубе, ночью замёрзла, а тут ещё было одно неприятное событие. Пётр Николаевич трещал без умолку, действовал на нервы, наконец угомонился. На пристани дожидались до 4 часов утра, пошла к Кате и у неё немного отдохнула. Потом отправилась по своим делам. ____[B] справку, что у Игоря обострение процесса, нуждается в съёмном корсете срочно, а такового в тубдиспансере сделать не могут. С этой справкой нужно идти в Облсуд. Отложила до следующего дня, так как было поздно. Ходила с Симой к Мише Нов[опруцкому], но его дома не застала, оставила ему записку, и он пришёл к Лене в 11,30 минут вечера, я уже была в постели, договорились встретиться на другой день. Сегодня была в Облздравотделе, там опять ничего не получается, сказали, что всё равно без Москвы направление дать не могут, а для ускорения ответа пошлют телеграмму в Наркомздрав с запросом и, если от-

[A] Верхняя часть третьей и четвёртой (следующий прочерк) страниц практически истлела и текст не сохранился.
[B] См. предыдущую ссылку.

туда будет надлежащий ответ, тогда и т. д. Сергей Васильевич хочет сделать ещё одну попытку и поэтому предлагает мне ещё задержаться на один денёк, что я и сделаю, а завтра Облздрав пошлёт телеграмму с оплаченным ответом, и меня тогда известят на месте. Утром нас немного потревожили в 4 часа, но недолго.

Вот тебе моя эпопея с пропусками, сделать большее уже ничего не могу, придётся опять всё ждать и ждать. Настроение всё же немного поднялось, а то я было совсем упала духом.

В Ильинском меня, наверно, ждут с беспокойством, рассчитывала всё раньше сделать. Целую крепко, Лёля.

44-е.

Ильинское. 2/VII-42 г. Четверг, 10 ч. утра.

Здравствуй, Серёженька! Идёт дождь, и я поэтому на работу пока не ушла, решила использовать время и написать тебе. Дома всё по-старому, все здоровы. Сегодня исполнилась неделя, как Лёля уехала в Ярославль, что-то она долго? Писем из Ярославля за эти дни не было. Вчера получили письма: 3 твоих, 1 Николая Леонидовича и от Всеволода из Владимира. Твои письма № 111 от 10, 112 от 11 и 117 от 21/VI, нет ещё двух 114 и 116-го. Наверное, придут сегодня. Что тебе написать в ответ на твои письма? Они всецело заполнены одним желанием соединиться, это очень понятно, так как в этом месяце год, как мы расстались, целый год в разлуке, не мало воды уже утекло за это время, а воз, как говорится, и ныне там. Положение всё ещё не выяснено. Лёля уехала за пропусками, с чем вернётся неизвестно, как лучше поступить тоже не знает? Во всяком случае, если получит пропуска, то уедет в Швейцарский дом. Как-нибудь будем цепляться за жизнь. На месте всё будет виднее. Самое главное — это то, чтобы и ты был с нами. Без тебя мы всё равно как без паров машина. Ты наш двигатель, и будь ты в Швейцарском доме, то и мы бы давно были там. Правда, Лёля мало энергична, то, что она делает сейчас, т. е. поездка в Ярославль, можно бы было проделать ещё в мае месяце, тем более и отец писал, чтобы приезжали. Но есть и всякие но, она без конца откладывала съездить по разным причинам, например, таким, то было холодно, то голодно, то страшно, а дни шли за днями. Наконец, письмо Петра Николаевича сдвинуло дело, да и твои письма, тоже в которых ты стал чаще и чаще писать о Швейцарском доме. Вот только вопрос в чём, если получим пропуска, как быть с багажом? Оставить не хочется, с собою взять тяжело, ведь мест-то много. Неизвестно, ещё как там будет? Могут и не прописать. Встречать нас там тоже некому. Все заняты своими делами. Ну ладно! Рано про это думать, сперва нужно получить пропуск. Хорошо бы было, если бы хотя Марголин попал в Москву, всё больше

шансов, что есть для тебя приятель, который, быть может, и о тебе побеспокоится. Молодец будет его Фира, если она его сумеет вызволить. Николай Леонидович особого ничего не пишет, да и что он может написать? Живёт, работает, тоскует по Москве, очень занят работой, так что не имеет времени побывать у своих новых друзей, которые его приглашают разделить с ними время: письмо его от 20/VI, пишет ещё предпримет кое-какие шаги по выяснению возможности вернуться в Москву. (Сейчас там уже должен быть Дмитрий Леонидович), но что будет не знает ещё. Пока предполагает, что к началу августа его вызовут в МГУ на защиту диссертации П.П. Смирнова. Если это так и будет, то на месте всё легче будет выяснить. Ну вот почти и всё письмо. Из Кисловодска от братьев письма получает хорошие, от Дмитрия Леонидовича писем пока ему не было. Дмитрий Леонидович в Москве один. Нина Бернардовна осталась.

Всеволод пишет, что всё ещё во Владимире, работает на заводе, жена с ним, разводят большой огород, засадили 4 меры картошки и много разных культур, в том числе и капуста, по выходным дням чинит разные машины, тракторы и т. п., за это платят продуктами. За 3 выходных дня заработал 3 пуда ржи, 20 фунтов муки, ещё крупы, словом, не голодают. Ну вот пока и все новости. Время 12 часов, а дождь идёт, и идёт. Пойду затоплять печку и готовить обед. Серафима Галактионовна пошла поискать молоко. Гога отправился в лес за грибами. Лёля и сегодня, наверно, не приедет, так как поезда приходят рано. До свиданья! Дорогой Серёжа! Не унывай, проживём, и всё наладится! Терпи казак — атаманом будешь! Принесли наши трудовые книжки, заработано 50 трудодней. Если по 1 кг на день, то и то 50 кг составит, 3 пуда 10 фунтов, взято авансом 4 кг, значит 3 пуда в запасе, а, быть может, и больше, смотря по урожайности. Прошлый год получили по килограмму на день, а нонче урожай обещают лучше. Целую крепко. Я и Гога. Привет от Серафимы Галактионовны.

44-е[A]

Ильинское. 5/VII. Воскресенье, 7 ч. утра.

Здравствуй, дорогой Серёжа! Как твои делишки? Вот второе воскресенье, как мы одни, весь конец недели ждали обратно Лёлю. Но она почему-то долго не едет. Третьего дня получили твоё письмо № 118 от 23/VI и письмо к Серафиме Галактионовне из Некрасова от Насти. Настя и Варя здоровы, живут помаленьку. Варя хлопочет по дому, Настя служит. Сообщают между прочим, что их сослуживица, которая приехала вместе с Варей и устроилась на службу где Настя, некто Мария Александровна (не знаю, знаешь ли ты её) получила командировку в Москву, на днях едет туда попутно отвезёт некоторые Катины

[A] Так в подлиннике — № 44 повторяется второй раз.

вещи. Так как она ничего [с] собою не взяла. Ну вот и всё, что они сообщают. Было ещё письмо от Алфея из Астрахани. Там тоже все живы и здоровы, жалуется на дороговизну жизни, на плохое питание. Вчера твоих писем не было, получила письмо от Клавдии Жуковой из г. Фрунзе. Пишет, что получила два моих письма, благодарит за внимание. Работает на заводе по 12 часов без выходных дней. Вначале было тяжело теперь привыкла. Муза всё время была больна, перенесла много болезней: корь, скарлатина, дифтерит, воспаление мозгов, два раза воспаление лёгких и кишок. 5 месяцев лежала в больнице, как перенесла всё это она не знает. Сама Клава долгое время жила без прописки и карточек, а также без работы, а теперь всё уладилось. Просит меня, если я поеду домой, т. е. в Швейцарский дом, то написать ей, как там дела с продуктами и подогнать её мужа в расторопности, чтобы он их забрал домой. Сейчас, пишет она, живу по правде неплохо, но беспокоит её Муза, которая очень ослабла после болезни, никак не может её поправить, да и нечем. Стоит у них жаркая погода, уже давно продают клубнику и черешню, всё это очень дорого, ни к чему не подступишься, вообще жизнь дорогая, ну вот и всё её письмо. Хочу его переслать Петру Николаевичу. Сегодня напишу и ему.

Что тебе написать и о нас? Вчера объявили, что хлеба сбавили. Эвакуированные из Москвы и Ленинграда будут получать по 500 гр., а остальным по 400 гр. Поэтому мы вчера получили на 4х 2 кило. Всю эту неделю я усиленно работаю по полке льна, более или менее оплата приличная, за 10 соток полки льна полтора трудодня. Погода всё время стоит дождливая. Сенокос идёт измором. Что-то будет дальше, Серёженька? Неизвестно, пока что хорошего мало. Хорошо только одно, что все живы и ещё не потеряна надежда на встречу. Нужно крепиться и ждать. Терпение и труд всё перетрут, говорит пословица. Игорь теперь освободился от учёбы, ходит за грибами, за щавелём и попутно ищет землянику.

Утро сегодня ясное и, кажется, будет жаркий день. Сейчас разбужу наших, поставлю самовар и будем гонять чай с молоком, хлеб с грибной икрой и творогом. К обеду щавель и жареные грибы с картошкой. С молоком пока справляемся, хотя без Лёли стало поменьше. Скоро опять Игорю выдадут молока по казённой цене. Ну вот и все наши новости, ничего нет особенного, пишешь часто и писать нечего. Игорь сам напишет, когда встанет. Пиши, Серёженька, больше, вся отрада твои письма. Желаю всего лучшего. Целую крепко. Твоя Мама и Гога.

44. Продолжим. 5/VII. 6 ч. вечера.

Ну вот и Лёля вернулась! Но приятного и отрадного ничего она не привезла. Из её поездки ничего не получилось. Тебе, наверное, все подробности ею описаны. Не только получить пропуск для меня, но и для себя и Игоря ей не

удалось. Как теперь будет дальше, не знаю. Должно быть так и придётся зимовать снова врозь, или, может быть, ты будешь счастливее и как-нибудь сам получишь вызов. Настроение у меня такое, что как-то выбилась из колеи, и всё стало безразлично. Приходится ждать, а чего неизвестно. Ну поживём — увидим. Пришла с работы домой обедать, а Лёля дома, приехала без меня. Ну вот тары-бары растабары, читка и писание писем, так на работу больше и не ходила, пропала охота, благо бригадира сегодня нет, ушёл в Макарово на учёбу. Завтра с утра пойдём, наверное, вместе. Горизонт всё-таки не проясняется, только краски сгущаются всё сильнее. Погода, как и настроение, пасмурная и холодная, на минуту проглянет солнышко и снова скроется. Когда же будет настоящее лето. Ждём не дождёмся. Целуем[A].

Дорогой папа!

Сегодня приехала мама, дома её не было 10 дней, и мы очень за неё беспокоились. С пропусками ей ничего не удалось добиться.

Теперь я почти каждый день хожу за грибами и за щавелём. Грибы ещё попадаются редко и только серые да боровики, других ещё очень мало. Начала поспевать земляника, вчера, когда ходил за грибами, набрал полстакана. С каждым днём её будет всё больше.

Один раз я пошёл ловить рыбу, поймал всего только 3 маленьких плотички на мух. На червей сейчас совсем не клюёт. Погода всё ещё стоит не летняя, чуть ли не каждый день идёт дождь и очень холодно, тёплых и солнечных дней было ещё очень мало. Может от холода и грибы плохо растут.

У бабушки в огороде всё растёт хорошо, помидоры и огурцы уже скоро будут цвести. Морковь один раз уже положили в суп, скоро она будет совсем большая.

Из двух ульев один сильный, на него бабушка поставила магазин для мёду, и пчёлы уже его начали наполнять. Второй улей очень слабый, и мёду от него если и будет, то очень мало.

Сейчас все пишут письма. Мама, как приехала, так и засела писать, уже пишет четвёртое, бабаня тоже. До свиданья!

Крепко тебя целую. Игорь.

7/VII-42

Милый друг мой Серёжа!

Пользуюсь минуткой до чая, и пишу тебе. Работы много, и поэтому надо выгадывать время. Сегодня наметили баню, мама за моё отсутствие набрала

[A] Далее письмо продолжено рукой Игоря Дмитриева.

дождевой воды, так что таскать с реки не надо. Вчера работала в колхозе уже, пололи лён, и сегодня также. Только что колола дрова, хорошо, что весной натаскали наверх, теперь берём готовое. Когда я приехала из Ярославля, то нашла здесь большое количество писем, насилу прочитала. Были от Николая Леонидовича, Любови Оскаровны и др. В тот же день написала ответы. Любовь Оскаровна передаёт тебе привет. Она думала, что мы все вместе, хотя знала, что ты и «Георгий Андреевич со своей спутницей проделали вместе большой путь», но предполагала, что ты соединился с нами. «Вы, наверно, знаете, что со мной случилась ужасная катастрофа, это был такой неожиданный удар. Особенно потрясена Ляля, которая была так привязана к отцу». В апреле стала работать по специальности, нет надежды вернуться домой и т. д. Условия жизни такие же, как и везде. Николай Леонидович думает, что его вызовут в августе в Москву для защиты докторской диссертации П.П. Смирнова (кстати, я о нём ничего не слышала).

Продолжаю после обеда, который был следующим: суп с грибами и гороховый кисель, муки для него дала мне Настя на один разок. Читали твоё письмо № 119 от 27/VI. Вчера же были №№ 14 и 16[A]. Твоё Кемеровское письмо с описанием путешествия по тайге пришло, не были получены за всё это время из Сталинска: №№ 79, 81, 82 и 106. Это мне сейчас подсказал Игорь. Он вчера принёс целую корзиночку (средних размеров) одних рыжиков, разохотился и пошёл во второй раз, но в другое место и почти ничего не нашёл. Сегодня тоже ходил и принёс полкорзины опят и серых. В общем все надежды в области питания возлагаем на него. Вчера вечером я с мамой сходила за последним пудом картошки — это за обмененные туфли, картошка лежала у хозяев в холодном месте, примерно недели на две её должно хватить.

Твои письма всё же, несмотря на общий тон, вселяют некоторую уверенность на возврат. Кой-кого начинают у вас вызывать. Вот, например, Огородников[B]. А ты сам в каких с ним отношениях, не думаешь ему написать?

Возможно, и у Марголина что-нибудь получится.

Я было совсем захандрила в Ярославле, тяжело было невероятно, потому что уже чувствовала себя в Ярославле, а тут вдруг крушение всего, но сейчас немного приободрилась снова. Думаю опять заняться писательской должностью. Напишу Рыськину с просьбой двинуть насчёт школы. Кстати, почему ты в двух письмах мою школу называешь 481, когда она всё время была 455-я? Напишу вновь заявление в ТОНО, изложу свои злоключения с болезнью Игоря и хочу

[A] Так в подлиннике. Должно быть №№ 114 и 116.

[B] См. письмо С.С. Дмитриева родным от 27 июня 1942 г. (№ 119).

прямо написать в Наркомздрав с копиями некоторых справок. Бумаги у меня теперь много, Сергей Васильевич дал порядочно, так что писать можно вовсю.

Надо, действительно, до сентября какой-то решительный сдвиг произвести в своей жизни и обязательно устраиваться на работу. Игорю также надо и учиться, и на самом деле наладить новый корсет, у него он здорово худится. Вот мои планы на ближайшие дни. Время очень быстро идёт, и кажется трудно живётся, но так незаметно уже и пол-лета прошло.

Ты скоро кончишь занятия и что-то нужно делать, но что? Понимаю вполне, как разрываешься на части и ждёшь _____[A]. В Ярославле хотела видеть Копорского, зашла в институт, там сказали, что его занятия кончились, и его самого срочно вызвали в Калинин, куда он и уехал недели две тому назад. Была у Лёли Соколовой. Она мало изменилась. Работает методистом на каких-то медицинских курсах. Переквалифицировалась, так сказать. Посидела у неё часа два, обо всем и обо всех потолковали. На Московском вокзале у кассы встретилась с Верой Зверевой, но так как она бежала на поезд, то не успели даже перекинуться словом. Сильно изменилась, обрюзгла и постарела.

Интересно самую себя бы посмотреть со стороны. Ярославцы нашли, что я с зимы ещё похудела, поседела, но лицо молодое. Вот общий отзыв. Последняя моя страница обо всём и ни о чем, с бору да с сосенки.

Иду на работу, болит поясница от наклонки, а так больше ничего. Не горюй, Серёженька мой дорогой, вот только бы немцев проклятых прогнать, а там мы снова заживём. Целую тебя, мой милушкин, крепко, крепко. Ты должен для нас всех крепиться, будь здоров.

45-е

Ильинское. 8/VII-42 г. Среда, 9 ч. вечера.

Здравствуй, дорогой Серёжа! Как поживаешь? Как твоё самочувствие? Моё письмо пишу тебе на письме Петра Николаевича, которое получила сегодня. Переписывать долго, а в своей подаче такого эффекта не получается, как его напечатанное письмо. Всё же Филинков молодец, ещё не надоело ему нянчиться с нами, и за то спасибо. Другой бы давно отказался от этого дела, тем более что и своих у него хватает. Вот, Серёженька, дела-то какие. Так что поездка наша откладывается на неопределённое время, пока не будет пропуска или вызова. Нужно опять, наверно, высылать денег за квартиру за текущее время, ведь, уж, наверное, подходит срок. Какие ты получил квитанции от Петра Николаевича, по какой месяц? И прислал ли он тебе квитанции на 360 рублей

[A] Часть верхней строки на четвёртой странице письма утрачена.

наших? На это письмо ты ответь. Как по-твоему нужно поступить? Переписка эта займёт месяц, в случае можно будет переслать за два месяца сразу. Но как лучше через Петра Николаевича? Или прямо в Музей на имя директора? Деньги у нас быстро тают, и осталось у нас меньше половины того, что было, когда уезжали из дому. Теперь ведь все расходы удесятерились в виду дороговизны. Приехали сюда, молоко было 2 рубля за литр, сейчас хоть и 10 рублей, но с трудом. Яички тоже вместо 10 рублей 100 рублей. Понятно, много их не покупаем, но и всё остальное тоже выросло. Меня очень этот вопрос заботит, так как надеяться не на что. Ну ладно! Поживём — увидим. Может, что и переменится к осени.

9/VII. Доброе утро, Серёженька! Вчера стало темно, письмо не дописала, кончаю сегодня. 6 часов утра, до чая хочу вымыть пол, наши ещё спят. Встанут, напьёмся чаю и пойдём с Лёлей на работу. Все мы здоровы, только дела не веселят с пропусками, надежды мало на отъезд, а так жить дальше начётисто. Можно и всё прожить. Будь здоров, крепко целуем, ждём твоих писем. За всё время переписки с тобою 119 писем, не дошло 4 или 5 писем.

Клавино письмо переслала Петру Николаевичу. Просила его постараться вернуть их домой. Будет хлопотать, чтобы написал нам.

[*Далее приводится письмо П.Н. Филинкова, отпечатанное на машинке*]

Дорогая Ольга Алексеевна, Анна Николаевна, Гога.

Искренний привет и лучшие пожелания.

Ваше письмо произвело на меня очень тяжёлое впечатление, оно совпало с большим несчастьем — 7.VI разграблена моя комната, взломаны две решётки, кроме того три кражи были во дворце, в итальянском доме и побиты все стёкла в голландском.

Можно ли говорить о сохранности находящихся на террасе под открытым небом стульев, когда моя кража произошла днём в 4–6 часов в воскресенье, что совершенно невероятно — казалось бы в парке много народу, но это всё было, а теперь совсем иная картина. *Народу мало*[A].

О фактах кражи и в особенности о моих потерях при разграблении комнаты мне писать тяжело, Вам об этом сообщит Дуняша или ещё кто переписывается, так как об этом деле знает всё Кусково.

Безусловно, какую-то моральную ответственность *за охрану* дома я несу, но обстановка столь тяжела, что надо ни на шаг не отходить от дома, дом наш, кстати, пустынный и заброшенный, и никто в нём не живёт, лишь только приходится ночевать, больше же там делать нечего. Ко всему этому добавлю, в минувшее воскресенье задержана мною внутри комнаты наверху (где жил Пур-

[A] Здесь и далее выделенные курсивом слова вписаны от руки чернилами.

ман) девка 18 лет и обнаружен сломанный голубой мрамор от старинного стола, девка отправлена в милицию, дело разбирается уголовным розыском. Феня подняла при обходе крик, я пошёл наверх, там была разбита дверь (стекло), и я вытащил оттуда упомянутую девку-воровку, отобрал паспорт и документы и вызвал милицию.

Все эти анекдотические факты Вам подтвердит любой сотрудник музея и документы (акты) о кражах, дверь в Вашу комнату цела, лишь сломана ручка, воры (девка была не одна) не проникли, и у Вас, пожалуй, кроме мебели плетённой, всё благополучно. *Ничего не пропало.*

Что касается крупы, то она, как мне сказал ответственный товарищ из музея, была взята комендант(ом) Шкуновым и ко имеющим доступ в квартиры жильцов для проверки состояния мне было сказано об этом Николаем Васильев. ныне благополучно здравствующим комендантом, когда приедете, узнаете лично от него[A].

Вот всё о кражах, я всё же берусь успокоить, что у Вас ничего страшного не произошло, кроме случая обнаружения разбитых стёкол, сейчас они недосягаемы, забиты [по] распоряжению директора досками наглухо, и теперь безопасно вполне, кроме того, в комнату Пурмана въезжает директор, охрана усилилась, и, пожалуй, несмотря на много случаев, можно не беспокоиться и не переживать.

Когда я описываю Вам факты кражи, то мне кажется, что это всё так невероятно, почти странно, но успокаиваюсь тем, что Вы ведь не наивные люди, а серьёзные, и всё описываемое подтвердится другими людьми из нашего парка. Обо всех этих, с позволения сказать, событиях все знают.

Что делается и делалось в комнатах, Вам скажет *(напишет)* Дуняша, я в комнаты, кроме как с директором (один-два раза) за всё время не заходил, и все ключи, как известно, находятся у комендатуры музея и, кроме начальства, туда доступа нет, я лишь проверял по указанию Сергея Сергеевича сохранность книг[B].

Всё время стояли холода и дожди, сейчас погода устанавливается. Кусковский театр я переимен[овал] по-старому в ГАЙ, переделав из кино в театр Драмы и эстрады, и иногда демонстрируются фильмы; посещаемость хорошая.

Анна Николаевна.

Если у Вас дело обстоит, как по Вашему письму судить, то надо кому-нибудь приехать посмотреть, но опасности для Вашей квартиры не угро-

[A] Данный абзац написан именно так — с сокращениями, несогласованиями.
[B] Разрядка в подлиннике.

жают, музей так далеко от каких-либо мероприятий, заняты огородами, о нас, жильцах, не думают, всегда кажется, что, когда Вы на чужбине, страхи преувеличены, никто не собирается занимать квартиру, это никому не нужно. Симфонические концерты потеряли остроту, носят случайный характер и редкий, так что можно это скинуть со счетов и лишь одна проблема серьёзна — это питание, но вот мы, находящиеся дома, мало страдаем и находим выходы из положения и пока можно сказать я, например, не знаю, что такое быть голодным, а теперь тем более огороды и предстоящий урожай, всё это хороший признак, что будет лучше.

Приехать посмотреть не мешает, несмотря на то, что опасности нет, хозяйский глаз не вреден.

Вы интересовались, приехал ли Бендет — не приезжал, Циловы приехали, прописаны и живут хорошо, они переехали из Итальянского дома на пограничную улицу.

Насчёт прописки я Вам смогу помочь, а если приедете не позднее августа, приму на работу в театр, и Вы быстро получите карточки, ради ценной библиотеки Сергея Сергеевича, научных материалов и прекрасной квартиры стоит приехать домой, хотя бы на время. Вам надо успокоить Ольгу Алексеевну и Сергея Сергеевича, и убедить их, всё то, что можно сделать для них, я сделал и буду делать в части соблюдения их интересов и сохранности приобретённого честным долгим трудом имущества; но как видите, у самого из-под носа вытащили много ценных вещей, богатый и касторовый старинный костюм и даже мраморную статую, сорвали тюль, берег для Музы, золочённый сервиз купил у Каримова за 600 рублей и много других дорогих для меня предметов.

Разбросанность в изложении мыслей объясняется тем, что пишу в музее на их машинке и боюсь, как бы кто не взошёл, тороплюсь.

Клава по-прежнему во Фрунзе, Муза опять больна желтухой, мечтают о доме, но попасть в него не могут.

Как и Вы все, надеемся на скорейший разгром ненавистного врага и возвращение на родину *семьи*.

Ещё раз прошу Вас не огорчаться [о] случившемся и не думать о том, что произошло что-то большое, этого нет, ну украли стулья с террасы и всё, я хотел их взять к себе, написал Сергею Сергеевичу, пока писал, их убрали, ведь они были на террасе, почти на улице, а взять без разрешения Сергея Сергеевича я не мог, этим бы воспользовался бы музей, и сказали, что вот де без нас хозяйничает здесь и под моей маркой могли бы быть наприличия[A] и нарушения.

[A] Так в подлиннике.

Когда приедете, то Вам будет картина ясна.

С большим искренним уважением к Вам.

Желаю скорейшего возвращения. П.Н. Филинков

PC[A]. Наш дом производит очень печальное впечатление: пустынный и заброшенный, а на фоне зелени и солнца эта запущенность наводит на очень грустные мысли.

[*Конец отпечатанного на машинке письма П.Н. Филинкова*]

12/VII.

Милый Серёжа!

Вчера от тебя было письмо и бандероль с газетами. Номера писем и числа Игорь напишет, я сейчас не помню. От твоих писем веет полной безнадёжностью, и, правда, сделать хоть что-нибудь сейчас невозможно. Не от нас зависит изменить ход событий. От нас только зависело, что мы уехали, а теперь уж как поправить? Всё время чувствуешь гнёт этой тяжести, говоришь как будто о других вещах, работаешь, а тяжесть всё лежит на душе.

Уж лето, можно сказать, в зените, время идёт на убыль, сегодня, как говорится, Пётр и Павел час убавил, а мы ни с места и без всяких перспектив. Вот о чем приходится писать. Знаю, что нужно как-то взбодриться, надежда всё же не оставляет на соединение с тобой. Хоть где-нибудь да вместе переживать это время.

Твоё последнее письмо (121-е) пришло необычайно быстро — всего 8 дней, это был рекорд. Получил ли ты из Ярославля от меня два письма, где я описываю свои хождения? Оттуда же я написала в Ильинское, и до сих пор не получили, вот видишь, как идут письма, по-видимому, пропало.

Написала заявление в ТОНО, заведующему сектору кадров, прошу дать вызов, близится новый учебный год, требуется срочный корсет, нужно хлопотать через свою организацию и т. д. Послала Рыськину (кстати, он сам фамилию пишет через «ь», а ты не пишешь), прошу его наведаться в ТОНО и навести соответствующие справки. По опыту прошлого ТОНО должно ответить что-нибудь, хоть вряд ли то, чего я жду.

Был перерыв, ходила на работу, прогнал дождь, воспользовалась им и пишу вновь. Мама только что пришла из Данилова, ходила туда за вещами, которые привёз Мишутка. Его она не видела, ушёл к родным в деревню, там, кажется, будет работать. Разбирали вещи. В основном мамины тряпки, ничего существенного, а затем и наши. Зачем-то Наташа прислала твои вещи, твой зелёный

[A] Так в подлиннике.

костюм, майки, трусишки и рубашки. Мы и не просили об этом. Теперь будут здесь лежать лишним грузом, тебе всё равно не переправишь. Прислала кусок туалетного мыла, соды, восьмушку чая, несколько коробок спичек, 100 гр. лёгкого табаку, зубного порошку и немолотого кофе. Урвали от себя. Крепко тебя целую, мой родной. Лёля.

Досадно только, зачем твои вещи прислали. И как на них посмотришь, так тяжело и делается, ничего-то с собой не взял, всё оставил. Анна Николаевна даже совсем расстроилась, плачет, но ничего не поделаешь. Прислали сёстры откровенные письма, описывают свою московскую зиму. Теперь тревоги бывают, но совсем не прежние, не допускают. Наташа и Александр Александрович получают по 600 гр. хлеба, няня и мальчик по 400 гр.

Нина пишет, что очень много дождей, весь огород залило и картошка даже подгнила.

Это правда, что дождей нынче излишек, зато невиданное дело грибы растут вовсю и даже рыжики, когда они бывают по крайней мере в сентябре.

Позавчера я с Игорем выбралась в лес после обеда, принесли две корзинки боровиков и два стакана земляники. Мне ходить не приходится, а ему одному, конечно, скучно, тем не менее он ходит почти каждый день. Насолили банку рыжиков и тут же и едим. Каждый раз поминаем тебя, вот Серёжа любит, вот Серёжа бы с нами и т. д.

Оставляю Игорю страничку. Милый друг, несмотря на все трудности всё-таки бодрись, потом встретимся и всё это минует, пока ведь мы ещё все живы и здоровы, а это много значит[A].

12/VII-42 г.

Дорогой папа!

Вчера от тебя было письмо № 120 от 29/VI, а позавчера № 121 от 2/VII. Если завтра придёт письмо, то это будет уже новое, не пропущенное. От тебя из Сталинска пришли почти все письма. Не пришли только №№ 79, 81, 82, 106. Из Москвы с номерами пропало гораздо больше.

Сегодня целый день льёт сильный дождь с грозой. Завтра, если не будет очень сыро, пойду за грибами пораньше, может и мама пойдёт. Вчера я ходил после обеда, но нашёл мало, всё уже было выбрано. Нашёл в первый раз за лето один белый гриб, немного рыжиков и солодашек[B]. Уже поспела земляника, но мы не знаем мест и поэтому находим её очень мало. Зато здесь много малинников, но она ещё не поспела. Сегодня в огороде зацвели огурцы, картошка тоже

[A] Далее письмо продолжено рукой Игоря Дмитриева.

[B] Солода́шка — разговорное название гриба сыроежки в Ярославской области.

цветёт, недели через две её уже можно будет копать, тогда и огурцы будут поспевать. Огурцов посажено 2 грядки, помидоров штук 50, капусты простой 70 штук и цветной тоже 60 штук. Чесноку будет 30 головок, лука на луковицы посадили полгряды, столько же репы, моркови, редьки и свёклы. Картошки посадили 1½ пуда целыми и немножко отрезков. Тыквы выросли очень большие, листья с тарелку и даже набирают бутоны. Одна цвела и раньше, да всё пустоцветами. Цветов у бабушки мало, сейчас только одна настурция цветёт во всё окошко. Лимон скоро будем пересаживать. До свидания! Крепко тебя целую. Игорь.

46-е

Ильинское. 15/VII. Среда, 6½ утра.

Милый Серёжа! Доброе утро. Здравствуй. Давно не писала я тебе писем. Со дня приезда Лёли из Ярославля. От тебя за последние дни получили письмо № 121 от 2/VII и вчера открытку от 5/VII — 123. № 122 пока что отсутствует. Ещё интересно, пришло Лёлино письмо, писаное из Ярославля, когда она туда приехала и ждала результата своей поездки. Моталось оно везде, было и в Архангельском, и в Гаврилов-Ямах. Дважды проверено, и наконец прибыло к нам, когда надобность в нём иссякла. В общем дело это неважно, это я к слову, вот и жди писем! Из твоей вчерашней открытки видно, что ты ждёшь официального вызова из Малмыжа, и тогда начнёшь подготовлять переезд в Малмыж. Что тебе на это ответить? Кроме как пожелать успеха во всех твоих делах. Кто знает, как лучше и что делать? Ехать ли в Малмыж или ждать в Сталинске? Где тебе нужно сказать, по-моему, было неплохо, и где ты уже акклиматизировался. Но что теперь писать про это, пока ты получишь моё письмо, быть может, тебя уже не будет в Сталинске. Нужно всё предоставить обстоятельствам, думаешь так, а выходит по-другому. Какое-то решение нужно принять, а какое? Теперь уж нужно положиться на то, куда кривая вывезет. Ни ты, ни мы, ни Николай Леонидович не знает, как лучше поступить? И поэтому советовать что-либо трудно, понятно твоё положение очень тяжёлое, ты мечешься, не зная, что предпринять, страдаешь и за себя, и за нас. Планы твои рушатся, ты мечтал, что мы поедем в Швейцарский дом. Мы тоже пришли, наконец, к заключению, что нужно ехать, но вот тут-то и запятая, не дают пропуска, нужен опять-таки пропуск и этот пропуск для всего тормоз. Чем-то всё это кончится? Перехожу к другому. Что делается с погодой: и она, как на зло, расмокропогодилась, почти каждый день дожди, да и какие! С утра чуть ли не до ночи льёт и льёт. Никакого дела не даёт делать, и всё настроение портится. Встала я сегодня в шестом часу, пошла заняла очередь за хлебом, была в очереди вторая, думали, напьёмся чаю и пойдём работать, так как

вчера обе не работали, ходили в Пречистое по разным делам. Но не тут-то было, не успели отпить, как пошёл дождь и, по-видимому, на весь день, так как небо всё обложено тучами, льёт как из ведра, вот уже 9 часов утра, нужно бы идти. Какие были у нас дела в Пречистом? Лёля должна была получить молоко на Игоря, которое получила, кстати сказать, не без хлопот, так как не хотели давать потому, что много нуждающихся маленьких детей, которым нужно дать по первому разу, а наш ребёнок получал уже много раз. В следующий раз, наверно, откажут, хотя заведующий Здравотделом обещал похлопотать в его пользу, если ему откажут. Заходили мы попутно в Пречистенский Финотдел относительно военного налога для меня, лично объяснились с инспектором Финотдела, говорили всё, что ты писал, что я не должна облагаться налогом. На это он ответил, что всё делается правильно, вопрос этот возбуждался много раз, обсуждался на пленуме, и пришли к заключению, что этим налогом облагаются также и все эвакуированные от 18 лет и до бесконечности, не считаясь с их доходами, а если бы были колхозники, то взяли бы с меня не 100 рублей, а 265, так что сдачи с них не получишь, а вперёд платить нужно. (Теперь ещё номер), не знаю, как у вас этот порядок введён ли? Приходили после посадки огорода обмеривать землю, намерили под картошкой полторы сотки, за каждую сотку обложили налогом по 8 кг, итого при съёме нужно отдать 12 кг, да должно отдать три кило долгу, который заняли на посадку. Вот видишь, в результате останется гулькин нос. Затем я ходила по своему делу, мне дали направление на комиссию из нашей амбулатории, о моей трудоспособности, так как у меня сильный порок сердца. (Это хочу иметь для будущего на всякий случай). Меня записали, когда будет комиссия, меня известят заранее, приблизительно, говорят, числу к 1 августа. Ну вот наши дела, по которым мы ходили. Попутно удалось в Пречистом случайно купить баранины средней упитанности по 80 рублей за кило, взяли 2½ кило на 200 рублей. Это в настоящее время дешёвка, и как не жаль денег, но всё же купили. Пошли мы из дома [в] 8 часов утра, вернулись в 7 часов вечера. Приходилось часть пути идти лесом, и я 7 км отшагала босиком, так как в лесу грязно, для меня это ново, но Лёля и всё время идёт босая, а в городе мы одели чулки и туфли. В воскресенье вернулась Серафима Галактионовна из Данилова, и Наташа для Игоря прислала, не знаю зачем, твой зелёный костюм, несколько сорочек, трусы и майки, все твои и даже новые. Всё это мне напомнило тебя, и стало очень горько на душе. В чём же ты теперь ходишь? Ведь ни маек, ни трусов ты не покупал, наверно, бьёшься кое-как. Ну понятно, обо всём не натужишься, погоревала, да и перестала, подумаешь так и сяк. Наконец, не в этом счастье. Вот счастье бы было вместе собраться, и мне бы до этого дожить. От ярославцев писем не было, как живут сейчас, не знаю. Пока до свиданья! Мой дорогой, береги своё здоровье, поста-

райся взять себя в руки и поменьше расстраивайся, помни, что впереди ещё много испытаний, и закаляй себя для борьбы. Крепко тебя целуем. Если это письмо застанет тебя в Сталинске, и ты соберёшься уехать в Малмыж, то пиши, чтобы переписка не пострадала, а то прибавится лишнее волнение. Твоя Мама.

17/VII.

Милый Серёжа!

Вчера от тебя было 122-е, а сегодня 124-е письма, открытка между ними пришла ещё раньше на день. Спасибо за поздравление, будем как-то отмечать мой день, мама, в частности, приурочивает к нему выемку мёду. Лето необычайно дождливое, и у нас июль даже холодный, так что с мёдом пчёлы запоздали и, вообще, его ожидается немного, никаких личных новостей у нас нет, нет и писем. Живём тихо сравнительно, хотя вокруг звучит и осенняя музыка, от которой отвыкли уже за зиму.

Пишу тебе и не знаю, застанет ли тебя письмо, так как ты собираешься уезжать, впрочем, что-то не верится в Малмыж, возможно, так и останешься по-старому. Во всяком случае при отъезде ты дашь свой адрес в своём институте и тебе будут переправлять письма по-новому? С твоими планами можно вполне согласиться, они реальны, конечно, если вызовут и ещё много если. Вот я никак не могу себе ничего построить и к чему-нибудь прийти, так как хочу согласовать свои поступки с твоими, а поэтому и боюсь себя связать какой бы то ни было работой. Через Игоря, например, директор школы мне предлагал место преподавателя русского языка. А вчера пришёл председатель колхоза и уговаривал настоятельно быть у них счетоводом. Правда, это дело я при всём желании взять не могу, ты знаешь, как я слаба в цифрах, сама бы измучилась и всё равно бы напутала. Насилу удалось отказаться под тем предлогом, что жду скорого вызова или из Малмыжа, или от мужа. Народу, действительно, в колхозе немного и всё ещё убывает так что работы можно найти, сколько хочешь. В Некрасове, когда я была, то (я уже тебе об этом писала) предлагали в техникум. Вот и обсуждаем с Анной Николаевной все возможности. Пока, ведь, человек жив, до тех пор он и думает о живом.

Твоё последнее письмо чисто философского характера. Когда я его читала вслух, то никто ничего не понял, т. е. почти ничего. Нужно было читать с комментариями. Философия в наше время сильно помогает жить, а мне, как ты правильно отмечаешь, в особенности. Стараюсь ещё больше себя в этом укрепить, иногда срывается, но большей частью облегчает жизнь. Всё наше личное кажется таким мизерным по сравнению с общим. Вот, что ещё не могу в себе

выработать — это полнейшее спокойствие ко всяким пустякам, которые иногда давят и расстраивают больше, чем серьёзное. Стараюсь — и не могу.

Газеты с Игорем читаем регулярно, большей частью в сельсовете, туда и забегаю на минутку. Наша жизнь идёт по-прежнему. Иногда от работы урвёшь времечко и сходишь с Игорем в лес. Вот сегодня встали с солнцем (около 4-х) и пошли за грибами. Босым было холодно, в лесу воды и грязи сколько хочешь, нашли поэтому не так много, по полкорзины грибов и 2 стакана земляники. Слишком много воды и холодно, а то грибов было бы гибель. Огородом понемногу пользуемся, лук давно едим, свёклу начали для ботвиньи, вчера разговелись редькой. Одну редьку хватило нам на всех, довольно большая уже. Жаль только, что имеем мы всего пол-огорода и поэтому плодов земных хватит ненадолго.

Тебе Анна Николаевна описывала Пречистое и наш поход туда, там купили мяса по 80 рублей кг, а то недалеко от нас вчера ещё предлагали баранины по 90 рублей или за мену. Мама сегодня утром туда ходила и сменила 3 метра ситцу на 6 фунтов. Баранина довольно жирная, задняя ножка. Потом поношенную вязаную кофточку (прислала Нина) на десяток яиц. До этого ещё накануне она сменяла детские зимние штанишки (тоже Нины) на десяток яиц. Да вчера я получила авансом в колхозе (кроме пайка в 500 гр.) 3 кг муки на нас обеих на десять дней, а там опять должны дать, так что у нас теперь с питанием получше. То там, то тут понемногу раздобываем. Вот мама что-то стала киснуть, здоровье её сильно пошатнулось и сердце плохо работает. Эта зима на ней более чем на других отразилась, конечно, годы её не наши. Сама же она не раскаивается, что приехала в Ильинское, она чувствует себя здесь дома больше, чем где-нибудь.

Надоел дождь, вот сейчас только что нахлынул, Анна Николаевна уже ушла полоть, и я за ней отправлюсь. Милый друг, до свиданья.

Целую тебя крепко. Лёля.

47-е

Ильинское. Воскресенье, 8 ч. 30 м. утра. 19/VII-42 г.

Дорогой Серёжа!

Вчера не было никаких писем, так что и новостей не прибыло. Живём всё по-старому (день да ночь и сутки прочь), время всё же бежит скоро, вот уже и вторая половина июля. Сегодня у тебя последний день занятий на экзаменах. Что-то ты дальше решишь? Пришлют ли вызов, и поедешь ли в Малмыж. Мы, по-видимому, опять застрянем в Ильинском. В данное время против всяких наших ожиданий, что в июле нам будет голоднее, так как запасов никаких нет, живём не хуже, а даже несколько лучше, чем в прошлом месяце, я тебе уже пи-

сала в прошлом письме, что когда ходили с Лёлей 14-го в Пречистое, случайно купили баранины, 2½ кило по 80 рублей, получили для Игоря молока 10 литров, а вчера в Ивановском Серафима Галактионовна сменяла на 3 метра голубого ситца (как бывшая твоя рубашка) ещё 2½ кило баранины, так что получилось в общем 5 кило, это уже порядочно, варим на первое горячие супы, на второе Игорь и Лёля добывают грибы, на третье иногда приносят землянику, а часто получаем из кооператива так называемую пахту — род снятого молока, только вкуснее, по 140 к. за литр, дают по литру на человека. Ещё на этот месяц в запасе литров 10 молока есть ранее сменянного. Грибы бывают разные, есть и соленье, и отварные, поспела в нашем огороде свёкла, редька, морковь, лук и укроп. Хотя ещё не вполне выросшая, но мы ею пользуемся, хлеба нам, я тебе уже писала по 100 гр. на человека сбавили, но у нас было немножко в запасе муки, которую и пускаем пока в оборот, для добавки. Ещё из колхоза дали на трудодни авансом на днях на десять дней 3 кило муки. Если будем оправдывать трудодни, то и вперёд обещают выдавать авансом. Всё вместе взятое нас устраивает, и мы волне сыты, так что о нас ты не беспокойся, устраивай только себя получше. Понятно, если бы была возможность перебраться в Швейцарский дом, то было бы самое лучшее, но так как не пускают, приходится с этим мириться. Из Ярославля после приезда Лёли не было никаких писем, так что ничего о них не знаем. Начала я писать тебе это письмо рано, но, кажется, сведу на позднее, так как был дождь, а теперь перестал, нужно идти на работу, продолжу вечером.

2 часа 30 минут дня. Только что отобедали, хочу дописать твоё письмо, чтобы отнести Новикову, почтальону, на дом, тогда оно пойдёт завтра с утра, когда он пойдёт за письмами, иначе оно уйдёт только во вторник. Я так зарапортовалась, что забыла, какой сегодня день, думала суббота. Пришёл Гога из кооператива и принёс хлеба на два дня, так как завтра они выходные, тут-то я и схватилась, что у нас сегодня воскресенье. У нас ведь выходных дней в колхозе нет, поневоле забудешь. Писем тоже сегодня быть не может, так как почта не работает, что будет завтра? Сейчас после обеда пойду работать одна, а Лёля пойдёт с Игорем в лес искать грибов и земляники. Вчера Игорь ходил один, принёс две корзинки погребашек[A] для отварки, и боровиков, которые сегодня и жарили на второе к обеду. В общем теперь жить можно. Наверно, тебе надоело читать моё письмо, в нём, кроме как про еду ничего не писано. Всегда, когда сижу за столом, ем грибы или ягодки, вспоминаю тебя, знаю, что ты любишь грибы во всех видах, а есть тебе их, наверно, не приходится. Нужно бы уж уходить, но снова накрапывает дождь и портит всё дело. До чего надоели дожди.

[A] Погреба́шка — разговорное название гриба подгруздка в Ярославской области.

Редкий день без дождя, грому тоже много, а тепла почти нет. Сено хоть и косят, но сушить плохо. Сенокос идёт измором. Ну вот пока и всё. Ждём твоих новостей. Желаю исполнения всех твоих желаний. Заочно тебя благословляю на всё доброе и хорошее.

Ну вот пока писала, дождь пошёл вовсю, и я не иду на работу, и наши не попадают в лес.

Будь здоров, мой дорогой! Крепко тебя целуем, желаем исполнения всех твоих желаний. Пиши, ждём. Твоя Мама, Лёля и Гога. Серафима Галактионовна шлёт привет.

21/VII-42 г.

От тебя сейчас, Серёжа, получили 125-е письмо от 11 июля. Одновременно пришло и от Филинкова от 14-го. Он пишет, что в квартиру Пурмана переселяется директор музея, чинят электричество и вообще наводят порядок, поэтому дом ожил. Воров разыскали, из них двое были Простунова с сыном, часть его вещей вернули. Всё пока в порядке, вот только нас нет. Ради комизма, по-видимому, прислал в конверте пропуск на двоих в сад «Гай». Мог бы устроить на работу и с пропиской, вот только проехать никак невозможно. Если будет в Москве, то сходит в мою школу. Одно могу сказать, что Филинков — молодец, сильно поддерживает дух и вселяет бодрость. Чтобы там ни было, а он много для нас сделал. Пишет исключительно дружески, редко кто из самых близких людей так откликается.

Скажу тебе по правде, очень хочется домой, так бы и перелетела туда. В мечтах всё время Кусково, хотя больше, чем Кусково, хочется видеть тебя. Скоро год разлуки, а как сейчас вижу всё. Сама же от тебя оторвалась, вот теперь и казнись. Николай Леонидович не советовал жалеть, что уехали, отчасти из-за Игоря, отчасти из-за самой себя. Не каждый может вынести это. Но надо было вынести. Часто вспоминаю Лёшу Иванова и его семью, про них абсолютно ничего не слышно, а мне его особенно жалко, может потому, что больше его знала и последнего видела перед отъездом.

Что сказать о нашей жизни? Она без перемен. Нашего бригадира взяли, вместо него другой, он совершенно не притесняет насчёт работы, хотите идите, хотите нет и вообще предоставляет полную свободу действий. Мы сами по себе ходим полоть лён, а скоро (недели через 1½) нужно уже будет его дёргать. Анна Николаевна ретиво работает, и меня всё время погоняет, я же думаю и о том, как бы за ягодками, да за грибочками сходить, ведь Игорю одному ходить накладно, да и скучно. Земляника приходит к концу, грибы же в полном разгаре, больше всего солонина, как, например, погребни, солодашки и др. К сожа-

лению, нет соли, чтобы заготавливать их впрок, нам на днях выдали по 400 гр. соли, из этого количества ничего не насолишь, впору только на кушанье оставить. Сегодня впервые за большой промежуток — жаркий сухой день, и мама собирается сейчас после обеда наведаться к пчёлам. Тянет с собой Игоря, он на этот счёт бесстрашный человек, только всё же с большой ленцой, всё нужно его предварительно раскачать как следует, ну потом он и войдёт во вкус. Наряжаются они в халаты и в сетки на лица.

Игорь просит оставить ему место, напишет вечером. Будем ещё мыться сегодня, очередное двухнедельное развлечение, в связи с летом сильно упрощённое и лёгкое, зимой тяжёлое в наших условиях.

Да, недавно случайно удалось свешаться только в платье. Было 55 кг, если скинуть на платье 1½ кг, то получится 53½ кг, в хорошее время было 60–63 кг, похудела на лицо, но, сказать по правде, сейчас чувствую себя лучше, головных болей нет, только головокружение, но только не от успехов, есть, да сердце постукивает и то, когда подымаюсь в гору. Вообще, жить можно. Игорь же совсем окреп и ничего про него сказать нельзя.

Вот и всё написала. Да, ещё вспомнила. Настя вчера прислала открытку. Приехала из Москвы (ездила туда в командировку) Варина сослуживица. Она отвезла Кате кой-какие вещи, видела её, и та говорила, что зря привезла, собирается она и Наташа оттуда уезжать. Не знаю я, они ведь давно собираются. Ну всё. Мой любимый друг, крепко тебя целую и обнимаю. Лёля[A].

21/VII-42 г.

Дорогой папа!

Сегодня получили от тебя одно письмо от 11/VII № 125. Почта теперь стала ходить очень хорошо, приходит ежедневно в 10 часов утра, кроме воскресений. Московские газеты доходят до нас на следующий день, и от тебя письма стали приходить быстрее. Сегодня я ходил с бабушкой смотреть пчёл. Ульи у ней слабые, да и погода плохая, поэтому мёду очень мало, особенно в одном. Вынула бабушка из другого улья 3 рамки, да и они полупустые. Только мы кончили смотреть, как началась сильная гроза, не удалось и этому дню простоять без дождя. Я теперь почти каждый день хожу за грибами и ягодами. Вчера принёс земляники стаканов 5. Жаль только, что она скоро кончается, зато будет малина поспевать. Грибов от дождей растёт много, только больше отварные, белых я находил ещё мало, за всё время нашёл только штук 15, часть высушили, а остальные уже съели. В огороде у бабушки начали завязываться огурцы и тыквы. Огурцы будут уже, наверно, через неделю, а тыкве надо долго расти.

[A] Далее письмо продолжено рукой Игоря Дмитриева.

Картошку тоже скоро будем выкапывать, она вовсю сейчас цветёт. Недавно собрали с кустов в огороде красную смородину, всего с маленькую миску. Чёрной будет больше, но она ещё не поспела. Крыжовник ещё молодой и ягод в этом году мало. Понемножку я учу немецкий для 7 класса, ведь я его сдал на отлично, а ещё не учил.

До свиданья! Крепко тебя целую! Игорь.

48-е

Ильинское. Воскресенье 26/VII-42.

Вот уже целую неделю, как я тебе ничего не писала, от тебя тоже давно нет писем, последнее только было 125-е от 11/VII. Что у нас нового? Почти что ничего, всё обыдённщина, все дни похожи один на другой. Писем теперь получаем вообще очень мало, на этой неделе было письмо только твоё и Николая Леонидовича. Ярославцы со дня приезда Лёли не прислали ни одного письма, несмотря что прошло уже три недели. Не знаю, всё ли у них благополучно, все ли здоровы. Ленинградцы вообще никто ничего не пишут. Наверно, никого нет. Живём мы помаленьку, тянемся, работаем и ждём, что будет дальше. От Петра Николаевича письмо было с неделю тому назад. Лёля тебе о нём писала, очень любезное и внимательное, очень бы ему хотелось, чтобы мы приехали поскорее в Швейцарский дом, пишет, что приложит всё старанье, чтобы нас устроить, возможности эти у него есть. Не знаю, Серёженька, потеряем мы или выиграем? Что не попадаем к домам, нечего ведь в волнах не видно утешительного. Как твои делишки? Ты тоже весь в ожидании и в волнении, да что поделаешь? Приходится терпеть. Возможно, что и ещё зиму придётся жить врозь, особо не бери к сердцу, не мы первые. Только бы как-нибудь пережить, да встретиться. Завтра год как мы расстались, а прошло точно десять лет. Но я тебя вижу перед собою, как тогда, когда ты нас провожал на вокзале, и вообще никогда тебя не забываю, каждое утро гляжу на твою карточку, которую ты прислал из Сталинска, и говорю ей доброе утро. Она лежит на комоде в коробочке вместе с часами, так что в день на неё взглянешь ни один раз. Очень хорошо, что тебе Пётр Андреевич прислал посылочку, главное верхние сорочки, которые тебе были очень нужны. Напиши, какие они — белые или цветные? И ещё что было в посылке? Гога понемножку здравствует, каждый день ходит за грибами и ягодами, иногда и с Лёлей. Земляника кончилась, теперь будет малина, мы её ещё пока не ели. Третьего дня справляли Лёлины именины, вспоминали тебя, вообще день прошёл скучно, хотя и старались забыться, пекли пирог с луком и мясом, и ещё открытый с картошкой. Разговелись новым мёдом, которого, кстати сказать, по случаю дождей и холодной погоды нынче мало. Может быть, ещё и

нанесут. Но дожди не прекращаются, идут каждый день, погода очень действует на настроение, так что всё вместе взятое не хорошо, а главное, что будет не знаешь. Завтра получим опять 3 кило муки авансом до 1-го числа. Мне прислали извещение из Пречистенского райздравотдела на 1 августа явиться на врачебную комиссию. Не знаю, пойдёт ли со мной Лёля, одной очень далеко идти, да я и дорогу-то плохо запоминаю, боюсь заблудиться, идти-то 12 км. Думаю, что пойдём вместе. Кстати, и насчёт Игоревского молока похлопочем, хотя ещё рано. Молоко дают во 2-й половине месяца. Ну пока до свиданья! Наши уже все встали, нужно приниматься за обычные дела. Время полвосьмого, поставить самовар, пить чай, Игорь пойдёт за хлебом, мы с Лёлей на работу. Серафима Галактионовна готовить обед. Вот так и идут дни. Твои письма гораздо интереснее, у тебя всё что-нибудь, да новенькое. Целуем тебя крепко, шлём все привет и лучшие пожелания.

Твоя Мама, Лёля, Гога и Серафима Галактионовна.

27/VII.

Дорогой Серёжа!

Сейчас с Игорем вернулись с грибов, принесли по корзине разных, да по стакану земляники-малины (последняя стала поспевать только). С места в карьер мама грибы уже поджаривает. Анна Николаевна подсыпает капусту; я пойду туда после обеда. Игорь сбегал в сельсовет и принёс почту, вот она.

1) От поликлиники Ярославского Облздрава извещение. «На запрос Облсуда по поводу направления Вашего сына для приобретения съёмного корсета в г. Москву Наркомздрав ответил отказом. Вторично запрошен Наркомсобес. О результатах будет сообщено.» 22/VII-42 г.

2) От тебя (№ 126 от 13/VII). В письме три марки. Стали беспокоиться, что долго не было, несколько дней. Петру Андреевичу напишу. Понимаю твоё беспокойство, и сама тоже рвусь и мечусь, нервничаю очень, но сделать ничего нельзя.

3) От Лены одно и Сергея Васильевича другое. Оба поздравительные и оба 21/VII. Передавать не буду, так как Сергей Васильевич сам тебе написал, он упоминает об этом. Пишет, чтобы не жалели о нашем городе, что туда не попадаем, а тебе советует даже не трогаться с места. Своим житьём пока все они более или менее довольны, кой-чего дают по карточкам.

4) От Филинкова от 23/VII. Ездил в Рогожскую, но помещение школы занято и его не пустили туда. Дома всё в порядке, живёт директор. Воров судят. Музей занят подсобным хозяйством. Книги по-прежнему лежат в квартире, их

не переносят на старое место без хозяина. У директора появилась заместительница (злая фурия), жильцененавистница, В.И. Гвоздарёва.

Пишет он ещё, что у них всё абсолютно спокойно. Так и манит к себе, жулик этакий, но близок локоть, а не укусишь. Сергей Васильевич же пишет обратное и не советует туда стремиться, да тут советуй — не советуй, а не проедешь, когда теперь до Ярославля без пропуска не проедешь, не только контроль гражданский, но и военный у нас. Несколько дней тому назад было ещё и от Николая Леонидовича. Надо ему ответить. Он тоже делал запрос о себе в Москве, но ему ответили, что он был бы нужен, но лимитов нет. Моё ТОНО, наверно, также ответит отказом. Чует моё сердце, ничего не поделаешь. Сами мы здесь понемногу существуем, поддерживают грибы, едим их вовсю. Игорь редкий день пропускает, стала поспевать и картошка. Сегодня жаркий день, наконец, а то и холодно, и дождливо. Пчёлы наших надежд не оправдали, только два разочка полакомились, да ещё мама должна отдать кой-кому мёду.

Сейчас напишу Петру Андреевичу, а затем и остальным. Крепко тебя целую, мой милый друг. Лёля.

P.S. Николай Леонидович пишет, что у него был Пётр Андреевич три дня, много говорили о нас.

49-е

Ильинское. Четверг. 30/VII-42 г. 6 ч. утра.

Дорогой Серёжа! Не помню, какое моё было последнее письмо — 47 или 48. Пишу это 49-м. Вчера получили твоё письмо за № 127 от 19/VII. Этот раз тоже долго не было твоих писем. До этого было письмо № 126 от 13/VII. Следовательно, ты тоже долго не писал. Да это и понятно, писать-то нечего, всё не то, что хочется, поэтому и настроения нет. Серёженька, милый мой! Прошу тебя не волнуйся, возьми себя в руки, что же теперь делать, как-нибудь надо жить, не принимай так близко к сердцу всех неудач жизни. Знаешь, жизнь прожить — не поле перейти, всяко бывает. Думаешь так, а выйдет совершенно по-другому, нужно с этим мириться. Может быть, тебе придётся остаться и в Сталинске. Это ещё всё не такая беда, чтобы приходить в отчаяние. Не забывай, пока живы, надежда на встречу не потеряна, только дело затянется. Нужно с этим мириться. Вот что-то 5 августа скажет, меня оно беспокоит. Ты в своём письме не пишешь, какой последний № моего письма ты получил. Писал 43-е, а остальные не знаю, получены ли: в одном из писем я писала тебе на письме Филинкова. За последнее время Филинков пишет часто. Лёля в своём письме писала, что пишет Филинков. Затем он прислал ещё письмо, в котором сообщал, между прочим, что был в Рогожской, в Лёлиной школе, но ничего не до-

бился, так как большое здание закрыто, он попасть туда не смог. Опять пишет, чтобы приезжали, ещё пишет, что директор музея живёт в квартире Пурмана и что теперь нестрашно. Воров некоторых изловили, ведётся следствие. Затем изъявляет желание, чтобы мы получили его предыдущее письмо. Оно пришло позже этого, вот его содержание.

Во-первых, приложен штамп:

Управление Кинофикации
при Мособлсовете
Театр и сад Кусково
20 июля 1942 г.
№ 114
Московская область

Гр. О.А. Дмитриевой

Приглашаем Вас на работу в театр в качестве литературного консультанта и педагога. Ваш приезд в Кусково желателен не позднее 20 августа с.г.

Директор театра Филинков
Секретарь Антонина Шилова

Не знаю, что выйдет из этого вызова. Во всяком случае он очень старается быть полезным, и за это ему спасибо. От наших ярославцев — от Лены и Папы — получили письма, поздравляют Лёлю с днём ангела, нас с именинницей. У них всё помаленьку, все здоровы, с питанием стало лучше, кое-что выдали на карточки, немножко масла, сыру, глюкозы и т. д. Хлеба у них теперь хватает, а если остаётся немножко, меняют на молоко, яйца, творог и на что придётся. Недавно Лёня сменял свою буханку на кило баранины. На базаре у них появились овощи, но очень дорого, не по их деньгам. Папа работает, обед получает на Авиазаводе, первое и второе, обеды дешёвые, не дороже 2 рублей 70 копеек, так что он доволен. Его хозяйка Марья Матвеевна 5/VII умерла. Похоронили, помянули и точно не было на свете. Ну вот тебе и все текущие новости. У нас особого ничего нет, всё по-старому. Сейчас 2 часа дня, пришли обедать. С сегодняшнего дня перешли на другую работу по теребле льна, до этого пололи и окучивали капусту. С 1 августа с молоком дело швах, так как за деньги не продают, менять особо нечего. Ждём Игоря, ушёл за грибами. Просил оставить ему местечко, хочет сам написать. Серёжа, будешь получать мои письма, пиши за каким №. Ну пока до свиданья! Во всяком случае прошу хладнокровней ко всему относись. Береги свои силы, пригодятся впереди. Придёт время, всё устроится. Не так, то как-нибудь по-другому. Целую. Твоя Мама[A].

30/VII- 42 г.

Дорогой папа!

Сегодня ходил в лес за малиной и за грибами. Нашёл место, которого ещё никто не обирал, и набрал целую корзину малины, да ещё и осталось очень много, завтра пойду опять и ещё наберу. Грибы в том лесу плохие, очень много

[A] Далее письмо продолжено рукой Игоря Дмитриева.

червивых, белых нашёл только один, а остальные боровики да погребни. Бабушка уже приготовила кадушку для солёных грибов и начала её закладывать. Пока ещё медленно, так как грибы всё время и едим. Белых попадается очень мало и их все сушим.

В огороде всё растёт хорошо: начали поспевать огурцы, несколько штук уже съели. Тыквы ещё маленькие, с кулак, готовы они будут только осенью. Свёклу едим давно, варим из неё холодное, только её очень мало. Один раз пробовали подрывать картошку, уже есть, но мало. Позавчера я с бабушкой пересадил лимон и все остальные цветы на новую землю. Теперь они будут расти ещё лучше, а то лимон совсем захирел и листья стали желтеть.

Погода, наконец, наступила настоящая летняя и очень жаркая, в полдень даже невыносимая.

До свиданья! Крепко тебя целую. Игорь.

3/VIII.

Милый друг!

От тебя давно очень нет писем, последнее от 19/VII. Хотя я понимаю, что не пишется сейчас, ничего нет хорошего, а всё же нужно писать, так как время тревожное, и каждый день чего-нибудь ждёшь.

У тебя дата 5-го августа знаменательная, чем-то она кончится, а потом всё ждёшь из Малмыжа известий, тоже какой-то сдвиг, в лучшую или худшую сторону — неизвестно. Всё внутри трепещет от постоянного ожидания. Нам писем давно ни от кого нет, газеты приходят исправно.

Живём по-прежнему, без изменений. Живём природой и зависим от неё полностью. Есть дождь — сидим дома, а то на работе. Урывками сходишь за грибами и ягодами. Малины везде гибель, и жаль её опустить[A]. Вчера полдня работали — пололи и окучивали капусту, а с обеда я и Игорь отправились в лес. Стал накрапывать дождь, бросить всё и бежать домой не захотелось, так и собирали мокрые, пока не набрали целой корзины, а по дороге ещё грибов в другую корзину, зато домой пришли промокшие и продрогшие дотла. Малину пьём с чаем, а после обеда запиваем её сывороткой, которая нам теперь заменяет молоко, последнего почти не видим, изредка достаём по крынке.

Сыворотку дают нам на заводе, она очень хорошая и пить её можно вполне. Ночью сильно болел зуб, наверное, простыла накануне и плохо поэтому спала, ещё сегодня продолжает болеть, с ужасом думаю, что если разболятся, то лечить здесь совсем негде.

[A] Так в подлиннике.

Сегодня расписание дня, по-видимому, такое же. Исключительно дождливое лето, так всё и всюду отсырело, никак в колхозе не могут поэтому справиться с сеном, а уже на очереди уборочная кампания.

Через неделю именины мамы (11-го), опять нужно праздновать, правда, мы празднуем так же, как и обычный день, вот только что-нибудь испечёшь, а то расписание то же. Иногда читаю, достала Григоровича «Просёлочные дороги»[A], в день, может быть, несколько страничек.

Торопят обедать, да и всё, кстати, написала. Обед — суп грибной, капуста зелёная тушёная и малина с сывороткой. Видишь, какие богачи. Не унывай, Серёженька, и потерпи ещё.

Крепко тебя целую, мой родной. Лёля.

49-е[B]

Ильинское. Четверг 6/VIII-42 г. 8 часов утра.

Дорогой мой Серёжа! Здравствуй!

Вчера получили твоё письмо за № 128-м от 24/VII, были ему очень рады. Порадовало меня, что Алёша, Шура и Галя живы, и очень опечалило известие о смерти Володи[C]. Это вторая утрата за короткое время, о которой мы узнали, но сколько ещё впереди. Не знаю я, что с тётей Леной. Писала я ей несколько писем, но ответа не получила. Между прочим, вчерашний день получила я обратно из Ленинграда своё письмо заказное, писаное ещё 20/II- 42 г. Е.Е. Берданосовой, т. е. тёте Кате. С припиской «Адресат не проживает», на конверте штамп домоуправления — умерла — вот тебе подтверждение смерти тёти Кати. Где путешествовало это письмо, не знаю. Алёша тоже почему-то никаких подробностей не пишет ни о матери, ни о Володе. Спасибо тебе за твоё внимание и ласку, она меня сильно ободряет, по совести тебе сказать, за последнее время я очень плохо себя чувствую, страшно исхудала и изменилась, вся одежда на мне висит, как на вешалке, осталась кожа да кости. Какая причина? Причин много, весь год в тревоге и неприятности, хотя фактически здесь всё спокойно, и есть, и спать можно, но пища впрок не идёт, а сон плохой, часто не сплю по ночам. Встаёшь же не поздно, в особенности я, ты меня знаешь, человек я заботливый, стараюсь занять очередь за хлебом, чтобы целый день не проводить Игорю или

[A] Роман В.Д. Григоровича «Просёлочные дороги» (1852).

[B] Это письмо имеет тот же 49-й номер, как и письмо от 30 июля 1942 г.

[C] Брат А.Н. Дмитриевой — Владимир Хопер. Отчество брата не установлено. Анна Николаевна Дмитриева и её родная сестра Екатерина Евдокимовна Иванова (во втором замужестве Берданосова) были крещены во взрослом возрасте и получили свои отчества по именам крестных отцов.

Серафиме Галактионовне за этим делом, так как находятся и другие дела. Затем идём с Лёлей работать, работа сейчас в связи с уборкой урожая усиленная, так что, говорят, нужно работать не покладая рук, т. е. весь световой день, не разбирая ни пола, ни возраста, ребят от 12 лет и старух, которые могут только ползать. Всё вместе взятое, наверно, и отражается на мне, да разные известия о смерти дорогих любимых людей. Мне только одного хотелось бы — дождаться, увидеть тебя. В своём письме ты написал — дорогая мама, не горюй, я сердцем чувствую, что мы ещё увидимся, и меня это очень радует, я тоже хочу в это верить и постараюсь взять себя в руки.

7/VIII. Милый Серёжа! Думала послать тебе письмо вчера, но не успела; продолжаю сегодня, пришла на обед. Работы сейчас очень много, с утра до вечера, писать мало время, а вечером темно, нет керосина. Сегодня перемены декорации. Лёля вступила в новую должность по предложению председателя колхоза — заведовать яслями. Работа гораздо приятнее, и в смысле оплаты трудодней более обеспеченная, так как каждый рабочий день ценится день с четвертью. Я продолжаю свою работу по выработке. Отказаться от работы нельзя, не получишь своего пайка хлеба ежедневного, т. е. 500 гр. (кто не работает — не ест). Лозунг тебе известный, тем более в такое нужное время, как уборка урожая. Ну вот пока и всё. Пиши сам чаще, не смущайся, что пишешь одно и то же, когда нет твоих писем, очень тоскливо, живём только ими. Не огорчайся, если придётся ещё раз зимовать в Сталинске, там всё же тебе неплохо, а в Малмыже ещё неизвестно, что будет. Ну словом, что будет, то будет. Америку не откроешь.

Целую тебя крепко. Твоя Мама.

Привет от всего нашего коллектива[A].

7/VIII-42 г.

Дорогой папа!

Сейчас получили от тебя письмо от 28/VII-42 г. Бандероль с газетами, о которых ты пишешь, ещё не пришла, наверно, придёт завтра. Ещё пришло письмо от дедушки от 3/VIII. Больше писем не было.

Мама с сегодняшнего дня поступила в колхоз заведующей яслями. Платить ей будут по 1¼–1½ трудодня в день. В колхозе 3 отделения яслей, и она их общая заведующая.

Я хожу каждый день после обеда в лес за грибами и ягодами. Приношу полкорзинки малины и корзинку грибов (боровиков). Малины в этом году много. Едим её на третье и с чаем, а вчера бабушка испекла пирог с малиной.

[A] Далее письмо продолжено рукой Игоря Дмитриева.

Погода стоит холодная и дождливая, особенно сильно это отзывается на огурцах и пчёлах. Мёду пчёлы собрали очень мало, всё идут дожди, и они не могут летать. Огурцы тоже из-за холодов растут плохо, в день снимаем только 5–6 штук, да и то маленьких.

Папа, пришли мне бандеролью учебники для 8 и 9 классов, здесь их совсем не найдёшь. У меня есть только история и больше нет ничего. Если останемся здесь, то буду готовить за 2 года, а потом сдам их сразу.

Бабаня сейчас ушла полоть капусту, всего осталось 4 гряды. Потом будет дёргать лён. Сейчас пойду полоть вместе с ней.

До свиданья! Крепко тебя целую. Игорь.

10/VIII.

Дорогой Серёжа!

От тебя нет несколько дней писем, правда, ты стал писать реже и писать-то по существу нечего. Нет никакой перспективы впереди, и отсюда общее настроение. Становится с каждым днём всё туже и туже, и что делать, не знаешь. Очень тяжело на душе. Вчера неожиданно утром открылась дверь и вошла Настя. Так были рады её все видеть. Она приехала в наш и Даниловский районы с командировкой для вербовки учащихся. Кое-что с собой привезла в качестве презента как, например, 5 коробков спичек, чаю. Продукты для себя привезла. Сейчас собирается ехать в Данилов для того же, пробудет здесь до 20-го. Хотелось бы хоть немного ей отдохнуть, но приходится ходить. Вчера выбралась с Игорем за малиной и принесли по целой корзине.

Стало холодно и сухо, несколько дней так дует холодный ветер. Пишу тебе под общий разговор, и поэтому выходит нескладно.

С 7/VIII новая работа у меня — заведующая яслями. Пока легко, не знаю ещё, чего дальше будет. В моём ведении три пункта в разных местах, в радиусе 3–4 км. Обхожу каждый день, побуду немного и дальше иду, так и работаю. Всё же устаю, хотя физически и не работаю.

Пришла повестка для Игоря, вызывают его опять в Пречистое на 12-е. Хочу с ним всё-таки сходить, хоть и трудно для него, но нужно же всё-таки когда-нибудь успокоиться.

Пойдём с отдыхом, не торопясь. Отправляю с Настей письмо, поэтому заканчиваю.

До свидания, целую тебя. Лёля.

50-е

Ильинское. Четверг, 7 ч. утра. 13/VIII-42 г.

Дорогой Серёжа! Что-то долго нет от тебя писем? Вообще ты стал писать редко. Последнее письмо было 129 от 28/VIII. Сегодня всё же надеюсь, что письмо будет. Как-то прошло у тебя 5/VIII, всё ли благополучно? На вчерашний день вызывали Игоря в Пречистое, по этому же делу. Прошлый раз Лёля ходила вместо него сама, но это их не удовлетворило. Были они вчера вместе, дошли по благополучию[A], и Гога получил бессрочный билет. Ушли из дома в 8 часов утра, вернулись к 8 вечера. Подробности своего похода отпишут они тебе сами. Как-то ты себя чувствуешь, дорогой мой? Не огорчайся сильно, если и не всё так, как хочется, что же поделаешь.

2 часа дня. Давеча пришлось отложить письмо, пить чай и идти работать, теперь пришла обедать, дома нашла три открытки: две твои — 130 от 1 августа и 131-я от 3/VIII. Третья от Филинкова, адресует на меня. Вот её содержание:

«Дорогая Анна Николаевна. Приветствую Вас! И всю Вашу милую компанию. Отвечаю на интересующие Вас вопросы.

1) Кварт. оплата — высылаю Сергею Сергеевичу оплаченные жировки, их выписывают аккуратно.

2) Директор в Пурмановскую квартиру въехал, бывает редко, въехал на лето, у него есть большая квартира.

3) Квитанция на 360 рублей. Сем. Ст. всё тянет: зайдите нонче да завтра, его приходится искать.

4) О кладовке поговорю с директором, так как знаю, что Музей уделял ей внимание.

Охрана дома налажена, вверху живёт директор, дома всегда его прислуга и дети, кроме того воры 23/VII осуждены на 1 год 4 человека и 1 условно. Сами кражи известны на[B] всё Кусково, так сказать, местное «событие», настолько популярно, что, когда публика недовольна театром, слыхал возгласы: «мало его очистили». Жду с нетерпением, чтобы кто из Ваших приехал, одному воевать с Музеем трудно. Не забывайте писать. Искренно Вас уважающий П.Н. Филинков.

Приписка: С питанием лучше на рынках. Всё есть.» Ну вот и вся его открытка. Нужно будет отписаться. Вчера же в Пречистом Лёля уладила дело с Игоревским молоком. Выписали ордер на 10 литров за 13 рублей 20 копеек. Заходила она в НКВД по поводу вызова директора сада Гай на работу, хотя вперёд знала, что из этого вызова ничего не получится. Сказали, нужно через областное НКВД, а там скажут — через Москву и так сказка про белого бычка.

[A] Так в подлиннике.

[B] В подлиннике опечатка: «ни все Кусково».

У нас гостит Настя, вот уже несколько дней, приехала в командировку по таким же делам, по которым ездил и ты, т. е. вербовать студентов, но больших успехов не имеет, так как весь народ на работе. Всё же кое-что наклёвывается, пробудет она до 17 числа. Лёля теперь у нас стала заведующей яслями, что ей гораздо приятнее, да и мне тоже, насчитывается ей за каждый день день с четвертью, а так заработает с нашими силами от 10 до 18 дней только половину. Ну вот пока и всё. Ещё раз повторю тебе: Серёжа, ничего не бери к сердцу, не волнуйся, будем живы — увидимся. Прошу пиши по возможности чаще. Из Ярославля письма получаем, недавно было два письма от Папки и одно от Лены. Алёше Иванову я написала. 11-го/VIII — была праздничном[A]. Серафима Галактионовна пекла пирог с малиной и ватрушку с творогом. Принесли много малины. Мёду нонче мало. Понемножку дают нам мучки или ржи. Целую тебя крепко много раз.

Привет от всего нашего коллектива. Твоя Мама.

Игорь тебе напишет.

В лавке стали давать творог, почти ежедневно, по 500 гр. на человека по цене 450 кило и пахту — род кислого молока по 140 литр, дают по 1 литру на человека. Если есть, берём то и другое. Так что пока хорошо[B].

13/VIII-42 г.

Дорогой папа! Сегодня пришли от тебя две открытки, а бандероль, которую ты послал раньше, ещё не пришла. Вчера мы с мамой ходили в Пречистое в Военкомат. Из дому вышли в 8 часов. Погода была хорошая, не жаркая, и мы дошли туда в пол-12-го. В Военкомате долго ждали, пока меня приняли, да ещё мама ходила по другим делам. Освободились только к 4 часам и пошли домой. Несколько раз накрапывал дождь, но сильного не было. До Пречистого 12 км, да обратно столько же, но особенно я не устал, назад даже было идти легче. Домой пришли в 8 часов вечера, солнце ещё не зашло.

К нам приехала с командировкой, набирать учеников тётя Настя. Сегодня я с ней ходил в Кузнецово, к директору школы за содействием. Он обещал помочь и узнать, кто желает поступить в техникум. Уже тётя Настя завербовала 4 человека. Сегодня ходили мы с ней в лес за грибами. Набрали по корзине солодашек и рыжиков. Белых всего только два. Пробудет она у нас до 17. Будем ходить за малиной, её в этом году урожай и можно набирать целыми корзинками.

До свиданья! Крепко тебя целую! Игорь

[A] Так в подлиннике.

[B] Далее письмо продолжено рукой Игоря Дмитриева.

18/VIII.

Милый Серёжа!

От тебя что-то давно нет писем, беспокоимся, что с тобой, как прошёл день 5/VIII-го? Были только две открытки и всё. По-видимому, с Малмыжем ничего не получится, и не мучай себя, предоставь событиям идти своим чередом, переделать что-нибудь не в наших силах. Хочется так, а выходит иначе, что поделаешь.

Вчера пришла открытка от Наташи. Пишет, что живут по-прежнему, болела она только грудницей три недели, а ребёнок желудком.

Вчера же уехала Настя, очень было её жаль, точно что-то отрывалось родное. С вербовкой у неё здесь ничего не получилось, отдалённость расстояния действовала, это её обескуражило. Походила здесь с Игорем за грибами да за ягодами (малиной), немного насушила себе. Её пошла провожать мама, она решила дойти с ней до Макарова, а потом на могилу к папе и заночевать там в селе, пока ещё не вернулась обратно.

Сейчас получила из Ярославля такое извещение: «По сообщению Московского института протезирования, последний рекомендует обратиться Вам для приобретения съёмного корсета в Ярославский Облсобес, который может дать наряд на изготовление его в протезной мастерской г. Рыбинска».

Между прочим, когда я была в Ярославле, то такое заявление уже подала, но на него нет никакого ответа, значит, и в Рыбинске этим делом теперь не занимаются. Всё это так надоело, что хочется бросить всё, а нужно тем не менее снова туда написать.

Не знаю, писала ли, что получила от Петра Андреевича письмо, чрезвычайно отзывчивое, хочет чем-нибудь помочь, но чем — не знает. «Возможно Вам, как моей родственнице, окажут содействие местные, районные или областные организации, так как мой начальник — бывший секретарь Обкома партии». Я поблагодарила его и просила оказать содействие в пропуске, это единственное, что мне требуется. Написала и Николаю Леонидовичу, от него давно ничего нет. Как-то его братья, они, ведь, в Кисловодске были.

Сейчас мы питаемся лучше, много помогает завод, дают творогу по 4 рубля 50 копеек кило, пахту по 1 рублю 40 копеек литр (вроде жидкой простокваши), да ещё 10 литров на Игоря. Хлеба нам дают по 400 гр. теперь, да в колхозе на двоих по 300 гр. рожью, надо смолоть и испечь тогда.

Я работаю заведующей яслями, много легче и свободней, обхожу три пункта, получаю хлеб на детей, немного понаблюдаю и всё. За день пишут 1,25 трудодня. Только что вернулась мама, всё благополучно, Настю посадила.

Пиши почаще, милый, целую тебя. Лёля.

51-е

Ильинское. 23/VIII-42. Воскресенье, 6 ч. утра.

Вчера после долгого ожидания и беспокойства, получили твою открытку № 133-ю от 9/VIII, до этого была получена открытка 131-я от 2/VIII. Целую неделю не было от тебя никаких известий, и мы не знали, что подумать, до этого ты писал чуть не ежедневно. Нас очень беспокоило 5 августа, так как тебя этот день вызывали, твоё молчание привело нас в беспокойство, уже думали, что ты заболел, неделя срок большой в особенности, когда ожидаешь, и если бы вчера твоё письмо не получили, то на сегодня решили дать телеграмму. Что-то ты стал нам мало писать? Мы так ждём твоих писем, это всё, что нам осталось в настоящее время, вся отрада, когда получишь твоё письмо. Прошу тебя, Серёженька, пиши чаще, пиши обо всех твоих делах, о всех впечатлениях, которые переживаешь, о всех событиях. Правда, нового у тебя мало, но всякая мелочь, касающаяся твоего быта, нас интересует.

Завтра год, как мы приехали в Ильинское, не думали, что так затянется наше пребывание здесь. Думали, этой осенью быть всем вместе, но, по-видимому, мечты останутся мечтами, а на деле ничего не выходит. Скоро и опять начнётся учебный год, и снова всё пойдёт по-старому, пожалуй, когда ты получишь это письмо, вопрос решится окончательно. Ты будешь в Сталинске, а что будем делать мы? Вторая зима в Ильинском не особо улыбается. Главное — не в чем ходить, за год всё же мы пообносились, а нового ничего не приобрели. Я стала в роде твоего Марголина, жакет твой, т. е. бывший пиджак, весь истрепался, тапочки галоши тоже, юбка осталась только выходная, которую берегу, а на работу ходить не в чем. Да что о этом говорить я и сама-то стала вроде своих вещей, такая же старая и плохая. Вот с Игорем забота, у него сносились оба костюма. Правда, цел костюм лыжный, который мы с тобой купили в большом Мосторге, и синий крашеный из белого твоего пиджака и белых брюк, но если их пустить в ход, то и выйти или ехать потом, будет не в чем. Плохо дело, впереди ничего не видно. Лёля пока на летнее время устроилось в яслях, но лето скоро кончится, нужно что-то тоже предпринимать, так как опять начнут посылать на полевые работы. Приезжала Настя в командировку, пробыла у нас с неделю особых успехов не имела, все, кто подал здесь заявление насчёт техникума, в конце концов, когда нужно было ехать, не поехали. И так она уехала обескураженная. Вчера Надя из Данилова (Юматова) провожала своего Володю в Красную Армию. Одного года с Игорем.

Что тебе написать о нашем продовольствии? С огорода пользуемся всем, что возможно. Лёля и Игорь отводят душу огурцами, так как очень их любят. Каждый день делаем винегрет, есть свёкла, картошка и огурцы. Грибов Гога

приносит. Малину тоже, в этом году много, едим так и печём в пирогах. Творогу и пахтанье почти каждый день стали давать на заводе, по цене творог 4,50 кило, дают сколько нужно, пахтанье очень хорошее по 1,40 литр, можно брать по литру на человека. Пока что мы очень сыты. Хлеба получаем по 400 гр., но авансом стали давать на пятидневку по 200 гр. муки, или по 300 гр. ржи, из колхоза в счёт заработанных дней. Так что в этом отношении пока хорошо. А ещё бы было лучше, если бы быть всем вместе. Ну пока кончаю писать. Нужно скоро пить чай и идти на работу. Последнее письмо было от ярославцев. Пишет Папка, там всё благополучно. Все здоровы, шлют привет.

С Филинковым ты всё же связь поддерживай, так как нужно, чтобы быть в курсе всех Кусковских дел. Я ему тоже пишу, и он отвечает.

Дорогой мой милый Серёжа, целуем тебя крепко. Пиши чаще. Как твой огород? Чем ты теперь питаешься? Особо не расстраивайся, что будет, то и будет. Поживём — увидим. Твоя Мама.

23/VIII-42 г.

Дорогой папа!

Вчера от тебя была открытка от 9/VIII № 133. № 132 ещё не пришёл, не пришла и бандероль с газетами, о которой ты давно писал. Сегодня воскресенье, почты не будет.

Вчера я ходил за грибами, принёс одну корзинку, больше рыжиков, а позавчера ходил с двумя корзинками и тоже набрал полные. Дождя не было давно, и грибов стало меньше. Малина тоже кончается, последний раз еле собрал четверть корзинки. Из неё испекли пирог на мой день рождения (22 августа), был ещё пирог с творогом, помазанный мёдом. Мёд бабушка уже почти весь вынула, из одного улья порядочно, а другой слабее и из него вынули мало.

В огороде всё поспевает. Через два дня снимаем огурцов штук 50–100 и всё время их едим. Много огурцов склёвывают цыплята и курицы, только прогонишь, опять залезают, особенно цыплята, которые пролезают в каждую щёлку. Тыквы всё толстеют, некоторые уже больше головы, пока их всего 15 штук, но, наверно, будут и ещё. Очень много будет помидоров, пока они ещё зелёные, но скоро будут краснеть. Морковь, репу и свёклу уже почти всю съели, только редьку не особенно едим, а посадили чуть не целую гряду. Я прочитал в одном журнале, что в корнях лопуха много сахару и, если их примешать к муке, то будет как пряник. Я накопал немножко корней и их смололи вместе с рожью, только ржи были очень много и в хлебе почти ничего не почувствовали. В следующий раз корни надо смолоть отдельно, прибавить немного муки и испечь.

Погода сейчас сплошь холодная, тёплых дней было очень немного в начале августа, а потом опять стало холодно. Грибы из-за холодов стали плохо расти, а белые и совсем не растут, насушили мы их всего одну связочку.

У нас в лавке грибы принимают за соль и спички, берут и сушёные, и сырые. Мы ещё ни разу не носили, хотя соль нужна для огурцов и грибов, больно уж много берут грибов. На 1 кг сушёных грибов дают 1 кг соли или 2 коробки спичек.

Сегодня пойду опять за грибами, хоть и мало их стало, но корзиночку-то найду.

До свиданья! Крепко тебя целую. Игорь.

25/VIII.

Дорогой Серёжа!

Получили от тебя сегодня 132-е письмо от 5–6 августа. Долго его ждали, что-то загулялось оно, а мы уже начали тревогу бить и строить разнообразные предположения, да и как их не строить, тут от тебя неделю не было известий. Нет и обещанных газет, которые, ты писал, послал бандеролью. Итак, ты признан годным к строевой службе, тут возможны все вероятности, Малмыж не отвечает, что крайне неприятно.

Кстати, когда у вас начнутся занятия? В «Северном рабочем» помещено объявление, что занятия в Ярославском педагогическом институте начнутся 1-го октября, у вас так же? Это, с одной стороны, и лучше: может, и Малмыж откликнется и, вообще, что-нибудь изменится. Хотя себе и говоришь, что ничего существенного не произойдёт, а все надежды не оставляешь и ждёшь, и ждёшь…

Живёшь почтой, так день и распределён внутренне — до почты, а уже остаток дня проходит между прочим, воскресенье считаешь пропащим днём — в этот день почты не бывает. Всё остальное время стараешься ни о чём не думать, все мысли гонишь от себя или только предаёшься воспоминаниям, очень бываешь довольна, когда наступает ночь. Тогда забираемся мы с Игорем в свою светёлку, немного потолкуем, он рассказывает о прочитанных газетах, а там и засыпаем. Спать наверху довольно прохладно, скоро придётся спуститься, наверное, вниз, что не особенно улыбается, так как соседи наши — народ шумный и нисколько не стесняющийся. Задумывалась я и глубоко о своей дальнейшей деятельности, предлагали мне место в Кузнецовской школе, где Игорь учился, но пока отказалась, так как хотелось соединиться с тобой, хотя бы в Малмыже, но теперь всё это неизвестно. Нужно бы подумать и о зарплате, наши деньги тают, осталась половина взятых из дома. Приберегать приходится их и думать о дальнейшем. Работа в колхозе денег не даёт, правда, больше, чем

деньги — хлеб, но и они нужны. Сергею Васильевичу я решила пока не посылать, он и пенсию получает, и жалованье имеет, а у нас ничего не прибывает, как ты на это смотришь? Главное, впереди не знаешь ещё, что будет.

Я сейчас работаю в яслях заведующей тремя пунктами, имею больше свободного времени, а главное независима. Вчера спрашивала председателя колхоза, долго ли будут ясли, она ответила, что пока не кончится уборочная кампания, а там может ещё продлят, а «вообще работу, подходящую для Вас, всегда найдём». Так и решила оставаться на этом месте, а там, что будет. Мама всё собиралась уезжать в Некрасово, хотела даже нас одних оставить, а потом решила вместе уж тянуться.

Вот с Игорем не знаю, как быть, надо ему продолжать учение. Очень было бы хорошо, если бы ты раздобыл ему учебники для 8-го и 9-го классов, он хочет за два года подготовиться, а там весной сдать где-нибудь. Сейчас он в свободное время всё решает задачи уже для 8-го класса, в старых учебниках есть незаконченная программа. Для него ученье необходимо, так как ничего другого он делать не может. Авось, как-нибудь и проживём это трудное время.

Вчера было письмо от Клавди из Фрунзе, уехала она туда в ноябре, очень хочется вернуться обратно, но тщетно. Тебе, будто бы, писала много раз, но от тебя ничего не получала.

Было и от Лены, всё у них в порядке, огород и они сами процветают, вот Вера только грыжится, ложится на операцию скоро.

Только что приходила одна женщина, оторвала меня надолго со своими разговорами, а мама и Игорь ушли за грибами, Анна Николаевна на работе, я одна дома.

Продолжаю дальше о письмовных новостях. Сегодня пришли от Насти, от Нюры Байбородиной и от Нади письма. Настя хорошо доехала, её встретила Варя, которая хозяйничает вовсю, думает на паях завести поросёнка, кроме козы и трёх кроликов. В огороде у них всего много, а едоки они плохие, да ещё обеды дают. Застала она Удальцова[A] на столе, так что простилась уже с мёртвым. Когда я была в Ярославле, он был плох, заговаривался. С ним тоже у нас много связано. Нюра написала «агромаднейшее» письмо о своей жизни. Сообщает, что Алёша Иванов хотел бы уехать из Ленинграда, но нет сил ни у него, ни у семьи, чтобы сдвинуться с места, сильно слабы. Миша же находится где-то в Московской области. Надя сообщает, что Володя 16-го отправлен в военную

[A] Очевидно, речь идёт об Александре Дмитриевиче Удальцове — преподавателе Ярославских духовного училища и семинарии, Ярославского женского епархиального училища, при советской власти — Ярославского государственного университета.

школу в Ярославль. Шура, пишет, очень много работает, так что даже спать приходится урывками. Вот приблизительно всё. Сейчас уже вечереет, огня у нас нет никакого, поэтому надо укладываться в световой день, кончаю.

Целую тебя. Часто иду и думаю, вот бы ты встретился. Лёля.

29/VIII.

Дорогой Серёжа!

Позавчера получили от тебя 134-е письмо, с последним добавлением, что из Малмыжа пришла телеграмма. Я лично рада этому известию, а Анна Николаевна нет, стала строить разные предположения и т. д. По-моему же, это движение воды, а то всё заросло. Так хочется отсюда выбраться, что и сказать тебе не могу, хотя знаю, что и везде несладко. Вчера пришло письмо от Филинкова, большое, но особенно передавать нечего. У них всё спокойно, с питанием лучше, семья директора будет жить до 1/IX, а он останется, зовёт приезжать и т. д. Между прочим, письмо адресовано на Анну Николаевну, а про нас пишет: «Не знаю, за что на меня обиделись Ольга Алексеевна и Сергей Сергеевич, за собой никакой вины не чувствую». Это по поводу того, что мы ему ничего не пишем. Я сейчас ему ответила, извиняюсь за себя и тебя, объясняю своим настроением, бесперспективностью и невозможностью в настоящее время попасть домой. Это так и есть в действительности, у меня совсем опустились руки, так ни на что бы и не смотрела, полное безразличие. Писать никому не хочется, то же я наблюдаю и у других: у тебя, Николая Леонидовича и др. Где-то братья Николая Леонидовича сейчас? Успели ли они уехать? Я ему задаю эти вопросы, но от него уже больше месяца ничего нет, видимо, тяжело и не до писем. Пётр Андреевич только одно написал, я ему тут же ответила.

У нас изменений нет, всё по-старому. Буквально повторение пройденного, но в настоящее время и это хорошо. Мама сегодня собирается идти в Данилов, заказала знакомому сапожнику подыскать себе какую-то подержанную обувь, не знаю, получится ли у неё что-нибудь. Энергии у неё, вообще-то, много, но силы очень и очень ограничены. Наш самоварчик, отрада и утешение, приказал долго жить, чинить не берутся — нет олова, вот она и хочет ещё от Нади взять наш ведёрный самовар и тоже притащить. Не по силам, конечно.

Питаемся вовсю овощами из нашего огорода, особенно много едим огурцов, уплетает Игорь больше всех, да они и вкусны, правда, картошки мало, пока едим, но для дальнейшей жизни нет. Пишу в обеденный перерыв, вернее, в предобед. Буду сейчас собирать на стол. Ждём дальнейших известий от тебя. Крепко целую. Лёля.

Поздравление пришло, мама благодарит.

52-е

Ильинское. 6/IX-42. Воскресенье. 9 ч. утра.

Дорогой мой Серёжа!

Пишу тебе это письмо, но думаю, что оно тебя в Сталинске не застанет, так как ты должен был уехать в Малмыж. От тебя писем нет уже давно, т. е. последнее письмо получили № 136 от 21/VIII. Ждём с нетерпением твоих извещений, как добрался и что тебя там встретило. Желаю тебе успеха на новом твоём пепелище. Чтобы тебе так же везло, как в Сталинске, в смысле устройства и друзей. О себе особо писать нечего, так как с нами нового ничего не произошло, живём, как жили, в ожидании будущего. Все сравнительно здоровы. 4-го ходили с Лёлей в Пречистое, была я во врачебной комиссии. Написали они мне справку, что от тяжёлых физических работ по состоянию своего здоровья [освобождена], признали функциональный невроз сердца, неврастению. Освобождение от тяжёлых физических работ сроком на 1 год. Но работать всё же придётся, так как мою работу они считают по-ихнему лёгкой, т. е. по-колхозному.

Жизнь наша вышла из колеи как-то, утратились все надежды на возвращение в Швейцарский дом, и стало очень скучно, письма от П.Н. Филинкова приходят часто, и он всё зовёт к домам, пишет, что теперь самое время возвращаться, чтобы запасти на зиму топливо и свет, иначе будет плохо, чтобы мы это учли. Чудак он! Точно мы бы отказались поехать, если бы смогли получить пропуск. Но я ему всей правды не пишу, не хочу его разочаровывать, а то, пожалуй, и он сбежит из дому. Пишу, что как только получим пропуск, тот же час приедем. На днях пошлём ему денег рублей 100 для квартплаты. Между прочим, он писал, что Хохловские вещи снесли в сарай, а кухню освободили. Когда он спросил, почему они так поступают, то комендант сказал, что же такое, ведь, они деньги за квартиру не платили. Очень он удивляется, почему ты ему перестал писать, и очень огорчается, не зная, чем он тебя обидел. Я его уверила, что ты занят и нам тоже редко пишешь. Получила я письмо от Клавы Жуковой из Фрунзе и переслала это письмо ему. От наших письма получаем, там всё благополучно. Получила за это время письмо из Ярославля от Нюры Байбородиной. И ей ответила. Написала и про Лёшу. Миша Иванов сейчас где-то под Москвой, адреса его ещё не знаю.

Ну вот тебе и все наши новости, помаленьку тянемся, ждём с нетерпением твоих писем. Серёжа, устраивай себя лучше, про нас пока не беспокойся, с нами хлопот и забот много, всё сразу не устроишь, нужно хорошенько всё узнать и самому прочнее встать на ноги. А потом уж будешь думать о дальнейшем. За последнее время я разучилась писать, мысли все связаны. Будь здоров, мой родной. Крепко тебя целую. Пиши. Гога напишет сам. Твоя Мама[A].

[A] Далее письмо продолжено рукой Игоря Дмитриева.

7/IX-41[A]

Дорогой папа!

Писем от тебя не было уже несколько дней. Наверно, будут сегодня. У нас за это время нет никаких новостей. С утра мама уходит осматривать ясли и к обеду обычно уже освобождается. Бабаня сейчас ходит расстилать лён. Поле, где его расстилают, от нас недалеко у берега Соти. Я до обеда получаю хлеб и почту, а после обеда, если нет дождя, иду за грибами. В последние дни вместе со мной стала ходить бабушка. Она берет ведро, а я корзинку. Грибов сейчас много, и мы быстро набираем их. До ужина с мамой пилю дрова и толстые она колет. В 8 часов ужинаем и ложимся спать. Встаём часов в 7 и опять начинается всё сначала.

По утрам бывает очень холодно, иногда даже с инеем. От него огурцы в огороде уже начали желтеть, а помидоры и тыквы гнить. Помидоры у бабушки в этом году не удались. Было очень много дождей, и выросла огромная ботва, а плодов мало и поздно!

Сейчас ходил на почту. Было только одно письмо от тёти Вари. Они живут по-старому. От тебя писем не было.

До свиданья! Крепко тебя целую. Игорь.

8/IX.

Дорогой Серёжа!

Тебе давно не писала, как-то расхолаживает сознание, что ты или на пути в Малмыж, или там уже, а тут будешь писать впустую. Но тем не менее писать нужно. Вчера было письмо от Вари со вложением письма от тёти Шуры (Кротовой). Она в Рыбинске, сообщает кой о ком из родных. Семья дяди Жени там (Ленинград), а часть других ленинградцев в Ростове (Ярославском). Сама Варя вовсю хозяйничает, приобрели поросёнка на паях, имеются кролики, козочка. Теперь самосильно заготовляет топливо, таскает ветки и т. д. Настя с утра до вечера на молотьбе. Ждут маму к себе.

Больше писем ни от кого не было, Николай Леонидович давным-давно ничего не пишет.

Сегодня было от тебя № 137 от 27/VIII и краткое извещение ТОНО от 5/IX (судя только по штампу). Начну с последнего. Тем же почерком написано, что и раньше, без числа, с подписью (неразборчивой и другими чернилами): «Уважаемая Ольга Алексеевна. Ваше письмо получили. Таганский Отдел Народного Образования начал ходатайствовать о Вашем вызове, но предупреждает, что

[A] Так ошибочно указан год в подлиннике.

въезд в Москву не разрешён в настоящее время и занятия в школах пока не начаты. Заведующий С.К.[A] ТОНО»

Вот и всё. Пока не отказывают совсем, и то хорошо. Начнутся ли в нашем городе занятия с октября, вот вопрос? Вообще, конечно, я никаких надежд не питаю на вызов, это всё мечты, но всё же как-то эти письма от ТОНО немножко успокаивают, люди тебя не совсем забыли. Бывает, ведь иногда безвыходно тяжёло.

Поразило меня известие о Марголине. В Калинин можно и зовут, а домой — нельзя. «Чудны дела твои…» Хотя Копорского давно туда вызвали, ещё весной.

Мне часто представляется, что ты сюда неожиданно приехал, прямо из Малмыжа. Всё казалось, что это должно быть на этой неделе, но это, конечно, невозможно. Стоят очень хорошие дни, я, в связи со своей работой, делаю ежедневно по 12 км, такая хорошая прогулка получается. Живём по-прежнему, своим огородом, который, кстати, ещё недолго продержит, всё понемножку. Мама с Игорем собираются сейчас за грибами. Анна Николаевна на работе, а я тоже пойду. До свиданья. Целую. Лёля.

53-е

Ильинское. 13/IX-42. Воскресенье, 5 ч. дня.

Дорогой Серёжа!

12-го, т. е. вчера, получили твоё письмо из Сталинска от 3–4/IX за № 138, в котором ты сообщаешь нам о своём выезде в г. Малмыж. Ну что же, дай тебе Господи всего наилучшего. Думаем, что с дороги ты нам напишешь. Ждём с нетерпением твоих писем. Как-то ты доберёшься, родной мой! Наверно, устанешь в дороге. Когда немножко отдохнёшь и оглядишься на новом месте, то пиши нам твоё путешествие подробно, твой отъезд, и дорогу, какие вещи взял с собою? В Малмыже, думается мне, ты не так скоро освоишься, как в Сталинске. Уж очень люди кругом тебя были хорошие, заботливые. Да и питание там было неплохое, пивцо, молочко и всё прочее, а также театры и кино. Но что делать? Приходится думать о будущем. Тебе виднее, как лучше. На Сталинск послала я тебе письмо № 52-й. Не знаю, попадёт ли оно к тебе. Приедешь, Серёженька, оглядись хорошенько, устраивай себя получше, хотя нам и очень хочется тебя видеть и соединиться с тобою, но не будет ли тебе тяжело? Мы обуза не маленькая, ведь два инвалида — я и Гога, о которых нужно заботиться. Хватит ли на всех питания? И можно ли его приобрести там? Напишу тебе откровенно

[A] Сектором Кадров.

наши дела, чтобы ты был в курсе дела, так как мы давно не виделись, а Лёля, не знаю, пишет ли тебе об этом. Пачек, которые ты дал нам с собою, осталось в настоящее время только 9-ть, остальные разошлись, но и из этих тоже предстоят расходы, нужно послать Филинкову за квартиру с мая не плачено, а теперь сентябрь. Если поедут Лёля и Гога вдвоём, то мне тоже нужно с чем-нибудь остаться, так как кто же меня поддержит, кроме тебя? Отец сам на пенсии, ему ещё нужно помогать, а Лена, ты знаешь, всегда нуждалась, больше у меня никого нет, сама я стала плохая и часто болею. Серафима Галактионовна уедет в Некрасово, её туда зовут, а мне придётся ехать в Ярославль. Не знаю, пропишут ли только. Но без денег везде худенек, никому не нужен. Без своей копеечки очень плохо, а заработать на стороне я вряд ли смогу. Поэтому обдумай и взвесь мои слова и напиши своё распоряжение Лёле, чтобы избегнуть каких-либо недоразумений и нареканий. В случае отъезда к тебе Лёли вдвоём с Игорем, сколько ты решишь дать мне на прожитие, неизвестно, ведь, когда мы встретимся. Боюсь, что и Вам будет тоже нелегко по первому времени на новом незнакомом месте. И тяжело мне просить у тебя, и делать нечего, сама по себе Лёля вряд ли догадается дать мне, а взять самой без твоего ведома рука не подымается. Другое дело, если мы будем жить все вместе, тогда мне денег не надо, хотя за этот год все мы сильно обносились, но ещё как-нибудь можно тянуться. Главная забота нет валенок, а купить их с каждым часом становится труднее. Боимся растрясти последние деньги, а что тогда делать? Впереди неясно… попадём ли мы в Швейцарский дом? Тебе Лёля писала в Сталинск письмо, не знаю, получил ли ты его, получила она письмо следующего содержания из ТОНО. «Уважаемая Ольга Алексеевна! Ваше письмо получили. Таганский Отдел Народного Образования начал ходатайствовать о Вашем вызове, но предупреждает, что въезд в Москву не разрешён в настоящее время, и занятия в школах не начаты. Заведующий сектором кадров ТОНО. 5/IX».

Быть может, Лёлю ещё и вызовут со школы, но вот что будет с нами? Опять приходится сказать: поживём — увидим. Пиши, как ты сам устроишься, будет ли у тебя подушка и всё остальное, мы если приедем, то немного привезём. Ещё раз повторяю: думай больше о себе, чтобы мы тебе не связали руки.

Моё письмо не особо приятное, я тебе вообще не хотела писать его, но положение становится таким, что что-то нужно решать.

В Ильинском этот год в смысле продовольствия много хуже, хлеба получаем только по 400 гр., авансы дают туго — 2–3 кило на 5–10 дней. Ни мяса, ни масла, ничего нет, с молоком тоже стало слабовато, творог и пахту покупаем на заводе. Картофели из колхоза не обещают давать, так как мало, прошлый год заморозили и пришлось занять, а, следовательно, нужно платить долг. А как

твой Сталинский огород, кому достался? Мы пока что пользуемся своим огородом. Но картофель в этом году из-за обильных дождей плохая, и её мало. Прошлый год жилось лучше, беспечнее в надежде на скорое возвращение в Швейцарский дом. Филинков пишет часто. От наших тоже письма получаем, там всё благополучно, все вместе, все здоровы.

Очень неприятное и тяжёлое известие о смерти Нины Бернардовны. Жаль её, молодая и хорошенькая. Ну до свиданья! Мой дорогой Серёжа. Пиши. Привыкай на новом месте. Желаем тебе всего доброго, да хранит тебя бог. Твоя Мама.

16/IX.

Дорогой Серёжа!

Сейчас получили твою открытку, всего два дня шла, как быстро. Спешу тебе ответить. Вчера я была в Пречистом, получила на Игоря молоко, зашла в Райисполком поговорить насчёт пропусков. Если придётся ехать в Малмыж, то необходимо от тебя получить следующее: заверенную Райисполкомом или телеграмму, или справку, что ты проживаешь там-то, работаешь и вызываешь к себе семью в составе (перечислить поимённо с указанием возраста) и Райисполком не возражает.

Примерно так, редакция может быть изменена. Тогда пропуск нам дадут, в противном случае нет. Теперь, Серёжа, смотри сам, как ехать нам, или нет. Тебе на месте видней. Возможно, что одному тебе и лучше прожить, а мы тебя свяжем и хлопот много, смотри и с этой точки зрения. Трудно очень и с переездом. Вещей у нас много, а помощников у меня нет, Анна Николаевна стала слабнуть, всё болеет, а Игорь тоже не может носить, оставить вещи — жалко последнего лишиться. Так вот на все лады и думаешь, и переворачиваешь, но вместе жить, конечно, лучше. Может быть, там бы поступила и на работу. Писала тебе в Сталинск, ты, наверное, не получил, повторю теперь. Получила с неделю тому назад краткое извещение из ТОНО, неофициальное, тем же почерком написано, что ТОНО возбудил ходатайство о моём возвращении в Москву, но предупреждает, что въезд в Москву пока воспрещён и школы пока не работают. Будет ли что из этого или нет? Верней всего, что нет. У меня семья. Представь себе, меня вызовут, а Игоря и Анну Николаевну — не пропустят (об этом мне сказали в Пречистом, что на семью тоже должен быть вызов), оставить, ведь, их здесь я не могу, совершенно беспомощных, вот тут и загвоздка. Одним словом, много неразрешённого.

Вчера и сегодня было много писем. От Али, например. Он чудом остался жив. Был в командировке в Сталинграде ещё в августе, мечтают об Ильинском,

больше некуда ехать. От Насти. Она сообщает, что Лёва Мощанский и его жена находятся там же, где и её муж. От Нины. Собирается Михаил Афанасьевич в Данилов за Мишей и захватит нам валенки. От Наташи. Живут лучше, Александр Александрович работает, все здоровы. От Филинкова. Усиленно зовёт домой. С директором музея подружился, хвалит его, квартира наша в безопасности, но, увы, приехать никак мы не можем. Думал всё время, что я и ты на него за что-то обиделись, поэтому ничего и не пишет. От тебя давно ничего не имел. Меня очень поразило известие о смерти Нины Бернардовны, не могу себе этого представить. Николай Леонидович давно не пишет. Целую. Лёля.

20/IX.

Дорогой Серёжа!

От тебя получила пока ещё одну открытку из Кирова от 14/IX. Тебе уже написала заказное, но ещё раз повторю. Чтобы нам получить пропуска, нужно от тебя получить вызов, заверенный Райисполкомом, что ты там работаешь и они не возражают против нашего приезда (указать поимённо, кого вызываешь). Так сказали в Пречистом. Погода становится хуже, и дожди, и туманы, и всякие прелести, как ещё пароходы будут ходить. Пока мы всё получим от тебя, ещё сколько воды утечёт. Настроение, как ты сам говоришь, среднее, всё невыяснено. Моя работа нетрудная, но за последнее время она мне принесла много неприятностей, хотелось бы с ней расстаться. Вообще здесь мы ничего хорошего не видали и добром помянуть некого. Погода самая безнадёжная, смотришь, так тоска возьмёт, а не то что ещё с таким настроением быть. Впрочем, на эту тему писать нечего, так к слову пришлось.

Вчера были письма от Николая Леонидовича, Петра Андреевича и Лены. Первые два долго гуляли, два посторонних штампа имеются: Макарово Ростовской [области] и Гаврилов-Ям. Туда почему-то частенько закидывают наши письма. Оба вместе и путешествовали и от одних чисел 31–1-го сентября. Пётр Андреевич пишет накануне боя несколько приветственных слов. Николай Леонидович — много о Нине Бернардовне и её муже. Последний прилетел в Томск, когда она уже умерла и успел её только похоронить. Теперь находится в Москве один, без всякой поддержки. Всё это так и складывается тяжёлым грузом. Я ему написала уже, также и Петру Андреевичу.

Лена пишет, что Лёню срочно увезли на операцию от грыжи, уже поправляется, скоро выпишут, но тут же ждут и скорой повестки, так как освобождение у него было только в связи с грыжей. Вот таковы общие личные дела, неказистые, что и говорить. Николай Леонидович советует сорганизоваться как можно скорей к предстоящей зиме, которая ожидается быть необычайно суро-

вой, но как это практически сделать. Приходится сидеть и ждать погоды. Сегодня воскресенье, поэтому почта не пойдёт, так что отложу запечатывать до завтра, а там, может, что-нибудь новенькое узнаем.

22/IX. Анна Николаевна вчера отправила тебе письмо и письмовные новости сообщила. Я была вчера целый день занята: перебирались ясли в другое помещение. День солнечный, хотя холодный. Дали по 200 гр. капусты, всего 30 кг, хорошая и сочная, дадут ещё, говорят, по стольку же. Вот жиров у нас никаких нет. Впрочем, мы уже, наверное, законсервировались, стараюсь и чувства такими же сделать, хотя хочется другого. До свидания. Лёля.

54

Ильинское. 21/IX-42 г. Понедельник.

Дорогой Серёжа. Получили сегодня твои две открытки от 10 и от 13/IX-42, до этого были получены открытки из Кирова от 14-го. Я тебе послала письмо заказное, не дождавшись твоего адреса, послала заказное: г. Малмыж Кировской области. МОПИ, для С.С. Дмитриева. Может быть, ты его уже получил. А если не получил, то оно вернётся назад. Сегодня вместе с твоими открытками получили открытку из Ярославля от Папки. Он пишет так, что вчера он получил письмо от Марголина из Москвы. Марголин спрашивает, где Серёжа? Так как посланные им письма в Сталинск возвратились обратно. Марголин ходил в Москве в Комитет Высшей Школы, и ему сказали, что Сергей Сергеевич получил назначение не в Малмыж, а куда-то в другое место. Куда не сказали. Так что Папка беспокоится, куда ты девался и запрашивает нас. От тебя писем, пишет он, не получает более двух недель. Я ему написала ответ, что ты уехал в Малмыж, и написала твой адрес на почтамт до востребования, так что всё же ты туда заглядывай. Просила его написать нам адрес Марголина и сами ему напишем.

Поздравляю тебя, дорогой мой, с приездом на новое твоё назначение, желаю тебе устроиться, как можно лучше, и не тосковать. Мне тоже очень жаль и Бетти Зиновьевну, и Ирину, хотя лично их я не знала. Но как-то сердцем чувствовала, что они к тебе расположены, а твои друзья такие же и мои, поскольку относились они к тебе хорошо и в такое тяжёлое время скрашивали твою жизнь, заботились о тебе. Желаю тебе и здесь устроиться не хуже в смысле питания и друзей. Может, здесь придётся нам соединиться, и тогда будет тебе и нам всем лучше, но всё-таки, дорогой Серёжа, особо не рискуй, вызывая нас к себе, так как с нами, ведь, гораздо труднее жить, чем одному. Если ты получил моё заказное письмо, то я тебе в нём почти подробно писала обо всех наших финансовых делах, чтобы ты был в курсе дела. Теперь вот Марголин будет жить в Москве, быть может, сумеет помочь тебе получить вызов, и тогда все

вернёмся в Швейцарский дом. Пётр Николаевич пишет часто и усиленно зовёт приезжать. Напиши, куда лучше послать деньги за квартплату — ему или в Музей? И в каком размере, не плачено с мая месяца. До свиданья!

Пиши, ждём с нетерпением твоих известий. Думаю, сам вряд ли ты получишь пропуск и приедешь за нами, хотя ты этого и хочешь. Но будем надеяться на лучшее. Будь здоров, родной мой. Привет ото всех, целуем крепко. Заочно тебя благословляю. Твоя Мама.

55-е

Ильинское. 25/IX-42. Пятница, 7 ч. утра.

Дорогой мой Серёжа! Здравствуй!

Как ты себя чувствуешь? Как твоё здоровье и дела? После твоей открытки от 14/IX из Кирова, более писем от тебя не было. Должно быть из Малмыжа письма будут ходить хуже, чем из Сталинска, так как пароходы будут задерживать. А, впрочем, может быть, я и ошибаюсь, и всё наладится. Только нужно писать регулярно, как ты раньше писал. Я тебе в Малмыж пишу третье письмо. Первое заказное письмо послала ещё до твоего приезда, так как знала, что из Сталинска ты уже выехал. Писала его в г. Малмыж на МОПИ для С.С. Дмитриева. Не знаю, приняли ли его без тебя. Это второе письмо пишу тебе в почтамт до востребования. Лёля тоже тебе по этому адресу послала два письма. Что тебе написать о нас? Живём мы в ожидании твоих известий, и так проходит день за днём. Ничего нового пока не произошло. Писем, кроме как от Папы, ни от кого не получали за эти дни. Мне бы хотелось, чтобы Лёля переписалась с Марголиным, узнала бы, когда он вернулся в Москву и что думает делать. Так как ей переписаться гораздо скорей, чем тебе, но её не скоро раскачаешь. Что-то будет дальше? Попадём ли мы к тебе или нет. Думается мне, что пропуска сюда к нам ты не получишь, так как не так-то это просто. У нас сборы тоже все ещё в будущем, так как связывать узлы и ждать у моря погоды не стоит, даже если и получим от тебя вызов, то ещё хлопот с пропусками будет немало, так как без Пречистого дело не обойдётся, а в Пречистое взад-вперёд 24 км, пока хлопочет Лёля, можно много узлов навязать. А, быть и может, и ехать-то не придётся: какие ещё там условия жизни, быть может, одному только впору прожить, а не только с семьёй! Ну ладно! Всё это гадательно, поживём — увидим. Главное пиши чаще, пиши обо всем, как сам устроился? Чем питаешься? Мне думается, так хорошо, как в Сталинске, устроиться тебе вряд ли придётся, так как там большой город. Как-то Алёша устроился? И где, одно хорошо, что они вместе, не разбились в разные стороны и друг с другом не расстались, зато они и терпели много. Получила я не так давно письмо от Нюрочки

Байбородиной, пишет очень много печального. Она получила письмо от Маруси Кутейщиковой из Москвы. Маруся в Москве. Пишет так, страничка из письма Маруси:

Миша в Москве с начала июля, приехал худой, но бодрый. В дороге ухитрился выпасть из теплушки, ушиб ребро и позвонок. Водила Леночка его на просвечивание, но плохого не обнаружено от ушиба ничего. Сейчас Миша значительно поправился от голодовки, дорог и ушиба. Живёт в Красногорске, бывает и у неё в Москве, с ночёвкой. Вот страничка о наших родных ленинградцах, со слов Мини.

В момент Дуниной смерти 28/XII-41 г. мама ослабела, почти не выходила из дома. Всё общение её с внешним миром происходило через Мишу. Он добывал хлеб, приносил снег для самовара, доставлял охапками дрова с маминой квартиры (она к нему переехали после отправки Дуни в больницу). Тётя Лена умерла в конце января у себя дома. Квартира их была сильно разрушена от сотрясений и было в ней так холодно, что внук её Алек дома отморозил себе руки и ноги и попал в больницу уже после смерти тёти Лены, откуда, кажется, не вышел. Его отец Митя был призван в первые дни войны, и никаких известий с того момента не дал. Мина, жена Мити, была дома. Когда тётя Лена была очень плоха, она потребовала, чтобы мама пришла к ней ухаживать за тётей Леной, но сама мама в то время не смогла бы без посторонней помощи спуститься с лестницы, а в[A] лестницу с посторонней помощью не сумела бы подняться. Миша в то время был настолько слаб, что сам нуждался в уходе. Так они и не простились с тётей Леной, о чем мама очень горевала. Вскоре после этого Мишу увезли в больницу, и мама осталась одна. Уезжая, Миша просил Щербакову, племянницу Дуняши, не оставить маму и получать для неё по карточкам продукты, т. е. хлеб. Она говорит, что она это выполняла и ежедневно приносила маме её паёк, но проверить это трудно.

Когда он выписался из больницы, он узнал, что мама пролежала весь февраль и март, иногда поднимаясь, бродя по комнате. Щербакова рассказывала, что в последних числах марта мама себя чувствовала лучше (с 11-го февраля паёк увеличился). 1 апреля мама говорила, что хочет завтра, т. е. 2 апреля, сходить зачем-то на свою квартиру. 2-го апреля Щербакова нашла маму в комнате мёртвую, она сидела на полу около кушетки, на которой спала. Щербакова зашила её в старое тканевое одеяло и на салазках отвезла в морг. Вот и все похороны, могло быть и хуже. Все мамины вещи оказались разворованы. Кем и когда, неизвестно. Вот что написала Маруся Нюре в письме.

[A] Так в подлиннике.

Если ты, Серёженька, знаешь Марусин адрес московский, то, может быть, напишешь ей. Я Нюру запросила про адрес Маруси. Не может ли она быть чем-нибудь полезна нам, у неё всё же большое знакомство. Сейчас пришла на обед с работы, думала, нет ли от тебя письма, но его нет. Кончаю писать, тороплюсь на работу. Пиши, ждём. Все здоровы, от всех привет. Целуем. Твоя Мама.

28/IX.

Милый Серёжа!

Мы теперь, наверное, уподобились тебе, когда ты ожидал известия из Малмыжа. Всё и вся проходит в ожидании. По-видимому, из Малмыжа очень туго идёт почта, да и на самом деле нужно ей совершить кругосветное путешествие.

Хорошо ли тебе там и как ты устраиваешься, строим разнообразные предположения. Ждём и тебя самого, хотя я более чем уверена, что этого не может быть.

Сегодня ночью стучали, сердце забилось: Серёжа, наверное, с поезда, — стучали к соседям. И так каждый день. Без сомнения, мои ожидания сейчас более интенсивные, чем у тебя принимая во внимание всю нашу обстановку: беспросветная, зато ни малейшего сожаления ни о ком и ни о чем, когда уедешь отсюда.

Никаких изменений в нашей жизни за это время не произошло, всё та же картина, даже повторять нечего, но и это хорошо, бывает хуже. Так повторяешь себе каждый день. Питаемся опять похуже, нет молока, никто не продаёт, а менять без конца нельзя. Пока есть своя картошка (сняли пудов 10, да уже половину съели), капуста, грибы, огурцы, да в колхозе добавляют к 400 гр. хлеба ржи, ещё жить можно.

Зато в этом году совсем нет керосину, спичек и т. д., ложимся со светом, ничего не поделаешь. По-прежнему маюсь с дровами, таскаю их на себе. Если останемся здесь зимовать, то, может быть, опять достанем через Лесхоз. Хотелось бы что-нибудь получше написать, порадовать бы тебя чем-нибудь, да нечем. Действительность заедает. Писем ни от кого нет, была только сегодня открытка Лены от 2/IX. Лёня дома, поправляется, всё по-прежнему. Витя учится получше немного, Сергей Васильевич работает. От тебя последняя открытка из Кирова от 14/IX — и всё. Настроение, как и погода, переменчивая: то солнышко покажется, то дождь польёт.

Только живёшь нервами.

До свиданья, милый. Лёля

56-е

Ильинское. 30/IX-42. Среда.

Дорогой Серёжа! Почему-то очень долго нет от тебя никакого известия после открытки из Кирова от 14/IX. Просто не знаем, что и думать: здоров ли ты и как ты добрался до места своего назначения. От наших, т. е. от Лены, вчера получили открытку, там всё благополучно. Лёня после операции вернулся домой, поправляется. Витя учиться стал получше. Серёжа стал большой и толковый. Лена и Веруня продолжают быть донорками, на днях опять идут на станцию переливания крови. Жаль мне Лену, да ничего не поделаешь. Жить трудно очень без этого, так как хлеба не хватает, а за это дают усиленный паёк хлеба по 800 гр. На рынке у них у них хотя всё есть, но очень дорого. С Лёниного огорода получили 3 мешка картошки 3½ пуда капусты, с Лениного тоже три мешка, но его уже всё время ели. Папка работает, но становится темно и холодно, и работать ему делается трудно. Спрашивают о тебе, так как писем от тебя не получают давно. Сами мы живём помаленьку, все в ожидании, что будет дальше. С июня по 1 сентября забрали авансом в колхозе 42 кило ржи, которая почти на исходе, затем получили 8 к[г] репы и 3 пуда 30 фунтов капусты. Сколько придётся ещё получить, известно будет к отчётному году, т. е. к январю 43 года. Работать продолжаем, Лёля в яслях, я на поле. Гога здоров! Пока что учиться негде. Сейчас утро 8 часов, отложу своё письмо до обеда, может быть, получим от тебя письмо, тогда вместе отвечу. 2 часа дня пришла обедать, опять пришло письмо от Лены, а от тебя нет и нет. Что же скажет завтра? И так каждый день, всё ждём и всё напрасно. Лена ничего нового не пишет. От Филинкова за последнее время писем нет, я ему послала письмо, запрашиваю, куда высылать квартплату — ему или на Музей. Не получая твоих писем, не знаешь, что делать, поедем или нет, и хочется и не верится, что всё это может быть, так осели мы в своём Ильинском. Но с каждым днём становится жить в нём всё менее приятно, ввиду того, что очень плохое питание, хотя не голодаем, но нет ничего хорошенького, кроме овощей, прошлый год был Кусковский запас сахару, конфект, чая, кофе, какао, консервы, муки и т. д., а теперь нет даже таких необходимых предметов, как соль, спички, керосин, мыло (давно бельё стираем без мыла, даже умываемся без него). Без всего этого жить скучно. Как говорится, живи, живи, да не топни. Ну ладно! Хоть бы тебе жилось хорошо! Это тоже немалое утешение.

Очень бы хотелось получить от тебя хорошенькое письмецо, что ты устроился хорошо, что в питании не нуждаешься, но думаю, что в Малмыже тебе будет тоже не так хорошо, как в Сталинске, быть может, я и ошибаюсь. Как бы не было плохо, особо не огорчайся, береги себя, что будет, то будет, как-нибудь

проживём, если назначено жить, устраивайся получше сам, а мы в случае и здесь перезимуем. Только нужно знать о этом положительно, чтобы запасти на зиму дров и как-нибудь устроить Игоря хотя бы заочно в Пречистое в 8 класс. Ну пока, до свиданья! Будь здоров! Не расстраивайся, береги здоровье. Пиши немедленно. Привет от всех! Все целуем. Твоя Мама, Лёля, Гога.

3/X.

Дорогой Серёжа!

Вчера получили от тебя оба заказных письма с вызовами. И ещё было от Николая Леонидовича, давнишнее. Итак, мы решили ехать. Томительно долго ждали от тебя, по крайней мере недели две: а теперь как будто бы надо и успокоиться, но не тут-то было: заботы так и нахлынули со всех сторон.

Вчера же сразу принялись действовать, была у председателя колхоза, говорила о лошади, пришлось кое-что дать. Ехать решили до Данилова на лошади, т. е. вернее вещи везти. На станции Соти так же, как и в Макарове, некоторые поезда не останавливаются, да и вообще плохая посадка. С работы меня отпускает, подыскивает заместителя. Не знаем, что будет с нашими трудоднями, ведь расчёт в колхозе бывает зимой. Сейчас обещает дать немного хлеба, да и председатель сельсовета за 5 дней вперёд, вот мы и понаберём.

Завтра воскресенье, пойду в Пречистое за пропусками в понедельник (это 5-е) и примерно 7–8 выедем. На дорогу надо вымыться и выстирать бельё. Сегодня ночь не спала из-за тысячи мыслей, надо взять себя в руки. Анна Николаевна тоже едет с нами. Мама сейчас написала Насте, чтобы она тоже ей прислала вызов, как получит его, поедет к ним. Жаль дома уже метят нам квартирантов вселить. Ничего не жаль здесь, людей нисколько, а вот к месту привязалась, к вещам человек слишком привязчив. Вот уже когда выедем, тогда мысли направятся в твою сторону, а пока здесь. Не выяснено и с квартирой в Кускове, Филинков что-то не ответил, куда послать деньги за квартиру и т. п.

Обо всём поговорим, я думаю, уже теперь лично, только бы добраться с вещами как-нибудь, а там проживём.

Теперь до свидания по-настоящему. Целую, Лёля.

Дорогой Серёжа!

Прочитала я Лёлино письмо и хочу добавить от себя несколько строк. Лёля пишет, что числа 7–8 выедем к тебе, но я думаю, что отъезд наш может несколько затянуться по независящим от нас обстоятельствам, как, например, лошади, пропуска, хлеба, сборов, поезда и т. п. обстоятельств. Поэтому не волнуйся заранее. Я решила тоже поехать, хочется видеть тебя и, быть может,

чем-нибудь быть полезной, так как одинаково жаль, что ярославцев, что тебя, они привыкли уже жить без меня, помоги только, Господи, добраться по-добру-поздорову, а там уж как-нибудь будем устраиваться на новом месте. Страшит меня только переезд. Но дома сидя, ничего не знаешь, может пословица верна: не так страшен … , как его малюют.

Ну, будь здоров, мой дорогой. Скоро увидимся. Папке я вчера написала о твоих письмах и нашем решении ехать к тебе. Жаль мне, что перед отъездом я их давно не видела. Все они здоровы. Лёня поправился.

Целуем крепко. Твоя Мама, Лёля, Гога.

№ 57[A]. Ильинское. 3/X-42 г. Суббота. 5 часов вечера.

5/X Игорь пошлёт бандеролью тебе книги на почтамт до востребования[B].

8/X-42 г.

Дорогой Серёжа!

Сейчас получили от тебя и от Нины письма. Твоё 5-е из Малмыжа, 4-го ещё нет. Новое летоисчисление началось. Хорошо бы всё кончилось, а потом всё и почитать, не торопясь и не волнуясь, а то теперь нервы натянуты до невозможности, и каждый пустяк волнует, а спокойно на всё никак не смотришь.

Вот сегодня расплакалась, да и как, из-за потерянного Игоревского носка в стирке. Конечно, всего стало жалко, раз всего мало. Вчера целый день потратили на Макарово, узнавали только, не было начальника станции, и пришлось его ждать целый день. Думаем ехать со станции Данилов, а до неё добираться на лошади. Там принимают багаж, по 50 кг на билет, и тогда уже до Котельнича без пересадки. Завтра-послезавтра опять иду в Пречистое за пропусками, как бы в третий раз не пришлось, но не это меня нервирует, а скорей лошадь и хлеб, а в целом всё. Мне кажется, что буду счастливой, когда сядем в поезд, а там уж дальше должно пойти само собой.

Вчера пришли из Макарова и узнали, что наши ульи обокрали, выкрали несколько рамок с мёдом, оставленным им на зиму. Украли, конечно, ночью, а узнали позже. Ещё хорошо, что не совсем разорили, вечером убрали их в чулан. Это, между прочим, повсеместное бедствие.

Нина пишет, что Михаил Афанасьевич, катаясь на велосипеде, упал и сломал себе ключицу в нескольких местах, есть осколок даже. Теперь поправляется. Огород дал исключительно хорошие результаты, но сама она так измучилась, что дошла до истерик. Мишутка вернулся домой, а Толя, как военнообязанный, учится на курсах шофёров.

[A] Номер и дату письма А.Н. Дмитриева написала, против обыкновения, в конце.

[B] Конец письма от слов «5/X Игорь пошлет…» написан на левом поле этой страницы.

Несмотря на все трудности, думаю о Малмыже, считаю, что там будет всё же лучше даже и в смысле питания, единственно вот только квартира, здесь благодать в этом отношении, ширимся вовсю. Электроламп у нас и в помине нет, мы о них и не слыхали, спросим в Данилове, нет ли у Нади случайно, только вряд ли её даже увидим. Продолжаю ходить в ясли до последнего дня. Целую, Лёля.

Письма к О.А. Дмитриевой в 1941–1942 гг.

Письма Н.Л. Рубинштейна к О.А. Дмитриевой[A]

8/IX.1941.

Дорогая Ольга Алексеевна.

Пишу Вам уже из Саратова. После долгих колебаний, не без влияния Сергея Сергеевича и Георгия Андреевича принял назначение в саратовский университет. Хотя поездка была и не сложная, но мать очень устала от всех передряг. Здесь устройство налаживается медленно. Жизнь в Саратове, в бытовом отношении, сложная, по тихо и спокойно. Встретили меня здесь радушно, но скучаем за близкими и за друзьями. С Сергеем Сергеевичем это время встречались часто и ещё теснее скрепилась наша дружба. Как хорошо было бы, если бы он и все Вы[B] смогли устроиться, здесь же в Саратове, но пока в этом смысле ничего не получается. Рад только за него, что он не остаётся совсем один дома: к нему присоединился Марголин и часто бывает у него Зайончковский, иногда остаётся и на ночёвку. Очень хотелось бы знать, что у Вас. Как наладилась Ваша жизнь, устраивается ли какая-нибудь работа? Что Игорь — как его здоровье, занятия? Мой сердечный привет ему и Анне Николаевне. Желаю Вам всего доброго. Мама присоединяет свои лучшие пожелания. Мы оба будем рады весточке от Вас.

Ваш Н. Рубинштейн.

20/X [1941][C]

Дорогая Ольга Алексеевна.

Вот уже неделя, как получил Ваше подробное письмо, которому очень обрадовался. Да, сейчас особенно дорожишь друзьями, и особенно надо беречь

[A] Письма отправлены по адресу: «С. Макарово Северной железной дороги. Пречистенский р-н Ярославской области с. Ильинское на Соти. Серафиме Галактионовне Юматовой для Ольги Алексеевны Дмитриевой».

[B] Здесь и далее написание местоимения «вы» с заглавной буквы — в подлиннике.

[C] Год в квадратных скобках здесь и далее написан карандашом С.С. Дмитриевым.

эти дружеские связи. Хотел сейчас же ответить, но как раз эта неделя оказалась очень загруженной в смысле работы и полной волнений за близких. В частности, я только начал налаживать связь с родными в Одессе, а тут эта связь оборвалась, и я всё ещё не знаю, успели наши выехать[A]. Вы понимаете, как тяжело переживает эти события моя мать. Очень нерегулярна связь с Ленинградом, но после длительного перерыва мы получили оттуда вчера хорошее и бодрое письмо от 12-го октября[B].

Но события движутся быстро, и сегодня мысли всех нас прикованы к Москве и к большим событиям, разыгрывающимся на подступах её[C].

От брата из Москвы имел последнюю открытку от 12-го. От Сергея Сергеевича письмо от 10. Сейчас, конечно, ждёшь новых новостей со дня на день. Понимаю, как Вы ждёте этих новостей. Я написал сегодня Сергею Сергеевичу письмо по Кусковскому адресу, хотя думаю, что он скорее в самом городе. Просил его короткими открытками держать меня постоянно в курсе своих дел. Но не знаю, дойдёт ли моя открытка до него. Хочу и Вас просить о том же. Сообщайте мне всё, что будете знать о Сергее Сергеевиче.

Хочу, конечно, знать, как идёт Ваша жизнь. Конечно, хорошо, что Вы сейчас не в большом городском центре, как Ярославль, а в тихой сельской обстановке. Там, конечно, жизнь быстрей и легче выйдет в какую-то определённую колею. Особенно это важно для Игоря.

Только не знаю, не будет ли тоскливо Вам в долгие зимние вечера? В какой мере Вы приготовились и приспособились к сельским условиям в этом отношении? Признаться, читая Ваше письмо, я усомнился сразу в разумности одного Вашего решения: почему Вы не взяли работы учительницы в местной школе? Едва ли стоило, действительно, бояться, что это Вас свяжет на целый год. В наше время, конечно, год — это очень много, но в то же время это, в сущности, такой маленький срок!

У нас нового мало. Я работаю и в Университете, и в Пединституте и уже приступаю к чтению лекций и там, и тут. Как мне хотелось, чтобы Сергей Сергеевич также приехал сюда, но, к сожалению, из этого ничего не получилось! В

[A] Одесса была оккупирована немецко-румынскими войсками 16 октября 1941 года. Репрессии против мирного населения начались практически сразу же. Только в период с 17 по 25 октября 1941 г. было расстреляно и заживо сожжено 25–34 тысяч одесситов.

[B] 8 сентября 1941 г. была установлена блокада Ленинграда, связь с которым с тех пор поддерживалась только по Ладожскому озеру и по воздуху.

[C] С наступления немецких войск под Москвой 30 сентября 1941 г. началась Московская битва 1941–1942 гг., оборонительный этап которой продолжался до начала контрнаступления советских войск 5 декабря 1941 г.

бытовом отношении у нас пока всё ещё далеко не налажено. Мама больше всего страдает от холода. Но сейчас я перевёл её в нашу кухонку, там топим плиту в ожидании ночи, когда пускают отопление. К тому же здесь уже с 12-го наступила самая настоящая зима! — Но всё это несущественно. Хуже всего, что мать лишена сейчас душевного спокойствия. В её годы, конечно, особенно трудно жить в состоянии такой постоянной тревоги за родных и близких. А ей ещё в связи с моей большой загрузкой приходится много времени проводить одной.

Верю, однако, что всё это продлится не так уже долго, и что не так далеко то время, когда, после разгрома врага, мы все опять соберёмся вместе, на тех же местах и в прежнем составе.

Привет Анне Николаевне. Поцелуйте за меня Игоря. Желаю Вам сил и бодрости.

Крепко жму Ваши руки.

Н. Рубинштейн

Мама передаёт Вам и Вашим самый тёплые искренние приветы.

6/XI [1941]

Дорогая Ольга Алексеевна.

Недавно писал Вам поздравление. Сейчас шлю вдогонку ещё открытку. Хочу знать, что Сергей Сергеевич, где он. У меня почему-то ____[A] надежда, что он сейчас уже с Вами. Из Москвы за это время имею лишь косвенные сведения от отдельных[B] знакомых, оказавшихся в Саратове. Ни от кого из товарищей до сих пор известий не получил. Знаю, что несколько человек, в том числе Сергей Владимирович[C], от МГУ выехали 14-го или 15-го в Ташкент. Писал уже ему и просил сообщить об остальных. Брат мой[D] 14-го выехал из ____ назначения в Томск; имел от него лишь открыточку с дороги, из Казани, от 17-го. С большим опозданием доходят вести от наших ленинградцев. Особенно огорчает нас судьба тёти и двоюродного брата, которые так и застряли в Одессе. Я работаю, сколько могу, и с напряжением слежу за ходом событий. Как отражаются эти события у Вас, как идёт Ваша жизнь, что все Ваши? Пишите непременно. Сердечный привет всем от меня, моей матери. Крепко жму руку.

Н. Рубинштейн.

[A] Пропуски в письмах Н.Л. Рубинштейна здесь и далее означают крайне неразборчиво написанные слова.

[B] Далее зачёркнуто «товарищей или».

[C] Имеется в виду Сергей Владимирович Бахрушин.

[D] Имеется в виду Дмитрий Леонидович Рубинштейн.

27/XI.41.

Дорогая Ольга Алексеевна.

Вчера, наконец, пришло письмо от Сергея Сергеевича уже из Свердловска, в котором он сообщает мне о назначении в Сталинск и о решении первоначально заехать в Барнаул к Зайончковским и попытаться устроиться с ними. Адрес: Барнаул, Алтайского края, Малая Олонецкая ул. д. 14, кв. 2. Зинаиде Алексеевне Зайончковской. — Ехал он не один, а с Петром Андреевичем и Марголиным. На всякий случай сообщаю все эти сведения, хотя уверен, что Вы уже всё это знаете непосредственно от него. После того, как стала Волга, письма отсюда идут совсем плохо. Ужасно грустно, что всех нас так разбросало. Сергей Сергеевич, видимо, очень чувствует разлуку, то, что необходимость устраиваться на работу, не дала ему возможности соединиться с Вами. Я одобряю его решение попытаться устроиться в Барнауле, где он всё-таки будет не один.

Что у Вас? Представляю себе Ваше настроение. Думаю, однако, что без крайней необходимости пускаться теперь зимой в далёкий путь Вам никак не следует. Тем более, что сама поездка сейчас дело очень тяжёлое. Конечно, издалека советовать трудно и решать эти вопросы придётся на месте, по обстоятельствам. Напишите подробно о себе, как устроились в смысле работы, в смысле быта. Что Игорь и как его здоровье? Что Анна Николаевна?

У нас всё то же. К большому горю, наши в Одессе (сестра матери и двоюродный брат) так и не выбрались, и мать особенно тяжело это переживает. Дмитрий Леонидович с женой в Томске (выехали 14/X), где оказывается меня ждали в течение 2 месяцев на кафедру. Мои два других брата по-прежнему в Ленинграде. Как видите, и нас основательно разбросало.

Вчера же получил письмо от Сергея Владимировича Бахрушина из Ташкента. Там же Готье, и туда же приехал Новицкий. Только о Тихомирове до сих пор не имею никаких сведений, и за него, признаться, начинаю беспокоиться.

Сегодня ограничиваюсь этой короткой весточкой; не хочу задерживать своего письма. Буду ждать с нетерпением подробных известий от Вас, давно ничего не получал.

Сердечный привет всем; поцелуйте Игоря.

Мама передаёт с своей стороны горячие пожелания бодрости и здоровья Вам всем.

Я по-прежнему уверен, что через год мы снова все будем в сборе.

Всего, всего доброго.

Н. Рубинштейн

P.S. Если что-нибудь будет Вам нужно, Ольга Алексеевна, пишите непременно ко мне.

7/XII [1941]

Дорогая Ольга Алексеевна. Только что получил открытку от Сергея Сергеевича из Новосибирска от 15/XI, ещё на пути в Барнаул. Он подумывает сейчас о целесообразности Вашего переезда в Барнаул, где Вы соединитесь с ним или окажетесь поблизости от него, если ему придётся поехать на работу в Сталинск. Но возможно это лишь при условии посадки на пассажирский поезд № 4, идущий без пересадки; очевидно, посадить вас мог бы Ваш брат в Данилове. Конечно, всё это надо обдумать и взвесить: езда сейчас, особенно в условиях холодной зимы, — дело нелёгкое при здоровьи Игоря. Но в настоящее время очень много значит — жить всем вместе своей семьёй. От Вас очень давно ничего не имею. Здоровы ли все? Как наладились бытовые условия, как материальные дела? Ведь выезд Сергея Сергеевича должен был в этом отношении выбить Вас из колеи. У нас всё по-старому. Я работаю; в этом смысле устроен. Но нет спокойствия за своих — за тётю и двоюродного брата, оставшихся в Одессе, за братьев. Только Дмитрий Леонидович с Ниной в Томске. Письма сюда идут страшно долго, и это тоже рождает беспокойство за близких и друзей. Сейчас все разбросаны по разным концам.

Пишите непременно. Сердечный привет Вашим. Мать тоже шлёт вам привет. Н. Рубинштейн.

Адрес: Барнаул, Малая Олонецкая, д. 4. Кв. 2. З.А. Зайончковская.

16/XII.41.

Дорогая Ольга Алексеевна. Моё последнее письмо разминулось с Вашим. Очень огорчило меня его содержание. Видимо, живётся Вам сейчас нелегко, а ко всему прибавляется сейчас новая разлука с Сергеем Сергеевичем, очутившимся в далёком Сталинске. Я уже писал Вам, что ему, очевидно, хотелось бы, чтобы Вы приехали с Игорем к нему. Конечно, в такое время хорошо быть вместе, и ему и Вам во многом было бы легче. Но откровенно говоря, не решаюсь определённо высказаться по этому вопросу. В теперешних условиях и ещё зимой меня очень страшит такой далёкий путь для Игоря и для Вас самой. Правда, Ваше письмо меня несколько поколебало и на расстоянии очень трудно всё взвесить, всё учесть и принять определённое решение. Подумайте серьёзно над этим вопросом прежде, чем решить, как Ваша мать и сестры? Как отец Сергея Сергеевича? Если поедете, то сможет ли Ваш брат обеспечить Вам соответствующие условия проезда?

Что писать Вам о нас? Всё идёт в общем по-старому. Мать очень тоскует и волнуется за родных: ведь наших всех разбросало как-то особенно в разные концы. Я работаю. В смысле работы я устроен относительно хорошо. А работа

сейчас — лучший источник бодрости. У нас неплохой коллектив, хорошие товарищеские отношения, и это тоже помогает. Но настоящих друзей всё-таки нет, и этот недостаток ощущаешь постоянно.

Имею письма от Сергея Владимировича, от Готье — они в Ташкенте. Тихомиров и Новицкий с МГУ и МИФЛИ очутились в Ашхабаде. Очень уж далеко! — Но у них-то хорошо, что они остались в своём большом коллективе, все вместе. Оттуда пока никаких вестей не имел.

Сергею Сергеевичу пишу регулярно. Но до сих пор писал в Барнаул и боюсь, что эти письма до него не дошли. Сегодня пишу и ему — уже в Сталинск. Написал и ему относительно своих сомнений на счёт Вашего выезда.

Сегодня ограничиваюсь коротким письмецом, так как поздно и надо кончать, а я не хочу откладывать письма. Выполняю при этом и просьбу Сергея Сергеевича.

Пишите о себе. К сожалению, письма сюда идут очень долго с прекращением движения по Волге, — кажется, даже дольше, чем в Сталинск. Но всё-таки они доходят!

Мама просит передать Вам и Вашим сердечный привет и пожелания здоровья и бодрости. Привет Анне Николаевне. Целую Игоря.

Крепко жму Вашу руку.

Всего доброго. Н. Рубинштейн.

31/XII.41.

Дорогая Ольга Алексеевна.

В день наступающего Нового года захотелось ещё раз послать Вам привет из «далёкого» Саратова и пожелать, чтобы нынешний год, наступающий, принёс избавление от тревог года минувшего. Год начался при хороших ауспициях[A] и несёт уверенность, всё скоро уже будет хорошо. Надо сохранить только силу и бодрость. Ваши письма говорят о бодрости. И это меня радует за Вас. Здоровы ли все? Как Игорь? Сергей Сергеевич в письмах ко мне по-прежнему выражает желание, чтобы Вы приехали. Впрочем, это все ещё письма от конца ноября! О своих сомнениях я Вам писал уже. Сейчас, пожалуй, сомнений ещё больше. Но советовать на таком далёком расстоянии трудно. Хотел бы знать, как Вы решили.

Пишите. Мама тоже шлёт сердечный привет и лучшие пожелания.

Ваш Н. Рубинштейн.

[A] Ауспиции — в Древнем Риме гадания по полёту птиц, крику животных, различным явлениям на небе и т. п. с целью узнать волю богов. В данном случае — предзнаменования.

14/I.42.

Дорогая Ольга Алексеевна.

Только третьего дня дошло до меня Ваше письмо от 10 декабря. Много изменилось в моей жизни за это время. Да точно, никогда не знаешь, где найдёшь, где потеряешь.

2-го утром умерла мама. Сделалось это неожиданно. Ещё 27-го декабря мы были с ней на вечере встречи с МХАТ'ом в университете, 28 декабря она хотела идти на одну публичную лекцию. Правда, в понедельник и вторник она ____ жаловалась на слабость, но затем всё как будто наладилось. 1-го вечером к нам зашли кое-кто из друзей, и вдруг ей стало нехорошо. Казалось, удалось тут же получить врача, затем вновь вызвать скорую помощь, доставили её в больницу, боролись до утра, но безрезультатно — диабетическая кома. Волнения этих месяцев за близких подорвали её силы. Когда-нибудь, уже при встрече, расскажу Вам невесёлую обстановку этих дней. И затем трудно свыкнуться вообще с такими вещами, особенно трудно, когда это совершается так внезапно. Я невольно вспомнил, как отец, который долго болел, лет 10, говорил, что вот, когда умрёт он, скажут, что это для него к лучшему, что он избавился от страданий, а в сущности умирать никогда не хочешь. И это будет облегчением не для него, а для окружающих. И сейчас, я думаю, что маму я помню всё ещё такой же, как прежде, без признаков умирания. В этом есть своё хорошее, но тем труднее примириться со смертью.

Перечитывая сейчас Ваше письмо, подумал об одном. Вот Вы жалеете, что в своё время уехали из Кусково. Казалось бы, и я мог бы пожалеть, ведь уезжал я из-за мамы, а её всё равно не уберёг. Но я не жалею. Конечно, октября и ноября в Москве она не пережила бы. Уехать с ней в то время уже не мог бы, она мучилась, что мешает мне. А она умерла бы, я мучился, что из-за каких-то личных соображений не увёз её заранее, и думал бы, что это — причина её смерти.

Подумайте и Вы, что было бы у вас, как было бы с Игорем в те дни. Ведь нельзя же быть «задним умом крепким»; и независимо от конечного исхода не знаю, как бы перенёс то время больной Игорь. Я видел здоровых людей, — и им пришлось нелегко. Хорошо было бы, если бы последующее сложилось иначе. Если бы Сергей Сергеевич был ближе к Вам. Но что же делать! К тому же я понимаю его тревогу за Вас в те дни. Сейчас и он, верно, несколько поуспокоился.

Что касается Вашего вопроса о переезде к нему, то я ответил на этот вопрос ещё до получения Вашего письма. Если в начале декабря я писал об этом с некоторой осторожностью, то сейчас я вполне убеждён, что был прав, когда советовал Вам никуда не трогаться до весны. Это было бы слишком большим риском и совершенно неоправданно.

Рад за Игоря. И ведь то, что Вы пишете о его состоянии, о его здоровье лучший ответ на Ваши волнения, лучшее доказательство, что Вы поступили правильно.

Хочу ответить и на второй Ваш вопрос. Думаю, что Сергей Сергеевич в спешке едва ли оформил квартирные дела. От Вас в Москву ближе, да к тому же там Ваши. Конечно, надо подать официальное заявление с ссылкой на эвакуацию, а затем оплатить квартиру. Кажется, последовало разъяснение, что эвакуированные платят в половинном размере, но я не уверен и главное, не знаю, в какой мере это может быть сейчас распространено на Сергея Сергеевича.

О себе сейчас много не пишу. Работаю, стараюсь работать побольше, чтобы поменьше думать о личном. В конце концов жизнь всегда берет своё. Грустно, что как раз в это время родные и близкие люди далеко. Приятно было, что именно в эти дни пришли тёплые дружеские письма и от Вас, и от Сергея Сергеевича; с друзьями всё-таки легче. Правда, и здесь оказались друзья, о которых не раз вспомнил с благодарностью.

Пишите. Поцелуйте Игоря. Всем привет.

Н. Рубинштейн

30/I.42.

Дорогая Ольга Алексеевна. Получил Ваше письмецо от начала января и страшно огорчился тому, что так плохо доходят до Вас мои письма. Писал Вам неоднократно и в ноябре, и в декабре. Надеюсь, эти, хотя с опозданием, письма мои всё же к Вам попали. Обо мне Вы из этих писем уже знаете. Грустно сложилось моё пребывание в Саратове. Как видите, сколько всё, казалось бы, не предусмотришь, а выходит не так, как рассчитываешь. Все говорили о том, как прекрасно я всё организовал, а маме всё же не помогло. И сейчас хотелось бы уже поскорее быть со своими, с друзьями опять в Москве, а вместе с тем, как подумаю о возвращении в московскую квартиру, то кажется, что это предстоит заново, вторично всё пережить.

Вот и начинаешь говорить, как человек, умудрённый опытом. Впрочем, маме я это и раньше говорил. Прежде всего надо подумать о здоровье, беречь свои силы. С Игорем всё идёт хорошо, и это прекрасно. Надо думать Вам и о себе самой, не переутомляться и настроиться, насколько возможно. Получше питаться. Может быть есть на месте неплохой врач, с которым Вы могли бы посоветоваться. Ведь в бытовом отношении ещё немало времени будет трудненько; значит надо запасаться силами.

На счёт Сталинска Вы, по-моему, решили правильно. Мне тоже жаль Сергея Сергеевича, но что же делать. А затем он понемногу обживётся, условия там должны быть сносные, появятся знакомые. Вот и я же живу как-то. На счёт

Кускова вопрос решили за Вас, но и это к лучшему. Квартирные дела, конечно, надо оформить. Я писал уже тоже об этом Дмитрию Дмитриевичу[A]. Тогда, конечно, было не до того. Может быть, и без этого сестра Ваша могла бы получить счёт за квартиру и платить, но теперь этот совет уже запоздалый. Будем надеяться, что в конце концов это как-нибудь образуется.

Надеюсь, что у Вас сейчас всё совсем стало тихо и спокойно. Продолжаете ли страдать от холода? Здесь в конце января наступили серьёзные морозы — около 30°, и доходило почти до 40°. При этом забастовало отопление. Днём спасаюсь на кухне, а затем спешно ныряю в своей комнате под одеяло с грелкой к ногам. Но всё это не так уж страшно. Я приспособился. Дни идут своей чередой. Много работаю. Рад, когда приходят письма от друзей.

Пишите. Привет всем Вашим.

Всего доброго. Н. Рубинштейн.

Согласно Вашей просьбы, вкладываю лист бумаги для ответа.

[15.2.1942 г.][B]

Дорогая Ольга Алексеевна.

Получил Ваше письмо от 26/I и потянуло как-то, не откладывая, написать Вам, поблагодарить за Ваши дружеские, тёплые строки. Мне это время пришлось как-то особенно тяжело. Всё это случилось так неожиданно и так далеко от всех родных и близких. Но сейчас, получая такие тёплые письма от родных и друзей, я думаю иногда, что я, может быть, не вправе так сетовать на своё положение, что у меня всё-таки есть одно счастье — настоящие, хорошие друзья. А иногда, пусть это покажется Вам и смешным, мне становится жалко, что я не могу рассказать об этом матери, что её бы это особенно порадовало. Сейчас письма заменят м__ ____ с друзьями и составляют связь с прошлым. Остальное время стараюсь заполнить работой. Имею новый круг друзей, с которыми иногда встречаюсь. У них есть свои горести, и сейчас я уже стараюсь сам им помочь, чем могу. Пишите. Всего доброго. Н. Рубинштейн.

22/II.1942.

Дорогая Ольга Алексеевна. Спасибо за частые письма. Конечно, не расстояние, а именно трудность переживаемого времени заставила каждого из нас сильнее ощутить крепкие дружеские связи. Я знаю, что у меня есть хорошие, настоящие друзья и всегда в их числе прежде всего и ближе всего ощущаешь

[A] Так в подлиннике.

[B] Дата в скобках написана простым карандашом (письмо чернилами) рукой С.С. Дмитриева в соответствии с датой почтового штемпеля.

дружбу с Вами и Сергеем Сергеевичем, с которою нас связало так много общего в мыслях и чувствах. И читать эти письма друзей для меня большая помощь.

Вы спрашиваете, как я живу? Да, конечно, прежде всего много работаю. И вы правы в том отношении, что с этой стороны мне, действительно, повезло! Не вся работа удовлетворяет, но есть интересная, серьёзная работа, в которой занято не только внимание, память, но и ум, в которой есть определённое творчество. Затем есть известная культурная среда, есть общность интересов, какая-то доля коллективной работы — и это тоже облегчает.

Есть и друзья, большей частью, правда, недавние друзья, но с некоторыми я сошёлся ближе, и это объясняется сознанием настоящей симпатии ко мне с их стороны. Как Вам сказать? — Я люблю людей — в этом у меня есть что-то от моей матери. У меня есть потребность жить с людьми и для людей. А люди сейчас, как никогда, нуждаются в поддержке и помощи. И сейчас ещё больше, чем когда-либо, я смотрю вокруг себя и стараюсь помогать, чем могу и как могу, — и в этом, может быть, своя доля эгоизма: мне легче, я чувствую некоторое удовлетворение. И вот только грустно бывает иногда, что самым близким мне людям я помочь не могу, что они далеко и для них у меня остаются лишь письма. Но и для меня письма друзей значат дорого и воспоминание о матери, мне приятно, что и у них осталась тёплая память о ней, и это ещё лишняя скрепляющая связь для меня.

Но теперь не обо мне, а о Вас. Вы пишите о своих кусковских планах. Я думаю, что с этим надо ещё повременить. Существует вопрос, конечно, болезнь Игоря. Но хочется рассчитывать, что у него всё благополучно обойдётся — ведь до сих пор он держал себя таким молодцом. Если же что-либо понадобилось, то ведь проще съездить в Ярославль, а там-то всё же хороший врач найдётся. Не понимаю относительно корсета. Мне казалось, что Сергей Сергеевич послал ему корсет в августе, а тогда новый потребуется, очевидно, не так скоро. Потому, думаю, что с Вашими планами надо повременить. Да к тому же это дело не простое и едва ли Вас ____. Наберитесь терпения, подождите до мая, а тогда, я думаю, легче будете принимать решения и налаживать дальнейшее. Вот и Сергей Сергеевич пишет мне о своих московских планах; считаю это пока утопией. Я знал твёрдо, что должен кончить здесь учебный год и пока решил ни о чем не думать и ждать.

Сейчас главное волнение за братьев; главное ещё и потому, что для них возможны изменения на устройства. В конце января имел от них письмо от начала декабря — и с тех пор ничего! Писали они о предполагаемом переезде; знаю, что многие уже переехали, а вот у них ничего! Хотелось бы, чтобы они были уже где-нибудь поближе, чтобы установилась с ними регулярная связь.

Пишите по-прежнему часто и обо всём, что Вас тревожит, обо всех возникающих вопросах.

Всего доброго. Поцелуйте Игоря. Привет Анне Николаевне.

Н. Рубинштейн

10/III.1942.

Дорогая Ольга Алексеевна.

Спасибо за частные письма. Сейчас всегда хочется знать, что делается у друзей. Рад был, что на этот раз Ваше письмо поспокойнее. С приближением весны и в бытовом отношении станет, может быть, легче, хотя одновременно прибавится всякой работы ____. Как сейчас Ваше здоровье и будите ли с ____ справляться. Подумал, не лучше ли было бы заняться школьной работой, о чём писал в своё время, но вспомнил, что к весне это безразлично.

Вопрос о Москве, как я писал Вам, пока нереален. Все друзья из МГУ и МИФЛИ по-прежнему в Ашхабаде и Ташкенте и никуда не двигались. Я написал уже об этом Сергею Сергеевичу. Что касается других планов, то надо ждать лета, а там будет видно, каковы перспективы и что предпринимать.

У меня ничего нового. Продолжаю очень много работать, и это лучшее. В бытовом отношении в Саратове особенно трудно; видимо, труднее, чем в любом другом городе (о Ленинграде, конечно, не говорю), но я приспособился и для одного взрослого здорового человека это вообще несущественно. Очень тревожусь за здоровье своих в Ленинграде.

Пишите о себе. Игоря целую. Привет Анне Николаевне.

Всего доброго. Н. Рубинштейн.

23/III.42.

Дорогая Ольга Алексеевна.

На этот раз и я несколько дольше не писал Вам, и от Вас что-то давно нет писем. Как живете? Что делаете? Всё ли у Вас благополучно? От Сергея Сергеевича имею письмо. Он всё тоскует и рвётся из Сталинска: если не в Кусково, то хоть в Ярославский край. Написал ему вторично подробный ответ. Тщательно всё взвесил и настоятельно советовал ему потерпеть до конца мая, а тогда решать по обстоятельствам. Ведь в Ярославле он сейчас едва ли устроится. Идти на это стоит, если быть уверенным, что это короткий этап на пути в Москву. Но ведь сейчас нельзя быть ещё уверенным, что нам вот уже разрешат вернуться. Затем это имело бы ещё в том случае смысл, если бы Вы были хорошо устроены. Но я понимаю, что этой зимой Вам пришлось нелегко. Если же придётся ещё раз зимовать, то, конечно, будет ещё труднее. Тогда, может быть, напротив, он должен думать устроиться так, чтобы перетянуть Вас всех к себе. А в этом случае ему уезжать в Ярославль совсем не годится. Лучше выяснить

возможности там, на месте. Так думается мне. Не знаю, одобрите ли Вы мой совет. Заметьте, что дело вовсе не в том, что я стал скептиком или пессимистом. Но лучше всё же быть осторожными и предусмотрительными до конца. Всё это я написал ему вчера, и одновременно пишу об этом Вам.

У меня всё то же самое. Бытовые условия в Саратове, по правде сказать, неважные и, кажется, хуже, чем в большинстве других мест. Весна всё ещё не наступила, а в квартире холодно, и я продолжаю обретаться на кухне. С отоплением туго, цены аховые, а в столовой, открытой для научных работников, кормят отвратительно. Но должен сказать, что я в сущности никогда особенно взыскательным не был, и к такого рода трудностям приготавливаюсь легко. Тем более не могу на это жаловаться, когда знаю, какие исключительные трудности переживает вся страна.

Хуже то, что нет спокойствия за близких. Не говорю уже о родных, застрявших в Одессе. Сейчас продолжаю волноваться за братьев, остающихся с семьями в Ленинграде. Непосредственно от них писем не имею и мои письма к ним (в частности и известие о смерти матери) не доходят. Хорошо ещё, что сейчас сюда приехал Ленинградский университет, и товарищи передают, что видели братьев перед отъездом, в первых числах марта. Говорят также, что они должны были выехать со своими институтами в середине марта. Но вот до сих пор ничего от них нет. Между тем с началом весны едва ли можно будет выехать. А после всего того, о чём я наслышался, особенно хотелось бы одно, чтобы они были поближе ко мне и иметь с ними нормальную связь.

Помимо этого, работаю, в работе уходит всё время. Если хотите, в этом моё преимущество перед другими товарищами, в частности и перед Сергеем Сергеевичем: у меня не остаётся времени для себя, для своих личных мыслей и переживаний. В других условиях я, может быть, посетовал бы на это, а сейчас доволен!

Вы писали мне о Новицком! Он сам не пишет — и в связи с этим, очевидно, почти не пишет: может быть, рассчитывая, что Сергей Сергеевич сообщит мне о случившемся и облегчит ему эту задачу. Но на днях получил письмо от Любови Оскаровны, очень грустное, в котором она пишет обо всём. Собственно говоря, теперь я думаю о том, что всё это назревало давно, по сути дела Георгий Андреевич, видимо, давно стал далёк от Любови Оскаровны. Теперь это объясняет мне и то, почему он летом брал работу, большую часть времени проводил в городе и редко оставался с семьёй на даче. Надо сказать также, что он с Любовью Оскаровной очень разные люди. Но сейчас для неё, конечно, всё это очень тяжело. Написал ей, что мог.

Его нынешнюю жену, Ошанину[A], мы, между прочим, встретили вместе с ним в театре, кажется на Башкир. спектакле, если помните. У меня о ней самое неопределённое представление.

Из Ашхабада и Ташкента, от Тихомирова, от Бахрушина как-то давно ничего не имею и не знаю, что у них.

Из Москвы получил недавно сведения, что моя комната также занята. Написал кому-то из знакомых, просил узнать, как, кем и почему. Но что же можно поделать! Конечно, хотелось бы в Москву. Хотя жизнь там сейчас, говорят, тоже трудная, — но всё это не так просто.

Подожду до лета, а там будет видно!

Пишите и не забывайте. Что Игорь? Поцелуйте его. Привет Анне Николаевне.

Крепко жму ваши руки. Н. Рубинштейн.

6/V [1942 г.][B]

Дорогая Ольга Алексеевна.

Получил Ваше письмо от 11/IV. Ваше решение очень одобряю и всецело поддерживаю — надо ещё повременить. Вот только как налаживается сейчас Ваша жизнь, в частности, в бытовом отношении; — не принесла ли весна облегчения в этой части? Кончился ли сыпняк в Вашем регионе и как здоровье всех Ваших? Думаю, что и здоровье Игоря с наступлением тепла должно поправиться. Что касается Вашего настроения, то оно, я думаю, связано и с физическим состоянием, и с грустными вестями, пришедшими к Вам из Ленинграда, о которых писал мне Сергей Сергеевич. Да кругом сейчас у всех много горя. Я получил из Ленинграда очень тяжёлое письмо от дяди (брат матери, врач). Братья мои выехали с жёнами 20/III, каждый в эшелоне своего института. От старшего брата имею и телеграммы, и письма. А вот от второго брата ни слова; между тем выехал он уже более полутора месяцев. Вдобавок узнал, что он в феврале хворал. Теперь жду самого худшего, а предпринять ничего не могу.

От Сергея Сергеевича имел сразу два письма. Он тоже решил несколько выждать с окончательными планами. Но при этом он сообщил, что имеет вызов от МОПИ из Малмыжа (Татреспублика). Место глухое, но ближе к центру, к Вам; в бытовом отношении там должно быть относительно легче. Если переезд в Москву будет нереален, я советовал Сергею Сергеевичу подумать об этом предложении. Да и возвращение в Москву совместно с МОПИ было бы во многих отношениях более лёгким. Знаю, что туда переезжает сейчас Поршнев из Казани.

[A] Имеется в виду вторая жена Г.А. Новицкого Елена Николаевна Ошанина.

[B] Год в квадратных скобках вписан простым карандашом рукой С.С. Дмитриева.

У меня самого всё в общем по-старому. Быт здесь очень трудный, кажется особенно трудный, но я в общем устраиваюсь. Весна и у нас какая-то странная. Много дождей и свежо, а сегодня утром даже снег пошёл, но скоро стаял. Я ___ больше работаю и в этом году как-то даже не тянет в природу — настроение не то!

От товарищей продолжаю получать письма; и у них всё то же. Имел вчера письмо от Георгия Андреевича Новицкого. Его мысли двоятся; он, видимо, искренне огорчается за Любовь Оскаровну и Лялю, которая тяжело переживает случившееся. Я пишу Любови Оскаровне; на последнее письмо ответа ещё не имел. Адрес Любови Оскаровны — Томск, Новосибирской области. Ул. Горького, д. 18, кв. 9.

Пишите. Привет Анне Николаевне. Поцелуйте Игоря.

Ваш Н. Рубинштейн.

18/V.42.

Дорогая Ольга Алексеевна.

Дольше обычного ничего от Вас не имел. Впрочем, письма вообще идут что-то дольше прежнего. Всё ли у вас благополучно?

У меня за это время две новости. Первая: получил, наконец, письмо от второго брата, выехавшего из Ленинграда. Он тоже в Кисловодске; правда, серьёзно хворал, но сейчас уже поправляется. Вторая: Дмитрий Леонидович в начале мая вызван в Москву на работу, пока один, без жены. Он должен был выехать из Томска __ 10/V. Теперь жду от него подробной информации уже оттуда. Что ж, может быть, теперь скоро уже нам всем можно будет подумать об обратной поездке. Сведения оттуда приходят хорошие.

Здесь у нас наступило уже сразу лето. Даже знойно. У меня пока ещё по-прежнему много работы, и так будет до конца июня. А вот что-что будет тогда!

Пишите. Всего доброго. Н. Рубинштейн.

10/VI [1942 г.][A]

Дорогая Ольга Алексеевна.

Очень огорчило меня Ваше последнее письмо. Огорчило своим настроением и ещё более указанием на состояние Вашего здоровья. Впрочем, я уверен, что одно с другим тесно связано: состояние здоровья сказалось на настроении, понизило сопротивляемость, и обратно, нервное настроение ещё понижает общий тонус. Всё это накапливалось постепенно; ленинградские вести, видимо, подтолкнули дело. Между тем вспоминаю, как в начале весны Вы начали не-

[A] Год в квадратных скобках написан простым карандашом рукой С.С. Дмитриева.

сколько оживляться и приободрились. Но понимаю, что сейчас при Вашем составе семьи устраиваться трудно. Надо бы всё же раздобыть ___ какие-нибудь вещи либо от родных, либо, может быть, сёстры могли бы переправить к вам из Вашей московской квартиры, — и хотя бы ____ пополнить стол. Сейчас, конечно, почти все худеют, так как, может быть, сыты и бывают, но ___ жиров и сахара сокращены значительно, и это сказывается. Появилась ли у Вас уже свежая зелень? Впрочем, и здесь её ещё очень мало, и она довольно дорога. В этом отношении рад за братьев, попавших в Кисловодск: там много масла, мёда, зелени, яйца и молоко, — и всё намного дешевле, чем в Саратове.

Надо действительно теперь же начать думать об устройстве на будущую зиму. Я, признаться, очень неуверенно смотрю на возможность Вашего возвращения на зиму в Москву. При всех условиях и с топливом, и с продовольствием там будет трудно и возвращение членов семьи во всяком случае будет очень ограничено. В связи с этим я всё больше склоняюсь к мысли о целесообразности для Сергея Сергеевича переезда в Малмыж, где находится МОПИ. Это сразу закрепит его эвакуационные отношения по Москве, что важно в квартирном отношении, и это приблизит его к Вам. В Малмыж Вам легче перебраться, чем в Сталинск; в Малмыже есть какой-то организованный коллектив. Можно ещё предварительно выяснить, как там бытовые условия. Я об этом уж как-то писал предположительно Сергею Сергеевичу; сейчас снова написал ему об этом и советовал всё выяснить и серьёзно продумать.

Я с своей стороны, конечно, тоже подумываю о Москве, тянет туда очень, тем более, что там теперь Дмитрий Леонидович и туда же с осени собирается на работу один из моих ленинградских братьев, но пока не знаю, что с этим получится: всё это вообще не так просто. Попытаюсь в августе, на каникулы, организовать себе поездку в Москву и там на месте увижу, что получится.

Надо сказать, что и в Саратове жизнь сложная; к тому же все эти месяцы мне было как-то не до забот о моём бытовом устройстве. Сейчас поуспокоился за своих и занялся этими бытовыми вопросами. Зато в смысле научной работы у меня условия оказались приемлемые, и я как-то организовался для работы. И опять получается какая-то взаимосвязь — работа в свою очередь помогла сорганизоваться. Получаем здесь также и центральные газеты, и журналы и кое-какие — немногочисленные, правда, — новинки. Вот чего Вы, верно, совсем лишены. Но будем надеяться, что всё это уже всё же ненадолго. Пока же не запускайте и своего здоровья. Пишите. Всего доброго. Н. Рубинштейн.

Вашим сердечный привет, Игорю особый.

20/VI.42.

Дорогая Ольга Алексеевна.

Получил Ваше письмо от 4/VI и очень обрадовался как-то сразу изменившемуся тону, какому-то успокоенному и несравненно более бодрому настроению всего письма. Надо [применяться] к существующим условиям. Вы это начали делать и в сущности это лучшее, что можно вообще сделать. От Сергея Сергеевича я тоже получил как раз письмо, и его основное положение как раз совпало с тем, о чём и я ему писал: он, очевидно, решился в пользу Малмыжа и сейчас списывается с МОПИ. Я это полностью одобрил. Так или иначе, но при всех условиях это облегчает Ваше совместное устройство на будущую зиму; только что будет тогда с Вашим огородом в Ильинском? Но, может быть, и впрямь к осени сможете и о Москве подумать. Конечно, самые ближайшие месяцы ещё будут горячие, но и то я думаю, что не в Ваших краях, а там уже наши последние большие международные успехи должны, я думаю, ускорить разворот событий. Тогда и огородов никаких в Ильинском не жалко будет!

Я предпринимаю кое-какие шаги по выяснению возможности возвращения в Москву (сейчас там уже должен быть Дмитрий Леонидович), но что будет, не знаю ещё! Пока предполагается, что к началу августа меня вызовут в МГУ на защиту докторской диссертации П.П. Смирнова[A]. Если это так и будет, то на месте всё легче будет выяснить. Пока что и я занялся огородом. Впрочем, вернее, что этим делом занялась Стеша. У меня, как всегда, такая уйма работы, что я с этим просто не успеваю.

Вдобавок на огородах (и, к сожалению, не только там) завёлся сейчас ещё ужасный бич — мошкара, которая умеет ещё и кусаться не хуже комаров, и она буквально заедает их.

Зато вчера я был на разгрузке сланца (топливо вроде угля) с баржи на Волге; работал по-стахановски и единолично выгрузил свыше 1½ тонн, — и представьте себе на этой работе впервые почувствовал себя на лоне природы. Дело в том, что баржа стоит на Волге, довольно низко у воды. Волга сейчас разлилась и очень широка, и вид на Волгу прекрасен. Когда я смотрел, в красках, в панораме — что-то напомнило мне южное Чёрное море, какой-нибудь большой живописный залив. Вот и меня потянуло к природе, да всё как-то времени нет! Звали меня и на дачу к одним друзьям, но я и к ним не попал до сих пор.

От братьев из Кисловодска вести хорошие. От Дмитрия Леонидовича из Москвы пока ничего ещё нет.

[A] Имеется в виду Павел Петрович Смирнов; докторская диссертация на тему «Посадские люди и их классовая борьба до середины XVII в.», защищена в 1943 г.

От Тихомирова из Ашхабада и от Сергея Владимировича из Ташкента сведения в общем удовлетворительные; по-видимому, особенно хорошо у Сергея Владимировича, благодаря его давнему тяготению к вопросам истории Сибири и Средней Азии, в силу чего ему легче всего было перестроиться применительно к новой тематике.

Доходят ли к Вам новые журналы, брошюры, сборники стихов, очерков, рассказов. Если доходят, то в Ваших краях ____ сравнительно легче новинки заполучить. Хорошим журнал стал «Новый мир» (только не № 1 за этот год). Много интересного в газетах, в частности в «Красной звезде». Как у Вас в селе с удовлетворением этих культурных запросов?

Пишите ____ почаще.

Всего доброго Н. Рубинштейн

Имеете ли что-нибудь от Любови Оскаровны? Мои две открытки остались без ответа.

5/VII [1942 г.][A]

Дорогая Ольга Алексеевна.

Три дня гостил у меня Зайончковский, находящийся с частью недалеко от Саратова, по пути на фронт. Много говорили с ним о Сергее Сергеевиче и о Вас. Снова возвращались к вопросу о планах Вашего зимнего устройства. От Сергея Сергеевича пока не имею новых сведений о Малмыже, но считаю это наилучшим решением вопроса. Расчёты на Москву нереальны. МГУ переводят сейчас из Ашхабада в Свердловск. Персональные вызовы проводятся по очень ограниченному списку. Я писал о своём вызове. Мне сообщили, что я нужен, что всё сделают, но что сейчас нет никаких лимитов. Обнадёживают на осень, а что выйдет, не знаю! При таких условиях считаю, что и Вам с Игорем, конечно, неразумно ехать в Кусково. Жизнь там трудная, возможность всяких осложнений не исключена, а Вы одни будете в этом случае крайне беспомощны.

По-моему, в случае выезда Сергея Сергеевича в Малмыж, Вы должны, не ____, ехать к нему туда и на зиму устраиваться совместно. Вам обоим будет тогда значительно легче. К тому же мне кажется, что те места в бытовом отношении хороши. Я знаю, что ленинградцы, жившие в Елабуге, прекрасно ____ и поправились и основательно запаслись продуктами на зиму.

А что в Вашем Ильинском — во всяких отношениях? Как организовано сейчас Ваше снабжение? Подкормиться необходимо — лучше ликвидировать что можно из вещей! Хотя, конечно, надо подумать и о зиме, которая предстоит и будет нелёгкой. Как у Вас погода? — У нас пока настоящего лета не было.

[A] Год в квадратных скобках написан простым карандашом рукой С.С. Дмитриева.

Впрочем, мы, горожане, пожалуй, жаловаться не должны: при ____ саратовской жаре работать было бы тяжело.

Живём здесь понемногу. Бытовые условия у нас неважные, но я уже к ним применился и как-то быт наладился. Зато по части духовной пищи у меня, конечно, неплохо. Хорошая библиотека, славный коллектив, а сейчас ещё ____ круг ленинградских товарищей. Но всё это не заменит, конечно, старых моих московских друзей, и очень хотелось бы, чтобы мы опять очутились, наконец, вместе.

Пишите. Всего доброго. Н. Рубинштейн.

2/VIII.

Дорогая Ольга Алексеевна.

Снова несколько дольше нет от Вас писем. Впрочем, и я, кажется, дольше не писал: в последнее время очень заматываюсь на экзаменах и по делам деканата. Вообще работы очень много, иногда это делается утомительно. Но в целом это и лучше: сейчас самое трудное было бы сидеть без дела, и отдыхать никак не смог бы теперь, когда вся страна живёт в таком исключительном напряжении. Очень хотелось бы знать, что у Вас. Ваша неудача с Москвой меня нисколько не удивила: я Вам и раньше писал, что эти хлопоты преждевременны. Вот и у меня пока ничего не выходит. Надо Сергею Сергеевичу устраиваться, и Вам как-нибудь объединиться.

Как сейчас здоровье Ваше, Игоря; как наладились Ваши бытовые дела. Летом должно быть станет легче — сужу по Саратову. Во всяком случае следует подумать и о своём здоровье. Предстоят ещё трудные времена, и надо беречь силы: здоровье сейчас основное.

Не забывайте и пишите.

Всего доброго. Поцелуйте Игоря. Привет Анне Николаевне.

Ваш Н. Рубинштейн.

15/VIII [1942 г.][A]

Дорогая Ольга Алексеевна. На этот раз сравнительно долго не писал Вам. Впрочем, и от вас уже долго не имею писем. У меня на этот раз печальная весть — этим и объясняется долгое молчание. 3/VIII узнал о болезни Нины Бернардовны — она заболела в Томске брюшным тифом, — а 9-го пришла телеграмма о её смерти. Брат вылетел к ней на самолёте, но уже не застал её в живых. Больно за неё — умереть такой молодой, способной и полной жажды жизни! Очень тяжело за брата, который страшно её любил, а теперь должен переживать эту утрату в Москве, совсем один — даже друзей у него там нет! Хо-

[A] Год в квадратных скобках написан простым карандашом рукой С.С. Дмитриева.

телось бы очень повидать его — жаль, что он не заехал по дороге в Саратов. Конечно, сейчас естественно было бы нам устроиться вместе с ним. Но с моим переездом в Москву пока ничего не выходит. Говорят даже, что это стало сейчас ещё труднее.

С двумя другими братьями сейчас потерял связь. Надо же было, чтобы они из Ленинграда попали в Кисловодск — и сейчас переживали всё сначала[A]. Последнее письмо от них имел от 15/VII. А сейчас я даже писать им не могу — ведь не знаю, где они и как! Остаётся сидеть и ждать известий от них.

Не говоря уже об общем горе за разорённые края и погибших людей, которое переживает сейчас вся наша страна!

Работаю по-прежнему, и, хотя иногда чувствую усталость от этой непрерывной и частью суетливой работы, — думаю, что так всё же лучше сейчас. Без работы сейчас совсем невозможно.

Очень хотел бы знать, что у Вас. Я уже привык к Вашим частым и подробным письмам, привык знать, что у Вас, — и сейчас Ваше долгое молчание меня даже начинает тревожить. Из Ваших писем вижу, что Вы всё это время чувствуете себя неважно, настроение Ваше часто меняется. Всё ли у Вас благополучно? Как Вы сами, Игорь?

От Сергея Сергеевича вчера получил открытку, из которого видно, что у него всё без изменений; никакого движения, может быть, задержка связана с внезапной смертью Калягина. Во всяком случае надо всё сделать, чтобы к осени Вам с Сергеем Сергеевичем объединиться: зима предстоит очень тяжёлая и как Вам, так и ему очень трудно будет врозь. И делать это следует поскорее: надо как-нибудь к зиме ещё подготовиться! Делаете ли Вы что-нибудь в этом направлении? Я кое-что уже предпринимаю.

Из друзей недавно имел письмецо от Сергея Владимировича Бахрушина из Ташкента. Он писал, что чувствует себя неважно; жаловался на жару, собирался на 2 месяца в Москву. Тихомиров, Новицкий уже должны быть в Свердловске, но от них оттуда писем ещё не имел. Между прочим, я писал Сергею Сергеевичу, чтобы он подумал и об МГУ, хотя бытовые условия в Свердловске очень тяжёлые.

Пишите же, что у Вас. Не забывайте.

Всего доброго. Поцелуйте Игоря.

Ваш Н. Рубинштейн.

[A] 14 августа 1942 г. советский войска оставили Кисловодск. Немецкая оккупация продолжалась до 11 января 1943 г.

3/IX [1942 г.][A]

Дорогая Ольга Алексеевна. Дольше обычного ничего от Вас не имел, а затем ещё надолго уехал из Саратова (это письмо пишу Вам из Новоузенска[B], откуда завтра возвращаюсь к себе) — и в результате совсем не знаю, что у Вас слышно. Вдобавок и от Сергея Сергеевича дольше обычного не было писем. Надеюсь застать письма по возвращении в Саратов, а то начну серьёзно тревожиться. — Не оставляйте впредь так долго без вестей! Сейчас больше всего хотелось бы уже знать, что Сергей Сергеевич выехал в Малмыж и что, таким образом, и Вы получите возможность соединиться с ним. Надо как-то сорганизоваться к этой зиме, которая для всех будет чрезвычайно трудной.

Что касается меня, то из моей открытки Вы уже знаете, что в нашей семье новая потеря: умерла Нина Бернардовна. Брат вылетел в Томск, но даже не смог с ней проститься, — только сумел её похоронить. Теперь очень волнуюсь за него, оставшегося в Москве совсем одиноким, подавленного тяжёлыми мыслями, среди вещей, которые всё время напоминают ему о любимом человеке; — наконец, без всякого присмотра и заботы, а я хорошо знаю, как трудно заботиться о себе самом! Тяжело, что не могу ничем помочь ему, облегчить ему особенно тяжёлые первые месяцы. Конечно, всего естественнее было бы нам быть вместе, а вот не получается! Мои ленинградские братья снова в пути. От 14 августа имел от них телеграмму из Махач-Калы[C]. Оттуда их должны направить в Среднюю Азию или Западную Сибирь, в какой-нибудь маленький городок. Представляю себе, как тяжело это сейчас для них — и физически, и морально.

Сам я ищу отвлечения в работе. Сейчас выехал на неделю с лекциями в связи с уборочной кампанией. Это даёт известное моральное удовлетворение. Это интересно — я так мало знаю русскую провинцию, и тем более русскую деревню. Наконец, для меня это могло бы явиться даже известным отдыхом на лоне природы — далеко от городского шума и служебной сутолоки. Но именно эта почти «дачная» обстановка связана для меня со столькими грустными воспоминаниями.

Перспективы работы этого года в связи с общими событиями мне ещё неясны здесь. Как и все, с напряжением слежу за общим ходом событий. Пора остановить немца и погнать его назад!

В последние дни у нас уже остро почувствовалась осень. Правда, сегодня опять тепло, но ветер осенит, ____ листья! Что у Вас? Как прошло лето? Грустно

[A] Год в квадратных скобках написан простым карандашом рукой С.С. Дмитриева.
[B] Город в Саратовской области, расположенный в 202 км от областного центра.
[C] Так в подлиннике (здесь и далее).

подумать, что наступает новая зима, которая будет такой суровой, особенно для тех, кто изгнан из своего дома; ещё более для тех, кто попал в лапы к немцам.

Пишите ж! Не забывайте!

Всего доброго. Н. Рубинштейн.

Дорогая Ольга Алексеевна. Вернулся в Саратов и застал сообщение от Сергея Сергеевича о вызове в Малмыж. Очень рад за него и за Вас. Застал и Ваше письмецо — знаю теперь, что и у Вас ____ наладилось поспокойнее. У меня всё то же. Сейчас очень хотелось бы съездить к Дмитрию Леонидовичу — в Москву: ему очень ____ одному, но пока у нас здесь такое неопределённое положение, это мне трудно сделать. От братьев с Кавказа имел одну телеграмму из Махач-Калы и ничего больше. Всего доброго. Н. Рубинштейн.

3/X [1942 г.][A]

Дорогая Ольга Алексеевна.

Получил за последние дни два Ваших письма к ряду. Меня огорчил грустный и несколько тревожный тон Ваших писем. Думаю, однако, что всё, о чем Вы пишете, просто результат сложной теперешней жизни с её бесконечными заботами. А вот съедитесь, устроитесь более или менее сносно в Малмыже, и сразу станет Вам и спокойнее, и легче. От Сергея Сергеевича за это время ничего не имею — очевидно, он напишет уже из Малмыжа. У меня же неожиданная новость: еду в командировку в Москву по вызову Наркомпроса. Оттуда напишу Вам уже о дальнейшем. Мне пишите туда пока по адресу брата: Москва 120 — ул. Обуха (Воронцово поле). Д. 8. Кв. 12.

Всего доброго. Не поддавайтесь грустным мыслям.

Н. Рубинштейн.

Письма П.А. Зайончковского О.А. Дмитриевой

Саратов, 6/VIII-42.

Многоуважаемая и дорогая Ольга Алексеевна!

Сейчас приехали товарищи из Камышина и привезли Ваше письмо, чему я несказанно рад. Спасибо Вам большое за тёплое, родное ко мне отношение.

Откровенно говоря, давно порывался Вам написать — даже конверт, в котором я посылаю это письмо, заготовил более месяца назад, да как-то не решался. Сергей Сергеевич и вся Ваша семья, несмотря на кратковременность нашего знакомства, являетесь одними из самых близких мне людей. Потому-то я очень обрадовался получению от Вас письма. Надеюсь, что наша письменная связь не оборвётся.

[A] Год в квадратных скобках написан простым карандашом рукой С.С. Дмитриева.

Уже месяц как из Камышина переехал в Саратов: работаю на той же работе, но более крупного масштаба. Дней 10 прожил у Николая Леонидовича, сейчас я живу не у него, так как боюсь его стеснить, однако часто бываю, вот и сегодня хочу вечером отправиться к Николаю Леонидовичу с ночёвкой. Сейчас он один — Стеша уехала в совхоз.

Сколько пробуду здесь, не знаю, во всяком случае думаю, что уже в августе буду воевать. Скорей бы быть в полном смысле в действующей.

На днях получил от Сергея Сергеевича открытку и третьего дня послал ему заказное письмо. Я не могу Вам выразить, как бы хотелось его видеть, поговорить с ним по душам. Николай Леонидович очень хороший человек, но с ним всё же не то, что с Сергеем Сергеевичем. Я писал Сергею Сергеевичу, что вызов из Малмыжа он не получает, вероятно, в связи со смертью Калягина, о чем мне сообщил Николай Леонидович.

О своих переживаниях в течение прошедшей зимы не пишу — Вы, вкратце, знаете об этом от Сергея Сергеевича. Не знаю, может быть, я сделал и глупость, но сейчас я всё же счастлив тем, что у меня есть близкий человек — жена. Погано себя чувствовать в положении собачонки, у которой нет никого близкого. Единственно, что меня пугает — это разница лет уж слишком велика. Примерно такая же, как у героев «Семейного счастья» Толстого. Ну, что будет порой трудно предугадать, к тому же и шансы на возвращение не так уж велики.

Ольга Алексеевна, как мне хотелось бы Вам помочь, да не знаю чем. Если Вам нужно что-либо от местных организаций, районных или областных, пишите мне без стеснения. С места моей работы напишут об этом и как родственнице военнослужащего, может быть, помогут. Кроме того, один из моих высших начальников, секретарь Ярославского обкома партии, я смогу обратиться к нему. И я думаю, что он не откажет. Ну, буду кончать. Сам я только что возвратился из г. Марксштадта, куда ездил в находящийся там Институт иностранных языков, мобилизовывать переводчиков для работы в наших полках.

Передайте мой привет Анне Николаевне и Игорю, если они меня помнят.

Крепко, крепко жму Вашу руку.

Преданный Вам Пётр Зайончковский

P.S. Пишите мне по адресу: Саратов. п/я 266/33, старшему политруку Зайончковскому…

Относительно нашего отъезда из Москвы трудно сказать, но, по-моему, мы при тогдашней ситуации поступили правильно. Вообще я не советовал бы Вам сейчас возвращаться в Кусково. Выждите месяц, другой.

Действующая армия, 31/VIII.

Дорогая Ольга Алексеевна!

Уже на фронте. Завтра или послезавтра начну воевать.

Как раз совпадает с началом учебного года.

На нас выпала большая, ответственная задача.

Как живёт Сергей Сергеевич? Давно что-то нет от него писем.

Пишите, Ольга Алексеевна, буду очень рад получать от Вас письма. Уехал так неожиданно, что даже не успел проститься с Николаем Леонидовичем.

Как ваш переезд в Малмыж?

Всего, всего хорошего.

Преданный и уважающий Вас

Пётр Зайончковский.

27/IX.

Дорогая Ольга Алексеевна.

Не знаю получили ли Вы ряд моих открыток. Вчера получил письмо от Николая Леонидовича, в котором он сообщает о предполагаемом переезде Сергея Сергеевича в Малмыж. Очень рад за него, так как полагаю, это дало бы возможность Вам соединиться. Плохо одно: не знаю по какому адресу писать Сергею Сергеевичу. На днях получил письмо от тёщи[A]. Она была в Сталинске, видела Сергея Сергеевича. По её словам, Сергей Сергеевич выглядит очень хорошо. В моей жизни пока изменений нет. Воюю. Погода у нас жаркая, но только холодина. Мечтаю о том, как бы поспать в избе, хотя бы одну ночку. В землянке холодно. Видите, каковы желания! Довольно скромные. Крепко жму вашу руку. Привет Гоге и Анне Николаевне. Уважающий Вас П. Зайончковский.

Письмо Б.И. Рыськина О.А. Дмитриевой

Уважаемая Ольга Алексеевна!

Я чрезвычайно виноват перед Вами — долго не ответил на Ваше письмо; причины? Был занят, читал много лекций в Коломне и, самое главное, не в состоянии был сообщить что-либо такое, что умалило бы Вашу тоску по дому, по привычной, родной обстановке. Ваше письмо такое же по своему настроению, как и письма, которые я получаю от своей жены. По совести говоря, на них трудно отвечать, но жене пишешь о хозяйственных делах, «делаешь распоряжения» по вопросам, касающимся детей и в тому подобных вопросах топишь основной волнующий её вопрос: когда ей вернуться? Во всяком случае я «отдал распоряжение»: обработать огород, завести поросёнка и т. п., бросить всегда

[A] Имеется в виду Н.Д. Моргунова-Рудницкая.

сможешь! Теперь вдобавок стоит вопрос о поступлении дочери в ВУЗ. Хочу из эгоистических соображений, чтобы поступила в московский. Удастся ли — не знаю, так как она весной лежала в больнице (плеврит) и ей предстоят осенние испытания. Вчера получил письмо от Сергея Сергеевича, отвечу ему на днях, когда выясню вопросы, затрагиваемые им. Он пишет, что Вы собираетесь в Москву. Очень прошу, когда приедете позвонить ко мне (К 5–1 5–40), постараюсь помочь всем, чем смогу. Будете писать Сергею Сергеевичу передавайте от меня сердечный привет ему, собираюсь написать сам.

С уважением, Б. Рыськин.

20/VI-42.

Письмо Л.О. Новицкой О.А. Дмитриевой

Томск 19/VI-42.

Дорогая Ольга Алексеевна, очень была рада получить от Вас весточку. Я никак не думала, что Вы находитесь в разлуке с мужем. Я знала, приблизительно, что Сергей Сергеевич вышел из Москвы в конце октября с Георгием Андреевичем, но о том, что он с Вами не соединился, я не знала. Думаю, что Вам одной с мальчиком очень трудно и тоскливо. О моей катастрофе Вы, конечно, давно уже знаете. Всё, что со мной произошло, было для меня настолько неожиданно, что я долго не могла очнуться от этого тяжёлого и непредвиденного удара, а главное я осталась в далёкой Сибири, такой холодной и неприветливой с Лялей и мамой на руках, да ещё в такое неслыханно трудное время. Ляля очень тяжело восприняла случившееся, она была очень привязана к отцу. Трудные месяцы долгой сибирской зимы выпали мне на долю. Холода, одиночество, полуголодное существование, а главное полная бесперспективность в будущем. С 1-го апреля мне удалось устроиться работать по специальности в Ленинградскую военно-техническую академию связи. Работаю там штатной преподавательницей на полной ставке. Кроме того, ещё работаю по вечерам на курсах по подготовке в ВУЗ. В работе нахожу некоторое забвение. Очень устаю, так как в Томске нет ни трамваев, ни автобусов, и приходится большие расстояния проделывать пешком. Ляля хорошо перешла в 10 класс, думает пока до осени устроиться куда работать. Со страхом жду наступления зимы такой суровой и длинной в этом краю. Конечно, хотелось бы вернуться в Москву, но без вызова туда Георгия Андреевича нам отсюда не уехать. Наша бабушка (мать Георгия Андреевича) осталась в Москве и сейчас только приходит в себя после холодной зимы в настоящих московских условиях. Здесь в Томске находятся Рубинштейны. В настоящее время Димитрий Леонидович отозван в Москву. Нина Бернардовна осталась с матерью в Томске.

Все томичи также, как и эвакуированные, заняты сейчас огородничеством. Мне тоже выдали на работе картофель для посадки и участок на огороде (за городом). Я с Лялей обработали землю и посадили картошку, правда, очень немного, но если получим мешка 4, и то будет хорошо. У нас в данное время ведро картофеля стоит 230–250 рублей, масло 300, 350 рублей кило, молоко 30 рублей — литр, (а было 40), мяса сейчас совсем нет, яйцы[A] стоят 100 рублей десяток. Возможно ли при таких ценах питаться! Кое-что меняем из привезённых вещей, да и этому скоро придёт конец. Если мне напишите, буду очень рада. Где находится Сергей Владимирович Бахрушин? Вы, наверное, слышали, что умерла от рака в Ашхабаде Евгения Леонтьевна. Это известие меня крайне поразило. Вообще я полагаю, что многие из нас не вернутся в родную Москву.

Пока целую Вас.

Пишите мне, так отрадно получить письма от московских друзей. Будете писать Сергею Сергеевичу пошлите ему мой привет. Если не ошибаюсь, Сергей Сергеевич проделал трудный путь из Москвы с Георгием Андреевичем и его спутницей.

[A] Так в подлиннике.

Приложения

Родословие Дмитриевых

ТАБЛИЦА 1.

ДМИТРИЕВ Харлампий

Тимофей Харлампиевич
жена: **Евдокия Иововна**

Борис Харлампиевич
(ум. 1876)

Степан **Семен** **Василий** **Григорий** **Георгий (Егор)** **3 или 4 дочери**

(ум. 1885)
ж. **Дарья Лаврентьевна Голованова**
(1850–1933) см. Табл. 2

Герасим **Иван**

Наталья
(1869–1872)

Сергей Васильевич Дмитриев
(1875–1949)
ж. Анна Николаевна Хопер
(1876–1960) см. Табл. 3

Сергей Сергеевич Дмитриев
(1906–1991)
ж. Ольга Алексеевна Юматова
(1904–1988)

Елена Сергеевна Дмитриева
(1910 — ?)
м. Леонид Алексеевич Баранов
(1901–1970)

Игорь Сергеевич Дмитриев
(р. 1924)
ж. Елена Андреевна Чакалёва* (р. 1926)

Виталий Леонидович Баранов (р. 1932)
ж. Тамара Ивановна Арсентьева (р. 1932)

Сергей Леонидович Баранов
(1938–1991)

Андрей Игоревич Дмитриев (р. 1958)
ж. Лариса Юрьевна Байкова (р. 1958)

Ольга Игоревна Дмитриева (р. 1963)
м. Владимир Викторович Платошин (р. 1962)

Наталья Витальевна Баранова
м. Александр Соколов

Светлана Андреевна Дмитриева (р. 1981)

Елена Андреевна Дмитриева (р. 1986)

Мария Владимировна Платошина (р. 1985)

Наталья Владимировна Платошина (р. 1987)

Илья Александрович Соколов

* Троюродная сестра И.С. Дмитриева.

Харлампий Дмитриев

(род. примерно в к. XVIII) — крепостной крестьянин Нарышкиных; из деревни Хворощино Дмитриевской волости

Тимофей Харлампиевич Дмитриев

(род. примерно в 20-х гг. XIX в.) —крепостной крестьянин Нарышкиных; из деревни Хворощино Дмитриевской волости

Борис Харлампиевич Дмитриев

(ум. 1876) — крепостной крестьянин Нарышкиных; отходник, барышник (скупка и продажа лошадей); жил в Ярославле; был женат, детей не было

Василий Тимофеевич Дмитриев

(ум. 1885) — крестьянин той же деревни; барышник; в 70-х — 80-х гг. XIX в. жил в Ярославле

Сергей Васильевич Дмитриев

(1975–1949) —сначала крестьянин из той же деревни; затем мещанин Ярославля; служащий

ТАБЛИЦА 2.

Головановы Лаврентий Яковлевич и Пелагея Семёновна

Никифор Лаврентьевич Голованов

Дарья Лаврентьевна Голованова(1850–1933) муж: Василий Тимофеевич **Дмитриев** (ум. 1885)

Василий Никифорович Голованов (1895-1964) ж. Зинаида Ивановна ж. Марья Васильевна Щербакова (ок.1906-1958) ж. Полина Ивановна

Авдотья Никифоровна Голованова

Софья Никифоровна Голованова

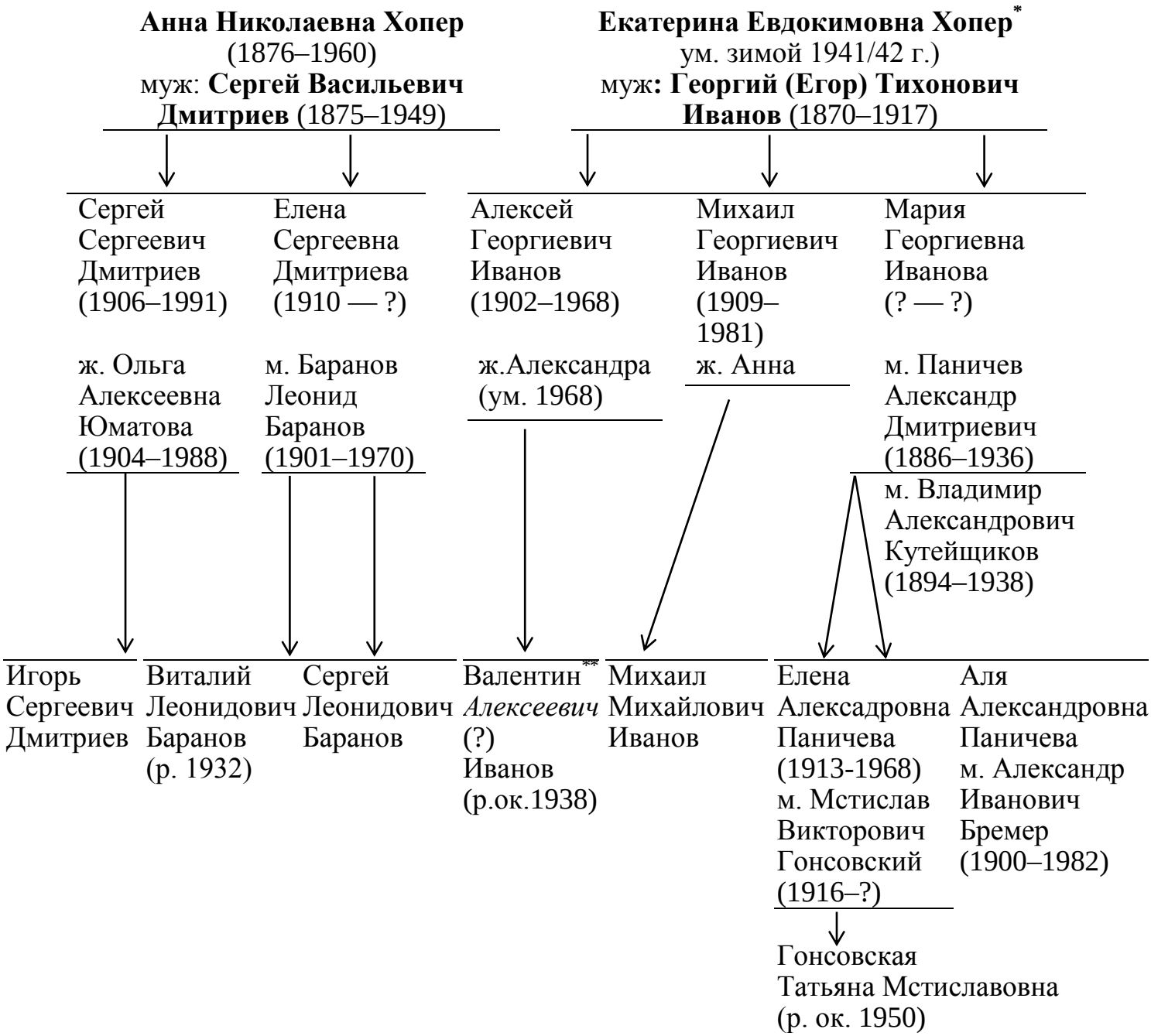
Татьяна Никифоровна Голованова (в замуж. Пронина) (ум. 1959)

Сергей Васильевич Дмитриев (1875–1949) ж. Анна Николаевна Хопер (1876–1960)

Сергей Сергеевич Дмитриев (1906-1991)

Елена Сергеевна Дмитриева (1910 — ?)

ТАБЛИЦА 3.



Родственники С.С. Дмитриева:
- по линии отца: **Голованов**ы
- по линии матери: Гонсовские, Ивановы, Кутейщиковы, Паничевы, Хопер
- по линии жены О.А. Юматовой (Дмитриевой) — см. **«Родословие Юматовых»**
- по линии сестры Е.С. Дмитриевой (Барановой): **Барановы, Соколовы**
- по линии внучки О.И. Дмитриевой (Платошиной): **Платошины**

---

* У родных сестёр Анны Николаевны и Екатерины Евдокимовны Хопер были разные отчества, поскольку они были крещены во взрослом возрасте и приняли отчества от имён своих крестных отцов.

** Приёмный сын А.Г. Иванова.

Родословие Юматовых

ТАБЛИЦА 4.

Павел _____ ЮМАТОВ
ж. Ольга Фёдоровна ЮМАТОВА

↓

Александр Павлович ЮМАТОВ (ум. 1870)
жена: Павла Владимировна ЮМАТОВА (ум. 1869)

Алексей Александрович Юматов (1863–1940) ж. Серафима Галактионовна Кротова (1967–1952) см. Табл. 5

Варвара
Борис
Анастасия
Екатерина
Нина
Александр см. Табл. 6
Ольга
Алфей
Наталья
Всеволод

Екатерина Александровна Юматова (1865–1947) м. Константин Григорьевич Чакалёв (1852–1936)

Андрей Константинович Чакалёв (1888–1949) жена: Наталья Осиповна (1901–1986)

Елена Андреевна Чакалёва (р. 1928) муж: Игорь Сергеевич Дмитриев (р. 1924)

См.: родословие Дмитриевых

Алексей Андреевич Чакалёв (р. 1936)

Дарья Алексеевна Чакалёва

Алексей Алексеевич Чакалёв (р. 1974)

Николай Константинович Чакалёв (1890–1965) жена: Татьяна

Константин Николаевич Чакалёв (р. 1928)

ТАБЛИЦА 5. См. также Таблицу 6.

Кротов Галактион Гордеевич

Кротова Серафима Галактионовна (1867–1952) муж: Юматов Алексей Александрович (1863–1940)

Ольга Алексеевна Юматова (Дмитриева) и др.

Кротова Анастасия Галактионовна (? — ?) муж: Мощанский Александр Алексеевич (ум. 1941)

Мощанский Вадим Александрович (*1898*?–1981)

ТАБЛИЦА 6. Юматовы

Варвара Алексеевна Юматова (1887–1981)

Борис Алексеевич Юматов (1890–1909)

Анастасия Алексеевна Юматова (1893–1979)
муж: А.А. Духовницкий (? — репрессирован в 1937)

Нина Алексеевна Юматова (1896–1977) — муж: Михаил Афанасьевич Журавлёв (1890–1977)

- Михаил Михайлович Журавлёв
- Анатолий Михайлович Журавлёв

Екатерина Алексеевна Юматова (1898–1952)
муж: Николай Фёдорович Четверухин

Александр Алексеевич Юматов (1900–1987) — жена: Надежда

↓

Владимир Александрович Юматов (р. 1924)

Ольга Алексеевна Юматова (1904–1988)
муж: Сергей Сергеевич Дмитриев (1906–1991)

↓

Игорь Сергеевич Дмитриев (р. 1924) жена: Елена Андреевна Чакалёва (р. 1926)

- Андрей Игоревич Дмитриев (р. 1958) ↓ Светлана Андреевна Дмитриева (р. 1981)
- Лариса Юрьевна Байкова (р. 1958) ↓ Елена Андреевна Дмитриева (р. 1986)
- Ольга Игоревна Дмитриева (р. 1963) ↓ Мария Владимировна Платошина (р. 1987)
- Владимир Викторович Платошин (р.1962) ↓ Наталья Владимировна Платошина (р. 1987)

Алфей Алексеевич Юматов (1904–1979) — жена: Зинаида

- Вадим Андреевич (Алфеевич) Юматов (р. 1934) ↓ Валерий Вадимович Юматов (р. 1963)
- Виталий Алфеевич Юматов (р. 1942)

Наталья Алексеевна Юматова (1906–1993)
муж: Александр Александрович Эгерт

↓

Алексей Александрович Эгерт (р. 1941)

Всеволод Алексеевич Юматов (1909–1978)

Родственники С.С. Дмитриева
по линии жены О.А. Юматовой (Дмитриевой):

Духовницкие
Журавлёвы
Кротовы
Мощанские
Чакалёвы
Четверухины
Эгерты
Юматовы

С.С. Дмитриев. Юматовы

Во время одной из поездок на нашу родину в Ярославль в 80-ые годы и, зайдя в краеведческий музей, мы наткнулись в самом конце историко-революционной экспозиции на фотографию молодого человека привлекательной внешности с волевым, решительным взглядом. Так вот он какой, спаситель нашего деда!

Более трёх четвертей века прошло с тех пор. Советской власти не исполнилось и года, но город на Волге успел стать ареной для ожесточённого выяснения классовых отношений с применением артиллерии между противоборствующими силами, практически не имевшими прямого отношения к населению города. Но именно население понесло огромные потери, и не только от артиллерийских снарядов.

Согнанных с округи случайно попавшихся мужчин выстроили в ряд, заставили рассчитаться. Раздалась команда:

«Десятый выходи!» — «Двадцатый выходи!» …

Но руководителю операции не понравилась борода у одиннадцатого (поп) и он приказал: «Ты десятый, встань обратно. А ты одиннадцатый, выходи!» Но тут подошёл самый главный начальник и восстановил справедливость: «Нет, ты, одиннадцатый, встань на место, а ты десятый выходи!»

Этим благородным рыцарем и был изображённый на музейной фотографии и до того времени высокочтимый, как сохранивший неколебимую верность своему революционному учению, комиссар отряда латышских красных стрелков Иван Иванович Шталь, сам ставший впоследствии жертвой кровавых сталинских репрессий[A].

[A] С.С. Дмитриев ошибается: И.И. Шталь был убит летом 1919 г. зелёными в с. Середа Ярославской губернии.

Спасённый же пришёл домой и, потрясённый пережитым, находясь в шоковом состоянии, беспрестанно твердил:

«Я мог сегодня не вернуться…»

Им был настоятель храма Богоявления, наш дед о. Алексей Александрович Юматов.

Он родился в 1863 г. в селе Волково Романов-Борисоглебского уезда Ярославской губернии в семье священника Александра Павловича Юматова. Предки его в незапамятные времена переселились на Ярославскую землю, как можно полагать, из Башкирии, (фамилия Юматов могла произойти от имени языческого бога Юмата), и в течение многих поколений были священнослужителями.

Когда мальчику было 6 лет, от родильной горячки скончалась его мать Павла Владимировна, а годом позже и отец, оставив Алёшу вместе со своей сестрой Катей круглым сиротой на руках бабушки Ольги Фёдоровны. Большую роль в судьбе детей приняла участие его крёстная мать княжна Анна Николаевна Засекина, усадьба которой находилась неподалёку от приходской церкви. Зятем Засекиной был флотский офицер в отставке Александр Петрович Рыкачёв, его дочери Екатерина Александровна и Мария Александровна установили патронаж над сиротами. Их брат Михаил Александрович Рыкачёв (1840–1919) известный русский учёный, академик Петербургской Академии Наук, директор Пулковской обсерватории. В дальнейшем жизни Юматовых и Рыкачёвых постоянно соприкасались, являя пример доброжелательного взаимного соучастия.

В возрасте 9 лет Алёша, который бойко читал не только по-русски, но и по латыни, был принят в бурсу при Ярославском духовном училище, а сестра Катя сначала жила у Рыкачевых, затем поступила в Мариинский институт в Петербурге и далее на Бестужевские женские курсы.

В 1884 году Алексей Юматов окончил полный курс Ярославской Духовной Семинарии, будучи при этом регентом семинарского хора и стал полноправным кандидатом священства. Но чтобы стать священником молодому человеку, которому только исполнился 21 год, нужно было жениться. В это время в селе Ермаково Пошехонского уезда освободилось место учителя, который мог обучать детей грамоте, Закону Божию и пению. При этом требовался окончивший курс семинарии. По рекомендации попечителя учебных заведений А.П. Бормосова[A] это место было предложено молодому семинаристу, который успешно исполнял свои обязанности в течение трёх лет. В первый год, кроме занятий с

[A] Александр Потапович Бормосов был попечителем не учебных заведений Пошехонского уезда, а именно Ермаковского училища, здание которого было построено на его средства.

учениками, иногда по вечерам к нему приходили деревенские парни, и учитель читал им из имевшихся у него книг, например, Гоголя, но скоро такие невинные занятия пришлось прекратить, так как местный становой пристав предупредил, что подобные собрания не легальны.

Позднее Алексей Юматов познакомился в доме писателя Саввы Яковлевича Дерунова с молодой учительницей Серафимой Галактионовной, дочерью местного крестьянина-лесопромышленника Галактиона Гордеевича Кротова. Вскоре, в 1887 г. молодые люди поженились.

Одновременно с женитьбой А. Юматова в том же 1887 году вышла замуж и его сестра Катя. Жених её — Константин Григорьевич Чакалёв — сын причетника Спасонагородской церкви г. Ярославля, только что получивший степень доктора медицины.

В конце 1887 г. А. Юматов был назначен священником в селе Гуменце Ростовского уезда. (В 30-е годы церковь в селе Гуменцы была разрушена, однако в Ростовском музее находятся 11 икон из деисусного чина этой церкви, возможно кисти иконописцев Московской школы). В 1892 г. он был перемещён к Смоленской церкви села Диевых-Городищ Ярославского уезда, а в 1898 г. в Углич — священником Угличского Богоявленского женского монастыря. С 1900 по 1918 гг. о. Алексей — протоиерей — настоятель храма Богоявления в Ярославле. Значительное время он служил под началом Ярославского владыки, будущего патриарха св. Тихона.

Начав послужной список малым певчим Ярославского архиерейского хора, о. Алексей во время работы в сельских приходах Ярославской губернии продолжал совершенствоваться и, занимаясь самообразованием, подготовился и сдал экстерном экзамен в Придворной певческой капелле в Санкт-Петербурге по следующим предметам: элементарной теории музыки, сольфеджио, церковному пению низшего курса, игре на скрипке, с окончательной отметкой по главному предмету: Церковное пение — «достаточно», и получил Свидетельство на звание Регентского помощника за подписью директора Капеллы композитора А. Аренского.

Позже о. Алексей, обладавший небольшим, но красивым баритоном, организовал в Угличе хор любителей пения (до 50 человек) с участием кроме лиц духовного звания, учителей и учительниц городских школ, чиновников, крестьян, ремесленников, торговцев. Затем уже в Ярославле, аналогичный хор под его руководством неоднократно принимал участие в народных чтениях, где исполнялись не только духовные вещи, но и пьесы светского характера, причём иногда собиралось до 500 человек.

В 1903 году о. Юматов купил за 590 рублей в Даниловском уезде на берегу реки Лунки лесистый участок площадью 34 десятины. После раскорчёвки леса и постройки небольшого дома эта дача получила название урочища Корчёвка, где вплоть до 1928 года семья о. Алексея проводила каждое лето. Здесь же в летнее время жили сёстры Рыкачёвы и семья Чакалёвых. В 1928 году с началом коллективизации Корчёвка была уничтожена.

После подавления Ярославского восстания 1918 года, чудом избежав гибели, о. Алексей перебрался в Данилов, и продолжил священническое служение в кафедральном соборе города (впоследствии в 50-х годах помещение собора было приспособлено под клуб).

В 1928 году с началом нового гонения властей на церковь о. Алексей, будучи предупреждён кем-то из любящей его паствы, дважды уходил от ареста, это позволило продлить его жизнь более, чем на 20 лет. Однако он был вынужден покинуть Ярославскую землю, продолжая церковную службу в приходах Подмосковья (сёла Рождества, Лужки, Никольское).

По-видимому, заслуги о. Алексея перед РПЦ были незаурядны, поскольку он в 1934 году был награждён Волоколамским епископом Иоанном митрой (богослужебным головным убором архиереев) и наперсным крестом.

С 1935 года тяжело больной (саркома) о. Алексей жил в селе Ильинское Даниловского района в доме, приобретённом на средства его детей, практически под надзором местных властей. В это время он и написал воспоминания о своём детстве и юношеских годах, о жизни сельского духовенства Ярославской губернии во второй половине 19 века.

Младшая дочь о. Алексея Наталья рассказывала, что председатель сельского совета Кокушкин, который был к ней неравнодушен, неоднократно с подозрением расспрашивал, что же всё время пишет поп, подолгу не гасивший по ночам керосиновой лампы и, что при желании он мог бы в любое время сослать его.

Скончался о. Алексей 12 ноября 1940 года и похоронен на кладбище в селе Мечеходово. За неотступную веру в Иисуса Христа его можно считать исповедником, то есть священнослужителем, перенёсшим жестокие гонения, но скончавшимся мирно. Полагаем, что вправе считать его верным сподвижником великого патриота Русской земли св. Тихона.

Рядом с могилой о. Алексея похоронена и его жена Серафима Галактионовна скончавшаяся в 1952 году. Вместе они прожили более 50 лет, разделив и горести, и радости. Всего у них было 10 детей.

Варвара Юматова (1887–1981) фармацевт.

Борис Юматов (1890–1909), будучи в последнем классе гимназии покончил жизнь самоубийством. Причина его смерти осталась невыясненной.

Анастасия Духовницкая (1893–1979). Биолог-агроном. Её муж биолог А.А. Духовницкий репрессирован в 1937 году.

Екатерина Четверухина (1898–1953[A]) — преподаватель музыки. Её муж — Н.Ф. Четверухин — известный математик.

Нина Журавлёва (1896–1977). Архитектор. Её муж М.А. Журавлёв инженер-строитель.

Александр Юматов (1900–1987[B]). Участник Великой Отечественной войны. Железнодорожник, дежурный по ст. Данилов, затем преподаватель музыки (пение и скрипка) в педтехникуме. Оставил воспоминания о своей жизни.

Ольга Дмитриева (1902–1988). Преподаватель литературы и русского языка в школе. Её муж С.С. Дмитриев — профессор МГУ, историк.

Алфей Юматов (1904–1979). Агроном, за участие в выращивании хлопка награждён орденом Трудового Красного Знамени.

Наталья Эгерт (1906–1993). Тонмейстер (звуко-радио режиссёр).

Провела 22 июня 1941 года выступление Молотова о начале войны с Германией. Её муж А.А. Эгерт — инженер-радиотехник, участник Великой Отечественной войны.

Всеволод Юматов (1909–1978). Слесарь на заводе в г. Владимире. С 1947 по 1953 гг. заключённый ГУЛАГа (за чтение листовки, сброшенной немецким самолётом над г. Владимиром). Умер в г. Джамбуле.

Почти все дети получили высшее образование, у большинства были музыкальные способности. Следует отметить, однако, что никто из сыновей не продолжил священническую деятельность рода Юматовых.

Шурин о. Алексея К.Г. Чакалёв стал военным врачом. Уже в 1878 году во время русско-турецкой войны студент медицинского факультета Московского университета волонтёр К.Г. Чакалёв работал младшим военным врачом в Тифлисском лазарете. К 1917 году он генерал медицинской службы. Впоследствии в Советской России за заслуги в области военной медицины К.Г. Чакалёв был удостоен почётного звания Героя Труда Красной Армии.

У Константина Григорьевича Чакалёва (1852–1936) и его жены Екатерины Александровны (1865–1947) было двое сыновей: Андрей (1888–1949) — инженер мостостроитель и Николай (1890–1965) — военный врач.

К.Г. Чакалёв, его жена и их сыновья похоронены в Москве на Новодевичьем кладбище.

Внуки А.А. Юматова: Игорь Дмитриев, Анатолий и Михаил Журавлёвы.

[A] В Дневнике запись о смерти Е.А. Духовницкой (урожд. Юматовой) датирована 3 июня 1966 г.

[B] В Дневнике запись о смерти Александра Алексеевича Юматова сделана 16 августа 1982 г.

Дмитриев Сергей Сергеевич
ДНЕВНИКИ
В 4 томах
Том 3. Письма

Главный редактор издательства
Игорь Александрович Савкин

Дизайн обложки *И. Н. Граве*

16+

ИД № 04372 от 26.03.2001 г.
Издательство «Алетейя»

Заказ книг: тел. +7 (921) 951-98-99,
e-mail: fempro@yandex.ru, Савкина Татьяна Михайловна
192029, г. Санкт-Петербург, пр. Обуховской Обороны, д. 86 А, оф. 536, 532

Редакция: e-mail: aletheia92@mail.ru

www.aletheia.spb.ru

Книги издательства «Алетейя» можно приобрести
в Москве:
Дом книги «Москва», ул. Тверская, 8. Тел. (495) 629-64-83
«Фаланстер», ул. Тверская, 17. Тел. (495) 749-57-21, 629-88-21
«Циолковский», ул. Б. Молчановка, 18. Тел. (495) 691-51-16
Книжная лавка «У Кентавра». Миусская площадь, д. 6, корп. 6
Тел. (495) 250-65-46, +7-901-729-43-40, kentavr@kpole.ru
«Русское зарубежье», ул. Нижняя Радищевская, 2. Тел. (495) 915-27-97
в Киеве:
«Книжный бум». Тел. +38 067 273-50-10, gron1111@mail.ru
в Минске:
«Трэгросс-Бук», ул. Казинца, д. 123, оф. 4.
Тел. +37 517 338 95 23, www.tregross.com
в Варшаве:
«Centrum Nauczania Języka Rosyjskiego»,
ul. Ptasia 4. Tel. +48 (22) 826-17-36, szkola@jezykrosyjski.com.pl
в Риге:
«Intelektuāla grāmata»
Riga, Kr. Barona iela 45/47. Tel. +371 67315727, info@merion.lv

Интернет-магазин: www.ozon.ru